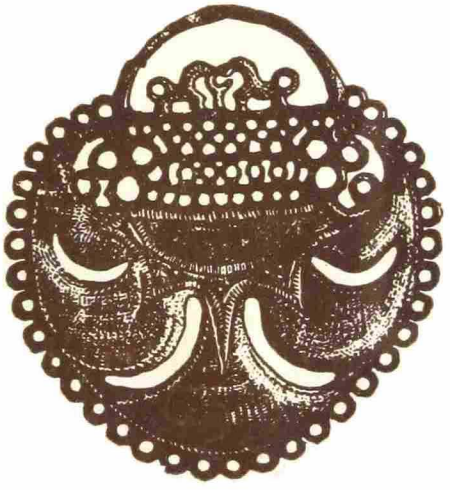
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

# СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



3

1977

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

# СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3
1977

Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*А. В. Арциховский* (главный редактор),
*И. И. Артеменко, О. Н. Бадер, В. Д. Блаватский,*
*Ю. Н. Захарук* (зам. главного редактора), *В. М. Массон,*
*М. Г. Мошкова* (отв. секретарь), *Р. М. Мунчаев, А. П. Окладников,*
*Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков, В. П. Шилов*

## СОДЕРЖАНИЕ

**О. Д. Лордкипанидзе** (Тбилиси). Археология Грузии. Новейшие открытия, проблемы, перспективы . . . . . 5
**А. Д. Столяр** (Ленинград). Опыт анализа композиционных структур петроглифов Беломорья (Карелия) . . . . . 24
**Д. А. Крайнов, Н. А. Хотинский** (Москва). Верхневолжская ранненеолитическая культура . . . . . 42
**В. Г. Котович** (Махачкала). Некоторые вопросы древней металлургии меди в связи с проблемой зарождения железной металлургии на Кавказе . . . 69
**Т. В. Мирошина** (Москва). Об одном типе скифских головных уборов . . . 79
**Ю. Л. Щапова** (Москва). О химическом составе древнего стекла . . . . . 95
**Н. Г. Горбунова** (Ленинград). Поселения Ферганы первых веков нашей эры (некоторые итоги исследования) . . . . . 107
**А. В. Куза** (Москва). Печати Евстафия (о некоторых особенностях русской сфрагистики конца XI в.) . . . . . 121
**М. В. Фехнер** (Москва). Изделия шелкоткацких мастерских Византии в древней Руси . . . . . 130

### Публикации

**Х. А. Амирханов, П. У. Аутлев** (Ленинград, Майкоп). Из исследований верхнепалеолитических индустрий Прикубанья (инвентарь слоя 2 Губского навеса № 1) . . . . . 143
**Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев** (Москва). Древнейшая металлургия Месопотамии . . . . . 154
**В. М. Массон** (Ленинград). Алтын-депе в эпоху энеолита . . . . . 164
**Л. Л. Галкин** (Москва). Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из Саратовского Заволжья . . . . . 189
**Е. П. Казаков** (Казань). Новый ананьинский могильник в низовьях р. Камы 197
**М. К. Кадырбаев** (Алма-Ата). Каменные алтари-жертвенники из Северо-Западного Казахстана . . . . . 204

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1977 г.

**Д. Л. Мусхелишвили** (Тбилиси). К вопросу о распространении красноглиняной керамики на территории Восточной Грузии в раннеантичную эпоху (по материалам раскопок Ховлегора) . . . . . 213
**К. Н. Пицхелаури** (Тбилиси). Памятники второй половины I тысячелетия до н. э. на территории Кахетии . . . . . 221
**В. А. Кореняко, А. В. Найденко** (Москва, Ставрополь). Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузловке (Ставропольский край) 230
**М. М. Крымина** (Москва) Литейные формы из золотоордынских городов Нижнего . . . . . 249

## Заметки

**А. П. Журавлев** (Петрозаводск). К изучению энеолита Карелии . . . . 267
**Г. В. Длужневская** (Ленинград). Некоторые особенности наземных сооружений курганов Саянского каньона р. Енисей (могильник Хадынных II) 275
**М. Мамбетуллаев** (Нукус). Рельефное изображение всадника на керамической фляге из Хумбуз-Тепе . . . . . 278
**С. И. Татаринов** (Артемовск, Донецкой обл.). Новое каменное изваяние из Донецкой области . . . . . 281
**И. П. Савовский** (Запорожская обл.). Раннесарматское погребение в Запорожской области . . . . . 282
**О. Н. Мельниковская** (Москва). Находка греческого веретена в памятниках юхновской культуры . . . . . 283
**М. Ф. Гурин** (Минск). Исследования древних железных изделий на микрозонде . . . . . 287
**К. А. Смирнов** (Москва). Новые данные о почитании топора древними славянами . . . . . 289

## Критика и библиография

**А. М. Лесков** (Ленинград). А. М. Хазанов. Социальная история скифов. М., 1975 . . . . . 291
**И. Б. Брашинский** (Ленинград). A. Wąsowicz Olbia et son territoire, L'aménagement de l'espace (Centre de recherches d'histoire ancienne. Vol. 13. Annales littéraires de l'université de Besançon, 168. Paris, 1975 . . . . . 300
**Л. С. Клейн** (Ленинград). И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак, Я. А. Шер. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М., 1975 . . . . . 309

## Хроника

**В. А. Алёкшин, Н. А. Боковенко** (Ленинград). Всесоюзное совещание «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана» (Ленинград, 1975) . . . . . 318
Международный коллоквиум по проблемам археологии Ирана и Средней Азии 322
**М. Г. Мошкова, И. Р. Пичикян** (Москва). «Эйрене» — 1976. XIV Международная конференция античников социалистических стран . . . . . 325
**Михаил Константинович Каргер** . . . . . 333

ACADEMIE DES SCIENCES DE L'U. R. S. S.
INSTITUT D' ARCHEOLOGIE

*Revue trimestrielle fondée en 1957*

# ARCHEOLOGIE SOVIETIQUE

№ 3
1977

Rédacteur en chef A. V. ARTSIKHOVSKI

## SOMMAIRE

**O. D. Lordkipanidzé** (Tbilissi). L'archéologie en Géorgie. Récentes découvertes, problèmes et perspectives . . . . . 5
**A. D. Stoliar** (Léningrad). Analyse de la composition des pétroglyphes de Bélomorié (Carélie) . . . . . 24
**D. A. Kraïnov, N. A. Khotinski** (Moscou). La culture du début de l'époque néolithique sur la haute Volga . . . . . 42
**V. G. Kotovitch** (Makhatchkala). Quelques questions de l'ancienne métallurgie du cuivre se rapportant au problème de l'apparition de la métallurgie du fer au Caucase . . . . . 69
**T. V. Mirochina** (Moscou). A propos d'un type de coiffure scythe . . . . . 79
**You L. Chtchapova** (Moscou). La composition chimique du verre ancien . . . 95
**N. G. Gorbounova** (Léningrad). Les agglomérations de la Ferghana aux premiers siècles de notre ère. (Quelques résultats de leur étude) . . . . . 105
**A. V. Kouza** (Moscou). Les sceaux d'Eustache. Quelques particularités de la sigillographie russe de la fin du XIe siècle . . . . . 121
**M. V. Fechner** (Moscou). Les soieries des ateliers byzantins importées en Russie ancienne . . . . . 130

### Publications

**Kh. A. Amirkhanov, P. Ou. Aoutlev** (Léningrad, Maikop). Etude des industries du paléolithique supérieur dans la région du Kouban . . . . . 143
**N. Ya. Merpert, R. M. Mountchaiev** (Moscou). La plus ancienne métallurgie de Mésopotamie . . . . . 154
**V. M. Masson** (Léningrad). Altyn-dépé à l'époque énéolithique . . . . . 164
**L. L. Galkine** (Moscou). Un vase de la culture des tombes à charpente orné d'une scène dessinée en creux, trouvé sur la rive gauche de la Volga, près de Saratov . . . . . 189
**E. P. Kazakov** (Kazan). Un nouveau champ funéraire ananien sur le cours inférieur de la Kama . . . . . 197
**M. K. Kadyrbaiev** (Alma-Ata). Autels sacrificatoires de pierre du nord-ouest du Kazakhstan . . . . . 204
**D. L. Mouskhélichvili** (Tbilissi). La question de la diffusion d'une céramique d'argile rouge dans l'Est de la Géorgie au début de l'Antiquité (d'après les pièces découvertes à Khovlégora) . . . . . 213
**K. N. Pitzhélaouri** (Tbilissi). Les monuments de la seconde moitié du Ier millénaire av. n. è. en Kahétie . . . . . 221
**V. A. Koréniako, A. V. Naïdenko** (Moscou, Stavropol). Les inhumations du début de l'Age du Fer des kourganes de la Tomouzlovka (région de Stavropol) . . . . . 230
**M. M. Krymina** (Moscou). Moules de fondeurs provenant des villes de la Horde l'Or situées sur le cours inférier de la Volga . . . . . 249

## Notices

**A. P. Jouravlev** (Pétrozavodsk). Pour contribuer à l'étude de l'époque énéolithique en Carélie . . . . . 267
**G. V. Dloujnevskaïa** (Léningrad). Quelques particularités des constructions en surface des kourganes des gorges du Saïan, sur l'Iénisséï (le champ funéraire de Khadynnykh II) . . . . . 275
**M. Mambétoullaiev** (Noukous). Figure en relief d'un cavalier sur une gourde de céramique de Houmbouz-Tépé . . . . . 278
**S. I. Tatarinov** (Artiomovsk, région de Donetsk). Une nouvelle sculpture de pierre trouvée dans la région de Donetsk . . . . . 281
**I. P. Savovski** (région de Zaporojié). Une sépulture de haute époque sarmate dans la région de Zaporojié . . . . . 282
**O. N. Melnikovskaïa** (Moscou). La découverte d'un fuseau grec parmi des monuments de la culture de Youkhnovo . . . . . 283
**M. F. Gourine** (Minsk). Examen des anciens objets de fer à l'aide d'une microsonde . . . . . 287
**K. A. Smirnov** (Moscou). De nouvelles données sur le culte de la hache chez les anciens Slaves . . . . . 239

## Critique Et Bibliographie

**A. M. Leskov** (Léningrad). A. M. Hazanov. Histoire sociale des Scythes. Moscou, 1975. . . . . 291
**I. B. Brachinski** (Léningrad). A. Wąsowicz. Olbia et son territoire. L'aménagement de l'espace (Centre de recherche d'histoire ancienne. Vol. 13. Annales littéraires de l'Université de Besançon, 168. Paris, 1975 . . . . . 300
**L. S. Klein** (Léningrad). I. S. Kamenetzki, B. I. Marchak, Ya. A. Cher Analyse des sources archéologiques (possibilité d'une approche formalisée). Moscou, 1975 . . . . . 309

## Chronique

**V. A. Alekchine, N. A. Bokovenko** (Léningrad). La Conférence nationale consacrée au thème: «Les premiers nomades d'Asie Centrale et du Kazakhstan.» (Léningrad, 1975) . . . . . 318
Le Colloque international sur l'archéologie de l'Iran et de l'Asie Centrale . . . 322
**M. G. Mochkova, I. R. Pitchikian** (Moscou). «Eirénè» — 1976. XIVème Conférence internationale des spécialistes de l'Antiquité dans les Etats Socialistes 325
**M. K. Kargher** . . . . . 333

О. Д. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

# АРХЕОЛОГИЯ ГРУЗИИ. НОВЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ *

Археологические исследования в Грузии за истекшее пятилетие приняли широкие масштабы [1]. В настоящее время они охватывают почти все области республики и ежегодно приводят к значительным, а порой и выдающимся открытиям [2].

1. Большие успехи достигнуты в исследовании памятников каменного века: к настоящему времени зафиксировано до 400 палеолитических местонахождений.

Одной из основных проблем остается проблема времени и экологических условий первоначального заселения Грузии и Кавказа в целом [3]. В настоящее время ряд исследователей все больше склоняются к выводу, что заселение территории Кавказа следует отнести к ранней и средней стадии ашельской эпохи [4], в последующую же позднешельскую и мустьерскую эпохи констатируется расселение человека почти по всем ландшафтно-климатическим зонам Грузии. Вслед за выдающимися открытиями в 50-х — 60-х годах пещерных стоянок ашельской эпохи (пещеры Кударо I, Кударо III, Цона) [5] и других нижнепалеолитических памятников в различных областях Грузии (Причерноморье [6], Колхидская низ-

---

* Данной статьей наш журнал начинает публикацию юбилейных материалов, посвященных достижениям советской археологической науки за последние десять лет.

[1] Обзор археологических исследований до 70-х годов см.: *А. М. Апакидзе.* Развитие археологической науки в Советской Грузии. СА, 1967, 4; *его же.* Полвека грузинской советской археологии. Тбилиси, 1972 (на груз. яз.).

[2] *О. Д. Лордкипанидзе.* Новейшие археологические открытия в Грузии. Вестн. АН СССР, 1975, 9; Сб. «Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР» (ред. О. Д. Лордкипанидзе, Т. К. Микеладзе). Тбилиси, 1977.

[3] *В. П. Любин.* Изучение нижнего палеолита Кавказа. КСИА АН СССР, 118, 1969, стр. 13 сл.; *А. Н. Каландадзе.* Каменный век в Грузии. ОИГ, I, 1970, стр. 77 (на груз. яз.).

[4] *В. П. Любин.* Ук. соч., стр. 16; *О. М. Джапаридзе.* К этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тбилиси, 1976, стр. 13 (на груз. яз., резюме на русск.).

[5] *В. П. Любин.* Высокогорная пещерная стоянка Кударо I. ИВГО, 91, 1959, стр. 173—183; *его же.* Нижнепалеолитические памятники в Юго-Осетии. МИА, 79, 1960; *А. Н. Каландадзе.* Цонская пещера и ее культура. Сб. «Пещеры Грузии», III. Тбилиси, 1965.

[6] *Н. З. Бердзенишвили.* Новые данные по палеолиту Абхазии. ТАИЯЛИ, XXX, 1959; *И. И. Коробков.* Итоги пятилетних исследований Яштухского палеолитического местонахождения. СА, 1967, 4; *Л. Н. Соловьев.* Первобытное общество на территории Абхазии. Сухуми, 1971; *Т. В. Бугианишвили.* О нижнепалеолитических памятниках в окрестностях Сухуми (гора Бырцх). Исторический сборник, II. Тбилиси, 1971, стр. 238—272 (на груз. яз. резюме на русск).

менность[7], Рионо-Квирильский бассейн[8], Нижняя Картли[9], Джевахетское плато[10] и т. д.) успешно ведутся исследования ряда локальных «очагов» ашельско-мустьерской культуры. За истекшее пятилетие наиболее примечательны результаты исследований следующих нижнепалеолитических памятников.

По ущелью р. Квирила открыто свыше 50 стоянок эпохи ашель — мустье. Особо следует отметить открытие в 1971—1972 гг. в селениях Джокости и Эцера (Чиатурский район) так называемых стоянок-мастерских открытого типа ашельской эпохи. Среди многочисленного кремневого инвентаря выделяются классические образцы ручных рубил с двухсторонней обработкой. Памятники же мустьерской эпохи представлены как стоянками открытого типа, так и пещерными (Ортвала-клде в сел. Диди Рвани, Чиатурский р-н). Наибольший интерес вызывает выявленная в 1974 г. в Ткибульском р-не на территории сел. Цуцхвати «Бронзовая пещера», представляющая собой составную часть многоярусного комплекса карстовых пещер. Толщина культурного слоя превышает 10 м и отражает отдельные этапы жизни человека от мустьерской эпохи до раннебронзового периода. В мустьерских слоях обнаружено огромное количество каменного инвентаря и разнообразного фаунистического материала. Найден также зуб неандертальского человека[11].

Большой интерес представляет открытие в 1973 г. мустьерского слоя в пещере Сакажиа[12], известной до того как классический памятник эпохи верхнего палеолита[13]. При дальнейших раскопках мустьерского слоя обнаружены разнообразные изделия из кремния и других пород камня. Фаунистический материал состоит из костей бизона, оленя, тура, свиньи, пещерного медведя. Обнаружены и фрагменты верхней челюсти ископаемого человека с сохранившимися зубами, определенного неандерталоидом[14].

---

[7] *Г. К. Григолиа и др.* Результаты работ Западногрузинской археологической разведочной экспедиции. МАГК, V, 1973, стр. 17; *его же.* Палеолитические памятники горы Урта. МАГК, V, 1973, стр. 3 (на груз. яз., резюме на русск.).

[8] *Н. З. Бердзенишвили.* Новый памятник каменного века в ущелье р. Цкалцителa. Тбилиси, 1964 (на груз. яз., резюме на русск.); *ее же.* Нижнепалеолитические остатки в окрестностях г. Кутаиси. МАГК, VI, 1975, стр. 3—25 (на груз. яз., резюме на русск.); *Д. М. Тушабрамишвили.* Археологические разведки в ущелии Квирила. ВГМГ, XXIII-В, 1962; *его же.* Пещеры ущелья р. Джручула. Сб. «Пещеры Грузии», т. II и III. Тбилиси, 1963 (на груз. яз., резюме на русск.).

[9] *Г. К. Григолиа.* Палеолит Квемо Картли (погребенная пещера Цони I). Тбилиси. 1963 (на груз. яз., резюме на русск.).

[10] *Г. К. Григолиа.* Нижнепалеолитические памятники Джавахети. МАГК, IV, 1965, стр. 5—14 (на груз. яз.).

[11] *Д. М. Тушабрамишвили.* Результаты работ, проведенных палеолитической экспедицией в Квирильском ущелье в 1966 году. АЭГМГ, I, 1969, стр. 3—19 (на груз. яз.); *его же.* Итоги работ Археологической экспедиции Квирильского ущелья за 1968—1969 гг. АЭГМГ, II, 1971, стр. 3—20 (на груз. яз., резюме на русск.); *Д. М. Тушабрамишвили, Л. Д. Небиеридзе.* Итоги Квирильской и Цуцхватской экспедиций за 1970—1971 гг., АЭГМГ, III, 1974, стр. 5—21 (на груз. яз., резюме на русск.); *Д. М. Тушабрамишвили.* Основные итоги работ проведенных Археологической экспедицией Квирильского ущелья в 1972—1973 гг. АЭГМГ, IV, 1976, стр. 5—21 (на груз. яз.); *А. Векуа, И. Мамацашвили, Д. Тушабрамишвили.* Палеолитическая фауна Цуцхватской пещерной системы. САНГ, 70, № 3, 1973; *М. К. Габуния, Д. М. Тушабрамишвили, А. К. Векуа.* О зубе мустьерского человека из Бронзовой пещеры Цуцхвати (Западная Грузия). Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, № 47, 1976; *Д. Тушабрамишвили, Н. Мамацашвили, А. Векуа.* Бронзовая пещера и ее культура. «Мацне», 4, 1976 (на груз. яз.).

[12] *Г. К. Григолия, М. Г. Ниорадзе.* Итоги работ разведочно-археологической экспедиции по изучению каменного века Мегрелии. ПАИ — 1973 г., 1974, стр. 9, табл. III.

[13] *Г. К. Ниорадзе.* Человек каменного века в пещере Сакажиа. Тбилиси, 1953 (на груз. яз.); *С. Н. Замятнин.* Палеолит Западного Закавказья, 1. Палеолитические пещеры Имерети. СМАЭ, XVII, 1957.

[14] *А. Н. Каландадзе, М. Г. Ниорадзе, Л. Д. Деретели.* К итогам работ по изучению памятников каменного века Кутаисского края. ПАИ — 1974 г., 1976, стр. 4; *М. Г. Ниорадзе.* Работы Цкалцительской экспедиции. АО — 1975, М., 1976, стр. 490—491.

Памятники ашельско-мустьерской эпохи впервые открыты также в Восточной Грузии — Кахети. Среди них интерес представляет Зиарская ашельская стоянка-мастерская открытого типа, устроенная на месте выходов кремня (на левом берегу р. Лакбе — левого притока р. Иори). Установлено, что это была «мастерская» с полным производственным циклом обработки камня [15].

Почти во всех областях Грузии в настоящее время зафиксированы находки памятников всех ступеней развития верхнего палеолита. Особенно яркие памятники эпохи верхнего палеолита открываются на территории Западной Грузии.

Ряд интересных памятников верхнего палеолита исследуется в последние годы в приморской полосе и во внутренних районах Западной Грузии. Значительный интерес представляет раскопанная полностью пещерная стоянка Окуми I (Гальский р-н) [16]. Она привлекает внимание как разнообразным каменным инвентарем, так и богатыми остатками четвертичной фауны.

Для изучения эволюции каменной индустрии верхнепалеолитической эпохи большой интерес представляют вновь предпринятые раскопки пещерной стоянки Хергулисклде (Чиатурский р-н) [17], характерной чертой которой признается сосуществование двух приемов техники каменной индустрии: верхнепалеолитической и леваллуа-мустьерской [18].

Результаты исследований ряда верхнепалеолитических памятников Западной Грузии обобщены в монографии М. Г. Ниорадзе, посвященной исследованию пещеры Самерцхле-клде [19], относимой ко второй группе так называемой имеретинской культуры [20], локализуемой на территории Имерети и Абхазии [21]. Наряду с общими признаками, характерными для имеретинской культуры, в Дзудзуанской пещере и Самерцхле-клде выявляются и некоторые особенности, на основании чего предполагается наличие локальных групп внутри этой культуры [22].

В свете исследований последних лет хронология верхнего палеолита Грузии, впервые разработанная С. Н. Замятниным [23], уточняется

---

[15] *Т. В. Бугианишвили.* Местонахождения древнекаменного века Иоро-Алазанского междуречья. АО — 1970, М., 1971, стр. 365, 366; *его же.* Палеолитические находки в Кахети. АО — 1971, М., 1972, стр. 456, 457; *Т. В. Бугианишвили и др.* Результаты полевых работ 1969 года Кахетской археологической экспедиции. ПАИ — 1969 г. 1971, стр. 159, 160; *Т. В. Бугианишвили и др.* Предварительный отчет работ 1971 года Кахетской археологической экспедиции. ПАИ — 1971 г., 1972, стр. 85, 86; *Т. В. Бугианишвили.* Новые нижнепалеолитические материалы из Кахети. МАГК, VI, 1974, стр. 25 сл. (на груз. яз., резюме на русск.).

[16] *Н. З. Бердзенишвили.* Изучение памятников каменного века в прибрежной полосе Грузии. ПАИ — 1969, стр. 135, 136; *ее же.* Итоги полевых работ Причерноморской экспедиции. ПАИ — 1971, стр. 138, 139; 1972, стр. 4, 5; *Г. П. Хубутиа.* Отчет о раскопках в пещере Окуми I. ПАИ — 1972, стр. 8—11.

[17] Местонахождение этой пещеры, открытой еще в 1918 г. Ст. Круковским и отнесенной С. Н. Замятниным к первой хронологической группе периодизации верхнего палеолита Грузии (*С. Н. Замятнин.* Ук. соч., стр. 448), было неизвестно.

[18] *Н. З. Бердзенишвили.* Итоги полевых работ Причерноморской экспедиции. ПАИ — 1971, стр. 139; 1972 г., стр. 5, 6; *Г. Дочанашвили.* Итоги археологических работ в верхнепалеолитической пещере Хергулисклде. ПАИ — 1972, стр. 11—14; *его же.* Палеолитический материал из Хергулис-клде. МАГК, VI, 1974, стр. 38 (на груз. яз., резюме на русск.).

[19] *М. Г. Ниорадзе.* Пещера Самерцхле-клде и верхний палеолит Западной Грузии. Тбилиси, 1975 (на груз. яз., резюме на русск.).

[20] *С. Н. Замятнин.* Новые данные по палеолиту Закавказья. СЭ, 2, М.— Л., 1935, стр. 116—118.

[21] Основой для такой локализации послужили результаты изучения ряда верхнепалеолитических памятников Северного Кавказа (Чохская стоянка, Губский навес), где не подтверждается распространение имеретинской культуры.

[22] *Д. М. Тушабрамишвили.* Итоги работ в Квирильском ущелье. АО — 1967. М., 1968, стр. 298, 299; *М. Г. Ниорадзе.* Пещера Самерцхле-клде, стр. 97.

[23] *С. Н. Замятнин.* Палеолит Западного Кавказа...

Н. З. Бердзенишвили[24], Д. М. Тушабрамишвили[25], А. Н. Каландадзе[26], М. Г. Ниорадзе[27] и др.

На основе топографии верхнепалеолитических местонахождений констатируется, что стоянки этого периода не встречаются выше 800—1000 м от уровня моря. Это объясняется изменением климатическо-экологических условий, связанных с поздневюрмским оледенением[28]. Вместе с тем подчеркивается своеобразный путь развития верхнепалеолитической культуры на территории Грузии, обнаруживший сходство и определенную близость с синхронными культурами Ближнего Востока (зарзийская культура)[29].

Интересные результаты достигнуты и в изучении мезолита. Наиболее значительные памятники мезолитической эпохи открыты за последние годы на территории Абхазии (Квачара, Яштхва, Джампала и др.). При этом важно отметить, что констатируется преемственное развитие мезолитической культуры и ее генетическая связь с верхним палеолитом Грузии[30]. К аналогичному выводу приходят также исследователи при изучении памятников мезолитической культуры юго-восточных областей Грузии — Триалети (Эдзани, Зуртакерти). Дальнейшее развитие приводило в различных областях, в зависимости от климатическо-экологических условий, к возникновению более или менее обособленных локальных мезолитических культур[31].

Таким образом, к настоящему времени на территории Грузии открыты все стадии развития палеолита (кроме шеля), что дает возможность исследования начального этапа истории первобытного общества на территории Грузии, процессов морфологической перестройки человека в зоне, далекой от его первоначального появления, экономики и социальной организации первых человеческих обществ и т. д.

2. Одной из важнейших проблем, исследуемых за последние годы, является зарождение и развитие производящих форм хозяйства — земледелия и скотоводства.

Памятники неолитической культуры VIII—VII тысячелетий до н. э., которые еще совсем недавно исчислялись единицами[32] (датировка некоторых из них сейчас подвергается сомнению)[33], в настоящее время выявлены почти по всей Западной Грузии[34]. В последние годы исследуются такие важные неолитические памятники, как многослойный на-

---

[24] *Н. З. Бердзенишвили.* Верхний палеолит Грузии. Сб. «Археология Грузии» (под ред. А. М. Апакидзе). Тбилиси, 1959, стр. 41; *ее же.* Новый памятник..., стр. 48—64.

[25] *Д. М. Тушабрамишвили.* Палеолитические остатки в пещере Гварджилас-клде. Тбилиси, 1960 (на груз. яз., резюме на русск.); *его же.* Археологические разведки в ущелии р. Квирила. ВГМГ, XXIII-В, 1962, стр. 34 (на груз. яз.).

[26] *А. Н. Каландадзе.* Каменный век..., стр. 100, 101.

[27] *М. Г. Ниорадзе.* Пещера Самерцхле-клде..., стр. 82.

[28] *А. Н. Каландадзе.* Каменный век..., стр. 98.

[29] *Н. О. Бадер.* Различия между верхнепалеолитическими культурами Закавказья и Ближнего Востока. Сб. «Археология Старого и Нового Света». М., 1966, стр. 142, 143 (см. *М. Г. Ниорадзе.* Пещера Самерцхле-клде..., стр. 97—113 (там же библиография), стр. 131—133).

[30] *Л. Д. Церетели.* Мезолитическая культура Причерноморья Кавказа. Тбилиси, 1973 (на груз. яз., резюме на русск.).

[31] *М. К. Габуния.* Триалетская мезолитическая культура. Тбилиси, 1976 (на груз. яз., резюме на русск.).

[32] *А. Н. Каландадзе.* Остатки мезолитической и неолитической культур в Грузии. ИИЯИМК, IV, 3, 1939, стр. 363—371 (на груз. яз.); *М. З. Киладзе.* Памятники новокаменного периода из Тетрамица. МИГК, 29, 1951, стр. 237—262 (на груз. яз.); *А. Лукин.* Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут. СА, XII, 1950, стр. 247—286; *Н. З. Бердзенишвили.* Новокаменный период в Грузии. АГ, стр. 53—67; *Л. Н. Соловьев.* Ук. соч.

[33] *Д. М. Тушабрамишвили, Л. Д. Небиеридзе.* О датировке некоторых «неолитических» памятников Грузии. «Мацне», 4, 1971 (на груз. яз., резюме на русск.).

[34] *Л. Д. Небиеридзе.* Неолит Западного Закавказья. Тбилиси. 1972 (на груз. яз., резюме на русск.); *А. Н. Каландадзе.* Каменный век..., стр. 118.

вес у сел. Даркветн (Чиатурский р-н) [35], открытые стоянки в сел. Хорша (Цхакаевский р-н) [36], Чхортоли (Гальский р-н) [37], а также ряд стоянок в Батумском и Кобулетском районах [38].

Эти памятники входят в единый ареал неолитической культуры Западного Закавказья, в развитии которой выделяются два этапа: ранненеолитический и поздненеолитический. Наиболее поздней их датой считается VI тысячелетие до н. э. На поселениях этого времени уже имеются разнообразные земледельческие орудия, в том числе вкладыши серпов, зернотерки, ступки, терочники, свидетельствующие о переходе в поздненеолитическую эпоху к производящему хозяйству [39].

Крупным достижением археологической науки Грузии принято считать открытие в 60-х годах неизвестных до того очагов раннеземледельческой культуры V—IV тысячелетий до н. э. [40] Исследование по среднему течению р. Куры жилых холмов (Шулаверис-гора, Имирис-гора, Храмис Диди-гора и др.) выявили жилые комплексы с круглыми купольными домами из сырцового кирпича, множество хозяйственных построек, разнообразную керамику, обсидиановые, каменные, костяные и роговые орудия, в основном предназначенные для обработки земли; глиняные статуэтки, изображающие сидящих обнаженных женщин [41].

Раскопками поселений Арухло I—IV (Болнисский р-н) открыты крупные жилые холмы, укрепленные защитными глубокими рвами. По палеоботаническим данным (исследования Г. Н. Лисициной) установлено наличие двукратных посевов (различные культурные злаки пшеницы, ячменя, проса, чечевицы и посевного гороха) [42].

Исследования жилых холмов V—IV тысячелетий до н. э. дают нам картину древнейшего оседлоземледельческого общества, экономическую основу которого уже составляло мотыжное земледелие (с примитивным орошением), а также и скотоводство. Социальная его структура характеризуется переходом к патриархату, образованием территориально-соседских общин и экономическим обособлением отдельных семей. Археологические исследования выявляют также разносторонние культурные, экономические и этнические взаимосвязи с раннеземледельческими культурами сопредельных областей Закавказья и Передней Азии.

---

[35] *Д. М. Тушабрамишвили, Л. Д. Небиеридзе.* Итоги Квирильской и Цуцхватской экспедиций..., стр. 17, 18; *Л. Д. Небиеридзе.* Основные итоги работ в даркветском многослойном навесе. ПАИ — 1972, стр. 19—21.

[36] *Г. Григолиа, М. Ниорадзе.* Итоги работ..., стр. 9, 10; *М. Григолиа, Г. Мирцхулава.* Итоги работ... ПАИ — 1974, стр. 10, сл. табл. VIII.

[37] *К. Каландадзе.* Неолитическое селище Чхортоли. ПАИ — 1972, 1973, стр. 14—19; *Н. З. Бердзенишвили, К. Каландадзе и др.* Итоги работ Причерноморской экспедиции. ПАИ — 1973, стр. 3, 4.

[38] *С. И. Гогитидзе.* Раннеолитическая стоянка в ущелье Киптриши. ПЮЗГ, III, 1973, стр. 38—56; *его же.* Памятники каменного века Юго-Западной Грузии (неолитическое поселение в Махвилаури). ПЮЗГ, IV, 1974, стр. 4—33; *его же.* Кобулетское ранненеолитическое поселение. ПЮЗГ, V, 1975 (все на груз. яз., резюме на русск.); *его же.* Неолитическая культура Юго-Восточного Причерноморья. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1975.

[39] *Л. Д. Небиеридзе.* Неолит Западного Закавказья. Тбилиси, 1972.

[40] *О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили.* Культура древнейшего земледельческого населения на территории Грузии. Тбилиси, 1971 (на груз. яз., резюме на русск.); *А. И. Джавахишвили.* Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тысячелетий до н. э. Тбилиси, 1973; *Т. В. Кигурадзе.* Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1975.

[41] Отчет Квемо-Картлийской экспедиции. Под ред. Ал. Джавахишвили и О. Джапаридзе. Тбилиси, 1975 (на груз. яз., резюме на русск.); *А. И. Джавахишвили, Л. Глонти, Т. Кигурадзе.* Антропоморфные фигурки из Храмис Диди-гора. ДМ, 33, 1973, стр. 5; *Г. Ф. Коробкова, Т. В. Кигурадзе.* К вопросу о функциональной классификации каменных орудий из Шулаверис гора. КСИА АН СССР, 132, 1972.

[42] *Т. Н. Чубинишвили и др.* Итоги работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции. ПАИ: 1972, стр. 22—27; 1973, стр. 13—15; 1974, стр. 14—19; *Т. Н. Чубинишвили.* Новые данные к истории раннеземледельческой культуры Квемо Картли. ДМ, 33, 1973, стр. 17 сл. (на груз. яз.).

Для изучения энеолитической культуры интерес представляют и результаты исследований в Западной Грузии [43]. В 1974 г. в Цхалтубском районе в сел. Хомули в «Белой пещере» открыты остатки энеолитической эпохи: глинобитные полы, очаги, обломки глиняных сосудов, иногда украшенных процарапанным линейным орнаментом; множество ритуальных предметов (в том числе статуэтки быка, барана, козы, медведя). Этот памятник [44] имеет близкие параллели с такими памятниками Квирильского ущелья, как Самерцхле-клде и Самеле-клде, которым некоторые специалисты придают важное значение в установлении генезиса куро-аракской культуры [45].

Куро-аракская культура датировалась еще недавно энеолитической эпохой [46]. Однако уже с 60-х годов, в свете новейших исследований, она признается раннебронзовой культурой, распространенной на обширной территории Закавказья и Северо-Восточного Кавказа, Северного Ирана и Восточной Анатолии.

Вслед за такими известными памятниками этой культуры, как Сачхерские курганы [47], Квацхелеби [48] и Хизанаант-гора [49], Амиранис-гора [50], Илто [51] и др., в последние годы исследуются новые памятники: в Самшвилде — поселение и могильник [52]; в Дманисском р-не (сел. Грмахевистави) и в окрестностях Тбилиси (Дигомская равнина) — остатки многослойных селищ. Верхние слои этих селищ относятся к эпохе ранней бронзы (III тысячелетие до н. э.), а нижние — к поздней ступени или к переходному периоду от энеолита к ранней бронзе. Исследование этих памятников имеет большое значение для решения такой важной проблемы, как связь между энеолитической и куро-аракской культурой [53]. С другой стороны, для изучения связей куро-аракской культуры с последующей среднебронзовой культурой большой интерес представляют курганы в долине р. Охера (на правом берегу Куры) [54].

---

[43] *Т. Н. Чубинишвили.* Энеолитическая и раннебронзовая культура в Грузии. ОИГ, I, 1970 (там же библиография); *О. М. Джапаридзе.* К этнической истории..., стр. 54 (там же библиография); *В. А. Бжания.* Древнейшая культура Абхазии. Автореф. канд. дис. М., 1966; *М. К. Хотелашвили.* О древнейших земледельческих орудиях Абхазии. Сборник статей преподавателей и аспирантов Сухумского гос. пед. института. Сухуми, 1970, стр. 112—120; *И. Цвинариа.* Новые находки на поселении Гуандра. ПАИ — 1973, стр. 74—76.

[44] *А. Каландадзе, К. Каландадзе и др.* Раскопки в Белой пещере. ПАИ — 1974, стр. 7—10, табл. VI—VII; *там же.* Белая пещера. ДМ, 39, 1975 (на груз. яз.).

[45] *Л. И. Глонти, А. И. Джавахишвили, Г. И. Джавахишвили, Я. А. Киквидзе, Д. М. Тушабрамишвили.* Некоторые итоги полевых работ 1964 года Урбнисской и Квирильской археологических экспедиции. ВГМГ, XXV-В, 1968, стр. 10; *Г. И. Джавахишвили.* К истории раннеземледельческой культуры Западного Закавказья. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1971, стр. 12.

[46] *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куроаракский энеолит. ВГМГ, XIII-В, 1944.

[47] *О. М. Джапаридзе.* К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961 (на груз. яз., резюме на русск.).

[48] *А. И. Джавахишвили.* Урбниси I. Археологические раскопки, произведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби. Тбилиси, 1962 (на груз. яз., резюме на русск.).

[49] *Я. А. Киквидзе.* Раннебронзовое поселение Хизанаат гора. Тбилиси, 1972 (на груз. яз., резюме на русск.).

[50] *Т. Н. Чубинишвили.* Амиранис гора. Тбилиси, 1963 (на груз. яз., резюме на русск.).

[51] *Ш. Ш. Дедабришвили.* Культура эпохи ранней бронзы Иоро-Алазанского бассейна. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1970.

[52] *Г. И. Мирцхулава.* Самшвилде. Тбилиси, 1975 (на груз. яз., резюме на русск.). Могильник этого же периода исследуется (Г. Пхакадзе) также в с. Кода. ПАИ — 1974, стр. 19).

[53] *Р. М. Абрамишвили.* Результаты археологической экспедиции Дигомского ущелья. Сб. «Новые археологические находки на территории Грузинской ССР» (экспресс-информация). Тбилиси, 1972, стр. 18; *Р. Абрамишвили, К. Кахиани, Д. Гоциридзе.* Грмахевские селища и могильники. ПАИ — 1974, стр. 20—22, табл. XIV, XV.

[54] *З. Шатберашвили.* Раскопки курганов Доеси и Охера. ПАИ — 1974, стр. 55, 56.

Опубликованы также монографии и статьи [55], в которых куро-аракская культура рассматривается как развитая земледельческо-скотоводческая культура; констатируется завершение процесса выделения металлургии в самостоятельную отрасль хозяйства уже в первой половине III тысячелетия до н. э., исследуются характер поселений и их архитектура, разрабатываются проблемы генезиса и периодизации, ареала и локальных вариантов, дискутируется чрезвычайно сложная проблема ее этнической атрибуции [56].

3. Крупные результаты достигнуты также в изучении тех памятников среднебронзовой эпохи (конец III — первая половина II тысячелетия до н. э.), которые широко известны под названием «триалетская культура» [57]. В этой связи особо следует отметить осуществленную недавно полную публикацию памятников триалетской культуры из раскопок Б. А. Куфтина в 1936—1940 и 1947—1948 гг. [58] и монографию Э. М. Гогадзе, в которой дается хронология курганов Триалети эпохи ранней и средней бронзы. Автором предложена периодизация памятников триалетской культуры, констатируется генетическая связь основных элементов этой культуры с куро-аракской культурой и т. д. [59]

Открытой в 60-х годах на Гомаретском плато (Дманисский р-н), в бассейне р. Храми, серии курганных погребений посвящена монография О. М. Джапаридзе, в которой наряду с публикацией археологического материала рассматривается вопрос о периодизации триалетской культуры и этнической принадлежности ее носителей [60].

Начало 70-х годов ознаменовалось открытиями новых очагов этой культуры уже за пределами Триалетской области, в первую очередь на территории Месхети. Здесь раскопаны курганы, иногда с внушительными погребальными камерами, содержащими характерный для триалетской культуры инвентарь [61].

---

[55] *К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили.* Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970; *Т. Н. Чубинишвили.* К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1971; *А. И. Джавахишвили.* Строительное дело..., стр. 223; *О. М. Джапаридзе.* К этнической истории..., стр. 62—168; *Т. Н. Чубинишвили.* Некоторые особенности древних культур Южного Кавказа и их взаимоотношения с переднеазиатскими культурами в IV—III тысячелетиях до н. э. «Вопросы древней истории» (Кавказско-ближневосточный сборник, IV). Тбилиси, 1973; *Г. И. Мирцхулава.* Памятники эпохи древнего металла Самшвилде и куро-аракская культура Квемо Картли. Автореф. канд. дис., Тбилиси, 1972; *Р. Ж. Бетрозов.* Культура племени Центрального Предкавказья в эпоху раннего металла. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1972; *Р. М. Мунчаев.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.

[56] *Е. И. Крупнов.* Древняя культура Кавказа и кавказская этническая общность. СА, 1964, 1, стр. 34; *Г. А. Климов.* Кавказские языки. М., 1965; *Г. В. Церетели.* О языковом родстве и языковых союзах. ВЯ, 1968, 3, стр. 17; *Г. А. Климов.* О гипотезе внутреннего родства кавказских языков. ВЯ, 1968, 6, стр. 16; *Т. В. Гамкрелидзе.* Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки. ВЯ, 1971, 1, стр. 26—29; *Г. А. Меликишвили.* Грузины и вопрос их происхождения. ОИГ, I, стр. 343; *Г. Мачавариани.* К типологической характеристике общекартвельского языка — основы. ВЯ, 1966, I, стр. 9; *Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов.* Проблема определения первоначальной территории обитания и путей миграции носителей диалектов общеиндоевропейского языка. Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М., 1972, стр. 19; *О. М. Джапаридзе.* К этнической истории..., стр. 284.

[57] *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.

[58] *Л. Г. Жоржикашвили, Э. М. Гогадзе.* Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы. Тбилиси, 1974.

[59] *Э. М. Гогадзе.* Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. Тбилиси, 1972 (на груз. яз., резюме на русск.).

[60] *О. М. Джапаридзе.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1969 (на груз. яз., резюме на русск. и англ.); *его же.* Эпоха средней бронзы в Грузии. ОИГ, I, стр. 201—242.

[61] *О. М. Джапаридзе и др.* Отчет работы Месхет-Джавахетской археологической экспедиции. АЭМГ, III, 1974, стр. 59; IV, 1975, стр. 41—46.

Еще один новый очаг этой культуры открыт на территории Кахети — в уроч. Садуга (сел. Качрети, Гурджаанский р-он) [62].

Здесь в последние годы открыты курганы еще более раннего периода — конца III тысячелетия до н. э. (синхронные Беденскому кургану) [63], генетически связанные с триалетской культурой первой половины II тысячелетия. Эти новооткрытые курганы Алазанской долины выделяются своими грандиозными размерами, обширными погребальными камерами, сооруженными из деревянных брусьев, с бревенчатым перекрытием, обмазанным сверху клейкой водонепроницаемой глиной и застланной плотной рогожей; пышным обрядом погребения на деревянных повозках, множеством разнообразного инвентаря, среди которого есть и выдающиеся образцы ювелирного ремесла (например, миниатюрная золотая статуэтка льва, отделанная зернью) [64].

Эти монументальные курганные захоронения свидетельствуют о далеко зашедшей имущественной и правовой дифференциации местного общества уже с конца III тысячелетия до н. э., о формировании крупных союзов племен, поддерживающих разнохарактерные контакты с государственными цивилизациями Ближнего Востока и Средиземноморья. Важно также, что в Кахети открываются поселения триалетской культуры с мощными культурными слоями и памятники переходного от среднебронзового к раннему этапу позднебронзовой эпохи [65].

4. Территория Грузии, как и соседних областей Закавказья, богата разнообразными памятниками эпохи поздней бронзы и раннего железа (вторая половина II — начало I тысячелетия до н. э.) [66]. За последние годы они исследованы во всех областях Грузии [67]: в Кахети [68], юго-восточных районах (Квемо Картли) [69], Месхет-Джавахети [70], на правом берегу р. Мткварп (Куры) [71], в Тбилиси и его окрестностях, на Дигом-

---

[62] *К. Пицхелаури, Ш. Дедабришвили.* Курганы Садугской равнины. «Мецниереба да техника», № 6, 1972 (на груз. яз.).

[63] *Г. Ф. Гобеджишвили.* Раскопки на Бедени. АО — 1970, М., 1971, стр. 372—374; *его же.* Беденская гробница. ДМ, 12, 1967, стр. 13—22 (на груз. яз.); *К. М. Мелитаури.* Четырехколесная боевая колесница в древней Грузии. ДМ, 21, 1970, стр. 8—10 (на груз. яз.).

[64] *К. Пицхелаури, Ш. Дедабришвили и др.* О работе Кахетской археологической экспедиции. ПАИ — 1973, стр. 16, табл. IV; 1974, стр. 24, табл. XVIII.

[65] *Г. Миндиашвили.* Разведки Кахетской экспедиции в Сигнахском районе. ПАИ — 1974, стр. 57, 58.

[66] *Г. Ф. Гобеджишвили.* Эпоха поздней бронзы и раннего железа в Грузии. ОИГ, I, стр. 243—311 (там же библиография).

[67] *К. Н. Пицхелаури.* Основные проблемы истории племен Восточной Грузии. Тбилиси, 1973 (на груз. яз., резюме на русск.); *Т. К. Микеладзе.* Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1974, стр. 10 (на груз. яз., резюме на русск. и англ.); *Б. В. Техов.* Тлийский могильник и проблема хронологии культуры поздней бронзы — раннего железа Центрального Кавказа. СА, 1973, 3; *R. Abramichvili,* La necropole de Samthavro et la chronologie des civilisation archeologique du bronze. Actes du VIII congrès international de science préhistoriques et protohistoriques, t. III. Belgrad, 1973.

[68] *К. Н. Пицхелаури.* Основные проблемы..., стр. 18; *К. Пицхелаури, Ш. Дедабришвили и др.* Отчет о работе Кахетской археологической экспедиции. ПАИ: 1971, стр. 88, 89; 1972, стр. 27; 1973, стр. 21; *В. Майсурадзе.* Могильник в с. Кварелцкали. ДМ, 41, 1976, стр. 13—16; *его же.* Археологические раскопки в с. Тетрицклеби. ПАИ — 1973, стр. 58—60.

[69] *Н. Н. Тушишвили.* Мадничальский могильник. Тбилиси, 1972 (на груз. яз., резюме на русск.); *Г. Б. Авалишвили.* Квемо (Нижняя) Картли в первой половине I тысячелетия до н. э. Тбилиси, 1974 (на груз. яз., резюме на русск.); *Н. Н. Тушишвили и др.* Итоги работ Археологической экспедиции Алгетского ущелья. ПАИ — 1974, стр. 48; *М. Менабде.* Новый погребальный комплекс из с. Гантиади. «Мацне», 4, 1971 (на груз. яз., резюме на русск.).

[70] *О. С. Гамбашидзе и др.* О работе Месхет-Джавахетской экспедиции.— ПАИ: 1971, стр. 90—92; 1972, стр. 37—39; 1973, стр. 24, 25; 1974, стр. 51—53; *О. С. Гамбашидзе.* Рвельский могильник. ДМ, 39, 1975, 58—63 (на груз. яз.).

[71] *Г. Г. Цкитишвили, З. Шатберашвили.* Итоги Археологической экспедиции Каспского района. ПАИ — 1972, стр. 53; *А. Иремашвили.* Могильник позднебронзовой эпохи из с. Репе. ПАИ — 1974, стр. 33, 34.

ской равнине [72] по Арагвскому ущелью [73], в Юго-Осетии [74], в ущелии р. Квирила [75], на левобережьи р. Техури [76], по нижнему течению р. Рионн и ее притоков [77], в Причерноморской полосе (от Батуми до Кобулети [78], Сухуми и его окрестностей [79]), в горных областях Колхиды (Рача-Лечхуми [80], Сванети [81]) и др.

Большое значение имеет открытие крупных поселений так называемых протогородского типа [82], среди которых [83] выделяется грандиозное поселение с синхронным могильником на Дигомской равнине (на западной окраине Тбилиси). Раскопки выявили исключительную плотность террасообразно расположенных холмов («Трелигорееби»), растянувшихся на 1,5 *км* вдоль Военно-Грузинской дороги. Жилые комплексы конца II — первой пловины I тысячелетия до н. э. представлены однокомнатными полуземлянками с плоским перекрытием. Внутри них обнаружены печи и жертвенники.

Весьма ценны также результаты раскопок могильника. По многочисленности погребений и их стратиграфическому расположению; разнообразию погребального инвентаря Трельский могильник, несомненно, займет важное место среди эталонных памятников эпохи поздней бронзы — раннего железа. Среди многочисленных погребений этого обширного могильника резко выделяются богатые захоронения в деревянных или каменных склепах. Они отличаются обилием оружия и предметов высокохудожественного достоинства, следами сложного заупокойного ритуала и, таким

---

[72] *Р. М. Абрамишвили и др.* О работе Тбилисской археологической экспедиции. ПАИ: 1971, стр. 82; 1972, стр. 31; 1973, стр. 21; 1974, стр. 27.

[73] *Р. Рамишвили, Б. Джорбенадзе и др.* О работе Жинвальской экспедиции. ПАИ: 1971, стр. 118, 119; 1972, стр. 68—70; *Л. Цитланадзе и др.* Археологические исследования в долине р. Нареквави. ПАИ — 1974, стр. 49, 50.

[74] *Б. В. Техов.* Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси. 1971; *его же.* Раскопки и разведки в Юго-Осетии, ПАИ — 1971, стр. 92; *его же* Стырфазские кромлехи. Цхинвали, 1974; *его же.* Бронзовые топоры со скульптурным оформлением обуха из Тлийского могильника. ДМ, 41, 1976, стр. 21—24, 72.

[75] *Д. Ш. Надирадзе.* Археологические памятники Квирильского ущелья. Тбилиси, 1975, стр. 16, табл. II—IV (на груз. яз., резюме на русск.).

[76] *Д. Л. Коридзе, Э. М. Гогадзе и др.* Результаты Носирской археологической экспедиции. АЭМГ, I, 1969, стр. 35—39; II, 1971, стр. 31—52; III, 1974, стр. 60—78; IV, 1975, стр. 47—55.

[77] *Т. К. Микеладзе, М. Б. Барамидзе.* Об итогах полевых исследований Колхидской экспедиции. ПАИ: 1971, стр. 97; 1972, стр. 40; 1973, стр. 27; в 1974, стр. 34; *Г. К. Григолиа и др.* Результаты..., стр. 26.

[78] *А. Инайшвили и др.* Отчет Батумской экспедиции. ПАИ — 1973, стр. 76; *А. Инайшвили.* Итоги археологических исследований памятников материальной культуры Юго-Западной Грузии (1959—1971 гг.). ПЮЗГ, III, 1973 (на груз. яз., резюме на русск.); *А. Т. Рамишвили.* Из истории материальной культуры Колхиды, Батуми, 1974 (на груз. яз., резюме на русск.); *его же.* Раскопки приморских стоянок в Пичвнари (Кобулети), СА, 1975, 1; *его же.* О назначении стоянок с «текстильной керамикой» Восточного Причерноморья. СА, 1975, 4.

[79] *М. М. Трапш.* Труды, 1. (Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии). Сухуми, 1970.

[80] *Л. С. Сахарова и др.* Итоги работ Лечхумской археологической экспедиции. ПАИ — 1971, стр. 96, 97; *ее же.* Бронзовые клады Лечхуми. Тбилиси, 1976 (на груз. яз., резюме на русск.).

[81] *Ш. Чартолани.* Археологические исследования в Сванети. ПАИ: 1971, стр. 137; 1972, стр. 49, 50; *его же.* Сванети в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1974; *его же.* Материалы по археологии Сванети. Тбилиси, 1976, стр. 14 (на груз. яз., резюме на русск.).

[82] *Д. А. Хахутайшвили.* Вопросы истории городов Иберии. Тбилиси, 1966 (на груз. яз., резюме на русск.), стр. 62; См. также: II научная сессия Отдела источниковедения и исторической географии Института истории АН ГССР, аннотации докладов. Тбилиси, 1964, стр. 5—15 (на груз. яз.).

[83] В настоящее время раскопки поселений этого типа, но сравнительно малых размеров начались в Мцхета (Самтавро) и его окрестностях (Нареквави) Мцхетской археологической экспедицией (А. М. Апакидзе, А. Н. Каландадзе).

образом, отражают далеко зашедший процесс классообразования в обществе, стоящем уже на грани возникновения государства [84].

Целый ряд статей посвящен исследованию керамики [85] и металлических предметов [86], датировке отдельных комплексов [87], взаимоотношениям с другими культурами [88], технологии [89] и художественно-стилистическому анализу [90].

При исследовании проблем истории материальной культуры Грузии эпохи поздней бронзы и раннего железа особо важное значение имеют дальнейшая разработка хронологии и периодизации, системный анализ культур этого периода и их взаимоотношений с другими позднебронзовыми культурами Кавказа; этническая атрибуция [91] этих культур и т. д.

5. В античный период (VI в. до н. э. — III в. н. э.) на территории нынешней Грузии существовали два государства: западногрузинское — Колхида и восточногрузинское — Иберия.

За истекшее пятилетие археологические исследования велись почти во всех наиболее важных центрах и областях древней Колхиды. В приморской полосе наиболее важное значение имеют исследования по нижнему течению р. Риони, где предполагается местонахождение одного из самых прославленных городов Колхиды — Фасиса [92]. Открыта целая система крупных колхских поселений VI—IV вв. до н. э., расположенных на большой территории между реками Пичори и Риони. Раскопки одного из таких поселений в с. Симагрэ выявляют довольно большой и сложный архитектурный комплекс типично колхских деревянных сооружений последней четверти VI в. до н. э. В болотистой почве прекрасно сохранились стены, сложенные срубом, полы из плетеных прутьев и досок, плетеная из прутьев ограда, разнообразные деревянные предметы. В огромном количестве найдена разнообразная колхидская керамика, а также привозная греческая керамика (ионийская и аттическая) [93]. Археологические исследования по нижнему течению Риони дают исключительно

---

[84] Кроме литературы, указанной в примечании 64, см. также: *Р. Абрамишвили, Ал. Рамишвили.* Археологические раскопки в Тбилиси. ДМ, 39, 1975, стр. 16—24 (на груз. яз.).

[85] *Л. С. Сахарова.* Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа из окрестностей Кутаиси. «Мацне», 4, 1970 (на груз. яз.).

[86] *Д. Л. Коридзе.* К вопросу о распространении и генезисе пламевидных копий и дротиков. ВГМГ, XXIX-В, 1972, стр. 34—49 (на груз. яз., резюме на русск.); *Л. С. Сахарова.* К истории древнейшего боевого оружия. «Мацне», 3, 1973, стр. 82—94 (на груз. яз.).

[87] *А. Т. Рамишвили.* К датировке прибрежных стоянок Пичвнари. «Мацне», 2, 1974, стр. 104—111 (на груз. яз.).

[88] *Г. Б. Авалишвили.* О взаимоотношении племен, населявших Юго-Восточное Закавказье в эпоху поздней бронзы. Труды молодых научных работников Тбилисского гос. университета. Тбилиси, 1972 (на груз. яз.); *его же.* Межплеменные связи Южной Грузии с Горным Крымом в первой половине I тысячелетия до н. э. Труды Тбилисского университета. В.4 (143), Тбилиси, 1972 (на груз. яз., резюме на русск.).

[89] *Г. А. Вознесенская, Б. В. Техов.* Технология производства кузнечных изделий из Тли. СА, 1973, 3.

[90] *Л. Н. Панцхава.* Колхидский топор с изображением оленя. ВГМГ, XXIX-В, 1972 (на груз. яз., резюме на русск.); *М. Хидашели.* Скульптурные изображения оленя из Восточной Грузии. «Мацне», 2, 1973 (на груз. яз.); *Н. А. Абрамишвили.* Бронзовый пояс Трельского могильника. ДМ, 39, 1975 (на груз. яз.); *Л. Н. Панцхава.* К истории художественного ремесла колхидской и кобанской культур. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1975.

[91] В настоящее время по вопросу об этнической принадлежности носителей позднебронзовых культур нет единой точки зрения, см. сл. работы: *Г. А. Меликишвили.* К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965, стр. 72, 78 сл. (на груз. яз.); *его же.* Грузины..., стр. 338; *О. М. Джапаридзе.* Археологические раскопки в Триалети, стр. 197—237; *его же.* К этнической истории..., стр. 252; *К. Н. Пицхелаури.* Основные проблемы..., стр. 192; *Т. К. Микеладзе.* Исследования..., стр. 5.

[92] Научная сессия, посвященная проблеме локализации Фасиса (тексты докладов). Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).

[93] *Т. К. Микеладзе и др.* Итоги археологических исследований Колхидской экспедиции. ПАИ: 1972, стр. 40; 1973, стр. 27; 1974, стр. 34.

ценный материал для изучения социально-экономического и культурного развития местного населения в период греческой колонизации в данном регионе [94].

В районе Кобулети-Пичвнари успешно продолжается исследование обширного некрополя V—IV вв. до н. э. Здесь наряду с могильником местного населения открыт также греческий могильник, отражающий историю греческого поселения, по-видимому, времени афинской торговой экспансии в Причерноморье [95].

При раскопках городища Эшери (около Сухуми), известного ранее материалами в основном эллинистической эпохи [96], за последние годы впервые открыты слои VI—V вв. до н. э. с расписной ионийской и аттической керамикой [97], что представляет большой интерес также для изучения вопроса о времени начала греческой колонизации в данном регионе и истории торговых связей северо-западных областей Колхиды с греческим миром [98].

Продолжаются исследования древнего Питиунта, имеющие столь важное значение для истории Причерноморья в римскую и ранневизантийскую эпохи. За последние годы открыты новые комплексы оборонительных, общественных и культовых сооружений [99]. Началась публикация результатов многолетних раскопок [100].

Наряду с поселениями исследуются и могильники. Большой интерес представляют раскопки колхского могильника VII—VI вв. до н. э. в сел. Нигвзиани (Ланчхутский р-н): в коллективных могильных ямах со следами кремации обнаружены разнообразная колхидская керамика, бронзовое и железное оружие, разнообразные украшения и множество железных сельскохозяйственных орудий: мотыги, лемехи или лемехообразные орудия и др. [101]

Особо следует отметить также результаты исследований по изучению колхидской железной металлургии [102].

Во внутренних областях Колхиды продолжались работы по изучению древнего Вани, одного из важнейших центров Колхидского царства VI—IV вв. до н. э., превратившегося в эллинистический период в храмовый город [103]. За истекшее пятилетие в Вани открыты культовые здания V в. до н. э., богатые погребения IV—III вв. до н. э., культовые архитек-

---

[94] *О. Д. Лордкипанидзе.* Античный мир и Восточное Причерноморье. Всесоюзная конференция «Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Причерноморья» (текст доклада). Тбилиси, 1975, стр. 4 (там же библиография).

[95] См. *А. Ю. Кахидзе.* Города Причерноморья Грузии в античную эпоху (Кобулети — Пичвнари). Тбилиси, 1971 (на груз. яз., резюме на русск.); *его же.* Основные результаты археологического исследования Пичвнарского могильника IV в. до н. э. ПЮЗГ, IV, 1974, стр. 49—101 (на груз. яз., резюме на русск.); *его же.* Могильник античной эпохи в Пичвнари. Батуми, 1975 (на груз. яз., резюме на русск.).

[96] *Б. А. Куфтин.* Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949, стр. 5; *Ю. Н. Воронов.* Об Эшерском городище. СА, 1972, 1, стр. 103—121; *Г. К. Шамба.* Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из с. Эшера ИАИЯЛИ, 1, 1972, стр 98—112.

[97] *Г. К. Шамба.* О раскопках на Эшерском городище. ПАИ — 1974, стр. 107—109; АО — 1975, М., 1976, стр. 495, 496.

[98] *М. М. Трапш.* Древний Сухуми. Труды, 2. Сухуми, 1969.

[99] *А. М. Апакидзе и др.* Пицундская археологическая экспедиция. ПАИ: 1971, стр. 134—136; 1972, стр. 63, 64; 1973, стр. 43; *А. М. Апакидзе, Г. А. Лордкипанидзе.* Раскопки Питиунта. АО — 1975, М., 1976, стр. 481.

[100] «Великий Питиунт», 1. (Под ред. А. М. Апакидзе). Тбилиси, 1975.

[101] *Т. К. Микеладзе, М. Б. Барамидзе и др.* Исследования Колхидской археологической экспедиции. ПАИ — 1974, стр. 38—40, табл. XXX.

[102] *Д. А. Хахутайшвили.* К истории древнеколхидской металлургии железа. Вопросы древней истории (Кавказско-ближневосточный сборник), IV. Тбилиси, 1973, стр. 170—179; *его же.* Археологические раскопки древнеколхидского очага в ущелье р. Чолоки и Очхамури в 1971 г. «Мацне», 4, 1974 (на груз. яз.); *D. A. Khakhutaishoili.* A contribution of the Kartvelian Tribes to the Mastery of iron Metallurgy in the Ancient Near East. Acta Antiqua. Budapest, 1974, t. XXII, fasc. 1—4, p. 337—348.

[103] *О. Д. Лордкипанидзе.* К локализации τὸ τῆς λευκοθέας ἱερον. ВДИ, 1972, 2, стр. 106—125.

турные комплексы III—I вв. до н. э. Одновременно ведутся исследования окружающей древний город территории. Особо следует отметить открытие фортификационных сооружений V—IV вв. до н. э. в сел. Мтисдзири, обширного городища эллинистической эпохи у слияния рек Сулори и Риони, а также результаты раскопок кувшинных погребений в Дабла-гоми [104] и т. д.

Интересные памятники, иллюстрирующие историю северо-восточных областей Колхиды раннеантичной и эллинистической эпох, исследованы в ущелье р. Квирила [105].

В свете новейших археологических открытий Колхида в VI—IV вв. до н. э. предстает перед нами как один из высокоразвитых очагов цивилизаций древнего Кавказа. В археологических материалах отражен высокий уровень развития земледелия и ремесленного производства, особенно металлургии железа и металлообработки, керамического производства и ювелирного ремесла.

Немаловажную роль в процессе урбанизации местного общества сыграло включение Колхиды в орбиту греческой торговли, усложнившей и структуру внутриколхидской торговли. Топография находок серебряных монет «колхидок» и других находок делают очевидными тесные экономические связи между отдельными областями Колхиды [106].

С середины IV в. до н. э. в археологических материалах Колхиды отражаются коренные сдвиги в политической и этнокультурной истории. С этого времени восточные области Колхиды все более попадают под влияние восточногрузинского царства Иберии.

Большие успехи достигнуты также в изучении городов и поселений Иберии античной эпохи, в широких масштабах проводимом уже в 50-х и 60-х годах [107].

Наиболее важное значение имеют открытия ряда городских поселений IV—III вв. до н. э., свидетельствующих о настоящем «урбанистическом взрыве», о котором раньше можно было предполагать на основе лишь некоторых данных древнегрузинской исторической традиции [108]. Раскопки городищ Самадло [109], Настакиси [110], Цихиагора [111] выявили мощные оборонительные сооружения; общественные, дворцовые и культовые сооружения с черепичными кровлями, великолепную расписную керамику (лучшие образцы найдены в Самадло и несут следы влияний восточноанатолийского, в частности позднефригийского, стиля) [112], множество архитектурных деталей (среди которых наиболее выдающимся является каменная капитель из Цихиагора, с двух сторон увенчанная скульптур-

---

[104] Сб. «Ванн. Археологические раскопки» (под ред. О. Д. Лордкипанидзе), т. I, 1972, II, 1976, III, 1977 (на груз. яз., резюме на русск. и англ.), см. также ПАИ: 1972, стр. 56; 1973, стр. 35; 1974, стр. 41; АО — 1975, М., 1976, стр. 487, 488, «25 лет Ванской археологической экспедиции» (тезисы докладов и библиография). Тбилиси 1972 (на груз. и русск. яз.).

[105] *Дж. Надирадзе.* Археологические памятники Квирильского ущелья. Тбилиси, 1975 (на груз. яз., резюме на русск.).

[106] *О. Д. Лордкипанидзе.* Археология и некоторые вопросы истории древней Грузии. «Мацне», 2, 1976. стр. 110—128 (на груз. яз., резюме на русск.).

[107] *А. М. Апакидзе.* Города древней Грузии. Тбилиси, 1968 (там же библиография); *Л. А. Чилашвили.* Городище Урбниси. Тбилиси, 1964; *П. П. Закарая.* Зодчество городища Урбниси. Тбилиси, 1965 (на груз. яз., резюме на русск.); *Д. А. Хахутайшвили.* Уплисцихэ, I, 1964; II, 1970. Тбилиси (на груз. яз., резюме на русск.).

[108] *О. Д. Лордкипанидзе.* Античный мир и Иберия. Тбилиси, 1968 (на груз. яз., резюме на русск.), стр. 14.

[109] *Ю. М. Гагошидзе.* Краткий отчет работ Ксанской археологической экспедиции. АЭМГ, I, 1969, стр. 40—44; II, 1971, стр. 53—62; III, 1974, стр. 79—91, IV, 1975, стр. 59—63 (на груз. яз., резюме на русск.).

[110] *А. Бохочадзе.* Итоги работ Настакисской археологической экспедиции. ПАИ — 1973, стр. 45; 1974, стр. 68, 69.

[111] *Г. Г. Цкитишвили и др.* Археологическая экспедиция Каспского района. ПАИ: 1972, стр. 51—56, 1973, стр. 32—35, 1974, стр. 60, 61.

[112] *Ю. М. Гагошидзе.* Расписная керамика Самадло. ДМ, 23, 1970, стр. 41 (на груз. яз.).

ными изображениями протом быков и напоминающая знаменитые ахеменидские капители из Суз) [113] и др.

Следующий этап истории городской жизни в древней Иберии относится к последним векам до нашей эры [114] и первым векам нашего летоисчисления. Новейшие археологические исследования на городище Саркинэ [115] открыли общественные и культовые сооружения II в. до н. э., где обнаружены великолепные терракотовые маски эллинистического стиля с изображениями Диониса, Ариадны и других его спутников, свидетельствующие о тесных культурных, а также экономических связях Иберии с эллинистическим миром.

Для изучения истории городской жизни Иберии античной эпохи важное значение имеют археологические исследования в Мцхета и его окрестностях [116], в широких масштабах возобновившихся с 1975 г. Уже открыты (в районе Карснисхеви) жилые и хозяйственные здания, керамические обжигательные печи и обособленный могильник, а в самом Мцхета — серия богатых погребений первых веков нашей эры и другие памятники [117].

Уникальным для Грузии по своей архитектуре является монументальный храмовый комплекс, открытый в Карельском районе на «Дедоплис миндори» («Поле царицы») и датированный последними веками до нашей эры — первыми веками нашей эры. Раскопаны [118] главный храм, алтарный зал, обширный портал, айван и другие помещения с регулярной планировкой и остатками сложного культового ритуала, подтвердившие сведения письменных источников о наличии в Иберии храмовых общин [119].

Первыми веками нашей эры датируется открытое недавно в сел. Дзалиси (к северу от Мцхета) довольно обширное городище, идентифицированное с городом «Дзалиса» (ζάλισσα), упомянутым Клавдием Птолемеем в своем «Географическом руководстве» (§ 10, 3). Здесь раскопаны дворцовые и общественные сооружения, улицы, мощенные прямоугольными керамическими плитами, канализационный коллектор и водопровод из керамических труб, бани с гипокаустической системой отопления и мозаичными полами, храм с великолепной мозаикой, на которой изображены Дионис и Ариадна с другими мифологическими персонажами и т. д. [120]

Для истории политической организации Иберийского царства большое научное значение имеют результаты исследований в Арагвском ущелье. В селениях Араниси и Арагвиспири впервые открыты остатки дворцовых сооружений и серия богатых погребений с множеством великолепных образцов златокузнечества и торевтики III—IV вв., перекликающихся со знаменитыми аналогичными изделиями из Армазисхеви (Мцхета) [121]. Эти новые находки дают основание предположить наличие здесь круп-

---

[113] *Г. Г. Цкитишвили.* Результаты работ на «Цихна-гора». ПАИ — 1974, стр. 62.

[114] В свете вышеупомянутых открытий хорошо датированных городищ IV—III вв. до н. э., по нашему мнению, окончательно следует отказаться от ранее принятой датировки ряда сооружений Мцхета и его окрестностей (так называемые памятники периода Армазцихэ I) IV—III вв. до н. э. (см. *А. М. Апакидзе.* Города..., стр. 34; *его же.* Культура Грузии античной эпохи. ОИГ, I, стр. 714). Следовательно, их нужно датировать последними веками до нашей эры.

[115] *Ал. Бохочадзе.* Настакиси, Саркинэ, Дзалиси. ДМ, 33, 1973, стр. 36—45.

[116] *А. Бохочадзе.* Материалы для археологической карты Мцхета. ДМ, 39, 1975, стр. 35—41.

[117] *А. М. Апакидзе и др.* Мцхетская экспедиция. АО — 1975, М., 1976, стр. 479—481.

[118] *Ю. М. Гагошидзе.* Отчет о работе Самадлойской археологической экспедиции в 1972 г., АЭМГ, IV, 1975, стр. 68 (на груз. яз.); *его же.* Языческий храм. ДМ, 35, 1974, стр. 70—78.

[119] *Г. А. Меликишвили.* Вопросы социально-экономического и государственного строя Картли в первые века нашей эры. ОИГ, I, стр. 582.

[120] Отчеты руководителя экспедиции Ал. Бохочадзе. См. ПАИ — 1972, стр. 45, 46; 1974, стр. 65.

[121] Сб. «Мцхета I. Итоги археологических исследований». Тбилиси, 1958.

ного административного центра Арагвского ущелья дохристианской эпохи [122]. Тем самым мы получили еще одно подтверждение сведений древнегрузинской исторической традиции об административно — территориальном делении Иберии («Саеристао») и об их политических центрах.

За истекшее пятилетие специальные работы были посвящены также исследованию поселений [123] и могильников [124] античной эпохи, а также отдельным компонентам материальной культуры Колхиды и Иберии: глиптике [125], монетным находкам [126], местной и импортной керамике [127], златокузнечеству и художественной обработке металла [128], стеклянным изделиям [129], архитектуре [130].

Археологические материалы должны стать важным источником для исследования таких проблем истории и истории культуры Колхиды и Иберии, как политическая структура и социальная стратификация общества, ведущие формы экономики, история городов и поселений, характер греческой колонизации Восточного Причерноморья и взаимоотно-

---

[122] *Р. Рамишвили, В. Джорбенадзе и др.* О работе Жинвальской экспедиции. ПАИ — 1971, стр. 117—123; 1972, стр. 70; 1973, стр. 55; 1974, стр. 72; *Р. Рамишвили.* Долина Эрцо в античную эпоху. ДМ, 27—28, 1971, стр. 51.

[123] *Д. Д. Качарава.* Город Гиэнос в античную эпоху. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1972; *ее же.* О хронологии и топографии поселения античного времени у г. Очамчире. САНГ, т. 62, № 3, 1971; *Н. В. Вашакидзе.* Археологические памятники античного времени из с. Гурианта. ПЮЗГ, II, стр. 5—27.

[124] *Н. Ш. Кигурадзе.* К истории населения Центральной Колхиды в античную эпоху. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1972; *ее же.* Даппарский могильник. Тбилиси, 1976; *Ю. Гагошидзе.* К датировке могильника Нерон Дереси. «Мацне», 2, 1975, стр. 90—104; *Н. В. Вашакидзе.* Кувшинные погребения из бассейна р. Супса. ПЮЗГ, III, 1973, стр. 74—87; *ее же.* Археологические памятники античного времени бассейна рек Супса и Натанеби. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1975; *Г. А. Апакидзе.* Багинетский саркофаг. ДМ, 33, 1973, стр. 59—65; *Г. М. Немсадзе.* Погребение с бронзовыми предметами из Дзамского ущелья. ВГМГ, XXIX, 1972 (на груз. яз., резюме на русск.); *К. Д. Квижинадзе.* Памятники античного периода Тетри-цкаро. МАГК, V, 1973, стр. 39—49 (на груз. яз., резюме на русск.); *его же.* Памятники раннеантичного периода Юго-Восточной Грузии. Автореф. канд. дис., Тбилиси, 1975; *Л. Г. Цитланадзе.* Археологические памятники Хеви. Тбилиси, 1976 (на груз. яз., резюме на русск.).

[125] *М. Н. Лордкипанидзе.* Корпус памятников глиптики древней Грузии, I, Тбилиси, 1969 (на груз. яз., резюме на русск.); *ее же.* Колхидские перстни-печати V—III вв. до н. э. Тбилиси, 1975 (на груз. яз., резюме на русск. и франц. яз.); *К. А. Джавахишвили.* Памятники глиптики городища Урбниси. Тбилиси, 1972 (на груз. яз., резюме на русск.).

[126] *Г. Ф. Дундуа.* Синопские монеты на территории Грузии. «Мацне», 1, 1971, стр. 144—148 (на груз. яз.); *его же.* К происхождению колхидок с изображением льва. «Мацне», 1, 1972, стр. 56—71 (на груз. яз.); *его же.* Монеты Александра Македонского и Лизимаха, распространенные в Грузии. «Мацне», 1, 1973, стр. 51—65 (на груз. яз., резюме на русск.); *его же.* Чеканилась ли монета в Вани? «Мацне», 2, 1974, стр. 146—157 (на груз. яз., резюме на русск.).

[127] *Н. Н. Матиашвили.* Местная керамика эллинистической эпохи из Вани. МАГК, V, 1973, стр. 52—65 (на груз. яз., резюме на русск.); *ее же.* Из истории экономики городов Колхиды (по керамическому материалу). Автореф. канд. дис., Тбилиси, 1975; *А. Ю. Кахидзе.* Керамическая тара из Пичвнарского городища. ПЮЗГ, II, стр. 28—66; *его же.* Краснофигурный кратер Пичвнари. САНГ, 69, № 2, 1973; *А. Ю. Кахидзе, З. Г. Шатберашвили.* Из истории торгово-экономических связей между Колхидой и Афинами. ПЮЗГ, II, стр. 67—73 (на груз. яз.).

[128] См. статьи О. Д. Лордкипанидзе, А. М. Чкониа, Н. Н. Матиашвили в сборнике «Вани», I—III; а также *М. Ш. Хидашели.* К истории художественной обработки бронзы в античной Грузии. Тбилиси, 1972 (на груз. яз., резюме на русск.); *К. Мачабели.* Позднеантичная торевтика Грузии. Тбилиси, 1976.

[129] *М. Сагинашвили, Ю. Гагошидзе.* Фиала из Алгети. «Мацне», 4, 1973, стр. 91—98 (на груз. яз.); *М. Сагинашвили.* Стеклянная посуда из Тбилиси. «Мацне», 4, стр. 164—168 (на груз. яз.); *ее же.* Стекло в позднеантичной Иберии. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1972; *Л. Чхаидзе.* Раннеантичные стеклянные импортные сосуды из могильника Пичвнари. ПЮЗГ, IV, стр. 34—48 (на груз. яз., резюме на русск.).

[130] *Г. И. Лежава.* Архитектура пещерного города Уплисцихэ. ДМ, 27—28, 1971, стр. 21—28; *его же.* Древнейшая деревянная архитектура по «Анабасису» Ксенофонта. «Мацне», 3, 1971, стр. 90—103; *Ю. Гагошидзе.* Конструкция древнейшего типа колхидского жилого дома по Витрувию. «Мацне», 4, 1974, стр. 158—163.

шений с античным миром, распространение эллинистической культуры и т. д.[131]

6. За истекшее пятилетие в широких масштабах продолжались также исследования памятников всех этапов средневековья. На территории Западной Грузии, в сел. Гудава, завершены раскопки позднеантичной и раннесредневековой крепости, отождествленной с Зиганисом византийских источников[132]. В Абхазии продолжались исследования могильников позднеантичного и раннесредневекового времени так называемой цебельдинской культуры[133].

Большой интерес представляют начавшиеся в 1973 г. раскопки в сел. Нокалакеви города-крепости, известной в византийских источниках под названием «Археополис» (отождествляемой с резиденцией правителей Эгриси, которую древнегрузинские источники называют Цихэ-Годжи). Уже открыт ряд оборонительных, а также дворцовых сооружений, баня, монументальная базилика и другие памятники[134]. Крепостные сооружения этого периода открыты также в сел. Вардцихэ («Родополис» византийских источников)[135]. Для истории планировки и градостроительных принципов раннесредневековой Грузии большое значение имеют раскопки жилых кварталов в Настакиси (на берегу р. Ксани) IV—VI вв.[136]

В Юго-Восточной Грузии в сел. Казрети изучены раннехристианские культовые сооружения и найден ряд каменных стел с рельефными изображениями[137]. Особенно примечательна серия орнаментированных стел V—VI вв. с раннехристианскими сюжетами, изображениями должностных лиц, зверей и птиц, виноградной лозы, «древа жизни» и др., открытые в окрестностях г. Дманиси и представляющих собой выдающиеся памятники рельефной пластики[138]. В том же районе в сел. Балича найден интересный каменный саркофаг с двускатной крышей с рельефным изображением креста и древнегрузинской надписью VI—VII вв.[139]

---

[131] Эти проблемы частично освещены в следующих работах: *Г. А. Меликишвили.* Колхида в VI–IV вв. до н. э. ОИГ, I, стр. 400; *М. П. Инадзе.* Афины и Восточное Причерноморье: «Мацне», 1, 1975, стр. 27–42 (на груз. яз.); *Т. К. Микеладзе.* Исследования по истории древнейшего поселения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1974 (на груз. яз., резюме на русск. и англ.); *И. Б. Брашинский.* Синопа и Колхида ( к проблеме греческой колонизации Юго-Восточного Причерноморья. Вопросы древней истории (Кавказско-ближневосточный сборник, IV). Тбилиси, 1973, стр. 180–190; *Г. А. Лордкипанидзе.* Древняя Колхида в VI–II вв. до н. э. Автореф. докт. дис.; *М. С. Пирцхалава.* Памятники скифской архаики (в VII–VI вв. до н. э.) на территории древней Грузии. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1975; *О. Д. Лордкипанидзе.* Культура древней Колхиды, Тбилиси, 1972 (на груз. яз., резюме на русск. и англ.); *idem.* La civilisation de L'ancienne Colchide aux V$^{e}$—VI$^{e}$ siecles R. A., 1971, № 2, p. 259–288: *idem.* La Géorgie et le monde Grece, BCH, XCVIII, 1974, II, p. 897–948.

[132] *П. П. Закарая, В. Л. Леквинадзе.* Археологические раскопки в Гудава. АЭМГ, II, стр. 96–106; III, стр. 148–153.

[133] *М. М. Трапш.* Культура цебельдинских некрополей. Труды, 3. Сухуми, 1971; *Г. К. Шамба.* Ахаччарху — древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1971; *Ю. Н. Воронов.* Тайна Цебельдинской долины. М., 1975 (там же библиография).

[134] *П. Закарая, Н. Ломоури, В. Леквинадзе.* Краткий отчет Нокалакевской археологической экспедиции. АЭМГ, IV, стр. 97–110.

[135] *В. М. Джапаридзе.* Археологическое изучение городища Вардцихэ. АПФГ, II, 1974, стр. 84–105 (на груз. яз., резюме на русск.); *К. Мелитаури, В. Джапаридзе и др.* Отчет о работе Вардцихской экспедиции. ПАИ – 1972, стр. 77–81; 1972, стр. 67–69; 1973, стр. 79–82.

[136] *Ал. Бохочадзе.* Результаты работ Настакисской археологической экспедиции. ПАИ – 1972, стр. 64–66; 1973, стр. 44, 45; 1974, стр. 68–70; *его же.* Результаты работ Настакисской археологической экспедиции в 1974 г. «Мацне», 3, 1975 (на груз. яз.).

[137] *М. Синауридзе.* Итоги работ Казретской археологической экспедиции. АЭМГ, III, стр. 92–108, IV, стр. 75–88.

[138] *В. В. Джапаридзе.* Древнейшие памятники грузинского искусства и эпиграфики из Квемо Картли. ДМ, 20, 1971, стр. 52–63.

[139] *В. Джапаридзе.* Саркофаг с древнегрузинской надписью «асомтаврули» из с. Баличи. «Мацне», 2, 1972, стр. 124–136 (на груз. яз.); *А. Шанидзе.* Надпись Баличского саркофага. «Мацне», 2, 1972, стр. 137–143 (на груз. яз.); *Т. Барнавели.* К чтению надписи Баличского саркофага, «Мацне», 2, 1972, стр. 144–147 (на груз. яз.).

История и культура эпохи зрелого феодализма иллюстрируются раскопками средневековых городищ Рустави [140] и Дманиси [141]. За последние годы открыты новые комплексы фортификационных сооружений, хозяйственные и жилые постройки. Добыт весьма разнообразный археологический материал, очень ценный для изучения средневекового ремесла и торговли.

На территории Южной Грузии, в Боржомском ущелье (историческая Тори), изучен ряд средневековых селищ с «циклопическими» строениями [142].

Разнообразные памятники средневекового периода (городища и селища, сторожевые башни и другие фортификационные сооружения, могильники и крупные каменные склепы, церкви и святилища, мосты, дороги и т. д.) исследованы в Арагвском ущелье — в зоне строительства Жинвальской энергетической системы. Особо следует отметить результаты исследования в пос. Жинвали, где открыты остатки средневекового города (известного по письменным источникам под названием «Жинвани»), расположенного в предгорье Кавказского хребта, на трассе древнего торгового пути. Раскопки на большой территории вскрыли жилые и хозяйственные комплексы, террасообразно расположенные на склоне крутого хребта. В помещениях выявлены зерновые ямы, сосуды для хранения вина («квеври»), хлебопекарные печи («тоне»), а также большое количество поливной и простой керамики, металлических, стеклянных, каменных и костяных изделий, монет и других предметов XI—XIV вв. Раскопана также хорошо сохранившаяся керамическая обжигательная печь, выявлена южная оборонительная стена и крепостные сооружения. Одновременно исследованы и сельскохозяйственные поселения, расположенные в окрестностях города и представляющие собой его округу. Типичный комплекс состоит из жилого помещения (дарбазного типа), винохранилища (с винодельней и пифосами) и хлева. В целом получен весьма важный материал о структуре средневекового «горного города» [143].

Важные для изучения истории городской жизни памятники открыты при исследовании городища Ахалкалаки в Джавахети (Южная Грузия): цитадель и ее восточная калитка, здание типа казармы, караван-сарай, жилищно-хозяйственные комплексы с разнообразными материалами XI—XIII вв., а также позднесредневековой эпохи [144].

В Алазанской долине (в сел. Ахалсопели) раскопаны остатки городища Гавази, одного из важнейших религиозных и политических центров древней Грузии, возникшего и процветавшего на большом торговом пути, связывающем горные районы Кавказа с Алазанской долиной [145]. Здесь исследованы остатки оборонительных сооружений, рыночная площадь, жилые и хозяйственные постройки, керамические обжигательные печи,

[140] *М. Мицишвили и др.* Итоги раскопок Руставской крепости. ПАИ – 1972, стр. 82–84; *Н. Угрелидзе и др.* Итоги работ Руставской археологической экспедиции. ПАИ: 1973, стр. 62–67; 1974, стр. 95–98.

[141] *В. Джапаридзе и др.* Отчет Дманисской археологической экспедиции. ПАИ: 1972, стр. 84–88; 1973, стр. 67–70; 1974, стр. 89–95; *его же.* Средневековый историко-археологический памятник из окрестностей городища Дманиси. АПФГ, II, стр. 152–173 (на груз. яз., резюме на русск.).

[142] *Г. Насидзе.* Отчет Тори-Ликанской археологической экспедиции. ПАИ: 1972, стр. 88—91; 1974, стр. 106; *его же.* Средневековые селища Восточной Грузии. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1975.

[143] Сб. «Археология на новостройках Грузинской ССР», 1, 1977; *Р. М. Рамишвили.* Жинвальская археологическая экспедиция в 1971 г. «Мацне», 4, 1971 (на груз. яз.); *его же.* Жинвальская археологическая экспедиция в 1972 г. «Мацне», 1, 1973 (на груз. яз.). Сб. «Жинвальская экспедиция» (краткие отчеты I научной сессии), под ред. Р. Рамишвили. Тбилиси, 1975 (на груз. и русск. яз.): *Р. Рамишвили, В. Джорбенадзе и др.* О работе Жинвальской экспедиции. ПАИ: 1971–1974 гг.

[144] *Е. Г. Джандиери.* Ахалкалаки в позднефеодальную эпоху. АПФГ, II, стр. 49—67 (на груз. яз., резюме на русск.); *Е. Джандиери, К. Мелитаури.* Археологические разыскания в Джавахетском Ахалкалаки. ПАИ – 1975 г., стр. 82–88, табл. LVI–LX.

[145] *Д. Л. Мусхелишвили.* Вопросы политической географии Кахети – Эрети. Сборник исторической географии Грузии, III. Тбилиси, 1967, стр. 84—86 (на груз. яз.).

могильник, а также окружающие Гавази аграрные поселения, остатки ирригационной системы и другие памятники X—XIV вв. [146]

За последние годы исследовались также города и поселения позднесредневековой эпохи. В этом отношении наибольший интерес представляют исследования акрополя Тбилиси (Нарикала) [147] и раскопки в одном из самых значительных политико-экономических центров Восточной Грузии XVI—XVII вв.— Греми. Здесь открыты дворцовый комплекс, торговые ряды и караван-сарай и др. [148]

Грузия издревле поддерживала самые тесные связи с населением Северного Кавказа, особенно усилившиеся в эпоху средневековья. На территории Северного Кавказа сохранился ряд памятников грузинской культуры, исследование которых началось совместными экспедициями Института истории, археологии и этнографии АН Грузии и Северо-Осетинского научно-исследовательского института, а также грузино-дагестанской экспедицией институтов истории, археологии и этнографии АН ГрузССР и истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Уже выявлены ряд памятников грузинской христианской архитектуры, древнегрузинские надписи, представляющие ценный источник для истории политических, экономических и культурных связей [149].

Результаты археологических исследований средневековых памятников Грузии обобщены в работах Г. А. Ломтатидзе [150]. Специальные исследования посвящены ряду городищ и селищ средневековой Грузии: пещерный город Вардзия [151], г. Телави [152], раннесредневековая приморская крепость Петра [153], поселение Ностэ [154], позднесредневековое селище с остатками железоплавильной мастерской [155], селища горных районов [156], монументальные сооружения Лазики [157], крепостная [158] и культовая архитектура [159], дворцовые и хозяйственные сооружения [160], система во-

[146] *Л. Чилашвили.* Дзвели Гавази. Тбилиси, 1975 (на груз. яз., резюме на русск. и англ. яз.).

[147] *Г. Ломтатидзе и др.* Археология Тбилисской крепости. ДМ, 25, 1971, стр. 27.

[148] Работы экспедиции Гос. музея Грузии.

[149] *Г. Г. Гамбашидзе.* Из раскопок Тхоба-Ерды. «Декоративное искусство СССР», № 7, 1970; *его же.* К объяснению названия храма Ткоба-Ердa. «Мацне», 2, 1974, стр. 120—129; *его же.* Памятники грузинской культуры в Двалети. «Сабчота хеловнеба», 3, 1976, стр. 72—78 (на груз. яз.); см. также ПАИ — 1972, стр. 74—76; 1973, стр. 71—74; 1974, стр. 98—100; «Крупновские чтения» (тезисы докладов), IV, 1974, стр. 65—69; V, 1975, стр. 115, 116; VI, 1976, стр. 15, 16.

[150] *Г. А. Ломтатидзе.* Быт и культура Грузии в VI—X вв. ОИГ, II, 1973, стр. 531.

[151] *К. Мелитаури.* Строительство и архитектура Вардзии. Тбилиси, 1975.

[152] *Ц. Н. Чикоидзе.* Город Телави в позднефеодальную эпоху. АПФГ, II, стр. 68—83 (на груз. яз.); *ее же.* К истории города Телави. Автореф. канд. дис., Тбилиси, 1975.

[153] *А. К. Инайшвили.* Результаты археологических раскопок Петра – Цихисдзири. ПЮЗГ, II, стр. 74—90; IV, стр. 102—153 (на груз. яз., резюме на русск.).

[154] *М. Замтарадзе.* Поселение Ностe. Резиденция Георгия Саакадзе. «Мацне», № 1, 1973, стр. 98—107 (на груз. яз.).

[155] *А. Г. Бохочадзе.* Селища ущелья Локи. МАГК, V, 1973, стр. 71—101 (на груз. яз., резюме на русск.).

[156] *Р. М. Долаберидзе.* Археологический материал из с. Шенако (Тушети). Тбилиси, 1973 (на груз. яз., резюме на русск.).

[157] *В. А. Леквинадзе.* Раннесредневековые памятники в Вашнари. СА, 1972, 3; *его же.* О постройках Юстиниана в Западной Грузии, ВВ, XXXIV, 1973; *его же.* Базилика Археополиса. ВГМГ, XXX-В, 1974; *его же.* Монументальные памятники Западной Грузии I—VII вв. Автореф. докт. дис. М., 1973; ср. *Л. Рчеулишвили.* По поводу интерпретации архитектурных памятников как исторических документов. «Мацне», 4, 1975.

[158] *К. Мелитаури.* Крепости дофеодальной и раннефеодальной Грузии, т. I, 1969; т. II, 1971, Тбилиси.

[159] *Д. Ш. Амиранашвили.* Памятники грузинской архитектуры и рельефной скульптуры раннефеодальной эпохи. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1971; *З. В. Агрба.* Раскопки раннесредневековой базилики в с. Алахадзи Гагрского района. «Мацне», 3, 1972, стр. 149—160.

[160] *Г. А. Ломтатидзе.* Раскопки дворца и рядовых жилищ среднефеодальной эпохи в окрестностях древнего города Самшвилде. АПФГ, II, стр. 120—138; *Р. М. Рамишвили.* Марани на горе Млашеби и Яларское поселение. АПФГ, II, стр. 139—151 (на груз. яз., резюме на русск.).

доснабжения [161]. Изучались специально и отдельные компоненты культуры: керамика [162] и фаянс [163], металлические [164] и стеклянные изделия [165], украшения [166], художественная обработка костяных изделий [167], нумизматические находки [168].

7. Таким образом, в настоящее время на территории Грузии открыты археологические памятники всех периодов истории, начиная от ашельской эпохи до позднего средневековья. Археологические материалы служат важнейшим источником для исследования столь важных проблем истории и археологии Грузии и Кавказа, как время и условия появления здесь человека, зарождения и развития производящей экономики, бронзовой и железной металлургии, возникновения классового общества, вопросы этногенеза, цивилизации античной и средневековой эпох и т. д.

Крупномасштабные исследования на новостройках и разработка фундаментальных проблем археологии и истории Грузии (и в целом Кавказа и Ближнего Востока) с широким применением достижений естественных наук [169] — таковы перспективы археологической науки в Грузии. Еще

[161] *Ш. Чартолани.* Древнейшие памятники по водоснабжению Сванети. «Мацне», 1, 1972, стр. 74–94 (на груз. яз.).

[162] Ангобированная посуда из Тбилисской цитадели. АПФГ, II, стр. 174–188; *М. Н. Мицишвили.* Поливная керамика из раскопок Тбилисской крепости. АПФГ, II, стр. 189–200; *ее же.* Поливная керамика Западной Грузии. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.); *ее же.* Основные этапы развития поливной керамики в средневековой Грузии. «Мацне», 1, 1975 (на груз. яз.); *Д. К. Джагамая.* Эпиграфика строительной керамики средневековой Грузии. АПФГ, II, стр. 238–243 (все на груз. яз., резюме на русск.); *его же.* Строительная керамика феодальной Грузии. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1975.

[163] *Н. Ф. Мамаиашвили.* Фаянс Тбилисской цитадели. АПФГ, II, стр. 201–220 (на груз. яз., резюме на русск.); *М. Микадзе.* Импортный фаянс из городища Дманиси. XII–XIII вв. «Сабчота хеловнеба», 3, 1973, стр. 56–62 (на груз. яз.).

[164] *Г. А. Кикнадзе.* Клад серебряных предметов из с. Мшвидобани. ВГМГ, XXX-В, 1974, стр. 78–93 (на груз. яз., резюме на русск.); *ее же.* Грузинская средневековая металлическая посуда. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1972; *ее же.* Каталог металлической посуды (по фондам отдела средневековой археологии Гос. музея Грузии). Тбилиси, 1974 (на груз. яз., резюме на русск.).

[165] *Н. Н. Угрелидзе.* К уточнению стратиграфии Самтаврского могильника. АПФГ, II, стр. 244–249; *М. Н. Чхатарашвили.* Стеклянная посуда позднефеодального периода. АПФГ, II, стр. 221–237 (на груз. яз., резюме на русск.).

[166] *Р. М. Долаберидзе.* Грузинские украшения XI–XIII вв. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1972.

[167] *Т. П. Кереселидзе.* К изучению художественной обработки костяных и роговых изделий в Грузии. САНГ, 1972, 66, № 2; *ее же.* К истории ремесленного производства в Грузии (костяные и роговые изделия по данным археологии). Тбилиси, 1972.

[168] *Д. Г. Капанадзе.* Нумизматические фонды Музея Грузии и их значение для грузинской историографии. ВГМГ, XXX-В, 1974, стр. 185–189; *И. Л. Джалагания.* Топография куфических монет на территории Грузии. Тбилиси, 1972; *ее же.* Обращение куфических монет в Грузии в VIII–X вв. «Мацне», 4, 1973 (на груз. яз., резюме на русск.); *ее же.* Монетные клады Грузии, I. Тбилиси, 1975; *Т. Кутелиа.* Монеты, чеканенные в Загемп. «Мацне», 4, 1972, стр. 133–142 (на груз. яз.); *Р. В. Кебуладзе, В. М. Потин.* Монеты Давида Куропалата в кладах западноевропейских денариев. «Мацне», 2, 1972, стр. 215–220.

[169] *Ф. Н. Тавадзе и др.* Исследование археологического железа на микрозонде. САНГ, 74, № 2, 1974; *они же.* К вопросу распределения кислорода в археологических железных изделиях. САНГ, 78, № 2, 1975; *они же.* Изучение механических свойств и характера разрушения археологического железа. САНГ, 80, № 2, 1975; *Г. В. Инайшвили.* Исследование процесса получения структуры и некоторых свойств железа древней Грузии. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1976; *Г. Морчадзе.* Петрографическое изучение керамического материала античного периода Самтавро. «Мацне», 1, 1974 (на груз. яз.). Сб. «Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов». (Под ред. Р. Бахтадзе). Тбилиси, 1974; *М. З. Нодиа и др.* К вопросу о датировании археологических объектов с помощью археомагнитного метода. САНГ, 65, № 1, 1972; *они же.* О применении археомагнитного датирования в археологии. САНГ, 67. № 3, 1972; *З. А. Челидзе.* Результаты археомагнитного исследования. ПАИ: 1972, стр. 96; 1973, стр. 70–72; 1974, стр. 103, 104; *А. А. Бурчуладзе и др.* Радиоуглеродное датирование образцов органического происхождения. САНГ, 80, № 1, 1975 (там же библиография); *М. Г. Абдушелишвили.* Антропологический генезис аборигенного населения Кавказа. ТМОИП, XVIII, 1972; *его же.* О палеоантропологических материалах Дигомского могильника. «Мацне», 3, 1974, (на груз. яз.); *М. Абдушелишвили, Д. Джавахишвили.* Антропологические особенности населения Восточной Грузии в раннефеодальном пе-

большие возможности для дальнейшего ее развития открываются в текущей пятилетке в свете принятого Верховным Советом СССР 29 октября 1976 г. закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры».

*O. D. Lordkipanidzé*

## L'ARCHEOLOGIE GEORGIENNE. RECENTES DECOUVERTES, PROBLEMES ET PERSPECTIVES

Résumé

Les recherches faites ces dernières années sur le territoire de la Géorgie ont amené à la découverte de monuments archéologiques de toutes les périodes de l'histoire de l'humanité, depuis l'étape initiale de l'Age de Pierre (époque acheuléenne) jusqu'à la fin du Moyen Age. Ces documents archéologiques sont une source précieuse pour l'étude des problèmes très importants coucernant l'histoire et l'archéologi de la Géorgie, tels que l'époque et les conditions de l'apparition de l'homme dans cette région, la naissance d'une économie productive, de la métallurgie du bronze et du fer, l'origine d'une société de classes, l'histoire ethnogénétique, les civilisations urbaines de l'époque Antique et du Moyen Age.

---

риоде. ПАИ – 1974, стр. 109–112; *М. З. Инашвили.* Кариес зубов у человека каменного века. «Стоматология» 5, 1973, М.; *его же.* Эпохальная динамика кариесного заболевания на палеоантропологических и краниологических материалах. САНГ, 70, № 3, 1973; сб. «Материалы по антропологии Кавказа». (Под ред. М. Г. Абдушелишвили), вып. I—IV. Тбилиси, 1971—1975; *Н. И. Бурчак-Абрамович, А. Л. Цициишвили.* Домашний верблюд в древней Грузии и Закавказье. «Мацне», 2, 1974, стр. 130–137.

А. Д. СТОЛЯР

# ОПЫТ АНАЛИЗА КОМПОЗИЦИОННЫХ СТРУКТУР ПЕТРОГЛИФОВ БЕЛОМОРЬЯ

## (Карелия)

Существенную черту советской археологии наших дней составляет выделение темы древнейшего творчества как одной из ведущих в изучении первобытной истории СССР. Особенно интенсивно такой процесс проявляется в области исследования монументального искусства, начиная с первых, лишь теперь открываемых в нашей стране пещерных «галерей» верхнего палеолита и вплоть до ансамблей эпохи раннего железа. Резко возрос фонд специальной литературы (серия монографий А. П. Окладникова, а также работы А. А. Формозова, В. Н. Чернецова и др.) и сделан ряд значительных, порой неожиданных открытий (Новая Залавруга в Беломорье — Ю. А. Савватеев; петроглифы Пегтымеля на Камчатке — Н. Н. Диков и др.).

Вместе с тем на всем этом фоне ощутимого обогащения науки с особой остротой выступает задача «углубленного исследования конкретных памятников древней изобразительной деятельности человека» [1]. Только при условии фундаментальной постановки объективного анализа памятников в «себе» и разработки всего источниковедческого аспекта [2], нацеленного на раскрытие хода материально-творческой эволюции каждого художественного комплекса в качестве исторического источника, будет создаваться прочная база для всех последующих ступеней исследования — выявления общих (стадиальных) закономерностей и особенного в изобразительном развитии, его взаимосвязей, локализации и моментов неравномерности, а также, в конечном счете, для генетически обоснованных попыток семантической дешифровки древних символов и их группировок.

Возможности источниковедческого препарирования монументальных «собраний» первобытности потенциально очень значительны, так как пока они едва задеты разбором такого плана. В ожидании их специального искусствоведческого изучения — совершенно необходимого, но лишь сейчас впервые начатого работами Р. Б. Климова на петроглифах Онежского озера — ряд существенных сторон предварительно может быть выяснен и на уровне наблюдений, доступных археологу. Свидетельством тому, мы полагаем, является предлагаемое сопоставление структур основных групп беломорских петроглифов как звеньев одной генетической цепи

---

[1] *В. Н. Чернецов.* О приемах сопоставления наскальных изображений. СЭ, 1969, 4, стр. 107.

[2] Более 30 лет назад состояние этой области знаний определялось как «младенческое» (см. *А. М. Линевский.* Петроглифы Карелии. Петрозаводск, 1939, стр. 190). Сейчас эту оценку по-прежнему верной считает ряд исследователей (см., например: *В. Н. Чернецов.* Ук. соч., стр. 107; *Ю. А. Савватеев.* Петроглифы Карелии и наскальное искусство лесной полосы Евразии. СЭ, 1969, 1 стр. 90; *его же.* Залавруга. Ч. I. Петроглифы. Л., 1970, стр. 415).

преемственной творческой практики, постепенно ведущей к вызреванию первобытной многофигурной композиции повествовательного характера. Что же касается выбора комплексов на р. Выг в качестве предмета анализа, то он определяется как, пожалуй, наиболее значительным научным опытом, накопленным при изучении наскальных памятников Карелии, так и недавним, принципиально важным открытием Новой Залавруги в этом регионе, подводящей, на наш взгляд, итоги известным до этого ступеням длительной изобразительной эволюции.

Одно из наиболее ярких достижений советской археологии предвоенного периода связано с работами В. И. Равдоникаса и А. М. Линевского именно по петроглифам Карелии — фиксацией и публикацией как известных с середины XIX в. групп Бесова Носа, так и впервые открытых ими «галерей» в Беломорье (Бесовы Следки, Старая Залавруга, отдельные скопления). С этой поры петроглифы Карелии приобретают хрестоматийное значение, неизменно занимая видное место в специальной и научно-популярной литературе.

Однако надо признать, что общий ход их изучения во многом разворачивается стихийно. Особенно отчетливо последнее проявилось в стремлении к прямому переходу от первичной документации к незамедлительному раскрытию всей семантической основы этого творчества. Результатом такой «торопливости» явилась вспыхнувшая без должной подготовки эмоционально обостренная полемика между В. И. Равдоникасом, А. М. Линевским и А. Я. Брюсовым, так и не получившая какого-то завершения и по существу оставившая вопрос областью свободного выбора одного из мнений другими исследователями. Поэтому, учитывая историографические уроки, надо как бы вернуться к естественному началу познания, лишь намеченному в 30-е годы,— самому детальному конкретно-историческому анализу каждого изобразительного ансамбля. По петроглифам Бесовых Следков А. М. Линевским уже давно был выполнен ряд «топографических» наблюдений. Они приобретают немалую ценность для выявления древнейших тенденций развития, если освободить их от известной предвзятости, навеянной априорно принятыми А. М. Линевским семантическими постулатами («охотничье-магический принцип», связываемый этим автором со своеобразно понимаемым им анимизмом[3]; «закон жертвоприношения» и др.).

## Бесовы Следки

В литературе достаточно прочно установилось мнение о раннем возрасте Бесовых Следков сравнительно со Старой Залавругой. Известная нам сейчас «каменная летопись» Беломорья начинается с северной (главной) их группы, которой, возможно, синхронны изображения и южной, фрагментарно сохранившейся группы. Однако, стремясь к точности, надо сразу же подчеркнуть, что это относится не ко всей северной группе, а лишь к ее первичному ядру, в основных чертах выделенному А. М. Линевским. Наличие здесь многих более поздних дополнений (к ним относятся если не все, то большинство композиционных сцен с участием человека) достаточно известно исследователям, которые, тем не менее, порой исходят в своих общих заключениях из суммарной характеристики всего ансамбля как единовременного целого.

Обращаясь к скале (рис. 1) у еще недавно шумевшего водопада Шойрукша, надо согласиться с мнением А. М. Линевского, что первыми тут появились крупные распластанные силуэты морского зверя на южном участке, переданные тщательно выбитыми пятнами с четкими краями. А. М. Линевский справедливо отметил, что их расположение на самых

---

[3] *А. М. Линевский.* Ук. соч., стр. 15, 16, 37, 39. 40, 42, 66, 88, 97, 107, 109, 114–118. 127, 128, 130, 146.

Рис. 1. Петроглифы Бесовы Следки (общий план)

«удобных» площадках явно говорит о широких возможностях выбора полотна для творчества на этом этапе [4]. То же свидетельствуется, дополним мы, и строгой выдержанностью единообразной ориентировки всех подобных фигур.

Но далее А. М. Липевский, переходя к выводам о «порядке стадиальности» на Бесовых Следках, отказывается под давлением заранее принятой им семантической концепции («принцип жертвоприношения» [5] и др.) от четкости предложенного расчленения «напластований» петроглифов и формирует расплывчато неопределенную «первую стадию», в действительности не составляющую единства ни по тематике, ни по взаимному размещению фигур и их изобразительным особенностям. В эту стадию он включает наряду с сюжетами «промысла на море» (вернее, конечно, вести речь только об изображениях морского зверя, преимущественно белух) фигуры оленей и лосей, двух лебедей и предположительно самого беса [6].

Источниковедческий подход требует отказа от смешивания разных планов исследования, затрудняющего целенаправленный анализ. Поэтому мы специально остановимся на крупных изображениях белух как родопачальном ядре Бесовых Следков (рис. 2). Его основу образуют четыре отделенных промежутками друг от друга «гнезда», каждое из которых составляется тремя (рис. 2, $a_1$, $a_2$) либо двумя (рис. 2, $a_3$, $a_4$) одинаково ориентированными, аналогичными, хотя и варьирующими в размерах силуэтами. В их числе по величине средней фигуры (ее длина 0,85 *м*), а также по наибольшей близости к краю скалы особенно выделяется, вероятно, начальное «гнездо» ($a_1$), находящееся в центре этих группировок. По бокам они обрамляются одиночными изображениями белух (две необычно к тому же антиподально направленных фигуры в южной оконечности; два последовательно уменьшающихся силуэта правее самой северной пары белух с уже несколько «расшатанной» ориентировкой, а также крупная фигура над тем же, как бы уже распадающимся «гнездом» $a_4$), которые по каким-то причинам (возможно, в связи с постепенным ослаблением «морской» тематики, что, по-видимому, сопрягалось и с переходом к более «камерному» масштабу изображений) не обросли дополнениями и, таким образом, не стали ядром новых «гнезд».

В отдельном, складывавшемся из двух-трех силуэтов «гнезде» белух можно увидеть ту элементарную группировку гомогенных изображений, которая в предшествующее время, вероятно, образовывала самостоятельный, изолированно расположенный комплекс. На скале Бесовых Следков они уже концентрируются на одном участке, и притом не произвольно, а подчиняясь определенному правилу. Несмотря на явно не случайную разделенность «гнезд» и одиночных фигур разными интервалами, крупные белухи вписываются в общую полосу протяженностью около 5 *м*, простиравшуюся параллельно урезу воды. Такая их топографическая связь настолько отчетлива, что заключение об обычной выбивке изображений «непременно в непосредственной близости к воде» [7] представляется недостаточным. Правильнее представить, что поверхность воды давала основу той *опорной линии*, по которой размещались самые ранние силуэты. Можно сказать, что подобная же база (т. е. как бы мысленно поднятая на скалу граница зеркала воды и неба), проглядывающая и в структурах других скоплений беломорских петроглифов, выполняла роль в чем-то аналогичную линии горизонта в позднейшем плоскостном искусстве. Несколько севернее, по той же основе, ориентированы и другие крупные фигуры: наиболее близко расположенные к воде два лебедя

---

[4] *А. М. Линевский.* Ук. соч., стр. 140, 142.
[5] Там же, стр. 157, 162.
[6] *А. М. Линевский.* Ук. соч., стр. 147.
[7] *В. И. Равдоникас.* Наскальные изображения Белого моря. М.– Л., 1938, стр. 15.

Рис. 2. Генетико-структурная топография петроглифов Бесовы Следки: $a_1$, $a_2$, $a_3$, $a_4$ — начальные «гнезда» белух; *б* — ранние изображения лосей; *в* — лебеди; *г* — бес; *д* — следы беса; *е* — лыжник, преследующий лосей; *ж* — лодка с гарпунерами. *А*–*А*' — опорная линия основного ядра Бесовых Следков

(рис. 2, *в*) и еще дальше известный бес (рис. 2, *г*). К тому же эта воображаемая линия как пунктиром подчеркнута цепочкой следов беса (рис. 2, *д*), выполненных очевидно, достаточно поздно [8].

Таким образом, история Бесовых Следков открывается нам в следующем виде. Начало было положено выбивкой аналогичных силуэтов морского зверя, сперва особенно крупных, а затем, наверное, уменьшающихся. Располагаясь в каждой ячейке рядом друг с другом и ориентируясь перпендикулярно к опорной линии, они постепенно как бы нанизывались на одну и ту же поперечную ось (вероятная последовательность рис. 2, $a_1$—$a_4$). В результате подобного суммирования одного и того же изобразительного эталона они образовали простейшую, выраставшую во времени *полосовую композицию*, отдельные «гнезда» которой, обладавшие «остаточной» самостоятельностью, разделялись неравномерными интервалами (зависимость от рельефа скалы и т. п.). Такую композицию, явно складывавшуюся в результате многократных актов творчества, можно назвать *прерывисто однородной гнездово-полосовой*.

К сравнительно ранним дополнениям этого древнейшего центра Бесовых Следков (объекты морского промысла), по-видимому, длительно существовавшего в таком обличии, по особенностям изобразительной топографии вряд ли можно отнести больше трех-четырех фигур лесного зверя, вписанных в поле между тремя наиболее выразительными «гнездами» белух — $a_1$, $a_2$ и $a_3$ (особенно интересно еще не вполне умелое размещение двух лосей друг за другом — см. рис. 2 *б*, возможно, показывающее ту клеточку, из которой выросли рассматриваемые далее ряды «малых» оленей в Залавруге I). Второй пласт по данной тематике, видимо, наиболее отчетливо представлен севернее «гнезда» $a_4$ цепочками небольших белух, размещающихся уже иным образом — по продольным осям, примерно перпендикулярным к опорной базе. Подходы к такой топографии можно увидеть как в плане «гнезда» $a_2$ (две правых фигуры), так и в расположении «гнезда» $a_3$ над $a_1$, а также, наконец, в исполнении отдельной большой белухи над финальным «гнездом» $a_4$ (рис. 2).

Затем севернее полосы белух возникла уникальная пара лебедей и, наконец, решенный в том же «калибре» бес, составивший третий (антропоморфный по идее) локальный центр в структуре северной группы Бесовых Следков. Группа эта распространялась вдоль края берега в том же направлении (с юга на север, иначе — вниз по течению р. Выг), в котором не только «смотрят» лебеди и бес, но и велось, как установил А. М. Линевский, последовательное выбивание цепочки следов.

Завершилась история Бесовых Следков, по-видимому, длительным и в какой-то степени эпизодическим насыщением скалы множеством мелких силуэтов, в том числе третьим пластом белух, одиночных и нередко ориентированных с большими отклонениями от первичного канона [9] и порой уже входящих в элементарные разнофигурные композиции. Положение их теперь часто зависело от наличия небольших просветов между предшествующими петроглифами. Неперегруженными оставались лишь око-

---

[8] *А. М. Линевский.* Ук. соч., стр. 144, 146, 147.

[9] Последняя деталь существенна как предостережение от умозрительных семантических толкований, заранее исходящих из убеждения в исключительно «магическом характере создания петроглифов» Бесовы Следки, в том, что они не сложнее мысли «люди рапли такое-то животное» (*А. М. Линевский.* Ук. соч., стр. 140, 147, 156). Если бы ориентировка белух была обусловлена только тем, что «художник стремился привлечь их из глубины моря в сторону материка» (*А. М. Линевский.* Ук. соч., стр. 140; *А. Я. Брюсов.* Карельские петроглифы. ВДИ, 1937, 1, стр. 176, 177; *его же.* История древней Карелии. М., 1940, стр. 105), то она в силу консервативности обрядовых функций была бы стандартно единообразной и у самых ранних, и у последних фигур морского зверя. Попутно напомним, что аналогично основной массе белух ориентированы также два лебедя (рис. 2, *в*) и бес (рис. 2, *г*). А это уже никак нельзя объяснить цитированным выше утверждением.

нечности всего полотна — южная, а также северная, с достаточно совершенной охотничьей композицией (преследующий ряд лосей лыжник — см. рис. 2, *е*), которую, вероятно, можно синхронизировать лишь с заключительными изображениями Старой Залавруги [10].

## Старая Залавруга (Залавруга I)

Старая Залавруга (рис. 3) пока не подвергалась даже предварительному опыту «топографического» анализа, направленного на выявление ее начального ядра и продолжавших его звеньев. А. М. Линевский, единственный исследователь, который специально остановился на ее разборе, в этом случае смотрел на все лишь сквозь призму своей семантической реконструкции. Неоднократно отмечая особую сложность заключенного здесь повествования, он, тем не менее, считал, что «при первом же взгляде на величественную композицию группы Залавруги делается понятной ее структура» и что здесь снимается необходимость «кропотливо расчленять одну фигуру от более поздней, как на Бесовых Следках» [11]. Такое прямое обращение к дешифровке «многослойных» групп петроглифов привело к общей неясности и противоречивости оценок изобразительной стратиграфии Старой Залавруги.

С одной стороны, А. М. Линевский говорит о ее четком разделении на три основные, друг от друга независимые композиции: а) главную, в самом центре (рис. 3, *а*), посвященную теме осеннего промысла на оленей во время их переправы через реку (цепь лодок, преграждающая путь трем громадным фигурам зверя); б) отображение зимней охоты на того же зверя (два углообразно сходящихся ряда оленей — рис. 3, *б*); в) «боковое скопление» (рис. 3, *в*), по-видимому, включающее в себя два, а то и три «разных повествования лесных жителей о своей борьбе с иноплеменниками, приезжавшими на лодках» [12]. С другой стороны, он же рассматривает все эти части как «целую картину из десятков изображений», составляющую «начаток записи мемориального характера» и приближающуюся к «связному письму» [13]. Так, названные выше комплексы Старой Залавруги объявляются «подлинным повествованием», отличающимся простотой и ясностью, единым в стадиальном и хронологическом отношении, объединенным общностью широкого семантического замысла. А. М. Линевский особенно подчеркивает единовременность первых двух композиций (рис. 3, *а, б*), хотя тут же делает справедливое замечание о том, что сами ряды «сбегающихся» оленей (рис. 3, *б*) возникли явно не в один прием и, более того, суммировали в себе акты двух этапов творчества. В работе А. М. Линевского можно видеть намек на относительно более молодой возраст самой многофигурной третьей композиции (рис. 3, *в*) «охоты и борьбы с нашельцами» [14].

Именно последние наблюдения требуют своего всестороннего развития, ибо очевидно, что представление структуры Старой Залавруги в виде спонтанного, не складывавшегося в ходе длительной творческой практики, а внезапно порожденного мыслью явления иллюзорно и противоречит всей исторической природе каждого памятника (тем более такого сложного) первобытного искусства.

Попытку реконструкции конкретной истории Старой Залавруги надо начать с того, что она прежде всего явственно распадается на две очень отличающиеся как по тематике, так и по характеру изобразительных решений части — центральную (рис. 3, *а, б*) и периферийную или, иначе, «боковое скопление» (рис. 3, *в*). Более поздний возраст петроглифов пе-

[10] *А. М. Линевский.* Ук. соч., стр. 161, 162.
[11] *А. М. Линевский.* Ук. соч., стр. 166.
[12] Там же, стр. 166, 172, 178, 183.
[13] *А. М. Линевский.* Ук. соч., стр. 166, 168, 189.
[14] Там же, стр. 177, 178.

Рис. 3. Петроглифы Старой Залавруги (общий план)

риферии определяется уже ее топографическими условиями [15]: сюда, на отдаленный от «большой» воды довольно крутой северо-восточный склон малые изображения были перенесены по необходимости, после завершения на основной (центральной) площади гранитного «лба» четырех монументальных рядов и даже наверняка после выбивки вблизи от них отдельных малых фигур [16].

**Центральная часть Залавруги I** (далее Залавруга Ia) в ее полном виде была «произведена» изобразительной деятельностью ряда поколений, и общими словами о «грандиозной как по масштабу, так и по сложности повествования композиции» [17] нельзя заменить генетический анализ ее архитектоники. В целом она образуется совокупностью нескольких полосовых композиций. Каждая из них состоит, подобно группировке морских животных в Бесовых Следках, из ряда повторяющихся фигур. Однако они уже отличаются не только отработанностью более сложных силуэтов, но и ритмичной регулярностью размещения, передаваемой выдержанностью небольших интервалов и иногда последовательным изменением величины «эталонного» оленя. Данную композицию можно назвать *непрерывно однородной профильно-полосовой,* заметив, что строго профильное воспроизведение оленей и лодок позволило обозначить направление предполагаемого движения внешне статичных фигур. Оно, подчеркнем это, оказывается единым как для каждой полосы, так и для всех них, вместе взятых. Тем самым полную отчетливость получает традиция, намеченная в Бесовых Следках лишь тем, что там помимо цепочки следов лебеди и бес последовательно размещались в одном направлении за скоплениями белух и были обращены именно в эту сторону.

Всего основных полос в Залавруге Ia четыре (рис. 4). Две из них, на южном участке, представлены сходящимися в виде угла рядами оленей (рис. 4 *а, б*), которыми гранитный бугор оконтуривается с запада, у воды, и с юга (далее мы эти ряды будем соответственно называть «западным» и «южным»). В центре площадки вписаны еще две полосы — цепочка лодок (рис. 4, *в*) и частично их перекрывающие три очень крупных оленя (рис. 4, *г*).

Какую же последовательность творческих актов — последовательность в итоге немаловажную и для семантических опытов, стремящихся уловить действительное развертывание древней мысли,— можно предположить в Залавруге Ia? Наполовину на этот вопрос можно ответить с достаточной определенностью, поскольку наблюдение В. И. Равдоникаса о частичном наложении двух «гигантских» оленей на лодки [18] не встретило в литературе возражений. Следовательно, «флотилия» появилась на скале раньше уникально крупных силуэтов зверя. О других же зависимостях полос во времени приходится нам судить по топографическим и в меньшей мере изобразительным особенностям комплексов, само собой разумеется, не с такой категоричностью.

Рассмотрим сначала структуру Залавруги Ia в ее отношении к опорной линии, соответствовавшей западному, спускавшемуся к воде краю

---

[15] *Ю. А. Савватеев.* Залавруга..., стр. 63.

[16] Впрочем эти дополнения в центральной части (единственные, в которых А. М. Линевский соглашался видеть позднейшие привнесения Старой Залавруги – см. Ук. соч., стр. 166, 167, 179, 181, 183) заняли достаточно скромное место, и скала совсем не была ими так предельно насыщена, как это случилось в Бесовых Следках. Причиной тому, по-видимому, были серьезные сдвиги в логике творчества. Возможно, они были следствием все более упрочивающегося осмысления монументальных построений центра как единой (в конечном счете) грандиозной композиции, которая в силу этого уже требовала своего сохранения в совершенно ясном виде, не затуманенном «мозаикой» мелких силуэтов. Кроме того, на этой ступени творческой эволюции, вероятно, отрицающей кучное нагромождение изображений и дающей начало выделению отдельной «картины», могла сказываться несовместимость новых образов и оценок со старым «духом» традиционного святилища.

[17] *А. М. Линевский.* Ук. соч., стр. 167.

[18] *В. И. Равдоникас.* Ук. соч., стр. 19, 45–47.

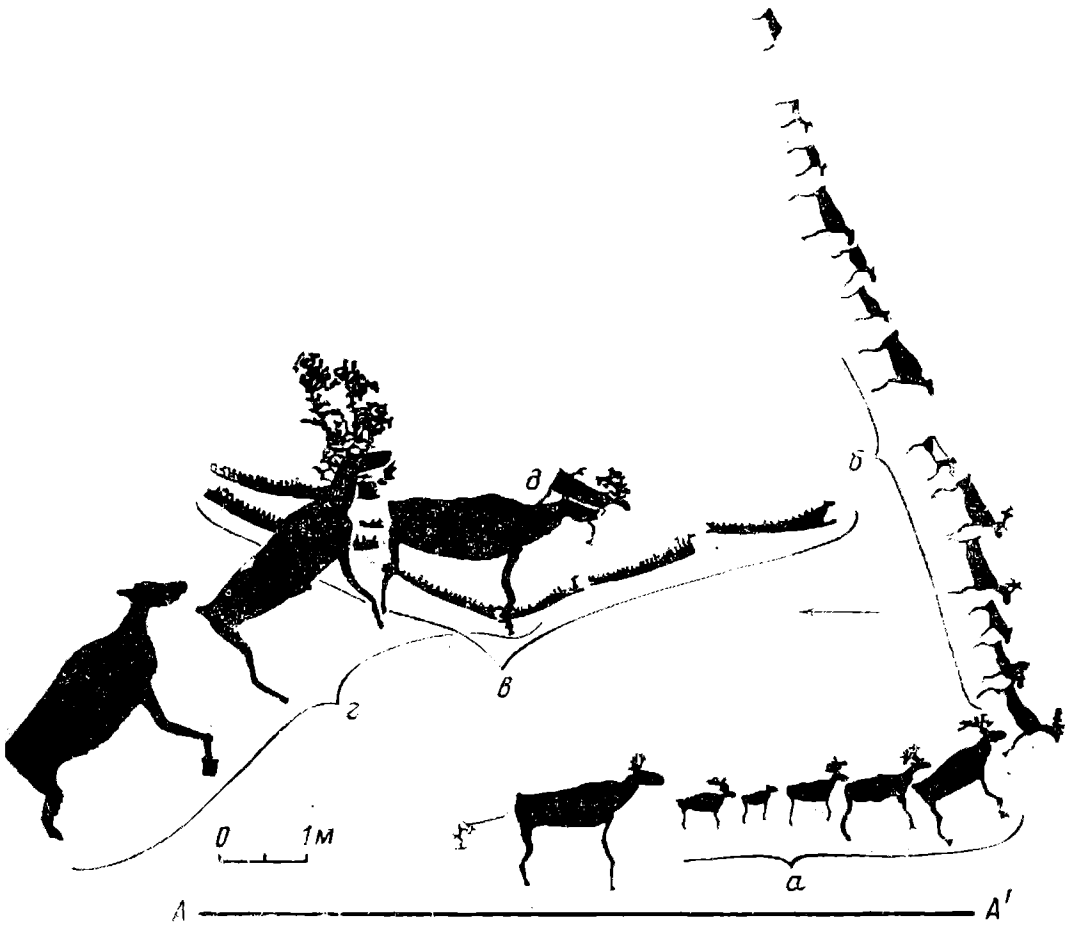



Рис. 4. Генетико-структурная топография центральной части Старой Залавруги: *а* — западный ряд оленей; *б* — южный ряд оленей; *в* — цепочка лодок; *г* — крупные олени; *д* — отдельная фигура оленя

скалы. Она проступает здесь как каркасная основа полос также вполне различимо. Ее подчеркивает цепь лодок, правда, дающая в средней части излом (вероятно, доступный объяснению), первая крупная фигура оленя, большинство мелких дополнений и особенно выразительно располагавшийся в непосредственной близости к урезу воды «западный» ряд оленей.

Даже самое огрубленное сравнение пяти первых фигур «западного» ряда с тремя «одностильными» оленями в центре говорит о значительно большем совершенстве и художественной цене «гигантов», заслуженно признающихся выдающимися наскальными шедеврами и «классическими образцами первобытного... искусства» [19]. Кроме того, что выбивка таких обширных, не охватываемых сразу глазом при работе и все же пропорциональных и качественных силуэтов представляла особые трудности [20], мастера смогли отойти от сугубо линейного построения и расположить данные в близком масштабе фигуры углообразно. Вряд ли за этим скрывался какой-то умысел (вроде изображения подъема на возвышенность, а затем спуска к реке) [21], скорее такая необходимость была продиктована выклиниванием центральной площадки вблизи от границы северо-

[19] *В. И. Равдоникас.* Ук. соч., стр. 12, 22, 23.
[20] *Ю. А. Савватеев.* Залавруга..., стр. 419.
[21] *А. М. Линевский.* Ук. соч., стр. 170.

восточного склона. Но знаменательно, что с возникшей задачей композиционного «вписывания» огромных пятен в сложное по рельефу поле «живописцы» по камню полностью справились. Их возросшее искусство запечатлелось в некоторой художественной индивидуализации фигур с помощью стилистических преувеличений (рога у среднего оленя) и оживления, например проработкой копыта у третьего оленя, который к тому же изображен как бы бегущим.

В жестких мерах общей поступи первобытного творчества совершенно неправдоподобно, чтобы такой «семимильный» шаг был сделан внезапно, не аккумулируя в себе длительную кристаллизацию материального опыта. Да и подходы к таким моделям можно в какой-то степени увидеть на том же полотне Залавруги Ia, прежде всего в «западном» ряду в последней законченной фигуре зверя — «шестом олене, резко нарушающем масштабы впереди идущих животных»[22]. Этот силуэт (его длина 1,70 *м*), который более чем в два раза крупнее предшествующего, очевидно, выбит, как и «карликовый» охотник-лыжник за ним, позднее основного ядра полосы. Передняя «громадная» фигура оленя, отличающаяся от двух следующих относительной простотой и статичностью, настолько близка — и по всем очертаниям пятна, и по постановке на скале — к названному силуэту «западного» ряда, что смотрится как та же шестая фигура, но только поднятая на 2 *м* выше, в самый центр площадки, и при этом увеличенная примерно на одну треть.

Если все сказанное дополнить еще некоторыми наблюдениями (в частности, прослеживаемой тенденцией увеличения фигуры зверя), то в Залавруге Ia вполне вероятной оказывается такая последовательность звеньев ее изобразительного генезиса: а) основная часть «западного» ряда оленей (четыре рогатых и самая меньшая безрогая фигура — рис. 4, *а*), к которой, по-видимому, вскоре было подстроено образующее с ним угол ядро «южного» ряда (рис. 4, *б*). Оно состояло также из пяти аналогичных (четырех рогатых и меньшего безрогого), но, пожалуй, несколько менее тщательных силуэтов. Еще заметнее подобное упрощение при «репродуцировании» эталона прослеживается в последующих дополнениях той же «южной» стороны угла еще восемью безрогими фигурами (одна из них, как и в «западном» ряду, незаконченная); б) цепочка лодок (рис. 4, *в*), исполнение которой началось с правого, головного судна. В связи с тем что корма пятой лодки уже вплотную подошла к спуску на северо-восточный склон, шестая (последняя) была помещена не за ней, а над ней[23]; в) в «западном» (нижнем) ряду оленей — шестая, значительно увеличившаяся фигура и, вероятно, связанный с ней лыжник, в 6 раз меньший преследуемого им зверя; г) первый (правый) олень длиной в 2,5 *м*, занявший центральное положение, а затем две еще более крупные (по 2,8 *м*) и художественно проработанные фигуры того же зверя (рис. 4, *г*), уже по условиям рельефа скалы помещенные под углом к нему; д) серия финальных дополнений, в основном из мелких, антропоморфных и других фигур, иногда сценически связанных.

Завершая эту рабочую попытку расчленения «напластований» Залавруги Ia на ее изобразительные составляющие, обратим внимание на одну

[22] *А. М. Линевский.* Ук. соч., стр. 178.

[23] Напомним, что первая лодка хорошо посажена на основную опорную линию Залавруги Ia. К той же строгой горизонтали возвращаются двухъярусно расположенные замыкающие «флотилию» суда (т. е. пятое и шестое), а три лодки в ее середине образуют излом, который, возможно, объясняется следующим. Нельзя считать исключенным, что вслед за первой лодкой левее ее была выбита метровая фигура оленя с достаточно развитыми рогами (рис. 4, *д*), ориентированная точно в сторону угла, образованного двумя рядами «сбегающихся» оленей. Может быть, это-то и не позволило затем точно продолжить второй и третьей лодками линию первой. В связи с этим предположением отметим спорность мнения В. И. Равдоникаса о наложении упомянутой фигуры оленя на первый «громадный» силуэт этого же зверя. (*В. И. Равдоникас.* Ук. соч., стр. 47 и табл. 10). В действительности здесь вероятнее обратное перекрывание.

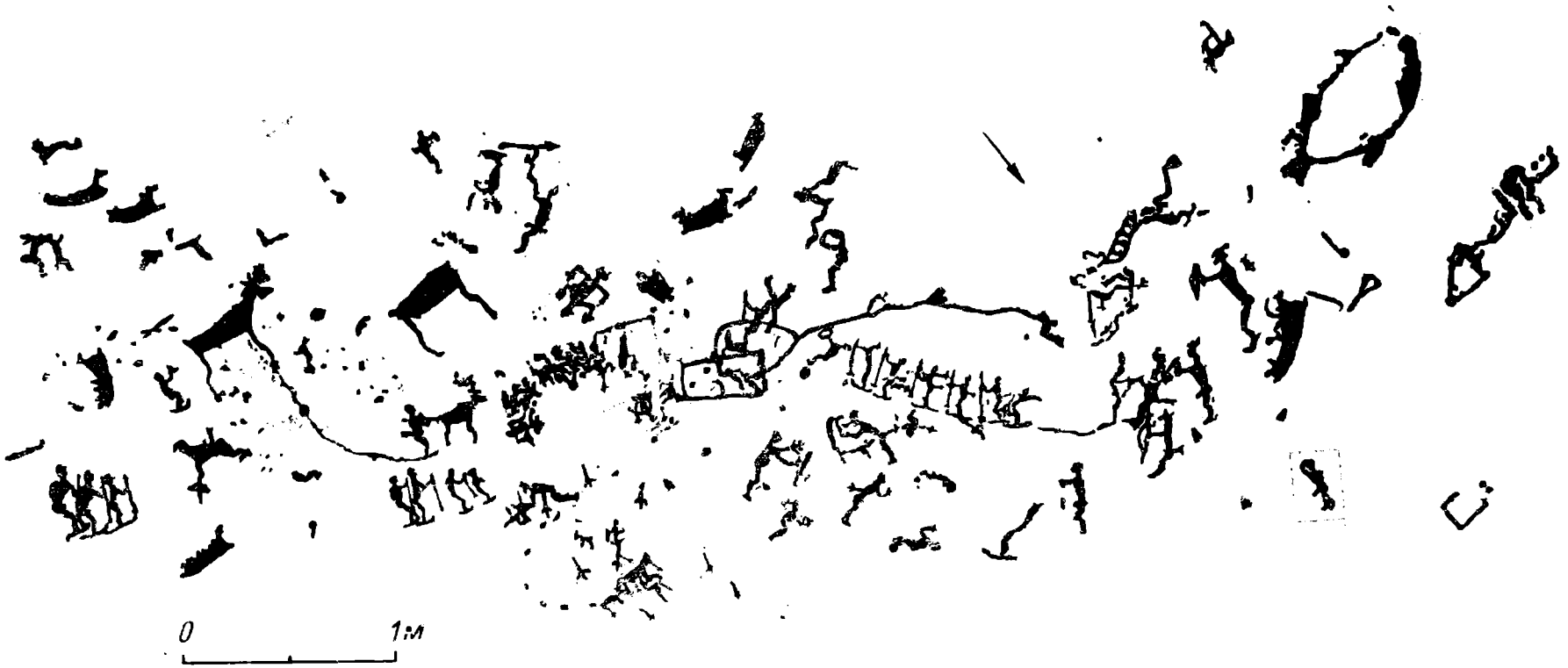



Рис. 5. Северо-восточная периферия Старой Залавруги (общий план)

общую черту в генезисе ее отдельных профильно-полосовых построений. Все они — и в случаях единовременного возникновения (очевидно, ядра «западного» и «южного» рядов оленей), и при сложении в несколько приемов (вероятно, ряд из трех «громадных» оленей и цепочка лодок) — наращивались в одном и том же направлении — справа налево или, иначе, от головы движения к его продолжению.

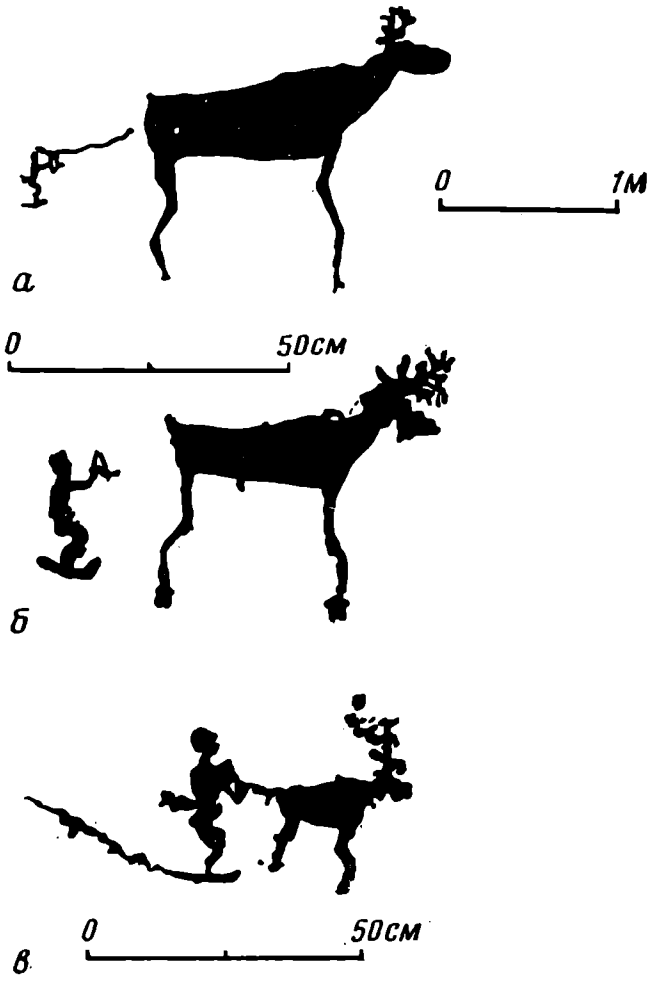



Рис. 6. Сюжет преследования оленя охотником: *а* — центральная часть Старой Залавруги; *б* и *в* — северо-восточная периферия Старой Залавруги

В целом же Залавруга Ia показывает значительное развитие принципа изобразительного «суммирования» и его усложнение, можно сказать, до уровня действий умножения. Теперь его реализация не ограничивалась операциями в пределах изолированного ряда однородных символов, но и постепенно мысленно объединяла разные, в том числе по сюжетам, полосы, придавая им характер единого, очень емкого контекста. Тем самым практически создавалась интеллектуальная подоснова для кристаллизации подлинных композиций, синтезировавших в себе различные изобразительные элементы.

**Периферийная часть Залавруги I** (Залавруга Iб; рис. 5) внешне отличается от ее центра отсутствием монументальных полос и очень резким уменьшением фигур, чему сопутствует значительное обогащение их репертуара (особое выделение антропоморфных сюжетов). Мысль об освоении этого «бокового» полотна с его восточной половины[24] можно было бы подтвердить изобразительными сопоставлениями с Залавругой Ia (темы оленя и, возможно, лодки).

Положение большинства фигур Залавруги Iб позволяет ощутить присутствие сквозной опорной линии, которая проходит так, как если бы подножие скалы постоянно омывалось водой. В какой-то степени в этом, по-видимому, отразилась инерция предшествующего хода изобразительной практики.

Однородных монументальных полос типа Залавруги Ia здесь уже нет, если не считать группы лыжников, где подобное сочетание, только оживленное движением, оставалось совершенно оправданным. В основном они заменяются *элементарными изобразительно-профильными композициями*, состоящими из считанных (нередко всего двух), но различных фигур, связь между которыми теперь выражается изобразительно. Показателен

[24] *Ю. А. Савватеев.* Залавруга..., стр. 65.

сюжет преследования оленя охотником (рис. 6), разрабатываемый в направлении увеличения силуэта человека и его «дорастания» до нормальной соразмерности со зверем. Еще шире проявляется следующая неравномерность в развитии этих сюжетов: образ человека, выступающий во всем комплексе Залавруги Iб как его доминанта, активно насыщается динамикой, в то время как статичность зверя сохраняется для большинства его фигур в Залавруге Iа. Всем этим снимается та двойная дискриминация антропоморфной темы, которая так рельефно записана в Старой Залавруге уникальностью фигуры лыжника в «западном» ряду, ее микроскопичностью и невыразительностью (рис. 4, *а*; 6, *а*).

Насыщенность Залавруги Iб мелкими изображениями передает явление совершенно иного порядка, чем «мозаика» Бесовых Следков. Каждая ее сценка обладает определенной самостоятельностью и поддается отдельному восприятию. В их чрезмерной концентрации заключено нечто традиционно-пережиточное; скорее всего прочно закрепившаяся ритуальная функция именно этого урочища заставила поместить новые по мироощущению воплощения на «задворках» той же священной скалы Залавруги.

В итоге Залавруга Iб, заключающая в себе приметы и генетических связей с Залавругой Iа и творческого преобразования ее консервативной основы, выступает в виде периферийного только по расположению и очень могучего по самому существу реактора новой ступени творчества — ступени, утверждающей дееспособность общественного человека.

## Новая Залавруга (Залавруга II)

Это богатейшее художественное собрание, открытое недавно (1963—1968 гг.) и исследованное Ю. А. Савватеевым[25], естественно, ожидает продолжения того трудоемкого изучения, которое, наверное, позволит конкретизировать историю ныне известных в ней 26 групп петроглифов, получающих общую археологическую датировку благодаря тому, что эта площадь перекрыта культурным слоем стоянки. В плане же нашей задачи достаточно подчеркнуть что Залавруга II, взятая в целом, подводит отчетливые итоги рассмотренной художественной практике и позволяет увидеть выросшие на скалах Беломорья плоды творчества в их наиболее зрелом олицетворении.

Ее петроглифы, в основном сохраняющие утвердившийся в Залавруге Iб «калибр», располагаются рассредоточенно — отдельными разбросанными группами, порой оторванными от берега расстоянием до 60 *м*. Таким «расселением» словно взрываются узкие рамки древних святилищ. В размещении изображений Залавруги II, шедевры которой открываются зрителю как подлинные, целостные картины (рис. 7), заметно сказывается выбор места и по художественно-исполнительским соображениям. А это, вероятно, служит одним из показателей давления эстетического на обрядовое, сопряженное с фетишизацией особого участка скалы. Что же касается опорной оси, то она как-то ослабленно проявляется в некоторых группах петроглифов, как правило, уже вне зависимости от контура подошвы скального массива.

По-прежнему профильные композиции Залавруги II (их — до 90) более четко выражают связи, в том числе и разворачивающиеся во времени, между значительно увеличившимся числом фигур (до 20 различных элементов), прежде всего за счет наполнения образа человека действием, опять же при сохранении примерно прежней статичности зверя. Кроме того, многофигурные сцены (рис. 7) отличаются пропорциональностью и совершенствованием силуэтов, закреплением и развитием лишь намеченных в Залавруге Iб повествовательных деталей (лыжня и др.),

[25] *Ю. А. Савватеев.* Залавруга..., стр. 179—397.

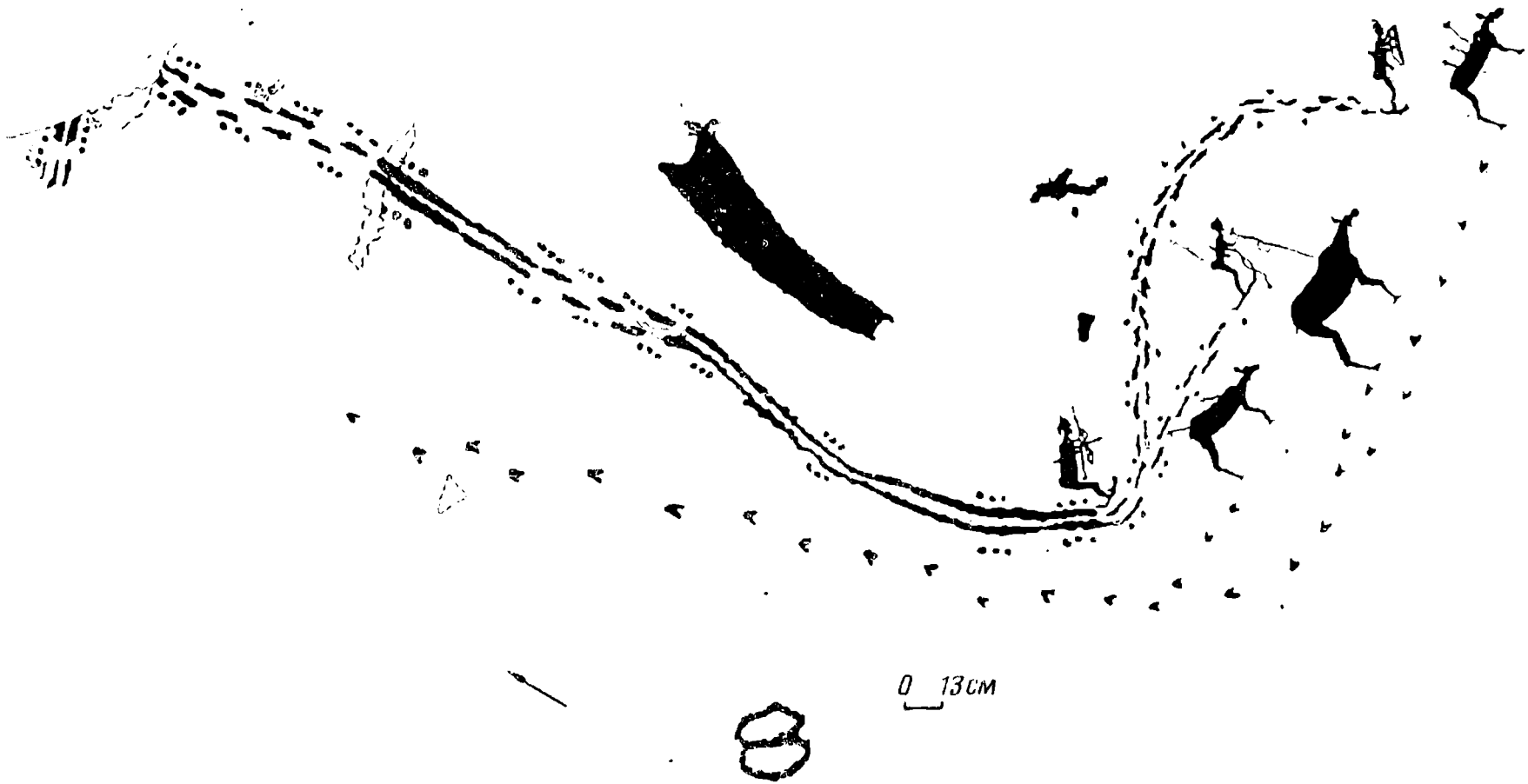



Рис. 7. Развернутая многочленная композиция Новой Залавруги (охота на лосей по насту, IV группа)

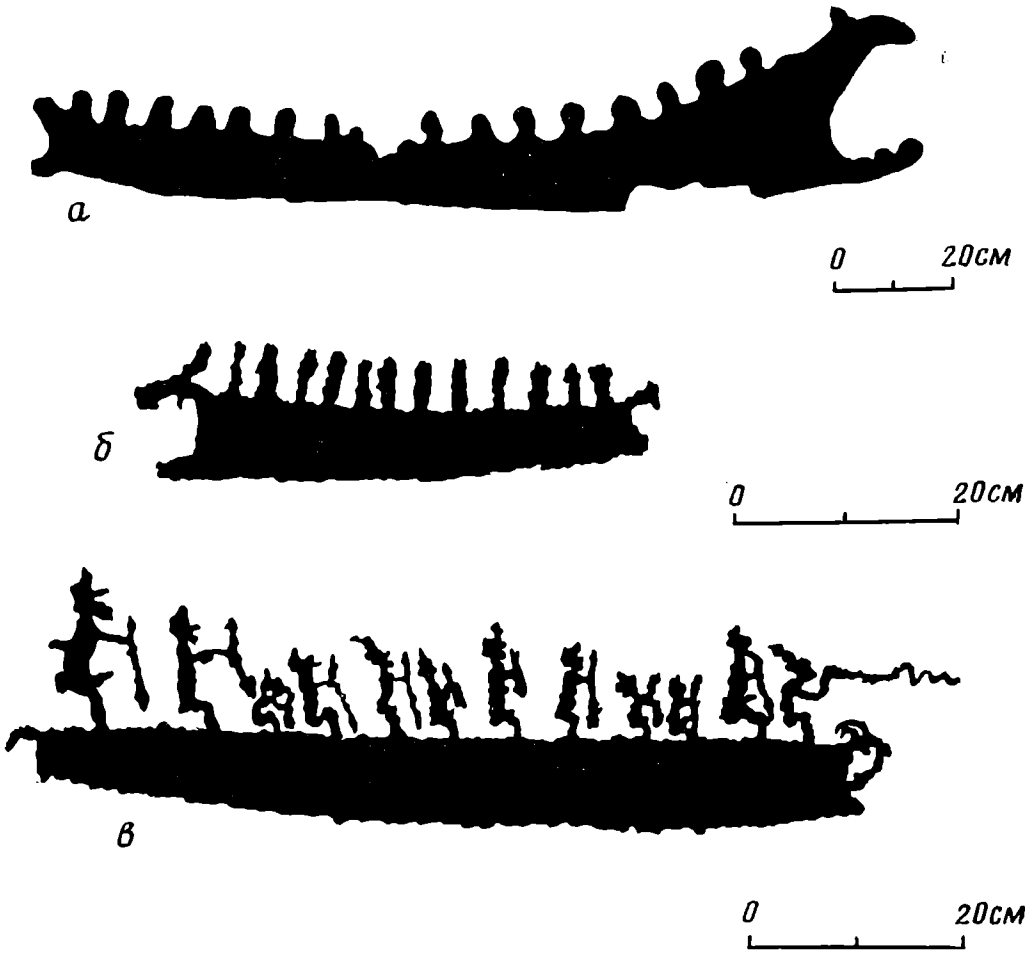



Рис. 8. Фрагменты изобразительного «выделения человека из лодки»: *а* — центральная часть Старой Залавруги; *б* — Новая Залавруга (XVII группа); *в* — то же (IV группа)

введением серии новых сюжетов и, наконец, индивидуализацией воплощений человека, говорящей об ослаблении на этом авангардном направлении власти застывшего канона.

Таким образом, *многочленные изобразительно-профильные композиции* Залавруги II свидетельствуют о творческой преемственности и одновременно изменчивости, при которой на базе того же прошедшего опыта новое вытесняет уже изжившие себя звенья эволюции.

Известные сейчас источники не раскрывают исчерпывающе все «мостики» былых переходов, но все же позволяют наблюдать их важные опорные устои. Отчетливее всего яркую грань наследственности можно проиллюстрировать решениями темы лесной охоты — от первичного изображения одного зверя как ее цели (ядро Бесовых Следков, ранние ряды Залавруги Iа) через введение в повествование «микро»-человека («западный» ряд Залавруги Iа), бурно растущего на переломном рубеже (Залавруга Iб), к сценам Залавруги II, звучащим как апофеоз добытчиков Севера. Дополнить эту линию эволюции можно и сравнением «отрядов» лыжников Залавруги Iб с подобными же «отрядами», как лыжными, так и уже пешими, в Залавруге II.

Аналогичный ход выявляется также материалами по второму ведущему сюжету — морской охоте [26], одну из сторон развития которого

[26] О моменте известной семантической специализации Бесовых Следков и Залавруги I, затем получившей сплав в Залавруге II, говорит то, что разработка «водного» цикла в основном была сосредоточена в Бесовых Следках, где она также нача-

можно образно назвать процессом изобразительного «выделения человека из лодки». Поясняя его, сопоставим большие лодки Залавруги Ia и Залавруги II. В первом комплексе человек, обозначенный стандартным «пеньком», является всего лишь атрибутом лодки, слитым с ней (рис. 8, *а*). Иное положение занимает экипаж в ансамбле Залавруги II — он передается теперь не только поднявшимися в полный рост столбиками (рис. 8, *б*), но и в ее шедеврах, которыми особенно богата IV группа (по нашему мнению, одна из позднейших), состоит из индивидуализированно «выписанных» профильных фигур, снабженных оружием (рис. 8, *в*).

Итак, предварительный источниковедческий анализ, выполненный по «чистой» линии изобразительных памятников и пока оставляющий в стороне возможные коррективы смежных с археологией дисциплин, подтверждает и уточняет уже высказанные предположения по поводу относительной хронологии Залавруги I и Залавруги II [27]. Сейчас творческую эволюцию известных в Беломорье петроглифов можно в схеме охарактеризовать генетической цепью из четырех последовательных звеньев: а) ядра Бесовых Следков; б) Залавруги Ia; в) Залавруги Iб, выступающей в виде крутого подъема к будущему; г) Залавруги II. В этом аспекте (в основном структурно-топографическом) лишь таким изобразительным рядом, по случайности соответствующим порядку открытия этих памятников наукой, обнаруживается закономерное единство логики развития и вскрывается коренная природа первобытного творчества как коллективно-наследственного «производства» образов непосредственно в сфере самого художественного труда.

*A. D. Stoliar*

## ANALYSE DE LA COMPOSITION DES PETROGLYPHES DE BELOMORIE (Carelie)


### Résumé

L'analyse des sources concernant les oeuvres de l'art monumental préhistorique permet de donner une explication détaillée de l'histoire recélée dans chaque oeuvre, ainsi que de ses liens génétiques avec d'autres oeuvres du même genre se trouvant dans la même microrègion. La très riche collection de pétroglyphes de Bélomorié (Carélie) offre les meilleures conditions pour procéder à une telle expérience. Leur sélection relative permet de distinguer les groupes suivants de développement successif dans la structure des compositions: 1. Béssovy Sledki (fig. 1.) — ces compositions ont commencé par des silhouettes isolées de monstres marins. Les groupements de deux ou trois figures semblables en «nids» (fig. 2, $a_1$—$a_4$) orientés uniformément sur le même axe (T-$T_1$), ont abouti à la longue, comme résultat d'un acte de création réitéré, à une composition homogène, groupée, en «nids et bandes». 2. Partie centrale de Zalavrougha I (fig. 3, a, b) — celle-ci comprend quatre monumentales compositions, indiscontinues, homogènes, en «profils et bandes». Leur succession la plus vraisemblable est d'après le dessin 4: a — la rangée «ouest» des rennes; b — la rangée «sud» des rennes; c — une file de barques; d — trois grands rennes au centre du «tableau». 3. Partie périphérique


лась с обозначения самой добычи. Его дополнение человеком (см. рис. 2, *ж*), кажется, впервые было выполнено путем «дорисовки» лодки с гарпунерами под крупными белухами (*В. Семенов.* Памятники первобытного искусства Карелии. Тезисы II региональной археологической студенческой конференции вузов Северо-Запада СССР. Калинин, 1970, стр. 41). Позднее, вероятно, на этапе уменьшения силуэтов белух, появляются единовременные композиции морского промысла. В Залавруге Iб по этой теме помимо целой серии лодок примечательна самая крупная контурная фигура (рыба, кит или белуха?).

[27] *А. А. Формозов.* Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М., 1969, стр. 122; *А. Д. Столяр.* Рец.: *А. А. Формозов.* Очерки по первобытному искусству... СА, 1974, 4, стр. 309.

de Zalavrougha I (fig. 3, c; 5) — cette dernière est caractérisée par une dégradation des bandes monumentales et une brusque diminution des dimensions de tous les symboles, au centre desquels se détache une silhouette d'homme, laquelle insensiblement augmente en proportions par rapport à celle des bêtes (fig. 6). Sur la base de ce brusque contraste se forme une composition élémentaire, figurative, en profil, exécutée d'un seul trait (cf. la fig. 6, b. c). 4. Zalavrougha II — résume toute la pratique précédente des compositions à multiples éléments, figuratives, en profils. Elles sont déjà réparties d'une façon isolées, et forment comme un tableau séparé, complet, au caractère narratif, où l'image de l'homme est empreinte de dynamisme et est enrichie d'une certaine individualisation (fig. 7, 8, c). Le contenu fondamental de toute cette évolution créatrice est défini en premier lieu par le thème de l'homme, dont l'importance augmente toujours plus (cf. par ex. la fig. 8, a-c), avant tout sous l'aspect de la première figure mythologique du héros de la tribu clanale.

Д. А. КРАЙНОВ, Н. А. ХОТИНСКИЙ

# ВЕРХНЕВОЛЖСКАЯ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

В 1928 г. Б. С. Жуковым при раскопках стоянки Языково I (в Кашинском р-не Калининской обл.) было обнаружено несколько обломков сосудов с примесью дресвы в тесте и со штриховым (нарезным) орнаментом. Он отнес их к более раннему времени, чем ямочно-гребенчатая керамика, но не установил отношение этой керамики к другим керамическим комплексам [1].

С тех пор прошло около 50 лет, и никто из исследователей не задумался над вопросом существования в Волго-Окском междуречье раннего пласта неолитической культуры. До 1972 г. считалось бесспорным, что самой ранней культурой Верхнего Поволжья была культура с ямочно-гребенчатой керамикой. Редкие находки иной керамики, отличной от ямочно-гребенчатой и по тесту и по цвету, и по орнаментике, интерпретировались по-разному. Одни ограничивались констатацией факта нахождения такой керамики [2], другие считали ее присутствие на неолитических памятниках с ямочно-гребенчатой керамикой заимствованием или проникновением южных культур [3], а некоторые объясняли присутствие этой керамики влиянием неолитических племен Волго-Камья [4]. Делались попытки отнести керамику, выделенную Б. С. Жуковым, к волосовской культуре [5]. Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР также неоднократно встречались такие находки на неолитических поселениях Верхней Волги и даже целые слои, отнесенные автором к позднему неолиту [6]. За последнее десятилетие работ Верхневолжской экспедиции на многих стоянках были встречены целые комплексы ранней керамики вместе с кремневым инвентарем мезолитического облика (Шадрино IV, Стрелка II, Кухмарь I, Черная Грязь и др.), что заставило нас задуматься о существовании более ранней неолитической культуры, чем культура с ямочно-гребенчатой керамикой [7].

---

[1] *Б. С. Жуков.* Теория хронологических модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики. М.—Л., Этнография, 1, 1929, стр. 68, 69.

[2] *Н. Н. Гурина.* Поселения эпохи неолита и раннего металла. МИА, 20, 1950; *ее же.* Неолитические поселения на северном берегу Онежского озера. КСИИМК, VII, 1940, стр. 35; *В. М. Раушенбах.* Стоянка Николо-Перевоз на р. Дубне в Московской области. Сб. «Экспедиции Государственного Исторического музея». М., 1969, стр. 89, 91; *В. П. Третьяков.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л., 1972, стр. 42, 43.

[3] *М. Е. Фосс.* Неолитическая стоянка Бисерово Озеро. КСИИМК, 75, 1959; *В. П. Третьяков.* Раннеенеолитические памятники Среднего Поволжья. КСИА АН СССР, 131, 1972.

[4] *П. Н. Третьяков.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966, стр. 26, 27; *А. Х. Халиков.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, стр. 67.

[5] *М. Е. Фосс.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, 29, 1952, стр. 54–56.

[6] *Д. А. Крайнов.* Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья. КСИА АН СССР, 97, 1964, стр. 67.

[7] *Д. А. Крайнов.* О работах Верхневолжской экспедиции. АО—1969, М., 1970, стр. 32; *Д. А. Крайнов.* Новая мезолитическая стоянка Черная Грязь I. КСИА АН СССР, 131, 1972, стр. 97.

И вот только в 1972 г. Верхневолжской экспедицией ИА АН СССР (Д. А. Крайнов) и Голоценовым отрядом Института географии АН СССР (Н. А. Хотинский) с применением особого метода фиксации находок на стоянке Ивановское III (Переславский р-н Ярославской обл.) был открыт культурный слой с гребенчато-накольчатой керамикой, залегавшей под слоем с ямочно-гребенчатой керамикой. Потом и другими отрядами ВВАЭ подобные же слои были обнаружены на стоянках Языково I (Кашинский р-н Калининской обл.— Ю. Н. Урбан) и Боринка II (Пестяковский р-н Ивановской обл.— Е. М. Молодцова).

Новая ранненеолитическая культура названа нами верхневолжской, так как пока все основные памятники этой культуры открыты на Верхней Волге и концентрируются здесь. На всех указанных поселениях остатки верхневолжской культуры стратиграфически залегали под слоями с ямочно-гребенчатой керамикой.

Исследованиями 1973—1975 гг. не только подтвердилось существование ранненеолитической культуры, но удалось установить ее хронологию, природные условия, характер, ареал, локальные особенности некоторых районов, связи с местным мезолитом и культурами последующих эпох неолита. Основное внимание было уделено исследованию озерно-болотных стоянок, где можно с наибольшей точностью разобраться в стратиграфии и хронологии культурных наслоений на основе анализа археологических и палеогеографических данных.

К числу таких опорных памятников в первую очередь относятся стоянки на болоте Ивановском Переславского р-на Ярославской обл. (комплекс ивановских стоянок), на берегах озера Сахтыш, Тейковского р-на Ивановской обл. (комплекс сахтышских стоянок), на Савцинском торфянике, Кашинского р-на Калининской обл. (комплекс языковских стоянок).

Все они расположены в низинах, в районах озеровидных расширенных речных долин — древних ложбин стока ледниковых вод. Неолитические поселения приурочены здесь к берегам и островам древних озер, которые впоследствии заболотились. Переход от озерной к болотной фазе четко фиксируется в разрезах торфяников, по контакту сапропелей и перекрывающих их торфов. Культурные слои отмечаются не только на суходольных частях стоянок, но и в примыкающих к ним торфяно-сапропелевых толщах. Шлейфы культурных слоев тянутся от стоянок на суходолах в глубь торфяной залежи, где они расслаиваются и отделяются друг от друга более или менее стерильными прослойками. Здесь хорошо видна последовательность их напластования, что и определяет особую ценность изучения болотных поселений.

Такими эталонными стоянками являются Ивановское III, Языково I и Сахтыш I. Многослойная стоянка Ивановское III находится на Ивановском торфянике в 10 *км* к северо-востоку от г. Переславля Ярославской обл. Она расположена на южной окраине островного суходола, возвышающегося над болотом на 1,5—2 *м*. Первоначальное ее обследование было произведено в 1968 г.[8], но впервые следы древнейшей верхневолжской ранненеолитической культуры были обнаружены здесь в 1972 г.[9]

---

[8] *М. И. Нейштадт, Ф. С. Завельский, А. М. Микляев, Н. А. Хотинский.* Комплекс стоянок мезолита и неолита на болотах Берендеево и Ивановское в Ярославской области. Сб. «Голоцен», 1969.

[9] *Д. А. Крайнов, Н. А. Хотинский, Ю. Н. Урбан, Е. М. Молодцова.* Древнейшая ранненеолитическая культура Верхнего Поволжья. Вестн. АН СССР, 5, 1973; *Д. А. Крайнов, Н. А. Хотинский.* Хронология и палеогеографический фон древнейших неолитических поселений центра Русской равнины. Сб. «Первобытный человек и природная среда». М., 1974.

В контрольном шурфе, примыкающем к раскопу I, была вскрыта 2-метровая толща болотных отложений, представленных в основном древесными торфами, со следующими культурными слоями:

1) 0—0, 4 *м* — осоковый торф — без находок.
2) 0,4—0,6 *м* — первый культурный слой темного осокового торфа с редкими находками сетчатой (текстильной) керамики.
3) 0,6—0,8 *м* — второй культурный слой в ольховом торфе содержит культурные остатки с поздней ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой (редкоямочной).
4) 0,8—1,0 *м* — третий культурный слой в ольховом торфе. В нем встречена ямочно-гребенчатая и гребенчато-ямочная керамика.
5) 1,0—1,40 *м* — четвертый культурный слой в ольховом и древесно-тростниковом торфе с находками гребенчато-накольчатой керамики.
6) 1,40—1,55 *м* — стерильная прослойка древесно-тростникового торфа с песком, без находок.
7) 1,55—1,70 *м* — пятый культурный слой в древесно-тростниковом торфе, подстилаемым песком. Культурные остатки позднемезолитического времени [10].

Таким образом, на стоянке Ивановское III в торфяной толще было обнаружено пять культурных слоев, относящихся ко времени сетчатой керамики, позднего неолита, развитого неолита с ямочно-гребенчатой керамикой, раннего неолита с гребенчато-накольчатой керамикой и мезолита. Наибольший интерес для нас представляет слой с гребенчато-накольчатой керамикой, отнесенный к верхневолжской, древнейшей неолитической культуре центра Русской равнины.

В последующие годы (1973—1974) стратиграфия стоянки, количество культурных слоев и чередование их подтвердились. Раскопками 1974 г. обнаружен более мощный культурный слой с верхневолжской керамикой — около 50 *см*, чем в раскопе 1972 г.

Следует указать, что между слоями с ямочно-гребенчатой и гребенчато-накольчатой керамикой нет стерильной прослойки. Вопрос о возрасте верхневолжского ранненеолитического и других слоев на стоянке Ивановское III решается на основе последовательной стратиграфии слоев, палинологических данных и радиоуглеродных датировок.

Спорово-пыльцевая диаграмма (рис. 1), составленная по разрезу, примыкающему к раскопу 1973 г., охватывает почти весь голоцен; подразделяется она на периоды Блитта-Сернандера, что позволяет определить время формирования осадков и культурных слоев.

Накопление отложений началось в позднем дриасе (DR — 3), примерно 10 300 — — 11 000 лет назад, когда отложились пески в основании болотной толщи. Здесь выделяются типичные для позднеледниковья спектры с высоким содержанием пыльцы полыней, маревых и карликовых берез. Выше (глубина 1,5—2,05 *м*) залегают осадки предбореального (PB) и бореального (BO) периодов (10 300—8000 лет назад) с господством пыльцы сосны и березы, отражающим начало послеледникового лесного этапа развития растительности. За это время накопилась толща торфов и прослойка песка, в который залегает мезолитический культурный слой. Этот слой расположен примерно на уровне рациональной границы кривой пыльцы широколиственных пород и может быть отнесен ко второй половине бореального периода.

Радиоуглеродная датировка образца торфа, взятого в 1969 г. непосредственно под культурным слоем с глубины 1,7—1,8 *м* — 8850±700 лет (ГИН-242), полностью согласуется с палинологическими данными. В ат-

[10] Позднее раскоп был пройден до глубины 2,30 *м*. С глубины 1,70 *м* до 2,05 *м* шел древесный торф с песком и находками мезолитического времени. На глубине 2,05 *м* и ниже шли среднезернистые пески, подстилаемые сизой материковой глиной без находок.

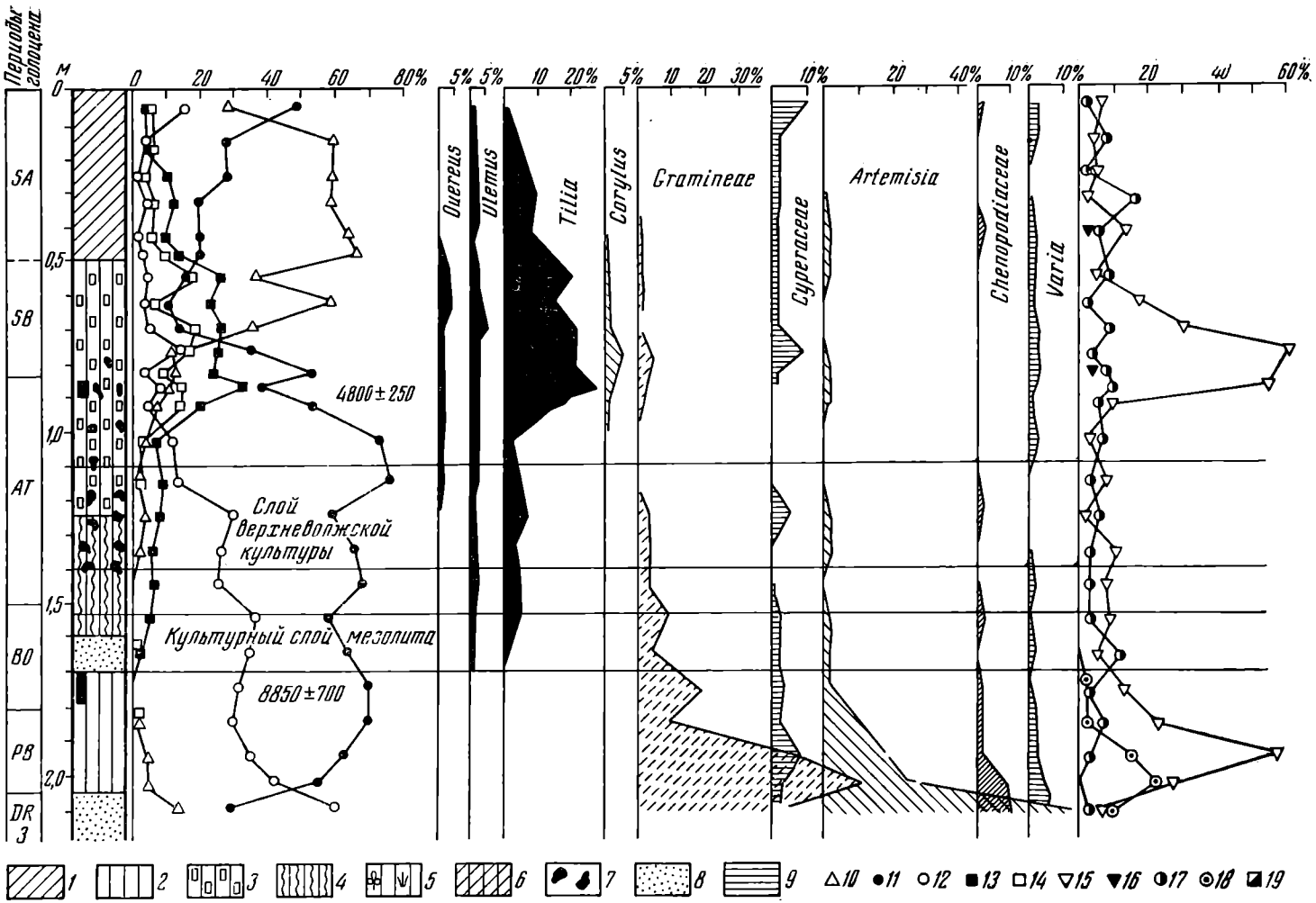



Рис. 1. Пыльцевая диаграмма торфяной залежи у стоянки Ивановское III. Условные обозначения к этой и другим диаграммам: торфа: *1* — основной, *2* — древесный, *3* — ольховый, *4* — древесно-тростниковый, *5* — травяно-вахтовый, *6* — древесно-осоковый, *7* — нарушенные слои торфа; минеральные находки: *8* — пески, *9* — глины; пыльца: *10* — ели, *11* — сосны, *12* — березы, *13* — широколиственных пород, *14* — ольхи; споры: *15* — гипновых мхов; *16* — сфагновых мхов, *17* — папоротников, *18* — хвощей, *19* — плаунов

лантическом периоде (8000 — 4500 лет назад) происходило накопление ольхового и древесно-тростникового торфа в интервале 0,85—1,5 м. Здесь прослеживаются два культурных слоя — развитого неолита с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой (глубина 0,8 — 1,0 *м*) и нижележащий слой (1,0—1,25 *м*) раннего неолита с гребенчато-накольчатой керамикой (верхневолжская культура). Верхний из указанных слоев совпадает с максимумом пыльцы широколиственных пород (глубина 0,85—0,9 *м*) и датируется по данным $C^{14}$ в 4800±250 лет назад (ГИН-241). Полученная дата подтвердила ранее высказанное мнение о том, что этот максимум в разрезах голоценовых отложений центра Русской равнины оценивается примерно в 4700—4800 лет назад (начало III тысячелетия до н. э.) [11]. Так, в разрезе болота Берендеево, расположенного в 30 *км* к югу от Ивановского торфяника, аналогичный уровень датируется в 4750±190 и 4720±190 лет.

Рассматриваемый культурный слой с ямочно-гребенчатой керамикой в разрезе Ивановское III прослеживается и несколько ниже максимума пыльцы широколиственных пород, уходя, таким образом, в отложения конца IV тысячелетия до н. э. В свете этих данных можно считать, что племена с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой существовали на стоянке Ивановское III в конце IV — начале III тысячелетия до н. э.

Еще более древний возраст имеет залегающий ниже культурный слой с гребенчато-накольчатой керамикой. По пыльцевым данным он относится ко второй половине атлантического периода или к середине IV тысячелетия до н. э. В пользу этого вывода свидетельствует и радиоуглеродная датировка — 5560±100 лет (ЛЕ-1109), полученная для аналогичного культурного слоя с гребенчато-накольчатой керамикой на стоянке Ивановское V.

Рассмотрим теперь многослойную стоянку Языково I, расположенную на болоте Савцинское в 20 *км* к северо-востоку от Кашина в Калининской обл. Эта стоянка приурочена к суходольному острову на болоте, отделенному от берега неширокой перемычкой — понижением, заполненным толщей озерно-болотных отложений. В районе торфяной перемычки Ю. Н. Урбаном были заложены раскопы, которые вскрыли несколько шлейфов культурных слоев, тянущихся от суходольной части стоянки. Верхние слои торфяника 0—0,3 *м* в данном пункте нарушены в результате осушительных работ.

В контрольном разрезе установлены следующие шлейфы культурных слоев: в нижней части разреза, в слое песка и в перекрывающей его прослойке древесного торфа (глубина 2,5—2,6 *м*) найдена гребенчато-накольчатая керамика, аналогичная той, которая впервые была обнаружена на стоянке Ивановское III. Несколько выше (2,3—2,4 *м*) в древесном торфе отмечен слой с гребенчато-накольчатой и гребенчато-ямочной керамикой. В прослойке песка прослежен смешанный слой (2,1—2,13 *м*), где встречается гребенчато-накольчатая керамика и отдельные фрагменты ранней ямочно-гребенчатой керамики льяловского типа. В самой верхней части песчаной прослойки и вышележащем древесно-травяном торфе на глубине 2,0—2,1 *м* залегает хорошо выраженный слой с ранней ямочно-гребенчатой керамикой льяловского типа.

В этом же слое, но в верхнем горизонте отмечается в небольшом количестве волосовская керамика раннего типа. В слое древесно-травяного торфа на глубинах 1,55; 1,69; 1,7 и 1,8 *м* отмечены отдельные фрагменты поздней ямочно-гребенчатой керамики. В самой верхней части этого слоя (1,20—1,25 *м*) прослеживается хорошо выраженный шлейф куль-

---

[11] *Н. А. Хотинский.* Корреляция голоценовых отложений и абсолютная хронология схемы Блитта – Сернандера. Сб. «Голоцен», 1969.

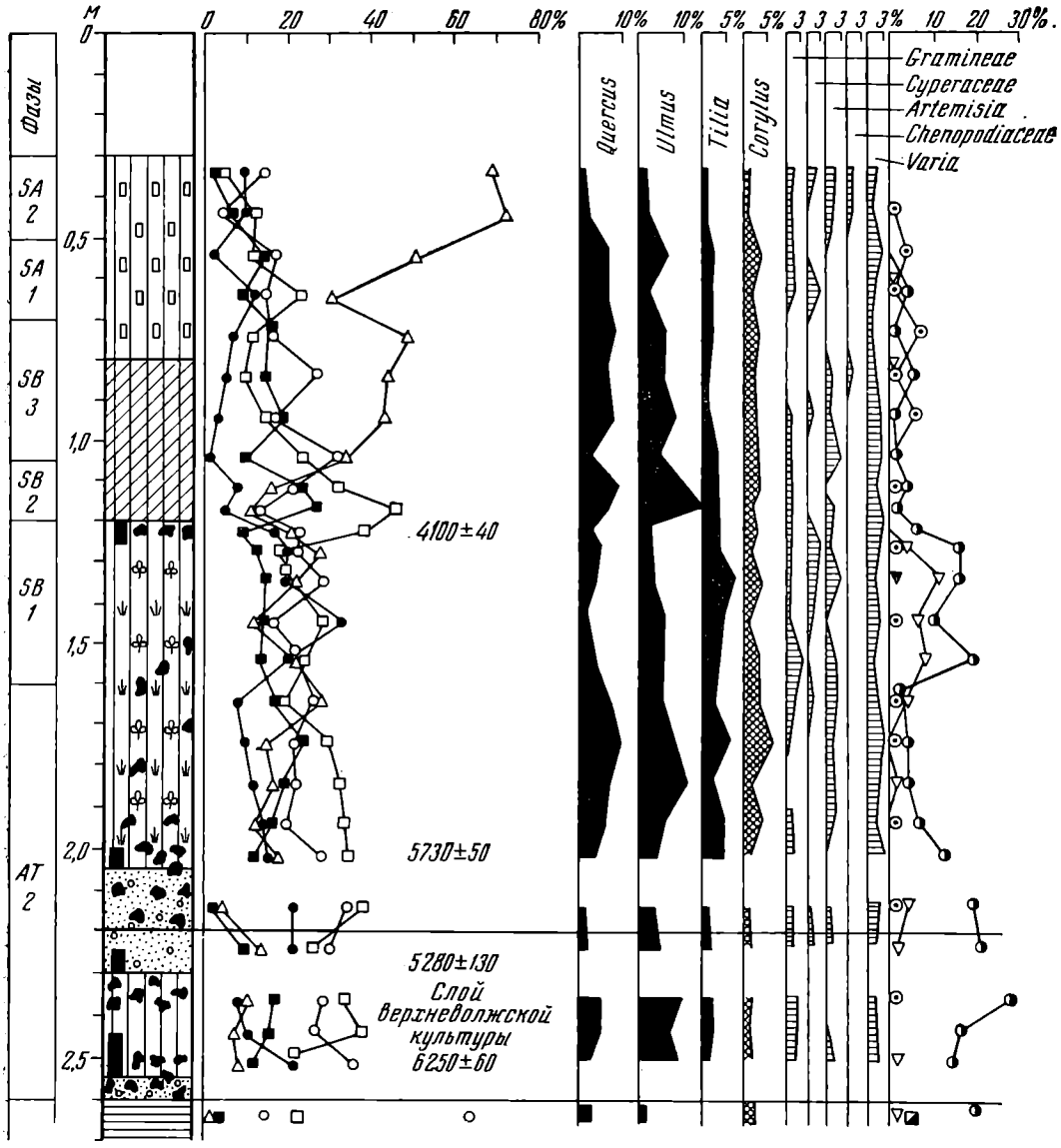



Рис. 2. Пыльцевая диаграмма торфяной залежи у стоянки Языково I (усл. обознач. см. рис. 1)

турного слоя с поздней гребенчатой керамикой (поздневолосовской), здесь же встречается керамика эпохи бронзы.

Спорово-пыльцевая диаграмма данного разреза (рис. 2) охватывает вторую половину голоцена: примерно от середины атлантического периода до второй трети субатлантического времени. Ко второй половине атлантического времени (АТ-2)мы относим отложения в интервале 1,6—2,6 *м*. Для этого отрезка характерно высокое содержание пыльцы широколиственных пород, особенно пыльцы дуба, которая в более ранних осадках голоцена почти полностью отсутствует. Об атлантическом возрасте осадков свидетельствуют три радиоуглеродные даты, полученные в нижней части разреза. Дата 6250±60 лет (ЛЕ-1080) получена для древесного торфа со строительной щепой с глубины 2,45—2,55 *м*. Она определяет возраст слоя с гребенчато-накольчатой керамикой и является наиболее древней датировкой, полученной для верхневолжской неолитической культуры. Таким образом, согласно радиоуглеродным данным, нижняя граница неолита центра Русской равнины должна быть понижена до начала последней четверти V тысячелетия до н. э.

Дата 5280±130 лет (ЛЕ-1079) получена по древесным остаткам из прослойки песка с глубины 2,25—2,32 *м*. Она определяет возраст культурного слоя с гребенчато-накольчатой и гребенчато-ямочной керамикой (переходный слой по Ю. Н. Урбану). Дата 5730±50 лет (ЛЕ-1081) получена по образцу древесно-травяного торфа (2,0—2,05), взятого непосредственно над песчаной прослойкой. Она относится к культурному слою с ранней ямочно-гребенчатой керамикой льяловского типа. Таким образом, две последние даты обнаруживают определенную хронологическую инверсию, что, вероятно, связано с возможным смещением слоев в результате хозяйственной деятельности древнего человека. Вместе с тем они хорошо согласуются с палинологическими данными, позволяя с достаточной уверенностью относить датируемые нами культурные слои к концу атлантического периода. Дата 4100±40 лет (ЛЕ-1082), полученная по образцу древесного торфа с глубины 1,2—1,25 *м*, определяет возраст культурного слоя с поздней гребенчатой (поздневолосовской) керамикой, относящегося к концу первой трети суббореального периода.

Материалы стоянки Языково I позволяют установить возраст вскрытых здесь культурных слоев раннего неолита. Древнейший неолитический слой с гребенчато-накольчатой керамикой (верхневолжская культура) укладывается примерно в интервале от начала последней четверти V тысячелетия до н. э. до последней четверти IV тысячелетия до н. э. Слой с ранней ямочно-гребенчатой керамикой льяловского типа приходится на самый конец IV тысячелетия до н. э.

Рассмотрим еще многослойную стоянку Сахтыш I, находящуюся близ поселка Сахтыш Тейковского р-на Ивановской обл. Она расположена на окраине обширного торфяного месторождения — бывшего оз. Сахтыш, у истока р. Койки. В контрольном шурфе, заложенном на торфянике в районе выхода из жилища, вскрывшем пласт низинного (в основном ольхового) торфа, обнаружены следующие шлейфы культурных слоев. На глубине 1,4 *м* — обломок сосуда верневолжского типа. Слой с ранней ямочно-гребенчатой керамикой обнаружен в слое ольхового торфа на глубине 1,2—1,8 *м*; несколько выше прослеживается слой с особой тонкостенной редкоямочной керамикой, отнесенный нами к так называемому протоволосовскому этапу. Смешанный культурный слой с преобладанием волосовской керамики и небольшим количеством тонкостенной керамики отмечен на глубине 1,0—1,1 *м*. Чисто волосовский слой залегает в песчаной прослойке и несколько выше ее в слое ольхового торфа на глубине 0,9—1,0 *м*. На глубине 0,7—0,9 *м* встречалась волосовская керамика. Выше идет чистый торф.

Пыльцевая диаграмма разреза (рис. 3) охватывает вторую половину голоцена; выделяются осадки второй половины атлантического периода (АТ-2), суббореального периода (подразделяемого на три зоны SB-1, SB-2, SB-3) и начала субатлантического периода (SA-1). Здесь прослежены три руководящих уровня, радиоуглеродный возраст которых мы хорошо знаем. Первый из них — максимум пыльцы широколиственных пород (глубина 1,05 *м*) — датируется в 4700—4800 лет. Второй — атлантико-суббореальный рубеж, определяемый по падению кривой пыльцы широколиственных пород (глубина 0,9 *м*), оценивается в 4500 лет. Третий — граница между двумя суббореальными зонами (B-1 и B-2), выраженная на диаграмме не вполне четко (примерно на глубине 0,6 *м*), датируется в 4000 лет.

Опираясь на эти уровни и радиоуглеродные даты, полученные в других разрезах стоянки Сахтыш I, попытаемся определить возраст культурных слоев раннего неолита. Следы верхневолжской культуры, отмеченные в низах разреза, можно отнести ко второй половине атлантического периода. Возможно, что к этой культуре относится датировка 6560±±250 лет (ЛЕ-1021), полученная по бересте из кострища в раскопе. За (кв. 44—47). К более позднему этапу второй половины атлантического

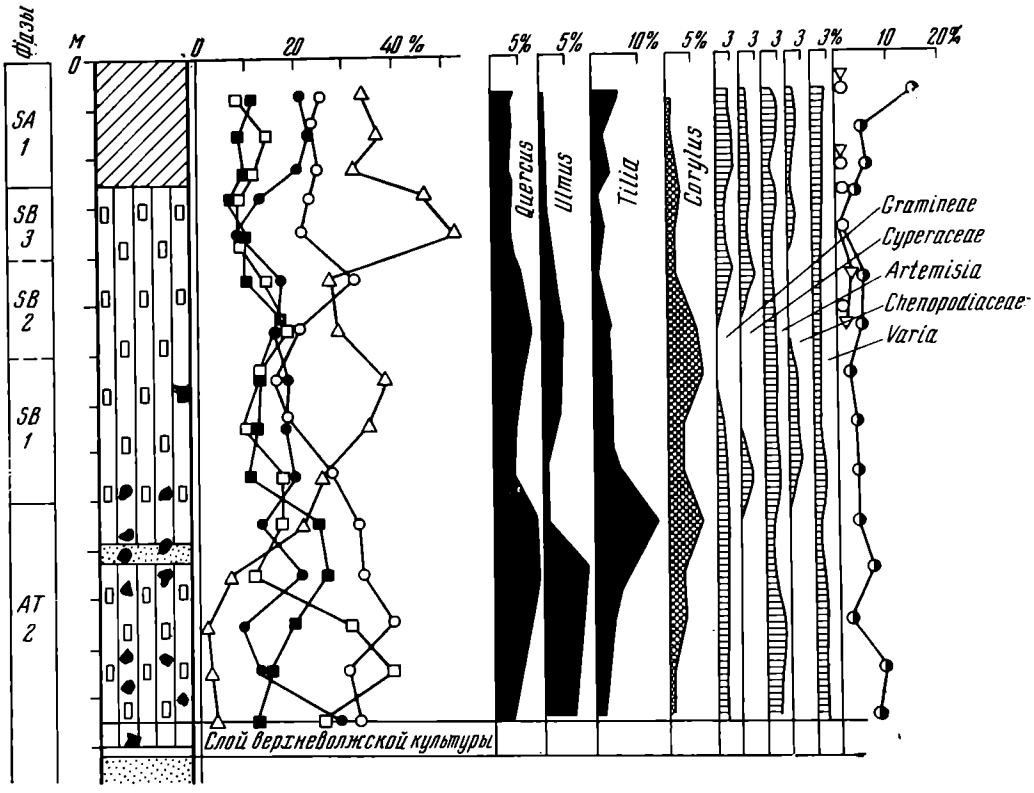



Рис. 3. Пыльцевая диаграмма торфяной залежи у стоянки Сахтыш I (усл. обознач. см. рис. 1)

периода относится слой с ранней ямочно-гребенчатой керамикой. Для аналогичных слоев в других разрезах стоянки Сахтыш I были получены следующие даты: 5150±40 лет (ЛЕ-1024), 5000±70 лет (ЛЕ-1020).

Суммируя рассмотренные материалы, можно считать, что древнейшие неолитические племена верхневолжской культуры были распространены в центре Русской равнины примерно от середины V до последней четверти IV тысячелетия до н. э. Что касается ранних неолитических племен культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, то они появляются в последней четверти IV тысячелетия до н. э.

На время раннего неолита приходится климатический оптимум голоцена, наиболее теплый и относительно влажный этап послеледниковья. Оптимальное соотношение тепла и влаги содействовало наибольшему «расцвету» растительного и животного мира умеренного пояса Европы.

Палеоботанические данные указывают, что ранненеолитические племена жили в центре Русской равнины, когда здесь значительно более, чем теперь, были распространены многоярусные широколиственные леса, обладающие высокой биологической продуктивностью и благоприятными условиями для добывания растительной и животной пищи.

К раннему неолиту относится сравнительно высокое стояние вод в гидрологической сети центра Русской равнины, о чем свидетельствует приуроченность стоянок этого времени к относительно высоким гипсометрическим уровням. Озерные водоемы, на которых селился человек, сохраняли вплоть до конца атлантического периода более или менее свои первоначальные размеры и лишь позднее, при переходе к суббореальному периоду, начали интенсивно сокращаться и заторфовываться. В целом можно говорить о том, что переход к неолиту произошел в центре Русской равнины в чрезвычайно благоприятных природно-биологических условиях.

Основные черты верхневолжской ранненеолитической культуры характеризуются своеобразной гребенчато-накольчатой керамикой, резко отличающейся от ямочно-гребенчатой керамики по цвету и форме сосудов, по примесям и орнаментике.

Обломки этой посуды имеют красновато-коричневатый или коричневато-желтоватый оттенок и часто снаружи покрыты тонким слоем хорошо отмученной глины (ангобом), а иногда тонким слоем красной краски. Краска не может быть случайным явлением на ранненеолитической верхневолжской посуде, так как окрашенная посуда найдена в разных стоянках. Возможно, она имела ритуальное значение. На внутренней стороне часто встречается штриховка в виде «расчесов», или заглаживание. Эта характерная черта зависела, очевидно, от особой техники выделки посуды. Внутренняя сторона чаще всего имеет черный цвет. Обжиг различен, но в основном слабый.

Тесто, из которого сделаны сосуды, приготавливалось из разной глины. Этим, очевидно, и можно объяснить некоторые различия в его составе и примесях на разных поселениях. Всюду основной примесью является песок и мелко толченый камень, но иногда встречается растительная или раковинная примеси. Не редки включения комков буровато-красного цвета, часто принимаемых за шамот. По заключению А. А. Бобринского, эти комки нельзя принимать за искусственные примеси, они являются естественным образованием, свойственным для многих месторождений легкоплавкой глины бассейнов Верхнего Днепра и Волги.

О форме сосудов пока говорить трудно, так как ни одного целого сосуда не найдено, но, судя по крупным фрагментам от разных частей сосудов, они сохранили древнюю форму, характеризующуюся широким открытым горлом, прямыми стенками, суживающимися к острому или округлому дну. У первых иногда наблюдается заострение на дне в виде сосочка. Следует отметить, что чем ближе ко дну, тем стенки сосудов толще, что вполне естественно при ручной лепке ленточной техникой.

Размеры сосудов различны. Венчики их более или менее однообразны для всего ареала культуры. Большей частью они заострены и скошены внутрь под острым углом к прямой стенке или с некоторой закругленностью. Скошенность бывает продолговатая отлогая или короткая крутая. Встречаются венчики с прямым срезом, особенно у небольших сосудов (мисок, чашек, кубков и пр.). Такие венчики иногда орнаментированы по срезу. Есть венчики, заостренные с двух сторон, и очень редки венчики, слегка отогнутые наружу. Толщина стенок сосудов различна. Встречаются тонкостенные небольшие сосуды от 0,4 до 0,5 *см* и от 0,5 до 0,6 *см*, но часты и толстостенные — от 0,8 до 1,3 *см*.

Верхневолжская ранненеолитическая керамика по орнаменту резко отличается от ямочно-гребенчатой не только по способу нанесения орнаментальных узоров, но и по элементам и характеру их расположения на сосудах. Верхневолжскую керамику можно назвать в отличие от ямочно-гребенчатой гребенчато-накольчатой (или гребенчато-тычковой). В ней выделяются следующие основные элементы узоров: тычково-накольчатый, прочерченный, гребенчатый разного характера (пунктирный, мелко-, средне- и крупнозубчатый) и ямочный. В каждом из этих элементов есть вариации.

Основным элементом орнамента является тычково-накольчатый. Тычки и наколы разнообразны по технике нанесения, по форме и составляют разные композиции рисунка. Значительное количество сосудов орнаментировано так называемым ложношнуровым орнаментом, нанесенным оттисками отступающей лопаточки в виде параллельных линий, расположенных по тулову в разных направлениях, иногда составляющих треугольники (рис. 4, *4, 11, 12, 14, 15*). Отпечатки крупные и мелкие. Этот орнамент встречается главным образом в нижних горизонтах ранненеоли-

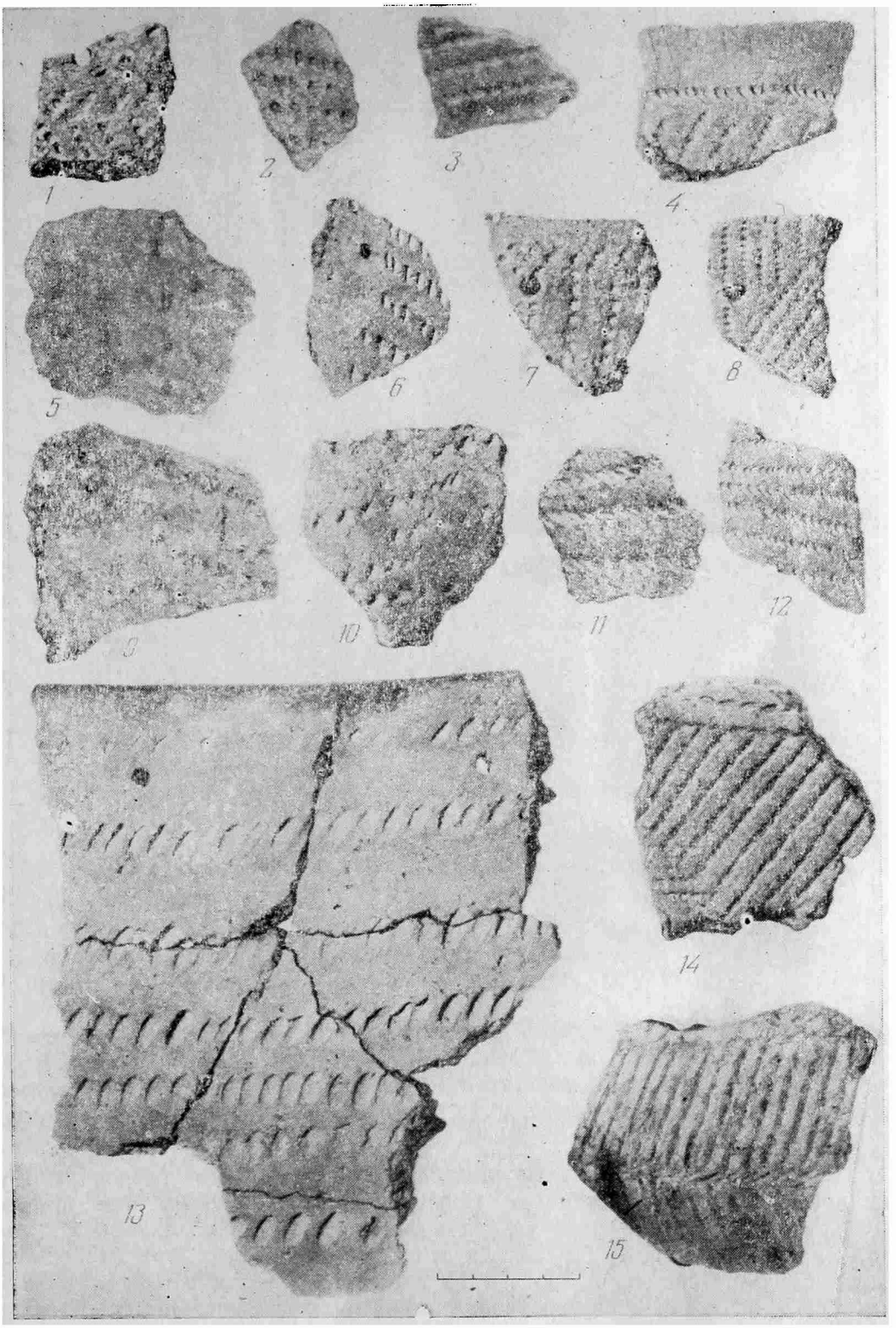


Рис. 4. Керамика верхневолжской культуры. *1*, *2*, *4*, *6*, *11*, *12*, *14*, *15* — Ивановское III; *13* — Сахтыш I; *3*, *5*, *9*, *10* — Сахтыш VIII; *7*, *8* — Языково III; *15* — Ивановское VII

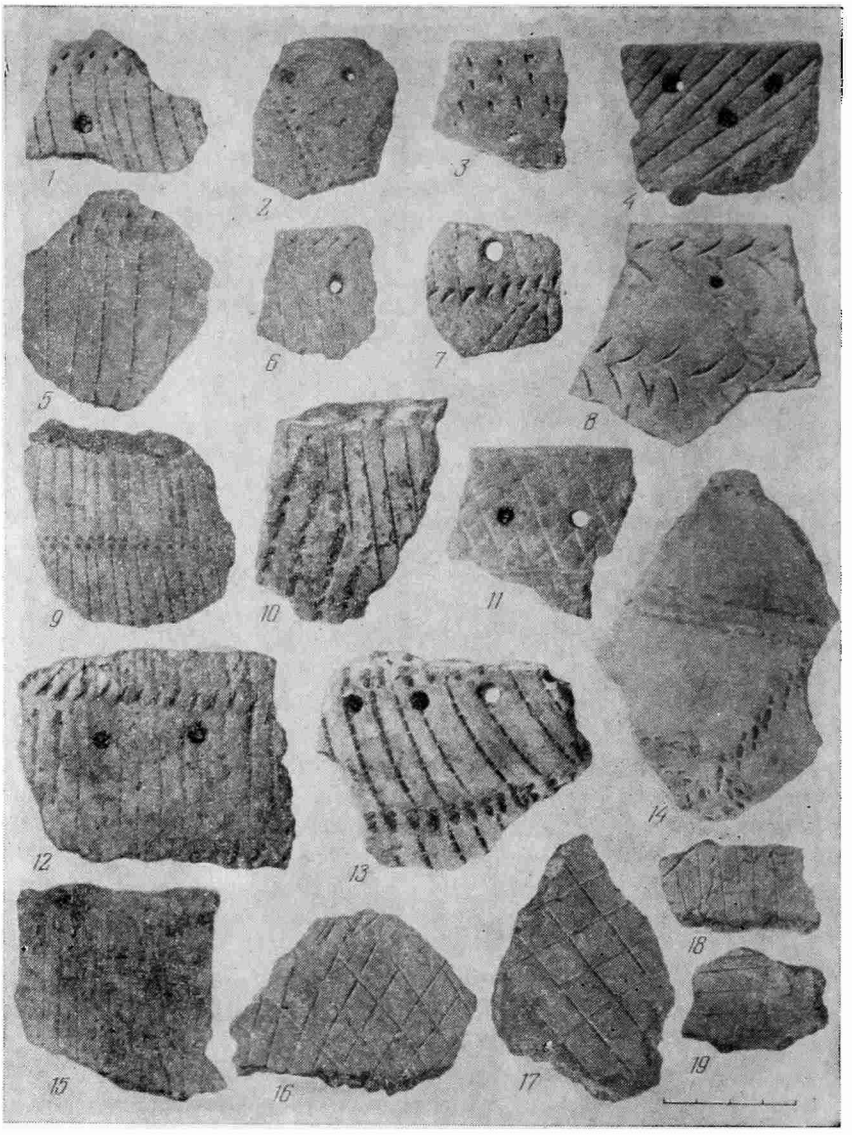


Рис. 5. Керамика верхневолжской культуры. *1*, *2*, *3*, *4*, *5*, *6*, *8*, *11*, *14*, *15*, *16*, *17* — Сахтыш VIII; *7*, *9*, *10*, *12*, *13*, *18*, *19* — Ивановское III

тических слоев стоянок, и орнаментированы им только толстостенные сосуды с заостренным дном.

Наряду с ложношнуровым орнаментом встречаются разнообразные тычковые наколы, нанесенные отступающей лопаточкой в виде прямоугольных вдавлений с одной углубленной стороной, расположенных в линии (канавки) (рис. 4, *1—3, 7, 8*); в виде рядов полулунниц косых или вертикальных (рис. 4, *6, 13*). Такие вдавления иногда образуют параллельные линии или елочный узор в виде рядов овальных или каплевидных вдавлений, поставленных вертикально или косо (рис. 4, *5, 9*; 5, *3*) в виде полулунниц, вытянутых в линии горизонтально (рис. 6, *16*). Встречаются и ряды ногтевидных узких вдавлений в виде запятых, расположенных в линию или елочку (рис. 5, *8*; 6, *2, 3, 8, 12, 15*). Нередки треугольные наколы, поставленные рядами вертикально или горизонтально (рис. 4, *10*; 6, *1, 14*). Часто встречаются, особенно на западе ареала культуры, мелкие кругло-ямчатые вдавления, расположенные в линии или группами. Точечные наколы редки (рис. 5, *2*; 6, *4, 7, 9, 11*). Пере-

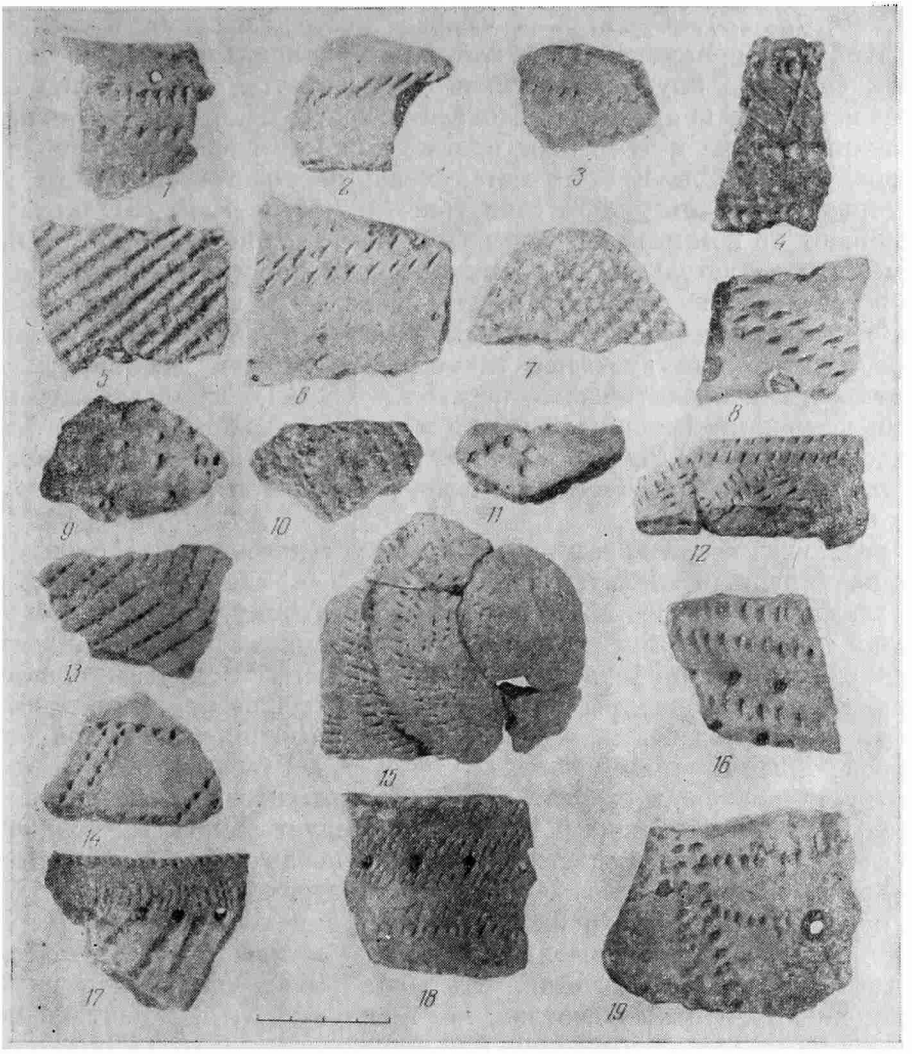


Рис. 6. Керамика верхневолжской культуры. *1, 5, 6, 7, 8* — Боринка II; *2, 3, 4* — Ронское I; *9* — Ланино-Мыс; *10, 11* — Завирье: *12, 13, 14, 15, 16*— Скрабы III; *17, 18* — Языково III; *19* — Торговище I

численными выше элементами не исчерпывается тычково-накольчатый орнамент. Тычковые узоры встречаются как в чистом виде, так и в смешении с другими элементами (пунктирным, прочерченным, зубчатым, ямочным, точечным и т. д.). Сами ряды тычковых вдавлений составляют довольно сложные узоры в виде треугольников, групп косых параллельных линий, елочных узоров и пр. Они покрывают не всю поверхность сосудов.

Прочерченный орнамент встречается часто, но реже, чем тычково-накольчатый. Он характеризуется длинными или короткими нарезными линиями разной ширины и глубины. Композиции рисунка близки ложношнуровому и гребенчатому орнаментам. Прочерченные линии идут параллельными скошенными рядами, образуя геометрические фигуры (треугольники, ромбическую сетку, группы линий в разных направлениях и пр.) и елочные узоры (рис. 5, *15—19*). Этот орнамент встречается как в чистом виде, так и в сочетании с другими элементами (рис. 4, *4*; 5, *10*). Обломки сосудов с этим орнаментом обнаружены и в нижних, и в верхних горизонтах ранненеолитических слоев.

Одним из наиболее распространенных элементов орнаментики является гребенчатый, нанесенный разными штампами (рис. 5, *4, 7, 11, 13,*

*14*; 6, *10, 13, 18*). Среди них особое место занимает пунктирный — гонкозубчатый орнамент (короткий или удлиненный). Линии из пунктирных зубчиков идут параллельно друг другу. Располагаются они по тулову в разных направлениях, образуя треугольники, ромбические сетки, елочные узоры и т. д. Этот орнамент широко распространен по всему ареалу культуры и встречается чаще на толстостенных сосудах во всех горизонтах культурного слоя (рис. 5, *1, 5, 6, 7, 9, 12*). Сами узоры напоминают по композиции узоры тычковые (ложношнуровые) и прочерченные, что свидетельствует об их одновременности. Пунктирный орнамент встречается не только в чистом виде, но и в сочетаниях с другими элементами (тычковым, ямочным, ямчатым, прочерченным и пр.).

Гребенчатые или зубчатые элементы орнамента доминируют в орнаментике ранненеолитической керамики. Они наносились разными зубчатыми штампами (мелким, средним и крупным). Композиции этого элемента орнамента одинаковы с пунктирным. Он также встречается в чистом виде и в разных сочетаниях с другими элементами (рис. 5, *4, 5, 13*; 6, *18*).

В верхневолжской керамике присутствует и ямочный элемент, но он носит подчиненный характер (рис. 4, *7, 8*; 5, *4, 11, 12*; 6, *16—18*). Ямочные вдавления имеют такую же форму и глубину, как и в ямочно-гребенчатой керамике. Чаще встречается один ряд ямок под венчиком или редкие одиночные ряды ямок, перемежающиеся с другим орнаментом (пунктирным, прочерченным, гребенчатым и тычковым). Иногда на внутренней стороне под этими ямками, как и в ямочно-гребенчатой керамике, прослеживаются жемчужины.

На верхневолжских сосудах встречаются и сквозные отверстия, имевшие, вероятно, специальное назначение. Следует отметить, что подобные сквозные отверстия наблюдаются и на ранненеолитической посуде в нарвской, днепро-донецкой и волго-камской культурах.

В целом орнаментика верхневолжской ранненеолитической керамики представляет собой уже довольно сложные мотивы и узоры. К сожалению, мы пока не можем установить общий план композиции рисунков, так как не имеем целых сосудов, но, по-видимому, орнамент не покрывал все тулово сосуда, особенно при накольчато-тычковой орнаментике. Между узорами есть поля без орнамента. Часто округлые днища сосудов имеют концентрические круги из «каплевидных» или «ногтевидных» тычковых вдавлений. Пока мы не имеем данных для разделения ранненеолитической керамики на горизонты. Керамика с различными элементами узора наблюдается одинаково на всех горизонтах.

Верхневолжскую ранненеолитическую керамику никак нельзя назвать примитивной. Она предстает перед нами в развитом виде и не может быть причислена к категории самой ранней керамики. Нам представляется, что ей должна предшествовать толстостенная керамика типа стоянки Черная Грязь [12] с прочерченным орнаментом или какая-то иная керамика.

Кремневый инвентарь верхневолжской культуры имеет мезолитический облик. Основная масса орудий изготовлена на пластинах. Сама техника производства продолжает мезолитические традиции. Использовался валунный кремень разных цветов (черный, серый, коричневый, желтый, красный и др.) Нуклеусы конические с узкими отжатыми пластинками (рис. 7, *11—15*), микропластинками и отщепами. Встречены и другие нуклеусы. Отбойниками служили различные каменные гальки.

Основную массу находок составляют разнообразные скребки на отщепах (рис. 8, *17—20*), микроскребки на округлых отщепах (рис. 8, *13*), концевые скребки на пластинках и пластинчатых отщепах (рис. 8, *10*, *14—16*), скребковидные орудия на отщепах и скребла. Вторую группу

[12] *Д. А. Крайнов.* Новая мезолитическая стоянка..., стр. 97.

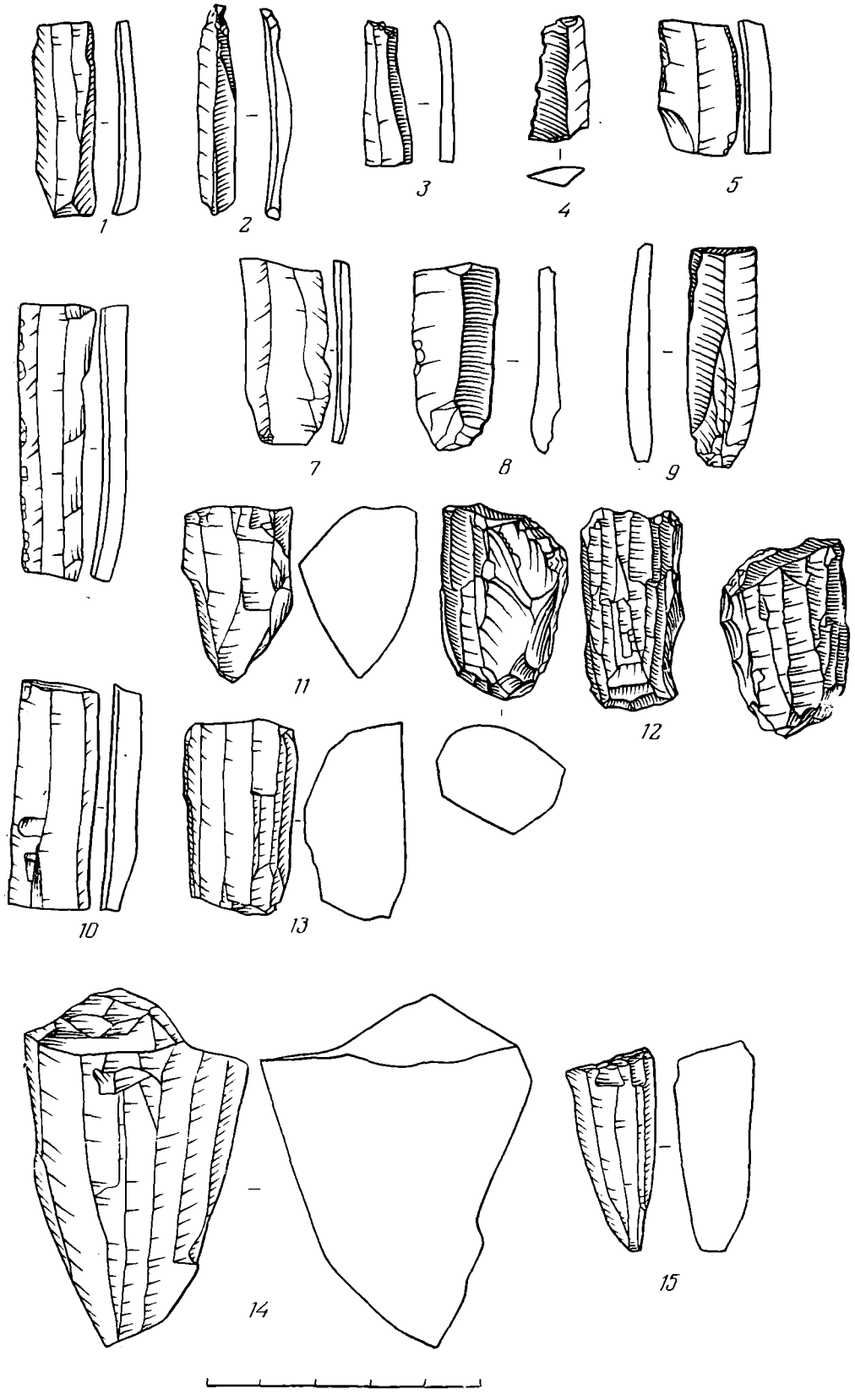



Рис. 7. Кремневые орудия верхневолжской культуры. *1*, *2*, *14* — Ивановское I; *3*, *4*, *6*, *7*, *8*, *9*, *10*, *11*, *12*, *13*, *15* — Сахтыш VIII: *5* — Ивановское VII

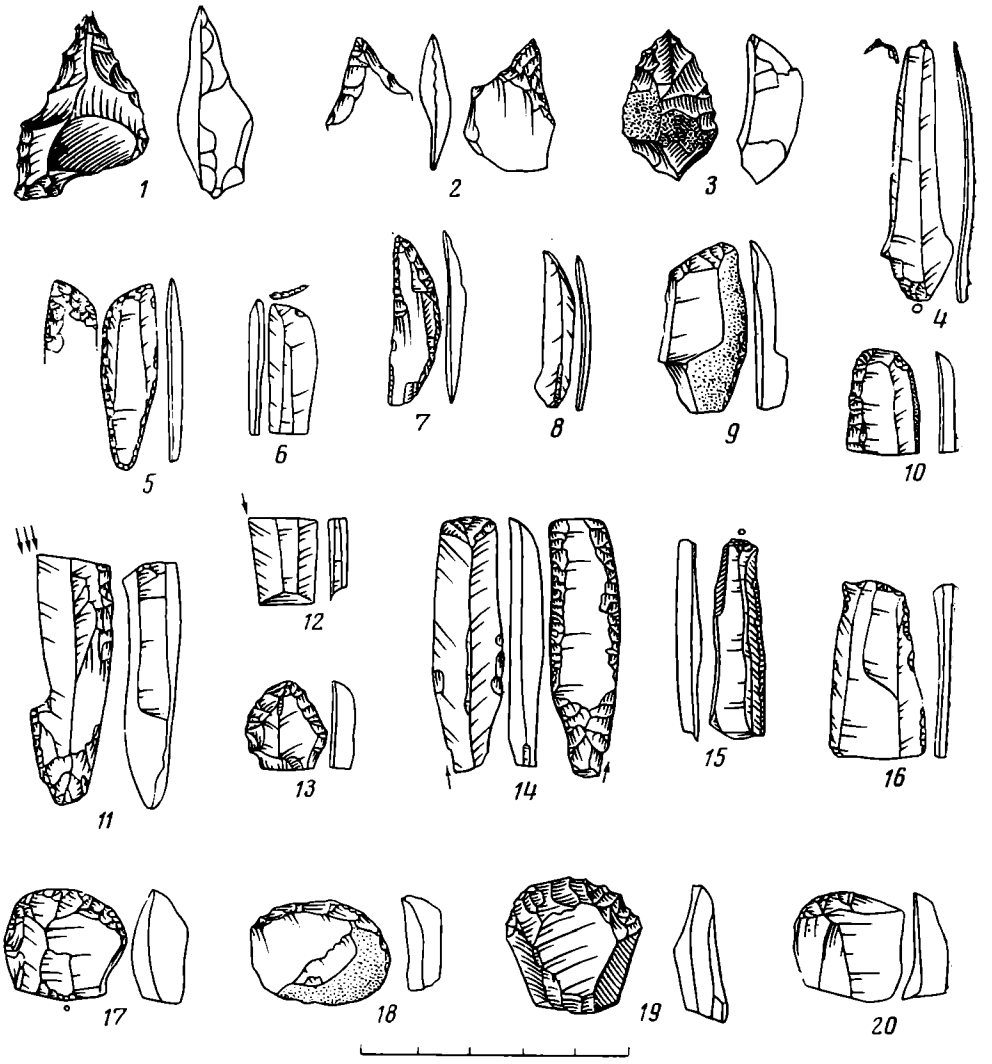


Рис. 8. Кремневые орудия верхневолжской культуры. *1, 3, 19* — Ивановское III; *2, 4, 5, 6, 8—18, 20* — Сахтыш VIII; *7* — Сахтыш I

орудий составляют наконечники стрел постсвидерского типа на пластинках, с ретушью с брюшка на острии и у черешка со спинки (рис. 9, *1—4, 6—10, 12—17*).) Среди них есть однотипные, отличающиеся только размерами (рис. 9, *1—3, 6, 9* )и встречающиеся на всех стоянках верхневолжской культуры, являясь самыми характерными для нее орудиями.

В более поздних стоянках найдены ромбические наконечники стрел на пластинках с краевой или сплошной ретушью по спинке и с краевой ретушью с брюшка (рис. 9, *5, 18*).

Значительную группу составляют резцы на углу сломанных пластинок (рис. 8, *11—12*). Резцовые сколы короткие. Встречаются резчики на углу обломанных пластинок с ретушью вместо резцовых сколов (рис. 8, *6, 9*; 10, *14, 15, 23*). Найдены и резцы на отщепах. Очевидно, резцы играли значительную роль в хозяйственной жизни при изготовлении вкладышевых орудий и обработке кости.

В количественном отношении преобладают пластинки с краевой ретушью и без ретуши (рис. 7, *1—10*; 10, *16, 18, 27*) и всевозможные сечения (рис. 10, *1—13, 17*), которыми оснащались костяные гарпуны, кинжалы, костяные или деревянные основы ножей и т. д. (на стоянке Ивановское III встречены гарпуны и костяные основы для вкладышей).

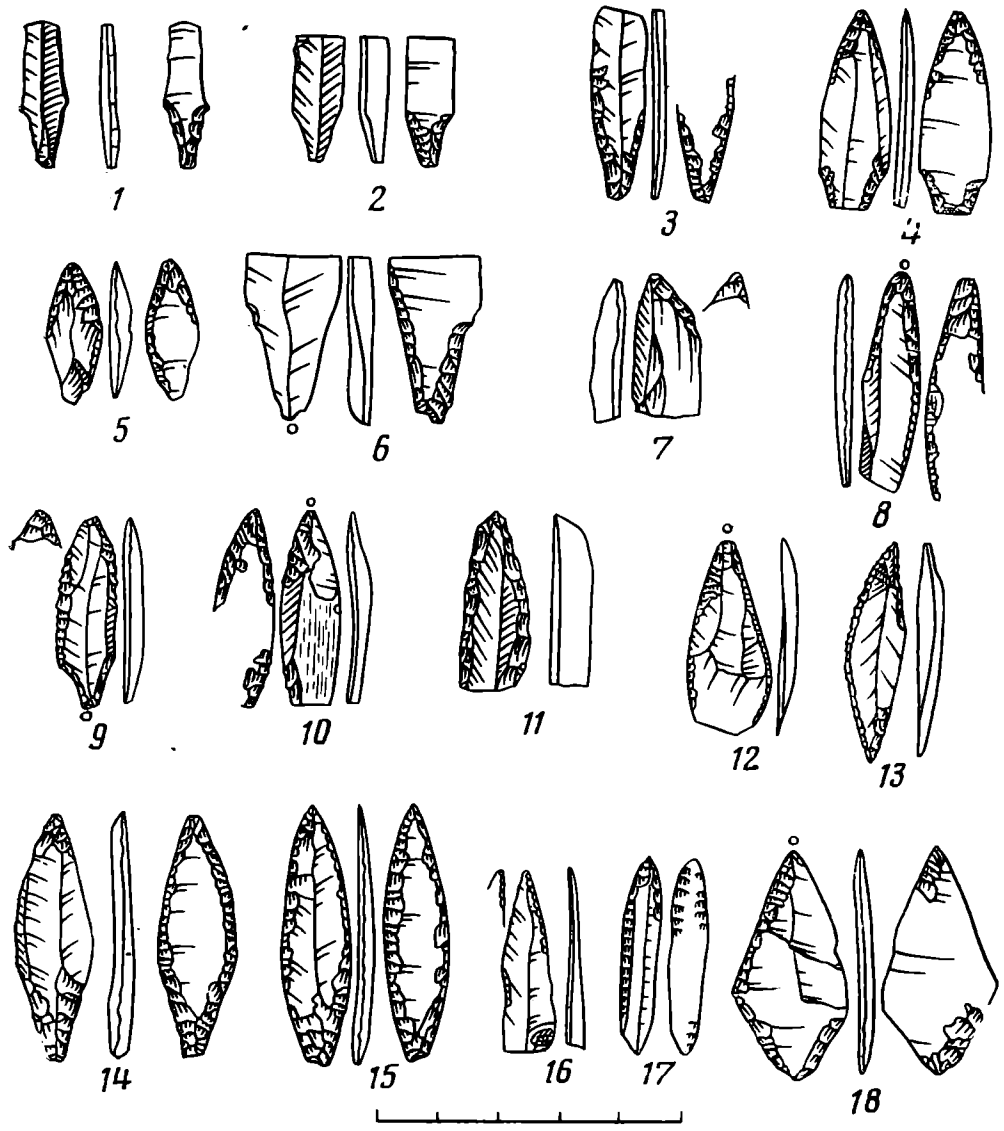


Рис. 9. Кремневые орудия верхневолжской культуры. *1, 5, 6, 7, 10, 11, 13, 14, 15, 17, 18* —Сахтыш VIII; *2, 3, 4, 8, 9, 12, 16* — Ивановское III

Преобладание сечений и пластинок в кремневой индустрии ранненеолитических племен свидетельствует о связи с местным мезолитом. Встречаются острия на концах пластинок или пластинчатых отщепов, сделанные при помощи легкой ретуши с брюшка на заостренных концах (рис. 8, *3, 4*; 9, *11, 16*). Надо отметить, что традиции здесь те же, что и в мезолите.

Редко, но встречаются пластинки с ретушью на скошенных концах (рис. 8, *5, 7, 8*). Найдены ножи на пластинчатых отщепах с краевой ретушью и проколки на концах отщепов (рис. 8, *1, 2*).

Часты находки отщепов и осколков со следами обработки, частичной ретушью или следами от работы. Очевидно, они использовались для резания, скобления и пр. Очень редко встречаются крупные кремневые и каменные тесла и топоры с подшлифовкой лезвия.

В культурных слоях встречаются каменные плитки, служившие подсобными средствами для обработки кремневых орудий. Сам характер перечисленных выше вещей и техника их выделки свидетельствуют о сохранении в раннем неолите мезолитических традиций. Эта характерная

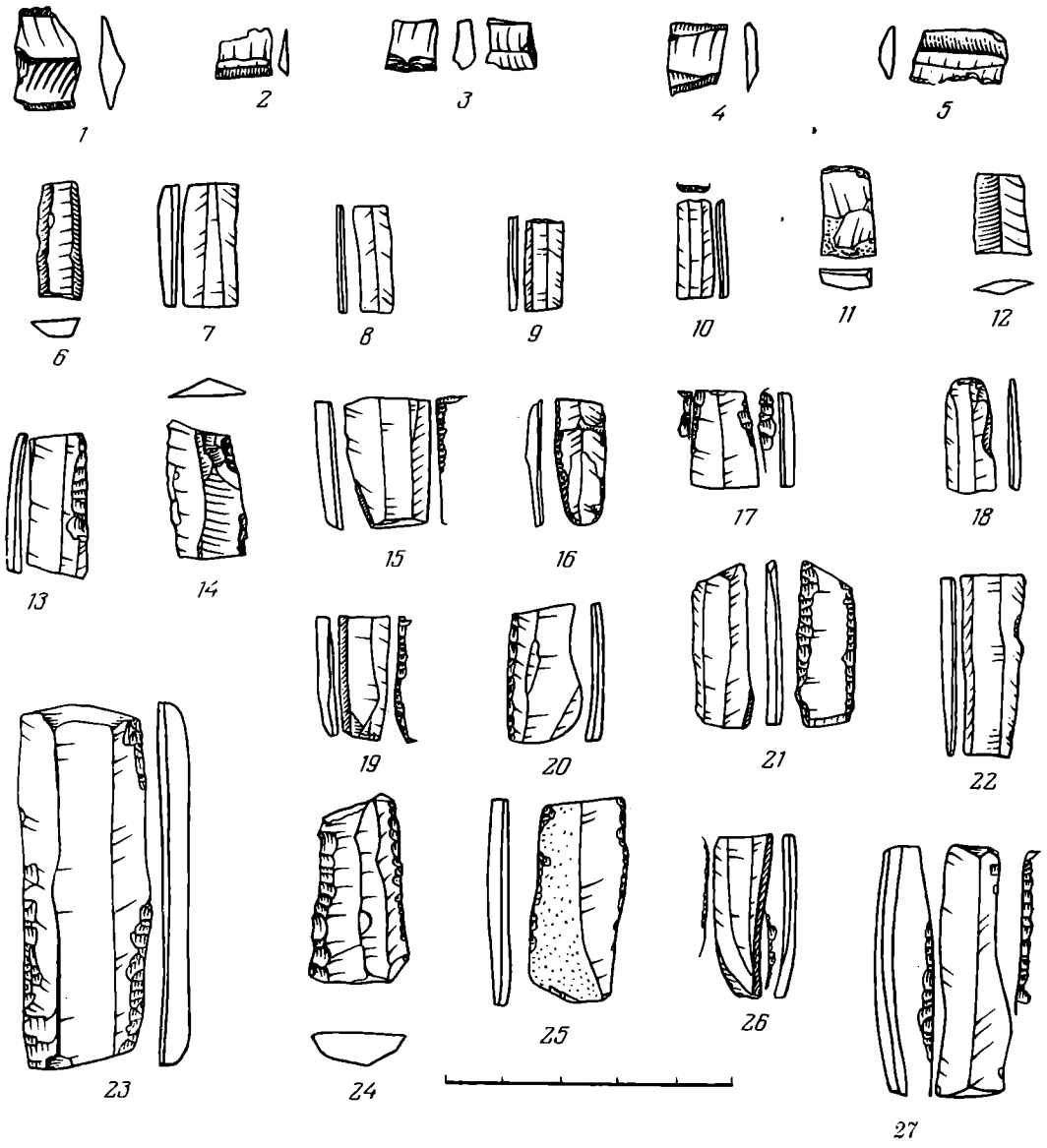


Рис. 10. Кремневые орудия верхневолжской культуры. *1*, *2*, *3*, *4*, *5*, *6*, *12*, *14*, *18*, *24* — Ивановское III; *7*, *8*, *9*, *10*, *11*, *13*, *15*, *16*, *17*, *19*, *20*, *21*, *22*, *23*, *25*, *26*, *27* — Сахтыш VIII

черта присуща всем поселениям верхневолжской культуры в отличие от поселений культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. В более поздних стоянках верхневолжской культуры замечается переход к двусторонней обработке кремневых орудий.

Костяной инвентарь стоянок верхневолжской культуры довольно обилен на торфяниковых стоянках, а на песчаных костяные поделки встречаются редко. Основную массу костяных изделий составляют всевозможные наконечники стрел (рис. 11, *1—16*). Среди них есть биконические наконечники особой формы: с утолщенным концом и коротким заострением на нем (рис. 11, *1*), с утолщенной серединой, шейкой и конической головкой на конце (рис. 11, *2, 12, 13*) и другие формы наконечников (рис. 11, *4—6*).

Вместе с ними найдены удлиненные наконечники стрел с утолщенным концом и коническим острием (рис. 11, *7, 9*). Близкими к ним являются удлиненные наконечники стрел с копьевидным концом (рис. 11, *8*), аналогичные наконечникам нижнего слоя стоянки Веретье[13]. Встре-

[13] *М. Е. Фосс.* Ук. соч., стр. 59, рис. 24, *2—4*.

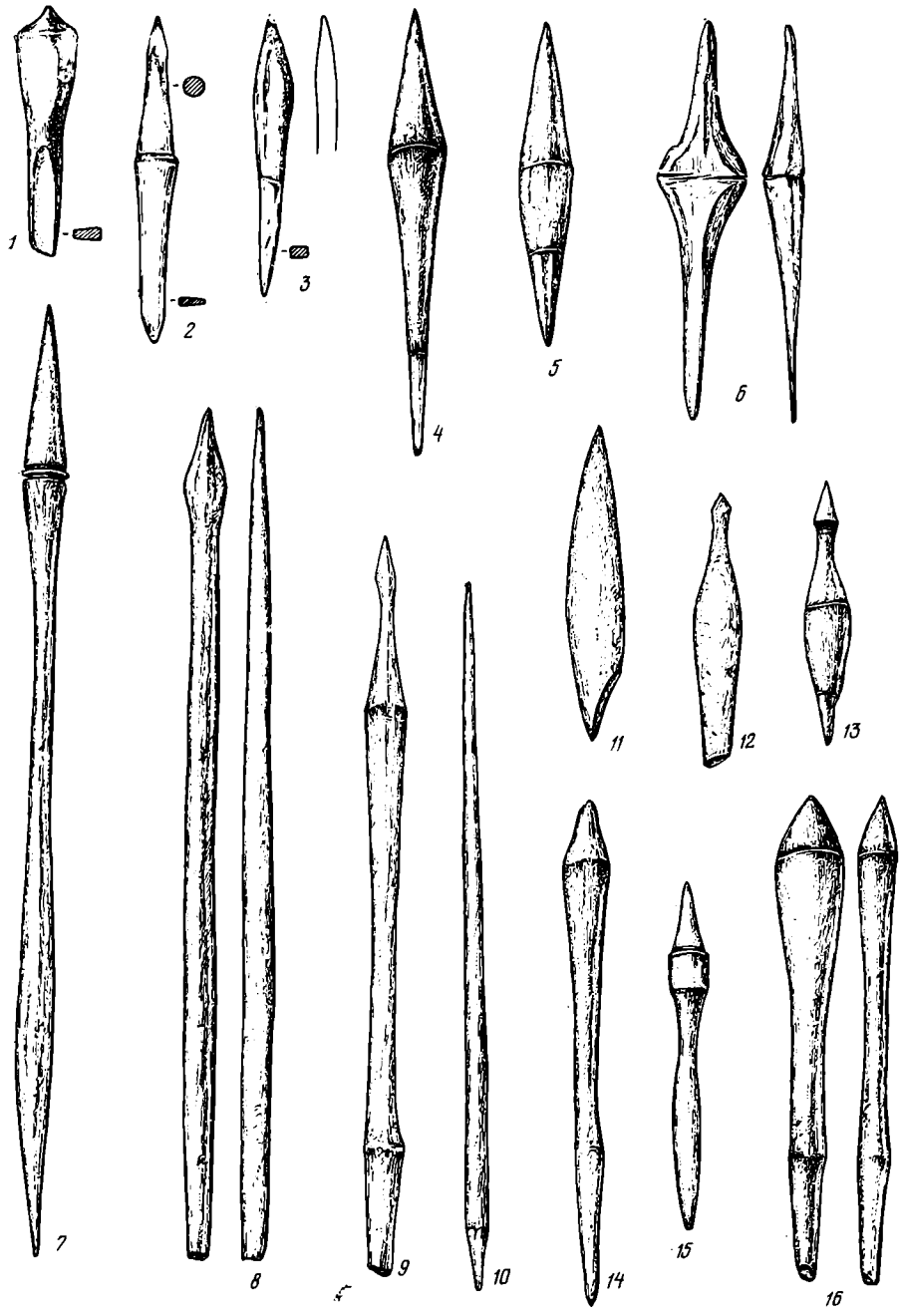


Рис. 11. Костяные наконечники стрел верхневолжской культуры. *1—3, 5, 8, 12, 13, 16* — Ивановское VII; *4, 6, 7, 9 — 11, 14, 15* — Ивановское III

чены в значительном количестве уплощенные короткие наконечники стрел (рис. 11, *3, 11*), не редки и игловидные наконечники стрел (рис. 11, *10*).

В значительном количестве встречаются и гарпуны. Среди них есть древние формы одно- и двузубых коротких гарпунов (рис. 12, *2, 3*), сходных с мезолитическими гарпунами кундской культуры. Также характерны удлиненные мелкозубчатые гарпуны (рис. 12, *8—10*). На некоторых гарпунах мелкие зубцы имеют еще и надрезы-насечки (рис. 12, *9*). Есть гарпуны крупнозубчатые, короткие и длинные. Особо следует отметить находки костяных основ для оснащения их кремневыми вкладышами (рис. 12, *1*). Из других орудий найдены: крупные кинжалы и ножи

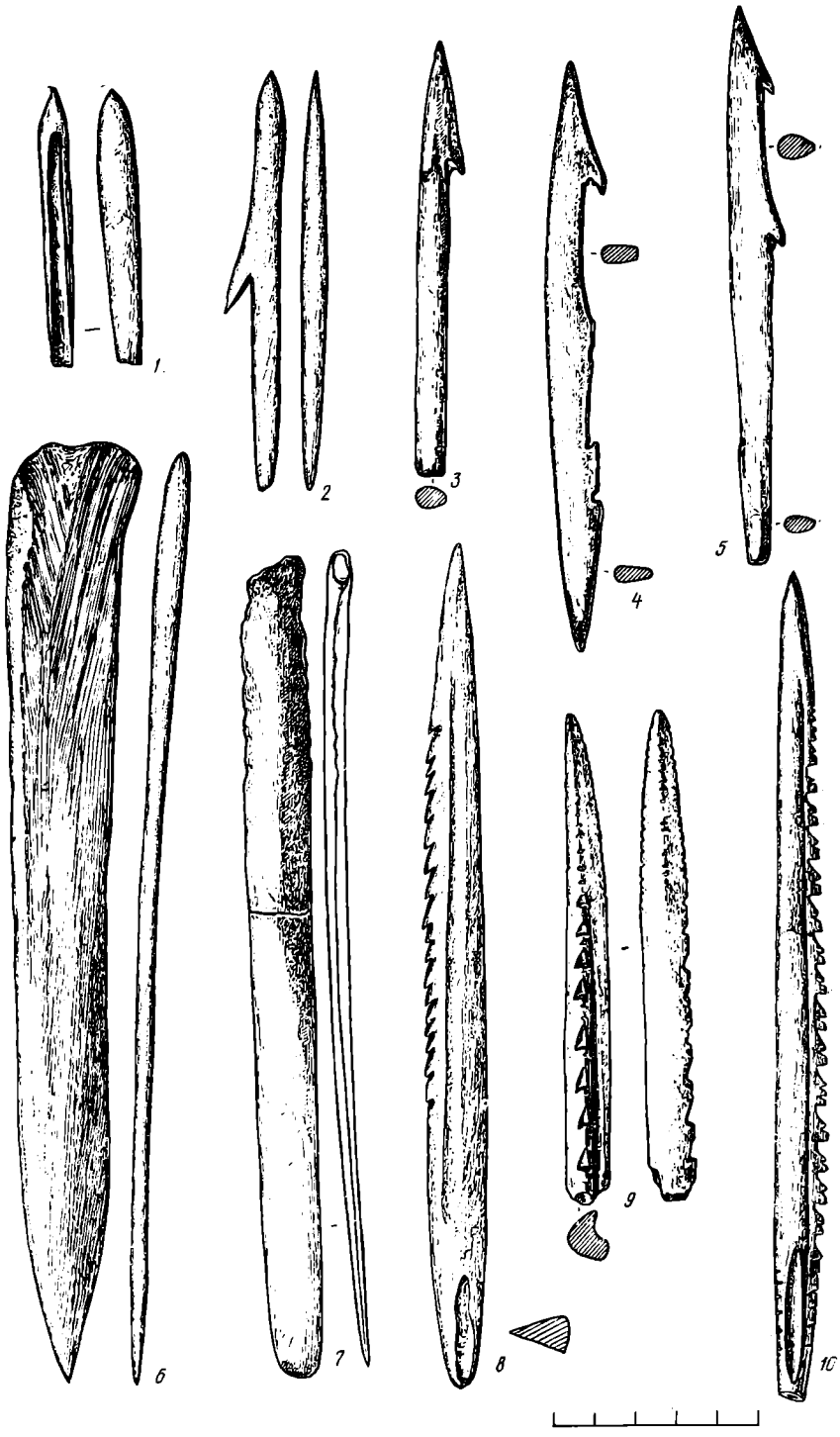


Рис. 12. Костяные орудия верхневолжской культуры. *1*, *2*, *6*, *7*, *10* — Ивановское III; *2*, *3*, *4*, *5*, *8*, *9* — Ивановское VII

кундского типа (рис. 12, *6*, *7*), пешни большие из костей лося, напоминающие так называемые орудия под углом 45°, проколки, шилья и костяные топорики. Встречены отдельные кости с надрезами и орнаментом, найдены и украшения из костей и клыков животных: подвески прямоугольной формы со сверлиной и клыки кабана с надрезами. Интерес представляют костяные штампы для нанесения зубчато-гребенчатого орнамента. Они близки сланцевым штампам, найденным на некоторых стоянках верхневолжской культуры.

Костяная индустрия верхневолжской ранненеолитической культуры по своему общему характеру отличается от костяной индустрии культуры ямочно-гребенчатой керамики. Она скорее близка к кундским формам костяных орудий или к ранним формам нарвской культуры (типа стоянки Кяэпа), но некоторые формы напоминают волосовские костяные изделия.

Близость некоторых форм гарпунов и наконечников стрел костяным орудиям нижнего слоя стоянки Веретье [14] подтверждает раннюю дату стоянок верхневолжского неолита.

Костяные изделия играли у верхневолжских ранненеолитических обитателей не меньшую роль, чем каменные и кремневые, что вообще характерно для приозерных поселений, где основным занятием населения были рыболовство и охота. Надо отметить, что сам ассортимент орудий свидетельствует о довольно развитых формах этого хозяйства. Разные формы наконечников стрел и гарпунов указывают на разнообразие дичи и рыб. Вероятно, на мелких пушных зверей употреблялись особые наконечники стрел с притупленным концом (рис. 11, *1*). Встречаются и деревянные поделки: палицы, обломки верш и т. д.

Определение костных остатков из культурных слоев этого времени свидетельствует о значительном распространении представителей животного мира широколиственных лесов: кабанов, благородных оленей, лосей, косуль, зубров, бобров; встречены также кости медведя, волка, водоплавающих птиц, рыб и др. На стоянках доминируют костные остатки лося и бобра.

Очевидно, рыболовство имело не меньшее значение, чем охота. Об этом свидетельствует расположение стоянок на берегах и островах проточных озер, богатых рыбой. Надо сказать, что на непроточных озерах, где часты заморы рыбы, неолитических поселений не отмечено. Важную роль в рационе ранненеолитического человека играли также съедобные плоды и ягоды, на что указывают капрологические анализы из культурного слоя стоянки Берендеево I [15].

Несмотря на сравнительно короткий срок со времени открытия ранненеолитической верхневолжской культуры, мы уже сейчас можем назвать свыше 70 памятников, относящихся к ней (рис. 13). Они обнаружены в Ивановской, Ярославской, Московской и Калининской областях по оси от Юрьевца до Торопца. Отдельные памятники уже известны в Новгородской, Костромской, Владимирской и Горьковской областях.

Поселения этой культуры в основном концентрируются вдоль течения Верхней Волги, но открыты и за ее пределами на Оке в Рязанской обл. Сходные поселения встречаются также в Среднем Поволжье и на Верхнем Днепре. Не исключено, что при дальнейшем изучении ареал этой культуры (или культурно-исторической общности) будет расширен к северу от Волги, на восток и юг. В южном направлении он, вероятно, приблизится к границам днепро-донецкой культуры, а в восточном — сомкнется с ранненеолитической культурой Волго-Камья. Места расположения поселений различны. Часть их обнаружена на песчаных дюнах или береговых террасах крупных рек (Золоторучье III, Боринка II, Стрелка II, Романово I, Скрабы III, Кухмарь I, Торговище II и др.). Большая же часть — на берегах озер, болот и мелких речек (Завирье, Ланино-мыс, Бологое, Ронское I, Ивановское III, Ивановское VII, Языково I, Языково III, Спасская, Сахтыш I, Сахтыш VIII и др.).

Для всех этих поселений отмечается и более высокое положение над водой по сравнению с поздними неолитическими стоянками. Сами поселения еще небольшие и не имеют мощных культурных наслоений, но по

---

[14] *М. Е. Фосс.* Ук. соч., рис. 22, стр. 57, рис. 24, стр. 59.

[15] *Н. Я. Кац и С. В. Кац.* Естественная и антропохорная растительность местообитания неолитического человека на болоте Берендеево. Сб. «Голоцен», 1969.

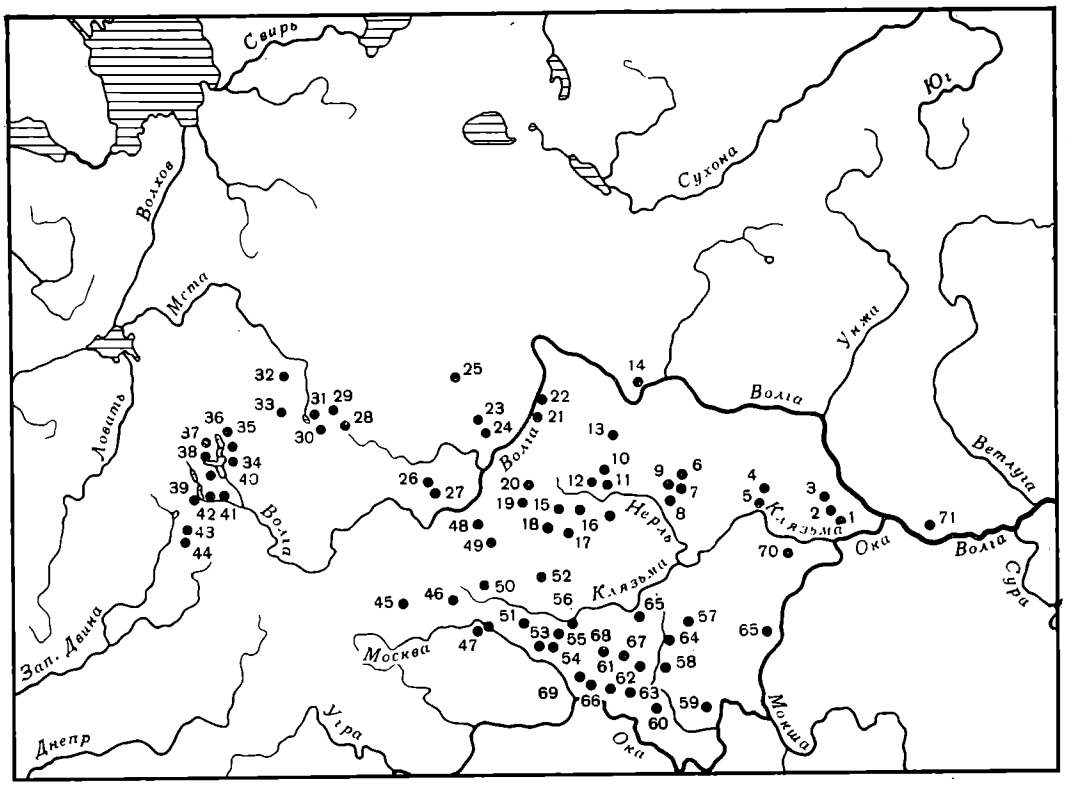



Рис. 13. Карта распространения стоянок верхневолжской раннеолитической культуры. *1* — Шадрино IV; *2* — Стрелка II; *3* — Боринка II; *4* — Завьялка I; *5* — Завьялка II; *6* — Сахтыш I; *7* — Сахтыш II; *8* — Сахтыш IV; *9* — Сахтыш VIII; *10* — Ивановское III; *11* — Ивановское V; *12* — Ивановское VII; *13* — Уница; *14* — Ворокса II; *15* — Кухмарь I; *16* — Кухмарь III; *17* — Польцо; *18* — Плещеево IV; *19* — Торговище I; *20* — Торговище II; *21* — Золоторучье I; *22* — Золоторучье III; *23* — Языково I; *24* — Языково III; *25* — Барская Лядка; *26* — Спасская; *27* — Петровская; *28* — Иваньково I; *29* — Рябиновая Релка; *30* — Федорова Будка; *31* — Тришкина Нива; *32* — Репище; *33* — Бологое; *34* — Котчище; *35* — Щепочник; *36* — Заболотье I; *37* — Залесье; *38* — Засыпь I; *39* — Дубовец; *40* — Ронское I; *41* — Ланино-Мыс; *42* — Завирье; *43* — Романово I; *44* — Скрабы III; *45* — Гростенское озеро (Никольская Правая); *46* — Мышецкая; *47* — Давыдково; *48* — Николо-Перевоз; *49* — Сущево; *50* — Льялово; *51* — Бисерово озеро; *52* — Заречье; *53—55* — Маслово Болото I, II, VII; *56* — Луковое озеро; *57* — Колпь I; *58* — Владычино-Боровая; *59* — Ибердус; *60* — Черная Гора; *61* — Фефелов Бор II; *62* — Беломутово III; *63* — Ловецкий городок; *64* — Ушмар; *65* — Нармус; *66* — Лосево; *67* — Деево; *68* — Вешни; *69* — Стоянка 171 *км*; *70* — Холомониха; *71* — Черная Маза

сравнению с мезолитическими стоянками они более стационарны и на них уже появляются округлые, овальные и подпрямоугольные столбовые жилища полуземляночного типа (Романово I, Сахтыш VIII, Стрелка II и др.), свидетельствующие о появлении оседлости.

На всех выявленных поселениях верхневолжской культуры, разбросанных на огромной территории, наблюдается близость в расположении стоянок, орудиях труда и в керамике. Однако при внимательном изучении устанавливаются и некоторые различия, особенно по орнаментике и примесям теста керамики, по которым можно предварительно наметить следующие локальные варианты верхневолжской культуры: 1) центральный — верхневолжский; 2) западный — верхневолжский, 3) восточный — верхневолжский; 4) московско-окский. Эти локальные варианты (хронологические или культурные пока не выяснено) намечаются нами предварительно, по эталонным стоянкам. Сейчас еще трудно решить, какой из вариантов был ранним — западный или окский.

Одним из трудных вопросов является вопрос о происхождении верхневолжской культуры. На основании анализа кремневых и костяных

орудий, а также стратиграфических данных верхневолжская культура увязывается с местным мезолитом.

Во-первых, на всех поселениях верхневолжской культуры господствует мезолитическая техника в производстве кремневых орудий (пластинчатая). Конические нуклеусы близки по форме к мезолитическим нуклеусам и сама техника отщепления пластинок идентична позднемезолитической. На всех поселениях встречаются формы орудий, близкие к позднемезолитическим формам, как, например, резцы на углу обломанных пластинок, наконечники стрел постсвидерского типа на пластинках, сечения пластинок, концевые скребки на пластинках, микроскребки, острия, пластинки с ретушью по скошенному краю и т. д.

Во-вторых, среди костяных орудий встречены формы гарпунов, наконечников стрел, кинжалов, вкладышевых форм и пр., близких формам таких мезолитических стоянок, как Кунда, Ивановское III, Ивановское VII, Веретье — нижний слой без керамики и др.

В-третьих, кремневые орудия из верхневолжского ранненеолитического и мезолитического слоев стоянки Ивановское III не только близки по формам, но и сделаны из той же породы валунного кремня черного цвета.

В-четвертых, в стоянках Ивановское III, Ивановское VII и Золоторучье III верхневолжский слой с ранней неолитической керамикой отделен тонкой стерильной прослойкой от мезолитического слоя. Наконец, раскопками 1976 г. мезолитической стоянки Пеньково (Рыбинский р-н Ярославской обл.) установлено непосредственное залегание слоя с верхневолжской керамикой над поздним мезолитическим слоем.

Особую сложность приобретает сейчас и вопрос соотношения верхневолжской ранненеолитической культуры с культурой ямочно-гребенчатой керамики. Всюду на эталонных стоянках Верхнего Поволжья (Ивановское III, Ивановское VII, Языково I, Боринка II, Сахтыш I, Сахтыш VIII и др.) культурные слои с ямочно-гребенчатой керамикой лежат непосредственно на слоях гребенчато-накольчатой верхневолжской керамики. Кроме того, надо отметить, что между слоями нет четкой границы, т. е. в какой-то период времени обе культуры сосуществовали. Следует отметить также наличие в этих смешанных слоях гибридной керамики, что или подтверждает сосуществование, или заставляет ставить вопрос о происхождении одной культуры из другой.

Вопрос о взаимоотношениях этих культур может рассматриваться поразному: 1) обе культуры генетически связаны между собой, и ямочно-гребенчатая керамика могла произойти из гребенчато-накольчатой — верхневолжской; 2) обе культуры не связаны генетически и, только взаимно ассимилировавшись, дали начало третьей культуре; 3) обе культуры, генетически не связанные между собой, продолжали развиваться самостоятельно: одна в позднюю ямочно-гребенчатую культуру, а вторая в раннюю волосовскую культуру, и только позднее они смешиваются.

В данной статье мы не можем останавливаться на решении этой проблемы. Она упирается в невыясненность происхождения культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, нерешенность вопроса периодизации и хронологии этой культуры и т. д. Это тема особого исследования.

Мы не будем останавливаться и на вопросе возникновения волосовской культуры, что также является темой особого исследования, но можем сказать, что решение этого вопроса в связи с открытием верхневолжской культуры должно рассматриваться совершенно с других позиций, а не позиций миграционных теорий прихода ее из Приуралья, Волго-Камья или другого района. Очевидно, различные локальные варианты волосовской культуры (волго-камский, окский, волго-клязьминский, верхневолжский и др.) возникли на месте на основе ранненеолитической культуры типа верхневолжской.

Изучение стратиграфии многослойных стоянок Волго-Окского междуречья и Верхнего Поволжья позволяет установить следующую законо-

мерную смену культур или культурных комплексов: поздний мезолит; ранний неолит типа верхневолжской культуры с гребенчато-накольчатой (тычковой) керамикой; неолитическая культура с ямочно-гребенчатой керамикой; неолитическая культура («протоволосовская» — гибридная) с гребенчато-ямочной и ямчатой керамикой; ранневолосовская культура с гребенчато-ямчатой керамикой, являющаяся финальным этапом неолита; поздневолосовская культура с гребенчатой керамикой, относящаяся к эпохе металла.

Дальнейшее развитие местных племен Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья, проходившее под влиянием пришлых скотоводческо-земледельческих племен (фатьяновских, абашевских поздняковских и др.), привело волго-окское население в конце II тысячелетия до н. э. к культурному этапу с ложнотекстильной и штрихованной керамикой и потом к дьяковской культуре. Такова картина развития древнейшей истории указанной территории. Перед исследователями стоят теперь задачи выявления связующих и переходных звеньев между перечисленными выше культурными комплексами.

Не менее важен вопрос взаимоотношений и синхронности ранненеолитических культур лесной и лесостепной частей Восточной Европы (верхневолжской, днепродонецкой, нарвской, сперрингс и волго-камской).

Гребенчато-накольчатая керамика верхневолжской культуры по некоторым элементам орнаментики, технике нанесения орнамента (наколы, тычки разных форм, гребенка и т. д.), композиции некоторых узоров и форм сосудов имеет сходные черты с керамикой днепро-донецкой культуры из таких памятников, как Грини [16], Струмель и Гастятин [17]. Сходство в орнаменте и композиции наблюдается и с керамикой из Подзорово, а по форме наколов — с керамикой из стоянок Ярлуковская Протока, Савицкое и Сселки [18]. Кстати, все эти поселения датируются тем же временем, что и верхневолжская культура (V—IV тысячелетия до н. э.).

Кремневый инвентарь и той, и другой культуры носит мезолитический облик. Наибольшее сходство наблюдается в пограничных территориях верхневолжской и днепро-донецкой культур (Ока, верховье Днепра). Сейчас трудно объяснить, чем вызвано указанное сходство. Возможно, общей мезолитической основой, возможно, и заимствованием керамики с юга, не исключены также связи и взаимовлияния, тем более что элементы днепро-донецкой культуры наблюдаются и в ранней волго-камской неолитической культуре.

Несколько большее сходство наблюдается между верхневолжской и ранними этапами волго-камской культуры. На стоянках раннего неолита Волго-Камья, II Лебединской [19], II Щербетьевской, IV Матюшинской, Ага-Базарских стоянках, Обсерваторской и др. [20] найдены обломки сосудов с тычковым орнаментом, нанесенным способом отступающей лопаточки, с мелкозубчатым штампом из параллельных вертикальных линий, разделенных рядом вдавлений и др., идентичных верхневолжской керамике. Эти ранние неолитические слои датируются А. Х. Халиковым IV тысячелетием до н. э., т. е. они одновременны поселениям верхневолжской культуры. Очевидно, такое сходство не может быть случайным, это связи и взаимопроникновение, как утверждает А. Х. Халиков [21], или свидетельство возникновения этих культур на какой-то родственной мезолитической основе. Кстати, в Волго-Камье, так же, как и на Верхней Волге, ранненеолитическая керамика сопровождается кремневым инвен-

[16] Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита. (Приложение к сборнику). МИА, 172, 1973, табл. 41, *2*; 45, *1*, *10*.

[17] Там же, табл. 45, *3*, *5*, *6*.

[18] Там же, табл. 51, *1*, *2*, *3*, *5*.

[19] *А. Х. Халиков.* Древняя история..., стр. 63, рис. 17, *2*, *6*, *8*.

[20] Там же, стр. 55, рис. 13.

[21] Там же, стр. 67.

тарем мезолитического облика. Здесь встречаются наконечники стрел на пластинках, близкие по форме верхневолжским ранненеолитическим [22]. Нельзя не отметить и факта существования на той же территории поселений с ямочно-гребенчатой керамикой балахнинского типа и существования волосовских поселений особого восточного типа.

Что касается нарвской культуры, то здесь черты сходства с верхневолжской наблюдаются не только в орнаменте посуды, но и в костяных орудиях. Сходство в орнаментике особенно заметно в керамике из одновременных верхневолжской культуре стоянок Оса [23] и Кяэпа [24]. Мотивы орнаментики, близкие верхневолжским, отмечены и на керамике со стоянок Прибалтики: Акали, Тамула [25], Пиестиня [26], Нарва [27] и др.

Многие сходные формы костяных наконечников стрел, гарпунов, кинжалов, топориков, так называемых коробочек из фаланг лося и других костяных изделий встречаются на стоянках верхневолжской культуры (Ивановское III, VII) и стоянках нарвской культуры (Оса, Кяэпа и др.). Нельзя не упомянуть и об идентичности расчесов на внутренних сторонах керамики нарвской и верхневолжской. Сходство в костяных и кремневых орудиях имеется и в мезолитических стоянках Прибалтики и Верхней Волги.

Н. Н. Гурина считает, что нарвская культура возникла и развилась на местной мезолитической основе поселений типа Кунды [28]. Небезынтересно и то обстоятельство, что над слоями с нарвской керамикой располагаются слои с гребенчато-ямочной керамикой и впоследствии обе эти культуры смешиваются, по мнению Н. Н. Гуриной [29], и образуют культуры с так называемой пористой гребенчато-ямочной керамикой, одновременные волосовской культуре Верхнего Поволжья. Указанное выше сходство нарвской и верхневолжской культур и сходные дальнейшие их судьбы заставляют нас предполагать какое-то родство этих культур (общая мезолитическая основа) или связи.

Наконец, культура с керамикой сперрингс также имеет некоторые общие черты с верхневолжской керамикой. На стоянках Карелии Пески III, Сандермоха, Малая Суна [30] и др. найдены обломки сосудов с тычковым, ямочным и мелкозубчатым орнаментом, близким верхневолжской орнаментике.

Открытие верхневолжской культуры заставляет по-иному пересмотреть вопрос взаимосвязей и синхронизации ранних неолитических культур лесной и лесостепной зон Европейской части СССР. До сих пор в литературе господствовало мнение об одновременном существовании культур с ямочно-гребенчатой керамикой и культур днепро-донецкой, нарвской, сперрингс и волго-камской. Сейчас выяснено, что все эти культуры предшествовали культуре (или культурам) с ямочно-гребенчатой керамикой и являются синхронными верхневолжской. Большинство исследователей датируют указанные выше ранненеолитические культуры концом V и началом III тысячелетий до н. э. Верхневолжская культура, как мы писали выше, имеет несколько радиокарбоновых дат, подтверждающих датировку ее временем от середины V до последней четверти IV тысячелетий до н. э. Опорная стоянка нарвской культуры — Оса (Латвия) датируется по $C^{14}$ 5730±50 лет (ЛЕ-850), 5780±70 лет (ЛЕ-902)

---

[22] Там же, стр. 57, рис. 14, *3*, *8–11*.

[23] Этнокультурные общности..., табл. 63, *11*, *12*, *14* и др.

[24] Там же, табл. 59, *8*.

[25] Там же, табл. 59, *6*, 29.

[26] Там же, табл. 64, *6*.

[27] *Н. Н. Гурина.* Из истории древних племен западных областей СССР. МИА, 144, 1967, рис. 53, 54, 59.

[28] *Н. Н. Гурина.* Из истории древних племен..., стр. 193.

[29] *Н. Н. Гурина.* Неолит лесной и лесостепной зон Европейской части СССР. «Каменный век СССР». М., 1970, стр. 148, 149.

[30] Этнокультурные общности..., табл. 8, *2*, *3*, *12*.

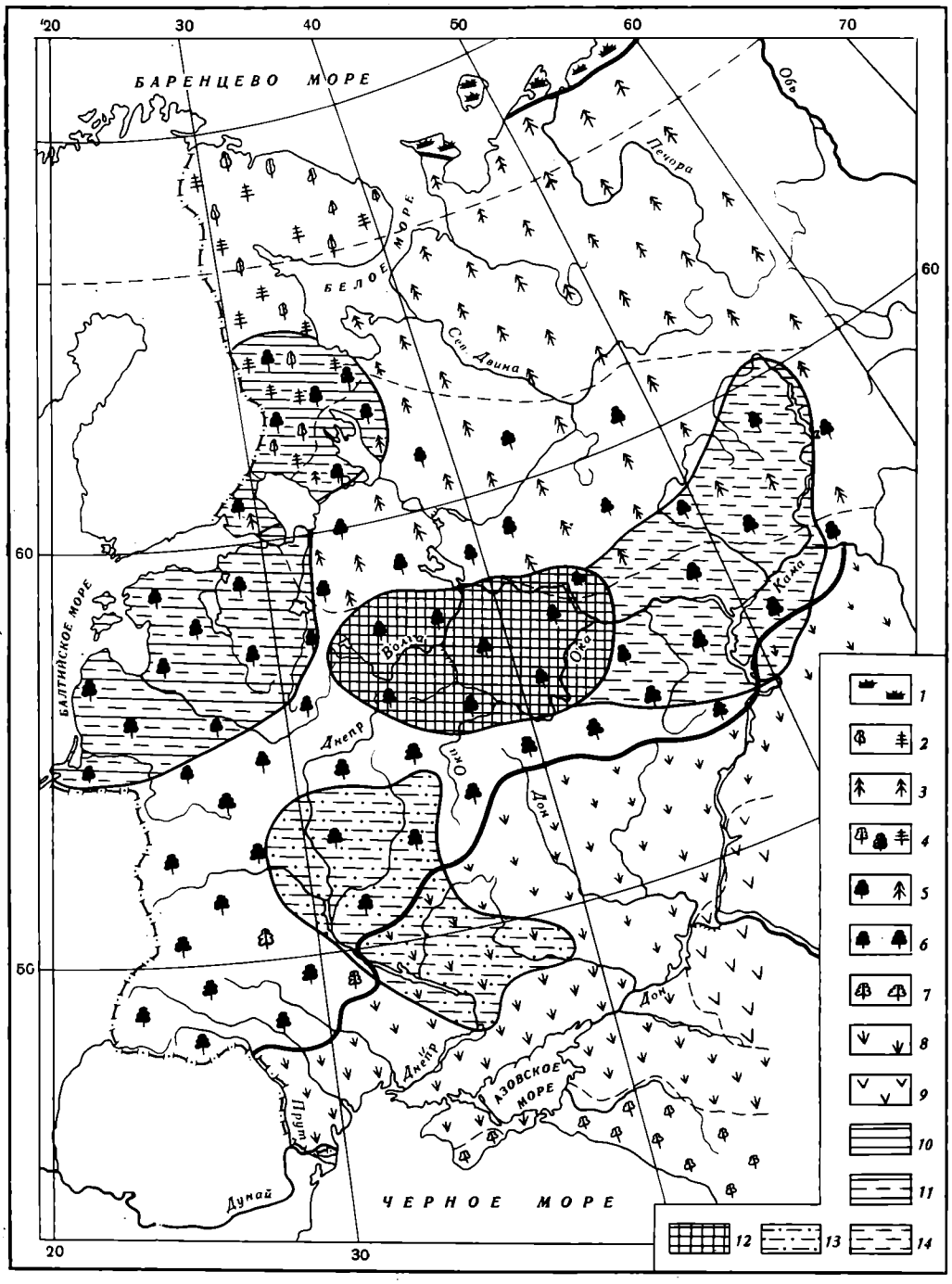



Рис. 14. Карта ранненеолитических культур лесной и лесостепной зон Европейской части СССР. *1* — тундры; *2* — березовые и сосновые леса Кольского полуострова и Карелии; *3* — таежные темно-хвойные леса; *4* — сосновые и березовые леса с примесью широколиственных пород; *5* — широколиственные-хвойноподтаежные леса; *6* — широколиственные леса; *7* — предгорные и горные леса Крыма и Кавказа; *8* — степи; *9* — полупустыни; *10—14* — ранненеолитические культуры: *10* — сперрингс; *11* — нарвская; *12* — верхневолжская; *13* — днепро-донецкая; *14* — волго-камская

и 5880±70 лет (ЛЕ-901). По культурам днепро-донецкой, сперрингс и волго-камской пока нет радиокарбоновых дат, но по стратиграфическим, археологическим и другим данным они датируются тем же временем. Следовательно, мы можем с полной уверенностью констатировать их одновременность.

Безусловно, перечисленные выше культуры или культурные области являются самостоятельными историко-культурными единицами, но на-

личие некоторых сходных черт заставляет задуматься над причинами их одновременности и сходства. В связи с этим отмечается удивительное совпадение ареалов ранненеолитических культур лесной зоны Европейской части СССР с широколиственными лесами экстремальной фазы климатического оптимума голоцена (рис. 14). Эту связь вряд ли можно объяснить случайным совпадением.

Одновременность верхневолжской, нарвской, днепро-донецкой, волго-камской культур и культуры сперрингс, сходство природных условий районов их распространения, сходные черты в керамике и орудиях производства, охотничье-рыболовческом хозяйстве с доминантой рыболовства и т. д.— заставляют нас предполагать не только конвергентность сходных явлений, но и какую-то генетическую связь этих культур — общий субстрат. Вряд ли можно объяснить их культурную близость только близостью экологической (общей зоной широколиственных лесов). Очевидно, все позднемезолитические культуры, на основе которых возникли ранненеолитические культуры, имеют общую свидерскую подоснову, проявляющуюся в кремневом инвентаре этих культур. Причины различий следует искать в различиях позднемезолитической подосновы и некоторой разности природных условий, особенно в южной и северной периферии общего ареала этих культур.

Открытие верхневолжской ранненеолитической культуры позволяет по-новому подойти к решению ряда важных проблем древнейшей истории Русской равнины.

Во-первых, вырисовывается совершенно иная этнокультурная карта расселения ранненеолитических племен лесной и лесостепной части Восточной Европы.

Во-вторых, это открытие заставляет нас пересмотреть последовательность в развитии неолитических культур Верхнего Поволжья, позволяет по-новому решать проблему их синхронизации взаимосвязей и взаимоотношений с другими культурами (днепро-донецкой, волго-камской, нарвской, сперрингс и др.), а также по-иному решать проблему этнических образований, историко-культурных общностей и пр.

И наконец, с открытием этой культуры возникают возможности решения загадки происхождения волосовской культуры и в связи с этим появляются перспективы в отношении выяснения происхождения угро-финских племен на территории Европейской части СССР.

*D. A. Kraïnov, N. A. Khotinski*

## LA CULTURE DU DEBUT DE L'EPOQUE NEOLITHIQUE SUR LA HAUTE VOLGA

Résumé

En 1972, au cours des fouilles de la station sur tourbière à multiples couches d'Ivanovskoié III (région de Péréslav, district de Iaroslav), l'expédition complexe de la haute Volga, sous la direction des auteurs de l'article, a découvert pour la première fois une culture du néolithique ancien, dite de la haute Volga. On a pu préciser sa chronologie, son caractère, son aire (fig. 13), les particularités de l'endroit, les rapports avec le mésolithique local et les cultures des époques ayant suivi le néolithique (fig. 14), grâce aux investigations, effectuées de 1973 à 1975, dans des stations à plusieurs couches situées dans les régions de Iaroslav, d'Ivanovo et de Kalinine. Dans tous ces établissements, les couches de la culture de la haute Volga se trouvaient sous celles renfermant une céramique au peigne et à fossettes. Les méthodes stratigraphique, radiocarbonique et autres, permettent de dater la culture de la haute Volga du milieu du Ve millénaire au dernier quart du IVe millénaire av. n. è. Les diagrammes polliniques des stations d'Ivanovskoié III, d'Yazykovo I et de Sakhtych (fig. 1, 2, 3) con-

firment les datations radiocarboniques et prouvent que la culture de la haute Volga appartient à la deuxième moitié de la période atlantique. Cette culture est caractérisée par des vases modelés à la main, à gorge large, dont le fond peut être pointu ou arrondi, et qui portent des ornements au peigne et piquetés, ou bien des rayures (fig. 4-6). Le mobilier de silex a un faciès mésolithique. Les outils en lames sont dominants (fig. 7-10). Le mobilier osseux se compose de pointes de flèches, de harpons, de poignards, d'outils fixés dans des supports (fig. 11-19). L'aire de la culture de la haute Volga s'étend de la source du fleuve jusqu'à son cours moyen, et au Sud elle rejoint l'aire de la culture du Dniepr-Donetz. La culture de la haute Volga a coexisté avec les cultures du Dniepr-Donetz, de Narvska, de Spérings et de la Volga-Kama. Sa découverte oblige à reconsidérer les principaux problèmes concernant les cultures néolithiques des zones boisées et sylvo-steppiques de la partie européenne de l'U.R.S.S.

В. Г. КОТОВИЧ

# НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ МЕТАЛЛУРГИИ МЕДИ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ЗАРОЖДЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ НА КАВКАЗЕ [1]

Проблема возникновения железной металлургии на Кавказе уже давно стоит в науке. В поисках путей ее решения исследователи обычно привлекают данные о возрасте тех или иных находок железных изделий из древних памятников Кавказа (особенно Закавказья) и сопредельных территорий, а также немногочисленные сведения письменных источников. В настоящее время наметилось два противоположных подхода к решению этой проблемы.

Некоторые исследователи считают Кавказ (или только Закавказье) одним из древнейших мировых очагов возникновения железной металлургии [2]. Сторонники противоположной точки зрения признают переднеазиатское происхождение железной металлургии Кавказа [3].

Но самую крайнюю позицию при обсуждении данной проблемы занял недавно А. И. Тереножкин, задавшийся целью развеять «археологический миф» о глубокой древности начала железного века на Кавказе и не только настаивающий на его позднем возрасте (с VII—VI вв. до н. э.) [4], но и ставящий распространение железа на Северном Кавказе в прямую зависимость от влияния киммерийцев [5].

В доказательство привнесенного характера железной металлургии Кавказа обычно ссылаются на то обстоятельство, что железные изделия спорадически встречаются в переднеазиатских памятниках уже в IV—II тысячелетиях до н. э., тогда как в кавказских они появляются лишь со второй половины, особенно с конца II тысячелетия до н. э. Однако при этом совершенно не учитываются находки фрагментов железа и даже кусочка белого чугуна в относящихся к III тысячелетию до н. э. слоях

---

[1] Настоящая статья представляет переработанный текст доклада, прочитанного 12 марта 1975 г. на Крупновских чтениях в Махачкале. См. *В. Г. Котович.* О времени и путях возникновения железной металлургии на Кавказе. «Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа». Тезисы докладов. Махачкала, 1975, стр. 33—37.

[2] *Г. А. Меликишвили.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 198—200; *Р. М. Абрамишвили.* К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. ВГМГ, XXII-В, Тбилиси, 1961, стр. 305, 306; *И. А. Гзелишвили.* Железоплавильное дело в древней Грузии. Тбилиси, 1964, стр. 8—11; *Г. Е. Арешян.* О раннем этапе освоения железа в Армении и на Южном Кавказе. ИФЖ, 1974, 2, стр. 211.

[3] *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 70—72; *Б. Б. Пиотровский.* Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 115, 116; *Е. И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 8, 9; *А. А. Мартиросян.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 131, 132; *О. А. Даниелян.* Культура раннего железа на территории Азербайджана. Автореф. канд. дис. Баку, 1969, стр. 13—15.

[4] *А. И. Тереножкин.* Дата мингечаурских удил. СА, 1971, 4, стр. 83.

[5] *А. И. Тереножкин.* К истории изучения предскифского периода. Сб. «Скифские древности». Киев, 1973, стр. 18.

«К» поселения Геой-Тепе в Иранском Азербайджане [6]. Между тем именно эти слои названного памятника в историко-культурном отношении неотделимы от других раннебронзовых памятников Южного Кавказа [7], и, следовательно, упомянутые находки свидетельствуют о весьма глубокой древности знакомства с железом по крайней мере какой-то части южнокавказских, «куро-аракских» племен.

По мнению некоторых исследователей, обилие цветных металлов на Кавказе вряд ли могло стимулировать здесь очень ранний переход к металлургии железа [8]. Но ведь действие этого фактора должно было проявляться и в других областях, в частности, в Передней Азии, где металлургия меди и бронзы возникла раньше, чем на Кавказе, и где она в III—II тысячелетиях до н. э. также переживала свой расцвет, но где, тем не менее, чрезвычайно рано встречаются и железные изделия.

Из сказанного вытекает, что дальнейшие поиски решения данной проблемы путем сопоставления хронологии отдельных находок железных изделий в памятниках Передней Азии и Кавказа при нынешнем состоянии их изученности не могут сулить широких перспектив: имеющиеся материалы крайне разрозненны и фрагментарны и не могут объективно отражать динамику процесса становления железной металлургии в названных регионах. Более того, взятые сами по себе факты чрезвычайно раннего появления изделий из металлургического железа представляются достаточно парадоксальными, требующими специальных исследований и объяснений.

Все это определяет необходимость поисков новых подходов к решению данной проблемы. Одним из них может служить, по нашему мнению, привлечение технико-технологических данных, позволяющее подойти к освещению проблемы возникновения металлургии железа с принципиально иных позиций. В этой связи представляется особенно плодотворным высказанное видным советским металлургом В. А. Пазухиным предположение о том, что способ выплавки железа возник из попыток выплавки меди из медного колчедана [9].

Один из наиболее древних способов плавки сульфидных руд, получивший в металлургии название «азиатского», весьма длительное время практиковался на обширных территориях, включая Кавказ [10]. Сущность этого способа и химических процессов, которые происходили в каждой из составлявших его двух последовательных операций, охарактеризованы в трудах выдающегося советского металлурга академика А. А. Байкова. В результате первой операции — многократного обжига руды с целью удаления возможно большего количества серы — получался сложный по химическому составу промежуточный продукт, образованный преимущественно окислами меди и железа. Из него и выплавлялась затем черновая медь. Эта вторая операция производилась в шахтных печах с восстановительной средой, где из окислов меди должна восстанавливаться металлическая медь, а окислы железа переходить в закись железа, которая вместе с кремнекислотой затем образует шлаки [11].

---

[6] *T. Burton Brown.* Iron objects from Azarbaijan. «Man», L., 4, 1950, p. 7—9.

[7] *Р. М. Мунчаев.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100, 1961, стр. 151; *его же.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, стр. 172; *К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили.* Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, стр. 89, 180.

[8] *Б. А. Шрамко.* Появление и освоение железа в Восточной Европе. Сб. «Из истории борьбы КПСС за построение социализма и создание коммунистического общества в СССР», IV. Харьков, 1965, стр. 222.

[9] *В. А. Пазухин.* Рецензия на книгу: *L. Aitchison.* A history of metalls. v. I, II. London, 1960. СА, 1963, 3, стр. 268.

[10] *А. А. Иессен.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, 120, 1935, стр. 64, 65, 67; *Ц. Н. Абесадзе.* Производство металла в Закавказье в III тысячелетии до н. э. Тбилиси, 1969, стр. 136; *Е. Н. Черных.* Человек — металл — время. М., 1972, стр. 152, 153.

[11] *А. А. Байков.* Металлургия меди. Собрание трудов. IV. М.—Л., 1949, стр. 14, 15, 54—60.

Однако сложность состава шедшего на плавку продукта, содержавшего помимо окислов меди и железа также их сернистые соединения и купоросы, определяла и значительно более сложный характер химических процессов, происходивших в действительности при получении меди в шахтных печах. В трудах А. А. Байкова обстоятельно охарактеризовано многообразие и сложность химических реакций, протекавших в восстановительной атмосфере шахтных печей и приводивших к образованию основных продуктов плавки — черновой меди и шлака [12].

Для наших же целей особенно важно подчеркнуть, что некоторые из этих реакций приводили к восстановлению и последующему сохранению металлического железа. Это могло происходить при шлаковании окислов, в случае избытка горючего либо извести в шихте или же недостачи в ней кремнекислоты, из-за чего нарушалось присущее нормальному ходу плавки химическое равновесие и часть закиси железа восстанавливалась до металлического железа [13]. Аналогичный результат получался и при продолжительной плавке в сильно восстановительной среде и при высокой температуре [14]. И, наконец, восстановление металлического железа из его закиси за счет твердого углерода происходило в наиболее горячих частях печи, вблизи фурменных отверстий [15]. До недавнего времени избежать воздействия указанных факторов было чрезвычайно трудно, практически невозможно, вследствие чего, как отмечал А. А. Байков, плавка на черновую медь в шахтных печах «неизбежно должна сопровождаться образованием железистых настылей — жуков и криц», обычно состоявших на 76—90% из железа и механически удерживаемого им некоторого количества меди и серы [16].

Очевидно, в древности, когда возможности ограничения или регулирования отмеченных факторов на процесс плавки практически отсутствовали, их воздействие должно было проявляться в значительно большей степени. Следовательно, с переходом к выплавке меди из колчеданов древние металлурги должны были более или менее регулярно получать и металлическое железо в качестве побочного, поначалу нежелательного, но неизбежного продукта этого процесса.

Возникает естественный вопрос: в какие исторические сроки началась или могла начаться разработка сульфидных руд, в особенности колчеданов? Разные исследователи отвечают на него по-разному. По мнению одних, получение меди из большинства сульфидных руд, особенно железистых сульфидов, было непосильной задачей для древних металлургов [17]. Как полагают при этом некоторые из них, серьезным техническим препятствием служила недоступная в древности необходимость высокоогнеупорной футеровки печей [18]. В то же время другие исследователи, принимающие во внимание практиковавшиеся еще недавно способы плавки сульфидных руд (включая колчеданы) с помощью простейших технических приспособлений и технологических приемов, вполне доступных и первобытным металлургам, относят освоение сульфидов для нужд металлургии еще к медно-бронзовому веку [19].

---

[12] *А. А. Байков.* Плавка медных руд в шахтных печах. Собрание трудов. IV. М.— Л., 1949, стр. 222—253.

[13] *А. А. Байков.* Металлургия меди, стр. 34; *его же.* Плавка медных руд в шахтных печах, стр. 250.

[14] *А. А. Байков.* Металлургия меди, стр. 14.

[15] Там же, стр. 85; *его же.* Плавка медных руд в шахтных печах, стр. 247.

[16] *А. А. Байков.* Состав и строение черной меди, получаемой в шахтных печах. Собрание трудов. IV. М.— Л., 1949, стр. 260, 262, табл. 2В.

[17] *R. Forbes.* Studies in Ancient Technology, IX. Leiden, 1964, p. 28—34. Цит. по *Н. Н. Терехова.* Металлообрабатывающее производство у древнейших земледельцев Туркмении. Сб. «Очерки технологии древнейших производств». М., 1975, стр. 44.

[18] *Б. И. Сарианиди, С. А. Панарин.* Рецензия на книгу: Investigations at Tal-i-Iblis. CA, 1971, 1, стр. 278.

[19] *А. А. Иессен.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, стр. 71; *Е. И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа, стр. 318; *И. Р. Селимханов.*

Общепризнано, что использование сульфидов начиналось лишь после исчерпания запасов окисленных руд, более доступных для разработки и легкоплавких. Подобная ситуация, очевидно, могла скорее всего возникнуть в областях, относительно бедных окисленными или вторичными рудами и богатых рудами сульфидными. Среди таковых на первое место выступают области молодых складчатых гор, а в их числе прежде всего горные районы Передней Азии, являвшиеся древнейшими и крупнейшими для своего времени очагами медно-бронзой металлургии. И по-видимому, совсем не случайно именно отсюда происходят такие археологические материалы, которые могут служить наиболее ранними хронологическими ориентирами, отмечающими начало этого процесса. Это — относящиеся к концу V тысячелетия до н. э. находки кусков сульфидных руд: халькопирита на поселении Сиалк—II [20] и медного блеска (халькозина) в нижних слоях поселения Тали-Иблис [21]. Это — датированный началом IV тысячелетия до н. э. поселок первобытных металлургов в Вади-Тимне, где зафиксирована древнейшая технология обработки сульфидных руд (халькозина), включавшая предварительный костровый обжиг руды, механическую обработку получавшегося при этом спека и последующую его плавку [22]. Но, пожалуй, наиболее важными в этом отношении представляются находки шлака на поселении Чатал-Гуюк в VI слое, датируемом второй половиной VII тысячелетия до н. э. Как показал химический анализ, его основу составляли железо и медь. При металлографическом изучении в шлифах этого шлака были обнаружены включения кристаллов медных и железных руд. Среди медных представлены окисленные руды — тенорит, куприт, малахит, а также сульфидные — халькозин и ковеллин, в том числе и железосодержащие — делафоссит и борнит. Помимо того, в шлаках зафиксированы включения железных руд — пирита, пирротина и лимонита [23]. Производившие эти исследования австрийские специалисты не исключают возможности, что шлак является продуктом плавки смешанных руд — окисленных и сульфидных [24].

Все эти данные свидетельствуют, что первые попытки обработки сульфидных руд были сделаны на самых ранних этапах становления медно-бронзовой металлургии. Именно тогда начал практиковаться предварительный обжиг руды с целью удаления из нее серы и были изобретены плавильные печи с восстановительной средой, пригодные для выплавки меди как из окисленных, так и из предварительно обожженных сульфидных руд. Древнейшими металлургами уже были найдены и какие-то технические решения для огнеупорной футеровки печей, обеспечившие возможность достижения в них довольно высоких температур. Для чрезвычайно глубокой древности это подтверждается уже упоминавшейся находкой в VI слое Чатал-Гуюка куска шлака, представлявшего собой четырехфазную твердую эвтектику, образовавшуюся при температуре 1080° [25]. Позднее, с расцветом переднеазиатской металлургии, приходя-

---

Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960, стр. 69; *В. А. Пазухин.* Медные слитки из Оренбургского музея. СА, 1969, 4, стр. 239–245; *Ц. Н. Абесадзе.* Производство металла в Закавказье в III тысячелетии до н. э., стр. 136, 137; *Е. Н. Черных.* Ук. соч., стр. 151; *М. А. Кашкай, И. Р. Селимханов.* Из истории древней металлургии Кавказа. Баку, 1973, стр. 35. прим. 1.

[20] *R. Chirshman.* Foilles de Sialk. II. Paris, 1938, p. 206.

[21] Investigations at Tal-i-Iblis. I. Illinois State Museum. Premilinary Report, 1967, № 9, p. 17–20.

[22] *B. Rothenberg.* Ancient Copper Industries in the Western Arabah. PEQ, XCIV, 1962, p. 57–59.

[23] *H. Neuninger, R. Pittioni, W. Siegl.* Frükeramikzeitliche Kupfergewinnung in Anatolia. AAu, 1964, H. 35, S. 98–107.

[24] Ibid., S. 109.

[25] Ibid., S. 108, 109.

щимся на IV—III тысячелетия до н. э.[26], заметно прогрессирует и ее техническая оснащенность. В частности, появляются обжигательные печи с принудительным дутьем [27]. В некоторых из них могла быть достигнута температура порядка 1250° [28]. Этим самым уже в указанное время переднеазиатские металлурги практически обеспечили себе технические возможности для выплавки меди из сульфидных руд, включая и наиболее тугоплавкие из них — колчеданы.

Что же касается Кавказа, то древнейшие из известных здесь в настоящее время находок металлических изделий датируются концом V — началом IV тысячелетия до н. э.[29]. С этого же времени принято начинать сейчас историю древней кавказской металлургии [30], хотя некоторые специалисты не исключают возможности ее зарождения в те же исторические сроки, что и в соседней Восточной Анатолии [31].

Но как бы ни решился вопрос о времени зарождения и начальных этапах становления металлургии меди на Кавказе, ее расцвет, как установлено, начинается с III тысячелетия до н. э., когда она уже обособилась в самостоятельную отрасль производства и даже подразделилась на добывающую и обрабатывающую ветви [32]. Техническая оснащенность первой позволяла производить не только добычу и обогащение руд, но даже проходку небольших штолен и шахт [33]. Обрабатывающая ветвь также достигла в ту пору довольно высокого уровня, о чем свидетельствуют, в частности, многочисленные и разнообразные находки производственного инвентаря, так или иначе связанного с литейным делом [34].

Для наших же целей особенно важно отметить, что кавказские металлурги уже в III тысячелетии до н. э. довольно широко пользовались разнообразными плавильными печами с принудительным дутьем [35]. Лучше других сохранились печи-горны на поселении Бабадервиш [36]. По своему устройству и малому объему рабочего пространства они ничем существенным не отличались от подобных же шахтообразных сооружений, широко применявшихся в древности и средневековье для восстановительной плавки как медных, так и железных руд [37]. При сгорании

---

[26] *Г. Чайлд.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 201; *В. М. Массон.* Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 204, 209, 434.

[27] *J. Perrot.* The Excavations at Tell Abu Matar, near Beer-Sheba. IEJ, V, № 2, p. 79—86. Возможно, однако, что это изобретение относится к еще более глубокой древности, о чем свидетельствует упомянутая находка шлаков из Чатал-Гуюка, образование которых происходило при температуре, вряд ли достижимой без печей с принудительным дутьем.

[28] *С. А. Семенов.* Керамический серп из древнего поселения Эриду в Ираке. СА, 1965, 3, стр. 219.

[29] *О. А. Абибуллаев.* К вопросу о древнейшей металлургии Азербайджана. МИА, 125, 1965, стр. 67, 72; *И. Р. Селимханов, Р. М. Торосян.* К определению «энеолита» на территории Закавказья по данным анализа металлических предметов. ИФЖ, 1966, 1, стр. 34.

[30] *К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили.* Древние культуры Южного Кавказа, стр. 55; *М. А. Кашкай, И. Р. Селимханов.* Из истории древней металлургии Кавказа, стр. 8, 9; *Р. М. Мунчаев.* Кавказ на заре бронзового века, стр. 102, 107, 392.

[31] *Е. Н. Черных.* Металл — человек — время, стр. 98.

[32] *К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили.* Ук. соч., стр. 113.

[33] *В. А. Кузнецов.* Древние выработки медной руды в верховьях р. Большой Зеленчук. КСИА АН СССР, 108, 1966, стр. 62, 63.

[34] *В. М. Котович.* Верхнегунибское поселение. Махачкала, 1965, стр. 222—227; *Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов.* О древнейшей металлургии Кавказа. СА, 1968, 4, стр. 17—20; *Э. В. Ханзадян.* Гарни. IV. Ереван, 1969, стр. 169, 170; *К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили.* Ук. соч., стр. 114; *Р. М. Мунчаев.* Кавказ на заре бронзового века. стр. 393, 394.

[35] *В. М. Котович.* Ук. соч., стр. 225; *Э. В. Ханзадян.* Ук. соч., стр. 169; *К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили.* Ук. соч., стр. 114.

[36] *Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов.* Ук. соч., стр. 17—20.

[37] *Г. М. Асланов, Р. М. Вайдов, Г. И. Ионе.* Древний Мингечаур. Баку, 1959, стр. 134, 135; *Н. Н. Стоскова.* Появление железа и первые способы его получения. Тр. ИИЕТ, 33. М., 1960, стр. 240, 241; *И. А. Гзелишвили.* Железоплавильное производство в древней Грузии, стр. 28, 29; *Е. Н. Черных.* Ук. соч., стр. 143—148, 151—153.

большого количества угля с подачей сырого (т. е. неподогретого) воздуха в них могла достигаться чрезвычайно высокая температура порядка 1300—1350° [38]. Благодаря этому обеспечивалось главное условие, при котором могли протекать химические процессы восстановления металлов из окислов, а именно: образование высокотемпературной восстановительной атмосферы.

Из сказанного следует, что технико-технологическая оснащенность кавказской металлургии достигла в III тысячелетия до н. э. такого уровня, который был достаточен для практического осуществления выплавки меди из сульфидных руд. Но здесь уместно поставить и другой вопрос: действительно ли назрела в ту пору необходимость перехода к плавке сульфидов? Чтобы ответить на него, обратимся к имеющимся данным.

Расцвет кавказской металлургии в III тысячелетии до н. э. проявился и в резком возрастании количества металлических изделий, которые предназначались как для местного населения, так и для вывоза в степи Юго-Восточной Европы [39] и даже в страны Передней Азии [40]. Быстрый и бурный рост металлопроизводства должен был повлечь за собой и соответствующее расширение рудной базы. Можно полагать, что именно в этих условиях оказались сравнительно быстро исчерпанными довольно ограниченные ресурсы окисленных руд Кавказа [41], и потребность в новых источниках сырья для интенсивно развивающейся металлургии могла быть покрыта здесь только с переходом к эксплуатации более богатых запасов сульфидных руд, включая и колчеданы.

В подтверждение сказанного сошлемся на обнаруженные на территории Карачаево-Черкессии древние выработки медной руды. Здесь встречены остатки шахты и несколько штолен, образовавшихся в результате почти полной выборки халькопиритовых жил, а также следы выборки отдельных линз халькопирита. Эти пока единственные в древних памятниках Кавказа выработки колчеданов датируются по находкам двух каменных желобчатых топоров и бронзового кинжала второй половиной или концом III — серединой II тысячелетий до н. э.[42].

На первых порах использование медных колчеданов для нужд металлургии, вероятно, было весьма ограниченным. И тем не менее с переходом к такой плавке древние металлурги должны были более или менее регулярно получать побочный, но, как отмечал А. А. Байков, неизбежный продукт этого процесса в виде железистых настылей и криц [43]. Все это должно было объективно вести к знакомству с железом, а затем и к постепенному его производственному освоению. Последнее, как это все более проясняется, оказалось длительным и сложным процессом [44].

Мы не располагаем сейчас достаточным количеством данных, которые позволили бы более или менее полно охарактеризовать течение этого

---

[38] *А. А. Байков.* Физико-химические основы прямого восстановления железа из руд. Избранные труды. М., 1961, стр. 70, 71.

[39] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 72.

[40] *А. А. Иессен.* Кавказ и Древний Восток. КСИА АН СССР, 93, 1963, стр. 6; *Т. Н. Чубинишвили.* Древнейшая культура в двуречье Куры и Аракса. Тбилиси, 1965, стр. 132; *Е. И. Крупнов.* Кавказ в древнейшей истории нашей страны. ВИ, 1966, 5, стр. 38.

[41] В этой связи небезынтересно отметить, что в последние годы некоторыми исследователями сильно переоценивалось значение даже крупных месторождений окисленных руд в обеспечении меднорудной базы древних металлургических очагов Закавказья. См. *А. Ц. Геворкян.* О древнейшей меднорудной базе Армении. СА, 1973, 4, стр. 38.

[42] *В. А. Кузнецов.* Ук. соч., стр. 62—65.

[43] *А. А. Байков.* Состав и строение черной меди, получаемой в шахтных печах, стр. 260—262.

[44] *Р. М. Абрамишвили.* К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии, стр. 378; *Б. А. Шрамко.* Появление и освоение железа в Восточной Европе, стр. 221; *Г. Е. Арешян.* Железо в культуре древней Передней Азии и бассейна Эгейского моря. СА, 1976, 1 стр. 99.

процесса на Кавказе. Поэтому нам придется ограничиться рассмотрением крайне немногочисленных и разрозненных фактов, относящихся к его различным этапам. В пределах Южного Кавказа первое знакомство с железом документировано находками его фрагментов и кусочка белого чугуна в слоях «К» и «Д» поселения Геой-Тепе в Иранском Азербайджане [45].

В областях, непосредственно прилегающих к Главному Кавказскому хребту, подобные находки в памятниках III — первой половины II тысячелетия до н. э. пока не встречены, что отражает, по нашему мнению, лишь нынешнее состояние их изученности. Древнейшие среди известных здесь сейчас находки железных изделий датируются второй половиной II тысячелетия до н. э., преимущественно его концом, и началом I тысячелетия до н. э. Это — предметы вооружения и украшения, повторяющие форму бронзовых прототипов, различные инкрустации по бронзе и т. д.[46]. Весьма примечательно, что их появление совпадает по времени с наивысшим расцветом бронзовой металлургии Кавказа, когда, по общему признанию специалистов, основным металлургическим сырьем здесь повсюду служили сульфидные руды. Подобное совпадение вряд ли было случайным. По нашему мнению, оно может служить указанием на повсеместно начавшееся на Кавказе производственное использование железа, получавшегося в качестве побочного продукта при плавке медных колчеданов.

В подтверждение высказанного предположения сошлемся на такой факт: ни в одном из кавказских памятников второй половины II — рубежа II—I тысячелетий до н. э., где уже более или менее регулярно встречаются железные и даже стальные изделия, совершенно не представлено никаких следов железоделательного производства. Они отсутствуют, например, и на исследованном широкими площадями Сержень-Юртовском поселении в Чечено-Ингушетии, хотя там открыты остатки нескольких бронзолитейных мастерских и употребление железа надежно документировано археологическими материалами [47].

В целом, основываясь на рассмотренных данных, можно попытаться наметить некоторые вехи процесса зарождения железной металлургии на Кавказе. Интенсивное развитие здесь бронзовой металлургии с начала III тысячелетия до н. э. вскоре привело к необходимости расширение ее рудной базы за счет использования сульфидов. Это подтверждается на примере древних выработок халькопиритов на Северном Кавказе и наличием относительно высоких концентраций железа и серы в части древних бронзовых изделий. По данным металлургии, плавка колчеданов неизбежно должна была сопровождаться образованием некоторого количест-

---

[45] *T. Burton Brown.* Iron Objects from Azerbaijan, p. 7–9.

[46] *Н. В. Минкевич-Мустафаева.* О датировке и хронологических этапах памятников Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа. МКА, IV, Баку, 1962, стр. 109–139; *О. А. Даниелян.* К вопросу о появлении железа в Азербайджане. ДАН Аз. ССР, XXVII, 1971, 8, стр. 80–83; *А. А. Мартиросян.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа, стр. 113–192; *Г. Е. Арешян.* О раннем этапе освоения железа в Армении и на Южном Кавказе, стр. 194–206; *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки в Триалети, стр. 65–75; *Т. Н. Чубинишвили.* Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957, стр. 120–123; *Р. М. Абрамишвили.* К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии, стр. 377–379; *Г. Б. Авалишвили* Погребение литейщика из могильника сел. Гантиади. СА, 1970, 4, стр. 186–189; *Б. В. Техов.* Тлийский могильник и проблема хронологии культуры поздней бронзы – раннего железа Центрального Кавказа, СА, 1972, 3, стр. 18–37; *Е. А. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа, стр. 321, 322; *К. Э. Гриневич.* Новые данные по археологии Кабарды. МИА, 23, 1951, стр. 134, 135; *М. И. Пикуль.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, стр. 13–33; *В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев.* Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований, КСИА АН СССР 100, 1965, стр. 46, 47; *В. И. Козенкова.* Металлообработка у племен эпохи раннего железа на территории Чечено-Ингушетии. АЭС, II, Грозный, 1968, стр. 31—38; *О. М. Давудов.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974, стр. 120—122.

[47] *В. И. Козенкова.* Ук. соч., стр. 31—38.

ва металлического железа. И действительно, первое знакомство с этим металлом уже во второй половине III тысячелетия до н. э. археологически засвидетельствовано упомянутыми находками из южнокавказского региона (Иранский Азербайджан).

Для эпохи средней бронзы (первая половина и середина II тысячелетия до н. э.) мы не располагаем сейчас никакими данными, которые могли бы пролить свет на последующее течение этого процесса. Зато в эпоху поздней бронзы (вторая половина II — рубеж II—I тысячелетий до н. э.), когда бронзовая металлургия Кавказа, базировавшаяся в основном уже на сульфидных рудах, достигает своего апогея, здесь наблюдается широкое распространение немногочисленных, но достаточно крупных по размерам и разнообразных по назначению железных изделий, в том числе предметов вооружения, изготовленных из сырцовой и цементированной стали [48]. Поскольку в соответствующих археологических памятниках отсутствуют следы железоделательного производства, допустимо предположить, что по крайней мере какая-то часть этих изделий могла быть изготовлена из железа, образовывавшегося при плавке медных колчеданов. Немногочисленность подобных изделий, по-видимому, лимитировалась сравнительно малым количеством получавшегося при этом железа, а их высокое качество свидетельствует о значительных практических навыках в производственном освоении нового металла, накопленных к тому времени кавказскими металлургами. Последнее обстоятельство послужило веским основанием для выделения значительного отрезка данной эпохи в самостоятельный период — переходный от эпохи бронзы к эпохе раннего железа.

Разумеется, предложенная схема, равно как и высказанные в ее обоснование соображения, являются лишь первой попыткой осмысления известных ныне немногочисленных археологических фактов путем привлечения данных смежной науки — металлургии. Это — рабочая гипотеза, отнюдь не претендующая ни на окончательность, ни на бесспорность высказанных положений, а, напротив, предполагающая дальнейшую разработку поставленных вопросов с привлечением новых фактов и доказательств.

Справедливость требует отметить, что в специальной литературе уже неоднократно высказывалась мысль о возможности возникновения железоделательного производства из высокоразвитой бронзовой металлургии [49]. Она подтверждается известными археологическими фактами, свидетельствующими, что важнейшие атрибуты сыродутного способа получения железа — сыродутный горн и технология восстановительной плавки — действительно были изобретены еще в бронзовом веке. Привлечение данных металлургии добавляет к этому еще один чрезвычайно важный аспект: начавшаяся в некоторых местах еще в глубокой древности плавка медных колчеданов неизбежно приводила к весьма раннему знакомству и с самим металлургическим железом, к познанию его свойств. С признанием этого мы получаем возможность понять происхождение поделок из металлургического железа, изредка встречаемых в памятниках бронзового века в разных регионах, а вместе с тем и еще одно весомое доказа-

[48] *Р. М. Абрамишвили.* В вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии, стр. 378; *Ф. Н. Тавадзе.* Изучение технологии производства железа в древней Грузии. Методы естественных и технических наук в археологии (тезисы докладов). М., 1963, стр. 34; *Г. Е. Арешян.* О раннем этапе освоения железа в Армении и на Южном Кавказе, стр. 194—203; *Г. А. Вознесенская.* Технология производства железных предметов Тлийского могильника. Сб. «Очерки технологии древнейших производств». М., 1975, стр. 76—92, табл. 2.

[49] *Б. Б. Пиотровский.* Ванское царство. М., 1959, стр. 161; *А. Л. Монгайт.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974, стр. 130; *Б. А. Колчин.* Проблемы изучения технологии древнейших производств. Сб. «Очерки технологии древнейших производств». М., 1975, стр. 9.

тельство того, что металлургия железа закономерно выросла из медно-бронзовой металлургии. В этой связи уместно вспомнить о зафиксированных в некоторых доурартских и урартских памятниках Армении фактах «сосуществования» в одних и тех же мастерских и бронзолитейного и железоделательного производств [50], которые можно рассматривать и как своеобразное подтверждение их изначальной взаимосвязи, еще до конца не преодоленной в первой половине I тысячелетия до н. э.

Таким образом представляется один из возможных путей зарождения железной металлургии на Кавказе. В литературе уже отмечен еще один, во многом сходный путь получения небольших количеств восстановленного металлургического железа при плавке свинца, когда (как это практиковалось, например, в странах Передней Азии) металлурги добавляли в шихту до $^1/_3$ железной руды [51]. Как установлено, свинец стал известен древним кавказским металлургам не позднее III тысячелетия до н. э.[52]. Учитывая это, а также имея в виду вероятность применения здесь тех же технологических приемов его выплавки, что и в соседней Передней Азии, можно допустить возможность получения металлургического железа и на Кавказе таким же путем.

Наконец, нельзя не учитывать, что металлургическое железо могло быть получено и при обжиге железных руд, первоначально не имевшем никакого отношения к металлургии. В частности, в Горном Дагестане археологически засвидетельствовано использование сильно обожженных сидеритов для изготовления минеральной краски — охры, широко применявшейся здесь с раннего мезолита и вплоть до середины I тысячелетия н. э. для нанесения рисунков на скалах [53]. Первоначально сидериты обжигались на открытых кострах [54]. Позднее этой цели служили своеобразные «мастерские», где обжиг производился в небольших сферических лунках, образовывавшихся прямо в скале по мере выборки и использования выступавших на ее поверхность округлых сидеритовых конкреций [55].

Сидериты весьма легкоплавки [56]. Поэтому при их костровом обжиге, особенно в упомянутых лунках, в отдельных случаях могли возникать условия, подобные тем, которые практиковались в железном веке при восстановлении железа в горшках на открытых кострах (без дутья) [57]. А это, в свою очередь, также могло приводить к образованию металлического железа. Поскольку обжиг сидеритов для получения краски производился довольно регулярно, повторяемость подобных случаев могла быть относительной частой. Этим самым открывался еще один путь знакомства с металлургическим железом, особенно важный еще и потому, что он наглядно устанавливал связь между обжигом сидеритов и получаемым в результате этого металлом. Постепенно накапливаемый таким образом практический опыт восстановления железа из сидеритовых руд мог со временем сыграть положительную роль и в становлении железоделательного производства.

---

[50] *А. А. Мартиросян.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа, стр. 185–189; *его же.* Аргиштихинили. Ереван, 1974, стр. 97.

[51] *Б. А. Колчин.* Ук. соч., стр. 10.

[52] *И. Р. Селимханов.* К истории освоения человеком металлов и сплавов на Кавказе. Сб. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 144, рис. 1.

[53] *В. М. Котович.* Опыт классификации древних писаниц Горного Дагестана. Сб. «Древности Дагестана». Махачкала, 1974, стр. 30–47.

[54] *В. Г. Котович.* Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 116.

[55] *В. М. Котович.* Ук. соч., стр. 34, 35.

[56] *Н. К. Мхитаров.* Железная руда. Сб. «Сокровища недр Северного Кавказа». Пятигорск, 1937, стр. 88–92. Восстановление железа из подобных руд могло происходить при температуре от 230 до 500°. См. *А. Лукас.* Материалы и ремесленное производство древнего Египта. М., 1958, стр. 372; *Н. Н. Стоскова.* Появление железа и первые способы его получения, стр. 236.

[57] *Н. Н. Стоскова.* Ук. соч., стр. 236–239.

На этом мы завершаем рассмотрение путей, которые могли привести к весьма раннему знакомству с металлургическим железом на Кавказе. Разумеется, ими отнюдь не исчерпывается все многообразие практиковавшихся в древности технико-технологических операций, которые проводились над железосодержащими минералами в разных отраслях производства с высоким температурным режимом, что также могло создавать в отдельных случаях благоприятные условия для восстановления металлического железа. Очевидно и другое: параллельное или разновременное развитие подобных отраслей производства в различных, территориально удаленных областях объективно должно было определить и полицентрический характер и, по-видимому, разновременность самостоятельного знакомства населения каждой из них с металлургическим железом.

В условиях Кавказа главную роль в этом процессе, вероятнее всего, сыграла металлургия меди, которая с переходом к плавке медноколчеданных руд не только создала возможности для первого знакомства с металлургическим железом, но и, что не менее важно, обеспечила прочную технико-технологическую базу для последующего развития здесь железоделательного производства.

*V. G. Kotovitch*

## QUELQUES QUESTIONS DE L'ANCIENNE METALLURGIE DU CUIVRE SE RAPPORTANT AU PROBLEME DE L'APPARITION DE LA METALLURGIE DU FER AU CAUCASE

Résumé

Dans le présent article on tente d'éclairer l'aspect technico-technologique de la solution du problème concernant la naissance de la métallurgie du fer au Caucase. On a pris pour base la position d'un éminent métallurgiste soviétique, l'académicien A. A. Baïkov, lequel a remarqué, parmi les réactions diverses et compliquées qui se produisent lors de la fusion réductrice de minerai de chalcopyrite dans des fourneaux de mines, toute une série d'écarts au cours normal de ce processus, amenant à la formation de fer métallique. Jusqu'à une époque peu reculée, la possibilité de limiter ou de régler les facteurs provoquant des cas semblables était pratiquement inexistante, par suite de quoi une fusion de cette sorte était inévitablement accompagnée de formations ferreuses, contenant de 76 à 90% de fer métallique. L'étude des données archéologiques en notre possession montre que les premièrs essais pour fondre de la chalcopyrite avaient déjà été entrepris en Asie antérieure tout au début de l'implantation de la métallurgie du bronze et du cuivre, et au Caucase pas plus tard que le IIIe millénaire av. n. è. C'est pourquoi il est possible de rattacher l'apparition, dans ces monuments des IIIe et IIe millénaires av. n. è., d'objets isolés en fer — d'abord des ornements et, à la fin de cette période, des armes et des outils,— à un début d'utilisation industrielle du nouveau métal, obtenu comme un sous — produit inévitable au cours de la fusion de la chalcopyrite.

Т. В. МИРОШИНА

# ОБ ОДНОМ ТИПЕ СКИФСКИХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ

Скифские головные уборы известны нам недостаточно полно; в погребениях они обычно не сохраняются либо сохраняются частично, и по остаткам трудно судить об их форме.

Обычно на предметах торевтики скифы представлены без головных уборов, с волосами до плеч. Изображения скифов в головных уборах немногочисленны, да и относятся они лишь к IV—III и II вв. до н. э. Однако они дают нам возможность судить о некоторых типах мужских и женских головных уборов. Чаще всего можно видеть изображения мужских башлыков, сшитых, видимо, из войлока или кожи.

По форме башлыки, исходя из изображений, можно разделить на два типа. Первый тип представлен на куль-обской вазе, где в башлыках изображены три скифа [1] (рис. 1). Эти башлыки имеют заостренную верхушку, соединенные задняя и боковые лопасти доходят почти до плеч. Видимо, такие головные уборы кроились из двух половин и сшивались сзади и спереди. По краям башлыка и по низу идет орнамент из точек, может быть, из бляшек. Башлык у правого скифа из группы двух скифов, перевязывающих ногу, кроме обычных точек по краю украшен еще строенными точками. Тип башлыка, который мы условно называем куль-обским, вероятно, был наиболее обычным.

Ко второму типу относятся башлыкообразные головные уборы, в которых представлены скифские цари Скилур и Палак на известном рельефе II в. до н. э. из Неаполя Скифского [2]. В таком же головном уборе изображен Скилур на медной ольвийской монете [3]. Это мягкие шапки без боковых лопастей с немного свисающей назад верхушкой. Вокруг головы они перевязаны лентой, длинные концы которой свисают сзади (рис. 2).

Похожие по форме головные уборы переданы на некоторых синдских скульптурах: на голове знатного синда из Фанагории [4] (середина IV в. до н. э.) и статуе-полуфигуре воина, найденной в 1896 г. у пос. Сенная [5] (III в. до н. э.). Это островерхие головные уборы со свисающей верхушкой, внизу перевязанные лентой. М. М. Кобылина прямо связывает головной убор головы синда с шапкой Скилура [6]. Может быть, у скифов существовали и другие типы башлыков, но в изображениях они не представлены.

---

[1] *П. К. Степанов.* История русской одежды, вып. 1. Пг., 1916, табл. V—VI, стр. 18, 19.

[2] *П. Н. Шульц.* Скульптурные изображения царей Скилура и Палака. КСИИМК, 12, 1946, стр. 44—46.

[3] *А. В. Орешников.* О монетах скифских царей с именем города Ольвии. ЗРАО, нов. серия, т. IV, вып. 1, 1889, табл. II, *2*.

[4] *М. М. Кобылина.* Скульптурный портрет из Фанагории. СА, 1962, 3, стр. 209—214, рис. 1—4.

[5] *М. М. Кобылина.* Боспорская скульптура. МИА, 19, 1951, стр. 184, рис. 8, *2*.

[6] *М. М. Кобылина.* Скульптурный портрет..., стр. 211.

Рис. 1. Прорисовка изображений на вазе из Куль-Обы (по П. К. Степанову)

Кроме перечисленных известны еще лишь весьма условные изображения башлыков, которые трудно отнести к определенному типу. В таких условных башлыках представлены аримаспы на золотой пластине от головного убора из Большой Близницы [7] или охотники на грифонов и кабанов на лекифе Ксенофанта [8]. В аналогичных головных уборах с мягкой верхушкой и лопастями ниже плеч изображены скифы на золотых бляшках из Чмыревой могилы [9] и Чертомлыка [10]. В условных головных уборах, близких персидским, переданы скифы в битве с греками на ножнах меча из Чертомлыка [11].

Башлыки были распространены и у родственных скифам саков. Геродот писал о них: «Саки, скифское племя, имели на голове кирбасии — остроконечные шапки из войлока, стоявшие прямо» (VII, 64). У саков был, очевидно, известен куль-обский тип башлыка, причем его лопасти заканчивались значительно выше плеч. В такие головные уборы одеты саки в сцене битвы с персами на персидском цилиндре (рис. 3) [12], но более распространенным, видимо, был второй тип сакских башлыков. У таких головных уборов боковые лопасти доходили почти до плеч и были отделены от задней лопасти разрезом. Мягкая верхушка башлыка свисала назад. Изображения саков в таких башлыках есть на рельефах гробницы Дария I близ Персеполя [13] (начало V в. до н. э.; рис. 4), на пластинках Амударьинского клада [14] (VI—V вв. до н. э.; рис. 5), на многочисленных персидских печатях и т. д. К третьему типу сакских

[7] ОАК за 1865 г. СПб., 1866, Альбом, табл. I, рис. 1, 2. О необходимости разграничения скифских и условных восточных башлыков писали еще: *E. Minns.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 55 и *П. К. Степанов.* Ук. соч., стр. 22.

[8] *В. Д. Блаватский.* Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961, стр. 158, рис. 78.

[9] *Ф. А. Браун.* Отчет о раскопках в Таврической губ. ИАК, 19, 1906, стр. 106, рис. 38.

[10] ОАК за 1864 г. СПб., 1865, Альбом, табл. V, 8.

[11] *П. К. Степанов.* Ук. соч., табл. XV.

[12] *С. И. Руденко.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960, стр. 182, рис. 110.

[13] *П. К. Степанов.* Ук. соч., стр. 9.

[14] *М. И. Артамонов.* Сокровища саков. М., 1973, стр. 8, рис. 1, 2.

Рис. 2. Рельеф из Неаполя Скифского (по А. И. Тереножкину и В. А. Ильинской)

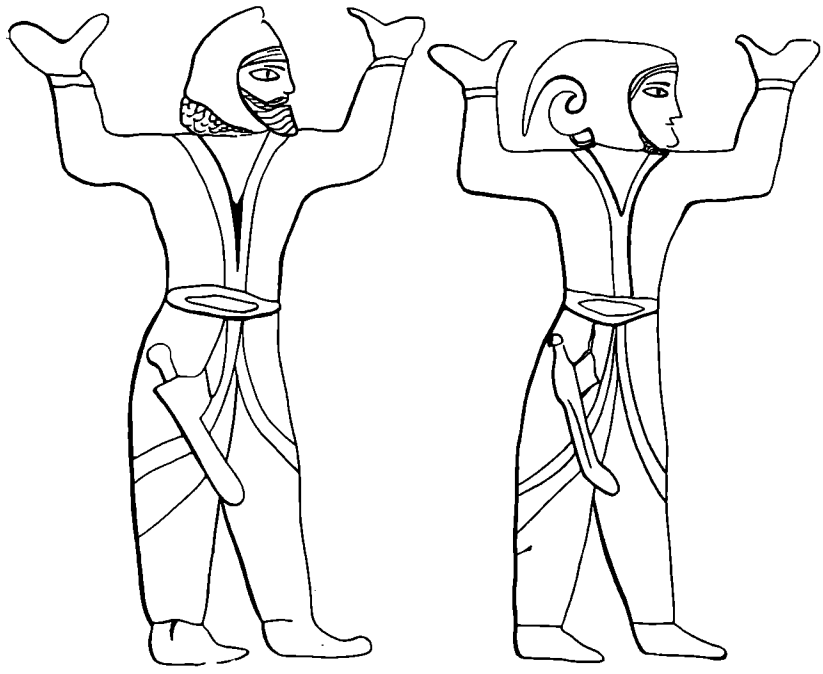
Рис. 3. Персидская печать (по С. И. Руденко)

головных уборов относятся башлыки с очень высоко стоящей верхушкой. Лопасти их также отделены друг от друга разрезом. Саки в этих уборах и есть, видимо, «ортокорибантии» Геродота (сак Скунха с Бехистунской скалы [15], рельеф на ападане дворца Дария в Персеполе) [16].

Башлыки нескольких типов известны и у персов. Один из них, с длинной свисающей назад верхушкой, аналогичен второму типу сакских [17]. Другие имели мягкий плоский верх, чуть свисающий назад. Такие башлыки-тиары почти всегда завязывались на подбородке [18]. Персидские башлыки третьего типа плотно облегали голову и были лишены верхушки (рис. 3). Лопасти их могли быть короткими или очень длинными.

Вполне возможно, что башлыки или башлыкообразные головные уборы у некоторых народов, в том числе и у скифов, носили не только

[15] *E. Minns.* Op. cit., p. 59, fig. 12.
[16] *М. И. Артамонов.* Ук. соч., стр. 9, рис. 3.
[17] Там же, стр. 10, рис. 4.
[18] *И. Толстой, Н. Кондаков.* Русские древности в памятниках искусства, вып. II. СПб., 1889, стр. 51, рис. 36 и 37.



*1* *2*

Рис. 4. Рельефы с гробницы Дария (по П. К. Степанову)

мужчины, но и женщины. Изображения женщин в башлыкообразных уборах известны у синдов по статуям-полуфигурам IV—III вв. до н. э. (их 20 экз.). Н. И. Сокольский отмечал, что у синдских женщин, как и у мужчин, был заостренный головной убор, отличавшийся у женщин покрывалом [19]. Особенно выразительно женское надгробие из Анапы (IV—III вв. до н. э.) [20] (рис. 6, *1*). Головной убор изображенной на нем женщины очень напоминает высокий башлык. Женщины, представленные в башлыкообразных головных уборах, встречаются и в терракотах Северного Причерноморья [21]. Особенно выразительны статуэтки начала нашей эры из Илурата [22] и сельских поселений Боспора [23] (рис. 6, *2*). Они могли подражать культовой статуе женского божества, изображение которого в то время чеканилось на боспорских монетах [24]. Изображений скифянок в башлыках или башлыкообразных уборах нет. Однако еще П. К. Степанов предполагал связь башлыка с конусовидными женскими головными уборами типа убора царицы из Карагодеуашха [25]. Действительно, общая форма и наличие у обоих боковых и задних лопастей говорит в пользу такой связи, скорее всего генетической. Парадный конусовидный убор царицы из Карагодеуашха, на наш взгляд, можно считать развившимся из башлыка с коническим верхом.

Находки остатков головных уборов в ряде курганов Северного Причерноморья позволяют предполагать, что башлыкообразные головные убо-

---

[19] *Н. И. Сокольский.* Синдская скульптура. Сб. «Античное общество». М., 1967, стр. 196, 198, 199.

[20] *Н. И. Сокольский.* К вопросу о синдской скульптуре. Сб. «Культура античного мира». М., 1966, стр. 253, рис. 5.

[21] *Г. И. Боровка.* Женские уборы Чертомлыцкого кургана. ИРАИМК, вып. 1, 1921, стр. 185.

[22] «Терракоты Северного Причерноморья». САИ, ГІ-11, 1970, табл. 55, рис. 3.

[23] *И. Т. Кругликова.* О культе верховного женского божества на Боспоре во II—III вв. н. э. Сб. «Культура античного мира», стр. 112.

[24] Там же, стр. 113.

[25] *П. К. Степанов.* Ук. соч., стр. 30.

ры существовали у скифов и их ближайших соседей со времен архаики. Причем, видимо, их носили не только мужчины, но и женщины.

Архаические головные уборы восстанавливаются лучше всего по находкам золотых бляшек, зафиксированных на черепах погребенных в курганах VI в. до н. э. у с. Синявки (кург. 100) и у с. Бобрица (кург. 35). А. А. Бобринский, издавший материал этих курганов, предполагал, что головные уборы имели форму платка или повязки, застегнутой сзади булавкой [26]. М. И. Ростовцев [27] и большинство последующих исследователей приняли эту гипотезу. Есть мнение, что архаический убор представлял собой низкую тиару, обложенную спереди и с боков бляшками [28]. Однако если учесть размеры и расположение бляшек на черепах погребенных, то получится реконструкция, отличающаяся от предложенных ранее.

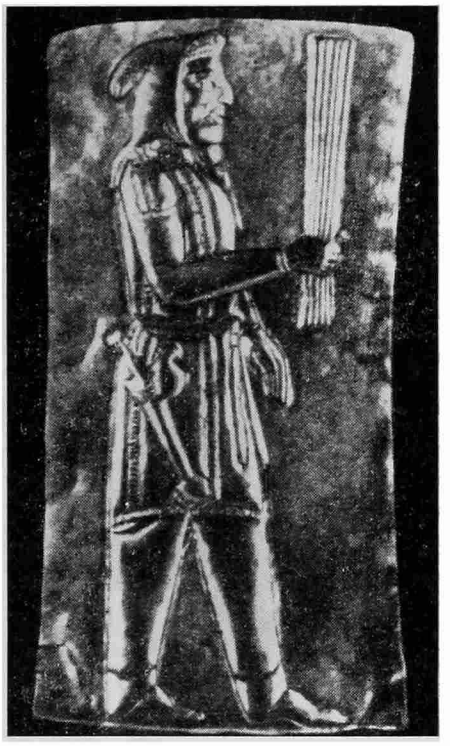


Рис. 5. Пластинка из Амударьинского клада (по М. И. Артамонову)

По описанию А. А. Бобринского, к головному убору главного погребения в кург. 100 у с. Синявка относились 42 золотые бляшки, гвоздевидные височные подвески и булавка [29]. Из них 31 представляет изображение оленя с подогнутыми ногами, т. е. в позе «летящего галопа». Размер бляшек 4,3×3,2 *см*. Одиннадцать бляшек имеют вид строенных концентрических кружков размерами 2×2 *см*. Часть бляшек сохранилась in situ на черепе, и во время раскопок их расположение было зарисовано [30] (рис. 7). Тройные бляшки лежали на лбу погребенной, видимо, на линии начала волос. Общая длина этого ряда 17 *см*, что приблизительно соответствует расстоянию от виска до виска. Эти бляшки, вероятно, составляли кайму надо лбом шириной 3 *см* (при расчетах учитываются расстояния между бляшками, которые можно высчитать по рисунку). На черепе (ото лба до макушки) лежали три ряда бляшек с оленями, по три оленя в каждом. Из рисунка и описания видно, что такие же три ряда бляшек шли с правой и левой стороны черепа. Сзади, видимо, бляшек не было.

Ото лба до макушки бляшки лежат полосой в 15,5 *см* (включая тройные бляшки), что соответствует примерно этому расстоянию на самой голове. Слева направо (наверху головы) бляшки занимают 16 *см*. Разместить оленей по бокам убора можно вертикально или горизонтально. При горизонтальном варианте с каждой стороны головы можно поместить три ряда по три бляшки и один ряд по две бляшки. Вместе с бляшками наверху головы это составит имеющуюся у нас 31 бляшку. Таким образом, получается, что длина каждой боковой лопасти равна 17 *см*, ширина — 20 *см*. При таких размерах эти лопасти должны были спускаться

---

[26] *А. А. Бобринский.* Курганы и случайные находки близ местечка Смелы, III. СПб., 1901, стр. 138.

[27] *М. И. Ростовцев.* Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 495; *М. И. Ростовцев, П. К. Степанов.* Эллино-скифский головной убор. ИАК, 63, 1917, стр. 95.

[28] *В. А. Іллінська, О. І. Тереножкин.* Скіфський период. «Археологія УРСР», II. Київ, 1971, стор. 144.

[29] *А. А. Бобринский.* Курганы..., III, 1901, стр. 141.

[30] Там же, стр. 139, рис. 71.

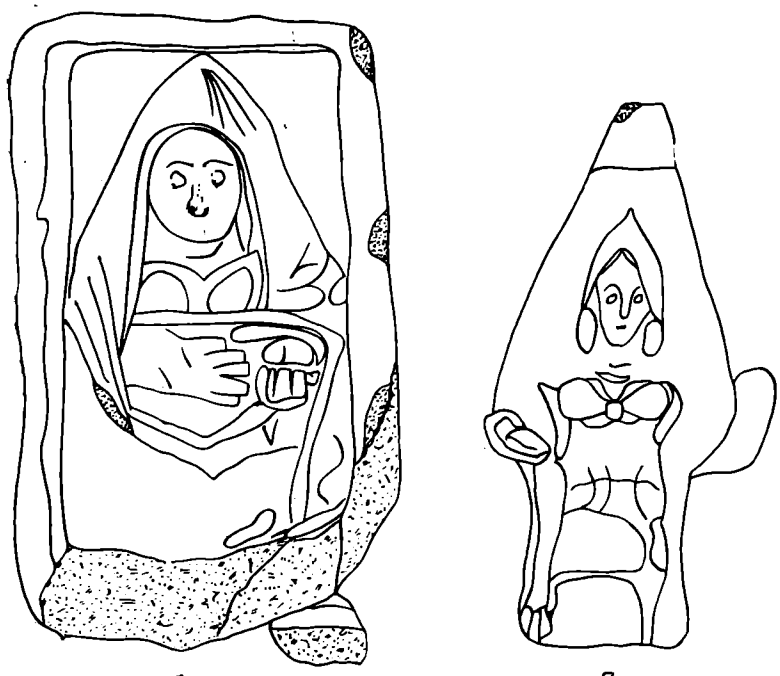


Рис. 6. *1* — синдское надгробие из Анапы. Эллинизм (по Н. И. Сокольскому); *2* — терракотовая статуэтка III в. н. э. (по И. Т. Кругликовой)

чуть ниже ушей, что соответствует куль-обскому типу башлыка у саков. Правда, часть полей внизу могла быть неорнаментирована, тогда лопасти заканчивались бы несколько выше плеч, как на изображениях скифов на куль-обской вазе. У нас получился убор вроде чепца, окаймляющий лицо по линии волос и, может быть, имеющий заостренную верхушку. Разрез сзади, возможно, был заколот золотой булавкой длиной 11 *см* (рис. 8). К этому головному убору относились две золотые гвоздевидные височные подвески диаметром 1,4 и 2 *см*[31]. Видимо, они прикреплялись к убору на висках, как в более позднее время к налобному ремню-метопиде.

Аналогией этому головному убору может служить башлык саков (рис. 4, *1*). Привлечение для аналогии сакских башлыков нам кажется вполне правомерным, так как мы проследили их большое сходство со скифскими. Время изображения сакских башлыков (начало V в. до н. э.) близко архаическому.

Можно предположить и вторую реконструкцию головного убора из с. Синявка. В основу ее положен самый распространенный тип башлыков саков, изображенных на рельефах гробницы Дария I в ущелье Накш-и-Рустам близ Персеполя (рис. 4, *2*). Островерхие верхушки этих башлыков заломлены назад, причем спускаются они прямо от макушки головы и закрывают идущий сзади шов. Боковые лопасти отделены от задней разрезом, они доходят почти до плеч. Такой формой башлыка (со свисающей верхушкой) можно объяснить отсутствие бляшек на затылке в погребении из Синявки. При горизонтальном расположении бляшек длина лопастей совпадает с первой реконструкцией. Если же предположить их вертикальное расположение на боковых лопастях (рис. 9), т. е. олени направлены головой вверх или вниз, то получим длину боковых лопастей убора 22 *см* и ширину 17 *см*, что вполне соответствует размерам длинных боковых лопастей башлыков этого типа у саков с персепольских

[31] Там же, стр. 140, рис. 77.

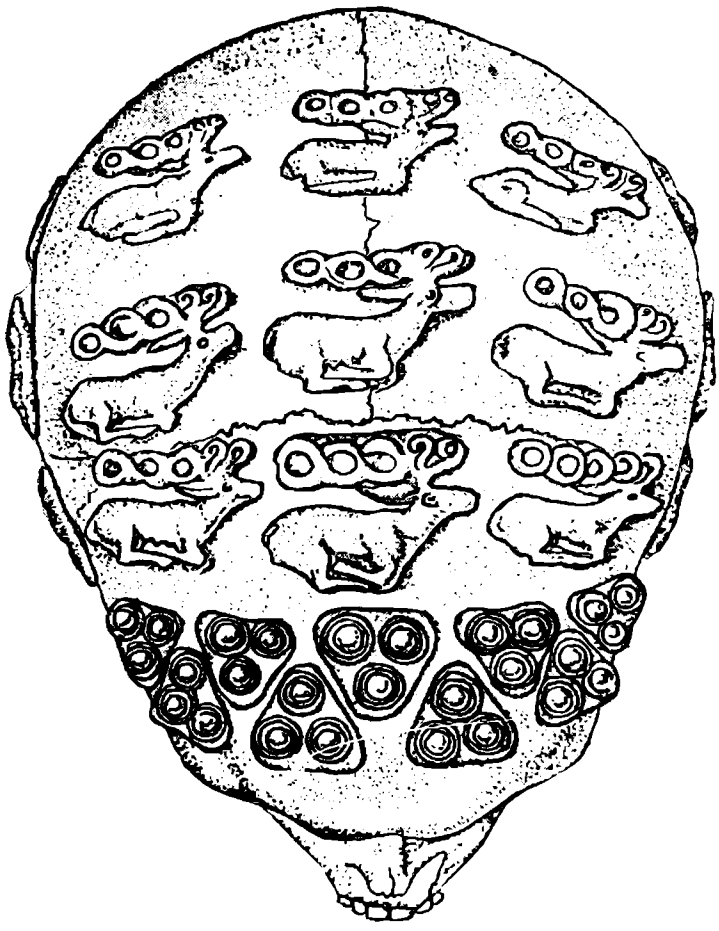


Рис. 7. Расположение бляшек на черепе в главном погребении из кург. 100 у с. Синявка (по А. И. Тереножкину и В. А. Ильинской)

рельефов. Булавка при такой реконструкции не использовалась в головном уборе. Она могла служить для скрепления прически или одежды. Именно так использовались многие булавки, найденные в скифских курганах [32].

Вторая реконструкция убора нам кажется более вероятной, хотя и первая имеет право на существование. Можно предположить еще один вариант второй реконструкции. Тройные бляшки могли быть нашиты на налобный ремень-метопиду. Тогда височные подвески должны были разместиться на метопиде как в более поздних конусовидных уборах IV—III вв. до н. э. Правда, этот вариант больше подходит для убора из Бобрицы, так как там бляшки размещались внизу лба. На рисунке же из Синявки ясно видно, что бляшки лежали предположительно на линии начала волос.

В кург. 35 у с. Бобрицы найдено 19 золотых бляшек в виде фигурки горного козла (4×2,6 *см*) и 15 бляшек из трех соединенных кружков (3×3 *см*) [33] (рис. 10, *3*, *4*). Они были расположены так: «По низу лба шли 15 тройных блях. Выше их, но трудно сказать, в каком порядке, лежали бляхи с лошадью» [34]. Вероятно, головной убор из этого кургана был аналогичен убору из Синявки. Кайму его составлял ряд тройных

[32] *В. А. Іллінська, О. І. Тереножкин.* Ук. соч., стор. 148; *В. Г. Петренко.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. САИ, Д 1—4, 1967, стр. 55.

[33] *А. А. Бобринский.* Курганы..., III, 1901, табл. 18, рис. 8.

[34] Там же, стр. 19.

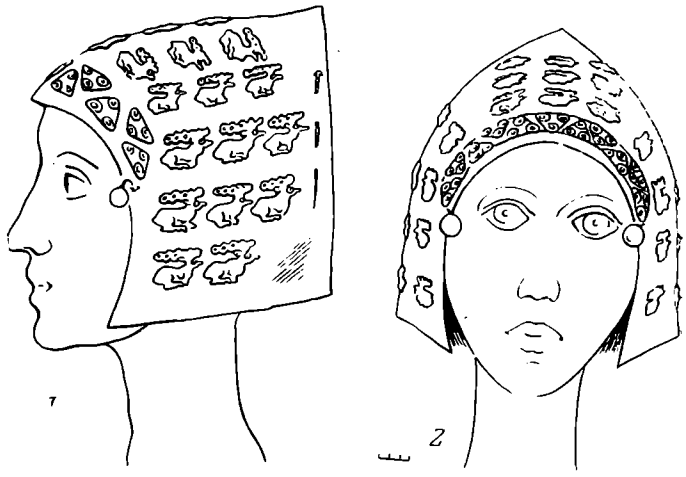


Рис. 8. Первая реконструкция головного убора из кург. 100 у с. Синявка (реконструкция автора)

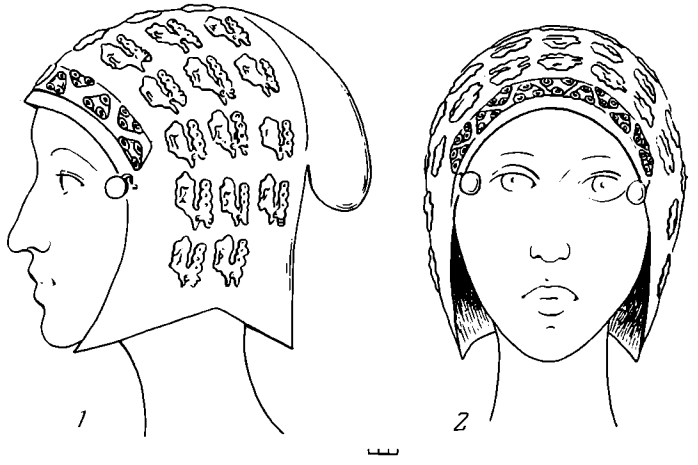


Рис. 9. Вторая реконструкция головного убора из кург. 100 у с. Синявка (реконструкция автора)

бляшек, длина которого 32 *см*, ширина 4,5 *см* (она восстановлена по аналогии с убором из Синявки при учете размеров бляшек и расстояний между ними). Кайма была значительно длиннее, чем в Синявке, шла приблизительно от уха до уха. На ней 19 бляшек-козлов можно разместить следующим образом: 9 — на голове, 10 — на боковых лопастях.

Наверху головы ото лба до макушки это составляет, учитывая кайму, 15 *см*; справа налево — тоже 15 *см*. Эти размеры совпадают с подобными размерами в башлыке из Синявки. Зато боковые лопасти короче — при горизонтальном положении блях 8 *см*, при вертикальном положении (при ширине 18 *см*) их длина 14 *см*. На этих лопастях располагается один ряд из трех бляшек и один из двух. Убор из Бобрицы отличается от башлыка из Синявки отсутствием булавки для скалывания и височных подвесок. Скорее, он больше соответствует второму варианту реконструкции головного убора из Синявки (рис. 11).

Некоторые исследователи считают погребения с остатками головных уборов, о которых говорилось выше, мужскими [35]. Более вероятным нам кажется предположение А. А. Бобринского [36] и М. И. Ростовцева [37], считавших их женскими. В кург. 100 об этом говорит инвентарь — пара

[35] *E. Minns.* Op. cit., p. 58, *В. А. Іллінська, О. І. Тереножкин.* Ук. соч., стор. 85, 144.
[36] *А. А. Бобринский.* Курганы..., III, 1901, стр. 113, 138.
[37] *М. И. Ростовцев.* Скифия и Боспор, стр. 494, 495.

Рис. 10. Бляшки из архаических курганов (по В. А. Ильинской)

гвоздевидных височных подвесок, которые обычно не встречаются у мужчин, три ожерелья и булавка. По аналогии мы можем рассматривать как женское погребение у Бобрицы. Не должно нас смущать наличие стрел и удил в этих захоронениях, так как оружие и уздечки встречаются и в скифских женских погребениях [38].

Значительные размеры курганных насыпей и погребальных сооружений, захоронения слуг или зависимых людей, сопровождавшие основные погребения, обилие золотых украшений, наличие оружия и предметов конского убора — все это говорит о том, что в головных уборах, описанных выше, были погребены скифские аристократки.

[38] *О. Д. Ганіна.* До питання про жіночі поховання з зброєю скіфського часу. Пр. КДІМ, І, 1958.

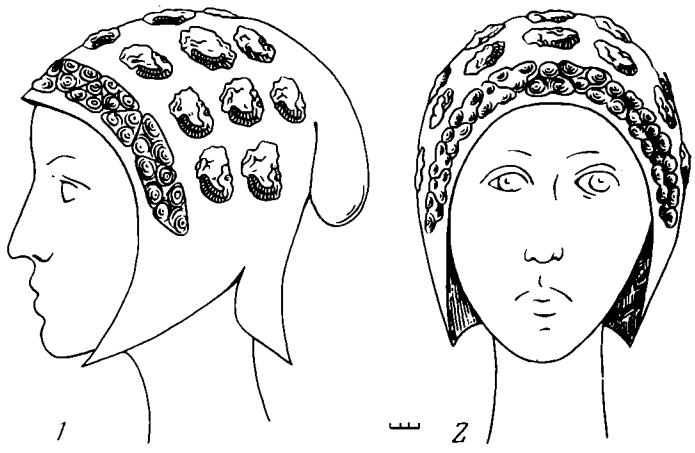



Рис. 11. Реконструкция головного убора из кург. 35 из с. Бобрица (реконструкция автора)

Бляшки в виде оленя и козла с подогнутыми ногами, а также строенные бляшки были найдены еще в ряде женских захоронений Среднего Приднепровья (VI в. до н. э.) [39]. К сожалению, почти все они происходят из ограбленных курганов, и поэтому их связь с головными уборами точно не может быть установлена.

Тем не менее нам кажется, что сочетание бляшек в виде козлов или оленей с тройными бляшками в одном погребении предположительно можно рассматривать как украшения парадного головного убора. Такое сочетание бляшек имеет место в первом погребении кургана 407 у с. Журовка, где найдены две бляшки в виде оленя и три тройных (рис. 10, *5, 6*) [40]. В кургане у Владимирской экономии близ Смелы сохранилось по одной бляшке тех же типов (рис. 10, *8, 9*) [41].

С некоторой вероятностью к украшениям мужских башлыков VI в. до н. э. можно относить бляшки, найденные в мужских погребениях в курганах 524 у с. Жаботин [42] и 346 у Орловца [43]. На этих бляшках представлены лани в той же позе «летящего галопа» (рис. 10, *15, 17*). В кург. 346 у Орловца бляшки найдены в области черепа, что и позволило А. А. Бобринскому предположить, что «они, по-видимому, были нашиты на головной убор» [44]. В кург. 524 расположение вещей не было установлено из-за обвала потолка камеры. Однако сходство блях с орловецкими и одинаковое их количество, по-видимому, свидетельствует об одинаковом назначении тех и других блях. Возможно, бляшки в виде лани использовались только в мужском уборе. Малое их количество свидетельствует о том, что мужские головные уборы архаического времени имели более скромные украшения, чем женские.

В некоторых погребениях VI в. до н. э. найдено по нескольку бляшек какого-либо одного типа: в виде оленя (в трех курганах), козла (в трех курганах) или в виде строенных кружков (три кургана) [45]. Однако мы не располагаем никакими данными, чтобы относить их к го-

---

[39] Сводка находок дана в работе: *В. А. Іллінська.* Золоті прикраси скіфського архаїчного убору. Археологія, 1971, 4, стор. 73–79. Однако В. А. Ильинская не выделяет среди бляшек такие, которые могли служить украшением головных уборов.

[40] *А. А. Бобринский.* Отчет о раскопках в Чигиринском уезде. ИАК, 14, 1905, стр. 32.

[41] *А. А. Бобринский.* Курганы..., I, 1889, табл. 5, рис. 6, *7, 11.*

[42] *А. А. Бобринский.* Отчет о раскопках в Киевской губ. в 1913 г. ИАК, 60, 1916, стр. 2.

[43] *А. А. Бобринский.* Курганы..., III, стр. 20, табл. VI, рис. 3.

[44] *А. А. Бобринский.* Отчет о раскопках в Киевской губ. в 1913 г., стр. 2, примеч.

[45] Они описаны в статье В. А. Ильинской: *В. А. Іллінська.* Ук. соч., стор. 76, 77.

ловным уборам. Бляшки в виде строенных кружков в отличие от оленей и козлов вообще не являются характерным элементом парадного головного убора архаического типа. Назначение их может быть различным: в кургане у с. Глевахи тройные бляшки были приклеены к сосуду [46], а в курганах 2 у Яблоновки и 402 у Журовки, они украшали одежду [47]. Интересно, что большинство бляшек, украшавших головные уборы, не имеют отверстий для нашивания (кроме экземпляров из кург. № 524 у с. Жаботино). Еще А. А. Бобринский предполагал, что они были приклеены к основе (кожаной или войлочной) или обшиты матерчатой каймой [48]. Первое предположение кажется более вероятным, так как теперь стало известно, что особым клеем бляшки приклеивали к сосудам [49]. Возможно, приклеивание бляшек было связано с материалом, из которого изготавливали головные уборы. На толстый войлок нашивать бляшки было трудно, поэтому их приклеивали. На кожаные башлыки бляшки могли пришивать. Если это предположение справедливо, то можно отметить, что в архаический период были больше распространены войлочные башлыки, а в IV—III вв.— кожаные, так как почти все бляшки того периода с дырочками.

Все изображения животных на бляшках от головных уборов VI в. до н. э. трактованы в духе раннескифского творчества, без влияния греческого искусства. Олени изображены в позе «летящего галопа», обычного для скифского звериного стиля. Козлы представлены в той же позе; изображения профильные, головы у животных повернуты назад. В. А. Ильинская вслед за А. А. Бобринским рассматривает бляшки из Бобрицы как изображение коня [50]. Однако аргументы, которые она приводит в пользу этого предположения, не представляются мне убедительными. Поэтому я остаюсь на традиционной точке зрения.

Золотые бляшки рассмотренных типов найдены в курганах Правобережья Среднего Приднепровья, Посулья и Прикубанья. Более или менее достоверно можно считать башлыками два женских головных убора (Синявка, кург. 100; Бобрица, кург. 35), очень предположительно — еще один женский (из Журовки) и два мужских (кург. 346 у Орловца, кург. 524 у Жаботина).

О башлыках V в. до н. э. у нас нет данных, возможно, из-за ограбления большинства курганов этого времени. Для IV—III вв. до н. э. имеются сведения о находках разного количества бляшек возле черепов как в мужских, так и в женских погребениях. Однако точное расположение бляшек не зафиксировано, поэтому мы соотносим их с башлыками только предположительно. С большей долей вероятности это можно сделать для мужских погребений, поскольку изображения башлыков кульобского типа, определенно украшенных бляшками, относятся как раз к IV—III вв. до н. э. Основываясь на изображениях, можно думать, что в большинстве случаев бляшки, находимые у черепов мужских погребений, служили украшением башлыков именно такого типа.

В кург. 45 у с. Любимовка на черепе мужского скелета и рядом с ним лежали 38 бляшек в виде фигурок лежащего льва вправо с раскрытой пастью [51] (рис. 12, *1*). На них нет отверстий для нашивки. В погр. 1 кург. 2 у Старинской птицефабрики на черепе погребенного было найдено 36 бляшек в форме десятилепестковых розеток со скошенными ле-

---

[46] *О. І. Тереножкин.* Курган біля с. Глевахи. Археологія, IX, 1954, стор. 90, 91.

[47] *В. Г. Петренко.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. САИ, вып. Д1-4, 1967, табл. 19, *14—17*.

[48] *А. А. Бобринский.* Курганы..., III, 1901, стр. 114.

[49] *О. І. Тереножкин.* Ук. соч., стор. 90, 91; *В. А. Іллінська.* Ук. соч., стор. 75.

[50] *А. А. Бобринский.* Курганы..., III, 1901, стр. 19; *В. А. Іллінська.* Ук. соч., стор. 74, 77, прим. 20.

[51] *A. Leskov.* Treasures from the Ukrainian Barrows: latest discoveries. Л., 1972, pl. 16.

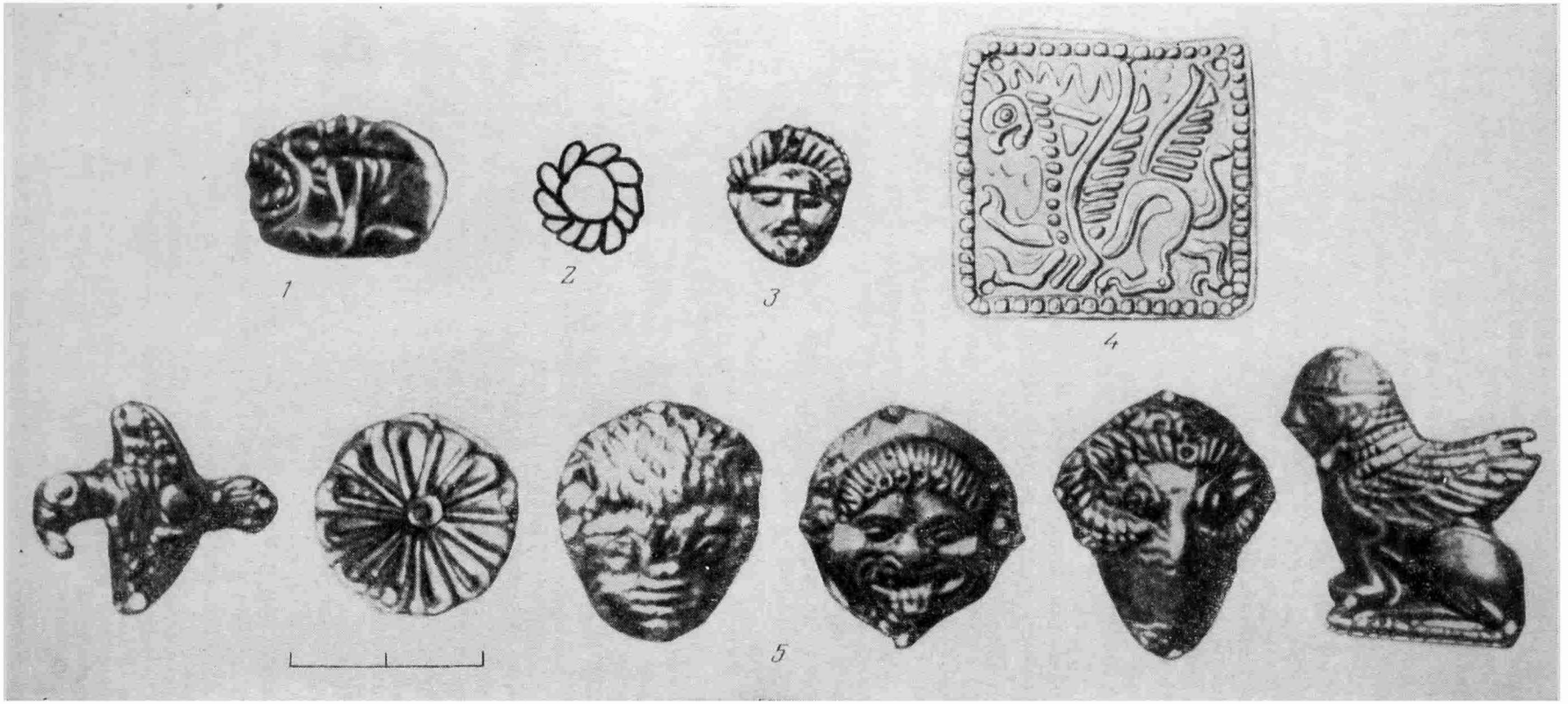



Рис. 12. Бляшки из мужских погребений IV—III вв. до н. э., украшавшие головной убор (по А. М. Лескову, В. А. Ильинской, М. И. Артамонову)

шестками [52] (рис. 12, *2*). Погребение ограблено [53], поэтому бляшек могло быть больше.

На голове царя, погребенного в III камере Чертомлыка, видимо, был надет башлык с 29 четырехугольными бляшками с изображением орлиноголового грифона влево [54] (рис. 12, *4*). Бляшки найдены на 16 *см* выше черепа, лежали они по дуге, огибая череп [55]. Такое их расположение говорит о том, что бляшки некогда были нашиты вокруг лица, по бокам башлыка. Башлык, видимо, упал с головы погребенного, поэтому бляшки и оказались выше черепа. У подбородка погребенного лежали две бляшки: четырехугольная с двумя цветками и круглая с Медузой [56]. Считается, что они были пришиты на завязках башлыка [57]. Это мало вероятно, так как по изображениям нам неизвестны у скифов башлыки с завязками.

Мужской головной убор из Карагодеуашха, видимо, тоже относится к башлыкам куль-обского типа. Именно так он реконструирован в Эрмитаже. У черепа погребенного «царя» лежало 17 прямоугольных бляшек с грубой розеткой и лицом в фас (сатир?) [58]. В эрмитажной реконструкции эти бляшки нашиты по краю вокруг лица и частично на полях башлыка. Некоторые исследователи [59] относят к этому же убору конический золотой обод с изображениями крылатых коньков (он мог перехватывать башлык в месте свисания верхушки). Еще М. И. Ростовцев высказал сомнение в принадлежности обруча к башлыку [60]. А. П. Манцевич убедительно показала, что этот обруч представлял собой обкладку деревянного ритона [61]. Не менее сомнительна принадлежность к головному убору узкой дугообразной пластинки [62], поскольку такие пластинки больше нигде не встречены.

В кургане у ст. Марьевская в Прикубанье на лбу и под черепом погребенного найдено 16 бляшек с изображением Медузы (рис. 12, *3*) [63]. Судя по расположению их на черепе и по отпечаткам в земле, можно сказать, что все бляшки были нашиты рядом или группами с небольшими промежутками. Н. И. Веселовский предполагал, что они обшивали шапочку по околышку (что-то вроде тюбетейки?) [64], но головного убора такой формы среди известных нам изображений нет. Основываясь на тех данных, которыми мы располагаем, следует предполагать, что эти бляшки были связаны с башлыками второго типа, таким, как переданный на рельефе Скилура и Палака и в синдской скульптуре. В этом случае бляшки должны были нашиваться на ленту вокруг головы. Такая реконструкция представляется наиболее вероятной еще и потому, что башлыки второго типа с лентами были широко распространены именно в Прикубанье.

В малом кургане у Курджипской станицы под головой мужчины лежали семь треугольных бляшек с псевдозернью и две круглые бляшки с женской головкой в диадеме [65]. Они также могли обшивать башлыкообразный убор второго типа. В ряде мужских погребений в области чере-

---

[52] *В. А. Ильинская.* Скифские курганы около Борисполя. СА, 1966, 3, стр. 155, рис. 2.

[53] Там же, стр. 155.

[54] ДГС, II, табл. XXXV, рис. 7.

[55] Там же, стр. 105.

[56] Там же, табл. XXX, рис. 1, *22*.

[57] *М. И. Артамонов.* Сокровища скифских курганов, стр. 53.

[58] *А. Лаппо-Данилевский, В. Мальмберг.* Курган Карагодеуашх. МАР, 13, 1894, стр. 16.

[59] Там же.

[60] *М. И. Ростовцев, П. К. Степанов.* Ук. соч., стр. 94.

[61] *А. П. Манцевич.* Деревянные сосуды скифской эпохи. АСб. ГЭ, 8, 1966, стр. 34.

[62] *А. Лаппо-Данилевский, В. Мальмберг.* Ук. соч., стр. 29, табл. VIII, *3*.

[63] ОАК за 1912 г. СПб., 1916, стр. 55, рис. 80, 81.

[64] Там же, стр. 56.

[65] ОАК за 1900 г., СПб, 1902, стр. 35, рис. 83, 84. Головной убор царя из Куль-Обы мы относим не к башлыкам, а к конусовидным уборам.

па были найдены бляшки нескольких разных штампов, а не одного или двух, как в отмеченных выше случаях. Таких погребений немного.

В кург. 8 из группы Пять братьев (Подонье) на черепе мужчины и рядом с ним были обнаружены бляшки трех видов: выпукло-вогнутая розетка с двумя концентрическими валиками (1), пальметковидные (27), выпукло-вогнутые полусферические с припаянной петелькой на обороте (13) [66]. По составу бляшек прослеживается полная аналогия с украшениями головного убора царицы из Чертомлыка, имевшего конусовидную форму. В кург. 24 гробницы 9 у Нимфея (середина V в. до н. э.) были найдены также вокруг черепа мужчины 16 бляшек разных штампов (рис. 12, *5*) [67]. Возможно, что мужские головные уборы, украшенные бляшки разных штампов (более двух), не были башлыками, а походили на женские конусовидные головные уборы.

Относительно женских башлыков IV—III вв. до н. э. трудно сказать что-либо определенное, так как убедительных данных нет. Достаточно выразительные находки из женских погребений IV—III вв. до н. э. принадлежат уборам другой формы — конусовидным и типа калафа. Весьма предположительно можно считать относящимися к башлыкам бляшки из женских погребений одного или двух штампов, так как конусовидные головные уборы были украшены бляшками разных штампов (не менее трех), а уборы типа калафа имели украшения особой формы. Возможно, именно башлык был найден в женском погребении кург. 14 (1909 г.) у станицы Елизаветовской на Нижнем Дону [68]. У черепа погребенной было найдено девять треугольных бляшек с орнаментом из псевдозерни и четыре бляшки в виде лежащего зайчика (рис. 13, *1*). К сожалению, сам череп, а следовательно, и бляшки находились в могиле в перемещенном состоянии.

К женскому конусовидному убору с покрывалом из кургана у с. Дарьевки [69] М. И. Ростовцев отнес 270 золотых бляшек, ажурные пластины с головами Медузы между лотосами и прямые полосы с плетенкой, окаймленной овами, а также височные подвески в форме дисков [70]. Однако наличие среди украшений 42 одинаковых бляшек с изображением грифона влево головой назад (рис. 13, *2*) позволяет допускать возможность существования здесь башлыка, украшенного такими бляшками одного штампа. Маловероятным представляется отнесение к головному покрывалу ажурных пластин и 270 бляшек разных штампов, поскольку в тех случаях, где зафиксированы остатки покрывала, пластин нет, а бляшек гораздо меньше. Скорее всего пластины и бляшки были нашиты на погребальный полог или на одежду.

Лишь с небольшой долей уверенности можно также предполагать связь с башлыками находок золотых бляшек в погр. 1 кургана 1 у с. Макеевка [71] (рис. 13, *3*) и в погр. 2 кургана 4 группы Страшная могила [72] (рис. 13, *4*). В первом из них две бляшки в виде строенных кружков, обрамленных рубчиками, лежали у висков женщины. Во втором — две круглых бляшки с изображением Медузы в обрамлении из псевдозерни находились на черепе молодой женщины.

Находки бляшек от головных уборов IV—III вв. до н. э., которые предположительно можно отнести к башлыкам, встречаются на обширной территории: на Правобережье Среднего Приднепровья и в Нижнем Поднепровье, на Посулье, Нижнем Дону и в Прикубанье. В отличие от ар-

---

[66] *В. П. Шилов.* Ук. соч., стр. 54.
[67] *Л. Ф. Силантьева.* Некрополь Нимфея. МИА, 1959, стр. 56, 57, рис. 24.
[68] *А. А. Миллер.* Раскопки в районе Танаиса. ИАК, 35, 1910, стр. 118, рис. 26.
[69] *А. А. Бобринский.* Курганы..., II, 1894, стр. 130.
[70] *М. И. Ростовцев.* Скифия и Боспор, стр. 488, 489.
[71] *Є. Покровська.* Ук. соч., стор. 135, табл. I, *3—6*.
[72] *А. И. Тереножкин.* Скифские курганы Никопольщины. Сб. «Скифские древности». Киев, 1973, стр. 147, рис. 29, *3*, *4*.

хаических все бляшки IV—III вв. до н. э. греческие по мотивам и исполнению.

Сюжеты бляшек, возможно, имели определенное сакральное значение. У многих народов концентрические круги являлись солярными знаками [73]. Бляшки из строенных кружков, вероятно, были изображением дневного солнечного круговорота. Оленя также связывают с солнечным культом [74].

Сфинкс, возможно, играл какую-то роль в культе змееногой богини плодородия, так как, по греческим представлениям, сфинкс — дочь Пифона и Ехидны (полуженщины-полузмеи). С ней же связывается и грифон,

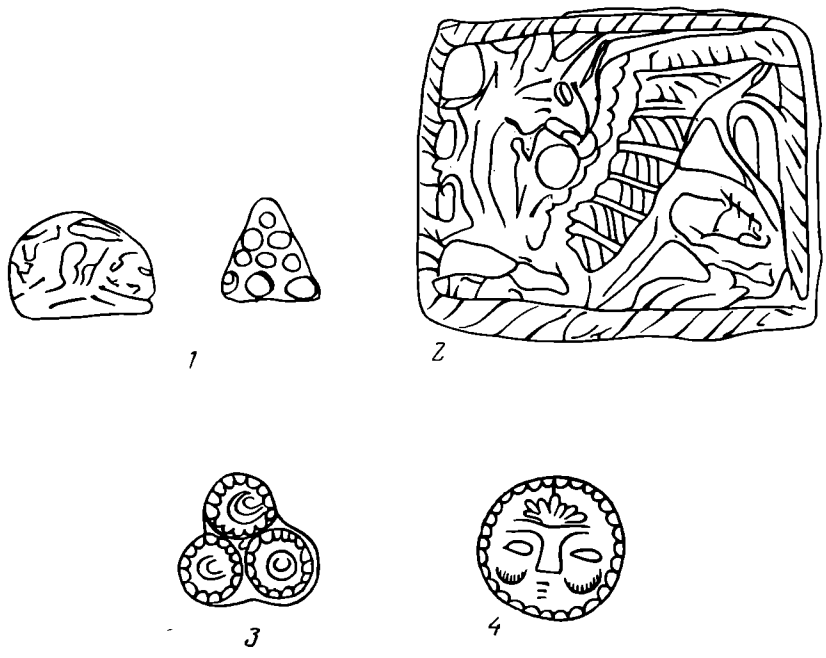



Рис. 13. Бляшки из женских погребений IV—III вв. до н. э., украшавшие головной убор (по А. А. Миллеру, А. А. Бобринскому, Е. Ф. Покровской, А. И. Тереножкину)

особенно львиный. На бляшке из Куль-Обы, например, крылья и ноги змееногой богини заканчиваются головами грифонов [75]. Орлиноголовый грифон связан с солнечным богом Аполлоном [76].

Отмеченное выше изменение традиционных сюжетов украшений головных уборов к IV в. до н. э., вероятно, связано с возросшим к этому времени греческим влиянием на религию местных племен.

Погребенные женщины, вероятно, носили парадный убор на светских и религиозных праздниках. Может быть, это был свадебный убор, который женщина уносила с собой в могилу. Башлыки, находившиеся в женских архаических погребениях, могли иметь и специально культовый характер. Женщины, сопровождаемые слугами, оружием, зеркалами, обилием украшений, каменными блюдами с краской, были, возможно, жрицами. Довольно определенно мы можем сказать это о главных погребениях в

---

[73] *И. К. Свешников.* О символике вещей Михалковских кладов. СА, 1968, 1, стр. 11.

[74] *В. А. Іллінська.* Ук. соч., стор. 78; *ее же.* Про скіфські навершники. Археологія, XV, 1963, стор. 33; *ее же.* Культовые жезлы скифского и предскифского времени. МИА, 130, 1965, стр. 206; *Н. Л. Членова.* Скифский олень. МИА, 115, 1962, стр. 86.

[75] *Б. Н. Граков.* Ук. соч., табл. XIV, *а*, *в*; *Д. Б. Шелов.* К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье. КСИИМК, 34, 1950, стр. 68.

[76] *Д. Б. Шелов.* Ук. соч., стр. 68.

курганах 100 у с. Синявки и 35 у с. Бобрицы [77]. Погребенные в этих курганах женщины могли быть жрицами Аргимпасы, Апи или Табити, изображения которых мы, вероятно, видим на бляшках с богиней с зеркалом или с алтарем огня из Чертомлыка, Куль-Обы и других курганов [78].

В IV—III вв. до н. э. в богатых женских погребениях находят пышные головные уборы типа калафа, конусовидного колпака или тиары с плоским верхом. Очевидно, они исполняли парадно-ритуальные функции в уборе богатых скифянок. Башлыки продолжают употребляться женщинами, видимо, среднего достатка. Возможно, у них этот вид головного убора сохранился как парадный.

Мужские башлыки, украшенные золотыми бляшками, так же как и женские, могли быть парадными уборами. В IV—III вв. до н. э. они обильнее украшались золотом, чем раньше.

Есть некоторые остатки башлыков (?) без украшений, найденные в погребениях рядового скифского населения. Так, в мужском погребении 2 кургана 2 группы курганов на 9 *км* дороги из Никополя в Алексеевку «под черепом находился кусок выделанной кожи» [79]. «Несколько кусочков окрашенной в желтый цвет кожи» было найдено в том же могильнике в кург. 2 группы курганов в конце 9 *км* в женском погребении. Б. Н. Граков относит эти остатки к башлыкам [80].

*T. V. Mirochina*

## A PROPOS D'UN TYPE DE COIFFURE SCYTHE


### Résumé

Cet article offre une reconstitution des coiffures scythes archaïques (fig. 8, 9, 11). L'auteur pense qu'elles avaient la forme de bachlyks (sorte de capuchons) analogues à ceux des Saces, comme nous les voyons représentés sur les reliefs de Persépolis. La présente reconstitution est basée sur la disposition des plaques recueilliers sur le crâne de la femme inhumée dans le kourgane 100, situé près du village de Siniavka. On ne traite ici que des coiffures féminines, mais on est en droit de supposer que les bachlyks des hommes étaient analogues. On donne quelques détails sur les bachlyks des peuples de langue iranienne. On a également réuni ici des données sur les plaques de coiffures trouvées dans les sépultures masculines et féminines du IVe et IIIe s. av. n. è. Les bachlyks de cette époque se rapportent surtout au type dit de Koul-Oba. Mais certains appartiennent au deuxième type de bachlyks scythes distingué par l'auteur. Les sujets des plaques archaïques sont consacrés au culte du soleil et à celui de la fécondité. Les bachlyks ornés de plaques provenant des riches tombes féminines du VIe s. av. n. è. avaient sans doute un caractère cultuel. Les femmes inhumées avec de tels ornements étaient peut-être des prêtresses d'Api, de Tabiti ou, plus vraisemblablement, d'Arghimpassa. Du IVe au IIIe s. av. n. è. apparaissent de nouveaux types de coiffures féminines rituelles, tandis que les bachlyks deviennent des coiffures de fête pour les couches moyennes de la population.


---

[77] В. А. Ильинская утверждает ритуальный характер уборов из Бобрицы и Синявки, подчеркивает их связь с культом солнца и идеей плодородия (*В. А. Ильинская*. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975, стр. 152).

[78] *М. И. Артамонов*. Антропоморфные божества в религии скифов АСб.ГЭ, 2, 1961, стр. 64–67.

[79] *Б. Н. Граков*. Скифские погребения на Никопольском курганском поле. МИА, 115, 1962, стр. 74.

[80] Там же, стр. 75, 92.

Ю. Л. ЩАПОВА

# О ХИМИЧЕСКОМ СОСТАВЕ ДРЕВНЕГО СТЕКЛА

К настоящему времени опубликовано более тысячи анализов древнего стекла. По их поводу высказано много суждений. Эти суждения касаются разных сторон химии и технологии древнего стекловарения. Однако, как нам представляется, из самих результатов анализов извлечена далеко не вся содержащаяся в них информация.

Несмотря на высокую оценку и перспективность применения технических методов в изучении истории стекла, достигнутые к настоящему времени успехи можно считать скорее практическими и локальными, чем общими и теоретическими. Место теории в изучении древнего стекла до сих пор занимают пространные рекомендации и немногие частные правила. Предлагаемую вниманию работу хотелось бы рассматривать, с одной стороны, в качестве первых элементов столь необходимой теории в изучении древних стекол, а с другой — как опыт получения дополнительной информации, содержащейся в самих анализах древнего стекла.

Наша исходная позиция состоит из признания двух аксиом. Во-первых, каждый конкретный анализ фиксирует конкретный и удачный опыт стекловарения в древности. Во-вторых, каждый мастер в своей практике руководствовался некоторыми правилами. Какими были эти правила и чего они касались, мы пока не знаем, и найти их наша главная задача.

В качестве главного предмета исследования мы взяли основной химический состав изделий из стекла, относящихся к I—IV вв. н. э. Мы поставили своей задачей рассмотреть 100 удачных опытов. Размер выборки определен не только простотой в расчете процентов или частот. Частота явления, определенного по этой выборке, может быть перенесена на общую характеристику (генеральную совокупность) в пределах, надежность и точность которых вполне удовлетворительна для наших целей. Расчет доверительных интервалов, пределов, в которых допустимы колебания конкретно найденных частот, производился по Д. Снедекору [1].

Необходимая по объему выборка включает в себя все опубликованные к настоящему времени химические анализы стекла, датируемого I—IV вв. Таких анализов насчитывается 60 [2]. Эти анализы наиболее известны в литературе, неоднократно обсуждались и комментировались [3]. Следующие 40 анализов изделий из стекла, датируемых указанным временем и найденных в пределах Римской империи, собраны нами по раз-

---

[1] *Д. У. Снедекор.* Применение статистики в биологии и сельском хозяйстве. М., 1963, стр. 22.

[2] *М. А. Безбородов.* Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956, табл. XXII–XXXIII. Эти анализы соответствуют № 1–60, по нашему списку, в котором сохранен порядок номеров, данный им. М. А. Безбородовым (*М. А. Безбородов.* Ук. соч., № 427–486).

[3] *E. R. Caley.* Analyses of Ancient Glasses 1790–1957. Corning – New York, 1962, pl. XLI – XLVI, LXXXII. LXXXIII; *R. J. Forbes.* Studies in Ancient Technology, t. 5. Leiden, 1957, p. 225–228.

ным изданиям [4]. Заметим, что именно эти 100 анализов обработаны нами ранее с целью выяснить сырье и материалы, с которыми работали древние мастера [5].

Как варили стекло в древности, нам известно от Плиния Старшего [6]. Он сообщает, что нужно соединять песок с тремя частями натра (соды), взятых по весу или объему. Согласно Плинию, рецепт которого был пересчитан Е. Диллоном в двенадцатиричной системе, песок и соду следовало соединять в пропорции 10:3 или 12:3 [7]. Сообщая рецепт, Плиний Старший специально рекомендует песок из устья реки Бел (сирийское побережье Средиземного моря) и песок, что родится на реке Волтурно (в Италии, близ Неаполя); что касается соды, то особой рекомендации заслужила египетская.

Рецепт, сообщенный Плинием Старшим, по существу касается правил составления смеси, из которой можно получить стекло, речь идет о шихте. Количество песка и соды в шихте Плиния можно найти, решив задачу на части: 10 ч.+3 ч.=13 ч.; 100:13=7,69. 12 ч.+3 ч.=15 ч.; 100:15=6,66. Сода в шихте, составленной одним из этих способов, должна находиться на уровне 23,1% (7,69×3=23,1) или 20% (6,66×3=19,98). Количество песка в таком стекле найдем по разности: 100—23,1=76,9; 100—20=80. Однако древнее стекло с таким содержанием кремнезема неизвестно. Тем не менее продолжим рассмотрение задачи на том основании, что Плиний Старший рекомендует песок особый, из двух отмеченных им месторождений. Химический состав песка из устья р. Бел известен [8]. В его состав входит 85% кремнезема и около 9% окисей кальция и магния, 6% приходится на долю примесей: окисей натрия, калия, железа, титана и т. д. Приняв во внимание эти данные, решим две арифметические пропорции. Возьмем шихту, состав которой определен нормой 12:3. В такой шихте, по расчету, должно быть 80% песка. Песок же, как мы только что показали, не был чистым кремнеземом, в его состав входили щелочные земли в сочетании с другими примесями. Следовательно, решив пропорцию, мы найдем содержание кремнезема и щелочных земель в песке, если бы он был взят для составления рассматриваемой шихты (85 : 100=X : 80; X=68. 9 : 85=X : 68; X=7,1). Согласно новому расчету, в шихте, составленной с применением этого песка, должно быть кремнезема не более 68% и щелочных земель в сумме не более 7,1%.

Мы полагаем необходимым считать щелочные земли по сумме, поскольку они в песке содержатся вместе, в шихте находятся вместе и, бесспорно, совместное воздействие оказывают на самый процесс стекловарения. Мы считаем необходимым считать по сумме и щелочи. Эти два условия вводятся нами впервые и впервые учитываются постоянно. Однако прежде чем обращаться к результатам анализов стекла, необходимо принять во внимание еще одну существенную деталь. Аналитически фиксируется состав готового, сваренного стекла. Плиний же говорит не о стекле, а о шихте и об исходном сырье для нее — соде и песке. Песок, как мы выяснили, содержит в своем составе еще и щелочные земли. В состав природного египетского натра, по В. Тернеру, входят разные

---

[4] См. «Список использованных анализов...» (Приложение к настоящей статье).

[5] *J. L. Szczapowa.* Zasady interpretacji ana'iz skladu szkla zabytkowego. AP. t. XVIII, 1973, z. 1, s. 15—72.

[6] Вопросы техники в «Naturalis Historiae» Плиния Старшего. ВДИ, 1946, 3. Приложение, стр. 337, 338. Специально для нашей работы доц. МГУ Л. Н. Годовикова сделала новый перевод соответствующих текстов, поскольку изданный перевод содержит много неточностей. Пользуюсь случаем принести свою благодарность Л. Н. Годовиковой.

[7] *М. А. Безбородов.* Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969, стр. 73.

[8] *W. E. S. Turner.* Die Leistungen der alten Glasmacher und ihre Grenzen. Glastechnische Berichte, 39, 1957, S. 264, Taf. 5.

соли натрия, но основу его составляет сода [9]. Сода представляет собой соединение $Na_2CO_3$. Из этого соединения в стекло переходит только часть $Na_2O$, а часть $CO_2$ улетучивается (табл. 1). Этот процесс протекает по реакции $Na_2CO_3 \rightarrow Na_2O + CO_2\uparrow$. Правило перехода в стекло окиси кальция иллюстрирует реакция $CaCO_2 \rightarrow CaO + CO_2\uparrow$. Таким образом, в стекло из соды переходит лишь часть (58,5%), а 41,5% ее веса улетучивается с газами. Из известняка (мела, мрамора) в стекло переходит 56%, улетучивается — 44% (из доломита улетучивается 47,9%) [10].

Следовательно, взяв, согласно Плинию, пятую часть соды и четыре пятых песка, можно рассчитать состав стекла, которое получится из этой шихты. Из 20% соды в стекло перейдет, по расчету, 11,70% окиси натрия. Содержание кремнезема в такой шихте мы рассчитали выше, напомним его — 68%. Из имеющейся в песке примеси щелочных земель в стекло, по расчету, перейдет 5% в виде окиси кальция и окиси магния.

*Таблица 1*

| Материал, химическая формула | Переходит в стекло, вес. % | Угар, вес. % |
|---|---|---|
| Сода ($Na_2CO_3$) | 58,5 | 41,5 |
| Мел, известняк ($CaCO_3$) | 56 | 44 |
| Доломит ($CaCO_3 \cdot MgCO_3$) | 21,7; 30,4 | 49,7 |
| Поташ ($K_2CO_3$) | 68,2 | 31,2 |
| Свинцовый сурик (PbO) | 97,7 | 2,3 |

Стекло, сваренное из этой шихты, должно иметь следующий состав: $SiO_2 = 68\%$, $Na_2O = 11{,}7\%$, $CaO + MgO = 5\%$. Иными словами, основные стеклообразующие составляют только 84,7% состава, 15,3% приходится, вероятно, на долю веществ красящих, очищающих или загрязняющих стекломассу.

Стекло, сваренное по другой рекомендации Плиния, должно содержать $SiO_2$ 65,2%, $Na_2O$ 13,6%, $CaO+MgO$ 7%, остальные вещества составят 14,2%.

В нашем списке есть один образец стекла, состав которого строго соответствует только что рассчитанному. Это стекло № 81. Содержание $SiO_2$ — 69%, $Na_2O$ — 13%, $CaO+MgO$ — 4,2% и далее окиси алюминия, сурьмы, меди в сумме составляют 12%, затем следуют окиси свинца, железа, марганца; в сумме они дополняют состав до нормы, до 100%. Это стекло было употреблено на изготовление мозаичной плакетки. Оно использовано вместе с № 78—84. Стекло № 82 свинцовое бесщелочное. Мы его в данной связи рассматривать не будем. Стекло № 83 довольно близко по составу стеклу № 81. Стекло № 79, 80 и 84 содержит окисей натрия и калия в сумме ≈23%, окисей кальция и магния ≈5%. Примерно такое количество окислов щелочноземельных элементов содержится и в некоторых песках. Следовательно, в этих трех случаях есть основания полагать, что стекло сварено из смеси двух веществ — песка и соды. Пропорция соединения частей здесь, однако, иная. Соды взяли по расчету 39,3 долей веса, вдвое больше против рекомендованной Плинием нормы (20). Что касается песка, то, если судить по количеству щелочных земель, его взяли, придерживаясь рекомендации Плиния. Шихта для такого стекла должна включать в себя 40 долей веса соды и 80 долей веса песка, что соответствует норме соединения соды и песка в пропорции 2:4 или 1:2. В стекле, строго соответствующем обеим нормам Плиния, оставался, как мы видели, большой резерв в 15%, который заполнялся красителями и т. д. В другом стекле, употребленном на изготовление той же мозаичной плакетки, этот резерв уменьшен и его большую часть отдали соде. Однако, как нам представляется, можно заключить,

[9] Ibid., Taf. 6.

[10] *А. Я. Школьников, Г. А. Удовенко, Б. М. Полик.* Технология стекловарения. М., 1952, стр. 57, табл. 7.

что низкое содержание окисей кальция и магния в стекле соответствует смесям, в составлении которых принимает участие специальный песок, близкий рекомендованному Плинием. Верхний предел низких содержаний нами рассчитан, он равен 7,1%. Составим, руководствуясь этим признаком, список образцов, полагая, что шихта для них составлена с применением специальных песков (см. Приложение). Образцы № 7, 15, 20, 42, 59, 60, 79, 80, 81, 83, 84, 85, 87 обладают этим признаком. Всем этим образцам, кроме № 81 и 83, присущ и другой признак: окисей натрия (и калия) всюду более 21%.

Это стекло отвечает еще одному правилу: сумма щелочей больше суммы щелочных земель более чем в 3,4 раза. Видимо, рецептурная *норма составления шихты* может быть выражена как частное от деления суммы щелочей на сумму щелочных земель в *готовом стекле*. Насколько правомерен такой переход? Выше мы привели правила пересчета соды шихты на окись натрия в стекле и известн шихты на окись кальция в стекле. Сравним данные в пересчете на проценты (табл. 1). Коэффициенты перехода соды и известняка настолько близки (58,5 и 56), что нам кажется возможным представлять их соотношение в шихте через их отношение в готовом стекле. В таком случае отношение, бóльшее 3,4, можно считать признаком того, что перед нами стекло, шихта которого составлена из смеси двух веществ — соды и песка. Предлагаемый путь настолько прост, что сразу не вызывает доверия. Тем не менее нам представляется небезынтересным рассчитать это отношение для всех остальных стекол. Оставим пока без внимания большую часть стекол и продолжим изучение стекла, отмеченного выше.

Рассмотрим содержащиеся в нем щелочи. Египетская сода, которую рекомендует Плиний, согласно анализам В. Тернера [11], содержит разные соли натрия, и, следовательно, содовые стекла практически не должны содержать окиси калия, кроме, разумеется, той, которая входит в состав песка. Как следствие из этого утверждения предлагается заключение: если окись калия содержится в стекле в заметных количествах, то употреблена не сода, а, например, зола.

Окись калия достаточно часто регистрируется аналитически. Опираясь на анализы некоторых зол [12], мы нашли способ, с помощью которого можно констатировать применение золы. В качестве основного критерия мы предлагаем следующее выражение: $3<Na_2O:K_2O<13$. Коротко поясним его. Если количество зарегистрированной окиси калия меньше окиси натрия не менее чем в три раза, констатируем применение щелочи органического происхождения (золы растений солончаковых пород). Если количество окиси калия меньше количества окиси натрия более чем в 13 раз, констатируем применение щелочи минерального происхождения (соды). Проверка и расчет показали, что в случаях, когда применялась зола в стекле римского времени, количество окиси калия находится в пределах 1,3—8,3%.

Как показывают анализы, оцененные с этих позиций, стекло из двойной шихты в римское время варилось с применением и соды и золы. *Золистого стекла* из двойной шихты немного: это мозаичный кубик из Салоны (№ 7), стекло II в., найденное в Майнце (№ 20), миллефиори (№ 85—87). *Содового стекла* из двойной шихты больше: это и найденное в Кельне (№ 15), и римское стекло неизвестного происхождения (№ 42, 59, 60), и латенское кольцо (№ 66), и часть все той же мозаичной плакетки (№ 79 и 80), и рассчитанное Р. Бриллом исходное стекло для нее (№ 84).

---

[11] *W. E. S. Turner.* Op. cit., Taf. 6.

[12] *А. А. Абдуразаков, М. А. Безбородов, Ю. А. Заднепровский.* Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1963, стр. 188, табл. 17; *W. E. S. Turner.* Op. cit., Taf. 7.

Мне представляется возможным называть рассмотренные экземпляры стеклом из двойной шихты. Это немного длинное выражение точно отвечает правилу составления шихты из двух веществ — песка и соды, по предписанию Плиния, песка и золы — применявшемуся, кроме того, практически.

Действительное положение дел, которое приоткрывает исследование составов древнего стекла, в сопоставлении с сообщением Плиния оказывается несравненно богаче и сложнее, что вполне естественно, логично и правомерно. С другой стороны, нельзя не заметить строгую достоверность, пусть частного, сообщения Плиния.

Бóльшая часть аналитически исследованного стекла содержит меньшее количество щелочей и большее количество щелочных земель и, казалось, не удовлетворяет рецепту Плиния. Естественно, чтобы и соотношение этих групп стеклообразующих было иное. Действительно, в большей части изученных образцов стекла (Приложение) $N<3$, что должно, видимо, соответствовать смесям, составленным иначе. Наиболее простой вариант решения — допустить, что такое стекло получено в результате смешения трех естественно существующих материалов: щелочей, песка и специально добавленных щелочных земель.

Что касается самой идеи тройной шихты, то она была известна Плинию Старшему: «Раковины и песок, выкопанный из рвов, варятся на легких и сухих дровах с добавлением меди и натра, более всего египетского» [13]. Возьмем в качестве отправного момента этот текст. Сравнивая обе рекомендации Плиния, заметим, что в первом случае, рассмотренном выше, он упоминает соду и пески из специальных месторождений, а в другом — раковины, соду и ископаемый песок без указания месторождений. Следовательно, если применить иной песок, то добавка раковин уравняет его свойства с песками из знаменитых месторождений? Текст Плиния не противоречит такому пониманию, напротив, подсказывает его. Согласившись с нашим предложением, в химии стекла можно было бы приоткрыть такую страницу, на которой рассказано об истории изобретений этой нормы составления тройной шихты.

В этом месте хотелось бы привести еще один текст из Плиния: «Говорят, но сомнительно, что правильную смесь стекла, чтобы оно было податливым и гибким, изобрели при императоре Тиберии. Но эта мастерская была уничтожена, чтобы не отнимать у металлов: золота, серебра, меди — ценности. Эта молва скорее распространена, чем достоверна. Что толку (видимо, в уничтожении мастерской.— *Ю. Щ.*), если искусство стекла было изобретено при Нероне. Два маленьких бокала, которые назывались петротами, стоили 6.000 сестерций» [14]. Употребив ferunt ex cogitato vitri temperamento — «сделали», Плиний Старший делает наше предположение вполне вероятным, а отталкиваясь от него, можно было бы постичь и глубокий смысл этого изобретения: было получено стекло гибкое и податливое. Видимо, эти два свойства и были главными, отличающими новое стекло от известного ранее.

В этих рассказах, как думает Ф. Кихле, скрыта история каких-то изменений в производстве стекла, имевших место в I в. н. э. [15] Если суммировать все сообщения, наблюдения, догадки, расчет, то предположение, высказанное нами выше, может быть сформулировано как гипотеза: в начале I в. н. э. была постигнута тайна известного стекла (забегая вперед, скажем — египетского) и, раскрывая ее, римляне изобрели способ составления тройной шихты, в которую входили песок (из ям),

---

[13] *C. Plini Secundi.* Naturalis Historiae, vol. V, libri XXXI – XXXV, Lipsiae, 1897, p. 376 (перевод Л. Н. Годовиковой).

[14] *C. Plini Secundi.* Opt. cit., p. 377 (перевод Л. Н. Годовиковой).

[15] *F. Kiechle.* Sklavenarbeit und technischer Fortschritt im Römischen Reich. Wiesbaden, 1969, S. 52, 53.

раковины и египетская сода. Приняв эту гипотезу, мы оказываемся перед следующей задачей: в какой мере и в какой последовательности соединялись для нового стекла эти три составляющих.

Аналогия с современным кустарным производством могла бы быть полезной. До недавнего времени там сначала тщательно смешивали так называемые легкие фракции (в нашем случае щелочи и щелочные земли), а затем уже добавляли тяжелые (в нашем случае песок) [16]. Может быть, и в древности порядок действий принципиально не отличался? Какими же были правила соединения частей в древности?

Химическим анализом определяется полный состав стекла, оценить и понять который можно с помощью нескольких простейших приемов. Например, соотношение $Na_2O$ и $K_2O$ определяет вид щелочного сырья. Если, повторяем, $Na_2O : K_2O > 13$, то перед нами сода, которая тем чище, чем больше абсолютная величина. Если $3 < Na_2O : K_2O < 13$, то перед нами зола. В случае применения золы окись калия должна вводиться в основную формулу стекла.

Вид щелочных земель определить труднее, поскольку очень широк выбор сырья: известняк, доломит, магнезит, раковины и т. д. Для этого случая мы предлагаем способ оценки, который регламентирует присутствие и местоположение окиси магния в дополнение к окиси кальция в основной формуле стекла. Если в стекле MgO менее 1,5%, то тогда MgO в формулу не вводится. Если содержание $2 < MgO < 5$ заключено в этих пределах, то MgO в формулу вводится и занимает в ней второе место после кальция. Если $MgO > 5\%$, то она занимает первое место в основной формуле. Окись алюминия вводится в формулу, начиная с содержания в 2% [17].

Рецептурная норма определяется путем расчета отношения суммы щелочей к сумме щелочных земель: $\frac{Na_2O + K_2O}{CaO + MgO}$. Есть одна тонкость в этом расчете. В случае, если установлено применение золы, к сумме щелочей прибавляется окись алюминия (до 2%), поскольку в этих количествах она входит в состав известных зол. Формула расчета рецептурной нормы для золистых стекол такова: $\frac{Na_2O + K_2O + Al_2O \leqslant 2\%}{CaO + MgO}$.

Этим исчерпывается, на наш взгляд, характеристика основного состава древнего стекла.

Нормы соединения легких фракций заметно различны, но эти различия удалось систематизировать. Выбранный нами путь систематизации несложен. Сначала все абсолютные величины представляются в виде натурального ряда. Натуральный ряд членится на части в тех местах, где есть заметные разрывы. Полагая эти разрывы существенными, внутри каждой группы выбираем наиболее близкие величины. Для одной группы условно, за норму (N) принимаем отношение $N_1 = 2$, для другой — $N_2 = 2{,}5$, для третьей — $N_3 = 3$. Соответствующими норме считаем пределы $N_1 = 1{,}96—2{,}05$; $N_2 = 2{,}45—2{,}55$; $N_3 = 2{,}96—3{,}05$. Для каждого случая рассчитываем среднее ($\bar{M}$) и стандартное отклонение $\sigma$. В случае малых выборок, как $N_3$, например, берем $3\sigma$, в случаях больших, как обычно $2\sigma$. В результате расчетов мы получили: $N_1 = 2{,}02 \pm 0{,}2$; $N_2 = 2{,}52 \pm 0{,}24$; $N_3 = 2{,}97 \pm 0{,}24$.

От предположенных норм далее чем на 10% не отступали, а только не более чем на допустимую и в наши дни стандартную ошибку. Очевидно, что следование предполагаемому правилу было достаточно жестким. Улавливаемые соответствия и взаимосвязь различных частей, оче-

---

[16] *А. Г. Ланцетти, М. Л. Нестеренко.* Изготовление художественного стекла. М., 1972, стр. 18.

[17] *J. L. Szczapowa.* Opt. cit., s. 39–51.

видно, можно рассматривать как свидетельство некоторых знаний, известных древним.

Эта гипотеза справедлива в отношении трех указанных норм. Есть серия образцов стекла, которая могла бы составить еще одну, а может быть, и две нормы,— это $N_4=1{,}75$ и $N_5=1{,}5$ (табл. 2).

Представим все данные, которыми мы оперируем, в виде корреляционной таблицы (рис. 1). На горизонтальной оси отложим норму соединения легких фракций, а на вертикальной — сумму щелочных земель (можно и сумму щелочей, соотношение не изменится). Проведем дополнительные оси, отделив рассчитанную зону стекла из двойной шихты.

*Таблица 2*

**Частотная характеристика римских стекол с учетом рецептурной нормы и вида щелочного сырья**

| Вид щелочного сырья | Двойная шихта | Тройная шихта | | | | Итого | Доверительные интервалы |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | $N_1=2$ | $N_2=2{,}5$ | $N_3=3$ | $N_{4,5}=1{,}5-1{,}75$ | | |
| Сода | 9 | 22 | 21 | 14 | 9 | 75 | 64–82 |
| Зола | 6 | 6 | 5 | 3 | 2 | 22* | 15–32 |
| Итого | 15 | 28 | 26 | 17 | 11 | 97** | |
| Доверительные интервалы | 9–24 | 19–38 | 18–36 | 10–26 | 5–19 | | |

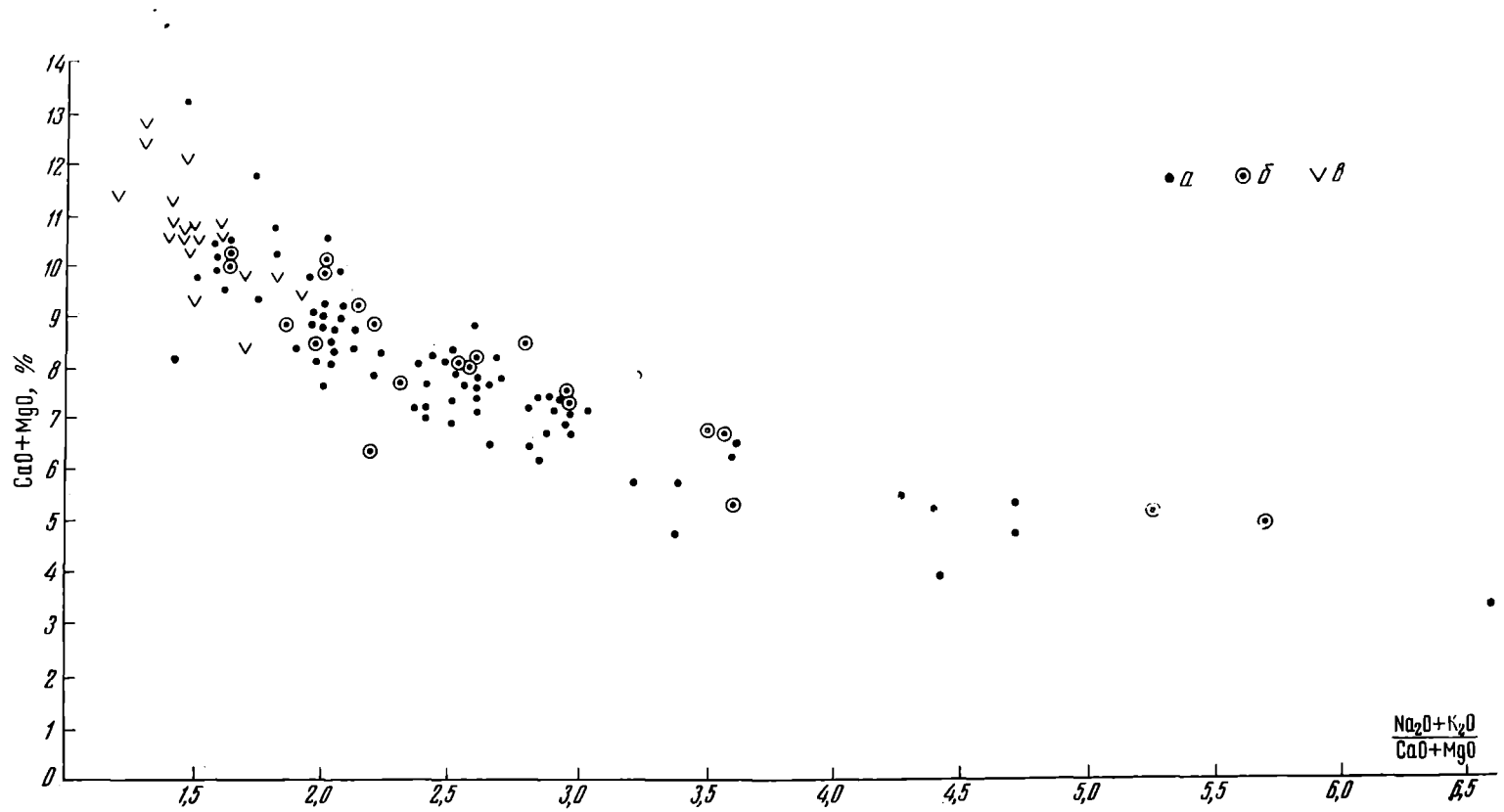
* Образец № 25 не входит в рассчитанные нормативные пределы $N=2{,}24$.
** В общий счет не входят № 61 (тип K—Ca—Mg—Al—Si), № 82 (тип Pb—Ca—Si).

Комментарий к этой таблице почти не требуется, поскольку многое очевидно. Очевидно, например, что точки располагаются в виде разграниченных скоплений в области стекла из тройной шихты; что золистое стекло почти во всех случаях располагается на периферии скоплений, очевидно, что содовое стекло из тройной шихты $N=3$, располагаясь близко к стеклу из двойной шихты, с ним никогда не смешивается, сохраняя заметную строгость объединения.

Рассмотрим все образцы стекла подробнее, начав с $N_3=2{,}97\pm0{,}24$. В эту группу входят (по нашему списку) № 3, 6, 8, 18, 21, 22, 34, 44, 45, 46, 58, 67, 71, 76, 95. В этом числе стекло, найденное в Майнце и Заальбурге, римское стекло без указания места находки, второе латенское кольцо, ваза-диатрета, стекло, найденное в Комарове, и тарелка из Аквилеи. Если допускать, что описываемое стекло изготовили римляне, отталкиваясь от египетской рецептуры, то небезынтересным окажется сравнение сфер применения стекла тех и других. Исходным будем считать египетское: стекло из двойной шихты (14 образцов) было употреблено на изготовление миллефиори (8 раз), мозаики (1 раз), одного латенского кольца и четырех предметов неизвестного назначения, из которых только один (№ 15) — из прозрачного стекла. Все же 17 образцов из тройной шихты $N_3=2{,}97$ прозрачны, бесцветны и были употреблены на изготовление сосудов. Отмеченные Плинием достоинства нового стекла — гибкость и податливость — как нельзя более широко использовались при изготовлении (прежде всего путем дутья) сосудов разных форм.

В анализах стекла, в сочетании с морфологией изделий из него, скрывается возможность почти однозначной интерпретации если не происхождения самих изделий, то происхождения традиции стекловарения.

Начиная с Ф. Питри, низкое содержание щелочных земель и, напротив, высокое щелочей считается особым свойством египетского стекла; о малых содержаниях извести как особом его свойстве писали А. Лукас




Корреляционная таблица. *а* — содовые стекла, *б* — золистые стекла, *в* — золистые стекла из Двуречья

и Н. Н. Качалов [18]. Присутствие в списке исходных стекол мозаичного кубика заставляет вспомнить положение, выдвинутое Д. Б. Харденом. Исходя из особенностей римских мозаик, мозаичных и прессованных изделий, он допускал связь италийского и египетского (александрийского) стеклоделия [19]. В свете приводимых высказываний стекло из двойной шихты, вернее традицию его изготовления в римское время, можно было бы связывать с Египтом.

Если принцип составления двойной шихты, известный в начале нашей эры, с некоторой долей вероятия можно связывать с Египтом, то принцип составления тройной шихты можно связывать с Двуречьем или Сирией [20]. Нанесем на нашу корреляционную таблицу (рис. 1) составы стекла, найденного в Двуречье и датируемого разными столетиями I тысячелетия до н. э. Древнейшее стекло Двуречья, тройное, золистое, имеет собственное место на корреляционной таблице — верхнее левое. Вместе с тем строго обратная корреляционная связь роднит это стекло с золистым стеклом римского времени $N_1 = 2{,}02$ и $N_2 = 2{,}51$ и эти последние между собой. Таким образом, можно было бы думать, что традиция стекловарения, существовавшая в Двуречье, должна нести с собою не только принцип составления тройной шихты $N_1 = 2$, $N_2 = 2{,}5$, $N_4 = 1{,}5$, а может быть, и $N_5 = 1{,}75$, но и применение золы.

Стекло в мастерской Аквилеи варили, смешивая тройную шихту по норме 1,75 (ан. 97) [21], и, казалось бы, строго в сирийской традиции. Но в отличие от этой традиции стекло здесь варили на соде. Здесь же, и тоже на соде, варили стекло, смешивая тройную шихту по $N_1 = 2$. Очевидно, эти нормы фактически, а может быть, и генетически связаны друг с другом и в свою очередь с Сирией. Применение же соды отличает производство стекла в Аквилее от традиционно сирийского. Два признака: традиционно месопотамские (и сирийские) нормы составления тройной шихты и применение соды могли бы, очевидно, сыграть роль критерия, с помощью которого можно было бы в римском стекле выделить сваренное в соответствии с сирийской традицией. Эту традицию, может быть провинциально-римскую, можно улавливать, руководствуясь нормой составления шихты $N_1 = 2$, $N_2 = 2{,}5$, $N_4 = 1{,}75$.

По $N_1 = 2{,}02 \pm 2\sigma$ сварено стекло: № *1*, 5, *12*, *13*, *23*, *24*, 28, 29, 39, 50, 52, 53, 56, 57, 64, 65, 70, 75, 77, 78, *88*, 90, 91, 92, 93, 94, 96, 98, среди которых семь образцов стекла из Аквилеи, в том числе один из тигля (ан. 90), остальные найдены в Майнце, Салоне, Заальбурге, Заккове, Комарове. В это число входят: просто римское стекло, одно латенское кольцо, ваза-диатрета, миллефиори. Золистого стекла шесть предметов, их номера набраны курсивом.

По $N_2 = 2{,}51 \pm 2\sigma$ сварены стекла № 2, 4, *10*, 11, 14, 16, 17, 19, 26, 27, 31, 36, 38, 40, 43, *48*, *49*, 54, 63, 68, 69, 72, 73, *74*, *89*, 99. Зола употреблена пять раз, номера набраны курсивом.

По $N_4 = 1{,}75$ и $N_5 = 1{,}5$ сварено стекло № 9, 32, *33*, *35*, 37, 41, 51, 55, 62, 97, 100. Среди них стекло, сохранившееся в тигле, найденном в Аквилее (ан. 97, $N = 1{,}73$). Строго аналогично ему стекло, найденное в Заальбурге (ан. 32). В этом же списке находится каролингский кубок, еще одно латенское кольцо и римские стекла, о которых более подробных сведений нет. Золистого стекла два образца, номера их и здесь набраны курсивом.

---

[18] *А. Лукас.* Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958, стр. 297, 298; *Н. Качалов.* Стекло. М., 1959, стр. 49.

[19] *D. B. Harden.* Glass and Glazes. «A History of Technology», vol. II. Oxford, 1956, p. 322, 323.

[20] *Ю. Л. Щапова.* Из истории древнейшей технологии стекла. Сб. «Очерки технологии древнейших производств». М., 1975, стр. 143.

[21] *M. C. Calvi, M. Tornati, M. L. Scandellari.* Recherches historiques et technologiques sur le verre ancient d'Aquilée. «Advances in Technology». Part 2. New York, 1963, p. 309.

Такова, как выясняется, общая характеристика римского стекла, если принимать во внимание вид шихты (двойная она или тройная) и вид щелочей. Употребление соды в стеклоделии римской эпохи общеизвестно. Из табл. 2 очевидно, что этому правилу отвечает только часть римского стекла — 75% (в доверительных интервалах 64—82). Другая часть стекла — 23% (в доверительных интервалах 15—32) сварена на золе. Если сода развозилась по всему античному миру, то о торговле золой нам ничего не известно. Но именно зола использовалась в стекловарении Двуречья и Сирии, достаточно сослаться на хорошо известный клинописный рецепт составления шихты, где упомянута зола, называемая нага [22].

Приводимые данные, расчеты и наблюдения заставляют с большим вниманием относиться к каждому анализу древнего стекла. На данном этапе исследования анализы стекла, найденного в мастерских, заслуживают особого внимания, поскольку можно было бы установить действительное значение найденных соотношений. Однако уже сейчас известно, что в мастерской, раскопанной близ с. Комаров, варили стекло в соответствии с $N_2 = 2{,}51 \pm 2\sigma$ [23], этой же нормой пользовались мастера, работавшие в Херсонесе [24] и на Кастельсеприо [25]. Следовательно, этой нормой пользовались стеклоделы на востоке европейских провинций в III—IV вв. и позднее на территории Восточной Римской империи. Примечательно, что в указанных мастерских применялась одна, редко две нормы составления тройной шихты. Одновременное же составление шихты двойной и тройной в пределах одной мастерской еще не зарегистрировано ни разу.

Видимо, найденные величины, соотношение легких фракций стеклообразующих устойчиво, относительно постоянно для некоторого круга мастерских и характеризуют производство стеклянной массы настолько, что их можно было бы называть нормой составления шихты или рецептурной нормой.

В итоге можно предложить гипотезу происхождения римского стекловарения, исходя из общего положения, что в римскую эпоху стекло варили в разных мастерских по-разному. Мы конкретизируем его, уточняя: в соответствии с известными традициями. По традиции, вывезенное из Египта стекло варилось из двух веществ — соды и песка из фиксированных месторождений. Это условие, ограничивающее географические пределы самого производства, было устранено, когда нашли способ составления шихты из соды, раковин и ископаемого песка. Оторванное от специальных песчаных месторождений, производство стекла стало возможным в любом месте. Стекло, получавшееся таким образом, соответствовало норме соединения частей $N = 3 \pm 2\sigma$. Двойная стандартная ошибка ограничивала пределы применения этой нормы. Новое стекло более постоянно по составу. Заметим, что нормы составления шихты двойной и родственной ей тройной ни разу не смешиваются, что корреляционная таблица делает особенно очевидным.

Другая традиция — составление тройной шихты — была вывезена из Двуречья. Согласно этой традиции стекло варилось из трех веществ — золы, песка и извести. И здесь имелось условие, ограничивающее географию производства,— применение золы некоторых фиксированных пород растений. Замена в рецептуре золы содой предоставила производству стекла возможности широкого развития. Оторвавшись от местных источников сырья, стеклоделы-сирийцы переселялись на Европейский конти-

---

[22] *R. H. Brill.* Some chemical observation on the cuneiform glasassmaking texts. Annales du 5e Congrès de AIHV. Liège, 1972, p. 329—335.

[23] Приложение, ан. 73, 74.

[24] *Г. Д. Белов.* Стеклоделие в Херсонесе. СА, 1965, 3, стр. 237—239.

[25] *E. Tabaczynska.* Szkla wczesnośredniowieczne z Castelseprio. AP, t. XVI, s. 302.

нент, перенеся сюда свое мастерство, прочно здесь осели и создали новую школу. Очевидно, не будет ошибки, если эту школу назвать римской провинциальной в отличие от римской столично-италийской, созданной на основе египетских традиций стекловарения.

Школа стекловарения выделяет, таким образом, большой круг мастерских, внутри которого, очевидно, существовали меньшие ассоциации и общности. Провинциально-римская школа стекловарения располагала некоторыми возможностями варьирования, прежде всего в отношении песков и извести. (Химический тип стекла в пределах одной рецептурной нормы разный: при $N=2{,}5$ стекла могут относиться к разным химическим типам). Путешествуя в пределах Римской империи, мастера несли с собой знания (рецептурной нормы, технических приемов), инструменты, может быть формы и некоторые материалы — соду, обесцвечиватели, красители.

Номенклатура изделий, объем выпуска и другие производственные и организационные вопросы решались на месте производства. Эти решения находились, с одной стороны, в зависимости от технической грамотности, мастерства, умения и вкуса самих мастеров; с другой стороны, требования будущих потребителей (заказчиков, торговцев) не оставались безразличными ни к номенклатуре изделий, ни к объему их выпуска.

Этой гипотезой определяется значение знаний и мастерства, которыми располагали сами стеклоделы. В зависимость от нее мы ставим и значение разных сведений, которые поставляют нам сами изделия из стекла. В одних сведениях представлена объективная техническая информация, в других — иная, скорее субъективная. Форма изделий, их художественная стилистика, набор форм и количество содержат такую информацию, в которой ярко выражается роль субъекта, мастера и потребителя.

Предлагаемая гипотеза требует оценивать основной состав стекла по нескольким признакам. Если прибавить обесцвечиватели, красители, глушители, то в итоге окажется, что оценивать состав стеклянной массы нужно по 25 признакам. Получив таким сложным путем почти исчерпывающую и, что особенно важно, однозначную характеристику стекла как материала, мы оказываемся в трудном положении. Полученные результаты в очень малой степени сопоставимы с итогами изучения изделий из стекла в других аспектах, ведущимися давно и успешно.

Положение усложняется тем, что состав стекла изучается по фрагментам, которые мало пригодны для изучения формы в целом. Лаконизм же публикаций делает напрасными многие усилия. Однако, не зная состава стекла и технических приемов изготовления изделий, нельзя надежно определить ни происхождения отдельных вещей, ни места их изготовления, хотя время их изготовления и очевидно. Еще меньше оснований остается для решения таких важных вопросов, как происхождение производственных традиций, развитие производства или эволюция стеклоделия в целом. В результате самого виртуозного морфологического анализа все эти вопросы в лучшем случае можно ставить, намечая возможные направления их разрешения. Утверждая этот тезис, я отвергаю и самостоятельное право решать исторические вопросы, руководствуясь химическим составом в отрыве от самих изделий, их формы, стиля, даты и даже места находки. Решение исторических проблем дает только сочетание разных аспектов изучения: химии стекла, технологии изготовления изделий, номенклатуры и формы изделий, взятых с учетом времени и места.

Все эти элементы характеристики существовали всегда неразрывно и естественно связанными. На уровне же изучения они оказались разорванными и противоестественно разобщенными. В итоге морфологией, хронологией и стилистикой древнего стекла занимаются археологи и историки искусства, химией — химики, технологией — и те и другие. Разрыв так давно существует, что понадобились большие усилия, чтобы привлечь внимание историков стекла к техническому аспекту предмета изучения.

Слов нет, химия стекла — сложная вещь. Однако сложности, как нам кажется, не настолько велики, чтобы отступать перед ними.

Предложенный способ изучения химии древнего стекла хотелось бы считать шагом на этом пути.

*ПРИЛОЖЕНИЕ*

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АНАЛИЗОВ С УКАЗАНИЕМ ИСТОЧНИКА

№ 1—60. М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956. Приложение. Таблицы XXII—XXXIII.
N 61. E. R. Caley. Analyses of Ancient Glass 1790—1957. Corning, New York, 1962, p. 95.
N 62—64. R. Joffroy. Bracelets et anneaux de verre incolore de la Tène I en Champagne. Annales du 4e Congrès de AIHV. Ravenne-Venise, 1967, p. 51.
N 65—67. G. C. Boon. Roman Glass in Wales. Ibidem. pp. 97, 99, 101.
N 68—72. R. H. Brill. An Observation on the Corinth Diatretum. JGS. v. VI (1964), p. 56–58.
N 73—77. M. A. Bezborodow and A. A. Abdurazakov. Newly Excavated Glassworks in the USSR E 3—rd—14th Centuries A. D. JGS, v. VI (1964), p. 64—69.
N 78—88. R. N. Brill and Sh. Moll. The Electron Beam Probe Microanalysis of Ancient Glass. Advances in Glass Technology. Part 2. History Papers and Discussion of the Technical Papers of the VII International Congress on Glass. New Vork. 1963, p. 293–303.
N 89—99. M. C. Calvi. M. Tornati et M. L. Scandellari. Recherches historiques et technologiques sur le verre ancien d'Aquilée. Ibid. p. 313.
N 100. E. R. Caley. Op. cit., p. 38.

*You. I. Chtchapova*

LA COMPOSITION CHIMIQUE DU VERRE ANCIEN

Résumé

Grâce aux procédés analytiques actuels on peut déterminer la composition du verre dont sont faits les objets anciens. Le verre, par sa composition, diffère des matières premières qui employent dans sa fabrication. Les auteurs de l'Antiquité, en particulier Pline l'Ancien, donnent les règles présidant à la combinaison des matières à partir desquelles on obtient du verre.

Dans le présent article sont exposées les règles permettant de recalculer le dosage des compositions du verre antique en matières premières, dont l'emploi était possible dans l'Antiquité.

La quantité de sable est relativement constante dans le verre ancien. Le pourcentage d'alcali et de calcium-magnésium est variable, et leurs rapports réciproques peuvent changer. La corrélation existant entre la quantité de calcium-magnésium et ses rapports avec l'alcali révèle la grande stabilité de ces derniers. Le rapport entre l'alcali et le calcium-magnésium caractérise évidemment les lois de la combinaison de ce qu'on appelle les fractions légères du mélange des matières premières (charges en terminologie moderne). On pourrait considérer ce rapport comme une norme de recette, connue des anciens artisans. La stricte observance de la norme — les écarts ne dépassent pas ±10%,— vient à l'appui de cette supposition. Cette norme unissaient certainement les artisans appartenant à une même «école» de verrerie.

Le tableau corrélatif concluant, non seulement fixe l'importance des écarts dans l'observance d'une norme donnée, mais peut même servir comme une sorte de déterminant d'«école».

La norme de recette est le critère réel, sans lequel l'histoire du verre dans l'Antiquité ne peut être comprise correctement.

Н. Г. ГОРБУНОВА

# ПОСЕЛЕНИЯ ФЕРГАНЫ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ

## (некоторые итоги исследования)

Планомерное выявление и обследование древних поселений Ферганы началось в 1930 г. экспедицией ГАИМК под руководством Б. А. Латынина [1]. Затем продолжено экспедициями археологического надзора на трассах каналов [2], а в послевоенные годы широкую разведку и исследования проводили экспедиции под руководством А. Н. Бернштама [3] в 1946, 1948, 1950, 1951 гг.

С середины 50-х годов в Фергане начинают свои работы экспедиции АН Таджикской ССР под руководством Б. А. Литвинского [4] и Южнокиргизский отряд под руководством Ю. А. Заднепровского [5]. Территория Узбекской ССР обследуется разными отрядами как Института истории и археологии АН УзССР [6], так и местных музеев (Наманганского, Андижанского и Ферганского) [7]. С 1962 г. начинает свою работу Ферганская экспедиция Государственного Эрмитажа и Ферганского музея [8]. В те же годы отряд Института истории АН КиргССР исследует поселения в зоне строительства Андижанского водохранилища [9]. Таким образом, вот уже

---

[1] *Б. А. Латынин.* Отчет о работах в районе проектируемой электростанции на реке Нарыне в Фергане. Сб. «Археологические работы на Новостройках», т. II. ИГАИМК, 110, 1955, стр. 120–134; *его же.* Некоторые результаты работ Ферганской экспедиции 1934 года. АСб. ГЭ, 3, 1961, стр. 125–135, 149–156.

[2] Материалы археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. Тр. ИИА АН Уз. ССР, т. IV. Ташкент, 1951; *Т. Г. Оболдуева.* Археологические наблюдения на северном Ферганском канале. Изв. Уз. ФАН, 10, 1940, стр. 27—32; *В. Д. Жуков.* Археологические объекты на трассе южного Ферганского канала (предварительное сообщение). Изв. Уз. ФАН, 10. 1940. стр. 21—27.

[3] *А. Н. Бернштам.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952, стр. 217—220; *его же.* Древняя Фергана. Ташкент 1951, стр. 9–20.

[4] *Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский.* Археологический очерк Исфаринского района. Тр. ИИАЭ, АН ТаджССР, т. XXV. Сталинабад, 1956. стр. 138–153.

[5] *Ю. А. Заднепровский.* Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960, стр. 10–60.

[6] *В. Д. Жуков.* Некоторые результаты археологических работ в Кувинском районе Ферганской области. Изв. АН УзССР, серия обществ. наук, 1957, 2, стр. 93–96; *В. А. Булатова.* Древняя Кува. Ташкент, 1972, стр. 5.

[7] *Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова.* Археологические работы Ферганского областного краеведческого музея в 1953–1954 гг. (Краткий отчет). ИМКУ, 1959, 1, стр. 5, 6; *В. И. Козенкова.* Археологические работы в Андижанской области в 1956 г. КСИИМК, 79, 1959, стр. 59.

[8] *Н. Г. Горбунова, Т. Г. Оболдуева.* Раскопки поселений на юго-востоке Ферганской долины. АО – 1966, М., 1967, стр. 309–311; *они же.* Работы в зоне строительства Центрального Ферганского канала. АО – 1967, М., 1968, стр. 339, 340; *Н. Г. Горбунова, Т. И. Кулик, Т. Г. Оболдуева, В. И. Тимофеев.* Работы на новостройках в Фергане. АО – 1969, М., 1970, стр. 413, 414; *Н. Г. Горбунова.* Работы Ферганской экспедиции. АО – 1971, М., 1972, стр. 514; *Н. Г. Горбунова, Г. П. Иванов.* Ферганская экспедиция. АО – 1972, М., 1973, стр. 458, 459; *Н. Г. Горбунова, Г. П. Иванов, Т. И. Кулик, Т. Г. Оболдуева.* Ферганская экспедиция. АО – 1973, М., 1974, стр. 479, 480.

[9] *П. И. Кожемяко, Д. Ф. Винник.* Новые исследования археологов Киргизии. Вестн. АН СССР, 1965, 2, стр. 133, 134; *П. П. Гаврюшенко, Е. З. Заурова, П. Н. Коже-*

свыше 40 лет идет накопление материала, и в процессе исследования неоднократно высказывались различные соображения по поводу типов поселений, их размещения и группировки, связи с водными источниками.

Впервые о различных типах поселений в Фергане писал Б. А. Латынин, особо подчеркивая большое количество различного размера тепе [10]. Им же была разработана схема развития древних систем орошения [11]. О резком увеличении количества поселений в «кушанский» период и о том, что основными типами поселений были в это время укрепленные дома и городища, говорил А. Н. Бернштам [12]. Ю. А. Заднепровский предложил классификацию древних поселений, основанную на конфигурации и размерах памятников. По этому принципу им были выделены «городские поселения», «сельские поселения» и «отдельные дома-усадьбы» [13]. Против отождествления некоторых типов поселений с городами резко возражал Б. А. Латынин, полагавший, что все крупные городища с укреплениями относятся ко времени не ранее V в. н. э. [14]

В. И. Козенкова, проводя разведку на территории Андижанской области, отмечала, что наиболее многочисленные памятники — тепе, расположенные группами у водных источников [15]. Исследователи отмечали также закономерность расположения памятников: группы тепе сосредоточены вблизи городищ, поселений больше в восточной и южной Фергане.

Все классификации и определения типов памятников сделаны в основном без раскопок, по внешнему виду, по планам. В настоящее время мы уже располагаем данными по раскопанным памятникам, и поэтому есть смысл вернуться к вопросу о поселениях Ферганы на основании новых материалов. В статье будут рассматриваться поселения, датируемые в пределах II в. до н. э.— V в. н. э. Ввиду отсутствия пока более дробной хронологии мы по-прежнему рассматриваем суммарно поселения, на которых найдена «керамика с красным ангобом» (она же «кушанская», «даваньская», «периода ФП», «мархаматского периода» и пр.). Но так как уже намечается некоторое хронологическое ее разделение, выделение более ранней и более поздней групп в пределах указанных хронологических границ [16], то это, естественно, будет отмечено. Кроме того, раскопки в ряде случаев дают возможность судить о синхронности поселений.

В настоящее время по долине учтено около 600 поселений, которые могут быть отнесены к указанному хронологическому периоду. Конечно, это число примерно, но оно может быть пересмотрено лишь в сторону увеличения, так как зачастую мы имеем очень неопределенные сведения. Например, «группа тепе» — без указания количества их и характеристики. Далеко не всегда есть описание и тем более планы. Поэтому из этого большого количества поселений далеко не все могут быть детально рассмотрены. И в первую очередь это касается «тепе», отдельно стоящих холмов, к этой группе относятся около 450 учтенных памятников.

---

*мяко, И. К. Кожомбердыев.* Археологические исследования Института истории АН Киргизской ССР. АО – 1966, М., 1967, стр. 337–342; *А. К. Абетеков, П. П. Гаврюшенко, Е. З. Заурова, П. П. Кожемяко, И. К. Кожомбердыев, М. Б. Юнусалиев.* Археологические работы в Киргизии. АО – 1967, М., 1968; *Д. Ф. Винник, Г. А. Брыкина.* Раскопки в районе Андижанского водохранилища.– Там же, стр. 361; *Д. В. Винник.* Работы в Узгенском оазисе. АО – 1969, М., 1970, стр. 434.

[10] *Б. А. Латынин.* Отчет о работах..., стр. 128; *его же.* Некоторые результаты..., стр. 146, 147.

[11] *Б. А. Латынин.* Некоторые результаты..., стр. 130–133, 150, 151, 165–170.

[12] *А. Н. Бернштам.* Историко-археологические очерки..., стр. 217–219.

[13] *Ю. А. Заднепровский.* Древняя Фергана. Автореф. канд. дис. Л., 1954, стр. 11, 12.

[14] *Б. А. Латынин.* Некоторые результаты..., стр. 146, 147.

[15] *В. И. Козенкова.* Ук. соч., стр. 59.

[16] *Н. Г. Горбунова.* Некоторые вопросы хронологии ферганской керамики с красным ангобом. АСб. ГЭ, 13, 1971, стр. 86; *Е. Д. Салтовская.* Северо-западная Фергана в древности и раннем средневековье. Автореф. канд. дис. Душанбе, 1971, стр. 11.

Исследования проводились в Фергане примерно на 30 поселениях интересующего нас времени [17].

Первая группа — тепе. Исследовано 13. Тепе у железнодорожной станции Кугай в междуречье рек Карадарья и Нарын, недалеко от их слияния в Сырдарью. Площадь его 0,2 *га*, высота 2 *м*. Здесь были вскрыты помещения жилого и хозяйственного назначения, погибшие в результате пожара [18]. Планировка их осталась неясной из-за небольшого размера раскопанной площади, но очевидно, что это был отдельно стоящий дом.

К типу отдельных домов относится и здание, раскопанное в тепе Кара-Булак на другом конце долины в Исфанинской впадине [19]. Этот дом, укрепленный стеной толщиной около 3 *м*, в котором открыто несколько помещений. Из них одно, площадью более 27 $м^2$, было перекрыто коробовым сводом и, очевидно, являлось основным. Кроме того, раскопано несколько меньших по размерам (примерно 8 $м^2$) помещений хозяйственного назначения. Общая площадь здания, включая стены, примерно 200 $м^2$ (рис. 1, *3*). Никаких специально оборонительных функций оно не несет; это, как отмечает Г. А. Брыкина, дом одной семьи. В пределах рассматриваемого хронологического периода он может быть отнесен к числу поздних.

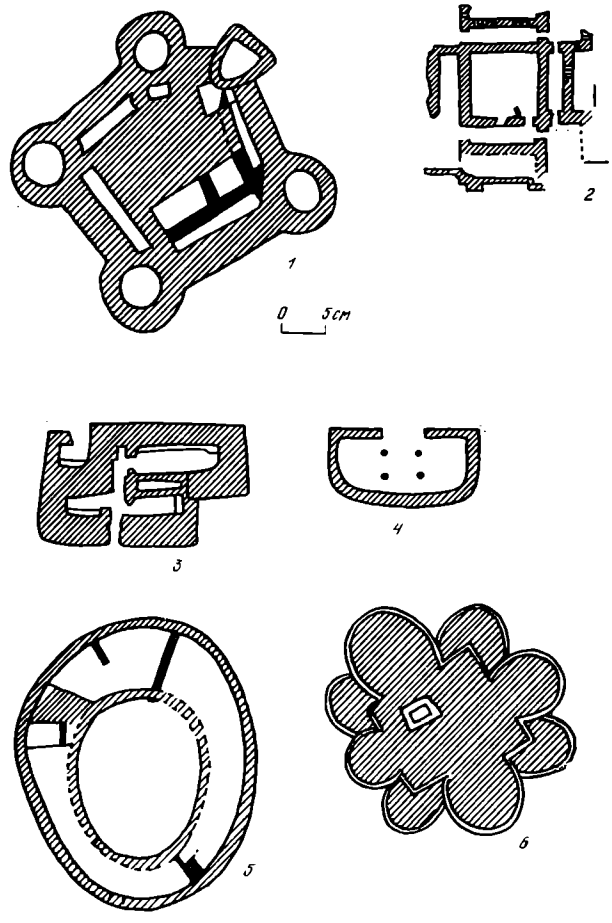



Рис. 1. Планы раскопанных поселений 1-й группы: *1* — Гайрат-Тепе; *2* — Арал-Тепе; *3* — Кара-Булак; *4* — Сым-Тепе; *5* — Ак-Тепе у Арсифа; *6* — культовая постройка в Керкидоне

К этой же группе отдельных зданий можно отнести Сым-Тепе, находившееся ранее в центре города Ферганы [20] (рис. 1, *4*). Раскопками вскрыт большой зал с деревянными опорами, к которому примыкали, видимо, еще помещения. Здание дважды перестраивалось, сохранившаяся его площадь 75 $м^2$. Сым-Тепе в противоположность Карабулакскому относится к числу наиболее ранних памятников. Остатки построек трех помещений, соединенных дверными проемами и впоследствии забутованных, раскопаны на Кыз-Мазар-Тепе недалеко от станции Кугай. Общая площадь раскопанных участков помещений 140$м^2$, но ни одна из комнат не раскрыта полностью.

---

[17] Так как никакие другие поселения здесь не рассматриваются, в дальнейшем мы уже не будем оговаривать хронологические рамки.

[18] *Б. А. Латынин.* Некоторые результаты..., стр. 134–136.

[19] *Г. А. Брыкина.* Раскопки замка в Кара-Булаке в 1967 г. КСИА АН СССР, 108, 1966, стр. 116–122.

[20] *Н. Г. Горбунова, В. И. Козенкова* Сым-Тепе — поселение в Фергане, АСб.ГЭ. 16, 1974, стр. 92–108.

Здания типа укрепленных замков раскопаны в Арал-Тепе (рис. 1, *2*) (недалеко от станции Кугай) и Гайрат-Тепе (рис. 1, *1*) в 50 *км* к северо-востоку от Андижана. Первое имело до раскопок площадь 0,03 *га* при высоте 5 *м*. Вскрыто центральное помещение площадью 49 $м^2$, окруженное стрелковыми галереями, соединенными с четырьмя прямоугольными башнями. И в башнях и в галереях стреловидные бойницы. Общая площадь здания 600 $м^2$. Оно стоит на стилобате высотой 2 *м*. Галереп,. башни и частично помещение в следующий строительный период закладываются, и здание теряет свои оборонительные функции.

Гайрат-Тепе [21] до раскопок имело площадь 0,1 *га* при высоте 8 *м*. Здание возведено на стилобате высотой 5,8 *м*. Первоначальная планировка его осталась невыявленной. Видимо, в центре было несколько помещений, но как они соединялись с четырьмя полыми округлыми башнями по углам и одной подковообразной на северо-восточной стене — не ясно, так как дверные проемы не были обнаружены. Не ясно и назначение коридорообразных помещений по периметру здания. Общая площадь его 1500 $м^2$, т. е. оно более чем вдвое больше Арал-Тепе, хотя по назначению, возможно, и такое же.

Необычное по планировке круглое здание, вскрытое неполностью, раскопано на Ак-Тепе у Арсифа (долина р. Исфайрам). Площадь тепе была 0,1 *га*, высота 4—5 *м*. Здание обнесено кольцевой внешней стеной, к которой изнутри примыкали помещения (рис. 1, *5*).

Культовое назначение имело здание, раскопанное в группе поселений у кишлака Керкидон (долина р. Кувасай) (рис. 1, *6*). Это крестовидная в плане глухая постройка с выступающими восемью «лепестками» — полукруглыми выступами отдаленно напоминает буддийские ступа и имеет явно не жилой характер, но точной интерпретации пока не поддается. Похожие по планировке и тоже, видимо, культового назначения постройки были в последние годы открыты вблизи Джамбула и в Бухарском оазисе [22].

Еще три тепе: Ак-Тепе и Тешик-Тепе на юго-западной окраине Центральной Ферганы и Такъян-Тепе [23] в Кувинском оазисе оказались просто постройками, сложенными сплошь из кирпича, причем Тешик-Тепе имело овальную форму. Скорее всего это фундаменты несохранившихся зданий. Площадь их 0,1, 0,06, 0,02 *га* при высоте 6 *м*.

Особо следует выделить два памятника — Шош-Тепе на Карадарье (раскопки производились Д. Ф. Винником, но данные не опубликованы) и Сары-Курган, где проведены лишь разведочные работы. Сары-Курган — хорошо укрепленная постройка, существовавшая на протяжении длительного периода. Разведочными раскопками вскрыта часть первоначального здания, видимо, угловой башни, относящаяся к интересующему нас времени. В наружной стене башни сохранились 2-метровой высоты бойницы необычной формы, верхняя часть которых — как бы две «стрелки», заключенные между двумя рядами положенных плашмя кирпичей. Бойницы расположены в шахматном порядке, причем нижние имеют сильный скос наружу. Площадь первоначального здания, возведенного на стилобате, была, видимо, около 900 $м^2$. Впоследствии оно неоднократно перестраивалось и укреплялось. Сейчас его площадь 0,5 *га*.

Таким образом, поселения, относящиеся к группе тепе и фигурирующие как отдельно стоящий «дом-усадьба», не всегда оказываются тако-

---

[21] *В. И. Козенкова.* Гайрат-Тепе. СА, 1964, 3, стр. 218–221.

[22] *М. С. Мерщиев.* Поселение Кзыл-Кайнар-Тепе II–IV веков и захоронение па нем воина I–IV веков. Сб. «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 79–85; *Р. Х. Сулейманов.* К вопросу культуры древнебухарского оазиса первых веков до нашей эры. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973, стр. 130.

[23] *Д. П. Вархотова.* Такъян-Тепе. ИМКУ, 1964, 5, стр. 67–69.

выми и, кроме того, могут быть и укрепленными и неукрепленными. Поэтому однозначная интерпретация таких холмов без раскопок возможна лишь с оговорками.

Вторая группа — это так называемые «тепе с площадкой» или «городища прямоугольные с вышкой». Площадь их большей частью 1—2 *га*, с вариантами от 0,2—0,5 до 3 *га*. Количество их учесть невозможно, так как часть из них фигурирует в «группах тепе». Исследовано семь: Кулунчакские первое и второе в Узгенском оазисе; Куюк-Тепе у станции Кугай; Мунчак-Тепе на юго-западной окраине Центральной Ферганы; Чун-Тепе на юге в группе керкидонских поселений на р. Кувасай; Тудаи-Хурд и Тудаи-Калон на северо-западе долины. Раскопки кулунчакских поселений [24] и Тудаи-Хурд [25] показали, что традиционное представление о том, что тепе — здание, а площадки — дворы, ошибочно. Разница в высотах является часто результатом неодновременности обживания территории поселения.

Так, в одном из кулунчакских поселений площадью 0,5 *га* было раскопано несколько десятков жилых и хозяйственных помещений, перекрывающих друг друга и отнесенных автором раскопок к трем строительным горизонтам. Все они находились внутри общей надстраивавшейся внешней стены. При этом постройки занимали и «тепе», и «площадку», и «дворик». И только на IV этапе на тепе возводится здание, выделившее по высоте этот участок поселения. Такая же картина была, видимо, и на другом кулунчакском поселении, где на первом этапе было монументальное здание замкового типа с большими помещениями и обводной галереей. При этом строения и на «тепе» и на «площадке» входили в «единую планировочную схему».

На Тудаи-Хурд открыто здание, представлявшее собой многокомнатный комплекс, расположенный на кирпичном стилобате 6-метровой высоты с пандусным подъемом вдоль западной стены. Поселение открытого типа, без крепостных стен. На втором этапе здесь возведено здание, в котором были открыты два парадных зала с деревянными колоннами, овальными очагами, суфами.

Как и Сым-Тепе, кулунчакские поселения и Тудаи-Хурд относятся к числу ранних поселений в пределах указанных хронологических границ. Похожими оказались и архитектура и в какой-то степени история двух поселений в разных концах долины — Куюк-Тепе недалеко от станции Кугай и Тудаи-Калон на северо-западе, в долине р. Ашт [26]. Оба поселения площадью 1 *га* с холмом-вышкой в одном из углов. В Куюк-Тепе отмечена не очень мощная стена вокруг всего поселения, была ли стена в Тудаи-Калон — не ясно. Раскопки в обоих случаях производились только на вышке. В Куюк-Тепе прослежено три строительных периода. Первоначальная постройка представляет собой здание типа замка общей площадью 750 *м*$^2$ с 10 прямоугольными башнями, стрелковыми галереями и одним или несколькими помещениями в центре, возведенном на 6-метровом стилобате (рис. 2, *1*). В стенах и башнях — стреловидные бойницы. Во второй период поверх частично разрушенного замка возводится стена, а на внутренней территории — отдельные помещения. Оборонительная стена замка уже не функционирует.

Тудаи-Калон также имеет три строительных периода, из которых два — Ашт III и IV, видимо, синхронны Куюк I и II. На первом этапе — это небольшое укрепленное здание с угловыми двухэтажными башнями прямоугольной формы, со стреловидными бойницами в стенах. На втором этапе на забутованных помещениях первого периода возводится

---

[24] *А. К. Абетеков и др.* Ук. соч., стр. 358; *П. П. Гаврюшенко.* Кулунчакское укрепленное поселение. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1970.

[25] *Е. Д. Салтовская.* Ук. соч., стр. 7, 9.

[26] *Е. Д. Салтовская.* Ук. соч., стр. 11, 13.

двухъярусное монументальное сооружение, в центре которого находится крупный зал с суфами вдоль стен. Верхний и нижний этажи соединялись многоступенчатой лестницей, т. е. на втором этапе здесь также перестают функционировать оборонительные сооружения. Что собой представляли «площадки» в обоих случаях, осталось не выясненным. Возможно, что нижние постройки не слишком и возвышались над уровнем зданий, которые были на площадках, особенно в Тудаи-Калон, где нижнее здание

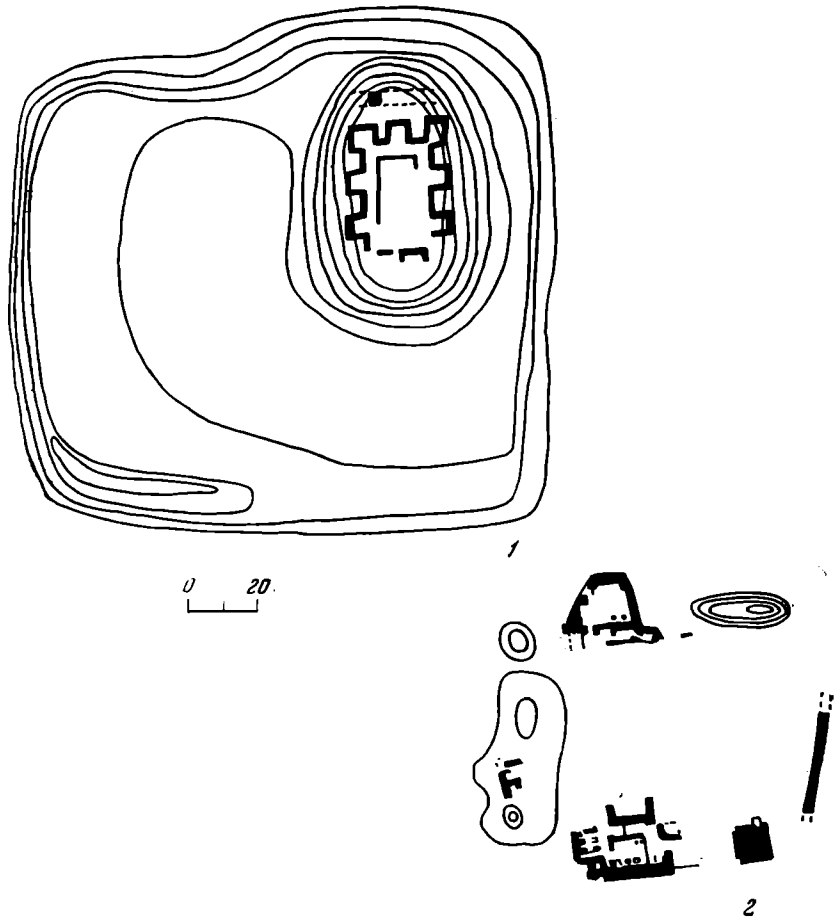



Рис. 2. Планы раскопанных поселений 2-й и 3-й групп: *1* — Куюк-Тепе; *2* — поселение 5[а]

возведено без стилобата. Сами здания напоминают те, что были раскопаны в Арал-Тепе и Гайрат-Тепе.

Мунчак-Тепе имеет площадь около 1 *га*, с холмом высотой 6 *м* в северо-западном углу. Территория его ограждена оборонительной стеной толщиной 3 *м*, насколько можно судить по рельефу, без башен. На территории городища вскрыты частично постройки двух строительных периодов в пределах первой половины I тысячелетия н. э. Холм оказался овальным по форме возвышением, сложенным из кирпичей. Быть может, это опять-таки фундамент несохранившегося здания. Возведена эта постройка на последнем этапе жизни поселения; раньше, видимо, на огражденной стеной территории располагались отдельные здания, ни одно из которых не было поднято на стилобат.

Поселение Чун-Тепе относится в основном к VII—VIII и даже XI—XII вв., но в нижних слоях шурфами были открыты остатки построек двух строительных периодов интересующего нас времени. Не исключено, что и оборонительная стена была возведена в это же время.

К третьей группе могут быть отнесены поселения, близкие по размерам и, видимо, по назначению ко второй, но отличающиеся по планиров-

ке. Они имеют четко выраженную оборонительную стену, часто большой холм в центре или в углу. Площадь их до 4—5 *га*, иногда немного больше, но может быть и меньше 2 *га*. По планам далеко не всегда можно отделить эту группу поселений от предыдущей, поэтому даже ориентировочное количество их не стоит приводить. Исследовалось шесть таких поселений: Касан на севере долины, Мыкты-Курган, Майда-Тепе и поселение 5[а] в группе керкидонских поселений, тепе Арк у Арсифа и Муг-Пошо за Аувалем в южной части Ферганской области.

Наиболее полно изучено поселение 5[а], занимавшее площадь 1 *га* (рис. 2, *2*). Раскопки показали, что это поселение, огражденное стеной, к которой изнутри были пристроены помещения. Самым крупным комплексом оказалось здание с винодельней и примыкавшими к ней комнатами хозяйственного назначения. Кроме того, были еще отдельные дома, а в центре — двор, это было явно небольшое сельское поселение. Мыкты-Курган, площадью 1,5 *га*, тоже был исследован на значительной площади и оказался крепостью с мощными, до 10 *м* толщиной, оборонительными стенами с глухими прямоугольными башнями, не имевшими помещений. Внутреннее пространство было почти не застроено, а «цитадель», расположенная в северной части, была просто большой башней без помещений, возможно, защищавшей вход. Крепость перестраивалась, укреплялась.

Майда-Тепе [27] занимало территорию примерно 1 *га*, имело, видимо, тоже оборонительную стену и несколько зданий. Раскопан один большой дом с центральным залом площадью 50 $м^2$ с опорами для колонн (видимо, деревянных), очагом и суфами. К залу примыкали хозяйственные помещения. Не исключено, что этот дом был центральным. Прослежены перестройки здания.

Муг-Пошо — поселение площадью 4 *га*, с прекрасно сохранившимися прямоугольными башнями без внутренних помещений и стеной. На внутренней площади почти не сохранился культурный слой, но почти в центре находился большой холм, планировка которого и назначение остались невыясненными.

Тепе Арк, площадью 2 *га*, имело сохранившуюся с двух сторон оборонительную стену (толщиной 8 *м*) с башнями, видимо, без внутренних построек, за исключением одной большой угловой, где было небольшое помещение. В центре поселения частично раскопано здание необычной крестовидной планировки, площадью около 900 $м^2$. «Выступы креста» скорее всего являлись башнями, в стенах которых открыты стреловидные бойницы. Внутри здания по периметру располагались сводчатые коридорообразные помещения. Назначение постройки осталось неясным. Прослежен второй период строительства, когда башни оказались заложенными.

Городище Муг-Кала (Касан) [28] площадью 4 *га* в основном, видимо, относится к VII—VIII вв. К более раннему этапу может быть отнесена только кирпичная платформа в цитадели с очагом на ней и остатки частично вскрытых построек на остальной территории городища.

По своему назначению эта группа поселений явно различна: сельские укрепленные поселения, крепости-убежища, может быть, и культовые (тепе Арк), а некоторые могли быть небольшими городками. К числу поселений, имевших скорее всего оборонительное назначение, относятся поселения и крепости на скалах и мысах по берегам рек.

Четвертая группа — это городища площадью от 5 до 15 *га*, их всего 14, и два городища площадью 40 и 70 *га*.

Половина из них имеет правильную прямоугольную или близкую к ней форму с четко выраженной системой фортификации — стены с башнями: Карадарьинское (10 *га*), Джиланды (7 *га*), Торткульское (5 *га*) и Шурабашатское (70 *га*) в Узгенском оазисе, Северо-Куршабское I

---

[27] *Г. А. Брыкина.* Городище Майда-Тепе. КСИА АН СССР, 136, 1973, стр. 114—123.
[28] *А. Н. Бернштам.* Историко-археологические очерки..., стр. 237—239.

(5 *га*), на р. Куршаб, Курган-Тепинское (7,5 *га*) недалеко от Гайрат-Тепе, Янгибазарское (10 *га*) и Минг-Тюбе (Мархамат, 40 *га*) на р. Араван, Учкурганское I (12 *га*), Кайноват (15 *га*) в междуречье Карадарья — Нарын. Остальные при значительной площади имеют неправильную форму, иногда приспособленную к рельефу местности, с цитаделью, но без четко выраженной оборонительной системы. Это Дунбулак (8 *га*) и Тенеш (5 *га*) в Узгенском оазисе, Мазар-Тепе (12 *га*) на р. Араван, Каламыш-Тепе (12 *га*) и Сары-Тепе (уничтожено и не было зафиксировано) на восточной окраине Центральной Ферганы, Ак-Тепе (12 *га*) в междуречье Карадарья — Нарын. Различия в конфигурации, впрочем, были характерны и для предыдущей группы. На некоторых из этих городищ проводились раскопки, незначительные по отношению к общей площади, но позволившие выявить стратиграфию и время сооружения оборонительных укреплений.

Так, установлено, что Шурабашатское городище функционировало только в пределах интересующего нас времени, причем скорее в начале его. Тогда же была сооружена и оборонительная стена — насыпной вал [29]. Близко ему по времени и Карадарьинское городище, где в цитадели были раскопаны части помещений, обнесенных глинобитной стеной 3-метровой толщины [30]. Оборонительная стена, сложенная из кирпича, и прямоугольные башни Мархамата также сооружались в это или несколько более позднее время, во всяком случае не позднее первой половины I тысячелетия н. э. Бесспорно, в этот же период функционировало городище Каламыш-Тепе, где не было никаких раннесредневековых материалов. Здесь помимо стратиграфических раскопов на городище была раскопана цитадель — постройка «замкового» типа с четырьмя крестовидно расположенными башнями и бойницами в них.

Таким образом, точка зрения Б. А. Латынина, полагавшего, что возведение подобных оборонительных стен с башнями — явление более позднее, не подтверждается.

Сравнительная характеристика исследованных поселений позволяет нам сейчас с большей уверенностью говорить о существовавших тогда различных типах поселений. Преобладающими были неукрепленные и укрепленные многокомнатные отдельно стоящие дома. На втором месте сельские поселения, часть из которых имеет цитадель с хорошей оборонительной системой. Таким образом, как в первой, так и во второй группах различаются обычные жилые дома или поселения и здания и поселения, имевшие, возможно, и специальные оборонительные функции. К числу построек последнего типа относятся, разумеется, и крепости.

Мы не располагаем конкретными данными, которые позволили бы нам безоговорочно считать городом то или иное поселение. Для этого у нас есть, собственно, только размеры и наличие общих оборонительных сооружений на каждом из них. По этому принципу к числу городов можно относить 16 памятников, отнесенные к 4-й группе. Но не исключено, что среди поселений 3-й группы некоторые тоже могли играть роль небольших городов. Без сплошного исследования определение их функции остается преждевременным. Основываясь на таком примерном разделении поселений по типам, можно проследить в ряде случаев их сочетание. Конечно, здесь определяющую роль играет уверенность в синхронности памятников, поэтому не всегда выводы могут быть категоричными.

Наиболее полно исследована группа поселений в юго-восточной Фергане на правом берегу р. Кувасай, между селениями Керкидон и Найман, на территории примерно 15 *км*$^2$. С востока она ограничена сухим ныне руслом Джилгансай — старым руслом р. Абшир, некогда доходившей до

---

[29] *Ю. А. Заднепровский.* Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, 118, 1962, стр. 127.

[30] Там же, стр. 146.

Кувасая. За Джилгансаем к востоку простиралась Тюямуюнская степь, с юга и севера тянутся адырные гряды, на западе границу «оазиса» установить трудно, но, видимо, где-то за современным сел. Найман, так как далее уже не прослеживается непрерывность расположения памятников. На этой территории находилось 10 поселений, шесть из которых исследовались: Мыкты-Курган, Майда-Тепе, поселение 5[а], тепе 5, Чун-Тепе. Все они размещались как бы двумя рядами: одни ближе к пойме Кувасая, другие — к южным адырам, гряде Карачатыр.

Анализ материала позволил утверждать, что все поселения существовали одновременно [31].

На границе со степью, у поворота р. Кувасай на север, стояла крепость Мыкты-Курган, наиболее укрепленная часть ее стены с башнями была обращена в степь. Западнее Мыкты-Кургана на расстоянии 1 *км* на краю поймы находилось Чун-Тепе, далее по берегу Кувасая — Мир-Амир-Тепе — оставшийся нераскопанным холм (отдельно стоящий дом?). К югу от Чун-Тепе в 300 *м* было сельское поселение с винодельней, а рядом с ним — культовое сооружение.

На восточной границе второго ряда поселений стояло Майда-Тепе, которое могло быть каким-то центром всей этой группы поселений. В 500 *м* к западу от Майда-Тепе находилось поселение 3, от которого сохранилось только два холма и разбросанная вокруг них на полях керамика. Еще в 600 *м* к западу возвышалось Зор-Тепе диаметром 50 *м* при высоте 10 *м*. Разведочные раскопки показали, что это скорее всего отдельно стоящий жилой дом. Западнее Зор-Тепе, примерно тоже в 0,5 *км* стояло разрушенное Тойкуль-Тепе, при зачистке которого видны были остатки стен помещений. На территории сел. Найман некогда было еще тепе, ныне уже не существующее. Все поселения располагались либо на краю поймы Кувасая и Джилгансая, либо по руслам оврагов, пересекающих территорию с юга на север. Установить, была ли здесь в древности ирригационная сеть, не удалось из-за сильной распаханности района и большого количества современных арыков, выведенных из главного арыка Найман, проходящего по северным склонам Карачатырской гряды. Обследование территории, проведенное Алайским геоморфологическим отрядом Института географии АН СССР (начальник отряда Г. Н. Пшенин), позволило сделать заключение о возможности существования здесь в древности небольших арыков, базировавшихся на родниках Карачатырских адыров. Именно эти арыки и могли дать начало эрозии почвы, приведшей к созданию разветвленной сети оврагов, в частности самый большой овраг, на краю которого стоит Зор-Тепе,— явление явно позднее, так как на его месте находилось кладбище: в обрезах оврага было расчищено несколько погребений, хронологически совпадающих со временем жизни поселений. Основными источниками водоснабжения поселений, видимо, являлись родники и реки Кувасай и Джилгансай.

Таким образом, здесь мы имеем группу поселений, состоящую: из нескольких отдельных домов (3—4); по крайней мере двух укрепленных поселений, одно из которых могло быть главным (может быть, небольшим административным центром?), другое явно специализировалось на виноделии; крепости, защищавшей оазис и, весьма возможно, являвшейся местом укрытия для населения; культового сооружения, видимо, общего для всех, и кладбища. Еще одно кладбище — курганный могильник — раскапывался к востоку от Мыкты-Кургана за руслом Джилгансая на адырах [32]. Часть погребений оказалась синхронна поселениям, часть — более ранняя, синхронная погребениям Кунгайского могильника, расположенного около сел. Найман на адырах [33].

---

[31] *Н. Г. Горбунова.* Некоторые вопросы хронологии..., стр. 85.
[32] *П. П. Кожемяко, Д. Ф. Винник.* Новые исследования..., стр. 134.
[33] *Н. Г. Горбунова.* Кунгайский могильник. АСб.ГЭ. 1961, 3, стр. 171.

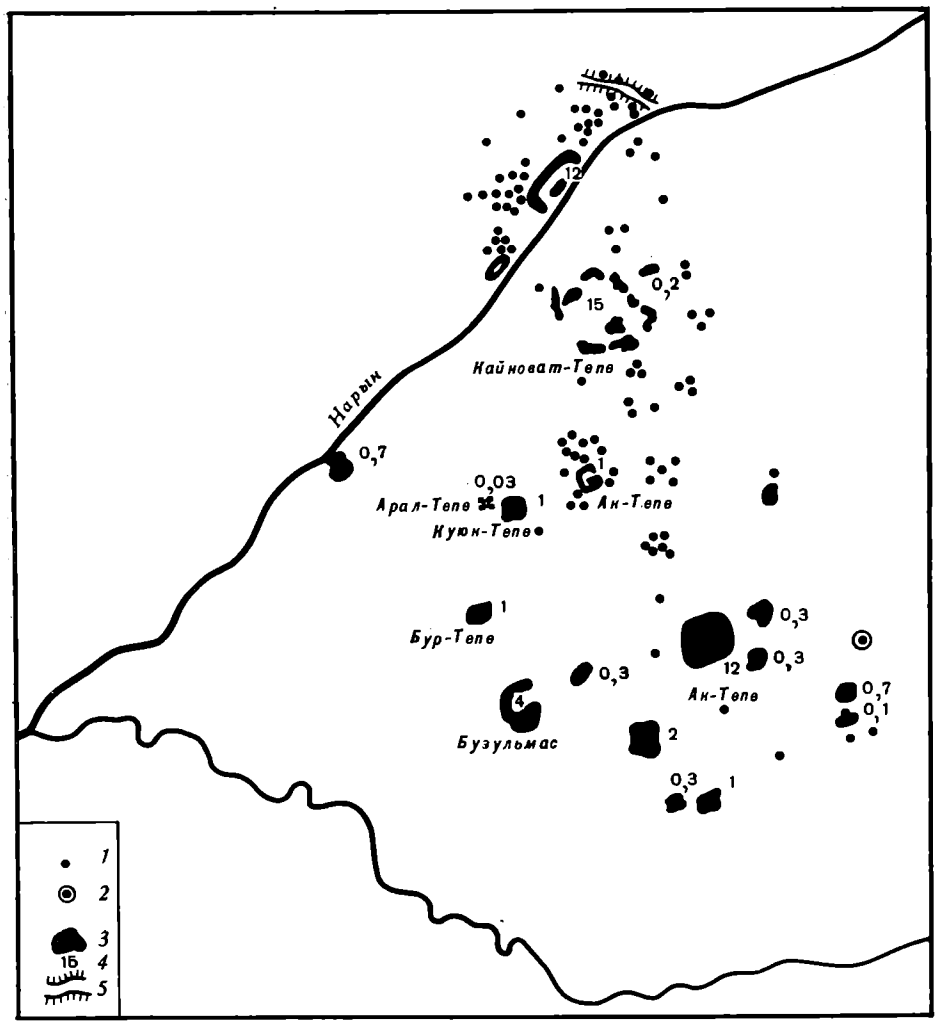



Рис. 3. Схема расположения поселений в междуречье Карадарьи и Нарына. *1* — тепе; *2* — группа тепе; *3* — поселения 2, 3, 4-й групп; *4* — площадь поселений, в *га*; *5* — вал и древний канал

Все поселения Керкидонской группы, кроме Мыкты-Кургана и Чун-Тепе, прекратили свое существование к концу интересующего нас периода. К VII в. жизнь здесь уже почти замерла, что связано было скорее всего с уменьшением водных ресурсов. Дольше всего жили поселения в пойме Кувасая (на Чун-Тепе открыты слои VII—VIII и XI—XII вв., на Мыкты-Кургане — VII—VIII вв.).

В районе междуречья Карадарьи и Нарына, на территории между селениями Уч-Курган с севера и Пайток с юга, расположено тоже группами свыше 100 поселений (рис. 3). Из них раскопано четыре: тепе около станции Кугай, Кыз-Мазар-Тепе, Арал-Тепе, Куюк-Тепе. Последние три располагались недалеко друг от друга, на расстоянии не более 1 *км*. Некогда здесь были еще тепе, т. е. существовала какая-то группа небольших домов, в том числе и типа «замка», сосредоточенных вокруг Куюк-Тепе. Подобная же группа была в 3—4 *км* восточнее у самой станции Кугай, где зафиксировано повторяющее план Куюк-Тепе поселение Ак-Тепе, вблизи которого отмечено было несколько групп тепе. Были ли это два отдельных «микрорайона» или все это одна группа, расположенная на территории, примерно равной территории Керкидонского оазиса, сейчас сказать трудно, так как почти все тепе уничтожены.

По размерам и конфигурации близко к Куюк-Тепе поселение Бур-Тепе в 4—5 *км* к юго-западу от Куюк-Тепе, бывшее, возможно, также центром группы поселений. В 10—12 *км* южнее Кугая можно отметить Хакулабадскую группу, тяготевшую, видимо, к городищу Бузульмас площадью 4 *га*, прямоугольной формы, с хорошо прослеживающейся стеной с башнями. Еще южнее находилась Пайтокская группа. К северо-востоку от Хакулабада — Лугумбекская группа с городищем Ак-Тепе (12 *га*), пятью тепе площадью 0,1—0,3 *га* и 30 тепе большей площади.

И наконец, севернее Кугая, под Уч-Курганом, находилась Кайноватская группа с городищем Кайноват (15 *га*) немного неправильной формы, со стенами с башнями и цитаделью; два «тепе с площадкой» площадью 0,2 *га* и еще более 10 тепе. На правом берегу Нарына расположено большое количество тепе и два городища — Уч-Курган 1 (12 *га*) и 2 (4 *га*). Оба обнесены стенами с башнями, на городище 1 имеется цитадель. Кроме, того, на территории от Учкургана до Пайтока отмечены были в нескольких местах валы, возможно, ограждавшие «микрорайоны». В целом на всей территории, занимающей примерно 600 *км*$^2$, сейчас учтено свыше 100 памятников, из которых только 20 имеют планы или подробное описание. Видимо, именно они и отличались от просто «тепе», составлявших основную массу поселений. Таким образом, здесь зафиксировано три крупных городища — города (?), примерно восемь небольших «городков», относящихся ко 2-й или 3-й группе, и 11 «тепе с площадкой» (2-я группа). Сопоставление материалов раскопок с подъемным материалом позволяет говорить о синхронности основной массы всех этих памятников. И даже при неполной синхронности всех остается принцип расположения поселений группами, хотя, возможно, и меньшими. Об орошении всей этой территории писал Б. А. Латынин, обнаруживший в Кызыл-Ярской степи (правый берег Нарына) остатки вала магистрального арыка, в который собирались паводковые воды. Что касается Уч-Курганской и Кугайской степей, то здесь он полагал в древности наличие небольших арыков, выведенных «по старым руслам боковых паводковых протоков»[34]. Интересно, что еще в XIX в. А. Ф. Миддендорф отмечал здесь «древние проводы» и покинутый старый арык[35]. Территория между Хакулабадом—Лугумбеком—Пайтоком орошалась еще и за счет концов веера Майлисая.

Последовательное обследование целого района проводилось Ю. А. Заднепровским в Узгенском оазисе, в верховьях р. Карадарьи, по течению рек Тар, Яссы, Кара-Кульджа, Джиланды[36]. Им охарактеризовано несколько групп поселений. Одна из них — Карадарьинский оазис с центром в Карадарьинском городище (10 *га*), расположенном у слияния рек Тар и Кара-Кульджа. К нему тяготеет свыше 80 тепе. Вторая по течению р. Яссы у городищ Джиланды и Кошбулак. Третья — у городища Шурабашат, являвшегося, возможно, центром всего района. Орошение осуществлялось, видимо, арыками, выведенными из указанных выше рек. В частности, Ю. А. Заднепровский отмечал, что основная группа тепе Карадарьинского оазиса сосредоточена на правом берегу Карадарьи к юго-западу от магистрального канала Узген-Арык.

Невозможно остановиться в данной статье на всех выявленных группах поселений, тем более что не все из них равноценно обследованы. Отметим еще Кургантепинскую группу, где около городища Курган-Тепе (7,5 *га*) отмечено 19 тепе (среди них находится и Гайрат-Тепе); поселения в низовьях р. Куршаба в Савайской степи; Булакбашинскую и

---

[34] *Б. А. Латынин.* Некоторые итоги..., стр. 148.

[35] *А. Ф. Миддендорф.* Очерки Ферганской долины. СПб., 1882, стр. 77.

[36] *Ю. А. Заднепровский.* Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 году. Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, 1960, стр. 247—253; *его же.* Карадарьинский оазис. КСИА АН СССР, 98, 1964, стр. 20.

Мархаматскую группы по р. Араван и ряд других. Все рассмотренные поселения расположены в бассейнах горных рек, стекающих с хребтов, окружающих Ферганскую долину. При этом по самому течению рек, пробивающихся через адырные гряды, поселений меньше, все они сосредоточены на первых и вторых конусах выноса, на равнинных участках в межадырных долинах и особенно на веерах рек.

Сейчас трудно судить о том, являются ли эти веера результатом длительного существования разветвленной ирригационной системы или они возникли первоначально как свободный разлив реки по конусу выноса. Это следует, видимо, решать в каждом случае отдельно, наблюдений для более широких обобщений пока еще недостаточно.

По предложенной Б. А. Латыниным схеме развития ирригационной системы Ферганы, орошение нижней зоны долины «осуществлялось при посредстве небольших ирригационных систем, использовавших русла сбросовых протоков, прорывавшихся в паводки в сторону от основного течения реки при выходе ее на равнину, а также, видимо, и русла главных протоков, расходившихся в паводки по конусу выноса горных речек» [37]. Картографирование поселений по всей долине подтверждает точку зрения Б. А. Латынина (рис. 4).

При общей для всей Ферганы системе расположений поселений по водной сети очевидна неравномерность заселения долины в целом. Так, из указанной примерно цифры 600 учтенных поселений свыше 450 находятся в восточной половине, до линии рек Шахимардансай—Кассансай. При этом все большие городища находятся восточнее линии рек Исфайрамсай, Падшаатасай. Такая неравномерность в заселенности определяется прежде всего природными условиями, которые различны в долине. И различия эти связаны не только с вертикальной зональностью — песчаная степь, культурная зона, адыры, предгорья, горы, но и по горизонтали — восток, запад, центр. Особенно важны метеорологические и гидрографические данные. Так, количество атмосферных осадков в год в районе Коканда и западнее —80—100 *мм*, в районе Андижана и восточнее — 230—260 *мм*, в районе Ош — 360, а в Узгенском оазисе и предгорьях — до 600 *мм*. Различна и гидрографическая характеристика. Наибольшая густота речной сети — по склонам Ферганского хребта, откуда стекают большие, постоянно действующие реки. Здесь нет ни адырных гряд, ни межгорных котловин, просто постепенный переход от предгорий к покатому дну равнины. Большая часть бассейна рек покрыта густой травянистой растительностью. Наименьшая густота речной сети — на склонах Кураминского и Туркестанского хребтов, к которым прилегают западные районы долины.

Таким образом, наиболее благоприятны для жизни земледельческого населения восточные районы, прилегающие к Ферганскому, Алайскому и частично Чаткальскому хребтам. Наименее — западные. Эту же картину дало и картографирование поселений.

Типология поселений и их картографирование позволяет ставить ряд историко-культурных вопросов, из которых считаем необходимым отметить следующие.

1. На ряде поселений, расположенных в различных районах долины, перестает функционировать оборонительная система. Можно предположить, что это происходит в какой-то один отрезок времени, где-то близко к середине I тысячелетия н. э. Конкретные причины этого пока неясны, но, видимо, объяснения следует искать в каких-то исторических событиях этого времени.

2. Сосредоточение поселений в восточной половине долины позволяет именно здесь локализовать Давань китайских источников. Именно к этой

---

[37] *Б. А. Латынин.* Некоторые итоги..., стр. 167.

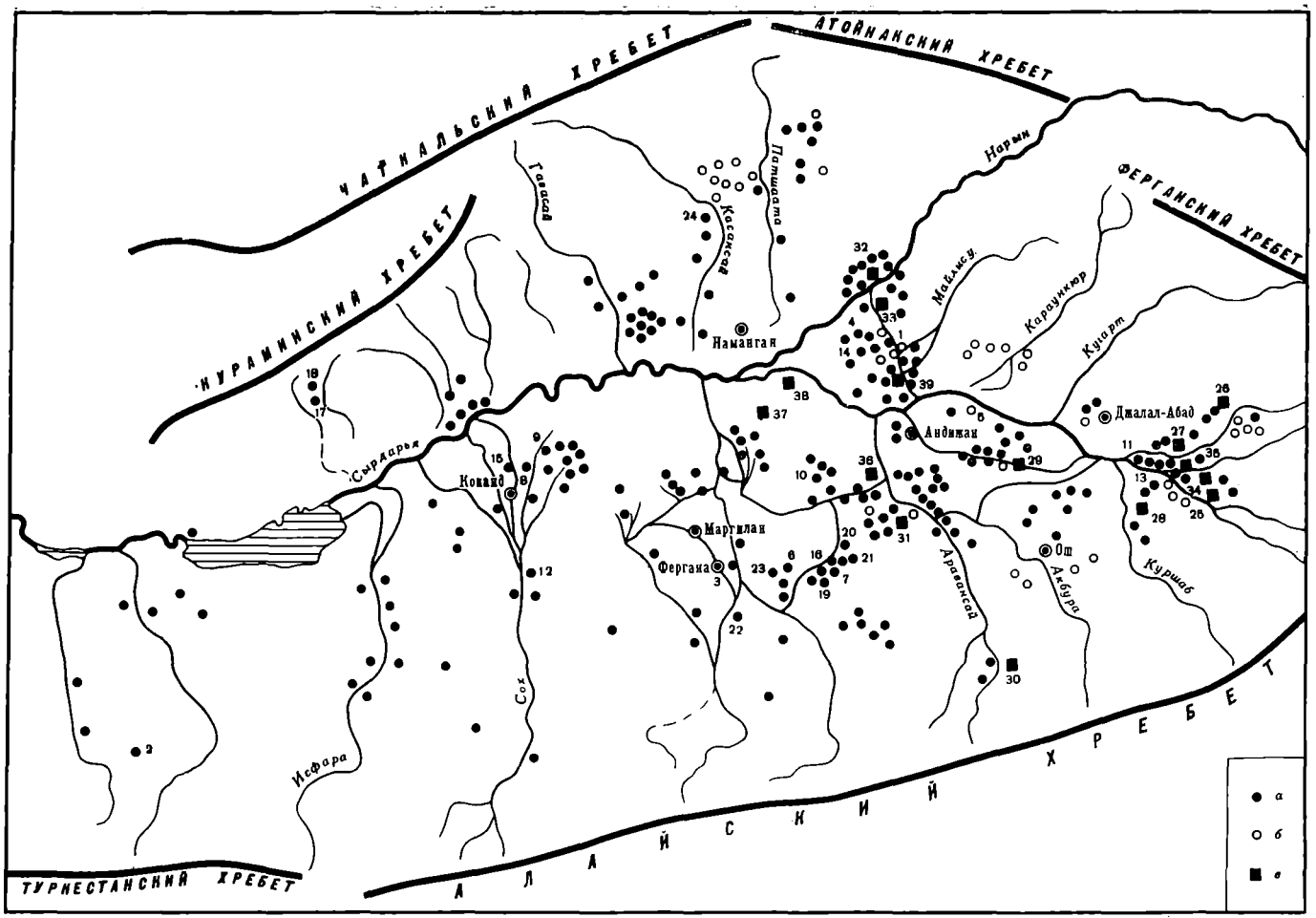



Рис. 4. Распределение поселений в первой половине I тысячелетия н. э. по Ферганской долине. *а* — поселения 1, 2, 3-й групп; *б* — группа тепе; *в* — городища (1-я группа). Номерами отмечены памятники, упоминаемые в тексте. Расположение примерное:

*1* — тепе у станции Кугай; *2* — Кара-Булак; *3* — Сым-Тепе; *4* — Арал-Тепе; *5* — Гайрат-Тепе; *6* — Ак-Тепе у Арсифа; *7* — тепе 5; *8* — Ак-Тепе у Бувайды; *9* — Тешик-Тепе; *10* — Такъян-Тепе; *11* — Шош-Тепе; *12* — Сары-Курган; *13* — Кулунчакское; *14* — Куюк-Тепе; *15* — Мунчак-Тепе; *16* — Чун-Тепе; *17* — Тудаи-Хурд; *18* — Тудаи-Калон; *19* — поселение 5[а]; *20* — Мыкты-Курган; *21* — Майда-Тепе; *22* — Муг-Пошо; *23* — Тепе Арк; *24* — Касан; *25* — Карадарьинское; *26* — Джиланды; *27* — Шурабашат; *28* — Северо-Куршабское; *29* — Курган-Тепинское; *30* — Янгибазарское; *31* — Мархамат; *32* — Учкурганское I; *33* — Кайноват; *34* — Дунбулак; *35* — Тенеш; *36* — Мазар-Тепе; *37* — Каламыш-Тепе; *38* — Сары-Тепе; *39* — Ак-Тепе

территории более всего подходит описание Давани, данное Чжан-Цянем [38].

3. Сопоставление типов поселений вместе с анализом керамики [39] позволяет говорить о некоторых территориальных различиях в культуре древней Ферганы. По-видимому, Фергана делилась на несколько крупных районов и «микрорайонов» со своими центрами. Основой таких объединений служила водная сеть и сложившаяся на ее основе ирригационная система.

Не исключено, что деление Ферганы на округа, отмеченное арабскими географами для IX—XI вв. [40], происходило на протяжении предшествующих эпох, и Фергана как во времена Давани, так и позднее не представляла собой единого целого.

*N. G. Gorbounova*

## LES AGGLOMERATIONS DE LA FERGHANA AUX PREMIERS SIECLES DE NOTRE ERE

(Quelques resultats de leur étude)

Résumé

Grâce aux investigations — qui se poursuivent depuis plus de 40 ans,— de ces agglomérations, les spécialistes ont émis différents points de vue sur leur type, leur répartition dans a vallée, leur dépendance des sources aquiferes. Ces derniers 10—15 ans, en différents points de la vallée, on a dégagé toute une série de monuments. Actuellement on a dénombré environ 600 agglomérations, allant du IIe s. av. n. è. au Ve et VIe siècles de n. è. Les résultats des fouilles et l'analyse du plan des bâtiments permettent de distinguer des maisons isolées non fortifées et des habitations du type château fort, des villages ouverts et des villages pourvus d'un bon système de défense, des citadelles, des forteresses, des bourgs et des villes. Leur disposition est en groupes, les plus petits autour des plus importants. Ces petites communes tendent visiblement à être des villes. Leur emplacement est étroitement lié au réseau aquifère de la vallée: elles sont toutes groupées selon l'éventail des torrents. La plupart de ces localités sont concentrées dans la partie orientale de la Ferghana, où se trouvent 16 importants goroditchés, ce qui est dû aux conditions naturelles plus favorables de l'Est de la vallée. Vraisemblablement, c'est ici que se trouvaient les sources de Ta-yüan. La formation des districts, notée par les géographes arabes du IXe s., avait commencé beaucoup plus tôt, mais la Ferghana n'était probablement pas unifiée dans l'Antiquité.

---

[38] *И. Бичурин.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.— Л., 1950. стр. 148сл.

[39] *Н. Г. Горбунова.* О локальных особенностях в культуре древней Ферганы. СА, 1970, 1.

[40] *В. В. Бартольд.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Собр. соч., т. I, 1963, стр. 220, 221; *его же.* Фергана. Статьи из «Энциклопедии ислама». Собр. соч., т. III, 1965, стр. 531.

А. В. КУЗА

# ПЕЧАТИ ЕВСТАФИЯ

## (о некоторых особенностях русской сфрагистики конца XI в.)

Несколько лет назад сотрудник Института археологии АН УССР В. Д. Дяденко обнаружил в одном из погребений некрополя древнерусского города Желни, интенсивно размываемого водами Кременчугского моря, две вислые свинцовые печати [1]. Обе буллы оттиснуты одной парой матриц и совершенно идентичны (рис. 1, *1*, *2*), но благодаря различной сохранности хорошо дополняют друг друга.

Оттиски сделаны на массивных свинцовых кружках диаметром 25—26 *мм*. На лицевой стороне печатей в ободке помещена греческая пятистрочная надпись, а на оборотной стороне, также в ободке,— погрудное изображение святого.

Надпись — обычная для византийской и русской сфрагистики благопожелательная формула, легко поддается чтению и в переводе гласит: «Господи, помози рабу своему Евстафию» (рис. 2, *1*). Не представляет загадки и имя святого: за плечами у него видны крылья, усов и бороды нет, волосы курчавые; в правой руке он держит жезл, а в левой — сферу. Слева от жезла на втором экземпляре печати видна буква «М», ниже, возле плеча,— «I», а справа, над крылом,— буква «Х», и ниже, между крылом и плечом,— «А» (рис. 2,*2*). Следовательно изображен архангел Михаил.

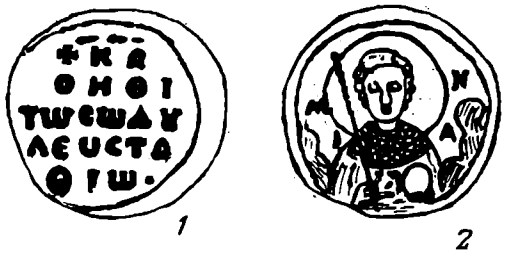


Рис. 2. Прорись печати Евстафия

Прежде чем пытаться установить принадлежность данной буллы, необходимо решить: входит ли она вообще в круг памятников древнерусской сфрагистики? Бесспорных аргументов для ответа на этот вопрос нет. Однако место и обстоятельства находки и некоторые наблюдения, изложенные ниже, делают такое предположение достаточно вероятным.

По своему облику вновь найденная печать Евстафия примыкает к уже хорошо известной группе древнерусских булл с краткими греческими строчными подписями, не содержащими титула и сообщающими лишь христианские имена владельцев. Такие печати (13 экз.) датируются В. Л. Яниным серединой XI — самым началом XII в. и обоснованно интерпретируются как княжеские [2]. Рассматриваемая булла не обнаруживает полного сходства с этими печатями. Имя ее владельца не соответствует изображению святого на обороте. Случай редкий, но не

---

[1] Автор пользуется случаем поблагодарить В. Д. Дяденко, любезно предоставившего материал для публикации и сообщившего данные об условиях находки.

[2] *В. Л. Янин.* Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. I. Печати X — начала XIII в. М., 1970, стр. 29—33.

исключительный. Единственным объяснением ему будет факт подчиненности, определенной зависимости Евстафия от Михаила. Владелец печати обладал правом прикладывать к документам собственную печать, но подчеркивал, что действует от лица и по поручению второго.

Если учесть, что в XI — начале XII в. институтом печати пользовались представители самой высшей светской (князья) и церковной (митрополиты) власти[3], поиски загадочного Евстафия среди ограниченного числа лиц могут увенчаться успехом.

Аналогичным образом оформлялись буллы киевских митрополитов Феопемпта (упомянут в летописях под 1037 и 1039 гг.) и Ефрема (занимал кафедру в 1054—1068 гг.). На своих печатях они помещали не изображения собственных небесных покровителей и не общецерковные символы, а личные эмблемы современных константинопольских патриархов Алексея Студита и Михаила Кирулария — святых Иоанна Предтечу и архангела Михаила[4]. Этим подчеркивалась официальная зависимость русской митрополии и ее главы от греческой церкви. Хотя на упомянутых буллах точно обозначена должность владельцев — митрополит России, с оговоркой и для печати Евстафия можно бы предположить то же. Однако ни в списках русских митрополитов, ни в других источниках иерарха с таким именем нет.

Остается обратиться к сфрагистике княжеской, признав в Михаиле феодального сюзерена Евстафия. Наиболее достоверным из всех сочетаний здесь будет отношение отец — сын. Конечно, в роли сюзерена мог выступать и дядя, и брат или другой родственник, скажем, занимавший киевский стол. Но в отличие от печатей митрополитов ни одна из сотен известных русских княжеских булл не фиксирует других вариантов, кроме преемственности отец — сын[5]. На бесспорно княжеских печатях XI в. имени в надписи на лицевой стороне всегда соответствует изображение святого на оборотной. Зато на абсолютном большинстве таких же булл XII в. помещались изображения двух святых, тезоименных владельцу и его отцу. Причем эта обширная категория княжеских печатей возникает вдруг, без видимой смысловой преемственности от более ранних сфрагистических типов, и продолжает существовать еще в XIII в.[6]

Кажется заманчивым в один ряд с ними, в его начало, поставить исследуемую печать Евстафия. Тогда буллы с изображением двух святых получат исходный образец, где имя владельца сообщает надпись, а отчество — святой патрон его отца. В дальнейшем изображение соответствующего святого занимает место надписи, и печать из «греко-русской» превращается в чисто русскую. Но это предположение может быть обосновано только в том случае, если публикуемую буллу удастся надежно приурочить одному из князей XI в.

На первый взгляд, задача решается просто. У многочисленных отпрысков «Владимирова племени», правивших Русью, крестильное имя Евстафий в источниках встречено лишь однажды. Так звали умершего в 1033 г. сына Мстислава Тмутараканского — Черниговского[7]. Место на-

---

[3] Достоверные печати русских епископов известны с середины XII в. Но даже признав справедливой спорную атрибуцию некоторых булл с надписью «ДЬНЪСЛОВО» В. Л. Яниным как епископских (*В. Л. Янин.* Ук. соч., стр. 82, 83), видим, что они появляются не ранее рубежа XI—XII вв., т. е. выходят за наиболее вероятные хронологические рамки печати Евстафия.

[4] *В. Л. Янин.* Ук. соч., стр. 44—47.

[5] Высказанное в свое время автором настоящей статьи мнение, что об этом свидетельствуют буллы, несущие на одной стороне княжескую тамгу, а на другой — изображение святого (см. *А. В. Куза.* Родовой знак Всеволода III Большое Гнездо. Сб. «Культура древней Руси». Посвящается 40-летию научной деятельности Н. Н. Воронина. М., 1966), убедительно опровергнуто В. Л. Яниным (*В. Л. Янин.* Ук. соч., стр. 142, 143).

[6] *В. Л. Янин.* Ук. соч., стр. 87—131.

[7] ПВЛ, ч. 1, стр. 101.

шей находки — левобережье Днепра — не противоречит этой атрибуции. Однако вновь найденная печать лишена архаичных признаков, позволяющих датировать ее первой третью XI в. И главное — отца и сюзерена Евстафия в крещении звали Константин, а не Михаил [8].

Попробуем иначе преодолеть возникшие трудности: будем искать сначала не Евстафия, а Михаила. Во второй половине XI в. несколько князей носили это распространенное имя. Так звали печально знаменитого Олега Святославича [9], княжившего во Владимире-Волынском, Тмутаракани, Чернигове и Новгороде-Северском. Хорошо известны как собственные печати Олега, так и его жены, византийской аристократки Феофано Музалон [10]. Но среди сыновей Олега не было Евстафиев, а время их самостоятельной деятельности приходится уже на середину XII в., когда печати оформлялись иначе.

Другим, еще более заметным князем этого периода по имени Михаил был Святополк Изяславич [11]. Он княжил в Полоцке, Новгороде, Турове, а с 1093 г. и до своей смерти в 1113 г.— в Киеве. Крестильные имена его сыновей до нас не дошли. Тем не менее нет оснований приписывать печать Евстафия одному из них. Дети Святополка выходят на арену политической жизни Руси лишь во время киевского княжения их отца и пользуются буллой совсем другого, особого типа [12].

Наконец, в последней четверти XI в. жил и действовал третий князь Михаил, иногда забываемый исследователями. Речь идет о Ростиславе Всеволодовиче, младшем брате Владимира Мономаха [13]. Восьмилетним ребенком он, по-видимому, получил от отца Переяславль-Русский и княжил там до своей трагической гибели в 1093 г.[14] Печать Евстафия, дополненная изображением архангела Михаила на оборотной стороне, найдена в пределах Переяславского княжества. Можно было бы адресовать ее сыну Ростислава, однако последний не имел детей.

Итак, среди митрополитов и князей владельца нашей буллы отыскать не удалось. Однако особенности ее оформления: взаимоисключающее сочетание имени в легенде с патрональным изображением святого предполагают и иной вариант интерпретации.

Если допустить, что Евстафий не был лицом княжеской фамилии, все встанет на свои места. Право собственной печати вводит его в круг представителей самой высшей государственной власти. А смутившее нас первоначально изображение архангела Михаила говорит о том, что одноименный князь являлся феодальным сюзереном Евстафия. Другими сло-

---

[8] *Р. В. Зотов.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892, стр. 24.

[9] Там же.

[10] *В. Л. Янин.* Ук. соч., стр. 24—29.

[11] ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2. Л., 1927, стб. 290.

[12] *В. Л. Янин.* Ук. соч., стр. 75—85.

[13] ПВЛ, ч. I, стр. 116; *С. П. Розанов.* Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна. Изв. АН СССР, серия VII (отделение гуманитарных наук), № 8, 1929, стр. 618. Крестильное имя Ростислава — Михаил — выясняется из сообщения летописи о закладке Всеволодом в год рождения сына (1070) церкви св. Михаила в Киеве.

[14] Летописи молчат о судьбах переяславского стола с 1078 по 1093 г., когда князем назван Ростислав (ПВЛ, ч. I, стр. 143). Но можно полагать, что он получил Переяславль еще в 1078 г. одновременно с утверждением Всеволода в Киеве, а Владимира Мономаха в Чернигове (ПВЛ, ч. I, стр. 135). Лишь некоторые данные из «Поучения» Мономаха противоречат этому. Между рассказами о борьбе с Ростиславичами в 1084 г. и о смерти Ярополка в 1086 г. там помещен целый раздел, начинающийся словами: «И на весну посадил мя отець в Переяславли перед братьею» и заканчивающийся сообщением о пленении половецких князей Асиня и Сакзя (ПВЛ, ч. I стр. 160). Другие источники ничего не знают о княжении Владимира в Переяславле в интересующее нас время. В них он фигурирует как князь черниговский. Как бы ни понимать цитированные строки, они находятся в тексте «Поучения» не на своем месте: половецкий хан Осень (Асинь) умер в 1082 г. (ПВЛ, ч. I, стр. 135). Думается, что и первое княжение Владимира в Переяславле и битвы с половцами в Посулье и на Остре датируются 1076—1078 гг.

вами: Евстафий был полномочным советником или, точнее, регентом при князе Михаиле [15].

Высказанное предположение — не только результат одних умозрительных построений. Влиятельный боярин — советник, своеобразный мажордом, фактически направляющий деятельность того или иного князя,— фигура хорошо известная в наших источниках. Не удивительно, что и в материалах древнерусской сфрагистики такое разделение функций высшей государственной власти оставило свой след. Известна целая группа вислых свинцовых печатей (14 экз.), преимущественно новгородского происхождения, оттиснутых двумя парами почти тождественных матриц и принадлежавших протопроедру Евстафию [16].

Оставим пока в стороне неожиданное совпадение редкого имени на публикуемых печатях и буллах протопроедра и внимательно приглядимся к последним. В. Л. Янин, посвятивший этим печатям специальные разделы в своих работах, датировал их концом XI в. и доказал, что Евстафий был протопроедром, т. е. советником, князя Мстислава — Феодора Владимировича, дважды занимавшего новгородский стол в 1088—1094 гг. и с 1096 по 1117 г.[17] Исследователь при этом опирался на ряд бесспорных фактов. Во-первых, оригинальные печати протопроедра, безусловно, связаны с новгородской администрацией, так как из 14 булл 13 найдены в самом Новгороде (12) и Старой Ладоге (1). Во-вторых, особеннности оформления (греческая строчная надпись, размеры и т. д.) не позволяют сдвигать их позднюю дату за рубеж XI—XII столетий. В-третьих, изображение святого воина Феодора, украшающее оборотную сторону изучаемых печатей, прямо свидетельствует о том, что Евстафий принадлежал к ближайшему окружению лица по имени Феодор. Поскольку епископов Евстафиев в Новгороде не было, а советник епископа в силу относительной малозначимости своего поста не мог обладать правом собственной буллы, Феодора надо искать среди новгородских князей второй половины XI — начала XII в. Из всех возможных претендентов лишь Мстислава, сына Мономаха и внука Всеволода Ярославича, звали в крещении Феодор [18].

Можно добавить, что 14-я булла протопроедра Евстафия, обнаруженная в с. Белгородка Киевской области (древнерусский город Белгород), еще раз подтверждает справедливость и точность изложенных аргументов. Ведь именно в Белгород по зову отца ушел на княжение из Новгорода в 1117 г. Мстислав Владимирович [19].

В какие же годы из более чем двадцатипятилетнего новгородского правления Мстислава развернулась деятельность его советника Евстафия, широко пользовавшегося собственной печатью? В. Л. Янин последовательно решает и эту задачу. Существуют буллы самого Мстислава периода киевских княжений Святополка Изяславича и Владимира Мономаха (1093—1125 гг.), отмеченные всеми особенностями русской сфрагистики этого времени [20]. В сравнении с ними печати протопроедра выглядят архаичными, близкими по типу памятникам эпохи Всеволода Ярославича (1078—1093 гг.). Поэтому исследователь с полным основанием

---

[15] Прежде чем окончательно исключить публикуемые печати из круга памятников княжеской сфрагистики, рассмотрим еще одну, пускай парадоксальную, возможность их принадлежности к этой распространенной категории древнерусских булл. Допустим, что Евстафием звали отца Михаила. Но у отцов достоверных князей Михаилов XI в. (Святополка, Олега и Ростислава) были совсем другие христианские имена: Димитрий, Николай и Андрей.

[16] *В. Л. Янин.* Ук. соч., стр. 64—67.

[17] *В. Л. Янин.* Новгородские посадники. М., 1962, стр. 60—62.

[18] «Мстиславово евангелие начала XII века в археологическом и палеографическом отношениях». СПб., 1904; «Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII в.». СПб., 1864, стр. 162.

[19] ПВЛ, ч. I, стр. 201.

[20] *В. Л. Янин.* Актовые печати..., стр. 70, 71, 82.

связывает их с первым княжением Мстислава в Новгороде (1088—1094 гг.), когда юному князю исполнилось только 12 лет, и самостоятельно участвовать в решении государственных дел он не мог. Естественно, что рядом с ним оказался некий Евстафий, носивший греческий титул протопроедра (советника), а фактически возглавлявший новгородское управление.

Теперь, возвращаясь к печатям из некрополя древнерусского города Желни, получаем право и в данном случае предполагать аналогичную ситуацию. Остается установить: кому из трех возможных князей Михаилов служил упомянутый на этих буллах Евстафий? Первый — Святополк Михаил Изяславич — никогда не был князем на левобережье Днепра, а во время его киевского правления печати подвластных ему земель оформлялись совершенно иначе. Второй — Олег Михаил Святославич, сменивший в течение бурной жизни несколько столов, как и его жена, византийская аристократка Феофано Музалон, пользовался буллой с развернутой титулатурой. Но даже пренебрегая этим наблюдением, трудно поверить в возможность какой-либо деятельности на территории Переяславского княжества — родового гнезда Мономаха и его отца Всеволода — их многолетнего врага Олега или его представителей.

Все сказанное выше заставляет обратить самое пристальное внимание на третьего Михаила — Ростислава Всеволодовича, князя Переяславского (1078—1093 гг.). Печатей самого Ростислава до сих пор не найдено. Судьба юного князя была трагической: он утонул в 1093 г. в речке Стугне на глазах своего старшего брата Владимира Мономаха после неудачной бытвы русских с половцами. Этому событию посвятил спустя почти 100 лет вдохновенные строки автор «Слова о полку Игореве».

Несколько фактов свидетельствуют в пользу предположения, что именно Ростислав-Михаил и был тем князем, от имени которого неизвестный Евстафий прикладывал печати, обнаруженные в Желни. Во-первых, место находки — Переяславское княжество. Во-вторых, как уже говорилось в начале работы, по своему облику новые буллы полностью соответствуют памятникам сфрагистики времени Всеволода Ярославича, а значит они синхронны и пятнадцатилетнему княжению Ростислава.

Итак, имя князя-сюзерена, место находки и предположительная хронология такого типа вислых печатей не противоречат предложенной атрибуции. Но есть еще косвенные данные, укрепляющие этот вывод. Как и его племянник Мстислав, Ростислав получил стол в Переяславле совсем ребенком — мальчиком восьми лет. Значит, он также не мог самостоятельно вершить государственные дела, и мы вправе ожидать, что рядом с княжичем находился опытный советник, доверенное лицо его отца — киевского князя Всеволода.

Думается, теперь есть основания полагать, что Евстафий князя Михаила и протопроедр Евстафий князя Феодора — один и тот же человек, ближний боярин Всеволода Ярославича, сначала дядька (кормилец) его младшего сына, а затем и его старшего внука. Одинаковые обстоятельства первых лет княжений Ростислава и Мстислава (их малолетство), совпадение редкого имени (Евстафий) и хронологический расчет служат здесь доказательством. Ведь в 1088 г., когда Мстислав прибыл в Новгород, Ростиславу Всеволодовичу исполнилось 18 лет, и он уже не нуждался в постоянной опеке [21].

Проверим изложенную гипотезу еще раз. Определенные колебания в отождествлении двух Евстафиев вызывает содержание надписей, помещенных на печатях из Желни и буллах протопроедра. В первом случае

---

[21] Действительно, под 1086 г. летопись впервые упоминает Ростислава после записи о рождении как участника похорон Ярополка Изяславича (ПВЛ, ч. I, стр. 165). К этому же времени относится и рассказ из «Поучения» Мономаха о его совместных с Ростиславом походах на половцев (ПВЛ, ч. I, стр. 160).

легенда полностью идентична кратким благопожелательным формулам княжеских печатей, никак не титулующих своих владельцев. Во втором она звучит иначе: «Воззри на меня, протопроедра Евстафия». Чем вызваны эти изменения? Откуда у Евстафия появился редкий титул, встречающийся на Руси лишь на митрополичьих буллах?

Рассеять возникшие сомнения помогают наблюдения над особенностями русской сфрагистики конца XI в. Именно в это время формируются новые сфрагистические типы. До сих пор владельцами печатей были князья и высшие церковные иерархи. В княжение Всеволода Ярославича круг лиц, пользовавшихся правом собственной буллы, расширился. Исследователи давно обратили внимание на компактную группу свинцовых печатей древнейшей поры с погрудным изображением св. Климента — папы римского на одной стороне и лаконичной русской надписью: «От Ратибора» — на другой. Они принадлежали тмутараканскому посаднику, а затем киевскому тысяцкому Ратибору, многолетнему сподвижнику Всеволода и его сына Мономаха [22]. Подчеркивая заметное отличие печати Ратибора от современных ей булл, В. Л. Янин заключает, что «именно в своеобразии ее типа впервые проявляются тенденции выразить типическими особенностями композиции своеобразие самого политического института, обладавшего этой печатью,— института наместничества» [23]. С данной точки зрения буллы протопроедра Евстафия — следующий шаг в том же направлении. Печати из Желни, наоборот, оказываются первыми в намечающемся ряду.

Действительно, резчик матриц во всем подражал княжеским буллам. Лишь несоответствие имени в надписи изображению святого патрона «выдает» особый характер этих уникумов. В сравнении с ними печати протопроедра и формулой легенды, и особым титулом владельца ясно свидетельствуют о специфическом положении последнего. Однако между предполагаемым первым (1078 г.) и вторым (1088 г.) появлением Евстафия в роли дядьки при малолетних княжичах минуло 10 лет. Вошли в обращение столь необычные печати Ратибора. По-видимому, в 1088 г., поручая вниманию Евстафия юного внука и всю ответственность за управление Новгородом, Всеволод Ярославич руководствовался не только сложившейся традицией, но и соответствующим государственным актом. Новое назначение сопровождалось присвоением Евстафию титула протопроедра — советника, по смыслу точно отвечающего задачам кормильца-дядьки. Словом, эволюция печатей Евстафия наряду с буллами Ратибора отражает дальнейшее усложнение государственного аппарата, развитие института наместничества в течение первых 10 лет киевского княжения Всеволода.

Следует отметить, что В. Л. Янин иначе интерпретировал и буллы протопроедра и личность самого Евстафия. По мнению исследователя, эти печати принадлежат новгородскому посаднику Завиду, осуществлявшему в 1088—1094 гг. контроль за деятельностью Мстислава и по существу возглавлявшему систему управления Новгородом [24].

На чем основано столь важное заключение? Во-первых, на бесспорной хронологии загадочных булл (конец XI в.) и их несомненной связи с Мстиславом-Федором. Во-вторых, В. Л. Янин, привлекая косвенные данные, предположил, что именно в эпоху Мстислава в Новгороде формируется посадничество нового типа: складывается система двоевластия, когда князь и посадник действуют вместе, разделив верховные государ-

---

[22] *Н. П. Лихачев.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2. Труды Музея палеографии, т. 2. Л., 1930, стр. 19, 20; *В. Л. Янин.* О печатях Ратибора. СА, 1960, 2, стр. 270—275.

[23] *В. Л. Янин.* Актовые печати..., стр. 64.

[24] *В. Л. Янин.* Новгородские посадники..., стр. 60—62; *его же.* Актовые печати..., стр. 64—67.

ственные функции. А раз печати протопроедра не являются ни княжескими, ни епископскими, они принадлежат только посадничеству.

Два обстоятельства как будто обуславливают этот вывод. В списках новгородских посадников начала XV в. между посадниками Остромиром (1054—1060 гг.) и Добрыней (1117 г.), хорошо известных в источниках, внесены восемь имен (Завид, Петрята, Костянтин, Миронег, Сава, Улеб, Гюрята, Микула), вовсе не упомянутых летописью. Правда, в течение 57 лет, разделяющих Остромира и Добрыню, князья последовательно сменяли друг друга в Новгороде, не оставляя времени для самостоятельного посадничества указанных лиц. А ведь все посадники древнейшей поры правили только в отсутствие князей. Но уже Добрыня, видимо, осуществляет свою деятельность рядом с князем. Логично распространить это наблюдение и на его предшественников. Первое княжение Мстислава выглядит наиболее благоприятным моментом для новой организации власти: князь юн и самостоятельно руководить государством не в силах. Источники как будто намекают на наличие договора 1088 г. между Всеволодом Ярославичем и Новгородом, закреплявшим, с одной стороны, княжество за потомством Всеволода, а с другой— гарантировавшим участие новгородского боярства в управлении.

Словом, гипотезу В. Л. Янина нельзя признать малообоснованной. Однако в цепи аргументов исследователя обнаруживаются слабые звенья. Скудость сведений о политической жизни Новгорода второй половины XI в. не дает права решительно предпочесть тот или иной вариант локализации во времени посадничества загадочной восьмерки. Условия предполагаемого договора 1088 г. не менее спорны. Конфликт 1102 г. между новгородцами и Святополком Изяславичем Киевским, использованный В. Л. Яниным для их реконструкции, не дает к тому достаточных данных.

Возражая против намерения великого князя заменить на новгородском столе Мстислава своим сыном, новгородские послы заявили: «Не хочем Святополка, ни сына его. Аще ли две главы имеет сын твои, то пошли и; а сего ны дал Всеволод, а въскормили есмы собе князь; а ты еси шел от нас» [25]. Речи о сохранении особой формы участия новгородцев в управлении княжеством здесь нет. Борьба идет вокруг личности Мстислава и связанного с ним права Новгорода иметь своего князя и свою княжескую династию, судьбы которых не решались бы в Киеве. Поэтому новгородцы в первую очередь отказываются от самого киевского князя («не хочем Святополка»), не признают его вольным распоряжаться Новгородом как своим доменом. Недвусмысленно пригрозив расправиться с великокняжеским сыном, если их требования будут отвергнуты, они приводят аргументы в защиту своего избранника.

Напоминанием, что в Новгород Мстислав был прислан дедом — Всеволодом Ярославичем, подчеркнута законность получения им стола. Попутно оправдываются действия самих новгородцев, вновь признавших сына Мономаха в 1096 г. Незаконность попыток Святополка вторично изгнать Мстислава, с новгородской точки зрения, вполне очевидна. Отдавая Новгород сыну, великий князь стремился восстановить свои отчинные права. Но они перешли к потомству Всеволода. Новгородцы уже «вскормили» его внука. Не только взрастили, а наделили всеми доходами, волостями и пр.[26]

---

[25] ПВЛ, ч. I, стр. 182.

[26] Думается, что выражение «вскормили» в данном контексте употреблено в обычном значении — дохода с административной службы и с земли (об этом см. подробнее *В. Т. Пашуто.* Черты политического строя древней Руси. Сб. «Древнерусское государство и его международное значение». М., 1965, стр. 51—53). Говоря современным языком, новгородцы «вложили» в своего князя много средств и отнюдь не собирались начинать все сначала, а напротив, ждали обратной отдачи.

Святополк же сам лишил себя и детей новгородского стола, так как ушел из города в 1088 г. («а ты еси шел от нас»). В последнем заявлении явно сквозит намек, что новгородцы в 1088 г. были готовы поддержать Святополка, но незадачливый князь вольно или невольно отправился княжить в отчину своего отца — Туров.

Отстаивая кандидатуру Мстислава, новгородские послы исходили из принципа отчинности, провозглашенного Любечским съездом в 1097 г. Они добивались для своего княжества той степени самостоятельности, какой, например, располагали Чернигов, Переяславль, Полоцк, путем утверждения в Новгороде династии Мстислава. Касалась ли эта борьба специфических форм участия местного боярства в управлении государством — сказать трудно. Вопрос возникновения в Новгороде посадничества нового типа остается открытым.

В связи с изложенным выше нет оснований и печати протопроедра Евстафия приписывать посаднику Завиду [27]. По всей видимости, они принадлежали боярину Евстафию, кормильцу Ростислава Всеволодовича и Мстислава Владимировича, искать его надо среди ближайшего окружения Всеволода Ярославича.

Решая предложенным образом поставленный вопрос, нельзя обойти молчанием официальную должность Евстафия. Кормилец, дядька — не титул, а многообразная по своим функциям роль воспитателя, наставника и советчика. Полагаю, что в бытность свою в Переяславле Евстафий занимал пост тысяцкого. Ведь оформление печатей Ратибора существенным образом не менялось, хотя он пользовался собственной буллой и в период посадничества в Тмутаракани, и исполняя должность тысяцкого в Переяславле и в Киеве. В Новгороде республиканские тысяцкие появляются лишь в конце XII в. Сведений о существовании там в более раннее время княжеских тысяцких в источниках нет. По-видимому, это одна из особенностей политического устройства Новгорода. Поэтому с переходом туда Евстафия ему и был присвоен редкий греческий титул протопроедра, достаточно точно отражавший возложенные на него полномочия.

Еще одним итогом наших наблюдений оказывается возможность по-новому решить загадку существования в конце XI в. на Руси необычной группы сфрагистических памятников. Хотя персональная атрибуция печатей Ратибора не таила особых трудностей, сам факт их появления не нашел сколько-нибудь убедительного объяснения. Характерной чертой русской сфрагистики древнейшего времени является принадлежность института личной буллы лишь князьям и высшим архиереям церкви. На этом фоне уникальные печати тмутараканского посадника выглядят удивительным феноменом [28].

Однако рассматривая вместе буллы Евстафия и Ратибора, нельзя пройти мимо общих для тех и других обстоятельств. Дело не в формальном тождестве самих печатей: они различны. Сходство не здесь. И Ратибор, и Евстафий — доверенные лица Всеволода Ярославича. Старый князь, переживший всех братьев, имел только двух сыновей. Причем когда Всеволод в 1078 г. окончательно утвердился в Киеве, младший, Ростислав, был совсем ребенком. Последнему из оставшихся в живых Ярославичу пришлось решать трудную задачу: как удержать в руках своей семьи ключевые позиции на Руси? Отдать важнейшие в политическом и стратегическом отношении столы племянникам он, естественно, не хотел. Поэтому киевский князь воспользовался услугами своих верных соратников: Ратибора и Евстафия, поручив одному Тмутараканское княжество,

---

[27] Неудивительно, что буллы протопроедра никак не повлияли на особенности оформления достоверно посадничьих печатей Новгорода первой трети XII в. (*В. Л. Янин.* Актовые печати..., стр. 71—75).

[28] *В. Л. Янин.* Актовые печати..., стр. 63.

*Вклейка к статье А. В. Кузы*

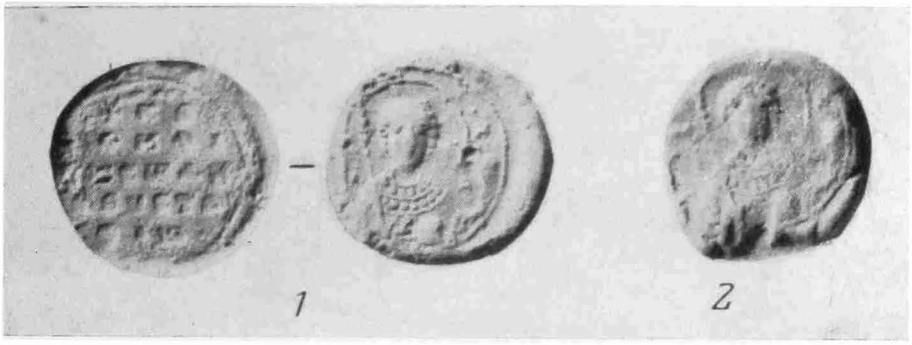



Рис. 1. Фотография слепков с печатей Евстафия из Желиш

*Вклейка к статье М. Мамбетуллаева, к стр. 278*

Рис. 1. Фрагмент рельефа с изображением фигуры всадника в пластинчатом доспехе

*Вклейка к статье Л. Л. Галкина, к стр. 189*

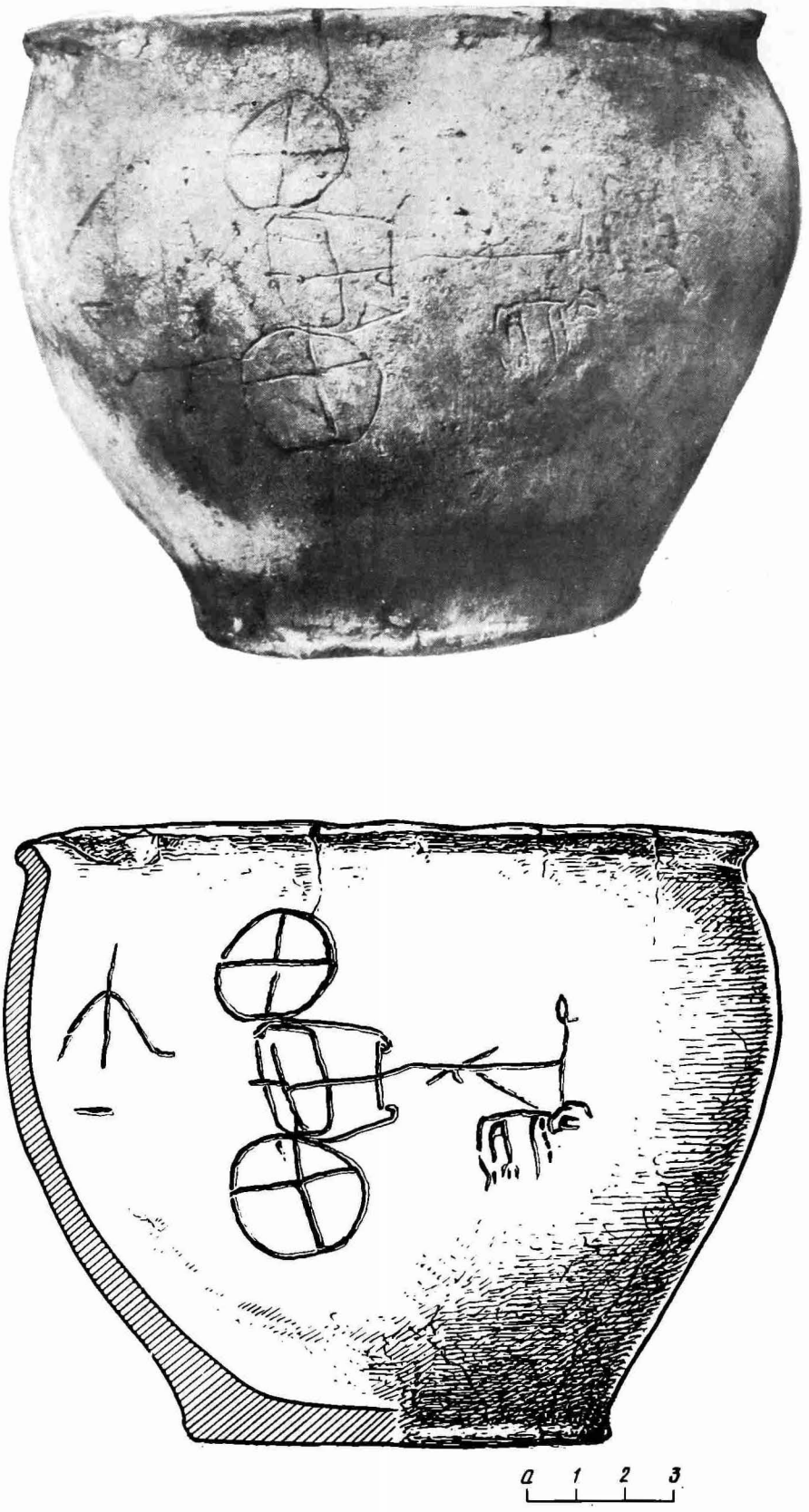



Рис. 1. Фотография и прорисовка сосуда с рисунком

а другого превратив в полномочного наперсника сначала малолетнего Ростислава, а затем и Мстислава. Вот где, по мнению автора, кроется причина неожиданного появления загадочных печатей. Преданность Ратибора и Евстафия семье Всеволода обеспечивалась их исключительными даже для ближних бояр привилегиями.

*A. V. Kouza*

## LES SCEAUX D'EUSTACHE

(Quelques particularites de la sigillographie russe de la fin du XIe s.)


### Résumé

Dans cette étude on publie deux nouveaux sceaux en plomb, découverts dans le cimetière de l'ancienne ville russe de Jelni, située sur la rivière Soula. Ces sceaux appartiennent au type bien connu des bulles dites gréco-russes. Sur l'avers se trouve une inscription grecque de cinq lignes: «Seigneur, aide ton esclave Eustache»; et le revers est orné d'un archange Michel en buste.

La différence qui existe entre le nom de l'inscription et celui de l'archange permet de supposer qu'un certain Eustache apposait ses sceaux sur des documents au nom du prince Michel. Un grand nombre d'arguments nous font voir dans ce prince Michel le prince de Péréiaslavl, Rostislav Vsévolodovitch, et dans Eustache, un fidèle boïar de son père, le prince de Kiev Vsévolod Iaroslavitch.

Par suite de cette trouvaille, on peut interpréter d'une façon nouvelle les sceaux bien connus en science du protoproèdre Eustache de Novgorod, le conseiller du prince Mstislav, Fédor Vladimirovitch. En identifiant ces deux Eustache l'un avec l'autre, nous arrivons à la conclusion que ce boïar fut d'abord régent à Péréiaslavl pendant la minorité du fils de Vsévolod, et ensuite à Novgorod, pendant celle de son petit-fils.

М. В. ФЕХНЕР

# ИЗДЕЛИЯ ШЕЛКОТКАЦКИХ МАСТЕРСКИХ ВИЗАНТИИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Шелковые ткани, узорчатые и гладкие, а также шелковые золототканые ленты относятся к числу находок, сравнительно часто встречаемых в курганных погребениях, княжеских гробницах, культурных слоях древних поселений, в составе кладов. В настоящее время по далеко не полным данным на территории древней Руси известно более 200 археологических памятников, при раскопках которых обнаружены остатки шелкового текстиля. Такое количество памятников с находками шелка, учитывая плохую сохраняемость этого материала в земле, может служить серьезным аргументом, доказывающим широкое распространение изделий из шелка среди населения средневековой Руси. Сохранившиеся образцы, несомненно, составляют лишь небольшую часть того множества шелковых тканей, которые обращались на русском рынке. Однако, несмотря на массовый характер этого материала, он не привлек пристального внимания исследователей и остался до сих пор мало изученным.

В эпоху раннего средневековья крупнейшими центрами шелководства и шелкоткачества, как известно, являлись страны Ближнего и Среднего Востока и Средиземноморья, где в силу климатических условий возможным было разведение тутового шелкопряда. Продукция этих стран в виде различных сортов шелковых тканей, предметов шелковой одежды, шелковой и золотной пряжи для шитья узоров на тканях и коже находила большой сбыт за их пределами, в европейских и азиатских государствах. Представляя большую ценность, шелковый текстиль являлся одним из важнейших объектов международной торговли. Во внешнеэкономических связях Руси он также играл значительную роль; этот факт, неоднократно отмеченный в исторической литературе, является общепризнанным.

Согласно письменным источникам, в обращении были шелковые материи различных сортов — «паволоки», «оксамиты», «фофудьи», «оловиры Грецкие» [1]. За исключением оловира — шелка пурпурного цвета, смысл этих терминов, к сожалению, летописными сведениями не раскрыт, и до сих пор не ясно реальное значение этих наименований. Так, например, В. Клейн, крупнейший специалист в области древнего текстиля, полагал, что «паволока», упоминаемая на страницах летописей с начала X в., является общим термином для всех видов иноземных шелковых тканей. По мнению же В. Ф. Ржиги, название «паволока» относится лишь к одной категории материй — полихромным с мелким узором, которая была якобы наиболее распространена в домонгольской Руси [2]. Объ-

[1] ПСРЛ, т. I. СПб., 1846, стр. 16; ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 92, 187.

[2] *В. Клейн.* Путеводитель по выставке тканей VII—XIV вв. в собрании ГИМ. М., 1926, стр. 11; *В. Ф. Ржига.* О тканях домонгольской Руси. «Byzantinoslavica». Прага, 1932, IV, 2, стр. 406, 407.

яснение термина «аксамит», одного из самых дорогих и изысканных шелков XII в., тоже встречает затруднение как в отношении самого наименования, так и его смыслового значения. В словарях древнерусского языка термин «аксамит» расшифровывается как ворсистая, подобно бархату, плотная шелковая ткань, затканная золотом и серебром [3]. Исходя из такого толкования, а также по аналогии с аксамитами XV—XVII вв., эту материю обычно относят к парчовым тканям, имевшим в переплетении золотные нити. Однако В. Клейн полагал, что аксамиты XII в. являлись, видимо, беззолотными и что их нельзя отождествлять с аксамитами «со златом» более позднего времени, производство которых началось (в Италии) только в XV в. [4].

По данным письменных источников, скудным и отрывочным для рассматриваемого времени, конечно, не может быть разрешен вопрос, из каких сортов шелка складывался русский импорт. Только изучение вещественных памятников, накопившихся в результате археологических работ, может дать конкретное представление о бытовавших в X—XIII вв. иноземных материях. Значительный интерес в этом отношении представляет коллекция археологических тканей Государственного Исторического музея, которая содержит 153 фрагмента разнообразных шелковых изделий из 45 различных пунктов. В составе коллекции находятся ткани из гробницы Андрея Боголюбского во Владимире, из разрушенной гробницы церкви Иоанна Богослова в Смоленске, куски шелка 12 сортов из клада, обнаруженного в 1903 г. при земляных работах в Киеве (в усадьбе Михайловского монастыря), и небольшие обрывки шелка из клада Старой Рязани. Подавляющее же большинство находок, что следует особенно подчеркнуть, происходит из курганных захоронений сельского и рядового городского населения. Этот примечательный факт опровергает укоренившийся в исторической литературе взгляд, что в эпоху раннего средневековья шелк относится к товарам редкого потребления, распространенным исключительно среди социальной верхушки древней Руси. Необходимо, правда, отметить, что, судя по нашему материалу, среди крестьян сшитая целиком из шелка одежда не была распространена. Этот дорогой материал широко использовался сельским населением, видимо, только в качестве отделки праздничного костюма из шерстяной или льняной материи. Например, узкими полосами шелка украшался женский головной убор, обшивался ворот платья и обшлага рукавов. Нередко цветные полоски шелка покрывались золотной вышивкой.

Несмотря на то что коллекция Исторического музея количественно невелика, она включает образцы шелка, найденные на обширной территории, и может поэтому характеризовать ассортимент тканей, распространенных на Руси в домонгольское время. Большинство сортов шелка нашего собрания представляет одноцветную безузорную ткань. Так, из 80 образцов только на 18 полихромных материях прослежен вытканный узор, остальные 62 экз. являются однотонными тканями без рисунка различных переплетений, плотности и цветов. Если по орнаменту трудно бывает выяснить происхождение отдельных видов шелкового текстиля, так как рисунки византийских и восточных материй близки между собой, то различия в строении тканей, а также характер и качество используемой пряжи разрешают в ряде случаев определить, из каких центров шелкоткачества поступали те или иные сорта шелковых изделий на русский рынок.

---

[3] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1. М., 1958; *А. Преображенский.* Этимологический словарь русского языка, вып. 1. М., 1910; *В. Даль.* Толковый словарь, т. 1. М., 1955; *М. Фасмер.* Этимологический словарь русского языка, т. 1. М., 1964; Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 1. М., 1975.

[4] *В. Клейн.* Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в., и их терминология. Сборник Оружейной палаты. М., 1925, стр. 10, 11.

Археологические ткани Исторического музея, исходя из характера строения тканей и качества пряжи, могут быть разделены на четыре группы. В настоящей статье рассматривается только одна, самая многочисленная, из выделенных нами групп импортного шелка, которая включает 42 образца: 32 — однотонные безузорные ткани и 10 фрагментов полихромной материи с вытканным рисунком [5]. Эти ткани, обнаруженные в курганных захоронениях, по погребальному обряду и инвентарю, сопутствующему им, датируются следующим образом, один образец из Тимеревского могильника X в.; пять фрагментов из Черниговских курганов, из деревень Давыдково и Волочок — XI в. и 29 обрывков шелка из курганов Владимирской, Ивановской, Московской, Новгородской и Рязанской областей — концом XI — началом XIII в. Остальные семь тканей, входящие в состав Михайловского клада, укладываются в эти же хронологические рамки.

Ткани данной группы относятся к так называемым двойным или двухличным материям саржевого переплетения. Характерной особенностью их является наличие двух основ, из которых одна — внутренняя (или подкладная) не участвует в переплетении и свободно лежит между двумя утками. Вторая основа — связующая (или коренная) создает структуру ткани, переплетаясь как с лицевым, так и с изнаночным утком, причем каждый из утков имеет свое переплетение. Обычным переплетением лицевой поверхности этих тканей является уточная саржа $^1/_2$, при котором уток покрывает две нити связующей основы и проходит под третьей. В следующем ряду делается сдвиг на одну нить, т. е. первая из двух покрытых нитей основы лежит теперь сверху утка, две следующие нити идут снизу утка. При таком переплетении на лицевой стороне тканей получается диагональный рисунок, имеющий преимущественно наклон снизу — слева — вверх — направо [6]. На изнанке второй уток переплетается со связующей основой чаще всего мелкоузорчатым переплетением, производным от саржи $^1/_2$.

Назначение внутренней основы, которая лежит между двумя нитями основы связующей, состояла в том, чтобы уплотнить ткань, сделать ее более тяжелой, эластичной и прочной. Она имела, кроме того, большое значение при выработке узорных тканей, делая возможным выполнять рисунки разного цвета на одном фоне, скрывая неработающие утки. Нити внутренней основы узорных тканей иногда бывают несколько толще и темнее по цвету нитей основы связующей. У безузорных же гладких тканей связующая и внутренняя основы всегда одинакового цвета и толщины. У семи тканей нашей коллекции внутренняя основа состоит не из одной, а из двух рядом лежащих нитей [7] (рис. 1).

Необходимо подчеркнуть, что у всех двухсторонних тканей музейного собрания основные нити тонкие и сильно крученые, уточные же толстые и некрученые; на лицевой поверхности ткани они лежат плотно и мягко, полностью покрывая внутреннюю основу.

Другой отличительной чертой этой группы тканей сложного саржевого переплетения является преобладание нитей утка над нитями основы. Так, количество нитей на квадратный сантиметр по основе колеблется от 20 до 70, а по утку — от 36 до 120. Причем чаще всего тка-

---

[5] ГИМ. Архив отдела народов СССР эпохи феодализма 323/№ 1, 8, 9а, 13, 20, 30, 32, 33, 45, 55, 56, 58, 63, 64, 67а, 69а, 70а, 73—75, 79, 81—84, 86 *а* и *б*, 90, 92, 93, 101, 102, 104—106, 106а, 109, 112, 115, 116, 123, 126. Структурный анализ тканей произведен старшим научным сотрудником Института художественной промышленности Н. Т. Климовой, за что приношу ей глубокую благодарность.

[6] Если на лицевой стороне материи, как это прослеживается у тканей данной группы, преобладают перекрытия нитью утка, то саржа называется уточной, если перекрытия основы — основной.

[7] Из курганов близ деревень Тимерево, Кубаево, Никульское, Тушино, Россава и из Михайловского клада.

ни имеют плотность 24—36×60—80 нитей на 1 $см^2$, т. е. во всех случаях плотность ткани идет за счет нитей утка. Такое большое количество густо расположенных уточных нитей придавало тканям гладкую, блестящую поверхность.

Многие из безузорных тканей, утративших от длительного пребывания в земле свой цвет, первоначально имели красный тон различных оттенков [8]. Они были окрашены широко распространенными в Средиземноморье и на Востоке растительными красками — мареной и сафлором.

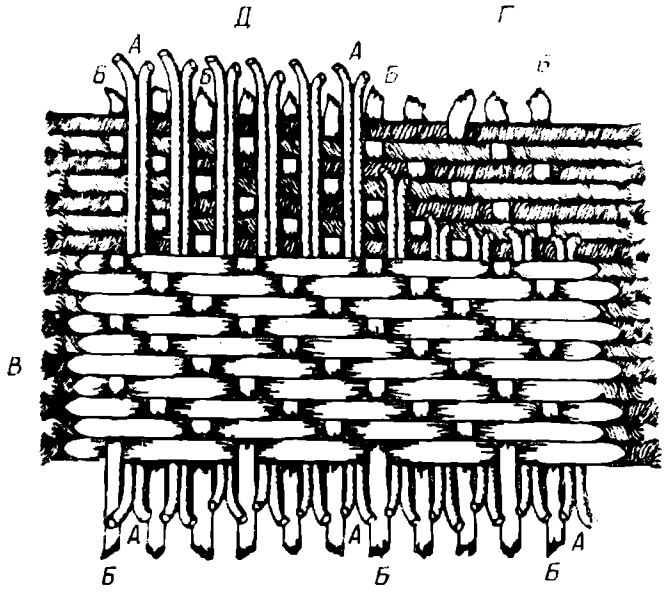



Рис. 1. Схема переплетения двухличных тканей, выполненных уточной саржей $^1/_2$. *А* — внутренняя основа; *Б* — связующая основа; *В* — переплетение связующей основы с лицевым утком; *Г* — переплетение связующей основы с изнаночным утком; *Д* — положение внутренней основы между утками

Марена, содержащая в корнях красящее вещество, является красителем большой прочности. В зависимости от протравы она окрашивает пряжу в чисто-красный, оранжево-красный и коричневато-красный цвета. Легче было красить шелк в розовато-вишневые тона сафлором (его лепестками), который не требовал предварительной протравы пряжи или готовой ткани. Сафлор ценился за яркость и чистоту цвета, хотя и давал окраску непрочную. На двух-трех образцах прослежены следы окраски червецом. Эту ценную дорогостоящую краску добывали из насекомых типа «армянской кошенили», обитающих на некоторых растениях Араратской равнины, в частности на ветвях красного дуба. При помощи червеца, в зависимости от протравы, получали малиновый и глубокий коричневато-вишневый тон. Встречаются в нашей коллекции также материи синие, покрашенные красителем индигоносных растений, отличающимся высокой прочностью [9].

---

[8] Из курганов близ деревень Давыдково, Васильки, Кубаево, Осиповцы, Антоново, из Михайловского клада.

[9] *Е. Ф. Федорович.* Методы исследования окраски археологических и этнографических тканей в приложении к текстильным изделиям Средней Азии прошлых эпох. Канд. дис. Архив Института истории естествознания и техники АН СССР. Ташкент, 1966, стр. 13, 15, 16, 47, 50, 66, 70, 73, табл. I и II.

По-видимому, окраска одноцветных тканей следовала после тканья, при выработке же многоцветных материй пряжу до переноса на ткацкий стан предварительно красили.

Полихромные ткани нашей коллекции, за исключением одного фрагмента из кургана близ дер. Антоново Ивановской обл., являются узорными. Для них характерна одинаковая система переплетения фона и рисунка, и орнамент на тканях образован исключительно за счет применения для основы и утков пряжи различных цветов. Пять образцов материй имеют две основы из красной пряжи и два утка — фоновый красный и узорный синий. Среди них значительный интерес представляют остатки двух шелковых материй с синим узором в виде больших кругов с перлами, расположенными на темно-красном фоне. Обе ткани датируются одним и тем же временем (концом XII — началом XIII в.) и найдены в одном и том же районе. Одна происходит из Михайловского клада 1903 г., другая — из женского погребения близ дер. Россава Киевской обл. (рис. 2). Шелковая материя точно такого же рисунка обнаружена также в тайнике Десятинной церкви в Киеве, разгромленной татарами в 1237 г.[10]

В Троицкой курганной группе в Чернигове и в упомянутом выше погребении близ дер. Россавы найдены три ткани, которые сработаны двумя основами и тремя цветными утками — фоновым и двумя узорными. На черниговской ткани, рисунок которой полностью не удалось раскрыть из-за небольшого размера сохранившегося фрагмента, три утка (два красных и один зеленый) работали попеременно, образуя узор разного цвета в одном раппорте. На шелковых же материях из Россавы узоры образованы утками золотистого, зеленого и красного цветов, идущими не по всей ширине ткани, а введенными лишь на ограниченных участках, необходимых для создания рисунка. На одной из них орнамент расположен полосами: на лице он состоял из красных и зеленых эллипсоидных фигур, на изнанке — из соединенных вершинами красных и зеленых треугольников.

Великолепна ткань из гробницы Андрея Боголюбского во Владимире с узором в виде гладких полос разной ширины со сгруппированными по четыре розетками, хорошо известная по многочисленным публикациям (рис. 3). Она имеет две основы коричневато-красного тона и четыре утка красного, зеленого, охристого и коричневого цветов. Постоянно в переплетении участвовали два утка, а в местах узора из розеток три — красный, охристый и зеленый. Коричневый же уток все время оставался на изнанке и создавал широкие полосы, которые перемежались с узкими. В результате своеобразной смены цветных утков ширина полос, их ритм и цвет неодинаковы на лице и на изнанке [11].

К описанной выше группе импортного шелка могут быть отнесены двусторонние ткани конца XI — начала XIII в., предоставленные нам для определения из фондов музеев Московского университета, Истории и реконструкции Москвы и Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Две безузорные ткани и три с вытканным орнаментом найдены в окрестностях Москвы и курганах близ деревень Беседы, Одинцово, Чертаново IV и в курганном могильнике на р. Мжаре близ Суздаля [12]. Подобная же ткань найдена также в одном из курганов Гнездовского могильника XI в.; она являлась подкладкой шерстяного пояса. В той же технике выполнена шелковая узорная ткань из Владимира-Волынского в собрании Госу-

---

[10] Киевский Государственный музей. Инв. № 3802; *М. К. Каргер.* Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 131, рис. 96.

[11] *Н. Т. Климова.* Технология шелковых тканей из коллекции Государственного Исторического музея. Сб. «История и культура Восточной Европы по археологическим данным». М., 1971, стр. 242.

[12] *ГИМ.* Архив отдела истории народов СССР, 323/№ 48—49, 118, 120, 121.

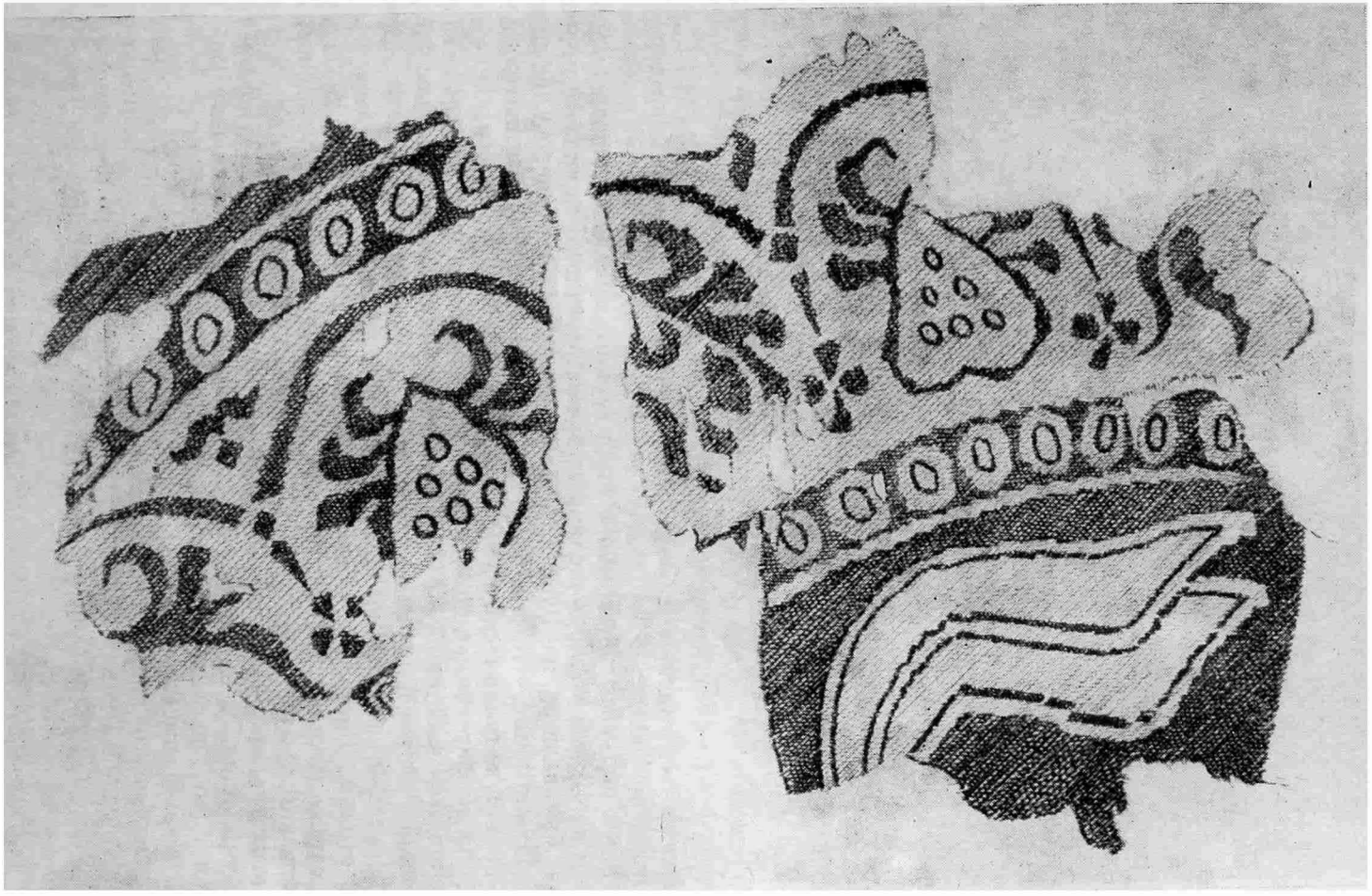


Рис. 2. Ткань из кургана близ дер. Россавы

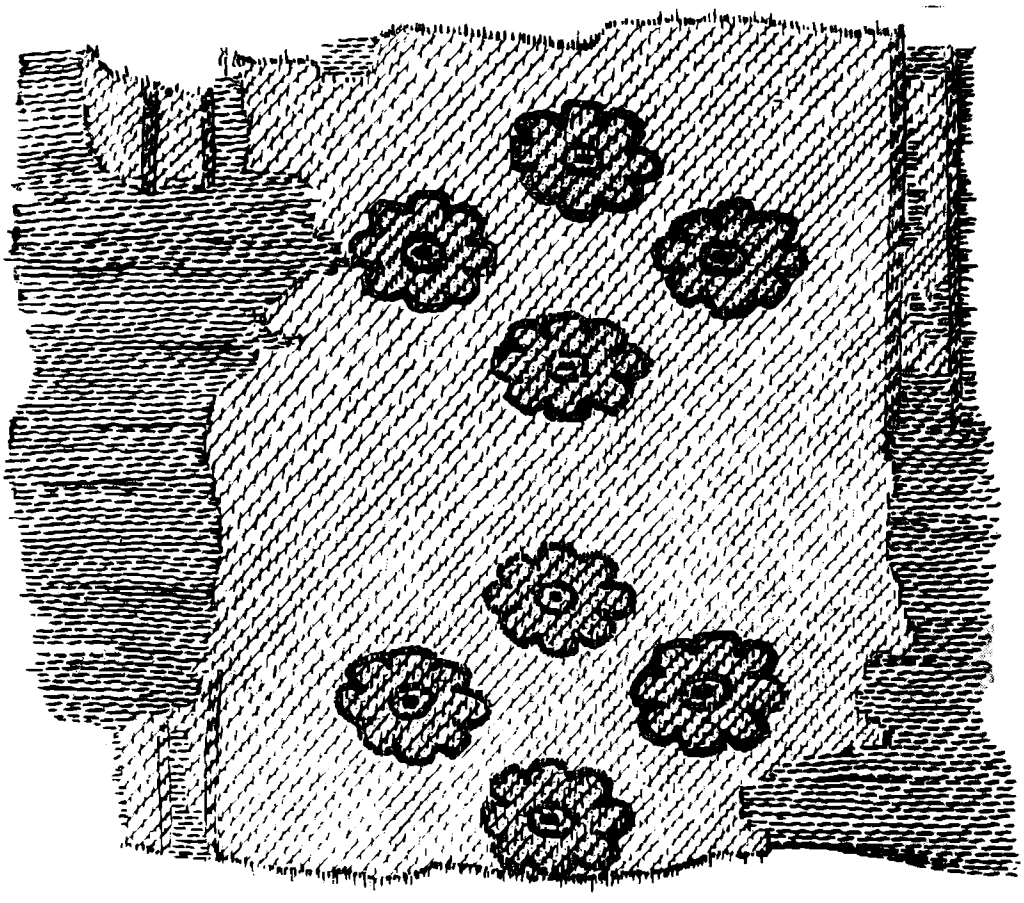


Рис. 3. Ткань из гробницы Андрея Боголюбского во Владимире

дарственного Эрмитажа и безузорный шелк из погребения близ дер. Лисно Витебской обл.[13]

Таким образом, при помощи структурного анализа удалось выделить группу из 49 экземпляров шелковых тканей сложного саржевого переплетения, бытовавших на Руси с X по начало XIII в. (рис. 4). Обращает на себя внимание, что все узорные материи этой группы вытканы без применения металлических нитей.

Не вызывает сомнений, что эти высококачественные плотные ткани, исполненные в одинаковой технике и из одинакового качества пряжи, поступали на русский рынок из одного производственного центра, ткацкое искусство которого достигло высокого развития.

В странах Востока и Средиземноморья двухосновную сложную уточную саржу начали производить уже в V—VI вв. и продолжали вырабатывать, как мы видим, и в X—XIII вв. В отношении техники исполнения этих тканей между отдельными центрами шелкоделия существенных различий, видимо, не было. Что же касается пряжи, используемой для тканья, то исследовательница средневековых восточных тканей А. А. Иерусалимская отмечает, что в отличие от византийских центров, где существовала традиция сильной крутки шелковых нитей, шелкоткацкие мастерские Ирана и Средней Азии применяли как для основы, так и для утка некрученые нити или нити едва заметной крутки. Даже шел-

[13] Там же, 323/№ 34, 130; *З. М. Сергеева.* Раскопки курганов на северо-западе Витебской обл. АО — 1975, М., 1976, стр. 425.

ковые ткани «занданечи» (из с. Зандана, близ Бухары), пользующиеся в VII—IX вв. мировой известностью, были вытканы из пряденых нитей, а не из крученых [14]. Эта особенность иранского и среднеазиатского шелкоткачества исключает их из числа возможных центров, вырабатывавших ткани аналогичные нашим.

Средневековых шелковых материй византийского происхождения сохранилось мало, и те немногочисленные узорные ткани VIII—XIII вв., хранящиеся в настоящее время в зарубежных музеях и ризницах католических соборов, не являются той массовой продукцией шелкоткацких мастерских Византии, которая поступала на внешний рынок. Эти роскошные шелка с изображениями геральдических птиц и зверей, размещенных в кругах с растительным и геометрическим орнаментом, с узором в виде различно оформленных розеток, звезд, крестов попали в Западную Европу, по всей вероятности, в качестве даров византийского императора, что свидетельствует об их большой ценности.

Рисунок на подобных материях бывает нередко очень крупного размера. Так, на известной византийской ткани со слонами (X—XII вв., шириной 156 *см*) высота раппорта из двух медальонов равняется 78—80 *см*[15]. Орнамент многих из них выдержан в синих и желтых тонах и расположен на пурпурном фоне различных оттенков. Для большего декоративного эффекта отдельные элементы узора дополнялись иногда вышивкой золотными нитями и разноцветными шелками [16].

Эти высокосортные шелковые материи вырабатывались в императорских мастерских Константинополя и распространены были лишь среди верхушки феодального общества. Производство их являлось государственной монополией, и в VIII—X вв. продажа этих сортов шелка иностранным купцам была запрещена. Но и позже, в XI—XII вв., когда государственная шелковая монополия переживала острый кризис, экспорт из Византии подобных тканей был сильно ограничен [17]. Тем не менее изучение технологии производства этих шедевров ткацкого мастерства, проведенное за последние годы рядом исследователей, представляет для нас большой интерес [18].

Располагая данными по 37 тканям, следует сделать вывод, что в византийских тканях доминирующим было сложное двухосновное саржевое переплетение. Узоры на тканях образованы утками различных цветов, в то время как основы (чаще всего одного тона) только скрепляли ткань и скрывали неработающие утки. Типичным для византийских материй является создание плотности тканей за счет уточных нитей — на 1 *см*$^2$ приходится от 60 до 120 нитей уточных и от 26 до 45 основных. Наконец, характерная особенность их заключается и в том, что для основ применялась тонкая сильно крученая пряжа, а для утков — более толстая без крутки.

Сопоставлением этих данных с результатами структурного анализа образцов тканей, найденных на территории Руси, устанавливается большая близость между ними: эти материи одинаковы как по технике исполне-

---

[14] *А. А. Иерусалимская.* О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье. СА, 1967, 2, стр. 60, 61, 75—78; *ее же.* «Челябинская» ткань. Тр. ГЭ, X, 1969, стр. 101, 103; *ее же.* К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде. Сб. «Средняя Азия и Иран». Л., 1972, стр. 8.

[15] *M. G. Vial.* Le tissu aux Elephants d'Aix-la-Chapelle. «Bulletin de Liaison du Cieta», № 14, juillet. Lyon, 1961.

[16] *J. Ebersolt.* Les arts comptuaires de Byzance. Paris, 1923, p. 77, 80, 82.

[17] *D. A. Méller.* Imperial Constantinople. New York, 1969, p. 55—57, 66; *А. П. Каждан.* Рец.: R. Lopez. Silk industry in the Byzantine Empire. 1945.— ВВ, III, 1950.

[18] *R. Grönwoldt.* Webereien und Stickereien des Mittelalters. Hannover, VII, 1964, S. 18, 19 (Bildkataloge des Kestner-Museums); *M. G. Vial.* Op. cit.; *S. Müller-Christensen.* Liturgische Gewänder mit dem Namen des heiligen Ulrich. Jubiläumsschrift. Augusta 955—1955. Augsburg, 1955, S. 54, 55, 58—60; *idem.* Das Günthertuch im Bamberger Domschatz. Bamberg, 1966.

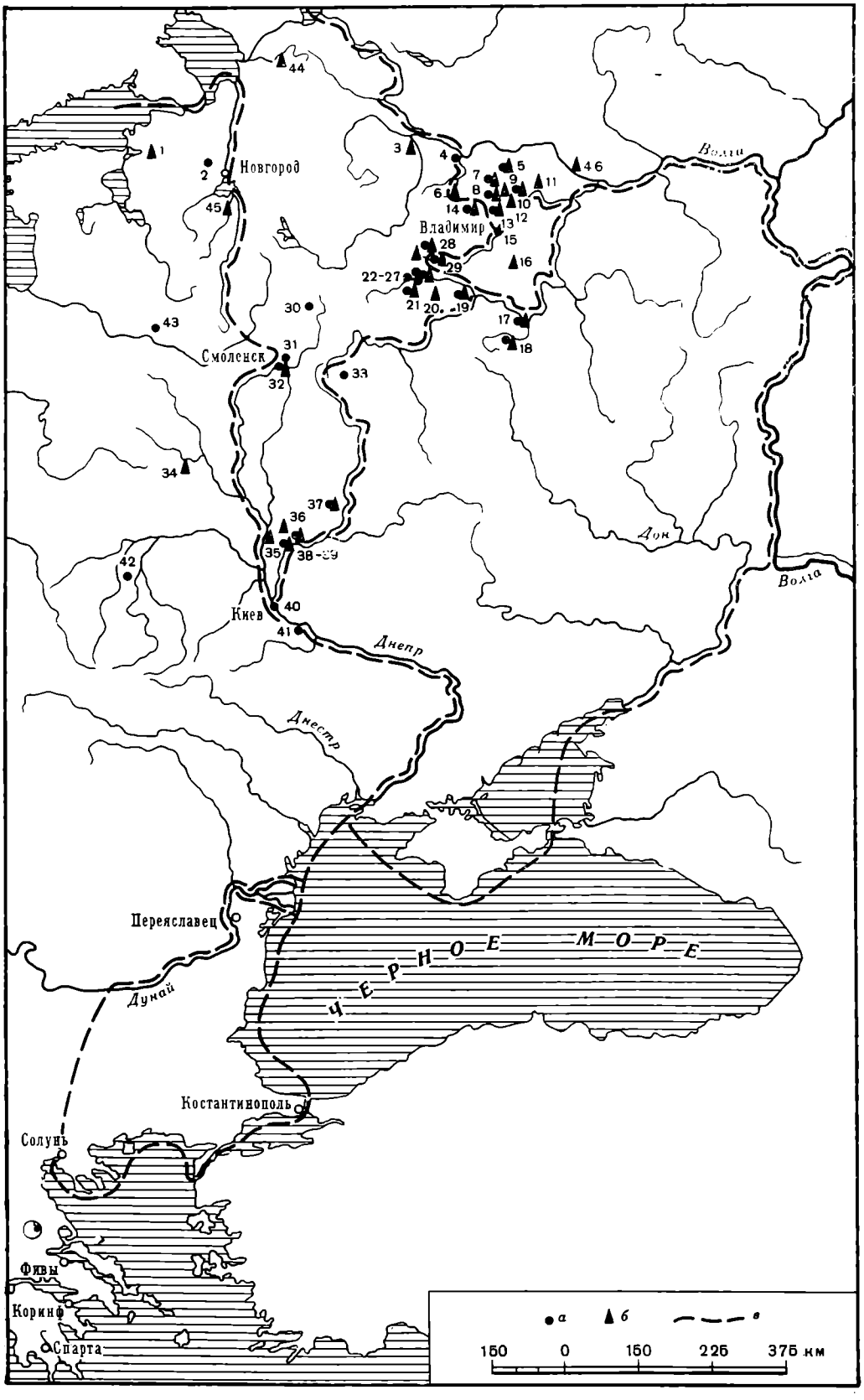

Новгород
Владимир
Смоленск
Киев
Переяславец
Костантинополь
Солунъ
Фивы
Коринѳ
Спарта
Днепр
Днестр
Дунай
Волга
Дон
ЧЕРНОЕ МОРЕ
150 0 150 225 375 км

Рис. 4. Находки византийского текстиля (по данным структурного анализа). *а* — шелковая ткань, *б* — золотная лента, *в* — торговые пути: *1* — Ижоры Ленинградской обл.; *2* — Хрепле Новгородской обл.; *3* — Тимашево Ярославской обл.; *4* — Б. Тимерево Ярославской обл.; *5* — Антоново Ивановской обл.; *6* — Караш Ярославской обл.; *7* — Кубаево Владимирской обл.; *8* — Давыдково Владимирской обл.; *9* — Исады Владимирской обл.; *10* — Васильки Владимирской обл.; *11* — Быково Владимирской обл.; *12* — Панки Владимирской обл.; *13* — Суздаль; *14* — Осиповцы Владимирской обл.; *15* — Владимир; *16* — Шушпаново Владимирской обл.; *17* — Старая Рязань; *18* — Маклаково Рязанской обл.; *19* — Никульское Московской обл.; *20* — Горки Московской обл.; *21* — Новленская Московской обл.; *22—27* — Беседы, Одинцово, Топорково, Тушино, Чертаново Московской обл., Москва, Успенский собор; *28* — Пушкино Московской обл.; *29* — Аниськино Московской обл.; *30* — Волочек Смоленской обл.; *31* — Гнездово Смоленской обл.; *32* — Смоленск; *33* — Коханы Смоленской обл.; *34* — Вирково Бобруйской обл.; *35* — Любеч Черниговской обл.; *36* — Гущино Черниговской обл.; *37* — Лариновка Черниговской обл.; *38—39* — Троицкая и Стрижневская курганные группы в Чернигове; *40* — Киев; *41* — Россава Киевской обл.; *42* — Владимир-Волынский; *43* — Лисно Витебской обл.; *44* — Шангеничи Ленинградской обл.; *45* — Старая Русса; *46* — Городец на Волге

ния, так и по качеству используемой пряжи. На этом основании можно заключить, что они происходят из одного центра шелкоделия. Правда, однотонные гладкие ткани рассматриваемой группы являются несколько упрощенным видом многоцветных византийских шелков. Надо полагать, что эти ткани были значительно дешевле полихромных, так как работа с уточными нитями одного цвета намного проще работы с утками различных цветов, в связи с чем они должны были иметь более широкое распространение в Византии, чем роскошные узорные материи. По-видимому, из этих гладких тканей сложного саржевого переплетения различных сортов и складывался главным образом византийский шелковый экспорт.

Производство шелка в X в. в основном было сосредоточено в Константинополе и отчасти в Солуни (Фессалоника), втором по своей величине и значению городе Византийской империи. В XI—XII вв. крупными центрами шелкоткацкого производства становятся города Коринф, Спарта и Фивы, который особенно славился производством пурпурных шелковых тканей [19].

Современные западноевропейские исследователи древнего текстиля употребляют для обозначения многоцветных узорных шелков Византии термин «самит» — термин, который встречается в средневековых текстах применительно к определенному виду тканей (лат. samita, samitum, exsamitum). В Византии лучшие сорта тканей носили греческое название «examitos». Исходя из этого, под летописным «аксамитом», видимо, следует понимать полихромную с узором шелковую материю сложного саржевого переплетения, при выработке которой не применялись золотные утки. Летописное свидетельство 1288 г., в котором упомянуты «платци аксамитны шиты золотом и женчюгом», в свою очередь подтверждает, что аксамит того времени не являлся золототканой материей [20].

Таким образом, прав был В. Клейн, который полагал, что восстановить реальное значение наименования «аксамит» можно только по сохранившимся образцам лучшего византийского шелка и что аксамиты древней Руси нельзя отождествлять с аксамитами XVII в., строение и внешний вид которых был совсем иным [21].

Плотный тяжелый византийский аксамит шел на изготовление парадных княжеско-боярских одеяний, церковных облачений, завес, пелен и т. п. В качестве примера можно привести фреску церкви Спаса-Нередицы, на которой изображен строитель церкви князь Ярослав Владимирович в

[19] *А. П. Каждан.* Византийские города в VII—XI вв. СА, XXI, 1954, стр. 173, 174, 177, 180, 181; *Р. А. Наследова.* Ремесло и торговля Фессалоники конца IX — начала X в. по данным Иоанна Камениаты. ВВ, VIII, 1956, стр. 61, 68, 69; *М. Я. Сюзюмов.* Экономика пригородов византийских крупных городов. ВВ, XI, 1956, стр. 70.

[20] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1. М., 1958, стр. 14.

[21] *В. Клейн.* Ук. соч., стр. 9, 11.

парадном плаще, сшитом из византийского аксамита с изображением орлов. В нашей коллекции к аксамитам могут быть отнесены остатки тканей с рисунком в виде больших кругов с перлами из Михайловского клада и из богатого женского погребения у дер. Россава, а также полосатая ткань с розетками, которая лежала в гробнице Андрея Боголюбского.

Что касается термина «паволока», то, основываясь на летописных данных, он первоначально, видимо, являлся общим наименованием для всех шелковых тканей, поступавших на Русь из Византии. Известно, что византийский император дал Ольге, провожая ее в 955 г., дары многие «злато и сребро, паволоки и съсуды разноличныя». Святослав, говоря о желании утвердиться на Дунае, упоминал о том, что сюда сходятся со всех сторон товары, а «от Грек злато, паволоки, вина, овощеве разноличныя». Демонстрируя в 1075 г. перед послами «из немец» свои богатства, князь Святослав показал также «паволоки». В летописных же свидетельствах XII в. паволоки уже упоминаются наряду с аксамитами. В числе даров, которые получил в 1164 г. князь Ростислав из Византии, названы «оксамиты и паволоки и вся узорочья разноличная». В «Слове о полку Игореве» говорится: «помчаша красныя девкы Половецкыя, а с ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты» [22]. Из этого следует, что с течением времени термин «паволока», видимо, наполнился другим содержанием и обозначал уже какую-то определенную категорию шелковых тканей. Так как известно, что под аксамитом понималась полихромная узорная ткань, то, возможно, название «паволока» применялось к гладким однотонным материям, составлявшим основную массу импортного шелка.

Итак, при выработке превосходных византийских шелков типа «самит» золотные нити не применялись. Это, однако, не значит, что последние в Византии не производились. Серебряные позолоченные нити, спряденные на шелковую нить, применялись для шитья и использовались при изготовлении шелковых узорных лент. Имеется интересное указание, что в Византии при императорском дворце существовала специальная шелкоткацкая мастерская по производству золотных лент, предназначенных для украшения церемониальной одежды [23].

В собрании Исторического музея золототканые ленты представлены 73 фрагментами различной ширины (от 1,3 до 3,5 *см*) и разнообразных узоров. На Руси лента-тесьма широко применялась для отделки верхней одежды. Судя по миниатюрам, фрескам и иконам XI—XIII вв., в княжеско-боярской среде носили плащи из тяжелого шелка, окаймленные золотной лентой, платье с разрезом спереди, обшитым с двух сторон золототканой тесьмой [24].

Как мы уже отмечали, преобладающая часть нашего материала происходит из раскопок сельских и городских курганных могильников, что указывает на то, что золотная тесьма находила в древней Руси своего потребителя не только в феодальной среде.

На основании нашей коллекции можно заключить, что тесьмой нередко обшивали воротник платья. Так, многие из фрагментов тесьмы на-

---

[22] ПСРЛ, т. I. СПб., 1846, стр. 26, 28, 85; т. II СПб., 1843, стр. 92; «Слово о полку Игореве». М.— Л., 1950, стр. 10, 11.

[23] *A. Geijer.* Die Textilfunde aus den Gräbern. Uppsala, 1938, S. 91; *S. Müller-Christensen.* Op. cit., S. 53, 54.

[24] Изображение князя Ярополка Изяславича на миниатюре Трирской псалтыри XI в.: групповой портрет семейства Святослава в «Изборнике Святослава 1073 г.»; портрет Ярослава Всеволодовича на фреске Спаса-Нередицы; изображения Бориса и Глеба на полях иконы XII в. из Третьяковской галереи; изображение Георгия на иконе XIII в. «Иоанн Лествичник, Георгий и Василий» из Государственного Русского музея; *Н. П. Кондаков.* Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906, стр. 15, 16, 40, рис. 4, 5, табл. VI; *В. Н. Лазарев.* Русская средневековая живопись. М., 1970, стр. 51, 65, 67.

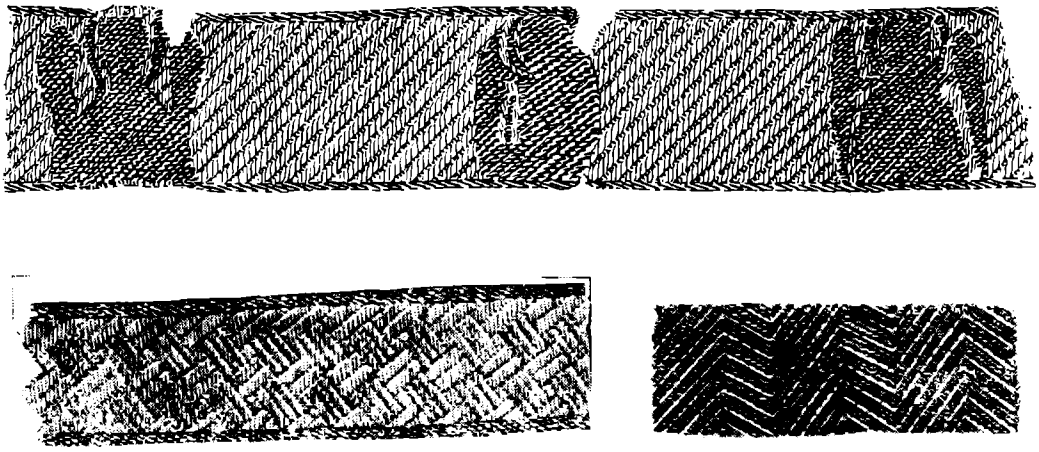


Рис. 5. Образцы золототканых лент

ходились в погребениях на шейных позвонках скелетов, под нижней челюстью, большей частью вместе с мелкими шаровидными бронзовыми пуговками, которыми застегивался ворот платья. В ряде случаев тесьма лежала на куске бересты, подкладывавшейся под воротник для придания ему большей твердости. В женских погребениях XII в. у деревень Никульское, Новленская и Пушкино (Московская обл.) золотной тесьмой обшиты широкие отложные воротники, так называемые оплечья или ожерелья, а в кургане у дер. Антоново (Ивановская обл.) лентой соединены два различных сорта шелка, составлявшие подобный же воротник. Их использовали и для украшения рукавов. Обшлага рукавов из золототканой ленты найдены в двух курганах XI в. близ дер. Лариновка (Черниговская обл.). На концах этих лент были прикреплены бронзовые пуговки. Исходя из небольших размеров этих лент (12,6×1,6 *см*), можно предположить, что они служили украшением детского платья. Наконец, в ряде женских погребений на черепных костях лежали налобные венчики из золототканых лент.

Структурный анализ выявил, что эти ленты имеют две основы (из тонкой крученой шелковой пряжи) и два утка — шелковый (из некрученой толстой пряжи) и золотный. Шелковый уток образует основное полотно ткани, переплетаясь с двумя основами. Лицевая сторона ее сработана саржевым переплетением (основная саржа $^3/_1$), изнаночная — полотняным. В процессе образования шелкового полотна на лицевую сторону накладывался золотный уток, который прикреплялся к ткани лицевой основой по рисунку. Золотный уток плотно закрывал всю лицевую поверхность ткани, что является характерным для данной группы лент. Золотная тесьма отличается большой плотностью. По основе на 1 *см* приходится от 40 до 160 нитей, а по утку — от 40 до 80.

Чаще всего на этих лентах встречается орнамент в виде плетенки и зигзагообразный (рис. 5). Единичными экземплярами представлены в коллекции тесьма с диагональным рисунком и ромбовидным узором в различных вариантах. Исключительный интерес представляет лента из курганов XII — начала XIII в. близ дер. Маклаково Рязанской обл., с расположенными в ряд поясными изображениями святых (рис. 5). Аналогичная тесьма с ликами святых найдена также в Московском кремле под Успенским собором в погребении XII в.[25] По своему строению эти ленты идентичны золототканой тесьме с геометрическим орнаментом. Они сос-

[25] *Н. С. Шеляпина.* Археологические исследования в Успенском соборе. Сб. «Музеи Московского кремля. Материалы и исследования», вып. 1. М., 1973, стр. 59, 60.

тоят из двух основ и двух утков и имеют те же переплетения основного полотна.

Принимая во внимание, что в рассматриваемое время известны шелковые ткани с поясными изображениями святых только византийского происхождения, мы считаем допустимым отнести всю эту группу золотных лент к изделиям византийских мастерских.

Золототканые ленты, по всей видимости, начали поступать на русский рынок не ранее рубежа X—XI вв. Большинство же находок лент так же, как и находки тканей рассмотренной выше группы, падает на конец XI и XII вв., т. е. на то время, когда экономические, политические и культурные связи Руси с Византией были наиболее тесными [26].

Торговля с Византией осуществлялась главным образом Днепровским путем. Однако, принимая во внимание значительную концентрацию находок византийских текстильных изделий в бассейне Оки и ее притоков, можно предполагать, что они проникали на русский рынок и Волжским путем. С низовьев Днепра трасса шла вдоль Крыма к Азовскому морю, далее по Дону и через волок (здесь в настоящее время находится канал Волга-Дон) в дельту Волги. Этот маршрут, описанный в географических сочинениях Ибн-Хордадбеха, Ибн ал-Факиха, Истахри, Масуди, был освоен для торговых сношений еще в IX—X вв. Очевидно, текстильные товары Византии, которые, как сообщает Истахри, являлись предметом хазарского импорта, привозили в Восточную Европу скорее всего этим путем [27]. Путь из Черного моря на Волгу и в Каспийское море использовался для караванной торговли и в XII—XIII вв.[28]

Наконец, византийский текстиль мог частично попадать на территорию Руси и через Болгарию, которая в X в. становится посредником в торговле между Западной Европой, Византией и Русью. Из Солуни, крупнейшего пункта транзитной торговли между Западом и Востоком, шелковые ткани, разрешенные к экспорту, по Вардару или по рекам Луде и Быстрице достигали областей по Дунаю [29].

*M. V. Fechner*

## LES SOIERIES DES ATELIERS BYZANTINS IMPORTEES EN RUSSIE ANCIENNE


### Résumé

Les restes d'étoffes de soie trouvés dans les sépultures en kourganes et dans les trésors du Xe au début du XIIIe s., témoignent de la vaste diffusion de ces tissus parmi la population de la Russie médiévale. Des différences dans le tissage, le caractère et la qualité du fil permettent souvent de déterminer de quels centres de tissage de la soie, situés en Proche ou Moyen Orient, ou sur la Méditerranée, ces étoffes parvenaient sur le marché russe. Dans cet article, on ne parle que d'un des groupes de ces soieries d'importation; mais c'est le plus nombreux parmi tous les tissus anciens, et l'on démontre que les étoffes de ce groupe étaient produites dans les ateliers de tissage de la soie à Byzance.


---

[26] *М. В. Левченко.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 547.

[27] *А. П. Новосельцев.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. Сб. «Древнерусское государство и его международное значение». М., 1956, стр. 386; *Б. Н. Заходер.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе, т. I. М., 1962, стр. 22, 169; т. II. М., 1967, стр. 87; *К. Ф. Минорский.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963, стр. 198.

[28] *А. Ю. Якубовский.* Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. ВВ, XXV, 1928, стр. 67.

[29] *Р. А. Наследова.* Ук. соч., стр. 72—74.

# *Публикации*

Х. А. АМИРХАНОВ, П. У. АУТЛЕВ

## ИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ ПРИКУБАНЬЯ

### (Инвентарь слоя 2 Губского навеса № 1)

В 1962 г. в Лабинском р-не (ныне Мостовской) Краснодарского края, в 9 *км* к юго-западу от станицы Баракаевской, П. У. Аутлевым была открыта новая стоянка человека каменного века. По названию р. Губс, протекающей по Борисовскому ущелью, в котором расположена эта и еще несколько стоянок, она получила название Губский навес № 1. Раскопки стоянки, проводившиеся П. У. Аутлевым в 1962 и 1963 гг., выявили здесь два культурных слоя, один из которых оказался мустьерским, другой — верхнепалеолитическим. Тщательно исследованный мустьерский комплекс навеса получил широкую известность среди специалистов и лег в основу выделения пока единственной на Северном Кавказе губской мустьерской культуры [1]. Что же касается материалов верхнепалеолитического слоя, то они получили в литературе лишь самое общее освещение [2]. Между тем эти материалы были и до сих пор остаются единственными для характеристики материальной культуры Северо-Западного Кавказа в среднюю пору верхнего палеолита.

В 1975 г. совместная Кавказская палеолитическая экспедиция Ленинградского отделения ИА АН СССР, Ленинградского университета и Адыгейского НИИЯЛИЭ под руководством В. П. Любина возобновила стационарные археологические исследования в Борисовском ущелье. Под руководством авторов настоящей статьи производились, в частности, раскопки Губского навеса № 1. В ходе новых исследований был выявлен еще один верхнепалеолитический слой. Таким образом, Губский навес № 1 предстает сейчас как единственный на Северном Кавказе многослойный памятник, содержащий одновременно слои верхнепалеолитической (слои 1 и 2) и мустьерской (слой 3) эпох. Новые работы пополнили также археологическую коллекцию слоя 2. В итоге слой 2 представлен материалами раскопок 1962, 1963 и 1975 гг. Рассмотрению всех этих материалов и посвящена данная работа.

В отличие от материалов из слоя 1 рассматриваемый инвентарь значительно более многочислен и разнообразен. Комплекс, происходящий из ныне раскопанной площади (16 $м^2$), насчитывает 3601 изделие, из них 163 экз. (4,5%) — орудия, 1623 экз. — заготовки, 55 экз. — нуклеусы вместе с нуклевидными обломками, 1760 экз.— отходы производства. Мы

---

[1] *П. У. Аутлев.* Мустьерская стоянка в Губском навесе № 1. Сб. «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973; *В. П. Любин, П. У. Аутлев, В. П. Гричук, З. Н. Губонина, М. М. Моносзон.* Мустьерская стоянка в Губском навесе № 1 (Прикубанье). КСИА АН СССР, 137, 1973.

[2] *А. А. Формозов.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.

имеем, таким образом, памятник, все основные аспекты индустрии которого (первичное раскалывание, вторичная обработка, типология) могут быть подвергнуты детальному и последовательному анализу.

**Первичная обработка.** Для характеристики техники первичного раскалывания этого комплекса мы располагаем вполне достаточным количеством нуклеусов, заготовок и отходов производства. Весь этот разнородный материал можно свести в следующий классификационный список.

Нуклеусы

| | |
|---|---|
| 1. Призматические с узкой рабочей частью | — 19 экз. |
| 2. Призматические с широкой рабочей частью | — 9 экз. |
| 3. Торцового скалывания с прямой ударной площадкой | — 2 экз. |
| 4. Вторичные ядрища торцового скалывания | — 3 экз. |
| 5. Нуклевидные обломки | — 22 экз. |

Заготовки

| | |
|---|---|
| 1. Пластины и их обломки (ширина равна или более 12 *мм*) | — 295 экз. |
| 2. Пластинки и их обломки ( ширина от 7 до 12 *мм*) | — 160 экз. |
| 3. Микропластинки и их обломки (ширина менее 7 *мм*) | — 109 экз. |
| 4. Отщепы и их обломки | — 1059 экз. |

Отходы производства

| | |
|---|---|
| 1. Обломки | — 243 экз. |
| 2. Осколки | — 634 экз. |
| 3. Чешуйки | — 566 экз. |
| 4. Мелкие обломки заготовок | — 288 экз. |
| 5. Резцовые отщепки | — 19 экз. |
| 6. Краевые сколы с нуклеусов | — 10 экз. |

Как видно из приведенного списка, все нуклеусы этого комплекса объединяются между собой по общим для них существенным признакам, отражающим единый принцип техники первичного раскалывания. Для всех разновидностей нуклеусов характерно: скалывание заготовки с узкого или широкого края, наличие одной, в подавляющем большинстве скошенной ударной площадки, сравнительно небольшие размеры, редко превышающие 5 *см*. Различаются же они по ширине рабочего участка ядрища, по углу наклона ударной площадки и по исходным заготовкам. Одно из этих различий имеет здесь типологическое значение. Так, считается, что в верхнем палеолите вторичные ядрища служили основой для получения микропластинок[3]. Следовательно, специфическое целевое предназначение вместе с их морфологическими особенностями позволяет выделить эти нуклеусы в особый тип. Известно и то, что нуклеусы торцового скалывания бывают, как правило, косоплощадочными[4], а таковые с прямой ударной площадкой всегда редки и, может быть, чаще всего случайны. Не удивительно поэтому, что в инвентаре слоя 2 Губского навеса № 1 таких нуклеусов всего два. А поэтому трудно говорить о них как об особом типе, свойственном этой индустрии. Можно выделить здесь в целом два типа нуклеусов: призматические одноплощадочные двух вариантов — с широкой (рис. 1, *2, 7*) и узкой (рис. 1, *3*) рабочей частью и вторичные ядрища торцового скалывания (рис. 1, *5*).

Обратимся теперь к заготовкам для орудия. Число отщепов здесь абсолютно преобладает над общим количеством пластин, пластинок и микропластинок, хотя орудий на отщепах значительно меньше, чем на пластинчатых заготовках. Это, очевидно, объясняется тем, что большое число отщепов не предназначалось для изготовления орудий, а было получено

[3] *А. Н. Рогачев.* Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА, 59, 1957, стр. 41; *его же.* Александровское поселение древнекаменного века у с. Костенки на Дону. М.— Л., 1955; *С. А. Семенов.* Изучение функций палеолитических орудий по следам работы. Сб. «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2. М., 1950, стр. 162.

[4] *М. З. Паничкина.* Палеолитические нуклеусы. АСб. ГЭ, 1959, стр. 52.

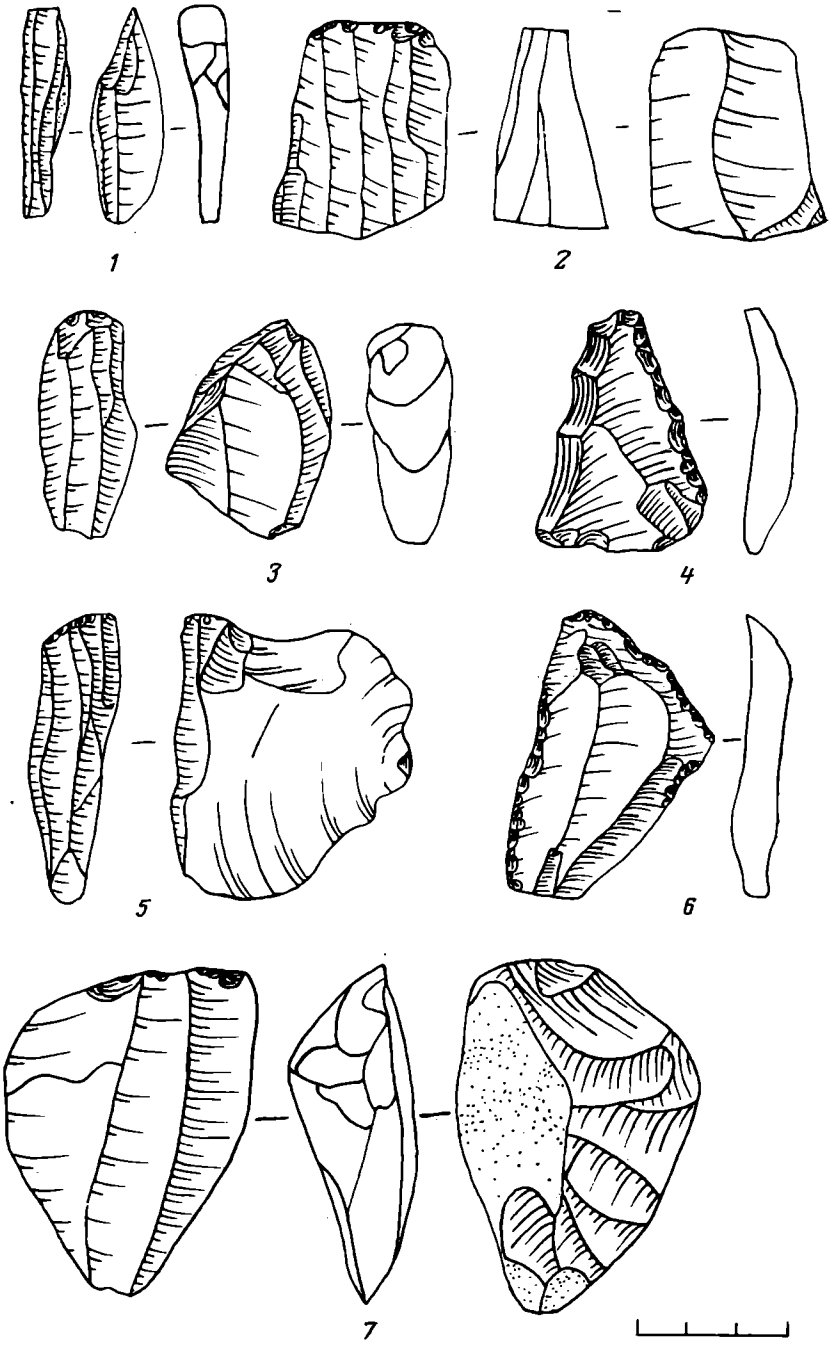



Рис. 1. Губский навес № 1. Слой 2. Образцы кремнёвых орудий (рис. 2—3 — подпись та же)

при предварительной оббивке заготовок для нуклеусов. Об этом говорит и то, что из 347 первичных сколов преобладающее большинство приходится на отщепы.

К характеристике пластинчатых сколов следует отметить, что многие из них имеют неправильные очертания. Сказанное в большей степени относится к пластинам. Пластинки и микропластинки имеют в основном параллельную направленность краев. Но и они не всегда выдержаны в сечении вдоль всей длины. Длина пластин, как и большинства нуклеусов, редко превышает 5 *см*.

В особую категорию выделены нами предметы, являющиеся отходами первичного раскалывания и вторичной обработки кремня. Входящие

в эту категорию обломки представляют собой массивные предметы без ударной площадки и других признаков отщепления от нуклеуса или признаков сходства с самими нуклеусами. Средние размеры обломков от 1,5 до 3 *см* (в поперечнике).

Осколки характеризуются теми же признаками, что и обломки. Разница в том, что последние имеют меньшие размеры (в среднем 1—1,5 *см*).

Чешуйки — наиболее многочисленная разновидность отходов производства. Они очень тонкие (в среднем 1 *мм*) и короткие (1,5 *см*).

Отличительная черта мелких обломков заготовок — их неопределенность. Они настолько мелки (до 1 *см*), что трудно определить исходный тип заготовки, от которого они отломаны. Вместе с тем на них можно различить спину и брюшко. В отличие от крупных обломков пластин и отщепов, которые мы принимали во внимание при подсчете заготовок, эти мелкие разновидности отнесены к отходам производства. Среди орудий нет ни одного на таких мелких обломках, точно так же, как нет их и на перечисленных выше других разновидностях бросового материала.

Среди описываемой части инвентаря имеются также резцовые отщепки и краевые сколы с нуклеусов. Очень интересно, что количество первых (19 экз.) почти совпадает с числом собственно резцов (17 экз.)

**Вторичная обработка.** Техника вторичной отделки орудий состоит, в целом, из четырех приемов: ретуши, поперечного сечения ретушью, резцового скола и подтески. Не считая некоторых скребков с ретушью по краям и исключая собственно скребковую ретушь (ретушь, которой оформлено скребковое лезвие), в комплексе 32 отретушированных предмета. Если рассмотреть ретушь на этих предметах независимо от морфологии орудий, то можно выделить в ней следующие разновидности:

| | |
|---|---|
| 1. Крупная полукрутая | —10 экз. |
| 2. Крупная крутая | —8 экз. |
| 3. Мелкая полукрутая | — 7 экз. |
| 4. Крупнозубчатая | —4 экз. |
| 5. Мелкозубчатая | —3 экз. |

Мелкая и крупная зубчатая ретушь бывает частичная, иногда прерывистая, лицевая, разнофасеточная. Мелкая полукрутая ретушь, встреченная на нескольких экземплярах, лицевая, иногда частичная и всегда краевая.

Обычно полукрутая ретушь, как и крутая, бывает глубокой, т. е. формирующей край изделия. Но здесь она следует естественному наклону краев массивных отщепов и пластин.

Крупная полукрутая и крутая ретушь встречается чаще других, хотя обработанные этой ретушью предметы не образуют здесь четко выдержанных морфологических серий орудий. И та и другая ретушь в подавляющем большинстве случаев частичная, лицевая, равнофасеточная, глубокая.

В целом трудно выделить наиболее характерный для этого комплекса тип ретуши, хотя количественно здесь преобладает крупная полукрутая и крутая ретушь.

Прием резцового скола представлен в индустрии слоя 2 в обычном для всех верхнепалеолитических памятников виде. Этот прием использовался здесь только для получения резцов.

Хорошо представлен в рассматриваемом комплексе прием ретушного усечения заготовок. Ретушь усечения была по некоторым показателям близка к скребковой. Так, фасетки этой ретуши достаточно крупные и имеют наклон к брюшку приблизительно в 45—70°. Сами изделия, подвергшиеся такому усечению, также близко напоминают скребки. Однако, ретушь усечения на концах этих предметов однонаправленная косая, тогда как фасетки ретуши скребкового лезвия, как правило, направлены к

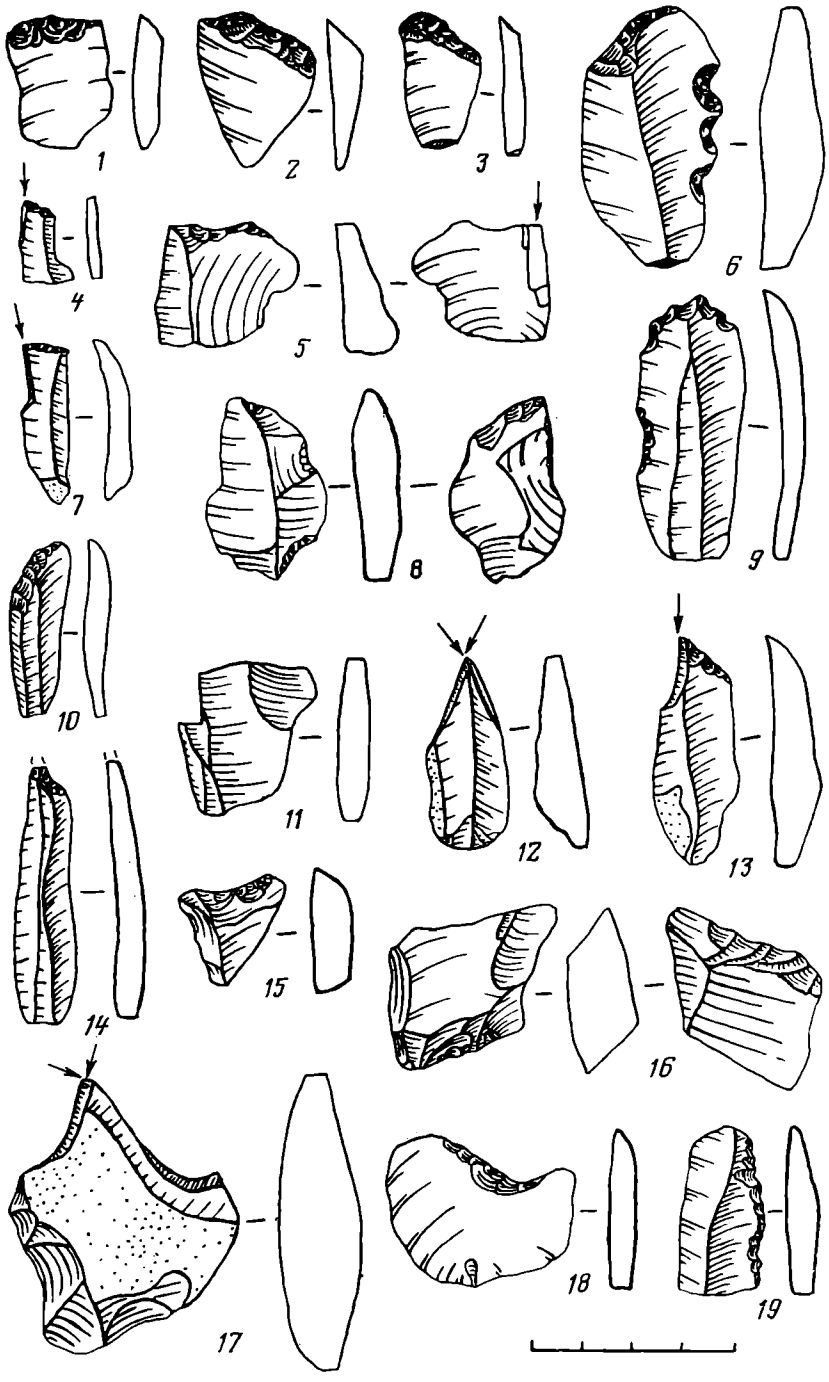


Рис. 2

продольной оси симметрии орудия или по крайней мере прямые (когда заготовка очень плоская и широкая). Последние обычно узкие и длинные, если, как в нашем случае, заготовки массивные, а фасетки ретуши усечения на таких заготовках всегда широкие. Названный прием усечения заготовки представлен в индустрии слоя 2 двумя вариантами: отмеченное уже наклонное брюшковое усечение (11 экз. рис. 2, *1—3*) и противолежащее усечение (1 экз., рис. 2, *16*). Описанный прием является, несомненно, специфической чертой вторичной обработки инвентаря слоя 2 Губского навеса № 1.

Подтеской обработано два предмета. В обоих случаях подтеска крупная плоскостная, близкая к лямеллярной, но отличающаяся от нее

большей шириной фасеток ретуши, которой подработаты нижние концы изделий, т. е. стесаны ударные бугорки.

**Типология.** Весь состав орудий слоя 2 Губского навеса № 1 укладывается в следующий классификационный список.

| | |
|---|---|
| Скребла | — 2 |
| Скребки: | |
| 1. Концевые длинные | — 9 |
| 2. Концевые короткие | — 14 |
| 3. Концевые укороченные | — 7 |
| 4. Двойные | — 4 |
| 5. С боковой выемкой | — 6 |
| 6. С черенком | — 1 |
| 7. С ретушированным с брюшка основанием | — 3 |
| 8. С перехватом | — 2 |
| 9. С брюшковым лезвием | — 2 |
| 10. С плечиками атипичные | — 2 |
| 11. A museau высокие | — 6 |
| 12. Высокой формы с широким лезвием | — 24 |
| 13. Высокой формы с узким лезвием | — 16 |
| 14. Обломки скребков | — 13 |
| Резцы: | |
| 1. Срединные | — 7 |
| 2. Угловые и на углу излома | — 4 |
| 3. Косоретушные | — 3 |
| 4. Пряморетушные | — 1 |
| 5. Плоские | — 1 |
| 6. Микрорезцы | — 1 |
| Пластины и отщепы усеченные ретушью: | |
| 1. С прямым наклонным усечением с брюшка | — 6 |
| 2. Со скошенным наклонным усечением с брюшка | — 5 |
| 3. Со скошенным противолежащим усечением | — 1 |
| Орудия с зубчатой ретушью по краю | — 3 |
| Пластины с зубчатым концом | — 3 |
| Орудия с выемчатым краем | — 1 |
| Орудия с ретушированными выемками: | |
| 1. С брюшка | — 2 |
| 2. Со спинки | — 2 |
| Проколки | — 1 |
| Ножи с коротким дугообразным обушком | — 2 |
| Пластины и отщепы с участками ретуши | — 3 |
| Обломки пластин и отщепов с ретушью | — 6 |

Скребла комплекса (рис. 1, *4*, *6*) относятся к разновидности продольных. Оба они изготовлены на отщепах и оформлены однорядной полукрутой неравнофасеточной ретушью.

Скребки составляют самую многочисленную и самую разнообразную часть инвентаря. Наиболее многочисленной разновидностью изделий этой категории являются скребки высокой формы. В зависимости от ширины рабочего края (лезвия) они делятся на две группы.

Скребки высокой формы с широким рабочим краем (рис. 3, *14*) изготовлены преимущественно на небольших обломках. Ширина рабочего лезвия у этих скребков равна или больше 8 *мм*. Оформлено скребковое лезвие крупной, неравнофасеточной и порой двухрядной ретушью.

Скребки высокой формы с узким рабочим краем (рис. 1, *15*) в отличие от первых изготовлены на массивных отщепах. Рабочее лезвие у них, как правило, расположено на массивном торце отщепа и по ширине не превосходит 8 *мм*. Отличительной особенностью этих скребков является и то, что рабочий край у них первоначально оформлялся узкими длинными лямеллярными снятиями, а затем подправлялся мелкой краевой ретушью по обводу скребковой кромки.

Скребки à museau высокие (рис. 3, *17*), близки к высоким скребкам с узким рабочим лезвием, но отличаются от них наличием по обеим

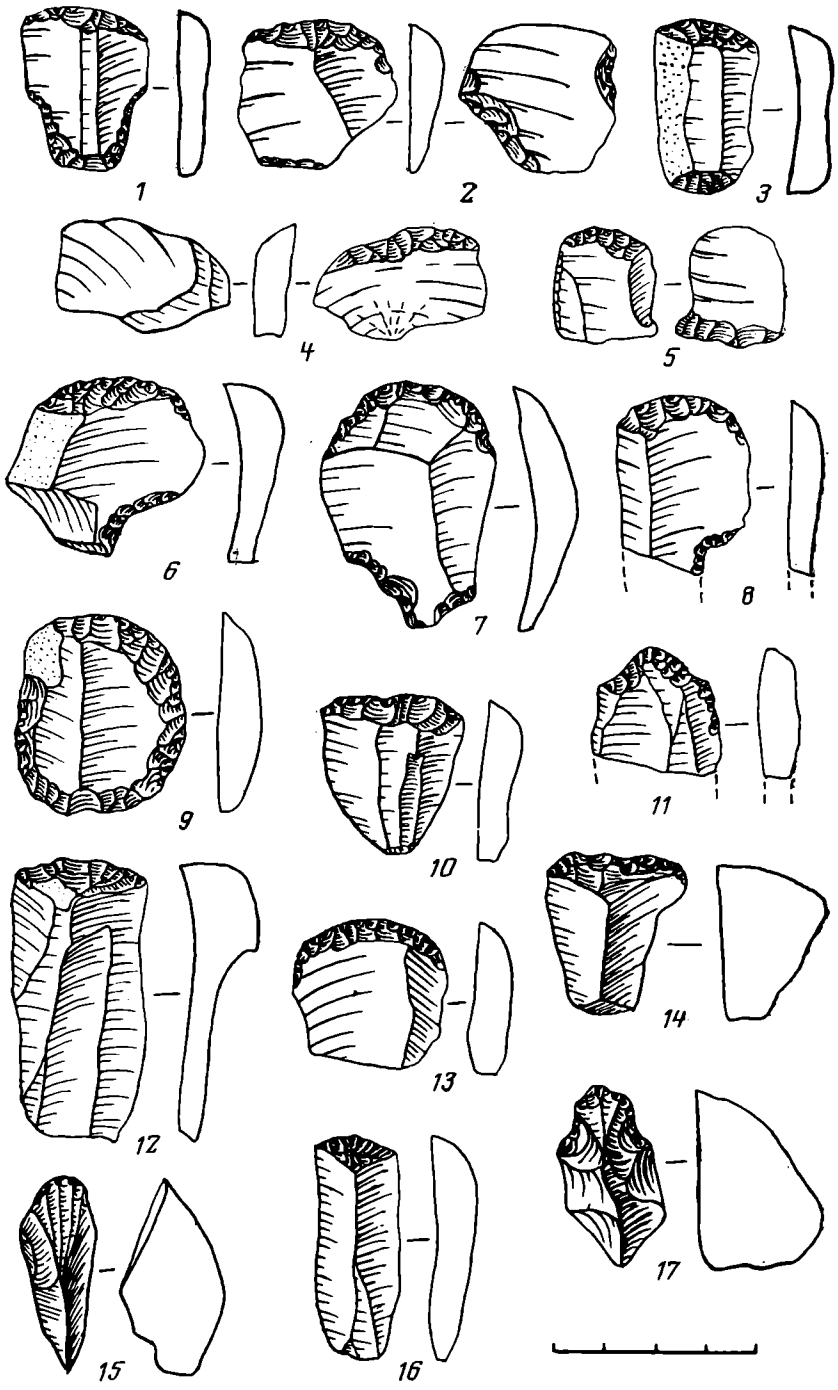


Рис. 3

сторонам от лезвия подчеркивающих его ретушированных выемок. Иногда такая выемка одна. В этих случаях с той стороны, где выемки нет, рабочая часть выражена сама по себе и не вызывает необходимости в дополнительной выемке.

Скребки концевые занимают по численности второе место. По своим пропорциям они подразделяются на три разновидности: длинные (рис. 3, *12*), короткие (рис. 3, *10*) и укороченные (рис. 3, *13*). Первые изготовлялись в основном на довольно массивных пластинах. Для остальных заготовками служили отщепы. По остальным признакам между конце-

выми скребками различий не наблюдается. Во всех трех случаях края орудий неретушированы. Однотипна всегда и ретушь на скребковом лезвии.

Скребки двойные (рис. 3, *3*) близки по всем показателям к одинарным концевым и отличаются от последних лишь дублированностью скребкового лезвия. Три из четырех таких скребков изготовлены на массивных пластинах и один на отщепе.

Скребки с плечиками атипичные (рис. 3, *11*) представлены двумя экземплярами. От типичных скребков подобного вида их отличает то, что плечики здесь пологие, а рабочая кромка слишком узкая. У одного из этих изделий основание уплощено с брюшка крупной ретушью.

Скребки с боковой выемкой в основании составляют здесь серию из 6 экз. В целом, это скребки концевого типа, имеющие глубокую (рис. 3, *6*) или неглубокую (рис. 3, *7—8*) выемки в нижней части одного из краев заготовки. Выемки на этих скребках, очевидно, предназначались для удобства захвата пальцами.

Скребки с ретушированным с брюшка основанием (рис. 3, *5*) в основном мелкие, на отщепах. Особенностью их является крупная наклонная разнофасеточная ретушь по основанию с брюшка. Другими словами, при изготовлении подобных скребков один конец заготовки подвергался наклонному усечению ретушью с брюшка, а другой ретушировался под скребковое лезвие.

Скребки с перехватом (рис. 3, *2*) являют очень специфичную форму, не известную пока в кавказских верхнепалеолитических материалах. Характеризуются эти скребки небольшими размерами и наличием двух широких выемок с брюшка по краям заготовок. Выемки противопоставлены друг другу и чуть смещены по вертикали. Вполне реально, что указанные выемки предназначены для более удобного захвата скребка пальцами при его использовании.

Скребки с брюшковым лезвием (рис. 3, *4*) также специфичны для данного комплекса. Простой, но весьма выразительной особенностью этих орудий является то, что скребковое лезвие у них оформлено не на спинке, как обычно, а на брюшке. Отсюда и их название.

Скребок с черенком (рис. 3, *1*) подтверждает наблюдение о том, что специфичные, необычные формы скребков представлены в данном комплексе значительно меньшим количеством предметов, чем широко распространенные банальные типы. Возможно, частично это объясняется тем, что раскопана пока небольшая часть стоянки. Иначе трудно согласиться с тем, что отделанный с такой тщательностью и целенаправленностью скребок с черенком является случайным только потому, что пока он единичен. Четко выделенный его черенок говорит, очевидно, о том, что скребок снабжался специальной рукоятью.

Резцы в комплексе немногочисленны, их почти в 7 раз меньше, чем скребков. В целом, резцы довольно разнообразны, но в отличие от скребков не имеют сколько-нибудь специфических типов.

Резцы срединные (рис. 2, *12, 17*) представлены наиболее многочисленной серией. Большинство их изготовлено на массивных сколах. Размеры — 3—5 *см*.

Резцы угловые и на углу излома (рис. 2, *11*) в количественном отношении следуют за срединными. Заготовками для этого типа резцов служили более унифицированные сколы в виде крупных обломков широких пластин.

Резцы косоретушные (рис. 2, *13*) изготовлены только на пластинах. В отличие от названных выше типов у резцов косоретушных (как, впрочем, и пряморетушных) резцовая кромка (biseau) получалась сочетанием одного резцового скола с косоретушированным концом заготовки.

Остальные разновидности резцов: пряморетушный (рис. 2, *7*), плоский

(рис. 2, *5*) и микрорезец (рис. 2, *4*) представлены лишь единичными экземплярами.

Пластины и отщепы, усеченные ретушью, отличаются в рассматриваемом комплексе некоторыми особенностями. Собственно типичных lames tronquées в инвентаре нет. Последние, как известно, характеризуются крупной крутой ретушью, усекающей пластину поперек со спинки чаще всего прямо, т. е. почти перпендикулярно длинной оси заготовки. Ретушь сечения при этом лежит не на спинке и не на брюшке, а непосредственно на торце заготовки вдоль линии усечения. В нашем же инвентаре предметы, усеченные ретушью, имеют существенные отличия от типичных. Так, размеры этих изделий против обычного здесь мелкие (2,5—3 *см*). Ретушь усечения во всех случаях располагается на брюшке. Она всегда крупная, полукрутая, равнофасеточная, частично двухрядная. Такая необычная для поперечного сечения изделий ретушь делает возможным истолковывать рассматриваемые предметы как орудия с утончением одного конца. Но такое толкование было бы ошибочным. При утончении концов ретушь бывает более пологой, почти плоской и на предметах такой массивности, как рассматриваемые, заходит довольно далеко на брюшко. В нашем же случае конец заготовки просто наклонно резко срезан ретушью. Таким образом, здесь можно говорить о технике наклонного усечения изделий как о разновидности поперечного ретушного усечения.

В зависимости от того, как соотносится линия усечения с длинной осью заготовки, эти изделия делятся на два варианта: с прямым наклонным усечением (рис. 2, *1*) и со скошенным наклонным усечением (рис. 2, *2, 3*). Количество тех и других, как видно из классификационного списка, почти равное.

Орудия с зубчатой ретушью по краю (рис. 2, *19*) составляют одну из разновидностей не очень многочисленной категории зубчато-выемчатых изделий инвентаря. Они представляют собой пластины с полукрутой крупной неравнофасеточной ретушью. При этом во всех случаях отретуширован только один край пластины.

Пластины с зубчатым концом (рис. 2, *9*) интересны тем, что у них в отличие от описанных выше предметов крупнозубчатой ретушью обработаны не края, а верхний конец. Это редкая для кавказских индустрий форма изделий.

Орудия с выемчатым краем (рис. 2, *6*) представлены в комплексе всего одним экземпляром. Обработанный тремя широкими смыкающимися друг с другом выемками край этого изделия сочетается с коротким наклонным ретушированным обушком в верхней части заготовки.

Орудия с ретушированными выемками изготовлены все на небольших отщепах. В зависимости от того, на какой стороне заготовки расположены выемки, эти изделия делятся на два варианта: с выемкой на спинке (рис. 2, *15*) и с выемкой на брюшке (рис. 2, *18*). И в том и в другом случае на заготовке имеется по одной широкой неглубокой выемке.

Проколка (рис. 2, *14*) в данном комплексе одна. Обломанное в древности жальце орудия выделено ретушью только со спинки. Судя по сечению на месте излома, оно имело небольшую длину. Заготовкой для проколки послужила длинная пластинка довольно правильных очертаний, каких в инвентаре не очень много.

Ножи с коротким дугообразным обушком (рис. 2, *8*, *10*) представлены здесь двумя заметно отличающимися друг от друга предметами. Один из них (рис. 2, *10*) изготовлен на небольшой пластине и имеет обработку только на обушке. Заготовкой для другого экземпляра (рис. 2, *8*) послужил отщеп, на котором оформлен не только обушок, но широким сколом уплощен и режущий край.

Наконец, в инвентаре имеются невыразительные пластины и отщепы и их обломки с участками ретуши.

Мы рассмотрели и описали весь инвентарь слоя 2 Губского навеса № 1. Ряд наблюдений и выводов дают возможность охарактеризовать культурные особенности изучаемого памятника. Так, по составу инвентаря можно отметить полное отсутствие в комплексе каких бы то ни было острий, геометрических форм и пластинок с притупленным краем, абсолютное численное преобладание скребков не только над резцами, но и над орудиями всех остальных категорий, взятых вместе.

Указанные особенности являются достаточно общими. Тем не менее некоторые из них имеют большое значение. Наиболее интересно в этом плане отсутствие в комплексе пластинок с притупленным краем. Известно, что памятники, лишенные или почти лишенные их, были обнаружены и в Закавказье (Грузия) [5]. Последние не были идентичны памятникам закавказской [6] (по Н. О. Бадеру) или имеретинской [7] (по Г. П. Григорьеву) культуры, считавшейся одно время характерной для всего Кавказа в целом [8], и вызывали вначале недоумение тем, что не соответствовали схеме развития общекавказской (а по существу имеретинской) верхнепалеолитической культуры, разработанной С. Н. Замятниным. В результате дальнейших исследований в объяснении особенностей данных индустрий (речь идет, в частности, о Самерцхле-клде и Дзудзуане) столкнулись две точки зрения. Согласно первой, отсутствие или малочисленность пластинок с притупленным краем является указанием на ранний возраст этих памятников [9]. Сторонники второй точки зрения, представляющейся в настоящее время более приемлемой, объясняют этот же факт не хронологической позицией памятников, а их культурными особенностями [10].

Наряду с приведенными взглядами недавно было предложено и несколько иное толкование различий верхнепалеолитических индустрий Грузии, согласно которому «среди позднепалеолитических индустрий Грузии отмечается два эволюционных цикла: один представлен стоянками, лишенными пластинок с притупленным краем (Самерцхле-клде, нижний слой Сакажиа, слой 1 Сагварджиле и грот Дзудзуана), другой — стоянками с пластинками с притупленным краем и геометрическими микролитами, которые образуют классическую цивилизацию Имеретии» [11]. Отвергая представление С. Н. Замятнина о единстве верхнепалеолитической культуры Грузии, автор приведенных строк, известный польский исследователь Я. Козловский предлагает считать эту культуру двойственной. Здесь не учитывается, однако, то, что открытие еще одной или нескольких культур потребует нового пересмотра линий развития верхнего палеолита Закавказья. Устанавливая, таким образом, общее сходство инвентаря слоя 2 Губского навеса № 1 с материалами закавказских памятников типа Самерцхле-клде, мы, однако, не можем считать их однокультурными памятниками.

Рассмотренный комплекс характеризует особый, не имеющий пока прямых аналогов памятник. Его специфику выразительно подчеркивают такие чрезвычайно редкие или уникальные типы и разновидности орудий, как скребки с брюшковым лезвием, скребки с перехватом, скребки с боковой выемкой в основании, скребки с черенком, пластины и отщепы с

[5] *М. Г. Ниорадзе.* Пещера Самерцхле-клде и верхний палеолит Западной Грузии. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1968.

[6] *Н. О. Бадер.* Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита. СА, 1965, 4.

[7] *Г. П. Григорьев.* Верхний палеолит. Сб. «Каменный век СССР». М., 1970.

[8] *С. Н. Замятнин.* Палеолит Западного Закавказья. СМАЭ, XVII, 1957.

[9] *Н. З. Бердзенишвили.* К вопросу о начальной стадии верхнего палеолита Грузии. Сб. «Каменный век Средней Азии и Казахстана». Ташкент, 1972, стр. 42.

[10] *М. Г. Ниорадзе.* О некотором своеобразии верхнепалеолитической культуры Грузии. Сб. «Каменный век Средней Азии и Казахстана». Ташкент, 1972, стр. 142.

[11] *Janusz K. Kozlowski.* Le Paléolitique supérieur en Transcaucasie et en Proche — Orient. II-e parti. Subdivision du paléolithique supérieur en Transcaucasie occidentale. (Résumé). Swiatowit, XXXIII, Warszawa, 1972, p. 46.

наклонным ретушным сечением. Сочетание таких форм орудий не встречается ни в одном памятнике на юге СССР. В культурном отношении с инвентарем этого слоя не смыкаются и материалы перекрывающего его верхнепалеолитического слоя 1.

Из хронологически сопоставимых памятников территориально наиболее близка к Губскому навесу № 1 Каменномостская пещера. Но в инвентаре соответствующих слоев этих памятников мы снова видим лишь общее сходство. Такое же, как для комплекса слоя 2 Губского навеса № 1 и закавказских памятников типа Самерцхле-клде. Не имея, таким образом, ни предшествующих, ни последующих однокультурных с Губским навесом памятников, рассматривать вопрос об истоках и дальнейшей эволюции изучаемой индустрии в настоящее время невозможно.

В заключение коснемся вопроса о датировке инвентаря. Вопрос об относительном хронологическом диапазоне бытования памятника ранее уже рассматривался. Так А. А. Формозов датировал инвентарь слоя 2 средней порой верхнего палеолита[12]. Здесь мы придерживаемся этой датировки, но вместе с А. А. Формозовым считаем, что она, как и любая другая датировка, основанная лишь на типологии инвентаря, не является безупречной. Более точная датировка будет зависеть от детального геологического изучения стоянки. Несмотря на то, что разрез Губского навеса № 1 изучен и опубликован[13], нет заключения специалистов относительно геологического возраста погребенного гумуса слоя 3, в котором заключены культурные остатки археологического слоя 2. Исходя из синхронности палеоклиматических явлений позднего плейстоцена Европы и Кавказа и основываясь на датирующих признаках кремневого инвентаря, нам представляется допустимым отнесение указанного горизонта погребенного гумуса к интерстадиалу паудорф. Если это подтвердится, то о возрасте инвентаря верхнепалеолитического слоя 2 Губского навеса № 1 можно будет говорить с большей определенностью.

*Kh. A. Amirkhanov, P. Ou. Aoutlev*

## ETUDE DES INDUSTRIES DU PALEOLITHIQUE SUPERIEUR DANS LA REGION DU KOUBAN

Résumé

L'abri Goubskiy № 1 est actuellement dans le Nord du Caucase l'unique monument à multiples niveaux, présentant à la fois des couches du paléolithique supérieur (couches 1 et 2) et de l'époque moustérienne. La présente étude est consacrée à l'examen des pièces de la couche 2, recueillies au cours des fouilles exécutées en 1962, 1963 et 1975. Leur analyse montre que nous avons affaire à un site particulier, n'ayant pas jusqu'à présent d'analogues directs. Son côté spécifique est mis en relief par les types des grattoirs extrêmement rares, ou même uniques et des lames et des éclats tronqués obliques. Dans aucun monument du Sud de l'Union Soviétique on n'avait jamais rencontré un tel assemblage de formes d'outils. Les pièces de la couche 1 de recouvrement, datant du paléolithique supérieur, ne se relient pas au point de vue culturel avec l'inventaire de la couche 2.

Les auteurs essaient également dans cette étude de déterminer la date de ce monument. Bien que la coupe de L'abri Goubskiy № 1 ait été étudiée et publiée, les spécialistes n'ont rien conclu relativement à l'âge géologique de la primitive couche 3 d'humus, qui contient des restes de la couche culturelle 2. En se basant sur le synchronisme des phénomènes paléoclimatiques du pléistocène récent en Europe et au Caucase, ainsi que sur les indices de datation de l'inventaire en silex, il nous est possible de reporter la dite couche primitive d'humus à l'interstadial de Paudorf.

[12] *А. А. Формозов.* Ук. соч., стр. 49; *там же.* Палеолитические стоянки в пещерах Прикубанья. КСИА АН СССР, 98, 1964, стр. 13.

[13] *В. П. Любин и др.* Ук. соч., стр. 57, 58.

Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ

# ДРЕВНЕЙШАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ МЕСОПОТАМИИ

Активные археологические исследования двух последних десятилетий на Ближнем Востоке заставили заметно удревнить появление здесь первых металлических изделий и вместе с тем пересмотреть вопрос о начале металлургии в целом. Ведь совсем еще недавно древнейшими медными изделиями считались находки в Сиалке I (V тысячелетие до н. э.), и уж во всяком случае металлургия представлялась немыслимой до появления развитого керамического производства. Поэтому открытие Д. Меллартом медных и свинцовых изделий в ряде горизонтов Чатал Хюйюка [1], сразу же удревнившее металлургию на два тысячелетия, заслуженно было воспринято как сенсация (впрочем, с этим поразительным памятником связана целая серия сенсаций!). Дальнейшие же открытия показали, что в данном аспекте Чатал Хюйюк не уникален. Металл был найден в слоях VI тысячелетия до н. э. в Хаджиларе (Западная Анатолия), Суберде (долина Коньи); бусина, свернутая из тонкого медного листа, была открыта в слое докерамической фазы Али Кош (VII тысячелетие до н. э.) на многослойном поселении этого же названия в Хузистане (Юго-Западный Иран) [2]. А докерамическое поселение Чайоню-тепези в верховьях Тигра превосходит по древности и фазу Али Кош и Чатал Хюйюк: оно датируется концом VIII — началом VII тысячелетия до н. э. Но и здесь найден ряд кусков медной руды и медные изделия (проколки, иглы, бусы), выполненные методом холодной ковки [3].

Отмеченными находками охвачена весьма значительная территория Ближнего Востока от Западной Анатолии до Хузистана. И вызывало удивление почти полное отсутствие соответствующих находок в центральной части этой территории — в Северной Месопотамии. Лишь единичные медные бусы найдены в одной из могил нижнего слоя Телль эс-Саввана, другие — также единичные — медные изделия из этого поселения не имеют четкой стратиграфической привязки, и некоторые из них скорее всего попали в него в результате поздних перекопов [4]. В последующих

[1] *J. Mellaart.* Catal Huyuk. A Neolithic Town in Anatolia. London, 1967, p. 22, 209, 212, 217, 218, fig. 104; *H. H. Coghlan.* Notes on the Prehistorie Metallurgy of Copper and Bronzè in the Old World, Oxford, 1951, p. 40—44.

[2] *F. Hole, K. Flannery, J. A. Neely.* Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain. An Early Village Sequence from Khuzistan, Iran. Ann Arbor, 1969, p. 42, 399; *C. S. Smith.* Analysis of the copper bead from Ali Kosh. Ibid., 427, 428; *H. H. Coghlan.* Op. cit., p. 44.

[3] *R. Braidwood.* The Early Village in Southwestern Asia. JNES, vol. 32, No. 1—2, Chicago, 1973, p. 37; *R. Braidwood, H. Cambel, B. Lowrence, C. L. Redman, R. B. Stewart.* Beginnings of Village-Farming Communities in Southeastern Turkey — 1972. «Proceedings of National Acad. Sci. U.S.A.», vol. 71, No. 2, 1974, p. 570; *R. Braidwood.* Archaeological news letter. The Oriental Institute. The University of Chicago. 8.XI. 1970; *H. H. Coghlan.* Op. cit., p. 40.

[4] Поздний их характер подтвержден и результатами химического анализа изделий, произведенного Е. Н. Черных в лаборатории ИА АН СССР. В частности, это касается медного браслета, металл которого по набору примесей резко отличается от ранних образцов.

слоях Телль эс-Саввана, знаменующих дальнейшее развитие самаррской культуры, достаточно достоверных металлических находок нет. Не было их и в памятниках хассунской культуры, развивавшейся в VI тысячелетии до н. э. параллельно самаррской. И прежде всего это касается самой Телль-Хассуны. Ее исследователи С. Ллойд и Ф. Сафар подчеркивают отсутствие здесь меди [5]. И если они применяют по отношению к Телль-Хассуне термин «протохалколит», то основания для этого дали не конкретные находки, а наблюдения общего характера над стратиграфией самой Телль-Хассуны и хронологически близких памятников (прежде всего Мерсина) и отраженными этой стратиграфией культурными изменениями.

«Поскольку мы склонны принять,— пишут они,— применение Беркитом термина „неолитическая" к эре дорасписной керамики как противостоящей непосредственно следующей за ней фазе, обозначенной им термином „протохалколитическая", и поскольку этот мерсинский протохалколит соответствует по стольким направлениям нашему хассунскому архаическому комплексу, мы приравниваем разделительную линию на высоте 9.50 в Мерсине слою I-в в Хассуне и прилагаем термин „неолит" только к наидревнейшему поселку» [6]. Г. Чайлд также подчеркивает, что «мы не имеем прямых свидетельств о применении жителями Хассуны меди» [7].

Более того, до последнего времени оставались весьма скудными соответствующие материалы и для хронологически следующей, относящейся к V тысячелетию до н. э. халафской культуры. Лишь в позднем комплексе этой культуры в Арпачии 6 найдены подвески и обломки булавок из меди и свинца [8]. Мелкая медная бусина найдена в соответствующем слое Чагар-Базара [9]. Помимо этих единичных фактов существовали лишь предположения о металлических прототипах некоторых форм халафских чаш (подвергшиеся обоснованной критике [10]). И даже находки медных долота и колечка в раннеубейдском слое XVII Тепе Гавры рассматривались А. Тоблером как изолированные, привезенные извне и заметно предшествовавшие началу халколита, с которым он связывает лишь позднеубейдский слой XIII (первая половина IV тысячелетия до н. э.). Правда, и в последнем найдено лишь единичное шило, но в дальнейшем медь присутствует уже в ряде последовательных слоев. Находки же медных изделий в халафских слоях этот исследователь рассматривал как случайные. Он не сомневается в отнесении всей халафской культуры к неолиту, более того, относил к нему и большую часть следующего — убейдского — периода [11]. Д. Меллаарт в отличие от А. Тоблера не видит оснований сомневаться в позднехалафской принадлежности находок в Арпачии, но считает их «нововведением этого периода» (a novelty of the period...). «Это представляется странным,— продолжает он,— в свете значительно более раннего использования меди в Чайоню, Чатал Хюй-

---

[5] *S. Lloyd and F. Safar.* Tell Hassuna. Excavations by the Iraq Government Directorate Generale of Antiquities in 1943 and 1944. JNES, vol. IV, No. 4, Chicago, 1945, p. 263.

[6] Ibid., p. 264. Ныне такое соответствие поколеблено: раскопки советской экспедицией хассунского поселения Ярым Тепе I показали, что и «наидревнейшие» слои, подобные Хассуне I-а, относятся уже к «эре» не дорасписной, а расписной керамики.

[7] *Г. Чайлд* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 173. Надо отметить, что это не совсем точно. В экспозиции Багдадского музея представлен просверленный кусок медной руды — малахита — из раскопок Хассуны; однако в опубликованных отчетных материалах эта находка отражения не получила.

[8] *M. E. L. Mallowan and J. C. Rose.* Excavations at Tell Arpachiyah, 1933, Iraq, vol. II, London, 1935, p. 103, 104; *J. Mellaart.* The Neolithic of the Near East. London, 1975, p. 166.

[9] *M. E. L. Mallowan.* Excavations at Tell Chagar Bazar and the archaeological survey of the Khabur region. Iraq, vol. III, London, 1936, p. 26.

[10] *A. J. Tobler.* Excavations at Tepe Gawra. Vol. II. Philadelphia, 1950, p. 211.

[11] Ibid., p. 211—213.

юке, Али Коше, Мухаммед Джафаре и Телль эс-Савване» [12]. Действительно, более 1000 лет отделяют арпачийские находки от нижнего слоя Телль эс-Саввана и более 2500 — от медных изделий Чайоню-тепези. Еще раз подчеркнем, что если для конца VIII — начала VII тысячелетия до н. э. Чайоню-тепези сохраняет пока характер уникального местонахождения, то в VII—VI тысячелетиях до н. э. металл известен уже в ряде областей, смежных с Месопотамией как с запада, так и с востока и отнюдь не превосходивших ее по уровню и темпу своего развития. Поэтому отмеченный разрыв и кажущееся заметное запаздывание Месопотамии в рассматриваемом аспекте представляются исторически неправомерными. Оставалось надеяться, что новые полевые исследования изменят эту вызывающую недоумение картину.

Многолетние работы советской археологической экспедиции в Синджарской долине (северо-запад Ирака) в значительной мере оправдали такие ожидания. Металл был зафиксирован на всех трех основных объектах раскопок — хассунском поселении Ярым Тепе I, халафском поселении Ярым Тепе II и дохассунском поселении Телль Сотто, безусловно предшествовавшем периоду Хассуны I-а. Находки достаточно многочисленны и представлены как изделиями, так и кусками медной руды (малахита) различных размеров — от мелких до довольно значительных [13]. Ввиду особой их важности и необходимости устранить сомнения в принадлежности их определенным слоям указанных поселений ниже рассмотрена каждая находка с приведением всех данных, касающихся ее стратиграфической привязки.

**Находки на поселении Телль Сотто.**

Культурный слой поселения Телль Сотто достигает в толщину 3,80 *м*. Внутри него выделены четыре горизонта [14]. Из них верхний (горизонт I) содержит стандартную хассунскую керамику, следующий (горизонт II) соответствует переходу от архаической к стандартной хассуне, горизонт III — архаической хассуне и частично более раннему периоду. Наиболее важен IV горизонт, полностью предшествующий известным до сего времени хассунским памятникам, весьма близкий комплексу Умм-Дабагии [15] и знаменующий, по нашему представлению, древнейшую земледельческую культуру Джезиры — культуру Телль Сотто [16]. Металл встречен в ходе раскопок поселения трижды.

Горизонт III. Квадрат 10-А-4. Глубина 1,80 *м*. Медная бусина, согнутая из листа, очень сильно окисленная. Найдена в архаическом хассунском слое, ненарушенном и перекрытом сооружениями горизонта II.

Горизонт IV. Квадрат 17-С-1. Глубина 2,10—2,30 *м*. Две медных бусины, очень сильно окисленные, что затрудняет точное определение их формы (очевидно, близкой к шаровидной). Входили в состав ожерелья,

---

[12] *J. Mellaart.* The Neolithic ..., p. 166. Неясно, какую находку фазы Мухаммед Джафар в Хузистане имеет в виду автор.

[13] Сами по себе находки малахита не могут служить свидетельством начала металлообработки: малахит мог использоваться подобно другим минералам; кусок его, обработанный в виде подвески, найден, в частности, в одном из погребений XI тысячелетия до н. э. в Шанидаре (*И. Р. Селимханов.* Разгаданные секреты древней бронзы. М., 1970, стр. 11). Совершенно иное значение приобретают находки малахита в одних слоях с медными изделиями, особенно при близких результатах химического анализа обеих категорий находок. В подобных случаях малахит может с определенной долей уверенности рассматриваться как металлургическое сырье.

[14] *Н. О. Бадер.* Раннеземледельческое поселение Телль Сотто (по раскопкам 1971, 1973—1974 гг.). СА, 1975, 4, стр. 104.

[15] *D. Kirkbride.* Umm Dabaghiyah. Iraq, vol. XXXIV, 1972; vol. XXXV, 1973; vol. XXXVI, 1974; vol. XXXVII, 1975; *J. Mellaart.* The Neolithic ..., p. 135—141.

[16] Мы, как и ранее, считаем, что нижний слой Телль Сотто, как и Умм Дабагия, знаменует особую культуру, а не этап Хассуны, хотя и не отрицаем возможности определенных связей между ними, в том числе и генетических (*R. Munchaev, N. Merpert.* The Archaeological Research in the Sinjar Valley (1971). Sumer, vol. 27, Baghdad, 1973, p. 31, 32).

сопровождавшего погребение младенца (погр. 22). Тело последнего, как и сопровождающий его инвентарь, были помещены в типичный для культуры Телль Сотто большой грубый сосуд с подкосами ко дну и двумя орнаментальными налепами по венчику. Погребение перекрыто верхними полами IV горизонта. Последние в свою очередь перекрыты зольниками и остатками хозяйственных построек III горизонта.

**Находки на поселении Ярым Тепе I.**

Культурный слой поселения Ярым Тепе I превышает 6 *м*. Внутри него выделены 12 строительных горизонтов [17], охватывающих весь период развития хассунской культуры, начиная с первоначального ее этапа (XII горизонт соответствует началу этапа I-а на эпонимном памятнике). Металл встречен в ходе раскопок поселения 27 раз. Особо следует подчеркнуть, что он представлен во всех последовательных строительных горизонтах от V до XII (первоначального) [18]. В трех горизонтах (VII, X и XI) найдены совместно изделия и куски малахита. Конкретные находки распределяются по горизонтам следующим образом.

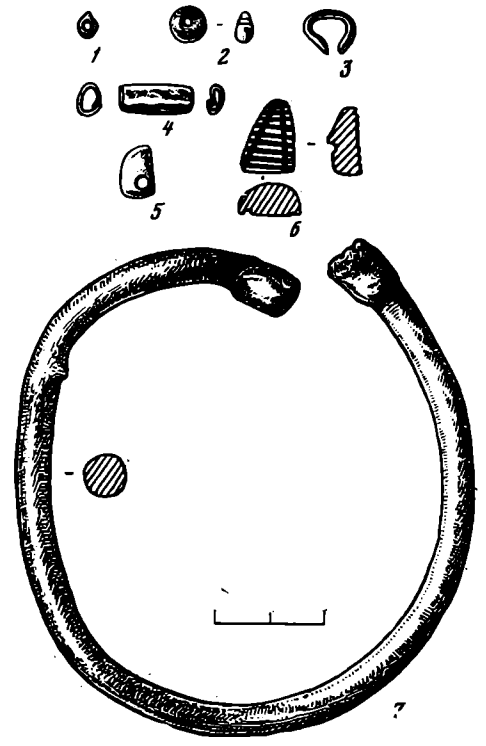



Рис. 1. *2*, *3*, *4*, *7* — медные и свинцовое (7) украшения из Ярым Тепе I; *1*, *5*, *6* — медные предметы из Ярым Тепе II

Горизонт V. 1. Участок 48с-4, глубина 3,20 *м*. Кусок медной руды (малахита) размерами 3×2*см*. Найден внутри помещения 147 строительного комплекса 10.

Горизонт VI. 2. Участок 38 d-3, глубина 4,0 *м*. Кусок медной руды (малахита). Найден в ненарушенном слое, перекрытом развалом помещения 118 горизонта V. 3—5. Участок 38 d-1, глубина 4,0*м*. Три куска медной руды (малахита). Найдены на нижнем полу большого открытого двора (площади) VI горизонта, перекрытого строительными остатками V горизонта.

Горизонт VII. 6. Участок 47 а-3, глубина 4,20 *м*. Медная пронизка — трубочка, согнутая из листа толщиной 0,08*см* (рис. 1,*4*). Длина 1,5 *см*, диаметр 0,6—0,3 *см* (у одного края пронизка приплюснута). Найдена у стены печи 27 в ненарушенном слое, перекрытом полами и стенами помещения 124 (комплекс 15 горизонта VI), которые в свою очередь перекрыты строительными остатками комплекса 5 (горизонт V). 7. Участок 47 а-3, глубина 4,36 *м*. Кусок медной руды (малахита). Найден в слое, уходящем под платформу комплекса 17, перекрытого стенами и ненарушенными полами комплекса 15 (горизонт VI). 8. Участок 47 а-1, глубина 4,42 *м*. Кусок медной руды (малахита) размерами 3×1,5 *см*. Найден в прослойке, идущей с южной стороны комплекса 17 и уходящей под его стену.

Горизонт VIII. 9. Участок 37 в-1, глубина 4,74 *м*. Кусок медной руды (малахита). Найден в ненарушенном слое, перекрытом конструкциями VII горизонта комплекса 23. 10. Участок 47 а-4, глубина — 4,60 *м*. Кусок медной руды (малахита). Найден в ненарушенном слое,

[17] Нумерация горизонтов велась сверху вниз.

[18] Во всех удовлетворительно сохранившихся горизонтах, поскольку четыре верхних сильно разрушены поздними погребениями и хозяйственными ямами.

перекрытом платформой VII горизонта под комплексом 17. 11. Участок 57 d-1, глубина 4,52 *м*. Кусок медной руды (малахита). Найден в слое, перекрытом полом помещения 252 комплекса 14 (VII горизонт). 12. Участок 57 a-1, глубина 4,91 *м*. Кусок медной руды (малахита). Найден у основания стен помещения 296 комплекса 32, на поверхности, перекрытой зольно-угольной прослойкой, подстилающей комплекс 20.

Горизонт IX. 13. Участок 57 a-2, глубина 5,0 *м*. Кусок медной руды (малахита). Найден на поверхности, перекрытой слоем IX горизонта, а выше — строительным развалом VIII горизонта. 14. Участок 47 a-4, глубина 5,15 *м*. Крупный кусок медной руды (малахита) размерами 4×3,5 *см*. Найден под рядом ненарушенных полов комплекса 28 (VIII горизонт), подстилающих платформу комплекса 17 (VII горизонт). 15. Участок 47 b-3, глубина 5,0 *м*. Кусок медной руды (малахита). Найден у основания стены помещения 291 комплекса 28 (IX горизонт), в развале фрагментов архаических хассунских сосудов, перекрытом полом и стенами помещения 195 комплекса 19 (VIII горизонт).

Горизонт X. 16. Участок 27 a-2, глубина 5,21 *м*. Часть медного колечка из полукруглого в сечении (4×2,5 *мм*) жгута. Диаметр колечка несколько более 1 *см*. Поверхность, на которой оно найдено, перекрыта ненарушенными полами IX горизонта, а выше — прямоугольной постройкой 265 (VIII горизонт). 17. Участок 47 b-2, глубина 5,40 *м*. Кусок медной руды (малахита). Найден в слое строительных остатков комплекса 33 (горизонт X), перекрытом конструкциями комплекса 28 (IX горизонт). 18. Участок 47 b-2, глубина 5,35 *м*. Кусок медной руды (малахита). Найден у основания стены комплекса 33. 19. Участок 57 a-1, глубина 5,08 *м*. Кусок медной руды (малахита). Найден у основания платформы зернохранилища комплекса 36. 20. Участок 27 a-2, глубина 5,06 *м*. Кусок медной руды (малахита). Найден в ненарушенном слое X горизонта.

Горизонт XI. 21. Участок 27 c-1, глубина 5,62 *м*. Разомкнутоконечная подвеска неправильной (близкой к кольцевидной) формы из медного жгута диаметром от 1 до 1,5 *мм* (рис. 1, *3*). Размеры подвески 10×9 *мм*. Найдена она внутри помещения 318 (XI горизонт), перекрытого свитой ненарушенных полов и выше остатками помещения 234 комплекса 25 (VIII горизонт). 22. Участок 27 d-1, глубина 5,60 *м*. Кусок медной руды (малахита). Найден под массивной стеной постройки X горизонта. 23. Участок 47 b-4, глубина 5,61 *м*. Кусок медной руды (малахита). Найден внутри помещения 335 комплекса 34 (XI горизонт), у основания его стены; помещение перекрыто остатками комплекса 33 (X горизонт). 24. Участок 47 b-3, глубина 5,49 *м*. Кусок медной руды (малахита). Найден под основанием стены комплекса 33 (X горизонт), в заполнении помещения 329 комплекса 34 (XI горизонт). 25. Участок 37 a-3, глубина 5,50 *м*. Кусок медной руды (малахита). Найден у основания стены XI горизонта, перекрытой рядом ненарушенных полов.

Горизонт XII. 26. Участок 27 d-4, глубина 5,95 *м*. Кусочек медной руды (малахита) дисковидной формы с пробитым отверстием (рис. 1, *2*). Диаметр 7 *мм*, толщина 3 *мм*. 27. Участок 47 b-3, глубина 6,03 *м*. Свинцовый браслет (рис. 1, 7). Сделан из круглого в сечении свинцового прута диаметром 7—8 *мм*. Диаметр браслета 9,2—10 *см*. Вес 107 *г*. Браслет разомкнутоконечный. Концы завершаются бутонообразными расширениями, частично разрушенными, длина их 12 *мм*, толщина 10 *мм*. Браслет найден на материке под стеной помещения 345 (комплекс 35); отпечаток браслета четко виден на подошве стены.

**Находки на поселении Ярым Тепе II.**

Культурный слой поселения Ярым Тепе II превышает 7 *м* и на ряде участков целиком относится к халафской культуре[19]. Внутри него вы-

[19] На других участках, главным образом в южной половине холма, под основным халафским слоем отмечены остатки сильно разрушенного слоя хассунского поселения.

делено девять строительных горизонтов. Сохранность их не равнозначна. Более половины холма уничтожено изменившим русло ручьем. Верхние горизонты сохранились на очень ограниченной площади, кроме того, они сильно разрушены рядом поздних некрополей. Значительно лучше сохранилась нижняя половина халафского слоя. И именно здесь — от VII до IX горизонта — в 13 случаях встречены медные изделия и куски медной руды (малахита). Ряд находок перекрыт остатками массивных построек, что делает безусловными их стратиграфические привязки. По горизонтам находки распределяются следующим образом:

Горизонт VII. 1. Участок 18-b, d, глубина 4,70 *м*. У края южной стенки прямоугольной постройки (сооружение 244) найдена маленькая, сильно окислившаяся медная бусинка округлых очертаний (рис. 1, *1*). Эта постройка была перекрыта полами крупного и многокамерного хозяйственного комплекса — сооружения 168 (таблица, № 16625). 2. Участок 28-b, глубина 4,75 *м*. Медная овально-вытянутая подвеска, длина 10 *мм*, ширина 7 *мм* (рис. 1, *5*). Обнаружена в слое под полами VI горизонта (таблица, № 16626). 3—4. Участки 18-b и 19-a, глубина 4,90—5,05 *м*. В заполнении толоса 50, перекрытого полами сооружения 168, найдены два кусочка медной руды — малахита (таблица, № 16627). 5. Участок 29-b, глубина 50 *м*. В непотревоженном слое обнаружен кусочек меди. 6—8. Участок 24-a, глубина 5,0 *м*. Три куска медной руды (малахита). Найдены на дне очага, перекрытого стенами построек VI горизонта.

Горизонт VIII. 9. Участок 28-b, глубина 6,0 *м*. Кусок медной руды (малахита). Найден на ненарушенном участке, перекрытом конструкциями VII горизонта.

Горизонт IX. 10—11. Участок 24-a, глубина 6,50 *м*. Два куска медной руды (малахита) найдены в слое под полами построек VIII горизонта. 12. Участок 23-b, глубина 6,40 *м*. Кусок медной руды (малахита). 13. Участок 28-b, глубина 6,40 *м*. Медная небольшая печать — подвеска подтреугольной формы (1,5×1,2 *см*). По внешней поверхности заштрихована резными параллельными линиями, с обратной стороны имеются остатки обломанного ушка (рис. 1, *6*). Найдена под полами толоса № 67.

Следует подчеркнуть, что на Ярым Тепе II (как и на Ярым Тепе I) находки сделаны в ряде последовательных горизонтов, что исключает случайность и, напротив, свидетельствует о регулярности применения металла. Важно и то, что все находки сделаны здесь в нижней половине культурного слоя, которая никак не может быть отнесена к финальному Халафу и синхронизированы с Арпачией-6.

В целом же приведенные выше факты позволяют говорить о знакомстве с металлом и наличии определенных навыков металлообработки населения Северной Месопотамии на всех этапах развития последовательных раннеземледельческих культур — Телль Сотто, хассунской и халафской. Финальный Халаф, которому принадлежали находки в Арпачии, завершает этот период. Общая же длительность последнего весьма велика. Об этом свидетельствуют уже сами размеры соответствующих слоев[20]. Достаточно показательны здесь и данные абсолютной хронологии.

Чрезвычайно плохая сохранность органических остатков из Телль Сотто и Умм Дабагии не позволила пока получить радиокарбонные даты для этих памятников. Известна лишь дата образца из XV слоя поселения Телул эт-Талафат, исследованного японской экспедицией в 40 *км* к

---

[20] Если суммировать слой культуры Телль Сотто на эпонимном памятнике, хассунский слой Ярым Тепе I и халафский — Ярым Тепе II, то общая мощность наслоений трех культур будет близка 16 *м*.

| Памятник | Объект | Шифр лаборатории | Cu | Sn | Pb | Zn | Bi | Ag | Sb | As | Fe | Ni | Co | Mn | Au |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| ЯТ I | Руда | 2483-р | Основа | – | – | 4 | – | – | – | 4 | 2 | 5 | 5 | 4 | – |
| » | » | 2484-р | » | – | – | 4 | – | – | – | 4 | 2 | 4 | 5 | 4 | – |
| » | Браслет | 16623 | » | – | Основа | – | – | Есть | – | | Следы | – | – | – | – |
| » | Колечко | 16624 | Основа | 5 | 5 | ? | – | ? | – | 4 | 3 | 6 | – | 4 | – |
| ЯТ II | Бусина | 16625 | » | 5 | – | – | – | 5 | – | – | 3 | 5 | – | 4 | – |
| » | Подвеска | 16626 | » | 4 | 4 | 3 | – | 5 | – | – | 2 | 3 | – | 4 | – |
| » | Руда | 16627 | » | – | 4 | 3 | – | 3 | 4 | 4 | 3 | – | – | 3 | – |
| ЯТ I | » | 16628 | » | – | ? | 4 | – | – | – | – | 2 | 5 | – | 3 | – |
| » | » | 16629 | » | ? | 4 | 4 | – | 5 | – | 4 | 2 | 4 | 5 | 3 | – |
| » | » | 16630 | » | – | 5 | 4 | – | – | – | 3 | 2 | 4 | 5 | 3 | – |
| » | » | 16631 | » | – | – | 5 | | ? | | 3 | 2 | 5 | ? | 3 | – |
| » | » | 16632 | » | ? | 5 | 4 | – | 5 | – | – | 4 | 6 | – | 4 | – |
| » | » | 16633 | » | – | – | 4 | – | ? | – | 4 | 4 | 4 | 3 | 4 | – |
| » | » | 16634 | » | – | – | 4 | – | – | – | 3 | 2 | 5 | 5 | 3 | – |
| » | » | 16635 | » | – | – | 3 | – | – | – | 4 | 2 | 4 | 5 | 3 | – |
| Телль эс-Савван | Бусина | 13616 | » | 5 | 5 | 5 | – | 5 | – | 3 | 4 | 6 | – | 5 | – |
| » | » | 13617 | » | 6 | – | 4 | – | – | – | – | 3 | 6 | – | 4 | – |
| » | Руда | 2482-р | 1 | 5 | – | 4 | – | 6 | – | – | 2 | 5 | – | 4 | – |

Индексы расшифровки руды 1—10%, 2—1—10%, 3—0,1—1%, 4—0,01—0,1%, 5—0,001—0,01%, 6—0,001%.

востоку от Телль Сотто [21]. Дата эта — 5570±120 до н. э. (ТК—24) [22]. Д. Киркбрайд правильно синхронизирует указанный слой с Умм Дабагией (а следовательно, и с Телль Сотто), но сомневается в справедливости приведенной даты, считая ее слишком поздней для конца этой культуры [23]. Д. Меллаарт считает дату возможной, но лишь для самого конца культуры, для финального ее этапа [24]. Вероятность этой даты подтверждается, как мы полагаем, и всей намечающейся ныне системой радиокарбонных дат памятников VI тысячелетия до н. э. в Месопотамии. Так, финальные слои культуры Телль Сотто по всем стратиграфическим и типологическим показателям хронологически не могут быть сколько-нибудь значительно оторваны от начальных слоев хассунской, а следовательно, и самаррской культур [25]. Между тем нижний слой Телль эс-Саввана, знаменующий начало самаррской культуры, дает достаточно близкую дату (P—855—5506±73 до н. э.) [26]. То же следует сказать и о начальном слое другого самаррского памятника — Матарры (W=623—5610±250 до н. э.) [27]. Соответственно средние и верхние слои хассунских и самаррских поселений, в том числе Ярым Тепе I, дали радиокарбонные даты, относящиеся уже ко второй половине VI тысячелетия до н. э. вплоть до его конца.

Ниже приводятся соответствующие даты [28].

Телль эс-Савван 3 — P=856—5349±86 до н. э. [29]

Хассуна 5 — W=660—5080±200 до н. э. [30]

Ярым Тепе I, горизонт VII—ЛЕ—1070—5090±100 до н. э.

Ярым Тепе I, горизонт VII—ЛЕ—1086—5200±90 до н. э.

Обе даты из Ярым Тепе I относятся к средней части хассунского слоя, которому предшествуют пять строительных горизонтов, заполняющих хронологический отрезок между серединой VI тысячелетия до н. э. и последней его четвертью. Во всех этих горизонтах, как было показано, найден металл. Был он, естественно, и позднее — в последующих горизонтах хассунского слоя [31].

Приведенные данные позволяют считать вероятной датировку завершающих горизонтов культуры Телль Сотто второй четвертью VI тысячелетия до н. э. (ближе к ее концу). Но погребение с медными бусами из этого поселения явно стратиграфически предшествует таким горизонтам и может быть с уверенностью отнесено к первой половине VI тысячелетия до н. э., а возможно, и к его началу. Хассунская же культура охватывает середину и всю вторую половину этого тысячелетия. И для всего периода развития обеих культур, фактически для всего VI тысячелетия до н. э., ныне имеются свидетельства знакомства с металлом.

---

[21] *S. Fukai, K. Hariuchi and T. Matsutani.* Telul eth Thalathat. The Excavation of Tell II. Tokyo University Iraq — Iran Archaeological Expedition. Report II, 1970.

[22] *Jun Sato, Toinoko Sato, Yasuko Otomori, Hisashi Suzuki.* University of Tokyo Radiocarbon Measurements II. Radiocarbon, vol. 11, No 2, 1969, p. 513.

[23] *D. Kirkbride.* Umm Dabaghiyah 1972. Iraq, vol. XXXV, part 1, London, 1973, p. 7.

[24] *J. Mellaart.* The Neolithic..., p. 140.

[25] *Н. О. Бадер.* Ук. соч., стр. 108.

[26] *R. Stuckenrath, E. K. Ralph.* University of Pensylvania Radiocarbon Dates VIII. Radiocarbon, vol. 7, 1965, p. 190.

[27] *M. Rubin, C. Alexander.* U. S. Geological Survey Radiocarbon Dates V. American Journal of Science. Radiocarbon Supplement, vol. 2, 1960, p. 182.

[28] Все даты даются без дендрохронологической поправки. Ряд дат других образцов из Телль эс-Саввана и Телль Шимшары не приводятся как вызывающие сомнения в связи со спецификой самого материала (см. *P. Mortensen.* Tell Shimshara. The Hassuna period. Kobenhaven, 1940, p. 136).

[29] *R. Suckenrath, E. K. Ralph.* Op. cit., p. 190.

[30] *M. Rubin, C. Alexander.* Op. cit., p. 188.

[31] Для финальных хассунских горизонтов пока радиокарбонных дат нет, анализ же образцов из завершающей части самаррского слоя Шога Мами дал среднюю дату 4900 г. до н. э. (В.М.—483).

То же следует сказать о значительной части V тысячелетия до н. э. Наиболее ранняя радиокарбонная дата получена здесь для конца VIII горизонта Ярым Тепе II — СОАН — 1291—4710±40 до н. э. (металл же найден и в IX горизонте), наиболее поздняя для III горизонта (ЛЕ= =1015—4210±130 до н. э.) [32].

Таким образом, находки из Телль Сотто и двух поселений Ярым Тепе отнюдь не позволяют считать металл нововведением позднехалафского периода и резко меняют всю картину появления и использования его в Месопотамии, вызывавшую ранее справедливое недоумение Д. Мелларта. Ныне можно говорить о появлении здесь меди и свинца по меньшей мере с начала VI тысячелетия до н. э. и далее о беспрерывной традиции их использования на протяжении более полутора тысяч лет, предшествовавших позднему халафу. Длительность традиции обусловила как значительный прогресс металлургии и металлообработки в последующие периоды, так и весьма раннюю выработку специфических терминов, отраженных уже в древнейших памятниках письменности Месопотамии [33].

Химический анализ металлических изделий и кусков руды из поселений Ярым Тепе I и II, произведенный Е. Н. Черных в кабинете спектрального анализа Института археологии АН СССР, привел исследователя к следующим заключениям [34].

Из 10 проанализированных образцов руды из Ярым Тепе I 8 происходят из медного монометаллического месторождения, геохимическим индикатором которого является примесь мышьяка (As) от сотых до десятых долей процента. Два образца происходят, вероятно, с другого рудопроявления, где мышьяк в медной руде отсутствует (что нуждается еще в дальнейшей проверке).

Анализу подвергнута также окись меди двух изделий — пронизки из горизонта VII и колечка из горизонта XI. Оба изготовлены из химически чистой меди; только в металле колечка зафиксирован мышьяк в сотых долях процента. Состояние металла не позволяет установить, изготовлены предметы из самородной или металлургической меди. Анализ не противоречит гипотезе о связи меди изделий с теми рудными месторождениями, из которых происходит руда на поселении.

Свинцовый браслет весом 107 *г* изготовлен из очень чистого по своему химическому составу металла, в котором отмечена лишь примесь серебра (Ag) в тысячных долях процента.

Примечательно, что анализ двух бусин и кусочка руды из нижнего слоя Телль эс-Саввана, произведенный в том же кабинете, показал значительную близость их соответствующим находкам из Ярым Тепе I. Это касается прежде всего медных изделий. Руда же близка по набору примесей к образцам, гипотетически относимым к рудопроявлению с отсутствующим мышьяком.

Из находок на халафском поселении Ярым Тепе II проанализированы бусинка из горизонта VI и два кусочка медной руды из горизонта VII. Бусинка откована (?) из химически чистой металлургической или самородной меди. Образцы руд происходят, судя по их химическому со-

---

[32] *J. Oates.* A Radiocarbon Date from Choga Mami. Iraq, vol. XXXIV, London, 1972, p. 49, 50.

[33] Медь обозначена специальными знаками в текстах табличек Урука IV (*A. Falkenstein.* Archaische Texte aus Uruk. Leipzig, 1936, S. 144; *H. Limet.* Le travail du metal au pays de Sumer au temps de la III Dynastie d'Ur. Paris, 1960, p. 30). В дальнейшем хорошо известны шумерийские термины как для меди (urudu), так и для свинца (A — bár) (*H. Limet.* Op. cit., p. 30, 54, 55).

[34] Мы выражаем глубокую благодарность Е. Н. Черных, предоставившему нам результаты этих исследований.

ставу, из различных месторождений, причем, видимо, не из тех, которые использовались населением Ярым Тепе I [35].

Данные химического анализа конкретных находок из обоих поселений представлены на таблице.

*N. Ya. Merpert, R. M. Mountchaiev*

## LA PLUS ANCIENNE METALLURGIE DE MESOPOTAMIE


### Résumé

Jusqu'à une époque peu reculée les plus anciens et certains témoins d'une métallurgie en Mésopotamie étaient connus seulement pour la fin de la culture de Halaf (fin du Ve millénaire av. n. è.). Les fouilles effectuées pendant plusieurs années par une expédition soviétique dans le Nord-Ouest de l'Iran, ont nettement changé cette conception, qui provoquait un malentendu. On a établi avec la plus grande exactitude dans quelles conditions stratigraphiques du métal a été découvert dans les trois établissements étudiés par cette expédition. Dans l'établissement de Tell Sotto (début du VIe millénaire av. n. è.) des perles de cuivre ont été trouvées près d'une inhumation pratiquée dans un grand vase, au niveau IV inférieur. Dans l'établissement de Yarym Tépé 1 (culture de Hassoun, milieu et deuxième moitié du VIe millénaire av. n. è.) ont été faites 27 trouvailles, constituées par des morceaux de minerai de cuivre ainsi que par des objets en cuivre et en plomb, et ceci dans presque tous les niveaux. Parmi ces objets, il se trouve des pendeloques, des perles, un grand bracelet de plomb. Dans l'établissement de Yarym Tépé II (culture de Halaf, Ve millénaire av. n. è.) on a également découvert dans plusieurs couches successives des fragments de minerai de cuivre, des pendeloques de cuivre, des perles et un cachet pendeloque triangulaire. L'analyse chimique des exemplaires provenant des deux derniers monuments a montré que pour faire ces objets on avait utilisé un cuivre chimiquement pur. Sa provenance était différente pour chacun de ces établissements. En métal chimiquement pur était également fait un bracelet.

Les découvertes de l'expédition soviétique permettent de parler d'une solide tradition de l'emploi du métal en Mésopotamie au cours des VIe et Ve millénaires av. n. ère.


---

[35] Вопрос об источниках металла хассунского и халафского времени остается открытым. Во всяком случае, для этих периодов нет оснований предполагать ввоз металла из отдаленных месторождений глубинных районов Аравийского полуострова, которые считаются основными для металла Месопотамии III тысячелетия до н. э. (*H. Limet* Op. cit., p. 99). Источниками крайне ограниченной по масштабу металлургии VI—V тысячелетий до н. э. являлись, очевидно, небольшие местные рудопроявления.

В. М. МАССОН

# АЛТЫН-ДЕПЕ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА

Систематические раскопки поселения Алтын-депе в Южном Туркменистане дали яркую картину внутренней структуры и культурного облика раннегородского поселения эпохи бронзового века [1]. Сейчас достаточно ясно, что эта древнейшая цивилизация нашей страны входила в достаточно обширную зону древних цивилизаций между Месопотамией и Индией, и именно с ней в целом ряде отношений генетически связана достаточно высокоразвитая культура середины и второй половины II тысячелетия до н. э., открытая за последние годы по среднему течению Амударьи [2]. Естественно, что в этой связи особенно важной явилась проблема генезиса самой раннегородской культуры Южной Туркмении, выявления и характеристики ее истоков и предшественников. В самое последнее время этот вопрос вышел за территориальные рамки собственно среднеазиатской археологии. Обнаружение в нижних слоях Шахри-Сохте в Сеистане значительного числа расписной керамики, идентичной южнотуркменистанским образцам времени Намазга III, закономерным образом привело к постановке вопроса о формировании здесь оседлоземледельческой культуры в ходе расселения южнотуркменистанских общин [3]. В одной из недавно вышедших работ даже поставлен вопрос о наличии в конце IV — начале III тысячелетия до н. э. на Иранском плато двух главных сфер культурного взаимодействия — месопотамской, или джемдетнасрской, и южнотуркменистанской [4]. Все это делало особенно важным изучение ранних напластований на Алтын-депе, что и было осуществлено в 1970, 1971 и 1974 гг. наряду с продолжением раскопок верхних наслоений этого памятника [5]. Уже предварительная шурфовка Алтын-депе, осуществленная в 1960 г., установила здесь наличие позднеэнеолитических слоев с расписной посудой геоксюрского типа [6].

Теперь есть возможность представить достаточно полную стратиграфическую колонку этого крупного памятника и в известной мере наметить картину его развития на протяжении энеолитической эпохи.

[1] *В. М. Массон.* Протогородская цивилизация юга Средней Азии, СА, 1967, 3; *его же.* Раскопки на Алтын-депе в 1969 г. Ашхабад, 1970; *его же.* Раскопки погребального комплекса на Алтын-депе. СА, 1974, 4.

[2] *А. Аскаров.* Сапаллитепа. Ташкент, 1973; *В. И. Сарианиди,* Бактрия в эпоху бронзы, СА, 1974, 4.

[3] *M. Tozi.* Excavations at Shahr-i Sokhta. Preliminary Report on the Second Campaign, EW, 1969, 3—4, p. 287, 288, fig. 37; *R. Biscione.* Dynamics of an Early South Asian Urbanisation: the First Period of Shahr-i Sokhta and its Connections with Southern Turkmenia. South Asian Archaeology, London, 1973.

[4] *C. C. Lamberg-Karlovsky, M. Tozi.* Shahr-i Sokhta and Tepe Yahya: Tracks on the Earliest History of the Iranian Plateau. EW, 1973, 1—2, p. 52.

[5] *А. Я. Щетенко.* Работы артыкского отряда Каракумской экспедиции. АО — 1969, М., 1970, стр. 416; *В. М. Массон.* Изучение стратиграфии и топографии Алтын-депе, АО — 1970, М., 1971, стр. 428, 429; его же. Изучение общественной структуры раннегородского поселения Алтын-депе. АО — 1971, М., 1972, стр. 529.

[6] В. И. Сарианиди. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ, Б3—8, IV, 1965, стр. 27.

Весьма значительный материал, характеризующий энеолитические наслоения Алтын-депе, был получен на раскопе 1, заложенном на восточной окраине «холма ремесленников». Здесь в 1965—1966 гг. было вскрыто три строительных горизонта времени Намазга V, соответственно названных Алтын 1, 2 и 3. Тогда же был выявлен слой Алтын 4, содержавший расписную керамику типа позднего Намазга IV [7]. В 1970 г. работы по изучению стратиграфии на этом раскопе были продолжены и в траншее шириной 4 *м* ступеньками, спущенными по склону, пройдены культурные слои до подстилающего их материка с выделением горизонтов Алтын 5—15 (рис. 1). Наконец, в 1974 г. эта траншея была расширена на уровне горизонтов Алтын 9—10 с целью получения материалов, характеризующих позднеэнеолитические комплексы поселения. Остановимся на краткой послойной характеристике этого раскопа (рис. 2).

Расположение раскопа на краю поселения обусловило то обстоятельство, что вскрываемые здесь строения сохранились лишь частично и одна из стен раскапываемых комнат, внешняя по отношению ко всему поселению, обычно разрушена. Энеолитические слои на раскопе 1 начинаются с горизонта Алтын 9. Здесь в обрезе траншеи выявилась часть прямоугольного в плане горна, стенки которого покрыты ошлакованной обмазкой. Рядом с горном находится углубление, заполненное значительным числом галек. Судя по вскрытым частям стен, поблизости от горна находилось многокомнатное строение, в котором удалось вскрыть часть небольшой комнаты, посередине которой находился круглый в плане очаг (рис. 3, *Г*) и стоящий в очаге сосуд, выточенный из белого мраморовидного известняка (рис. 4, *20*). Рядом с очагом на полу находился рог животного. На полу же располагалось сильно потревоженное погребение № 278. Видимо, это помещение с овальным очагом представляет собой внутридомовое святилище, обычное для многокомнатных массивов позднеэнеолитических поселений Геоксюр I и Чонг-депе [8]. Примечательно, что в одном из таких святилищ Геоксюра на полу находились нарушенные костяки трех людей. Правда, они лежали на слое горелого хвороста, что В. И. Сарианиди склонен связывать с обрядом культового трупосожжения [9], тогда как в святилище слоя Алтын 9 следы воздействия огня отсутствуют. Но вместе с тем совпадения самого факта нахождения человеческих останков в святилищах Геоксюра и Алтын-депе достаточно показательны.

Западная стена рассматриваемого нами помещения имеет двойную толщину и, видимо, являлась наружной стеной всего многокомнатного массива в целом. Действительно, здесь на незастроенном участке обнаружена овальная в плане коллективная гробница (рис. 3, *Б*), столь же характерная для памятников геоксюрского типа, как и святилище с овальным очагом. В этой гробнице располагались два погребения — более раннее № 282 и частично перекрывающее его № 281. Оба костяка лежат на правом боку головой на север. На полу камеры отмечены отпечатки циновки, такие же отпечатки местами прослежены и на земле поверх костяков. В состав погребального инвентаря входили два керамических сосуда, в том числе плошка с росписью карадепинского стиля, два терракотовых навершия, одна каменная бусина и один небольшой медный треугольник, возможно, наконечник стрелы. Часть западной

---

[7] *В. М. Массон.* Протогородская цивилизация..., стр. 168—170; *А. Я. Щетенко.* Раскопки на Алтын-депе в Южной Туркмении. КСИА АН СССР, 114, 1968. Стратиграфические раскопки на Алтын-депе велись по строительным горизонтам, а при их отсутствии — по условным ярусам, равным 50 *см*.

[8] *В. И. Сарианиди.* Энеолитическое поселение Геоксюр. ТЮТАКЭ, X, 1970, стр. 231—235; *его же.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении..., стр. 10—14.

[9] *В. И. Сарианиди.* Культовые здания поселений анауской культуры. СА, 1962, 1, стр. 51.

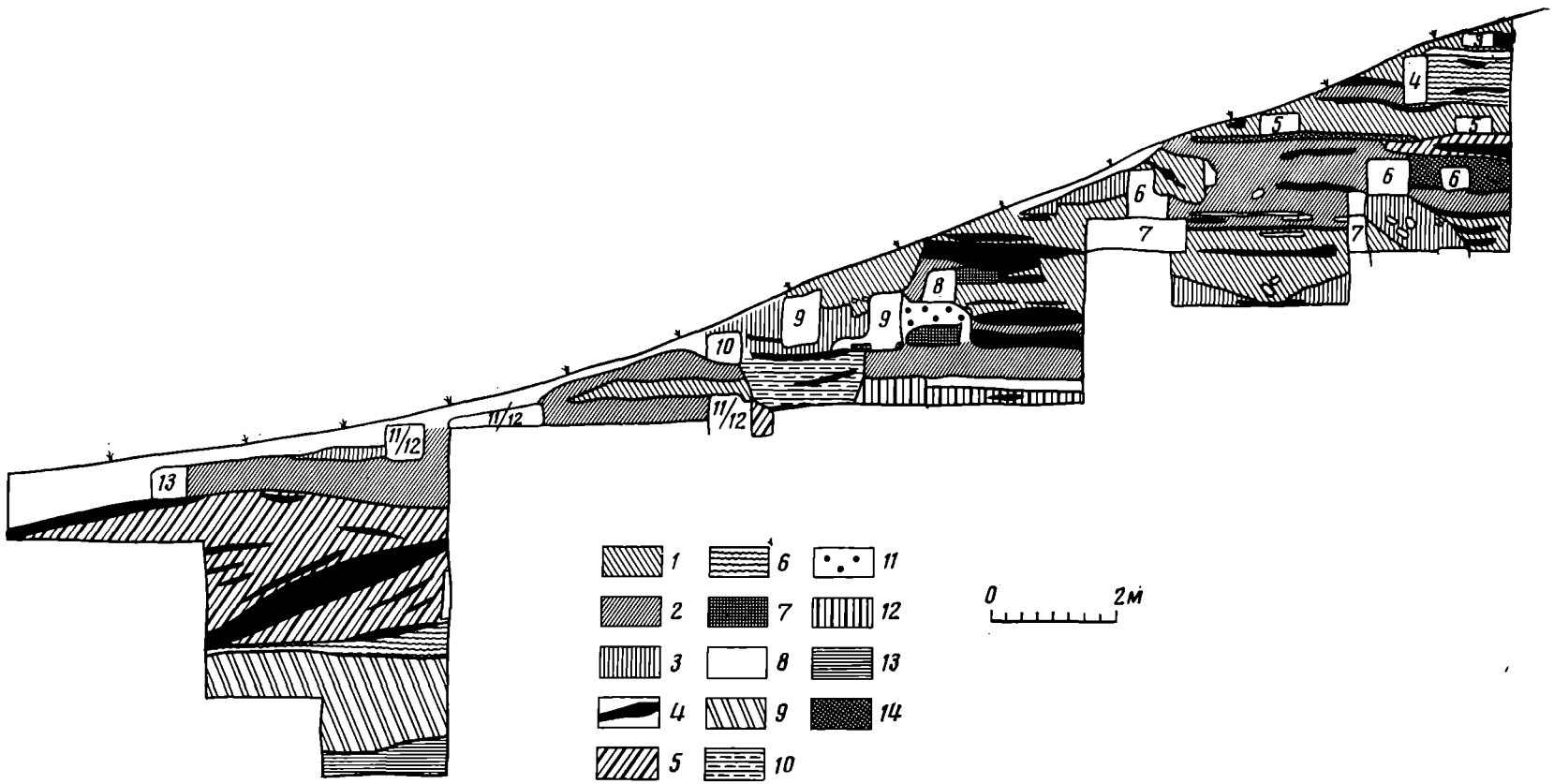



Рис. 1. Профиль стратиграфической траншеи раскопа 1: *1* — рыхлые слои с кусками сырца; *2* — плотный завал сырца; *3* — мусорные слои с кусками сырца; *4* — зольные слои; *5* — мусорные слои с зеленоватыми прослойками; *6* — натечные слои с зеленоватыми прослойками; *7* — ошлакованные кирпичи; *8* — сырцовые стены в разрезе; *9* — слоистая и комковатая глина; *10* — рыхлые слои коричневатого цвета; *11* — ошлакованная обмазка керамического горна; *12* — глинобитная забутовка; *13* — материковая глина; *14* — рыхлые слои коричневатого цвета с кусками сырца

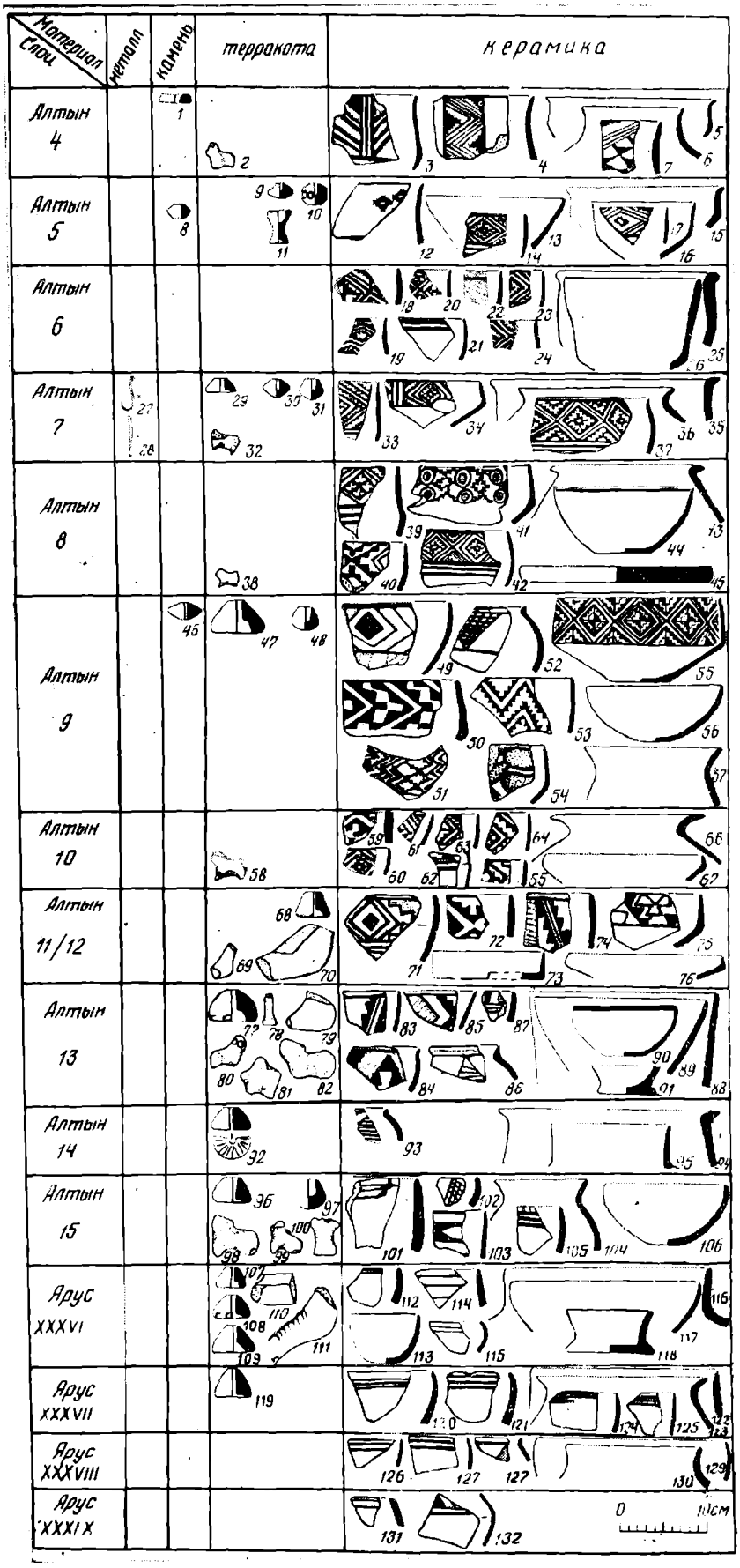



Рис. 2. Археологические комплексы из раскопа 1

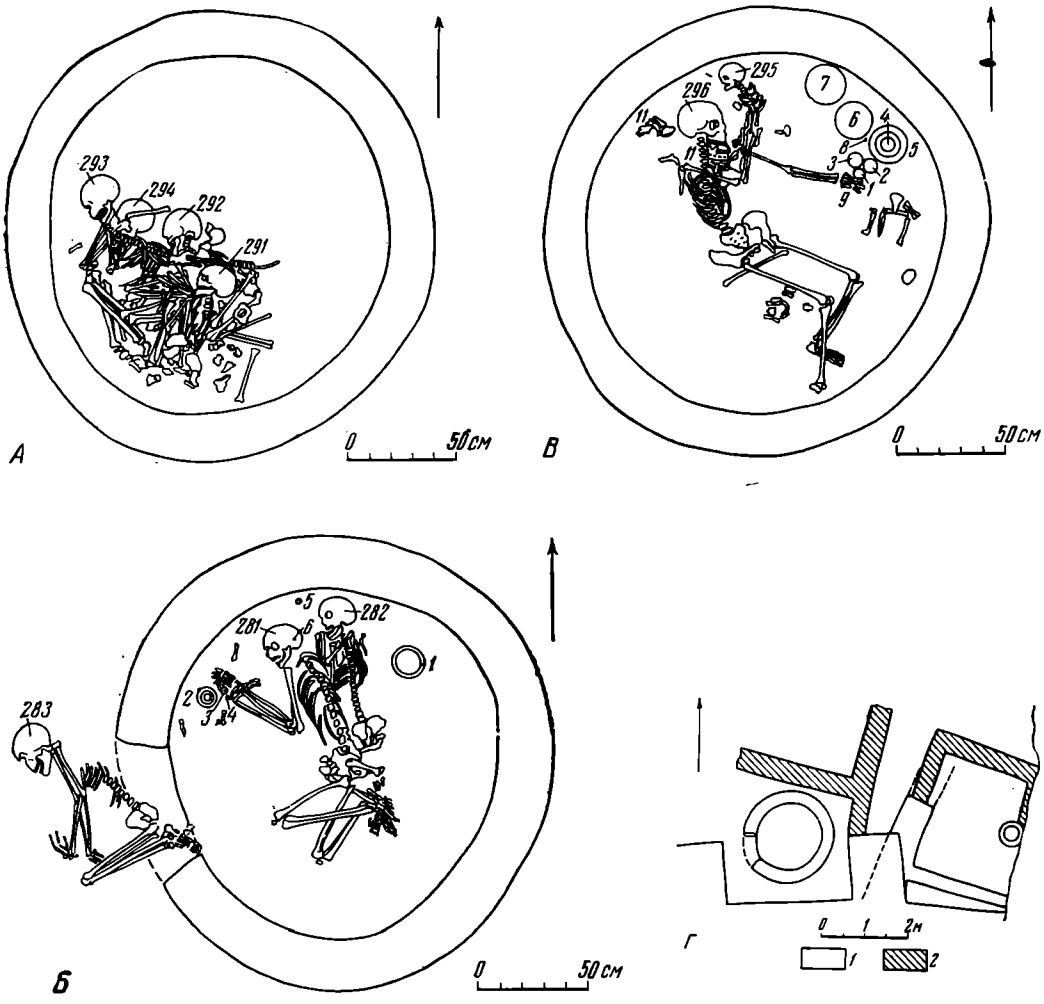



Рис. 3. План энеолитических строений и погребений на раскопе 1. *А* — толос слоя 10 на уровне верхнего горизонта, *Б* — на уровне второго горизонта (*1* — каменный сосуд из белого известняка; *2* — сосуд из розового известняка; *3* — керамический нерасписной горшочек; *4* — расписной горшочек; *5—7* — расписные чаши; *8* — керамическая бусина; *9* — медная булавка; *10* — медный нож; *11* — бирюзовые пронизки — 10 шт.); *В* — толос слоя 9 (*1* — расписная плошка; *2* — красноглиняный горшочек; *3* — каменное пряслице (бусина?); *4* — обломок медного наконечника; *5* — обломок терракотового навершия; *6* — глиняная бусина); *Г* — план строений слоя 9 (*1*) и Алтын 10 (*2*)

стены камеры разрушена впускным погребением № 283, которое скорее всего принадлежит не к горизонту Алтын 9, а к более верхним наслоениям.

За два сезона работ (1970 и 1974 гг.) был получен достаточно разнообразный материал, характеризующий горизонт Алтын 9, и прежде всего яркий керамический комплекс (рис. 5). В его состав входит посуда с полихромной росписью геоксюрского стиля, а также сосуды с орнаментом, развивающим традиции этого стиля в одноцветном исполнении и в более пестром, как бы измельченном рисунке. Особый интерес представляет нахождение в этом слое привозной керамики карадепинского стиля, включая один фрагмент с изображением барсов, и местных изделий, явно подражающих этой группе расписной керамики.

В следующем горизонте — Алтын 10 были вскрыты части сырцовых строений, не дающих, однако, четкой планировки каких-либо законченных массивов. Наибольший интерес здесь представляет овальная в плане по-

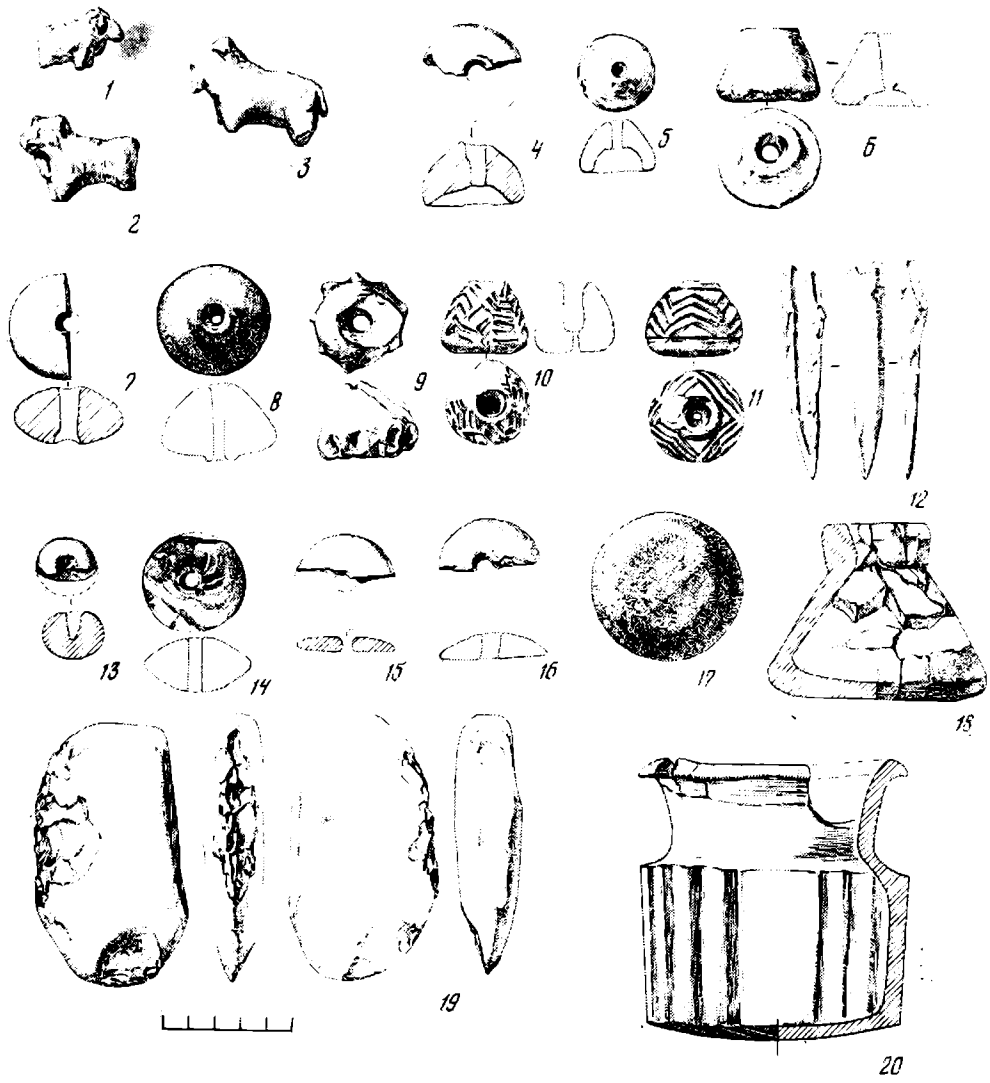


Рис. 4. Каменные, костяные и терракотовые изделия

гребальная камера, располагавшаяся почти непосредственно под камерой горизонта Алтын 9. Погребения этой камеры располагались на двух уровнях, причем на верхнем уровне (рис. 3, *А*) в юго-западной части гробницы находились компактно расположенные останки четырех людей (погр. 291—294), частично перемещенные и ориентированные в основном на С — СЗ. Какой-либо инвентарь у этих захоронений отсутствовал. На нижнем уровне (рис. 3, *В*), отделенном от верхнего 20-сантиметровым слоем глинистых натеков, непосредственно на полу камеры, располагалось основное захоронение № 296. Погребенный положен на левый бок головой на север, левая рука согнута в локте и покоится на скелете младенца (погр. 295), находившегося перед черепом основного захоронения, а правая рука вытянута на восток к погребальному инвентарю, помещавшемуся в восточной части камеры. В состав этого инвентаря входили пять керамических сосудов (рис. 6, внизу), два сосуда, выточенных из камня — один из беловатого, другой из розового (рис. 4, *18*), медная булавка-лопаточка, 10 бирюзовых пронизок и плоский черешковый медный ножичек. Последний лежал среди костей передней части молодого

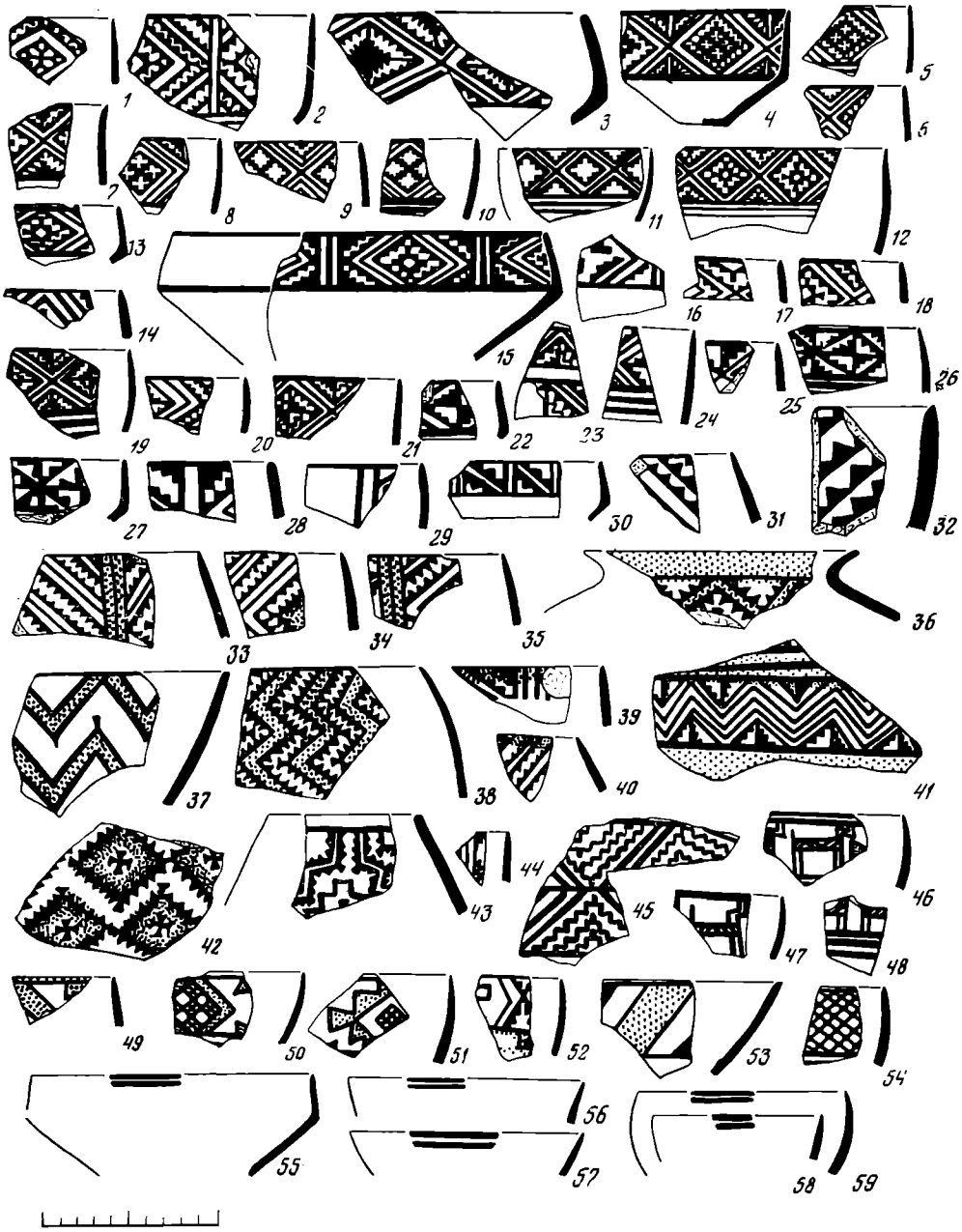


Рис. 5. Керамика из слоя Алтын 9

барана, помещенной у восточной стены камеры, тогда как челюсть и часть позвоночника того же животного располагались перед черепом основного погребения.

Керамический комплекс слоя Алтын 10 (рис. 7) содержит те же две основные группы керамики, что и горизонт Алтын 9, хотя рисунок сосудов с полихромной росписью здесь более укрупненный, напоминающий керамику верхних слоев Чонг-депе [10]. Наряду с геометрическими орнаментами встречаются стилизованные под прямоугольники фигуры козлов, отдельные фрагменты по рисунку подражают керамике карадепинского стиля. Среди других находок следует отметить терракотовые фигурки животных, в том числе весьма выразительную скульптурку козла, изящ-

[10] *В. И. Сарианиди.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении..., табл. XIII.

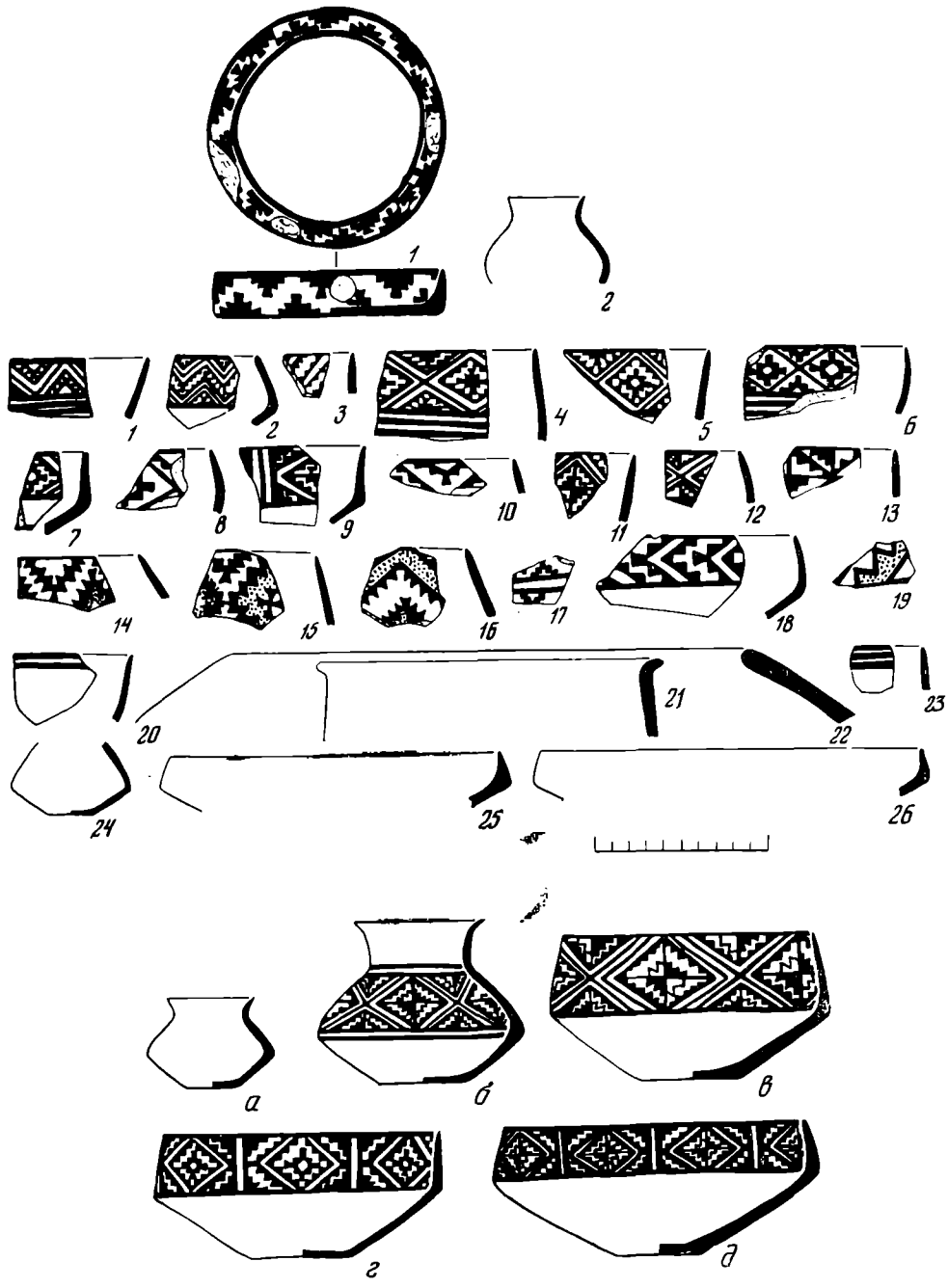



Рис. 6. Керамика из слоев Алтын 9 (вверху) и Алтын 10 (внизу)

ные фигурки сидящих женщин и фрагмент терракотовой коробочки, покрытой снаружи углубленным геометрическим орнаментом.

Следующий слой — горизонт Алтын 11/12 содержит строительные остатки, не дающие четкой планировки. Расписная керамика этого слоя выдержана в хороших традициях геоксюрского стиля. Правда, один фрагмент сосуда шаровидной формы с дробной сетчатой росписью может рассматриваться как своего рода реплика карадепинской расписной керамики [11]. Помимо терракотовых фигурок женщин и различных животных

[11] См. на Кара-депе сосуды аналогичной формы и орнаментацию этого типа (*В. М. Массон.* Кара-депе у Артыка, ТЮТАКЭ, X, 1960, табл. XXV, *18*; XXXIV, *4*; XXXVI, *7*).

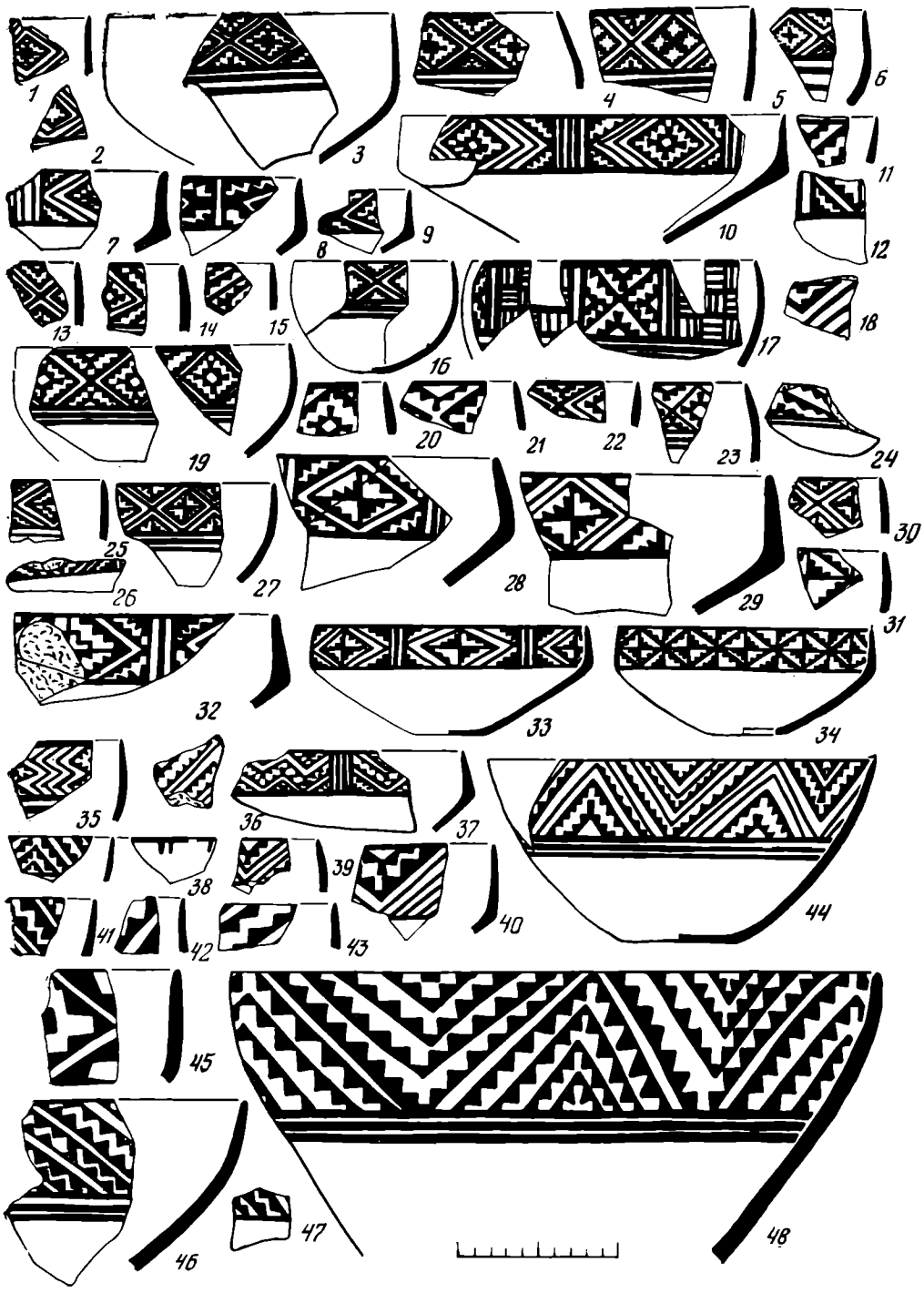


Рис. 7. Керамика из слоя Алтын 10

в этом слое обнаружены терракотовые пряслица конической формы, фрагменты каменных сосудов и плоская пуговицеобразная поделка из необожженной глины с нанесенным на одной стороне крестообразным орнаментом.

Выразительную керамику геоксюрского стиля дает слой Алтын 13, где вместе с тем имеются фрагменты красноангобированных сосудов, расписанных красной же краской, с неясным, как бы потекшим рисунком. Этот вид керамики скорее всего является весьма ранним, характе-

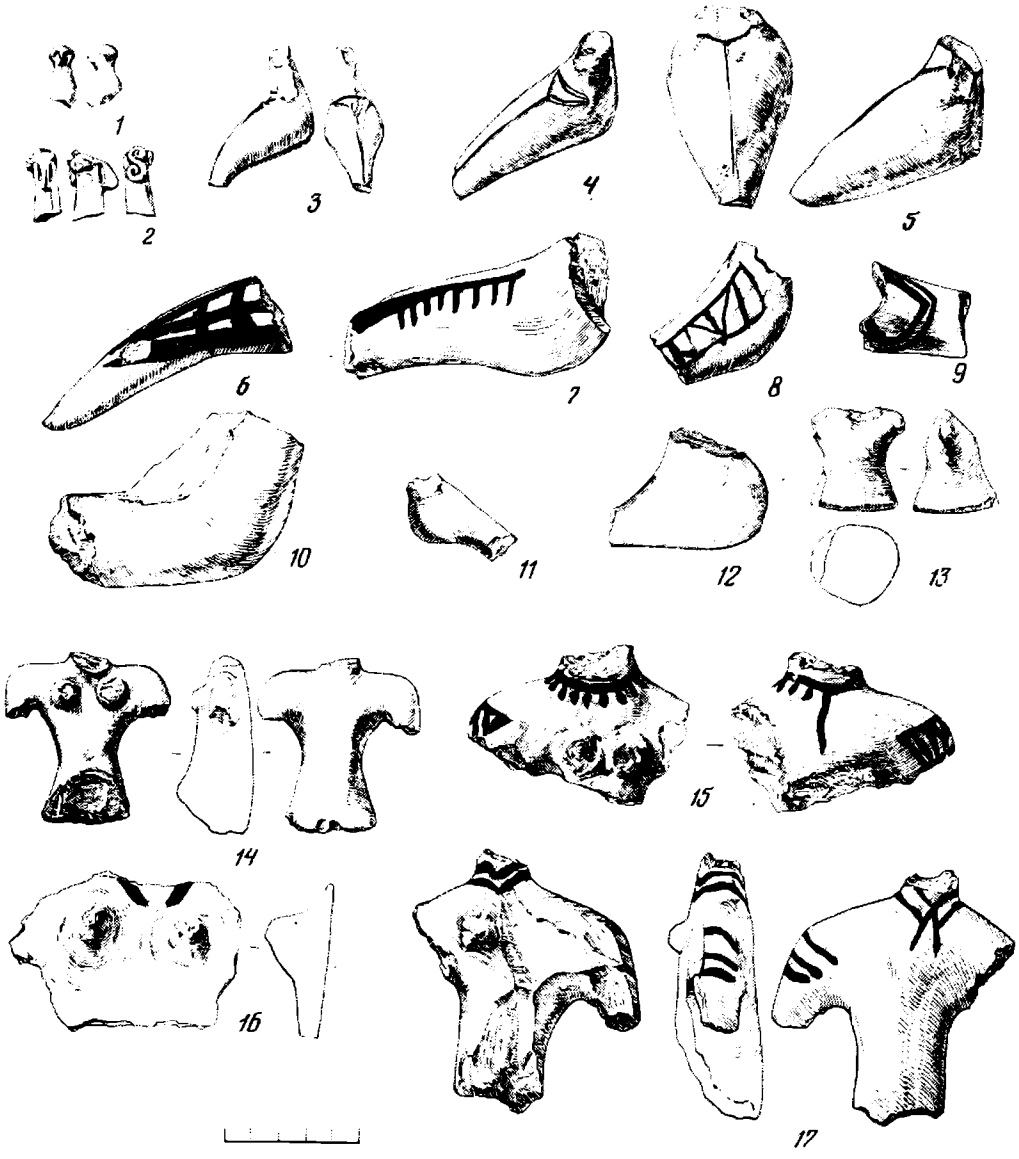


Рис. 8. Терракотовые статуэтки

ризующим начальные этапы формирования геоксюрского керамического комплекса [12].

Среди зооморфной и антропоморфной пластинки этого горизонта выделяются массивные женские фигурки из глины с большой примесью самана, иногда покрытые расписными узорами (рис. 8, *8, 15, 16*). Эта группа терракот в комплексах геоксюрского типа является наиболее ранней [13], тесно связанной со скульптурными традициями поры среднего энеолита [14].

Наконец, небольшой слой, представленный мусорными отложениями с большим количеством зольников и охватывающий XXXIII ярус, был

[12] *И. Н. Хлопин.* Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.— Л., 1964, стр. 35, 36, 122, 123.

[13] *В. И. Сарианиди.* Памятники позднего энеолита..., стр. 32, 33.

[14] *В. М. Массон, В. И. Сарианиди.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы М., 1973, стр. 16.

выделен в горизонт 14. Он содержит нерасписную краснолощенную керамику с темными пятнами на наружной поверхности, близко напоминающую посуду третьего слоя на поселении Геоксюр I, отделяющего наслоения с посудой геоксюрского стиля от нижних горизонтов с керамикой яланчского типа [15]. Находка нижней части массивной женской статуэтки с темно-коричневой росписью по красному ангобу свидетельствует о распространении терракот архаического типа.

Отсутствие в горизонте 14 строительных остатков отражает изменение характера культурных напластований, прорезаемых раскопом 1. Если до сих пор в пределах раскопа находилась сравнительно плотно застроенная часть поселения, то теперь ее сменяют мусорные слои окраины поселка, постепенно приобретающие наклонный характер. На разрезе ясно видно, как мусорные слои, и прежде всего мощные зольники, спускаются вниз по склону древнего края холма. По существу сравнительно мощная стена, обнаруженная в XXXIV—XXXV ярусах и выделенная в горизонт Алтын 15, представляет собой нечто вроде окраинного забора-дувала, за которым уже начиналась свалка мусора.

В слое Алтын 15 довольно много керамики с красной лощеной поверхностью, покрытой черными пятнами. Весьма характерны сосуды с росписью параллельными линиями вдоль венчика, имеется фрагмент с изображением треугольника с сетчатым заполнением типа расписной керамики, наиболее выразительно представленной в пятом слое Геоксюра 1 [16]. Конические терракотовые пряслица, фигурки животных как из обожженной, так и из необожженной глины и торс крупной женской статуэтки с ожерельем на шее, переданным черной краской, нанесенной на красный ангоб, дополняют характеристику этого комплекса.

Ниже в рассматриваемом разрезе строительные остатки полностью отсутствуют. Так, наслоения XXXVI яруса представляют собой смыв с холма, оставшегося вне пределов шурфа, состоящий из глинистых отложений, включающих обломки керамики, угольки и куски сырца. Ниже следуют горизонтальные слои, характер которых ясно указывает, что перед нами горизонтальная подошва древнего холма, на которую в период дождей стекали потоки с холма-тепе, приносившие кое-какие остатки культурной деятельности человека. Эти слои были пройдены в XXXVII—XXXIX ярусах, где идет слоистая или комковатая глина, нередко зеленоватого цвета, указывающего на наличие стоячих вод. Вместе с тем в состав слоя здесь постоянно входят черепки или кусочки углей. В XL ярусе эти отложения сменяют горизонтальные слои глины, не содержащие каких-либо следов человеческой культуры. Необходимо отметить, что культурные слои кончились на глубине 4,5 *м* ниже современной поверхности, окружающей Алтын-депе.

Естественно, что керамический комплекс из XXXVI—XXXIX ярусов сравнительно беден. Однако находки венчиков тонкостенных сосудов с росписью параллельными линиями вдоль венчиков и кусков толстостенных хумов с обильной примесью в глине самана и темно-коричневой росписью на светлом фоне указывают на принадлежность этой керамики к комплексам яланчского типа, относящимся к поре среднего энеолита.

Таким образом, стратиграфические работы на раскопе 1 дали достаточно четкую колонку смены культурных комплексов, явившуюся опорной для всего Алтын-депе в целом. Вместе с тем шурф, заложенный в пределах разведочной траншеи, прошел вне пределов нуклеарной части древнего поселения. Однако даже тот фрагментарный материал, который был получен из нижних ярусов шурфа, позволял заключить, что, по всей

---

[15] *В. И. Сарианиди.* Энеолитическое поселение Геоксюр..., стр. 271, 272.

[16] *В. И. Сарианиди.* Энеолитическое поселение Геоксюр..., табл. VIII, *14—25*; *И. Н. Хлопин.* Памятники развитого энеолита..., стр. 21, рис. 5.

вероятности, «холм ремесленников» не был обжит в сколько-нибудь значительных масштабах в период раннего энеолита, характеризуемого комплексами типа Намазга I. Эти ранние наслоения следовало искать в центральной части Алтын-депе, где значительно большая высота всхолмлений позволяла предполагать наличие в нижних слоях культурных горизонтов, не представленных на более низком «холме ремесленников».

Работы на стратиграфическом шурфе раскопа 11, расположенном в лощине у южных склонов «холма вышки», полностью подтвердили это предположение. Довольно глубокая лощина позволяла надеяться сразу на вскрытие непосредственно энеолитических наслоений, минуя горизонты времени Намазга IV и V. Шурф в этой лощине был заложен еще в 1960 г., но тогда сильные дожди позволяли его углубить всего на 2,5 *м*[17]. В 1971 г. шурф был заложен на новом месте и доведен до материка, встреченного здесь на глубине 13,5 *м*, или на 8,5 *м* ниже окружающей равнины (рис. 9). Поскольку максимальная высота «холма вышки» составляет 22 *м*, можно заключить, что наибольшая мощность культурных слоев Алтын-депе достигает по крайней мере 30 *м*.

Первые два яруса этого шурфа содержат плотные натечные слои с керамикой типа Намазга V и частично типа Намазга IV, попавшей сюда в результате смыва с более высоких частей поселения. Особенно характерны следы мощного потока, принесшего большое число галек и крупных кусков керамики, четко устанавливаемые во второй половине II яруса. Ниже сразу же начинаются наслоения энеолитической эпохи, содержащие остатки сырцовых строений. По характеру расписной керамики они достаточно четко могут быть расчленены на три комплекса: с посудой геоксюрского стиля (III—XI яруса), с посудой ялангачского типа (XII—XVI яруса) и с керамикой типа Намазга I (XIX—XXVIII ярусы).

Для наслоений первого комплекса характерно наличие сырцовых строений с четкими промазками полов, представленных четырьмя горизонтами. Вместе с тем, судя по характеру строительных завалов, обычно заполняющих такие строения, можно, видимо, говорить еще о двух горизонтах, хотя сами стены соответствующих построек оказались вне пределов шурфа. Одному из них, с нашей точки зрения, соответствует завал, отмечаемый в конце III и в IV ярусах, а другому — завал V—VI ярусов, что в целом позволяет говорить для слоев с геоксюрской керамикой о шести строительных горизонтах общей мощностью 4,25 *м*. Первый из этих горизонтов содержит расписную керамику типичного позднегеоксюрского облика, а также привозную посуду карадепинского типа, что позволяет достаточно определенно синхронизировать этот горизонт со слоем Алтын 9. Отметим находку здесь фрагмента терракотовой коробочки с резной орнаментацией на наружной стороне. В этих наслоениях нашего шурфа, как и в слоях V яруса, число фрагментов керамики геоксюрского стиля с полихромной орнаментацией весьма ограничено. Совершенно ясно, что этому комплексу полностью соответствуют находки из V яруса шурфа 1960 г., среди которых также имеется импортная карадепинская посуда, в том числе фрагмент с изображением барсов[18]. Последующие пять горизонтов соответствуют четырем горизонтам раскопа I (слои Алтын 10, 11/12, 13 и 14), что указывает на более интенсивное обживание в соответствующий период именно «холма вышки», где культурные наслоения с геоксюрской керамикой оказались и более мощными. Общая эволюция расписной керамики, наблюдаемая в этих горизонтах шурфа на раскопе 2, в целом та же, что и устанавливаемая на раскопе 1. По мере углубления число сосудов с полихромной росписью увеличивается, орнаментальные элементы становятся более крупными. Нередко встречаются стилизованные рисунки козлов с прямоугольным

[17] *В. И. Сарианиди.* Памятники позднего энеолита..., стр. 8, 27.
[18] *В. И. Сарианиди.* Памятники позднего энеолита.., табл. XVI, 1—26.

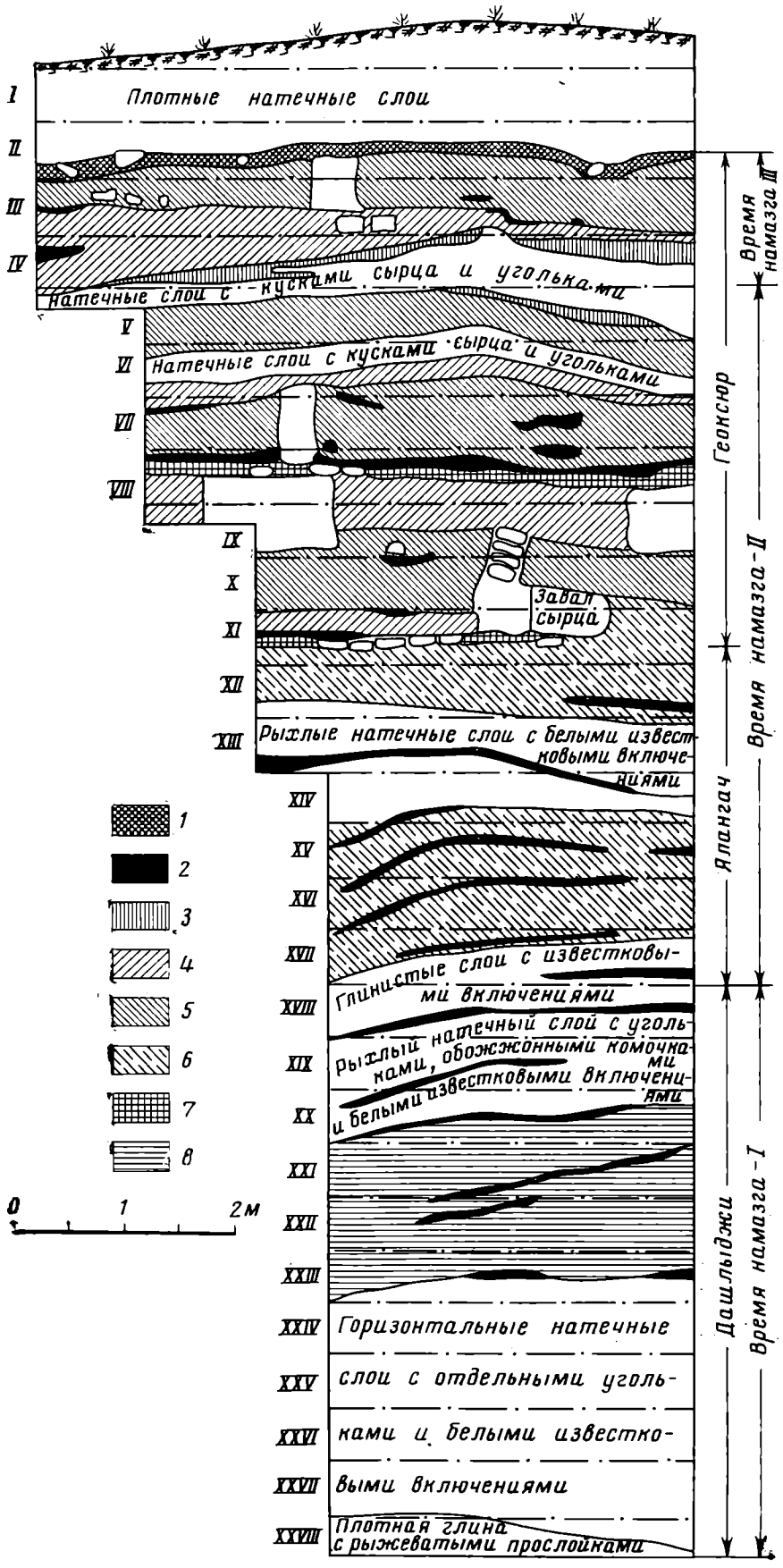

I
Плотные натечные слои
II
III
IV
Натечные слои с кусками сырца и угольками
V
VI
Натечные слои с кусками сырца и угольками
VII
VIII
IX
X
Завал сырца
XI
XII
XIII
Рыхлые натечные слои с белыми известковыми включениями
XIV
XV
XVI
XVII
Глинистые слои с известковыми включениями
XVIII
Рыхлый натечный слой с угольками, обожжёнными комочками и белыми известковыми включениями
XIX
XX
XXI
XXII
XXIII
XXIV
Горизонтальные натечные
XXV
слои с отдельными угольками и белыми известковыми включениями
XXVI
XXVII
XXVIII
Плотная глина с рыжеватыми прослойками
1
2
3
4
5
6
7
8
0
1
2 м
Время намаза III
Геоксюр
Время намаза II
Япангач
Дашлыджи
Время намаза I

Рис. 9. Профиль шурфа на раскопе 11. *1* — натечный слой с большим количеством керамики и крупной гальки; *2* — зольники; *3* — зеленоватая земля с белыми известковыми включениями; *4* — натечные слои с кусками сырцового кирпича; *5* — завал мелких материалов разрушения с кусками сырца и угольками; *6* — рыхлые мусорные слои с коричневатыми прослойками, белыми известковыми включениями, угольками и золой; *7* — нивелировочная заливка под полом; *8* — плотные натечные слои с большим количеством угольков, комков обгорелой земли и зеленоватой глины

туловом. Среди керамики самого нижнего строительного горизонта, охватывающего X и половину XI яруса, представлены фрагменты красноангобированных чаш с как бы потекшим рисунком, аналогичные образцы керамики, обнаруженной на раскопе 1 в слое Алтын 13.

Ниже характер культурных наслоений резко изменился. Какие-либо строительные остатки или завалы здесь практически отсутствуют; их сменяют рыхлые мусорные слои с включениями золы и угольков, перемежающиеся с рыхлыми натечными слоями. Несколько наклонное падение этих слоев показывает, что здесь, как и на раскопе 1, наш шурф в нижних ярусах вышел на мусорные отвалы, накапливавшиеся на склонах древнего поселения, тогда как нуклеарная часть самого поселка оказалась вне пределов раскопа. Как уже отмечалось, со второй половины XI и XVII ярус идут слои с керамикой яланчского типа, украшенной в основном росписью в виде параллельных полос вдоль венчика. При этом с XIV яруса решительно преобладает керамика с черной росписью по красному фону. Отметим находку в XII ярусе двух черепков с полихромной росписью, явный импорт из района Кара-депе — Намазга-депе [19] и в XV и XVII ярусах торсы крупных пышнотелых женских фигурок, покрытых красным ангобом и украшенных черной росписью.

Тот же характер мусорных и натечных слоев, перемежающихся с зольными линзами и имеющих отчетливо выраженный наклон, сохраняется и в XVIII—XXIII ярусах, содержащих расписную керамику типа Намазга I в ее позднем, дашлыджинском варианте (рис. 10). Хотя наблюдается генетическая связь с яланчской посудой в целом, несколько увеличивается число сосудов с росписью по светлому фону, появляются миски с внутренней росписью, конические донца. В XVIII ярусе найден фрагмент небольшой чаши-ситечка со сквозными отверстиями на дне, а в XXII—XXIII ярусах — венчики толстостенных открытых чаш, украшенных с наружной стороны рельефным волнообразным орнаментом. Отметим также находку в XXI ярусе костяной проколки, и в XIX ярусе плоского медного предмета неясного назначения.

Наконец, в XXIV—XXVII ярусах идут горизонтальные натечные слои с отдельными угольками и белыми известковыми включениями. Это древняя подошва холма, который образовывал наиболее раннее поселение на Алтын-депе, оставшееся далеко за пределами нашего шурфа. Количество фрагментов керамики в этих отложениях, естественно, минимально, но все они относятся к посуде типа Намазга I. Материк в шурфе раскопа 2 представлен плотной глиной с рыжеватыми, как бы ржавыми прослойками.

В 1974 г. с целью определения размеров поселения в пору бытования керамики геоксюрского стиля в западной и южной части Алтын-депе были проведены раскопки разведочных шурфов, причем на двух из них работы велись традиционной лопатой, а на третьем была применена установка глубинного бурения УГБ-50М [20]. Сама установка, рабо-

[19] Об этом импорте см.: *В. М. Массон.* Энеолит южных областей. Средней Азии. САИ — Б 3—8, ч. II, 1962, стр. 19, 20.

[20] Применение установки было произведено по совету и при любезном содействии геологов Ю. Н. Моментьева и К. Н. Юргенсона.

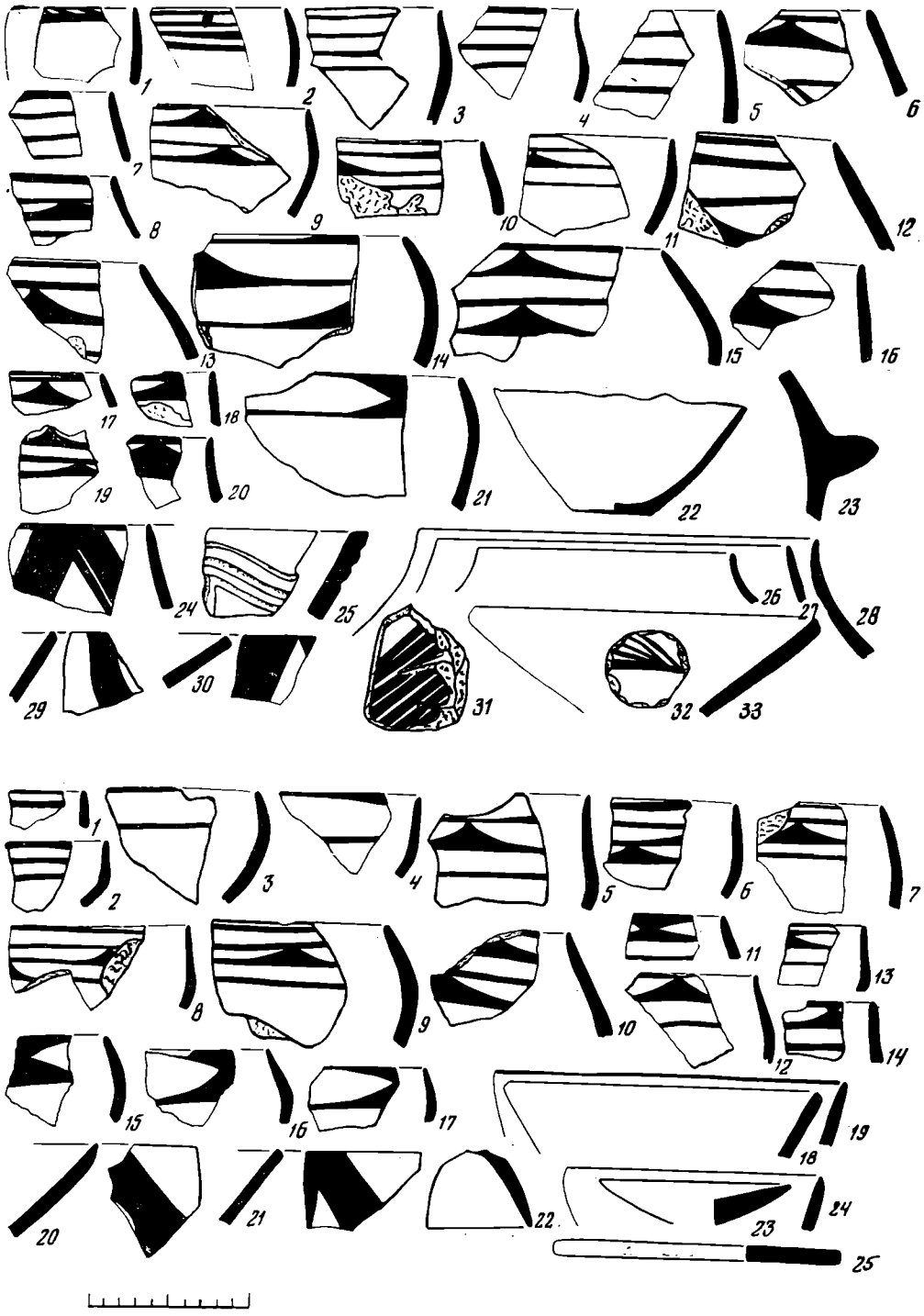


Рис. 10. Керамика типа Намазга I из шурфа на раскопе 11

тая буром диаметром 65 *см*, вынимает при этом образцы породы через каждые 50 *см*, что полностью соответствует традиционным ярусам, используемым в среднеазиатской археологии. Тщательная разборка грунта показала, что даже крупные образцы керамики при этом оказываются практически неповрежденными, а культурные слои мощностью 12 *м* были пройдены за 3 часа.

Произведенный опыт показывает высокую эффективность и научную рентабельность применения подобной установки при разведочной шурфовке поселений с культурными отложениями более 10 *м*.

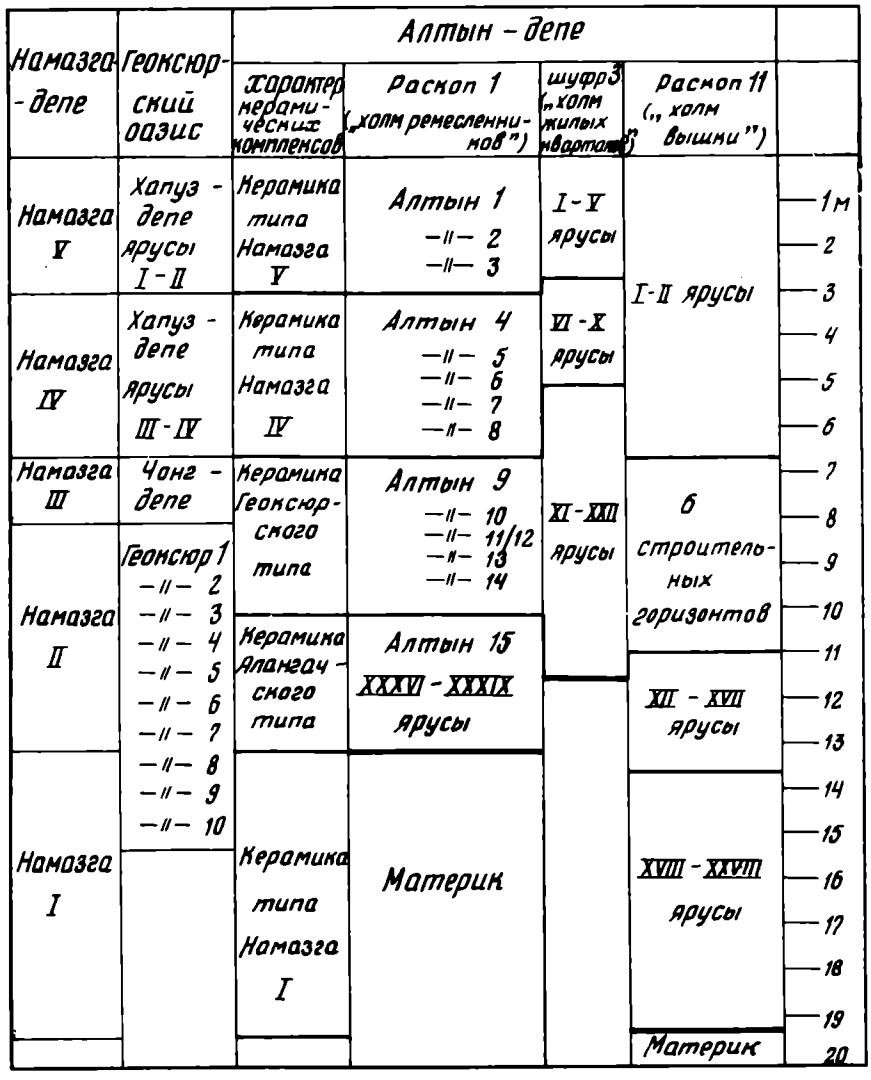



Рис. 11. Сводная стратиграфия Алтын-депе

Шурф 3, отрытый таким способом, был заложен в южной части «холма жилых кварталов». К сожалению, большое количество зольников в верхних слоях делало небезопасным зарисовку выявленного шурфом разреза, что в принципе вполне возможно, если учесть достаточный диаметр шурфа. В целом классификация керамики из шурфа 3 выявила следующую картину. С I по V ярус идет керамика типа Намазга V, а ниже с VI по XI ярус керамика типа Намазга IV. В XII ярусе обнаружен фрагмент расписного сосуда карадепинского стиля, что позволяет синхронизировать этот уровень с горизонтом Алтын 9. Начиная с XI яруса в шурфе идут мощные культурные слои с керамикой геоксюрского стиля. Обломки сырцового кирпича, поднимаемые буровой установкой, свидетельствуют о существовании здесь строительных остатков. В XXII—XXIII ярусах посуда с полихромной росписью исчезает полностью, но зато многочисленна керамика с красной лощеной поверхностью, покрытой черными пятнами, аналогичная посуде из горизонта Алтын 14. Материк на этом участке представлен желтоватой глиной. Таким образом, установлено, что данный участок был обжит лишь в период зарождения керамики геоксюрского стиля.

Второй шурф был заложен на раскопе 8 у въезда на центральную площадь, на южной окраине Алтын-депе, где еще в 1969 г. были найдены

фрагменты энеолитической керамики [21]. Раскопки 1974 г. показали, что посуда геоксюрского стиля встречается в слое с керамикой типа Намазга IV в довольно значительном количестве, видимо, будучи перемещенной из более нижних горизонтов. Наконец, на западной окраине Алтын-депе на склоне был заложен шурф 2, где выявлено пять строительных горизонтов. Три верхних горизонта содержали расписную керамику типа Намазга IV. В четвертом горизонте представлена расписная керамика того вида, который был выявлен в слое Алтын 9, а в пятом идет яркий комплекс посуды геоксюрского стиля, в том числе полихромной. Помимо керамики в шурфе 2 было найдено медное шило, терракотовая фигурка козла, изящная женская статуэтка и головка женской фигурки со сложными S-образными завитками (рис. 7, *2*) — прием, достаточно обычный для позднеэнеолитической скульптуры Южного Туркменистана [22].

Таким образом, проведенные раскопки позволяют составить сводную стратиграфическую колонку Алтын-депе и ввести ее в систему стратиграфии раннеземледельческих памятников Южного Туркменистана. Синхронизация отдельных раскопов и шурфов Алтын-депе частично отмечалась выше и может быть представлена сводной таблицей (рис. 11).

Стратиграфические соответствия наиболее ранних слоев, содержащих расписную керамику типа Намазга I, весьма определенны — это прежде всего нижние слои поселения Геоксюр I [23] и комплекс Дашлыджи-депе в геоксюрском оазисе [24]. В обоих случаях это поздний этап развития расписной керамики соответствующего типа. Столь же отчетливые восточные параллели имеет керамика ялангачского типа, обнаруженная на Алтын-депе,— это опять-таки поселение Геоксюр I (слои Геоксюр 4—7) и многочисленные поселения геоксюрского оазиса. Находки фрагментов керамики с полихромной росписью типа Намазга II подтверждают синхронизацию этих наслоений с комплексами типа Намазга II — Анау II на памятниках западной группы. Определенные уточнения для стратиграфических соответствий позднего энеолита Южного Туркменистана дают материалы, происходящие из слоев с посудой геоксюрского типа на Алтын-депе. Как известно, на самом Геоксюре I эта яркая и нарядная расписная керамика обнаружена вместе с импортной керамикой типа Кара 2 [25] или финального Намазга II, и на Чонг-депе керамический местный комплекс с чертами определенной эволюции сопровождается находками импортной керамики типа Намазга III. Детальное ознакомление с соответствующими материалами показывает, что в верхних слоях Чонг-депе представлена в основном посуда типа Кара IБ или раннего Намазга III [26]. В этом отношении комплекс Алтын 9, в стилистическом отношении по характеру дробной орнаментации явно более поздний в сравнении с керамикой Чонг-депе и сопровождающийся находками импортной керамики типа Кара IA (позднее Намазга III), скорее всего представляет собой финальный этап развития керамического комплекса геоксюрского типа. Видимо, к этому финальному этапу следует относить те слои памятников восточной группы, где наряду со все сокращающейся в числе посудой с полихромной росписью геоксюрского стиля встречается именно эта импортная посуда. С нашей точки зрения это определяло и конец энеолитической эпохи в этой области вообще и на Алтын-депе

---

[21] *В. М. Массон.* Раскопки на Алтын-депе в 1969 г..., стр. 10.

[22] *В. И. Сарианиди.* Памятники позднего энеолита..., стр. 33; *В. М. Массон.* Новые раскопки на Джейтуне и Кара-тепе. СА, 1962, 3, стр. 163.

[23] *В. И. Сарианиди.* Энеолитическое поселение Геоксюр..., табл. VIII.

[24] *И. Н. Хлопин.* Энеолит южных областей Средней Азии. САИ, БЗ—8, ч. I, 1963, табл. XX.

[25] *В. И. Сарианиди.* Памятники позднего энеолита..., табл. VII; *В. М. Массон.* Памятники развитого энеолита..., табл. XIX.

[26] *В. И. Сарианиди.* Памятники позднего энеолита..., табл. XIV, *1—38.*

в частности и составляло условную грань между комплексами времени Намазга III (поздний энеолит) и Намазга IV (ранняя бронза), которые по всем данным, в том числе и по результатам статистической обработки керамических комплексов [27], тесно связаны друг с другом в генетическом отношении. Таким образом, стратиграфия энеолитических наслоений Алтын-депе, рисующая картину последовательного культурного развития, не только находит прямые соответствия в других памятниках Южного Туркменистана, но и позволяет провести определенные уточнения общей картины, достигшей уже значительной сложности и дробности.

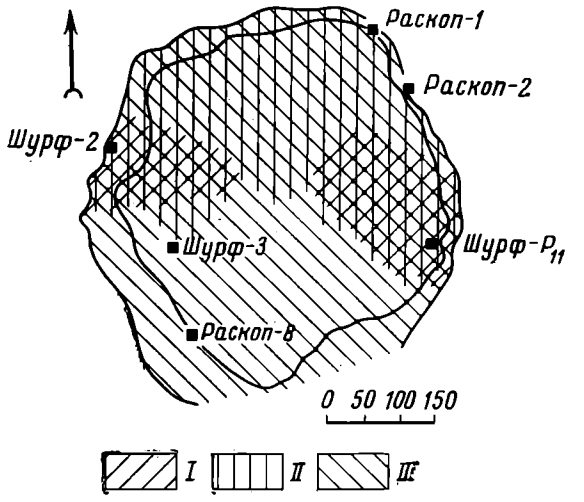



Рис. 12. Схема роста Алтын-депе. I — распространение слоев раннего энеолита (комплекс типа Намазга I); II — слои среднего энеолита (комплекс типа Ялангача); III — слои позднего энеолита (комплекс типа Геоксюра)

Абсолютная хронология энеолитических комплексов Южного Туркменистана до более детальных исследований остается пока в рамках традиционных дат от V тысячелетия до н. э. до начала III тысячелетия до н. э.[28] Для комплексов геоксюрского типа на Геоксюре I были получены радиокарбоновые даты 2860 (±100) г. до н. э. и 2490 (±100) г. до н. э. на Алтын-депе слои позднего Ялангача датированы 3160 (±50) г. до н. э. Если применять иную систему поправок к соответствующим определениям, сторонниками которой выступает сейчас ряд исследователей Ирана [29], то соответствующие даты будут для раннего Геоксюра 3240—3410 гг. до н. э., а для позднего Ялангача 3810 г. до н. э., что в принципе соответствует датировке слоев Шахри-Сохте I, где найдена импортная керамика южнотуркменистанских типов [30]. Из других моментов укажем на находки в Тали-Иблисе в Юго-Восточном Иране типичной керамики Кара 4 в слое, датированном радиокарбоновым анализом без удлиняющего пересчета 3645±59 [31].

Раскопки ранних наслоений Алтын-депе позволяют в известной степени охарактеризовать и развитие этого поселения (рис. 12). Пока наиболее ранние материалы, происходящие с этого памятника, могут быть отнесены лишь к поздним этапам существования комплекса типа Намазга I, но не исключено, что где-то в толще культурных наслоений этого огромного памятника погребены остатки небольшого поселка еще более значительной древности. Во всяком случае район Меана-Чаача был освоен оседлой культурой на среднем этапе джейтунской культуры, а к позднему ее этапу здесь относятся уже три памятника — Чагыллы-депе, Монджуклы-депе и Гадыми-депе [32], причем два первых располо-

---

[27] *Л. Б. Кирчо.* Стратиграфия Алтын-депе и количественный метод определения относительной хронологии. КД, IV, 1972.

[28] *В. М. Массон.* Кара-депе у Артыка..., стр. 378, 379.

[29] *G. F. Dales.* Archaeology and Radiocarbon Chronologies for protohistoric South Asia. In: South Asian Archaeology. London, 1973.

[30] *C. C. Lamberg-Karlovsky, M. Tozi.* Op. cit., p. 25, 26.

[31] *J. R. Caldwell.* Investigations at Tal-i Iblis. Illinois, 1967.

[32] *О. Бердыев.* Чагыллы-депе — новый памятник неолитической джейтунской культуры. Сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966; *Г. Ф. Коробкова, В. Т. Воловик.* Гадыми-депе — новый памятник джейтунской культуры. УСА, 2, 1972.

жены неподалеку от самого Алтын-депе. Все это небольшие поселки площадью не более 0,5 *га*. Двумя памятниками, также небольшими, представлена здесь и предшествующая комплексам типа Намазга I эпоха Анау IA.

На самом Алтын-депе керамика типа позднего Намазга I встречена в шурфе раскопа 2 и в перемещенном состоянии в шурфе 3. Не исключено, что уже в это время поселение ранних земледельцев на территории Алтын-депе занимало площадь в несколько гектаров, представляя собой относительно крупный центр. Во всяком случае «холм вышки» был обжит, видимо, полностью и содержал многометровые культурные толщи, смывы с которых были вскрыты в шурфе на раскопе 2. Расписная керамика, терракотовые пряслица, сравнительно немногочисленные изделия из кости и меди составляют обычный набор объектов материальной культуры памятников этого времени. По характеру расписной керамики Алтын-депе тяготеет к восточной группе памятников, в которую входили также и поселения геоксюрского оазиса. Слои этого времени отмечены и на поселении Илгынлы-депе, расположенном в 10 *км* к юго-востоку от Алтын-депе [33].

В следующий период, характеризуемый распространением керамики ялангачского типа, на Алтын-депе наблюдается увеличение обжитой территории, заметное даже на тех материалах, которые имеются в нашем распоряжении. В это время осваивается территория «холма ремесленников», и теперь уже жизнь на этом участке не прекращается до гибели всего городища. Весьма выразительны культурные напластования этого периода и в шурфе раскопа 11. Расписная керамика с росписью горизонтальными полосами вдоль венчика прочно вводит Алтын-депе в круг памятников восточной группы, и это его культурно-историческое положение дополнительно подчеркивается находками полихромной импортной посуды, происходящей из западных памятников, которая столь резко отличается от местной посуды. Восточные аналогии имеют и массивные терракотовые фигурки сидящих женщин. Покрытые светлым или чаще красным ангобом, эти фигурки нередко имеют черную роспись, передающую шейные ожерелья или образующую различные заштрихованные фигуры на плечах и на бедрах. На Алтын-депе эти фигурки обнаружены в наслоениях позднеялангачского времени, а раскопки на Геоксюре I показывают, что скульптура этого типа представлена в раннегеоксюрских слоях [34], как бы символизируя генетическую преемственность двух комплексов. Фигурки животных, зачастую весьма выразительные, антропоморфные статуэтки, глиняные пряслица конической формы дополняют характеристику объектов материальной культуры этого времени на Алтын-депе. Илгынлы-депе также дает яркие материалы этого типа, причем по крайней мере в позднеялангачское время [35] территория поселения достигает максимальных размеров — 12 *га*. Вероятно, не меньшими были размеры одновременного поселения и на Алтын-депе.

Наконец, в геоксюрский период энеолитический Алтын достигает своего наивысшего расцвета. Прежде всего резко увеличивается территория поселения — именно в это время Алтын-депе формируется в тех параметрах, которые сохраняет и в дальнейшем, в эпоху бронзового века. Особенно примечательно заселение южной части памятника, где слои с керамикой геоксюрского типа лежат прямо на материке, как бы воплощая строительную экспансию разрастающегося поселения. Этот же уве-

---

[33] *А. Ф. Ганялин.* Холм Илгынлы-депе. Тр. ИИАЭ ТуркмССР, V, 1959.

[34] *В. И. Сарианиди.* Памятники позднего энеолита..., стр. 32, табл. XX, *8*, *13*; XXIII, *10*.

[35] В северной части памятника соответствующие наслоения были вскрыты в шурфе, заложенном А. Ф. Ганялиным, в южной части отмечены в 1966 г. при зачистке строительной траншеи ниже строительных остатков с керамикой геоксюрского типа.

ренный рост ощущается и на других участках Алтын-депе, где вскрывались позднеэнеолитические наслоения. Так, на раскопах 1 и 2 позднеэнеолитические дома перекрывают отвалы мусора, скопившегося на окраине ялангачского времени поселения, что свидетельствует об увеличении и здесь числа строений, охватывающих былые окраины. Тип застройки многокомнатными домами с внутридомными святилищами и круглыми в плане усыпальницами-толосами, расположенными поблизости, типичен для поселений геоксюрского оазиса этого времени. Качественные, структурные изменения самого поселения на имеющихся материалах едва ли могут быть отмечены, но количественный рост налицо. Различия в погребальном инвентаре, отмеченные для гробниц раскопа 1, скорее всего свидетельствуют и о сложной социальной структуре общества Алтын-депе этой эпохи. Примечательно, что соседнее поселение Илгынлы-депе сокращается в размерах уже в раннегеоксюрское время и полностью забрасывается в конце позднеэнеолитического периода. Скорее всего часть жителей этого, ранее достаточно крупного центра была поглощена растущим Алтын-депе, и этот процесс концентрации населения является одним из важных симптомов будущей урбанизации общества.

Для материальной культуры Алтын-депе позднеэнеолитического периода характерна расписная керамика геоксюрского стиля с постепенной трансформацией исходных элементов этого стиля в измельченный ковровый рисунок, характерный для местной посуды времени Намазга IV. Представлены также сосуды, выточенные из беловатого мраморовидного известняка, терракотовые коробочки со стенками, украшенными резной орнаментацией из фигур, крестов и полукрестов, и терракотовые фигурки сидящих женщин, иногда с подпрямоугольными плечами, характеризуемые изящностью и плавностью линий, отличающими их от массивных терракот позднеялангачского периода (рис. 8, *4*). Весьма показательны и головки таких статуэток с крупным носом с горбинкой, миндалевидными углубленными глазами и S-образными завитками волос или подвесками (рис. 8, *2*). Этот сравнительно стандартный набор практически идентичен материальной культуре Геоксюра I и Чонг-депе.

Поскольку в Южном Туркменистане в пору позднего энеолита сохранялось деление на две культурные провинции, следует признать, что по основным показателям Алтын-депе относится именно к восточной области. Вместе с тем необходимо отметить, что различия между двумя областями в сфере материальной культуры менее значительны, чем признаки культурной общности, объединяющие южнотуркменистанские памятники этой эпохи в единое целое. Многокомнатные дома, выточенные из камня сосуды, формы медных изделий, в частности так называемых лопаточек, стиль терракотовой скульптуры и детали ее отделки, традиция коллективных гробниц, сосуществующих с одиночными могилами — все это практически идентично на западе и на востоке. Отличия проявляются главным образом в расписной керамике; на западных памятниках распространяется посуда карадепинского стиля, а на восточных, в том числе и на Алтын-депе,— геоксюрского. При этом следует отметить, что отдельные элементы росписи, такие, как фигуры крестов, полукрестов, ступенчатых пирамидок и др., так же как отдельные композиционные решения, в обеих провинциях одинаковы и отличаются лишь различными сочетаниями и масштабом изображения. Так, на Кара-депе роспись более дробная и пестрая, а на Геоксюре господствует стремление к крупным геометрическим фигурам, не теряющимся в пестром орнаментализме. Поскольку керамика, сколь бы выразительна она ни была, составляет лишь один из элементов культурного комплекса [36],

[36] *В. М. Массон.* Каменный век Средней Азии и понятие археологической культуры. ИМКУ, 11, 1974.

в данном случае следует говорить о двух вариантах — карадепинском и геоксюрском — единой культурной общности или единой культуры.

Таким образом, Алтын-депе уже в пору позднего энеолита представляло собой крупный населенный центр с устойчивым набором элементов материальной культуры, повторяющимся почти на всей его территории. Естественным образом при этом встает вопрос о связи этого энеолитического поселения с городом бронзового века, каким стал Алтын-депе почти 1000 лет спустя. Не касаясь всех деталей этой проблемы, отметим вместе с тем вполне ощутимые линии преемственности, охватывающие ряд важных сторон материальной культуры. Так, овальный очаг позднеэнеолитического святилища аналогичен такому же очагу в одном из домов «квартала знати», относящемуся ко времени Намазга V, причем и в этом последнем случае есть основания говорить о наличии внутридомного святилища. Весьма показательна связь и в погребальных обрядах: в эпоху бронзы на Алтын-депе, так же, как и в пору позднего энеолита, распространены коллективные гробницы, правда, сменившие свой круглый план на квадратный, а среди погребений всех видов старая, энеолитическая ориентация головой преимущественно на север явно преобладает. Отметим и такую деталь, как сохранение традиции изготовления терракотовых коробочек со стенками, покрытыми резным орнаментом [37]. Таким образом, есть все основания говорить о сохранении в культуре Алтын-депе бронзового века ряда традиций энеолитической эпохи. Для более детального рассмотрения этого вопроса необходим подробный анализ комплекса времени Намазга IV, непосредственно формирующегося на основе этого энеолитического пласта, что особенно хорошо видно по расписной керамике [38] и терракотовой скульптуре [39]. Но уже сейчас можно говорить об определенной линии преемственности энеолитического поселения и города бронзового века.

Это обстоятельство тем более показательно, что аналогичные элементы исходного энеолитического пласта могут быть прослежены в ряде археологических комплексов бронзового века на Среднем Востоке, явно отражающих урбанизационную стадию развития общества. Впервые вопрос подобных туркменистано-белуджистанских параллелей достаточно широко был поставлен на основе материалов Кветты [40], а позднее и Мундигака [41]. Теперь число памятников, отражающих культурные контакты племен Средней Азии и Среднего Востока «накануне урбанизации», существенно увеличилось.

Рассмотрим вопрос об этих связях и соответствиях в свете дробной стратиграфии, установленной на Алтан-депе и позволяющей с большими уточнениями определять положение в системе относительной хронологии элементов, в которых обнаруживается то или иное сходство.

Исключительный интерес в этом отношении представляет Шахри-Сохте, где наиболее ранние материалы, лежащие непосредственно на материке, объединены М. Този в комплекс Шахри-Сохте I [42], подразделяемый на три горизонта. Найденные в этом слое три цилиндра стиля Джемдет-Наср подтверждают общую датировку этого комплекса концом IV — первой третью III тысячелетию до н. э., поскольку цилиндры этого стиля нередко встречаются и в наслоениях раннединастической эпохи.

---

[37] *В. М. Массон.* Протогородская цивилизация..., стр. 182, рис. 14; *А. Я. Щетенко.* Работы Артыкского отряда..., стр. 416.

[38] *Л. Б. Кирчо.* Стратиграфия Алтын-депе...

[39] *В. М. Массон, В. И. Сарианиди.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973. стр. 20, 21.

[40] *В. М. Массон.* Рец.: W. A. Fairservis. Excavations in the Quetta Valley. CA, 1960, 3; *его же.* Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 6, 1964, стр. 437.

[41] *В. И. Сарианиди.* Памятники позднего энеолита..., стр. 49, 50.

[42] *M. Tozi.* Excavations at Shahr-i Sockta..., 1968. p. 287. 288; *C. C. Lamberg-Karlovsky, M. Tozi.* Op. cit., p. 25, 26.

С самого начала раскопок исследователи обратили внимание на столь высокое сходство расписной керамики с южнотуркменистанскими образцами, что в ряде случаев следует говорить о почти полной идентичности [43]. Правда, при этом в одних случаях говорится о сходстве с керамикой Кара-депе, в других — с посудой геоксюрского типа. По уточненным данным М. Този, расписная керамика комплекса Шахри-Сохте I распределяется следующим образом; посуда местного типа — 48,1%, посуда геоксюрского типа 27%, посуда типа Кечи-Бег (тип керамики Северного Белуджистана) — 24,7%. При этом распространение по слоям керамики так называемого геоксюрского типа дает следующие цифры: в горизонте 8 — 24,3%; в горизонте 9 — 31,9%; в горизонте 10 — 21%. Среди опубликованных образцов этой керамики имеется один фрагмент, как бы продолжающий традиции позднего Намазга II, представленного слоем Кара 2 [44], часть материала имеет прямые аналогии в керамике раннего Намазга III (тип Кара IA) [45], а часть, в том числе с орнаментом в виде фигур, расположенных по способу аппликации, может быть сопоставлена с керамикой Алтын 9 и 10, представляющей собой поздние фазы развития посуды геоксюрского типа, отсутствующие на самом Геоксюре [46]. Не исключено, что более детальное и послойное рассмотрение керамики Шахри-Сохте I позволит установить происхождение этих образцов из разных стратиграфических горизонтов. Таким образом, можно заключить, что керамика южнотуркменистанского круга в нижних слоях Шахри-Сохте может быть сопоставлена в основном с комплексами времени Намазга III, причем как западной, так и восточной культурной провинции. Находки в верхних слоях Шахри-Сохте женских глиняных фигурок, явно следующих традициям геоксюрско-карадепинской пластики [47] и в этом отношении близких терракотам времени Намазга IV, позволяет заключить, что соответствующий культурный параллелизм отнюдь не ограничивался одной расписной посудой.

Керамический комплекс Кветты в своей геометрической орнаментации несет следы отчетливых воздействий со стороны южнотуркменистанской керамики типа Намазга III и IV, что уже отмечалось в литературе и получило признание [48]. По ориентировочным подсчетам такие аналогии могут быть прослежены почти в 25% типов орнаментации, а параллели женским терракотам и печатям подчеркивают сильный и неслучайный характер южнотуркменистанских связей. Таким образом, группа памятников в районе Кветты и Шахри-Сохте обнаруживает наиболее значительные связи с культурным комплексом южнотуркменистанских поселений.

Менее разнообразные, но также довольно отчетливые связи прослеживаются на группе южноафганистанских памятников — Мундигаке, Дех Мораси-Гхундай и Саид-Кале. В комплексе Мундигак III в расписной керамике отмечаются орнаменты, явно связанные с керамикой типа Кара IA [49], Кара IБ [50], а также с традициями Алтына 8 и 9, что соответствует времени комплекса Намазга III и частично Намазга IV. В слое Мундигак IV, *1* имеется фрагмент с изображением пятнистого

---

[43] *R. Biscione.* Dynamics of an Early South Asian Urbanization..., p. 114.

[44] *M. Tozi.* Op. cit., fig. 37, *n.*; *В. М. Массон.* Памятники среднего энеолита..., табл. XII, *12.*

[45] *M. Tozi.* Op. cit., fig. 37*c*, *d.*; *В. М. Массон.* Новые раскопки на Джейтуне и Кара-депе, СА, 1962, 3, рис. 8, *7*, *8.*

[46] *M. Tozi.* Op. cit., fig. 37, *k* и в настоящей статье рис. 8, *25—29.*

[47] Ibid., p. 360, fig. 37. (Ср. *В. М. Массон, В. И. Сарианиди.* Среднеазиатская терракота..., табл. XXIV, *6*).

[48] *В. М. Массон.* Рец.: W. A. Fairservis Excavations in the Quetta-Valley. CA, 1960, 3, стр. 350—352.

[49] *J. M. Casal.* Op. cit., fig. 54, *65*; *В. М. Массон.* Кара-депе у Артыка..., табл. XXX, *1.*

[50] *J. M. Casal.* Op. cit., fig. 54, *69*; *В. М. Массон.* Ук. соч., табл. XXII.

барса (типичный мотив керамики позднего Намазга III), но вместе с тем имеется и посуда стиля Кветты, имеющая явные аналогии в южнотуркменистанской керамике времени раннего Намазга IV [51]. Рельефные каменные сосуды слоя Мундигак IV развивают в целом ту же орнаментальную традицию [52]. Примечательно наличие в слое Мундигак III и коллективных захоронений, столь обычных для позднеэнеолитического Туркменистана. Но гробницы Мундигака в плане подквадратные, как на Кара-депе, а не круглые, как на Геоксюре и Алтын-депе.

Судя даже по предварительной информации о раскопках Саид-калы, здесь представлена орнаментированная керамика, имеющая аналогии в комплексах Алтын 8 и 9, причем эти параллели приходятся на два керамических типа — тип Мораси, рассматриваемый как местный, и тип Кветта, трактуемый как импортный [53]. Судя по тексту отчета, керамика типа Кветты представлена на протяжении всей культурной толщи Саид-калы, имеющей мощность 7,5 *м*. Показательно большое число женских статуэток, найденных в нижнем слое и имеющих, по словам Дж. Шафера, прямые среднеазиатские параллели [54]. Обилие женских терракот как раз отличает южнотуркменистанские селения от синхронных памятников Ирана, и большое количество этих фигурок именно в нижних слоях может свидетельствовать о сильных проявлениях среднеазиатской традиции именно на ранних этапах, тогда как позднее женские терракоты в Саид-кале относительно редки.

Терракоты, изображающие сидящих женщин, явно выполненные в среднеазиатском (геоксюрском) стиле, в последние годы были обнаружены в ряде раннеземледельческих памятников долины Инда, предшествующих хараппской культуре [55]. Локализация этих памятников именно в северной зоне, т. е. в территориальной близости к южноафганистанским комплексам, свидетельствует в пользу того, что за этими аналогиями стоят реальные исторические контакты. Весьма примечательна стратиграфия Джалипура, расположенного в 50 *км* от Хараппы. Здесь в нижних слоях представлена грубая лепная посуда, постепенно сменяемая керамикой, изготовленной с помощью гончарного круга, причем отдельные черепки, по словам М. Мугала, имеют ближайшие параллели в Мундигаке III [56]. В этих же наслоениях имеются и терракоты геоксюрского типа.

Приведенные параллели и аналогии, детальный разбор которых несколько затруднен предварительным характером многих сообщений и публикаций, прежде всего могут свидетельствовать о направлении идущих связей. Ж. М. Касаль в свое время активно выступил с гипотезой о сложении керамики стиля Кветты в Белуджистане на основе традиций Суз и распространения ее отсюда до Южной Туркмении [57]. Однако легко можно видеть, что посуда с соответствующей росписью составляет в памятниках Среднего Востока лишь определенный процент в достаточно разнообразном местном комплексе, причем процент убывающий по мере удаления от территории Южного Туркменистана. То же следует сказать и про терракоту. В районе Кветты и в Саид-кале наряду со статуэтками геоксюрско-карапединского типа имеется и резко отличная от них терракота, в частности статуэтки так называемого зхобского

---

[51] *J. M. Casal.* Op. cit., fig. 77, *269.*

[52] Ibid., fig. 135, *llc, d.*

[53] *J. G. Shaffer.* Preliminary Field Report on Excavations at Said Gala Tepe. Afghanistan, 1971, v. XXIV, № 2—3, p. 93.

[54] Ibid., p. 102.

[55] *A. H. Dani.* Excavations in the Gomal Valley. Ancient Pakistan 5. 1970—1971; *G. F. Dales.* Turkmenistan, Afghanistan and Pakistan. In: Propyläen Kunstgeschichte. Berlin, 1972, Abb. 83, S. 174.

[56] *M. R. Mughal.* New Evidence of the Early Harappan Culture from Jalipur. Archaeology, 1974, v. 27, № 2, p. 111—112.

[57] *J. M. Casal.* Fouilles de Mundigak, v. 1, p. 100, 115.

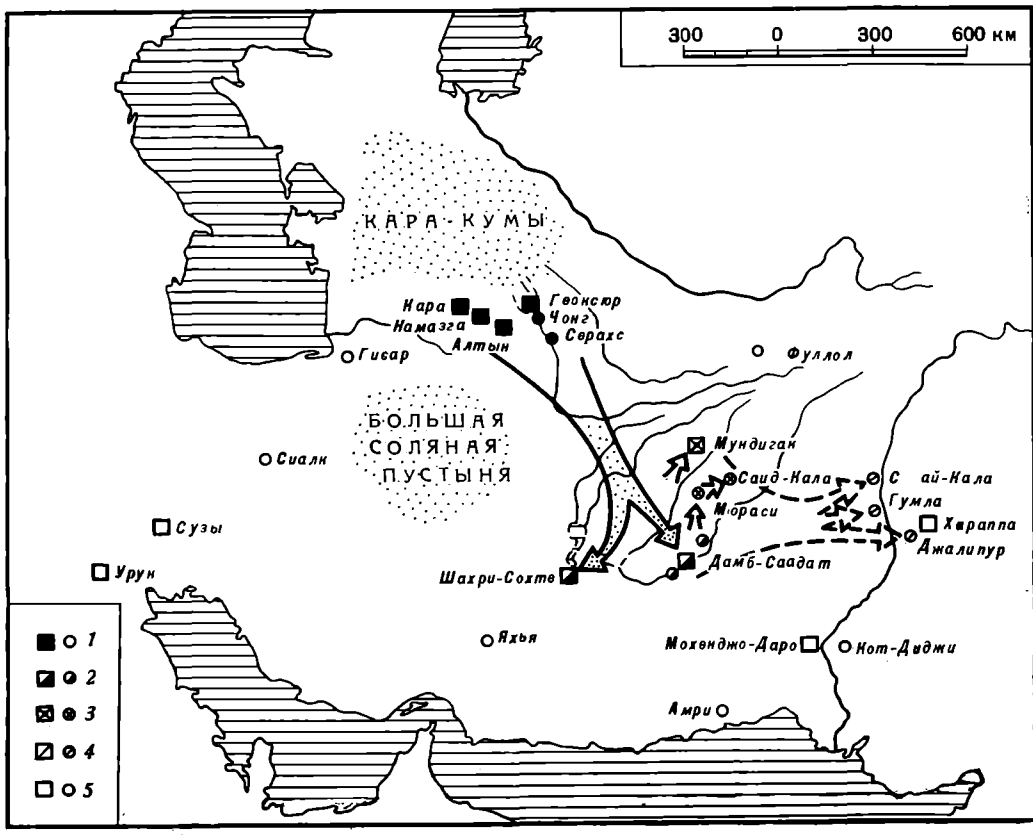



Рис. 13. Распространение южнотуркменистанских культурных элементов на Среднем Востоке. *1* — крупные и мелкие поселения южнотуркменской общности; *2* — поселения со значительными элементами южнотуркменской общности; *3* — поселения с редкими элементами южнотуркменской общности; *4* — поселения с единичными элементами южнотуркменской общности; *5* — прочие поселения

типа, иконографическое решение которых принципиально отлично. В туркменистанских же памятниках именно керамика с геометрической росписью так называемого типа Кветты и местная терракота составляют основной комплекс, причем при всех элементах культурных связей с Месопотамией и Ираном [58] местное население и на Кара-депе, и в Геоксюре, и на Алтын-депе по целому ряду показателей продолжает предшествующие традиции. Было бы неточно говорить о воздействии на южнотуркменистанские керамические комплексы стиля Суз и Тали-Бакуна [59]. И керамика геоксюрского стиля, и посуда карадепинского типа как керамический комплекс представляют собой единое, законченное явление, в котором лишь отдельные элементы или мотивы, а отнюдь не стиль в целом, могут быть связаны с внетуркменистанской традицией.

Все это позволяет считать, что именно Южный Туркменистан был одним из центров активных культурных влияний, скорее всего связанных с расселением племен на Среднем Востоке в конце IV — первой половине III тысячелетия до н. э.,— точка зрения, к которой сейчас склоняется значительное число исследователей [60]. Поскольку из числа известных памятников эти влияния достигают особой силы в Шахри-Сохте и в кветтской группе памятников, следует полагать, что таково было основное направление этого движения (рис. 13). Эта мощная струя

[58] *В. М. Массон.* Средняя Азия и Древний Восток..., стр. 424—433; *В. И. Сарианиди.* Памятники позднего энеолита..., стр. 48—50.

[59] *J. M. Casal.* La civilisation de l'Indus et ses énigmes. Paris, 1969, p. 78.

[60] Помимо М. Този, К. Ламбер-Карловского и Р. Бишони см. также: *C. F. Dales.* Archaeological and Radiocarbon Chronologies for Protohistoric South Asia..., p. 166.

уже в несколько ослабленной степени достигает Мундигака III, хотя соответствующие традиции продолжают бытовать и в пору Мундигака IV, частично стимулируемые контактами с кветтской группой раннеземледельческих племен. И наконец, лишь отдельные импульсы заметны в северной части долины Инда, сказываясь на типах терракот. Таким образом, можно считать, что культура позднеэнеолитического Туркменистана, представленная в двух вариантах — геоксюрском и карадепинском, сыграла важную роль в формировании того культурного субстрата, на котором складываются раннегородские цивилизации Средней Азии и Ближнего Востока. На юге Средней Азии она стала прямой основой местных процессов урбанизации эпохи бронзы, в Сеистане и Северном Белуджистане вошла в качестве одного из основных элементов в исходный культурный пласт, и соответствующее генетическое развитие от раннеземледельческого поселения до крупного городского центра здесь лучше всего прослежено работами М. Този на Шахри-Сохте. Существенна роль геоксюрско-карадепинских традиций и в формировании культуры Южного Афганистана, причем силу и значение этих традиций лишний раз подчеркивает находка фулольского клада с золотыми сосудами, орнаментированными в стиле Кара IA [61]. Наконец, в долине Инда, где в первой половине III тысячелетия до н. э. интенсивно развивается культура ранних земледельцев, составивших исходный пласт хараппской цивилизации, в северной части этого региона мы находим явственные следы южнотуркменистанских воздействий. Было бы неверным придавать этим связям какое-то исключительное значение творческих и формообразующих импульсов, но в сложной картине культурного и хозяйственного развития раннеземледельческих обществ на пути к цивилизации энеолитическая культура Южного Туркменистана занимает достаточно важное место, и это ее значение лишний раз подчеркивается рядом новых археологических открытий на Среднем Востоке.

*V. M. Masson*

ALTYN-DÉPÉ À L'ÉPOQUE ÉNÉOLITHIQUE

Résumé

Les fouilles d'Altyn-dépé (Sud du Turkménistan) ont permis de placer l'histoire de cet établissement à l'époque énéolithique, qui s'étend pour cette région du Ve au début du IIIe millénaire av. n. è. C'est à l'époque de Namazga Ier qu'on rapporte le plus ancien établissement apparu en ces lieux, lequel était très petit, alors qu'à l'époque de Namazga III (fin du IVe début du IIIe mill. av. n. è.) tout ce territoire se recouvre de monuments, de riches tombes, et se répandent une céramique peinte de haute qualité, les vases de pierre, les statuettes féminines. A en juger par toute une série d'indices, cette culture de l'époque énéolithique est génétiquement le prédécesseur de la civilisation des premières villes de l'Age du Bronze, qui s'est formée à Altyn-dépé vers la fin du IIIe début du IIe mill. av. n. è. La culture de la fin de l'énéolithique en Turkmeniestan méridional est représentée par deux variantes culturelles: celle de Karadépé et celle de Ghéoksiour. Altyn-dépé appartient à la seconde. La culture matérielle de ces deux variantes, tout principalement en ce qui concerne la céramique peinte et les statuettes féminines, est représentée pour une grande part dans beaucoup de monuments du Moyen Orient, en particulier à Chakhri-Sokhté (Séistan iranien) et à Quetta (Pakistan septentrional). Cela témoigne avant tout de la migration de tribus venues du Turkménistan méridional, et qui furent un des principaux composants de la couche locale, sur la base de laquelle s'est également formée à cet endroit une civilisation du début de la formation de villes à l'Age du Bronze. Des éléments de cette influence du Turkménistan méridional se retrouvent dans le Sud de l'Afghanisstan (Moundigak, Saïd-Kala), et même dans la vallée de l'Indus, oú on peut les remarguer dans les localités des premières communautés agraires, qui furent les prédécesseurs directs de la civilisation Harappa.

[61] *M. Tosi, R. Vardak.* The Fullol Hoard: A New Find from Bronze Age Afghanistan. EW, 1974, v. 22, № 1—2.

Л. Л. ГАЛКИН

# СОСУД СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ С СЮЖЕТНЫМ РИСУНКОМ ИЗ САРАТОВСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ

Основной целью предлагаемой читателям публикации является введение в научный оборот пока единственной для срубной культуры находки сосуда с изображением повозки, запряженной двумя животными (рис. 1, см. вкл. к стр. 129). Дается описание погребального комплекса, в котором он был найден, что представляет несомненный интерес для освещения нерешенных еще вопросов, связанных с проблемой изучения истории колесного транспорта, этнической и социальной истории племен эпохи бронзы евразийских степей.

Поскольку многие стороны названной проблемы довольно полно и широко разработаны трудами советских и зарубежных исследователей [1], задача интерпретации находки значительно облегчается. Определение хронологических рамок погребального комплекса поможет внести коррективы в датировку наскальных и других изображений с аналогичным сюжетом эпохи бронзы [2],

Сосуд, о котором идет речь, был обнаружен в 1975 г. при работах по спасению археологических памятников в зоне действия III очереди Энгельской (Гагаринской) оросительной системы в Саратовском Заволжье. Саратовским отрядом Средневолжской новостроечной археологической экспедиции Института археологии АН СССР была исследована курганная группа из четырех курганов. Она была расположена в 200 *м* от правого берега р. Сухая Саратовка в среднем ее течении. Курганы были вытянуты цепочкой вдоль береговой линии с ЮВ на СЗ на первой надпойменной террасе (рис. 2). Судя по погребальному обряду и керамике, все основные погребения в курганной группе оставлены племенами срубной культуры. Курган 2, в котором был найден интересующий нас сосуд, представлял собой земляную насыпь высотой около 0,4 *м* над современной поверхностью. Первоначально она, очевидно, была значительно выше. К моменту раскопок насыпь кургана была почти полностью разрушена многолетней глубинной вспашкой, которая достигает здесь 0,25—0,3 *м*. Диаметр современной насыпи кургана составлял около 0,26 *м* (рис. 3).

---

[1] Подробную источниковедческую и библиографическую информацию по истории колесного транспорта и связанных с нею проблем читатель найдет в следующих работах: *А. П. Окладников.* Олень золотые рога. Л.— М., 1964; *П. М. Кожин.* Кносские колесницы. Сб. «Археология старого и нового света». М., 1966; *его же.* О глиняных моделях колес из балановского могильника. СА, 1966, 4; *его же.* Гобийская квадрига. СА, 1968, 3; *Е. Е. Кузьмина.* Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей. ВДИ, 1974, 4; *Stuart Piggott.* Ancient Europe from the beginings to Classical Antiquity. Edinburgh, 1965, p. 143, fig. 77.

[2] *М. К. Кадырбаев, А. И. Марьяшев.* Каратаусские колесницы. Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1972.

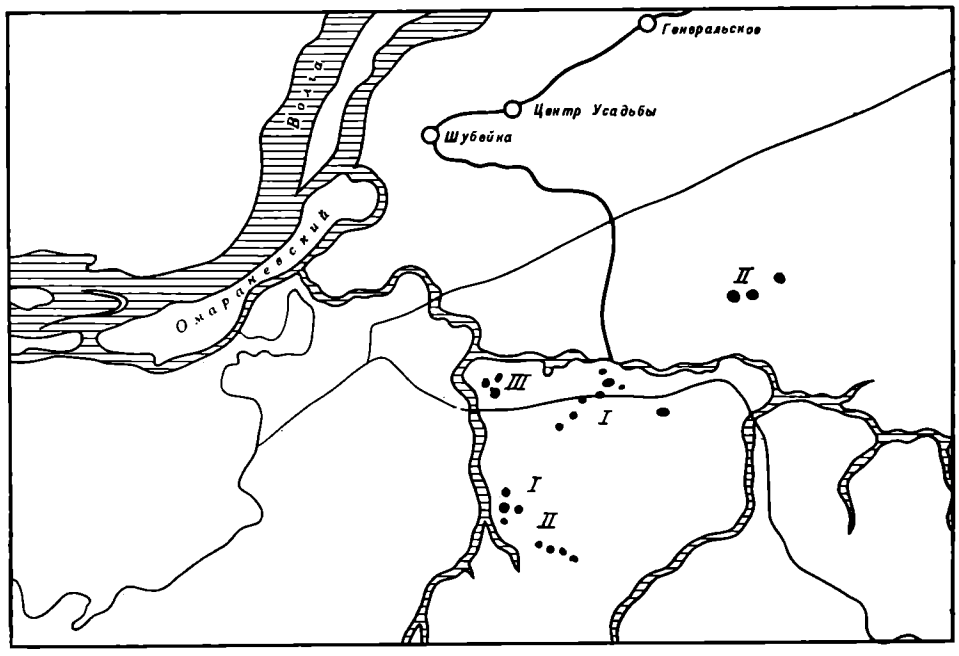



Рис. 2. Расположение курганных групп

Первый штык насыпи был снят вручную, а затем раскопки производились с помощью бульдозера. Исследование велось методом параллельных бровок. В кургане было открыто пять могильных ям, в которых было пять погребенных. Одна из этих пяти могильных ям захоронения не содержала и, видимо, являлась кенотафом, в другой — было обнаружено парное захоронение.

Сосуд с рисунком был найден в погр. 2, расположенном ближе к центру кургана. Погребение было совершено в прямоугольной яме (1,8×1,2 *м*, глуб. 1,65 *м*) с закругленными углами. Стенки ямы неровные, вырыты отвесно, дно ровное. В материковой суглинок она была углублена на 0,95 *м*. Выброса не прослеживалось. Длинными сторонами могильная яма ориентирована по азимуту 40° (СВ). В заполнении могильной ямы были найдены остатки деревянного перекрытия могилы, которые располагались вдоль ее длинных сторон. Фрагменты отдельных плах лежали поперек могилы. На дне могильной ямы был обнаружен костяк взрослого мужчины, лежавшего головой на СВ, на левом боку, завалившись на грудь. Кисти рук — перед лицом, бедренные кости по отношению к позвоночнику находились почти под прямым углом. Перекрещенные кости были подтянуты к тазу. Между костями ног и тазом лежало ребро животного (рис. 4, *2*). На черепе и ступнях ног сохранились следы охры. Охра была обнаружена справа от костяка и под горшковидным сосудом с рисунком, который стоял в северо-восточном углу могильной ямы. Погребения 1 и 4 принадлежали подросткам. Они были положены скорченно на левом боку в прямоугольные могильные ямы, незначительно углубленные в материковой суглинок, ориентированы на СВ (рис. 4). Покойных сопровождали неорнаментированные баночные сосуды (рис. 5). Погребение 5 представляло собой прямоугольную яму с закругленными углами размером 1,4×0,9 *м*, углубленную в материк на 0,2 *м*. В центре могильной ямы, ближе к западной стенке, скорченно, на левом боку лежал скелет взрослой женщины, ориентированной головой на СВ. Руки покойной, согнутые в локтях, находились перед лицом под небольшим неорнаментированным баночным сосудом (рис. 4). Ноги погребенной были перекрещены в голенях у ступней. Пальцы ног не

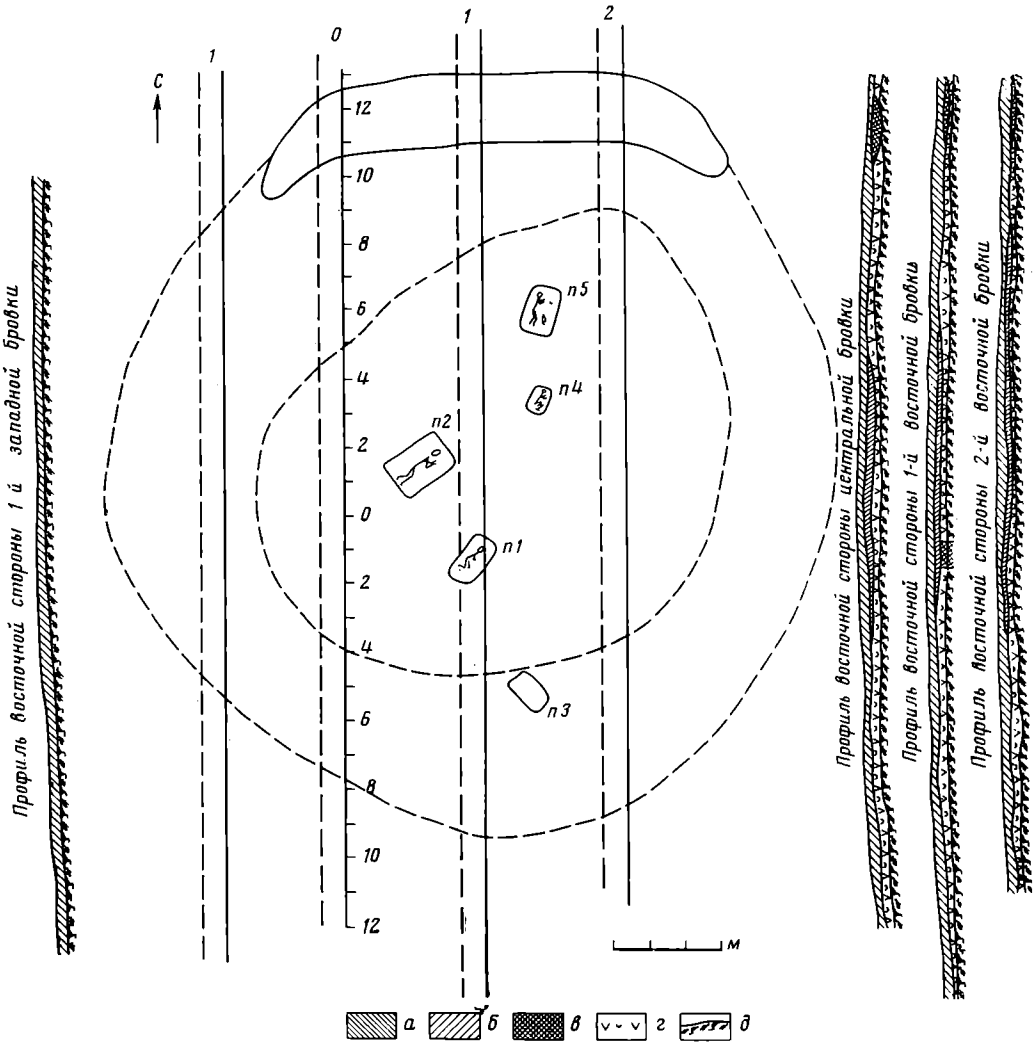



**Рис. 3. План и профили кург. 2.** *а* – насыпь кургана; *б* – пахотный слой; *в* – заполнение рвов и ям; *г* – погребенная почва; *д* – материк. Внутренний контур – границы первоначальной насыпи кургана; внешний контур – современные границы кургана

сохранились. Справа от нее лежал костяк ребенка очень плохой сохранности. Судя по сохранившимся костям in situ, ребенок был погребен скорченно на левом боку, аналогично костяку взрослого. В области шейных позвонков ребенка был найден просверленный клык животного (рис. 4, *5*). У бедренных костей лежал на боку баночный сосуд со слегка раздутыми боками (рис. 6). Его размеры в *см*: диаметр по венчику — 11,2, диаметр наибольший — 14,2, диаметр дна — 8,4, высота — 10,4. Тесто сосуда хорошо отмучено, имеет органические включения и незначительную примесь песка. В изломе черепок черный. Поверхность сосуда светло-коричневая, пятнистая, со следами закопченности при неровном обжиге, заглажена грубым пучком травы или штампом. Так же обработана внутренняя поверхность. Сосуд орнаментирован двойным поясом треугольных вдавлений, оттиснутых углом гребенчатого штампа. Венчик сосуда украшен оттиском гребенчатого штампа. Тем же штампом нанесена рамка, прерывающая пояс треугольных вдавлений. В рамке с помощью четырех оттисков того же штампа изображен какой-то знак.

Нельзя не отметить общую для всех погребений ориентировку могильных ям и погребений на СВ (исключение составляет впускное

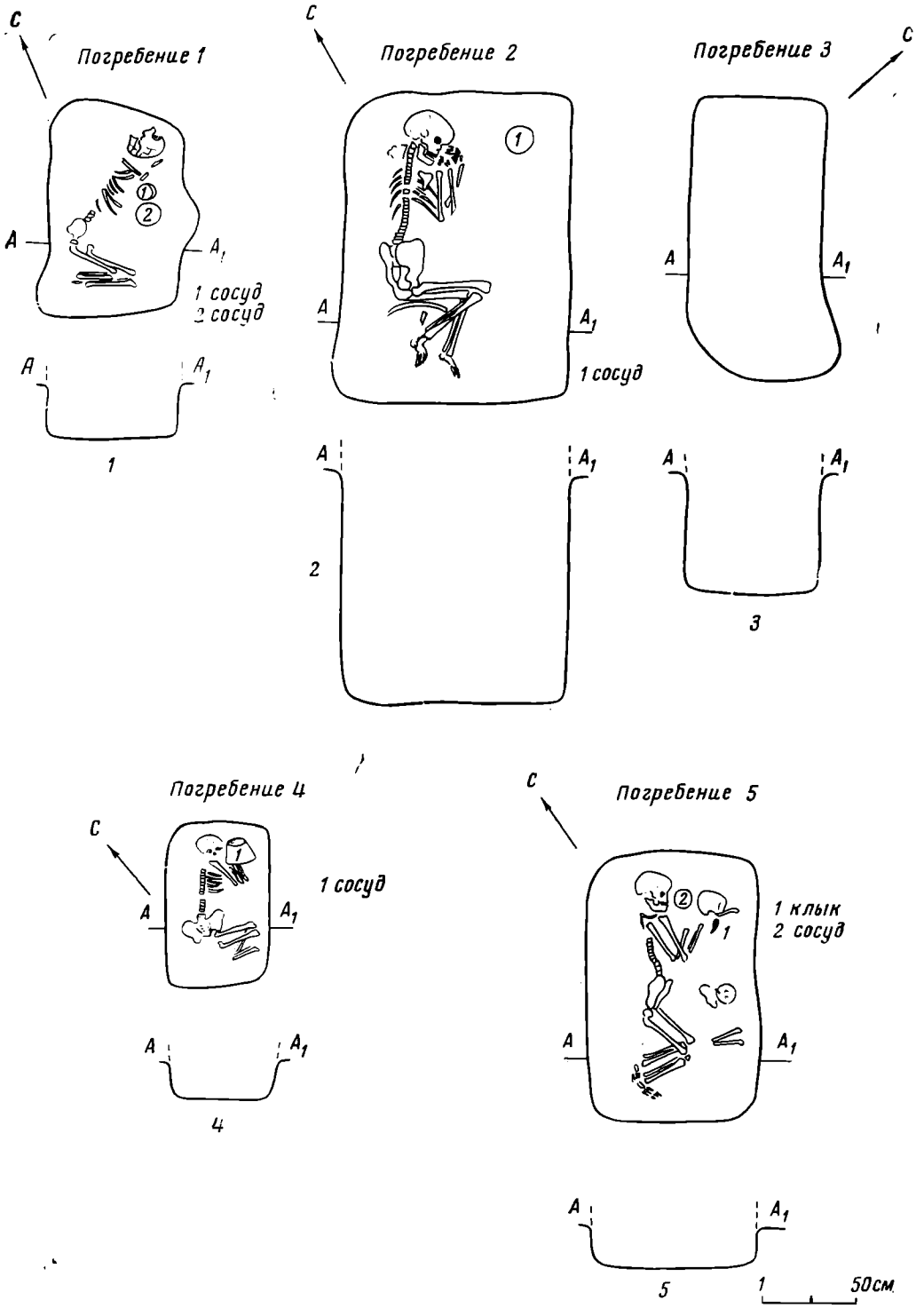



Рис. 4. План и профиль погребений 1–5

погр. 3). Это, как указывал в свое время Н. Я. Мерперт [3], является признаком родовой общины и свидетельствует о захоронении покойных на родовом кладбище в один хронологический период. О том же говорит топография погребений в кургане, которые были расположены цепочкой,

[3] *Н. Я. Мерперт.* Материалы по археологии Среднего Заволжья. Куйбышевская археологическая экспедиция, I. МИА, 42, 1954, стр. 76.

вытянувшись с СВ на ЮЗ с некоторым отклонением погр. 2 к западу. В пользу этих же соображений говорит и отсутствие следов выбросов из могильных ям.

Обряд захоронения в погребениях также имеет ряд общих черт. Это положение кистей рук перед лицом, почти одинаковая степень скорченности, ориентировка на СВ. Обнаруженное в кургане парное захоронение женщины и ребенка свидетельствует, как и во многих подобных случаях, наблюдаемых в памятниках срубной культуры, о довольно сильных еще традициях, характерных для более ранних этапов развития родового общества, на что неоднократно обращали внимание исследователи[4]. Таким образом, перед нами кладбище родовой ячейки. Глава ее захоронен в погр. 2, которое является центральным как по положению в кургане, так и по более капитальному устройству могильной ямы.

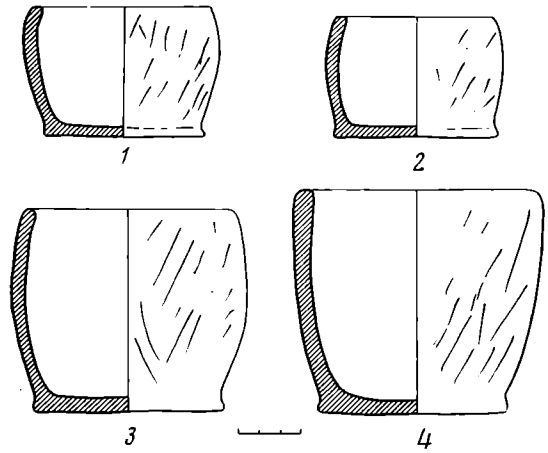


Рис. 5. Керамика из погребений 1, 4, 5. *1*, *3* – погр. 1; *2* – погр. 5; *4* – погр. 4

Отмеченный выше обряд захоронения, керамика позволяют датировать весь погребальный комплекс кургана послебережновским, покровским горизонтом срубной культуры[5]. Наличие локальной подсыпки охры в центральном погребении кургана служит указанием на некоторую архаичность комплекса, так как охра не характерна для покровского горизонта. С этой поправкой описанный выше погребальный комплекс может быть отнесен к раннему, переходному этапу от бережновского к покровскому горизонту срубной культуры.

Этим же временем датируется и сосуд, о котором идет речь. Он имеет следующие размеры в *см*: диаметр венчика — 14, наибольший диаметр — 15, диаметр дна — 9, высота сосуда — 11,8. Горшковидный сосуд изготовлен из хорошо отмученой глины с примесью песка и растительности. Обжиг неравномерный с пятнами закопченности. Черепок в изломе черный. Поверхность сосуда шероховатая, цвет светло-коричневый. Заметны следы заглаживания поверхности пучком травы. Местами отслоился верхний тонкий слой, образовавшийся от неоднородности обжига.

Переходя к описанию рисунка на горшковидном сосуде из погр. 2, отметим, что он занимает по площади одну треть его поверхности. Рисунок нанесен острым предметом по сырой глине до обжига. Он изображает, как уже говорилось выше, двухколесную повозку, запряженную двумя животными с помощью дышла и ярма. Слева от повозки помещены три сходящиеся в одной точке линии, напоминающие схематическое изображение шатра (рис. 7, *1*).

Ниже этой фигуры прочерчена короткая горизонтальная линия. Колеса повозки изображены в плане. Каждое колесо имеет четыре спицы. Ездовая площадка также изображена в плане в виде трапеции. В правой ее части по углам прочерчены два закругленных выступа. В левой стороне площадки изображен прямоугольный с закругленными углами контур, вероятно, кузов повозки. Левая сторона контура состав-

[4] *М. И. Артамонов.* Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками. ПИДО, 1934, 78; *Н. Я. Мерперт.* Ук. соч., стр. 76.

[5] По относительной хронологической шкале, предложенной Н. К. Качаловой. Доклад Н. К. Качаловой на археологической конференции в феврале 1976 г. в Куйбышеве. Абсолютная хронология покровского горизонта остается открытой.

ляет прямую линию со спицами колес. Однако линия эта прерывается между изображениями колес и площадки. Дышло проходит через всю ездовую площадку от левого ее края и продолжается за ее пределы на длину, равную длине ездовой площадки. От конца дышла в обе стороны прочерчена линия, изображающая ярмо. От середины дышла в право и влево отходят линии, означающие постромки, которые направлены в сторону животных. Изображение левого животного сохранилось фрагментарно. Оно почти полностью отслоилось еще до раскопок. Однако можно

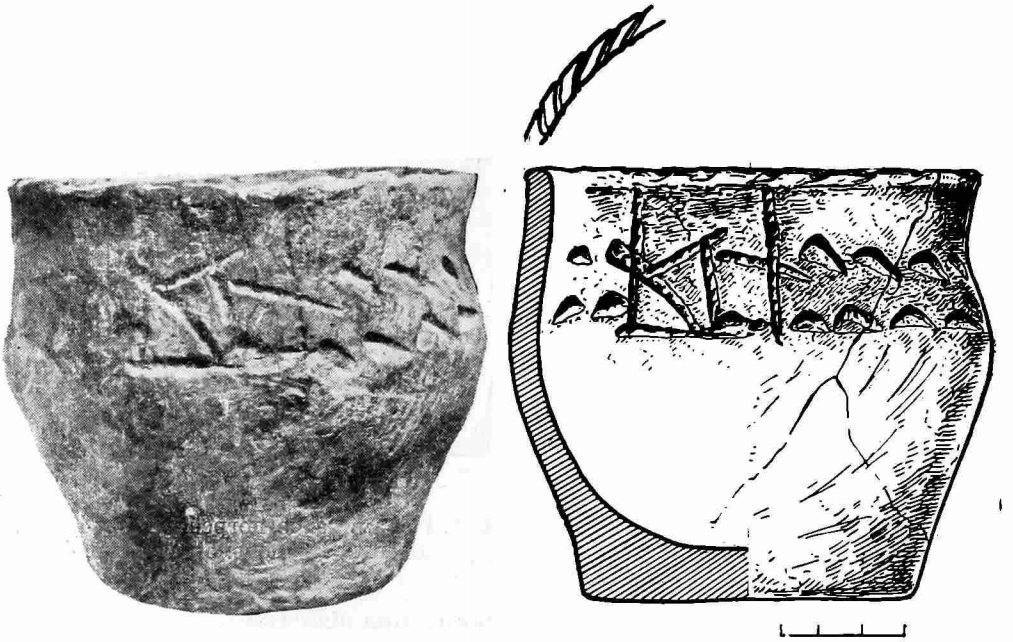


Рис. 6. Фотография и прорисовка сосуда из погр. 5 у костяка ребенка

рассмотреть округлые контуры головы. Животные изображены очень схематично, и поэтому об их видовой принадлежности говорить трудно. Сопоставление с известным срубным сосудом из кургана у с. Полянки из-под Казани [6] (рис. 7, *2*) с изображением лошадей, змеи, птицы может несколько помочь решению этой задачи. Как и на полянском сосуде, животные на горшке из кургана у Сухой Саратовки изображены почти тождественно: те же пропорции, та же манера передачи тела не овалом, а одной чертой. Отличаются они только изображением головы. В последнем случае она показана в виде неровного кружочка. Кроме того, можно привести ряд дополнительных соображений в пользу того, что на данном сосуде изображены лошади. Исследователи отмечают, что колеса со спицами первоначально встречаются лишь у повозки с лошадиной запряжкой, указывая, что бычьи запряжки имели сплошные колеса вплоть до начала II тысячелетия до н. э. [7].

Запряжка двухколесной повозки лошадьми, вероятно, сохранилась в срубно-андроновском ареале к периоду изготовления данного сосуда. В пользу этого предположения говорят некоторые археологические данные. К настоящему времени известно несколько сосудов из срубно-андроновского ареала с изображением двухколесных повозок без упряжи. Один из таких сосудов опубликован В. С. Стоколосом [8]. Он происходит из срубно-алакульских курганов у с. Спасского (рис. 7, *3*).

---

[6] *А. А. Формозов.* Материалы к изучению искусства эпохи бронзы на юге СССР. СА, 1958, 2, стр. 137—142.

[7] *П. М. Кожин.* Гобийская квадрига, стр. 36.

[8] *В. С. Стоколос.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972, стр. 47, рис. 13, *12*.

Второй сосуд известен автору из неопубликованных материалов Херсонской экспедиции ИА АН УССР. Здесь на остроребернном сосуде из срубного погребения изображены две окружности, напоминающие рисунки колес с четырьмя спицами в плане. Эти окружности соединены выступающими линиями, которые могут трактоваться как изображение дышла [9].

Таким образом, находки в погребениях сосудов с изображениями повозок определенным образом указывают на их культовое значение, в данном случае связанное с погребальным обрядом. Эти изображения должны

Рис. 7. *1* — наскальные изображения шатров (середина I тысячелетия н. э., Центральная Тува, гора Сыын-Чюрек. С. И. Вайнштейн, Н. П. Денисов. Новые материалы по этнографии и археологии Тувы. Полевые исследования Института этнографии. 1974 г. М., 1975, стр. 204); *2* — изображение лошади на срубном сосуде из кургана у с. Полянки; *3* — изображение на сосуде из андроновского кургана у с. Спасского; *4* — наскальное изображение Каратау (Кайбагор III, эпоха бронзы); *5* — наскальное изображение (эпоха бронзы, Центральная Тува, гора Сыын-Чюрек)

были замещать в погребениях реальные повозки и лошадей по известному принципу части вместо целого [10].

В свете этих находок становятся понятны погребения двух лошадей на краю могильной ямы, наблюдавшиеся в некоторых срубных и андроновских курганах [11]. Животные были положены там не как заупокойная пища и не как верховые лошади погребенного, а как часть целого погребального комплекса, включавшего и повозку.

Следовательно, у срубных племен степной полосы бытовала традиция впрягать в погребальную повозку лошадей. Поэтому, очевидно, и на рассматриваемом сосуде изображены лошади.

Упомянутые выше захоронения лошадей отмечены не в рядовых могилах, а в погребениях, принадлежавших лицам, выделявшимся по своему положению в родовом обществе. Изображение на сосуде из кург. 2 Сухой Саратовки обнаружено в центральном погребении. Как считают исследователи, колесница у иранских племен и у скифов приобретает значение атрибута знати [12]. В данном случае мы видим еще не яркие, не развитые, только зарождающиеся истоки этого символа власти.

Из сказанного выше отнюдь не следует, что двухколесная повозка была только культовой погребальной принадлежностью. Многочисленные

---

[9] Приношу глубокую благодарность А. И. Кубышеву за разрешение сослаться на его неопубликованный материал.

[10] *Е. Е. Кузьмина.* Ук. соч.

[11] *К. Ф. Смирнов.* О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. СА, XXVII, 1957, стр. 214, 215; *А. Е. Алихова.* Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки. КСИИМК, 59, 1955, стр. 92, рис. 35.

[12] *Е. Е. Кузьмина.* Ук. соч.

наскальные изображения эпохи бронзы того же хронологического периода из смежных и отдаленных территорий дают примеры использования таких повозок в повседневной жизни. Из них достаточно, например, назвать наскальные изображения Южного Казахстана со сценами запряжки лошадей в двухколесную повозку Каратау (Кайбагор III) (рис. 7, *4*) Тувы (рис. 7, *5*) [13]. Очевидно, у срубных и андроновских племен степной полосы колесный транспорт служил серьезной и привычной основой для взаимных контактов, торговых связей с другими племенами, дальних перекочевок и миграций.

*L. L. Galkine*

## UN VASE DE LA CULTURE DES TOMBES A CHARPENTE ORNE D'UNE SCENE DESSINEE EN CREUX, TROUVE SUR LA RIVE GAUCHE DE LA VOLGA, PRES DE SARATOV

Résumé

Des fouilles archéologiques ont été effectuées dans la zone de la IIIe tranche de construction du système d'irrigation «Engels» (rive droite du cours moyen de la Soukhaïa Saratovka). Dans le kourgane 2, du IIe groupe de kourganes, on a découvert dans la sépulture 2 (la principale) un vase orné d'un dessin représentant un char attelé de deux bêtes. Grâce à l'analyse des figures et à la confrontation avec des oeuvres analogues, on peut supposer très vraisemblablement que l'attelage est formé par des chevaux. A gauche du char sont tracés schématiquement les contours d'une tente. L'ensemble funéraire où a été trouvé le vase appartient au niveau dit de Pokrov, qui appartient à la culture des tombes à charpente.

---

[13] *М. К. Кадырбаев, А. И. Мартьяшев.* Ук. соч., рис. 7; *С. И. Ванштейн, Н. П. Денисова.* Новые материалы по этнографии и археологии Тувы. Сб. «Полевые исследования Института этнографии, 1974». М., 1975, стр. 197, рис. 1.

Е. П. КАЗАКОВ

# НОВЫЙ АНАНЬИНСКИЙ МОГИЛЬНИК В НИЗОВЬЯХ р. КАМЫ

В сезоны 1973, 1975 гг. при разведочно-охранных работах в зоне Куйбышевского водохранилища обследован новый ананьинский могильник (VI Семеновский), расположенный в восточной части Семеновского острова в 3 *км* к северо-западу от дер. Татарское Измери Куйбышевского района ТАССР. Еще в 1964 г. недалеко от этого места нами был найден кельт, так называемого меларского типа (рис. 1, *2*), в 1973 г. здесь же найдены четыре кельта, нож (рис. 1, *1, 4—7*) и в 1975 г. обнаружен еще ряд предметов (рис. 1, *3*; рис. 2).

Отмеченные вещи найдены на низкой надлуговой террасе (на площади 40×60 *м*), освобождающейся от воды в период спада Куйбышевского водохранилища. Специфический набор вещей позволяет предполагать, что они происходят из могильника, хотя слой чернозема в этом месте вплоть до глины смыт и следов каких-либо ям не обнаружено.

В состав комплекса входят шесть кельтов, копье, два наконечника стрел, нож, бляха для соединения ремней уздечки, поясная и височная подвески (рис. 2, *8, 11*), пронизка с рифлением на одной из сторон (рис. 2, *13*), орнаментированная бляха головного убора (рис. 2, *7*), пластинка с отверстиями (рис. 2, *10*) и ряд фрагментов от неопределенных изделий (рис. 2, *3—6*). Кроме того, на месте этих находок обнаружено несколько каменных орудий (рис. 3, *1—4*) и обломки известняковых плит.

Из имеющихся металлических предметов только один наконечник стрелы железный (рис. 2, *2*), остальные изделия бронзовые, выполненные, за исключением одного экземпляра (рис. 2, *10*), в характерной для ананьинской культуры технике литья.

Из шести кельтов пять относятся к типу ананьинских (рис. 1, *3—7*). Втулка и верхняя часть их в сечении линзовидные. Лезвия слегка закруглены, по ширине в двух случаях они равны втульчатой части (рис. 1, *3, 6*), в одном (рис. 1, *7*) — больше и у остальных (рис. 1, *4, 5*) меньше ширины втулки.

Наиболее крупный кельт (рис. 1, *5*) имеет высоту 8 см, ширину втульчатой части 5, *8 см*, ширину лезвийной части 5, *2 см*. У остальных размеры соответственно 7,6×4, 7×4,7 (рис. 1, *6*), 7×5, 4×4,8 (рис. 1, *4*), 6,6×5×5 (рис. 1, *3*), 6×5, 1×5,6 *см* (рис. 1, *7*).

Кроме одного экземпляра, имеющего вертикальные валики по центру и граням (рис. 1, *7*), все кельты орнаментированы по обеим сторонам верхней части тремя горизонтальными рельефными линиями. На одном из них по центру на обеих сторонах ниже пояска из трех горизонтальных линий имеются парные рельефные линии — «усики» (рис. 1, *5*), на другом — одна сторона ниже трехрядного пояска украшена двумя горизонтальными валиками, а на противоположной части поясок снизу окаймлен рельефным зигзагом (рис. 1, *4*). По граням кельтов от горизон-

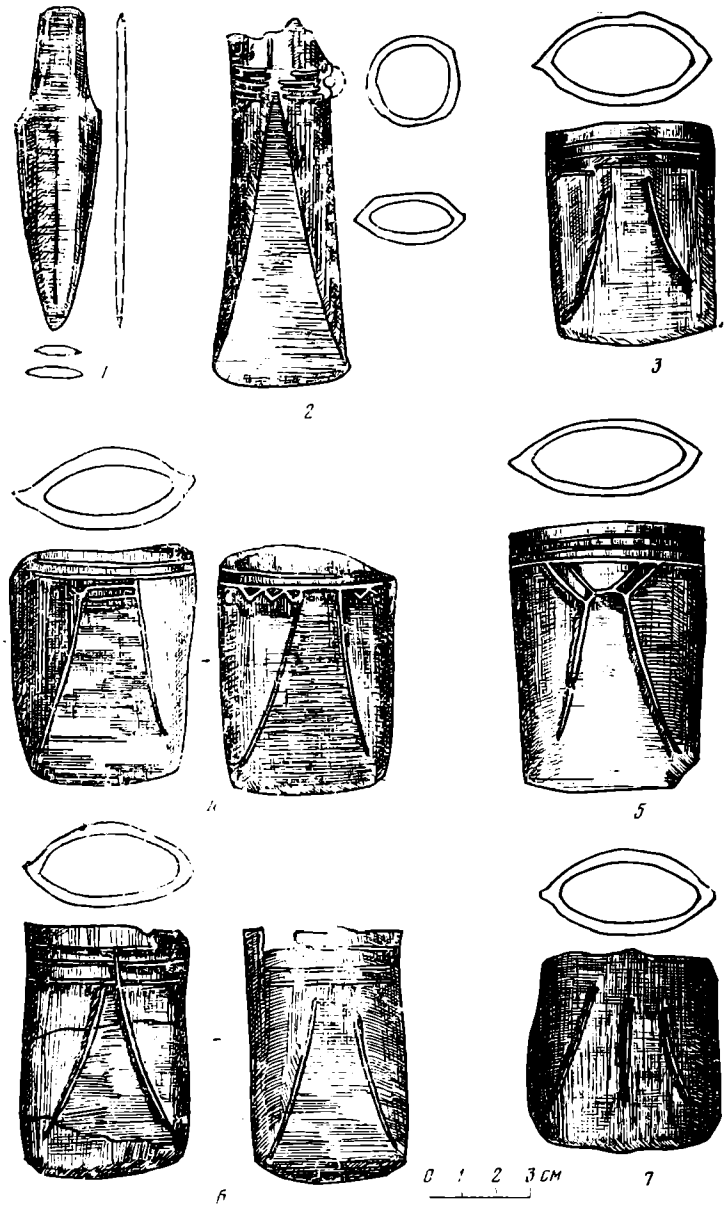



Рис. 1. VI Семеновский могильник. Бронзовые кельты и нож

тального пояса валиков вниз также спускаются валики. На одном экземпляре имеются следы литейного брака (рис. 1, *6*).

Указанные кельты имеют аналогии в ряде памятников Нижнего Прикамья: Луговском, Морквашинском и других могильниках [1]. По материалам памятников раннего железного века Марийско-Чувашского Поволжья В. С. Патрушев выделяет их в особый тип ананьинских кельтов [2]. Четыре кельта (рис. 1, *3—6*), относящиеся к VII, и, возможно, к VIII вв. до н. э., характеризуются типичным для ананьинских изделий этого вида сужением к лезвийной части. Пятый кельт (рис. 2, 7), наоборот, даже

[1] *В. А. Збруева.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, стр. 33, табл. II, *26*; стр. 35, рис. 11, *а*; стр. 143; табл. XXVII, *3*.

[2] *В. С. Патрушев.* Акозинско-меларские кельты Марийского Поволжья. СА, 1975, 3, стр. 30, рис. 2, тип 1*б*, *в*, разновидность 1, 2.

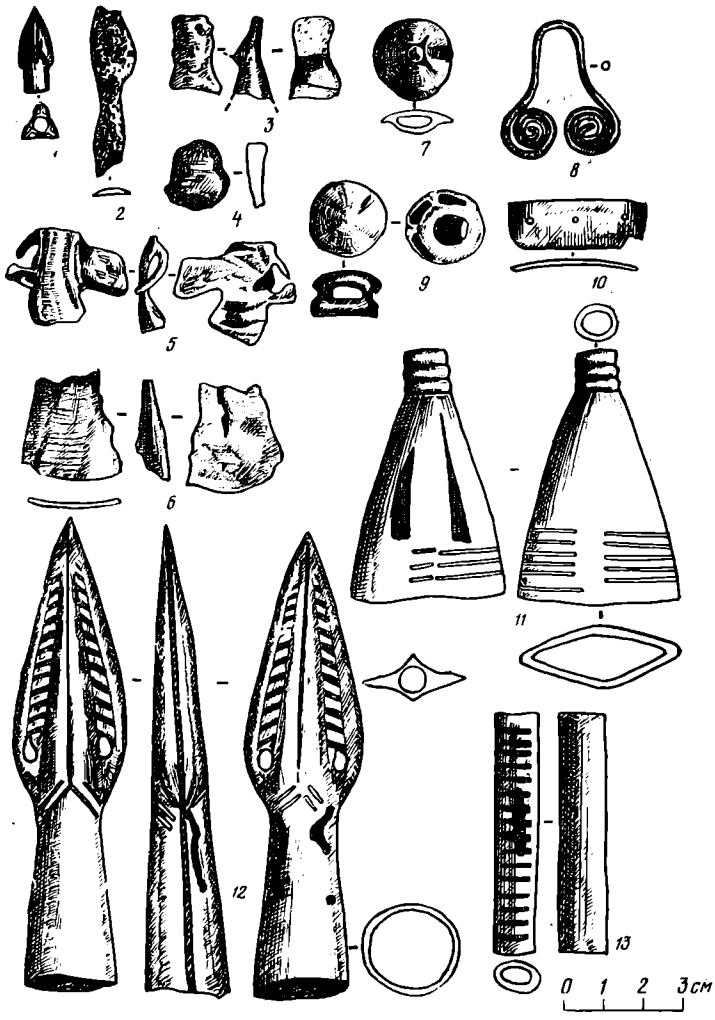



Рис. 2. VI Семеновский могильник: *1*, *3—13* — бронза; *2*— железо

несколько расширен внизу, что, может быть, свидетельствует о его несколько более поздней дате.

Найденный в 1964 г. кельт (рис. 1, *2*) более вытянутый. Высота его 11, ширина 3 и 4 *см*, тулово в сечении округлое вверху и шестигранное в центральной части. Ширина слегка закругленного лезвия больше диаметра тулова. В 1,5 *см* от деформированного края втулки располагалось боковое ушко, на уровне которого с одной стороны имеются три, а с другой четыре рельефных горизонтальных валика. На ушке сохранился четкий литейный шов.

Подобные кельты, нередко встречающиеся в раннесанаташтинских памятниках Среднего Поволжья, В. С. Патрушев выделил в особый тип, назвав его ахмыловским, поскольку большая часть таких кельтов, известных в настоящее время, происходят из Старшего Ахмыловского могильника и полагает возможным датировать их VIII—VII вв. до н. э.[3]

Наконечник копья с короткой втулкой и листовидным пером (рис. 2, *12*) имеет общую длину 14 *см*, отношение длины пера к длине втулки больше 1, наибольшая ширина пера 3,3 *см*, диаметр втулки 2,6 *см*. В сечении перо ромбическое со слегка вогнутыми сторонами. Хорошо заметен боковой литейный шов. На одной из сторон втулки находятся че-

[3] *В. С. Патрушев.* Там же, стр. 30—34.

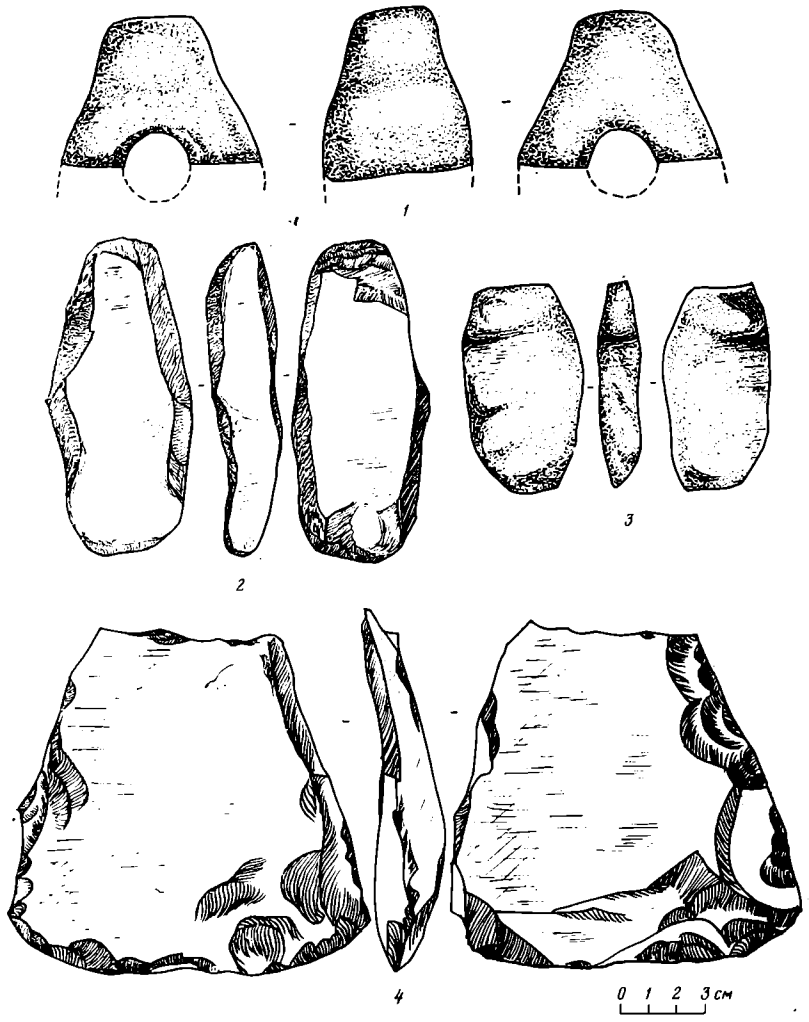



Рис. 3. VI Семеновский могильник: *1* – диорит; *2* – гранит; *3* – доломит; *4* – кремень

тыре округлых отверстия, видимо для прикрепления к древку, и неровные щели от литейного брака. У основания пера втулка с обеих сторон украшена парными, расположенными в виде вертикальной елочки рельефными линиями. В наиболее широкой нижней части крыльев располагаются небольшие округлые отверстия. От них к острию по обеим сторонам пера прослеживаются неглубокие, идущие вдоль втулки западения, украшенные косо поставленными полосами.

А. В. Збруева считала такие копья наряду с кельтами типичными ананьинскими предметами [4]. Близкие наконечники копий, но с более удлиненными прорезями и несколько иной конфигурацией плечиков крыльев обнаружены в Ананьинском [5] и Старшем Ахмыловском могильниках. Л. Х. Халиков датирует такой наконечник из Ахмылова VIII—VII вв. до н. э. [6] Подобный наконечник, но с еще более короткой втулкой, известен из района г. Бирска в Башкирии [7].

---

[4] *А. В. Збруева.* Ук. соч., стр. 95.

[5] Там же, стр. 38, табл. V, *9*.

[6] *А. Х. Халиков.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, рис. 55, *207*; *В. С. Патрушев, А. Х. Халиков.* Ахмыловский археологический комплекс. АО — 1966, М., 1967, стр. 96.

[7] *А. Х. Пшеничнюк.* Кара-абызская культура. АЭБ, V. 1973, стр. 221, рис. 30, *2*.

Аналогии втульчатому сильно коррозированному железному наконечнику стрелы с листовидным, обломанным на конце, пером (рис. 2, *2*) можно найти во многих ананьинских памятниках [8].

Так же широко встречаются бронзовые трехгранные втульчатые наконечники стрел (рис. 2, *1*). Подобные наконечники из Усатово К. Ф. Смирнов датирует VII в. до н. э.[9] Известны они и в раннескифских памятниках [10].

Нож (рис. 1, *1*) длиной 9,8 *см* имеет короткий (3 *см*), широкий, (1,5 *см*) вытянуто-овальный в сечении черенок с закругленным концом. Переход от черенка к лезвию пологий. Лезвие в плане удлиненно-подтреугольное. По центральной части лезвия слабо прослеживается продольное ребро, однако в сечении лезвие скорее вытянуто-овальное, чем подромбическое.

Определенное сходство указанный экземпляр находит с ножами из позднеприказанских памятников [11]. Возможно, он находился во вторичном употреблении, так как датируется более ранним временем, чем остальной материал.

Круглая в плане, уплощенная бляха-обойма или, как ее называют, пряжка-пронизь (рис. 2, *9*), предназначенная для соединения перекрестных ремней уздечки (диам. 2,3 *см*), имеет выпуклую поверхность с внешней стороны, внутренняя — плоская с круглым входным отверстием. По бокам симметрично расположены четыре овальных отверстия.

Такие предметы встречаются в раннескифских, савроматских древностях, где они датируются VII в. до н. э. или несколько более поздним временем [12].

Подтреугольная в плане поясная подвеска (рис. 2, *11*) имеет длину 7.5 *см* и наибольшую ширину в нижней части 4,6 *см*. В сечении широкой части подвеска подромбическая, верхняя часть в виде трубки диаметром 1,2 *см*, украшена тремя горизонтальными выемчатыми линиями. Боковые грани уплощенных сторон в нижней части орнаментированы рельефными горизонтальными линиями. На одной стороне наблюдаются две продольные с неровными краями щелевые прорези.

Подвески такого вида из погребений 408, 421 Старшего Ахмыловского могильника датируются VII—VI вв. до н. э.[13]

Височная очковидная подвеска (рис. 2, *8*) из круглой в сечении проволоки со спирально загнутыми во внутреннюю сторону концами находит аналогии в Полянском [14], Новомордовском (V) могильниках, на могильнике в урочище «Заказ», на Криушской дюне и в других памятниках, относимых А. Х. Халиковым к предананьинскому времени [15]. Подобные подвески встречены на Ананьинской дюне [16], на верхнекамской стоянке Базов Бор, где зафиксирован и раннеананьинский слой [17].

А. В. Збруева, отмечая наличие подобных подвесок в предшествующих памятниках эпохи бронзы, все же была склонна связывать их появление в Нижнем Прикамье с влиянием Кавказа [18]. Учитывая, что на

---

[8] *А. В. Збруева.* Ук. соч., табл. XIX, *13*, *35*, стр. 92.

[9] *К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ, Д 1—9, М., 1963, табл. 12, *153*.

[10] *В. И. Ильинская.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975, стр. 106, 107, стр. 201, табл. XXII, *15*; стр. 204, табл. XXV, *16*.

[11] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., рис. 55, 123, 168, стр. 310.

[12] *В. А. Ильинская.* Ук. соч., стр. 111; стр. 201, табл. XXII, *2*; *К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко.* Ук. соч., стр. 15, табл. 17, *28*.

[13] *В. С. Патрушев.* Ук. соч., стр. 34, рис. 6, 11, 16; стр. 35—38.

[14] *А. В. Збруева.* Ук. соч., стр. 166, табл. XXX, *3*.

[15] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., рис. 55, стр. 176, стр. 295—301.

[16] Коллекция Национального музея Финляндии, инв. № 1400/341; 7261/17.

[17] *О. Н. Бадер.* Камская археологическая экспедиция. КСИИМК, 51, 1953, стр. 86, рис. 38, *4*.

[18] *А. В. Збруева.* Ук. соч., стр. 164.

одних только нижнекамских памятниках А. Х. Халиков насчитывает более 15 экз. таких украшений [19], видимо, можно считать их характерной принадлежностью костюма местного населения. Возникнув в прединаньинское время, возможно, они продолжали бытовать и в раннеананьинский период, отличаясь от ранних образцов лишь меньшей массивностью.

Уплощенно-овальная в сечении подвеска (рис. 2, *13*), длиной 7,2 и шириной 1,2 *см* на одной из сторон орнаментирована 16 поперечными короткими выемчатыми полосами. На этой же стороне в центре пронизки находится отверстие с неровными краями — литейный брак.

Аналогии этому изделию можно найти в материалах Конецгорского селища [20].

Округлая бляха с выпуклой лицевой поверхностью, украшенная четырехлучевым выемчатым орнаментом с циркульным рисунком в центре его (рис. 2, *7*), имеет на внутренней стороне петлю для пришивания.

А. В. Збруева, относя подобные бляхи из Ананьинского могильника к украшениям головного убора, сопоставляет их с аналогичными кавказскими изделиями [21].

К числу бронзовых изделий, найденных на площадке памятника, как уже отмечалось, принадлежат также подпрямоугольная вырезная пластинка размером 4×1,4 *см* с тремя симметрично расположенными округлыми отверстиями (рис. 2, *10*) и несколько обломков от литых функционально неопределенных предметов (рис. 2, *3—6*). Последние могут быть обломками изделий или остатками литейного брака.

Здесь же были найдены обломок проушного шлифованного диоритового топора (рис. 3, *1*), долота из гранита (рис. 3, *2*) и доломита (рис. 3, *3*), а также крупное кремневое орудие размером 12,5×7—13 *см* (рис. 3, *4*), возможно, выполнявшее функцию мотыги. Хотя на этом месте отсутствуют следы какого-либо поселения, доказать, что данные предметы связаны с описанным комплексом изделий из бронзы, в настоящее время трудно, учитывая, что в целом они относятся к более раннему времени.

Интересна находка рядом с одним из кельтов (рис. 1, *3*) обломков плит из известнякового камня. Наиболее крупный из обломков имеет размеры 38×28×8 *см*. Одна из его сторон плоская, гладкая, вторая несколько выпуклая с закругленным стесанным переходом к плоской стороне. Углы у сохранившейся короткой стороны плиты закруглены. Другой крупный фрагмент с более оббитыми краями имеет такую же ширину и толщину. Не исключено, что оба обломка составляют часть одной плиты.

Закругленность верхней части плиты, сглаженность одной стороны и закругленность при переходе к другой сближают эту находку со стелами из белого известняка, обнаруженными на Ананьинском [22], Новомордовском [23] и Тетюшском [24] могильниках ананьинской культуры.

Находка девяти подобных стел на Новомордовском, двух на Ананьинском и нескольких на Тетюшском могильниках позволяет считать присутствие их характерной чертой погребального обряда ананьинского населения Нижнего Прикамья. Эти стелы могли быть различных размеров, с изображениями человека или оружия или же совсем без изображения на лицевой стороне, но функция их в обряде, видимо, была одинаковой, что свидетельствует о единстве идеологических представлений ананьинского населения в этом отношении. А. Х. Халиков датирует новомор-

---

[19] *А. Х. Халиков.* Древняя история..., стр. 314.
[20] *А. В. Збруева.* Ук. соч., стр. 247, *6*.
[21] Там же, стр. 166, табл. XXX, *9, 10*; стр. 169.
[22] *А. В. Збруева.* Ук. соч., стр. 21, рис. 4, *22*.
[23] *А. Х. Халиков.* Стелы с изображением оружия раннего железного века. СА, 1963, 3, стр. 180.
[24] *Е. А. Халикова, А. Х. Халиков.* Раскопки в Биляре Тетюшского могильника и Караван-Сарая. АО — 1970, М., 1971, стр. 143.

довские стелы VII в. (с возможным охватом конца VIII и начала VI в. до н. э.[25]), т. е. раннеананьинским временем.

Этим же временем, видимо, можно датировать и весь описанный выше комплекс вещей с Семеновского острова, представляющих собой остатки размытого водой ананьинского могильника.

*E. P. Kazakov*

## UN NOUVEAU CHAMP FUNERAIRE ANANIEN SUR LE COURS INFERIEUR DE LA KAMA


### Résumé

On donne dans cet article une description des pièces appartenant à un champ funéraire de la culture d'Ananino, lequel a été révélé par le travail des eaux du lac artificiel de Kouïbychev, et qui se trouve sur l'île de Séménovskoié, à 3 km au nord-ouest du village de Tatarskoié Izméri (région de Kouïbychev, République de Tatarie). Sur une superficie de 40×60 m, affouillée par les eaux, on a recueilli six haches de combat (fig. 1, 2-7), une lance (fig. 2, 12), des pointes de flèches de bronze et de fer (fig. 2, 1, 2), un couteau (fig. 1, 1), une pièce de la bride d'un cheval (fig. 2, 9), des pendeloques pour la ceinture et la coiffure (fig. 2, 8, 11), un élément de collier (fig. 2, 13), une plaque de coiffure (fig. 2, 7), une plaquette découpée (fig. 2, 10), des fragments d'objets indéterminés en bronze (fig. 2, 3-6), des outils de pierre (fig. 3), des morceaux de dalles de calcaire, peut-être des restes de stèles funéraires.

On peut donner comme date vraisemblable à tout cet ensemble la fin du VIIIe début du VIe s. av. n. ère.


---

[25] *А. Х. Халиков.* Стелы..., стр. 185.

М. К. КАДЫРБАЕВ

# КАМЕННЫЕ АЛТАРИ-ЖЕРТВЕННИКИ ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

Среди наиболее ярких образцов декоративно-прикладного искусства скотоводческих племен Северо-Западного Казахстана и Южного Приуралья особо выделяется одна группа резных изделий из камня. Она представлена культовыми столиками или блюдами на ножках, украшенными чаще всего в зооморфном стиле.

Исследованиями археологов установлено, что они принадлежат какой-то группе степных племен савроматской культуры, населявших в середине I тысячелетия до н. э. Самаро-Уральское междуречье и берега р. Илек.

Известен также и их универсальный культовый характер, связанный прежде всего с широко распространенным у племен Южного Приуралья и Северного Прикаспия ритуалом огнепоклонства [1]. Своеобразно и то, что отправление жреческих функций у савроматского населения осуществлялось только женщинами, в погребениях которых и находят эти каменные столики.

До недавнего времени было известно 42 таких изделия из Самаро-Уральского района распространения. Все они детально изучены и опубликованы К. Ф. Смирновым [2].

На территории Казахстана находки жертвенников савроматского типа до сих пор исчислялись единицами. Это два каменных столика из Тургайской области, жертвенник из могильника Уйгарак и у с. Беловодское (Южный Казахстан) и, наконец, еще одно блюдо на ножках неясного происхождения (Тургайская обл. или Средняя Азия) [3]. За исключением уйгаракского, все остальные относятся к категории случайных находок.

Особенно удивляло отсутствие каменных жертвенников в северо-западных районах Казахстана, на территории, более всего связанной этнокультурно с савроматскими памятниками Приуралья.

Первые сведения о находках жертвенников на Актюбинском левобережьи р. Илек поступили осенью 1972 г., когда механизаторами Хлебодаровского совхоза, расположенного в 23 *км* северо-западнее Актюбинска, было разрушено при пахотных работах несколько курганных захоронений савроматского времени. Места находок каменных культовых столиков были обследованы летом 1973 г. во время работ в этом районе археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР и Актюбинского областного историко-краеведческого музея под руководством автора настоящей статьи.

---

[1] *Б. Н. Граков.* Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, 3, стр. 109, 110.

[2] *К. Ф. Смирнов.* Савроматы. М., 1964, стр. 162—170, 365.

[3] *A. M. Tallgren.* Portable altars. ESA, XI, 1937, p. 52; «Труды Семиреченской археологической экспедиции „Чуйская долина"», МИА, 14, 1950, табл. XL, *6*; *О. А. Вишневская.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М., 1973, табл. XXIV, *1*; *К. Ф. Смирнов.* Ук. соч., рис. 74, *15, 17*.

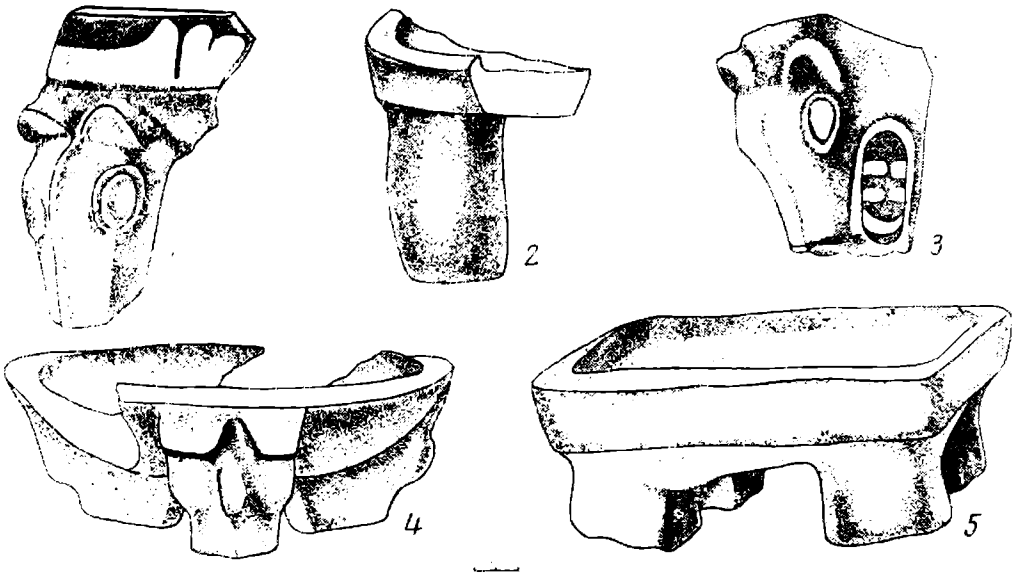



Рис. 1. Жертвенники из могильников Кумис-сай и Бесоба: *1*, *4*, *5* –Кумис-сай, кург. 1; *2* – Бесоба, кург. 1; *3* – Кумис-сай, кург. 2

Все они происходят из курганов крупного савроматского могильника, находившегося в радиусе 4 *км* от центральной усадьбы совхоза Хлебодаровский, ныне распаханного (за исключением группы Бесоба и нескольких едва заметных насыпей).

Три целых жертвенника и обломок четвертого найдены в кург. 1 группы Кумис-сай в 1,5 *км* южнее железнодорожной станции одноименного названия. Пятое каменное изделие извлечено из той же группы, но от кургана, в котором оно находилось, уже ничего не осталось.

Три археологически целых жертвенника происходят из курганов урочища Курайли, в 4 км юго-восточнее центральной усадьбы упомянутого совхоза. Один из осмотренных нами курганов, по словам механизаторов, первоначально имел диаметр 16—18 *м* и высоту 1,5 *м*.

Дополнительный материал получен в результате доисследования экспедицией разрытых погребений и раскопок новых курганов.

Ножка от жертвенника обнаружена в кург. 2 могильника Кумис-сай. Второй фрагмент каменного блюда получен из кург. 1 могильника Бесоба. Обломок фигурной ножки и целый, роскошно украшенный каменный столик найдены в кург. 12 и погребении жрицы из кург. 3 того же могильника. Наконец, последний жертвенник происходит из кургана урочища Жалгыз-оба, находящегося в 1 *км* восточнее группы Кумис-сай.

Итак, с Актюбинского левобережья р. Илек в настоящее время получены замечательные изделия камнерезного искусства: девять целых жертвенников и фрагменты от четырех каменных столиков, сделанные из серого и розового песчаника.

Жертвенники из кург. 1 могильника Кумис-сай двух типов: прямоугольной формы на четырех ножках и круглые на трех зооморфных ножках.

К первому типу относится один столик. Он имеет прямой бортик, несколько нависающий над массивными, короткими, прямоугольной формы ножками (рис. 1, *5*). Два других — круглой формы. Их бортики округлые, верхний срез чуть скошен на внешнюю сторону. Бортик более крупного жертвенника украшен фигурами в плоском рельефе, напоминающими языки колышущегося пламени (рис. 2). Ножки передают в скуль-

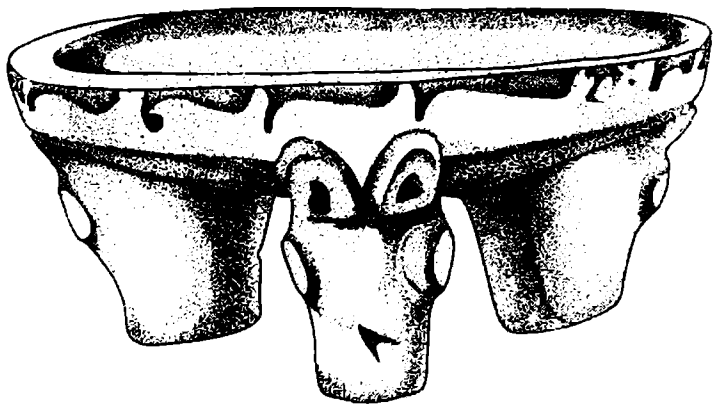


Рис. 2. Жертвенник из кург. 1 могильника Кумис-сай

птуре голову какого-то животного с круглыми глазами и округлыми ушами. Второй жертвенник приземист и сверху имеет более глубокий чашеобразный выем (рис. 1, *4*). Его ножки подпрямоугольной формы украшены такой же тупорылой головой животного, но с гораздо меньшей проработкой скульптурных деталей. Вместо ушей над верхней частью головы — нависающий фигурный козырек.

От четвертого жертвенника сохранилась зооморфная ножка с обломком бортика, украшенного теми же фигурами, что и на крупном блюде (рис. 1, *1*). Голова животного здесь выделяется двумя особенностями: рельефной полоской, проходящей от ушей до кончика морды, и трактовкой глаз в виде рельефного валика овальной формы. Обломок ножки жертвенника с головой хищника извлечен из кург. 2 того же могильника (рис. 1, *3*). Древним мастером изготовлена голова волка с оскаленной пастью и типичным для этого зверя округлым ухом.

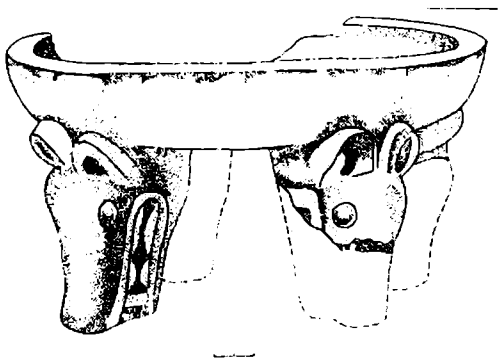


Рис. 3. Каменный столик из группы Кумис-сай

Ту же оскаленную морду хищника, переданную в великолепно выполненной круглой скульптуре, мы видим и на четырех каменных ножках круглого жертвенника из курганной группы могильника Кумис-сай (рис. 3). Высокий бортик этого каменного блюда украшен все той же символической лентой из «языков пламени».

Хронология жертвенников Кумис-сая определяется по многочисленным вещевым материалам, найденным в курганах 1 и 2.

Насыпь первого кургана заключала четыре погребения, из которых одно — парное — находилось в центре. Все четыре захоронения были совершены на древней почве и сверху покрыты какой-то мощной, впоследствии сожженной деревянной конструкцией, опиравшейся на вертикально вкопанные столбы.

Второй курган насчитывал не менее трех погребений, совершенных по аналогичному обряду.

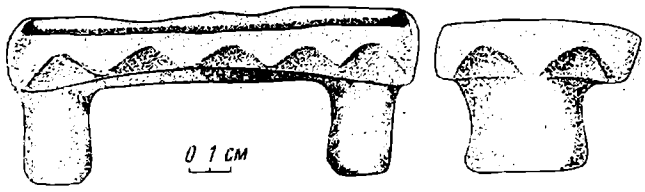



Рис. 4. Жертвенник из кургана Жалгыз-оба

Из курганов происходит большая серия, свыше 170 экземпляров, главным образом бронзовых трехлопастных наконечников стрел с выступающей или утопленной втулкой, железные кольчатые удила с бронзовыми двудырчатыми псалиями и загнутыми под прямым углом верхними концами, пряжки и многочисленные уздечные пронизки, железные акинаки с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием и многие другие изделия. В целом материал могильника Кумис-сай укладывается в рамки конца VI—V вв. до н. э. по классификации К. Ф. Смирнова[4].

Тем же временем, по железным акинакам с брусковидным навершием и бабочковидным эфесом, датируется и находка каменного жертвенника из кургана Жалгыз-оба. Этот сравнительно небольшой каменный столик прямоугольной формы не имеет аналогий в известных мне савроматских материалах. Его выделяют две высокие брусковидные ножки и волнообразный орнамент по верхней части прямого бортика (рис. 4). Орнамент образован сочетанием плоского рельефа в верхней части бортика с выбранным (подрезанным) фоном внизу.

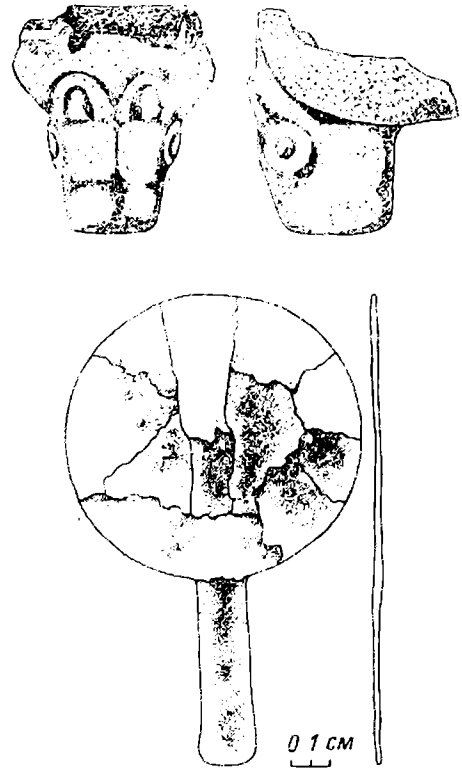



Рис. 5. Фрагмент столика и бронзовое зеркало из кург. 12 могильника Бесоба

Обломки от двух каменных жертвенников найдены в курганах 1 и 12 могильника Бесоба. Фрагмент блюда с круглой в сечении высокой ножкой и низким бортиком (рис. 1, *2*) сопровождался бронзовыми трехперыми втульчатыми наконечниками стрел V в. до н. э., железным акинаком с навершием, украшенным грифоньими головами, массивными железными трочными пряжками, копирующими бронзовые прототипы, и другими вещами.

Обломок жертвенника из кург. 12 чрезвычайно близок круглому песчаниковому блюду с зооморфными ножками и узорчатым фризом по внешней части бортика из кург. 1 могильника Кумис-сай (рис. 5). Со-

[4] *К. Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, рис. 26—28, 45, 49 и др.

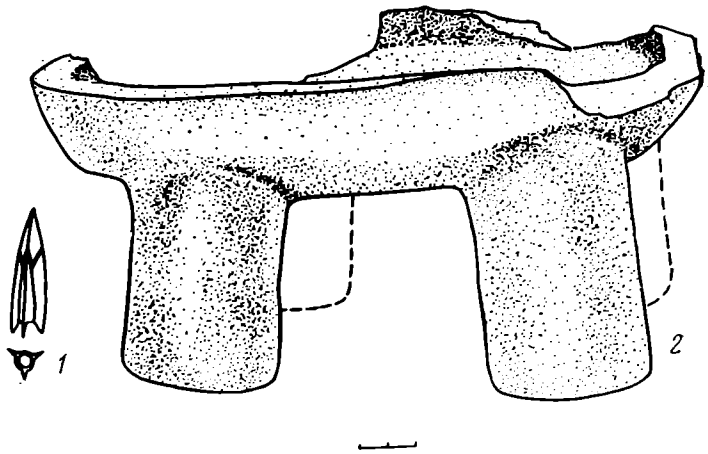



Рис. 6. Курайли, случайная находка

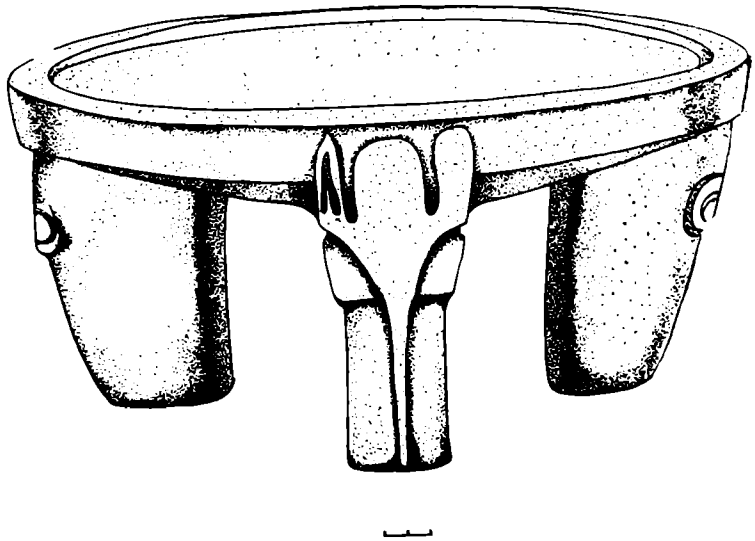


Рис. 7. Жертвенник из урочища Курайли

путствующим материалом в Бесобе 12 были глиняные плоскодонные сосуды с носиком-сливом, круглое плоское зеркало с длинной рукоятью, бронзовые браслеты с гравированными концами в виде змей, фрагмент бронзового клепаного котла. Эти вещи датируются в пределах конца VI — первой половины V в. до н. э.[5]

Три жертвенника из серого песчаника, как уже отмечалось, происходят из курганов урочища Курайли. Один из них на четырех высоких круглой формы ножках был обнаружен вместе с крупным бронзовым трехперым наконечником стрелы с утопленной втулкой и крупной раковиной. Ножки его массивны, форма чаши овальная, сравнительно высокие бортики закруглены (рис. 6).

Два других песчаниковых столика на трех ножках представляют собой замечательные образцы камнерезного искусства. Оба они круглой формы. Первый жертвенник выделяется высоким качеством обработки камня. Его небольшой по высоте ровный бортик и неглубокий чашеобразный выем тщательно отшлифованы (рис. 7). Ножки подпрямоугольной формы скульптурно трактованы в виде голов лошадей. Такая видо-

[5] Подробно о находках см.: *М. К. Кадырбаев, Ж. К. Курманкулов.* Материалы раскопок могильника Бесоба. Сб. «Археологические исследования в Отраре». Алма-Ата, 1977.

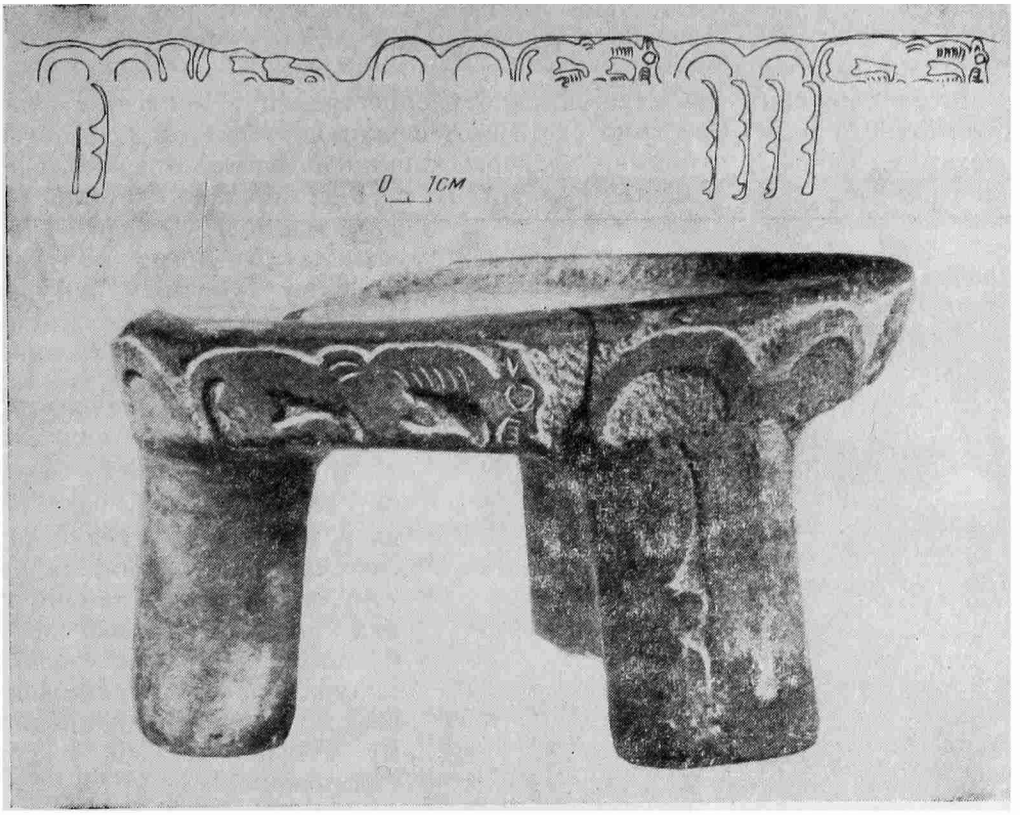



Рис. 8. Каменный столик из Курайли и прорисовка фриза

вая принадлежность хорошо определяется по изображению характерных для этих животных ушей и высокой челки, выполненных на одной из скульптурных ножек. Две другие конские головы трактованы более обобщенно, отмеченные детали в них отсутствуют.

Второй жертвенник несколько меньше по размеру (рис. 8). Диаметр его чаши 20 *см*, в то время как у первого 31 *см*. Высота его та же — 15 *см*. Круглые массивные ножки чуть расставлены в стороны. Внешнюю поверхность бортика украшает роскошный узорный фриз из трех лежащих фигур хищников (волков), отделенных друг от друга симметрично расположенными зооморфными завитками в стиле «бараний рог».

Композиционная лента составлена таким образом, что фигуры хищников занимают те части бортика, которые находятся в промежутке между ножками. На участки же бортика, нависающего над круглыми опорами, приходится орнаментальный мотив бараньих рогов.

На внешней стороне одной ножки мы видим уже знакомый на бортиках культовых столиков загадочный рельеф, но только в вертикальном исполнении. В таком виде он очень напоминает половинный профиль резных ножек деревянных сакских столиков Семиречья и Алтая. Вторая круглая подставка лишь частично орнаментирована, третья вовсе не имеет узоров.

Из трех фигурок хищников на узорном фризе только две сохранились полностью. Лежащие звери показаны с оскаленной пастью и опущенными хвостами. Их несколько гипертрофированная шея и выделенное плечо украшены скобкообразными насечками, а хищные лапы переданы короткими черточками и в одном случае эсовидным завитком. Фигура третьего хищника сохранилась частично, но лапы здесь переданы по-иному, в виде

кольца. Между хвостом третьего волка и следующим за ним изображением бараньих рогов введена дополнительная деталь — фигурное возвышение или подставка.

Мотив лежащего хищника широко распространен в искусстве сако-савроматского мира. Особенно часто этот сюжет повторяется на золотых пластинах. Таковы, например, фигуры хищников на золотой обкладке ножен из Тагискена (Южный Казахстан), на пластинах из курганов сел Суслы и Золотушинское в Поволжье [6]. Аналогичная курайлинским каменным фигурам золотая барельефная бляшка с изображением лежащего волка найдена в 1972 г. в том же районе, в кург. 1 могильника Кумис-сай.

Рис. 9. Жертвенник из кург. 3 могильника Бесоба

И все-таки ближе всего по характеристике деталей изображений, техническим приемам исполнения, характеру декорировки каменного изделия песчаниковый жертвенник из Курайли стоит к приуральскому культовому столику, случайно найденному в конце XIX в. у хут. Крыловский [7].

Высокохудожественным произведением камнерезного искусства является и жертвенник из кург. 3 могильника Бесоба (рис. 9). Это скульптурное каменное изделие свидетельствует о том, что савроматские ваятели в совершенстве владели объемно-пластическими средствами изобразительного искусства. С особой наглядностью это проявилось в оформлении ножек бесобинского алтаря, на которых в круглой скульптуре представлены характерные для савроматского искусства канонические изображения волчьих голов с грозно оскаленной пастью. Интересна и своеобразная манера оформления ушей хищников в виде отпечатка копыта коня. Подобная декоративная символика, как известно, широко распространена в изделиях прикладного искусства скотоводческих племен Евразии эпохи раннего железа.

На тесную связь каменных алтарей с культами и обрядами огнепоклонства и через них с солярными верованиями указывает украшение донной части бесобинского жертвенника рельефным орнаментом креста, составленного из трехлепестковой фигуры, края которой выходят на нижнюю часть бортика в промежутке между ножками.

Описываемый песчаниковый трехногий столик происходит из непотревоженного погребения жрицы. Вместе с ним в кург. 3 были найдены железный нож с невычлененной рукоятью, плоскодонные глиняные сосуды баночной формы, крупные золотые конической формы серьги, украшенные зернью, электровые нашивные бляшки, ожерелье из золотых

---

[6] *М. И. Артамонов.* Сокровища саков. М., 1973, стр. 23; *К. Ф. Смирнов.* Савроматы, рис. 78, *1, 2.*

[7] *A. M. Tallgren.* Op. cit., p. 58—61.

бус, трубочек и сердоликового кулона, грубо оправленного золотым листом с зерневым обрамлением. Несмотря на отсутствие прямых аналогий, в особенности ювелирным изделиям, материалы кургана близки савроматским памятникам второй половины VI в. до н. э. из Биш-обы и Нового Кумака (кург. 10) [8]. Погребение жрицы из Бесобы относится к к рубежу VI—V вв. до н. э.

Каменные алтари-жертвенники как атрибуты культа домашнего очага и солнца довольно широко представлены в среде степных племен Европы и Азии.

Они отражают во многом единый пласт первобытных верований скифо-сакских кочевых племен степей Причерноморья, Поволжья, Казахстана, Южной Сибири. Однако ни в одном из перечисленных районов распространения этих культовых изделий мы не найдем таких ярких по скульптурной пластике и рельефной выразительности произведений камнерезного искусства.

Все это указывает на то, что в среде скотоводческих племен Южного Приуралья и Северного Прикаспия, точнее говоря Орско-Илекского междуречья, в середине I тысячелетия до н. э. оформилась самостоятельная школа камнерезного искусства со своими специфическими приемами орнаментальной разработки деталей скульптурных форм, характерным звериным мотивом, своеобразием техники обработки каменных изделий и принципов построения декоративных композиций.

Одна из технических особенностей этой школы — органическое сочетание в одном изделии двух манер выполнения изображений и узоров. Это, во-первых, простейшая рельефная резьба при помощи выбирания фона вокруг рисунка и более сложное искусство круглой скульптуры.

В этой связи нельзя не обратить внимания на хронологически отдаленные от нашего материала памятники средневекового искусства Мангышлака, Усть-Урта, Кубачи-Дага, древнее население которых некогда находилось в зоне влияния сарматской культуры, а возможно, относилось к числу ее создателей.

Искусствоведы уже давно отмечали в средневековом камнерезном искусстве этих районов своего рода дуализм технико-стилевых принципов оформления художественных образов: с одной стороны, стремление к пластической округлости, приближающейся к полной скульптуре, с другой — к плоскостности рельефа, его контурно-графической или выемчато-силуэтной трактовке. Особенно четко эта специфика прослежена в резных камнях аула Кубачи (Южный Дагестан) [9].

Элементы общности культурных традиций в камнерезном деле наблюдаются и на кулуп-тасах Мангышлака и Западного Усть-Урта. Скульптурно-декоративные камни Ушкан-аты и других некрополей несут в себе те же идеи художественного решения, заключающиеся в комбинации плоскорельефной резьбы и скульптуры [10].

А. С. Башкиров, анализируя на примере дагестанской скульптуры оба направления, связывал их с двумя традициями; западной, с ее пластикой, уходящей корнями в античное время, и восточной, для искусства которой более всего были характерны плоскостность и статика образа [11].

В объяснении специфики средневековой резьбы по камню Мангышлака, Усть-Урта, Кубачи-Дага мы не должны исключать далекие технико-стилевые истоки искусства племен бассейна Илека и среднего течения Урала.

---

[8] *К. Ф. Смирнов.* Савроматы, стр. 302.

[9] *А. С. Башкиров.* Искусство Дагестана. Резные камни. М., 1931, стр. 9 и табл. 45, 46, 48.

[10] *М. М. Мендикулов.* Памятники архитектуры полуострова Мангышлака и Западного Усть-Урта. Алма-Ата, 1956, стр. 15, и рис. 21—25.

[11] *А. С. Башкиров.* Ук. соч., стр. 42, 43.

*M. K. Kadyrbaiev*

# LES AUTELS SACRIFICATOIRES DU NORD-OUEST DU KAZAKHSTAN


## Résumé

Cette étude est consacrée à quatorze tables cultuelles, trouvées en 1972 et 1973 dans les sépultures en kourganes de la rive gauche de l'Ilek, dans les environs de la ville d'Aktioubinsk (République de Kazakhie). La plupart appartiennent au type des autels sacrificatoires reposant sur trois pieds zoomorphes. Parmi elles, on remarque particulièrement des sortes de plats en pierre, provenant de Kouraïl, portés sur des pieds décorés de têtes de chevaux (fig. 7), ainsi que d'un kourgane 3 tombeaux de Bessoba ornés de gueules de loups (fig. 9). Les autres autels sont sur un support formé de quatre pieds. Parmi eux il se trouve une oeuvre de Koumis-saï, avec des têtes sculptées de carnassiers (fig. 3). On doit mettre au nombre des trouvailles exceptionnelles une table de Jalghyz-oba à deux hauts pieds en forme de barre (fig. 4).

Le plus grand nombre du ces autels de pierre ont été découverts à côté d'objets de l'époque sarmate — des flèches de bronze à douille et à trois pennes, des glaives «akinaks» de fer, au pommeau en barre et à la garde papillon, des mors annelés aux branches de fer à deux trous. Tous datent de la fin du VIe et du Ve s. av. n. ère.

Les mêmes principes de technique et de style qui ont présidé à la construction de ces objets du culte montrent que parmi les tribus des pasteurs, qui vivaient au confluent de l'Orsk et de l'Ilek au milieu du Ier millénaire av. n. è., s'était formée une école originale de sculpture de la pierre.

Д. Л. МУСХЕЛИШВИЛИ

# К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ КРАСНОГЛИНЯНОЙ КЕРАМИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ГРУЗИИ В РАННЕАНТИЧНУЮ ЭПОХУ

## (по материалам раскопок Ховлегора)

Археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии им. И. Джавахишвили АН ГрузССР под руководством Н. А. Бердзенишвили в течение восьми лет, с 1954 по 1961 гг., производила раскопки древнего поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа на холме Ховлегора. Холм расположен на краю предгорной долины правобережья р. Куры около сел. Ховле (Каспский р-н Груз ССР). Был вскрыт мощный культурный слой, который содержал восемь строительных горизонтов — Ховле I—VIII (отсчет сверху вниз).

Выявился довольно сложный облик памятника. Оказалось, что с определенного времени (Ховле V) вокруг холма, на котором было расположено древнейшее поселение (Ховле VIII—VI), появляется новое поселение, отделенное глубоким рвом и мощной каменной оградой от холма, который к этому времени превратился в цитадель и место отправления культа. Еще позднее (Ховле IV) недалеко от поселения возникает производственный участок — керамическая мастерская. Добавим к этому, что раскапывался, правда, недостаточно интенсивно, и могильных ховлегорийского поселения, а также проводились контрольно-разведывательные раскопки в окрестностях для выяснения ряда вопросов, возникавших в процессе раскопок.

Благодаря широкому размаху полевых работ, многолетнему комплексному исследованию поселение Ховлегора стало памятником первостепенной важности для решения кардинальных социально-экономических, культурно-исторических и даже этногенетических проблем общества периода разложения первобытнообщинных отношений на территории Грузии.

Именно поэтому многие исследователи, как историки, так и археологи, не обходятся уже в своих работах без учета результатов ховлегорийской экспедиции, без учета давно обработанного и изученного, но, к сожалению, пока еще не опубликованного материала.

В настоящей работе мы коснемся лишь одного из интереснейших вопросов археологии Грузии, который был поставлен в связи с исследованием Ховлегорийского поселения,— о причинах внезапной смены в Восточной Грузии в середине I тысячелетия до н. э. черной и серой посуды керамикой «красного обжига».

Нижние горизонты поселения (Ховле VIII—IV), которые датируются второй половиной II и началом I тысячелетия до н. э., характеризуются черной и серой, часто лощеной, посудой. Керамика эта, хотя и имеет своеобразные черты, отражающие, по-видимому, локальную специфику, в общем аналогична (формы, орнаментация, технология) керамике поздпебронзовой эпохи, известной из других пунктов Восточной Грузии. Она бытует и в последующих горизонтах (Ховле III—II), переживая некоторые изменения.

В последней фазе периода Ховле IV (конец VII в. до н. э.) появляются единичные экземпляры, совершенно отличной от черной и сероглиняной посуды, керамики «красного обжига».

В III горизонте эти две группы сосуществуют примерно в равном процентном соотношении, а во II — светлоглиняная посуда количественно явно преобладает, становясь в последнем периоде, насколько можно судить по сильно потревоженному и поэтому фрагментарно раскрытому горизонту Ховле I, единственным видом местного керамического производства.

Не имея здесь возможности коснуться детально вопроса хронологии, отметим, однако, что горизонт Ховле III довольно точно датируется VI в. до н. э. Горизонт же Ховле II датируется V в. до н. э. На рубеже V—IV вв. до н. э. констатируется факт насильственного разрушения всего поселения Ховлегора, после чего в IV в. отмечается некоторое возрождение жизни на короткое время только на одном участке холма (Ховле I). Вскоре, однако, поселение Ховлегора перестает существовать.

Учитывая упомянутые выше изменения в керамическом производстве Ховлегорийского поселения, мы еще в 1959 г. высказали мнение, что для территории Восточной Грузии, точнее Нижней Картли (район к югу от Куры), рубеж VI—V вв. до н. э. является той хронологической вехой, когда наблюдается перелом в технике керамического производства, т. е., когда вместо пропзводства преимущественно черной и сероглиняной посуды широко распространяется производство керамики «красного обжига». Тогда это явление нам представлялось следствием местного развития производительных сил [1].

Действительно, об этом свидетельствует не только наличие форм красной керамики, генетически связанных с черноглиняной посудой, но и вскрытые на производственном участке Ховлегора гончарные печи, которые наглядно демонстрируют процесс постепенного конструктивного усовершенствования, связанного, несомненно, с процессом развития керамического пропзводства [2]. В этой связи знаменательно, что в более ранних, менее конструктивно развитых печах была обнаружена черная и сероглиняная посуда, идентичная керамике Ховле IV, а в более поздних — красноглиняная посуда, соответствующая керамике Ховле III—I.

Таким образом, отрицать факт местного развития керамического производства, который выявился в распространении посуды красного обжига, не представляется возможным. Однако последующие раскопки Ховлегора и изучение нами всего выявившегося материала дали основание для иной постановки вопроса, что мы и отметили в свое время [3].

Дело в том, что значительную часть красноглиняной керамики невозможно связывать с ранее бытовавшей черной и сероглиняной посудой. Помимо разницы в технологии, керамика «красного обжига» приобретает совершенно новые формы. Кроме того, следует особо отметить, что вся эта посуда в отличие от более ранней и современной ей черно-серой керамики, как правило, не орнаментирована, исключая большие карасы с рельефным орнаментальным поясом (сам по себе чуждый элемент). Со-

---

[1] *Р. Абрамишвили, Д. Мусхелишвили, Г. Цкитишвили.* Отчет об археологических раскопках Ховлегора за 1958 г. Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований в Грузии 1958 г. Тбилиси, 1959, стр. 20, 21 (на груз. яз.). Отметим, что термин «красноглиняная» или «керамика красного обжига» мы употребляем здесь условно для обозначения светлоглиняной посуды разных оттенков от кирпично-красного до бледно-желтого.

[2] Очерки истории Грузии, т. I, Тбилиси, 1970, стр. 628 (на груз. яз.).

[3] *Д. Л. Мусхелишвили.* Археологический материал из раскопок Ховлегора. II научная сессия отдела источниковедения и исторической географии Института истории им. И. А. Джавахишвили. Тбилиси, 1964, стр. 5—8 (на груз. яз.). Ср.: *его же.* Основные вопросы исторической географии Грузии. Автореф. докт. дис. Тбилиси, 1973, стр. 15.

вершенно новым является окраска многих сосудов частично или полностью красной краской.

Все сказанное выше заставляет нас прийти к определенному выводу, а именно, что факт появления на поселении Ховлегора керамики красного обжига с полной ясностью указывает на проникновение сюда нового культурного потока. Однако интересующий нас вид керамики настолько самобытен и отличен от местной традиционной черно-серой посуды, а перемена настолько неожиданна, быстра и сильна, что, думается, говорить только о внешнем влиянии недостаточно.

Мы думаем, что указанная красноглиняная керамика свидетельствует о проникновении в местную среду нового этнического элемента, который привнес сюда же новую культурную струю. При этом следует особо подчеркнуть, что не может быть речи о каком-то насильственном вторжении. Это был процесс инфильтрации, правда, довольно интенсивной. Об этом свидетельствует, как полное отсутствие каких-либо следов серьезных разрушений в слоях периода Ховле IV, так и бытование в слоях Ховле III—II, наряду с новой керамикой, старой, местной посуды, а также наличие старых бытовых традиций (строительная техника, кухонные печи и др.).

Не отрицая, таким образом, возможности местного развития керамического производства, тем не менее, мы должны признать, что этот процесс совпал с процессом инфильтрации новых этнических и культурных элементов.

Естественно возникает вопрос, с чем могут быть связаны эти новые явления?

Достаточно сравнить интересующую нас ховлегорийскую керамику периода Ховле III с соответствующим материалом, происходящим из урартских центров, и мы сразу же убедимся в большом сходстве, а то и идентичности их.

Так, большие карасы из Ховлегора, с характерным треугольным в сечении горлом и плоским венчиком, украшенные рельефным поясом в виде перекрученной веревки (рис. 1), близко напоминают такие же сосуды из урартских центров, Ассирии и т. д.[4]

Кувшины без ручек с узким и удлиненным туловом совершенно идентичны сосудам для приготовления пива или так называемым «сигарообразным» кувшинам из Кармир-блура [5].

На поселении Ховлегора зафиксирована находка кувшинов с узким горлом и венчиком в виде «трилистника» (рис. 1), хорошо известных по материалам Кармир-блура [6].

Весьма схожи ховлегорийские глубокие миски, чаши с вогнутым вовнутрь венчиком или открытые, профилированные фиалы (рис. 1 — Ховле III; рис. 2 — Ховле II) с такими же урартскими сосудами [7].

---

[4] *Б. Б. Пиотровский.* Ванское царство (Урарту). М., 1959, стр. 191; *его же.* Кармир-блур, II. Л., 1952, стр. 16, рис. 3 и 35; *К. Л. Оганесян.* Аринберд., I. Ереван, 1961, стр. 43, рис. 22; *C. A. Burney.* A First Season of Excavations at the Urartian Citadel of Kayalidere, AS, XVI, 1966, p. 35, fig. 15—16; *M. J. Mellink.* Archaeology in Asia Minor. AJA, v. 70, N 2, 1966, p. 149, pl. 40, fig. 8.

[5] *Б. Б. Пиотровский.* Кармир-блур, I. Л., 1950, стр. 28, рис. 10; *его же.* Кармир-блур, II, табл. 22—23; *его же.* Кармир-блур, III, 1955, стр. 21, табл. IX; *А. А. Мартиросян.* Город Тейшебаини. Ереван, 1961, стр. 115, 122, 134, 135, рис. 45.

[6] *Б. Б. Пиотровский.* Ванское царство, стр. 193, рис. 51; *А. А. Мартиросян.* Ук. соч., стр. 115, рис. 46; *О. Д. Лордкипанидзе,* говоря о позднеантичных сосудах этого типа из Мцхета и отмечая преемственность этой формы, пишет, что «кувшины с трегубым венчиком найдены в Ховле, также в могильнике раннеантичного периода у Бешташенской крепости. Трегубый венчик характерен и для керамики Урарту». (Ремесленное производство и торговля Мцхета в I—III вв. н. э. Тр. Тбилисского гос. ун-та, т. 65, 1957, стр. 119).

[7] *Б. Б. Пиотровский.* Кармир-блур, III, стр. 21, табл. IX; *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. НГМГ, т. XIII-B, 1941, стр. 18, 19, рис. 163 (из Малаклю), рис. 22, рис. 19 (из Армавир-блура). Ср. так-

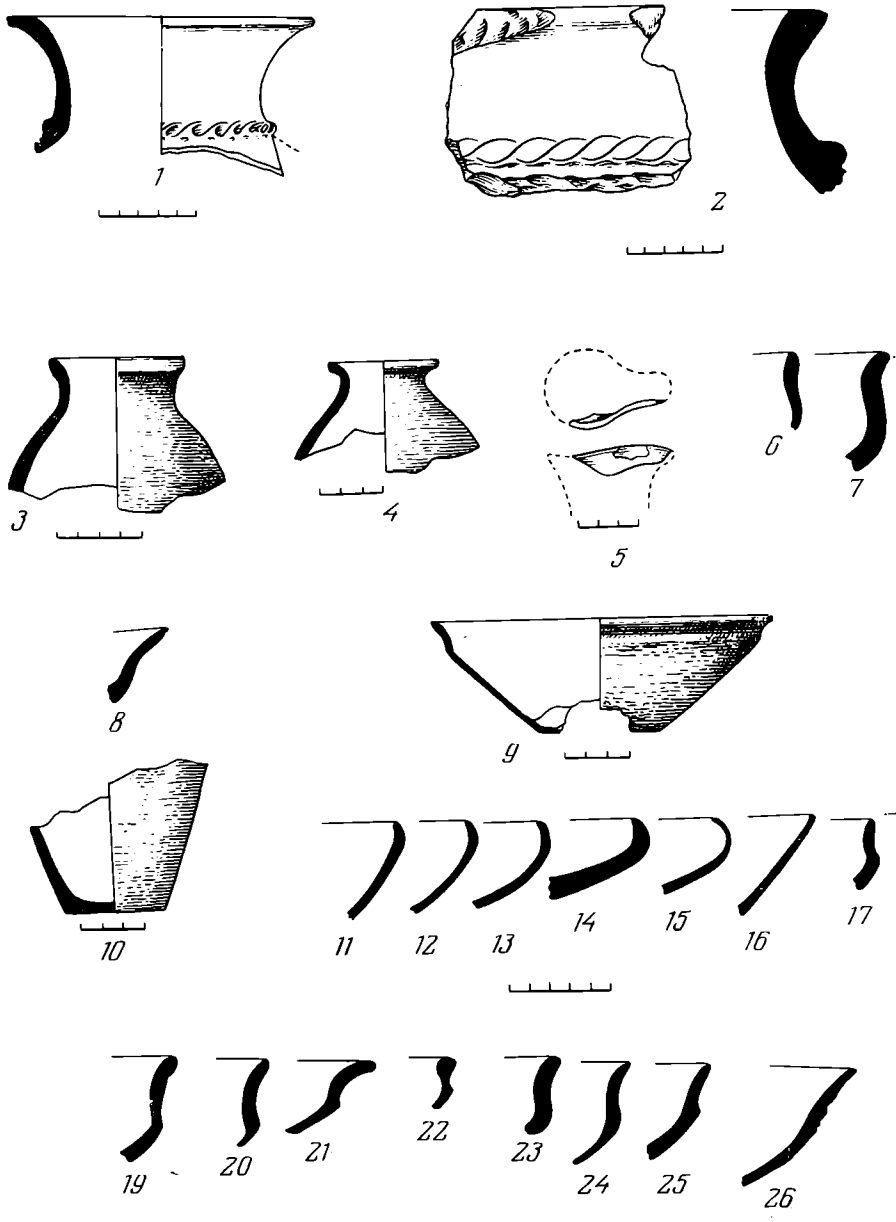



Рис. 1. Фрагменты образцов керамики периода Ховле III. *1*, *2* – Карасы с рельефным поясом вокруг горла; *3*, *4* – верхние части «сигарообразных» кувшинов; *5* – венчик в виде «трилистника»; *6*, *7* – чаши; *8*, *9* – фиалы; *10* – нижняя часть «сигарообразного» кувшина; *11–18* – миски и чаши; *19–26* – чаши и фиалы

Наконец, нельзя не отметить глиняную воронку из поселения Ховлегора, правда, обнаруженную в I горизонте. Она также вполне идентична сосудам из Кармир-блура и Каналидере [8].

На эту связь должна указывать и уникальная находка керамического гончарного круга, относящегося к периоду Ховле III и вполне соответ-

же: *H. H. von der Osten.* Die urartäishe Töpferei aus Van und die Möglichkeiten ihrer Einordnung in die anatolische Keramik. I. Orientalia, v. 21, 1952, S. 310, Abb. I, S. 312, Abb. VIII.

[8] *Б. Б. Пиотровский.* Кармир-блур, II, стр. 19, рис. 5; *C. A. Burney.* A First Season..., p. 85, pl. XV.

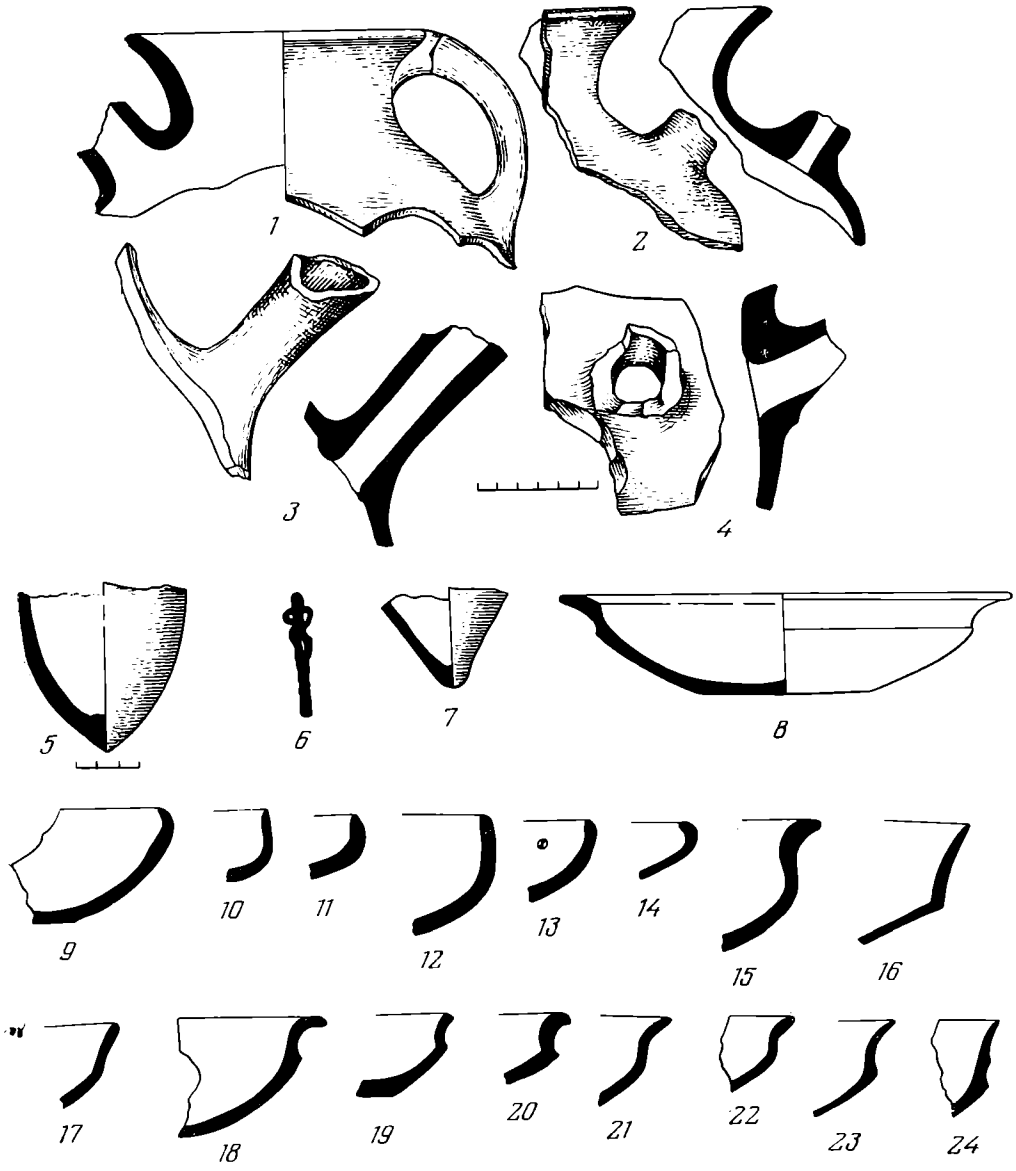



Рис. 2. Фрагменты образцов керамики периода Ховле II. *1–4* – «чайниковидные» кувшины; *5*, *7* – остродонные сосуды периода Ховле III и II; *6* – бронзовая статуэтка «стыдливой Венеры»; *8* – фиала; *9–24* – миски, чаши и фиалы

ствующего гончарному кругу, обнаруженному опять-таки на Кармир-блуре [9].

Следует отметить, что такое разительное, на наш взгляд, сходство интересующей нас группы ховлегорийской керамики с керамикой из урартских центров не исчерпывается только лишь формальными аналогиями. Посуда эта идентична также и по технологическим признакам и свойствам: отмученная глина, высококачественный, равномерный обжиг, «красный» в изломе черепок, часто лощеная или окрашенная красной краской поверхность [10]. Следует, однако, отметить, что по сравнению с

[9] *Б. Б. Пиотровский.* Кармир-блур, I, стр. 18; *В. С. Сорокин.* Раскопки древнего поселения, Кармир-блур, II, стр. 86, рис. 46.

[10] *Б. А. Куфтин.* Ук. соч., стр. 17—23; *Б. Б. Пиотровский.* Ванское царство, стр. 193; *В. С. Сорокин.* Ук. соч., стр. 83; *А. А. Мартиросян.* Ук. соч., стр. 120, 133; *H. H. von der Osten.* Die urartäische Töpferei... S. 310. Х. Остен отмечает, что урартская красноглиняная керамика обнаруживает поразительное сходство с более древней центральноанатолийской (хеттской) керамикой. (*H. H. von der Osten.* Op. cit., S. 314).

ховлегорийской, данная группа собственно урартской керамики в общем все-таки более высококачественна.

Отмеченные факты культурного единства, зафиксированные в керамическом производстве, не могут быть случайными. Мы связываем это явление с проникновением в местную среду в период Ховле III того этнического элемента, тех племен, которые в свое время бытовали в орбите урартской культуры. При этом в носителях культуры красноглиняной керамики не обязательно видеть именно самих урартов. Причин для передвижения племен в древневосточном мире в конце VII — начале VI вв. было более, чем достаточно.

Материальная культура периода Ховле II является, как уже было отмечено, органическим развитием культуры периода Ховле III.

С другой стороны, в этот период, а может быть, и с последней фазы Ховле III, мы видим свидетельства новых культурных влияний, которые не связываются с урартским миром. В первую очередь это касается кувшинов с ручками и трубчатым носиком, т. е. чайникообразных сосудов. Появление их в Ховле II невозможно объяснить ни местным происхождением, ни урартским влиянием (рис. 2).

Действительно, такая посуда характерна для ахеменидского мира. Так, например, в Сузах было раскопано поселение, которое характеризуется как персидско-ахеменидское. Здесь засвидетельствовано несколько вариантов упомянутых выше сосудов: обыкновенные, расписанные и глазурованные, с ручками и без ручек (VII—IV вв. до н. э.) [11].

Подобные «чайники» известны из Персеполя [12] и Пасаргад [13]. Вообще следует отметить, что, по мнению специалиста в области иранской археологии Р. Гиршмана, они характерны именно для архаичного ахеменидского керамического производства [14].

На связь с ахеменидским миром должны указывать и фрагменты остродонных сосудов, обнаруженных в III и II горизонтах Ховлегора.

Такие конические сосуды, предназначенные, как думает Э. Шмидт, бесспорно для хранения жидкости, были найдены в Персеполе [15] и Сузах, где они постепенно переживают трансформации [16].

В таком же, думается, плане следует рассматривать единственную флягу из II горизонта, подобную найденной в Персеполе [17].

Возможно на те же импульсы указывают и некоторые резко профилированные ховлегорийские фиалы (рис. 2, *8, 15*), явно моделированные наподобие металлического образца; или же чаши с резким ребром посредине борта (рис. 2, *24*), напоминающие чашу, найденную при раскопках Персеполя, а также высеченную на рельефах ападаны в руках некоторых данников (понийцев?) [18].

Следует обратить внимание на находку в Ховлегора маленькой бронзовой фигурки, изображающей нагую женщину с характерным рас-

[11] *R. Ghirshman.* Village perse-achémenide, Mémoires de la Mission Archéologique en Iran, t. XXXVI, Mission de Susiane, 1954, pp. 23—28, pl. XXIX, XXXI, XXXII, XXXVIII, XL.

[12] *E. Schmidt.* Persepolis, II. Chicago, 1957; pl. 72, *11;* 73 *1; R. Ghirshman.* Village..., p. 62; *idem.* Iran From the Earliest Times to the Islamic Conquest, 1954, p. 184, fig. 72.

[13] *R. Ghirshman.* Village..., p. 62, pl. XXIV, *6.*

[14] Ibid., p. 62; это иранское влияние сказывается и в армянском материале: см. *А. А. Мартиросян.* Аргиштихинили. Ереван, 1974, стр. 60, рис. 23а; для ассирийской керамики подобные сосуды являются нехарактерными: см. *Joan Oates.* Late Assyrian Pottery from Fort Shalmaneser. Iraq, v. XXI, part 2, 1959, p. 135, 145, pl. XXXVIII, fig. 96. Следует отметить, что в Аргиштихинили, впервые в урартских древностях, зафиксированы культовые кувшины для возлияния с коленчато-трубчатым носиком (*А. А. Мартиросян.* Аргиштихинили, стр. 51 и 148, рис. 18б).

[15] *E. Schmidt.* Persepolis, II, p. 96, pl. 71, *13,* 72, *17; R. Ghirshman.* Village..., p. 62; *idem.* Iran..., p. 184. fig. 72.

[16] *R. Ghirshman.* Village... p. 22—27, pl. IX, XI, XII, XXV, XXVII, XXXIX.

[17] *E. Schmidt.* Persepolis, II, p. 96, pl. 71, *8, 9;* 72, *12, 13.*

[18] Ibid., pl. 70, A; 72, *2.*

положением рук (рис. 2, *6*). Такие скульптурные фигурки известны под названием «стыдливой Венеры» и связаны с культурным миром Древнего Востока. В Иране они встречаются среди предметов луристанской бронзы [19]. В Сузах терракотовые фигурки «стыдливой Венеры» засвидетельствованы в VI—V вв. до н. э. (II горизонт поселения) [20].

Наконец мы укажем на единственную находку на поселении Ховлегора фрагмента маленького каменного сосуда. Так как известно, что производство посуды из камня — одна из специфических, широко распространенных черт именно ахеменидского культурного круга, то весьма возможно, что этот факт также послужит дополнительным аргументом в пользу нашего предположения.

Таким образом, мы считаем, что те новые элементы, которые появляются во II и, частично, в конце III периода Ховле в керамическом производстве, явно указывают на взаимоотношения с иранским (ахеменидским) миром. Сущность этого явления, по сравнению с аналогичной ситуацией в предшествующий период, веком раньше, нам представляется совершенно иной.

В период Ховле II появление в культуре новых элементов следует рассматривать, с нашей точки зрения, как результат культурных и торговых взаимоотношений. Действительно, образование ахеменидской державы, особенно после реформ Дария, способствовало развитию коммерческих взаимоотношений на огромной территории тогдашнего культурного мира. Связи Закавказья, а именно территории Грузии, с ахеменидским культурным миром хорошо прослеживаются на основании изучения торевтики, фиксируются в архитектуре, но особенностью этой эпохи является то, что предметом культурных взаимоотношений и торговли стали не только редкие и дорогие товары, но и обыденная продукция [21].

При таких обстоятельствах вполне понятно, что в Закавказье познакомились с иранской керамикой и на месте стали изготовлять аналогичную продукцию.

Таким образом, исследование материалов поселения Ховлегора позволило поставить и решить ряд важнейших вопросов [22]: 1) точно определить время появления красноглиняной керамики интересующего нас вида на территории Восточной Грузии; 2) хронологически надежно разграничить ее, относя определенные формы к VI, а другие — к V в. до н. э.; 3) на этом основании дифференцировать ее с точки зрения культурной принадлежности (VI в. до н. э.— урартское влияние; V в. до н. э.— иранское влияние).

В заключение отметим, что все сказанное выше относительно культурных взаимоотношений с Передним Востоком, выраженных в специфике керамического производства VI—V вв. до н. э. касается, конечно, не только поселения Ховлегора. Интересующая нас керамика по археологическим раскопкам в некоторой степени была известна и раньше, теперь же накапливающийся все больше соответствующий материал впервые получает в результате раскопок поселения Ховлегора новую и дифференцированную интерпретацию в культурном и хронологическом аспектах [23].

---

[19] *R. Ghirshman.* Village... p. 105, 106, pl. XVI, *7*.

[20] Ibid., p. 29, 30, 57, pl. XLII.

[21] *R. Ghirshman.* Iran... p. 185, 186.

[22] *Д. Л. Мусхелишвили.* Археологический материал из раскопок Ховлегора...

[23] Соответствующему материалу из Нижней Картли посвящается ныне кандидатская диссертация К. Д. Квижинадзе. Подобные явления констатируются, конечно, не только для территории Грузии, но и Армении (см. *Г. А. Тирацян.* Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V—IV вв. до н. э.— СА, 1964, 3; *его же.* Урарту и Армения (к вопросу о преемственности материальной культуры). Вестник общественных наук АН Армянской ССР, № 2, 1968. Ереван, стр. 17—30) и Азербайджана (см., напр., История Азербайджана, I (под редакцией И. А. Гусейнова и др.). Баку, 1958, стр. 54).

*D. L. Mouskhélichvili*

# LA QUESTION DE LA DIFFUSION D'UNE CERAMIQUE D'ARGILE ROUGE DANS L'EST DE LA GEORGIE, AU DEBUT DE L'ANTIQUITE
(D'après les pièces découvertes a Khovlégora)


## Résumé

L'ancienne localité de Khovlégora, qui date de la fin de l'Age du Bronze, début de l'Age du Fer, se trouve au bout d'une vallée de montagne, sur la rive droite de la Koura, près du village de Khovlé. Les niveaux inférieurs de l'agglomération (Khovlé VIII-IV), qui datent de la deuxième moitié du IIe-début du Ier millénaire av. n. è., sont caractérisés par une vaisselle noire et grise, analogue à la céramique de la fin de l'Age du Bronze, qu'on rencontre dans d'autres endroits de la Géorgie orientale. Cette céramique est également présenté dans les niveauz suivants (Khovlé III—II).

A la dernière phase de la période de Khovlé IV (fin du VIIe s. av. n. è.) apparaissent des exemplaires isolés, totalement différents des ustensiles en argile noire et grise. qui appartiennent à une céramique dite «à cuisson rouge». Dans le IIIe niveau (VIe s. av. n. e) ces deux groupes exitsent à peu prés dans de même pourcentage; dans le IIe (Ve s. av. n. è.), la vaisselle d'argile claire domine nettement, devenant à la dernière période de Khovlé I (debut du IVe s. av. n. è.) le seul type de l'industrie céramique locale.

Il est impossible de relier génétiquement une grande partie de la céramique d'argile rouge avec celle en argile noire ou grise, utilisée suparavant. Un grand nombre d'ustensiles se couvrent, en partie ou totalement, d'un couleur rouge, tout à fait nouvelle. Cette céramique est tellement particulière, et le changement si inattendu, brusque et fort, qu'il semble que la vaisselle en question est le témoin de la pénétration dans la population locale d'un nouvel élément ethnique ayant apporté un autre courant culturel. Il suffit de comparer du point de vue de la technologie et des formes, la céramique de Khovlégor de la période de Khovlé III (fig. 1) avec des pièces correspondantes provenant des centres d'Ourartou, pour être en mesure d'avancer avec assurance l'hypothèse que l'infiltration précitée a dû venir du monde d'Ourartou.

La culture matérielle de la période de Khovlé II, tout en étant le développement organique de l'héritage de la période précédente, témoigne cependant d'influences culturelles nouvelles, déjà remarquées pour le monde iranien (achéménide) (fig. 2). Cette nouvelle influence au Ve s. av. n. è., contrairement à la période précédente, doit être considérée comme le résultat de rapports culturels et commerciauz.

К. Н. ПИЦХЕЛАУРИ

# ПАМЯТНИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э. НА ТЕРРИТОРИИ КАХЕТИИ

До последнего времени в Восточной Грузии археологические материалы середины и второй половины I тысячелетия до н. э. были слабо выявлены и не засвидетельствованы на стратифицированных памятниках, что не позволяло составить достаточно полного представления о характере развития здесь материальной культуры.

В настоящее время в этом отношении наблюдаются определенные сдвиги. В первую очередь большое значение имеет изучение стратифицированного поселения Ховлегора, имевшего восемь различных горизонтов. Как полагает Д. Л. Мусхелишвили [1], здесь в течение целого тысячелетия проживало одно и то же население. Основанием для этого предположения явилась почти полная неизменяемость глиняных изделий в VIII—II горизонтах поселения, верхний рубеж которых доходит до IV в. до н. э. В течение всего этого периода здесь бытовали глиняные сосуды сходных форм с черной, серой и каштановой лощеной поверхностью, черепок которых в изломе обычно мелкозернистый, с примесью песка. Во всех слоях встречаются сосуды, имеющие ушки с роговидными выступами, украшенные лучевыми (радиальными) лощеными линиями, направленными книзу, или сетчатым лощеным орнаментом и т. д.

Наряду с этим, как отмечает Д. Л. Мусхелишвили, в конце последнего периода IV горизонта, относящегося примерно к концу VII в. до н. э., появляется красноглиняная керамика [2]. В III горизонте (VI в. до н. э.) красноглиняная керамика количественно выравнивается с темно-серыми сосудами, от которых она явно отличается, причем не только по технике изготовления (глина, как правило, очищена, а обжиг равномерный и полный), но и формами (появляются кувшины с трехлепестковым венчиком, воронки и др.) и обработкой поверхности. В противовес глиняной посуде черного цвета красноглиняная посуда почти всегда лишена орнамента.

По наблюдениям Д. Л. Мусхелишвили, во втором слое (V в. до н. э.) черная керамика продолжает свое существование, однако преобладает уже красноглиняная.

---

[1] *Д. Л. Мусхелишвили.* Археологические материалы из раскопок поселения Ховлегора. 2-я научная сессия отделения источниковедения и исторической географии Института истории АН ГССР. План работы и аннотации докладов. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.); *его же.* Основные вопросы исторической географии Грузии. Сборник исторической географии Грузии, V. Тбилиси, 1975, стр. 15, 16. При изложении результатов археологических раскопок Ховлегора мы пользовались также рукописной монографией Д. Л. Мусхелишвили (*Д. Л. Мусхелишвили.* Материалы из раскопок Ховлегорийской археологической экспедиции. 1963. Архив отдела исторической географии Института истории, археологии и этнографии АН ГССР).

[2] По мнению Д. Л. Мусхелишвили, на непрерывное развитие материальной культуры Шида Картли указывает и то, что в VI—III слоях Ховлегора распространены печи для выпечки хлеба абсолютно одинаковой конструкции.

Таким образом, в Шида Картли на примере поселения Ховлегора прослеживается непрерывное развитие керамического производства вплоть до IV в. до н. э.

С конца VII в. и главным образом в VI в. до н. э. параллельно с местной начинает проявляться чужеродная красноглиняная керамика из чистой глины, покрытая красным ангобом и сильно отличающаяся от местных изделий.

Распространение в Восточной Грузии красноглиняных сосудов некоторые исследователи связывают с эллинизацией страны [3]. Однако другие авторы справедливо отрицают это [4], хотя и опираются на неверные данные, считая кувшины с трехлепестковым венчиком продолжением местной керамики. В действительности такие сосуды не имеют здесь прототипов. Неправильной представляется нам и позиция Р. М. Рамишвили, который ищет местные корни алазано-ялойлутепинской культуры [5]. Наиболее приемлемым мы считаем взгляды тех исследователей, которые полагают, что появление этих материалов следует связывать с влиянием южных стран. В частности, Д. Л. Мусхелишвили отмечает два этапа проникновения в Ховле новых культурных потоков: урартийский (VI в. до н. э.) и ахеменидский (V в. до н. э.).

Первый поток, по мнению Д. Л. Мусхелишвили, был принесен волной племен из Урарту, ибо разгром в конце VII в. до н. э. Урартского государства вызвал мощное передвижение племен. Появившаяся в Ховле красноглиняная керамика абсолютно идентична урартийской как по технике обработки, так и по форме (квеври с рельефными поясами, кувшины с трехлепестковым венчиком, чаши с вогнутыми краями, отделка сосудов красным ангобом и др.).

Проникновение второго культурного потока в Шида Картли в V в до н. э., как полагает Д. Л. Мусхелишвили, произошло в результате развития оживленных торговых связей с ахеменидским миром. Об этом свидетельствуют многочисленные находки из Ховле и вообще из Восточной Грузии (чайникообразные сосуды, Казбекский, Ахалгорийский клады и др.).

В связи с тем что некоторая часть красноглиняной посуды проявляет сходство с черно-бурой как в формах, так и в орнаментации, исследователи Ховле считают, что перелом в керамическом производстве (подразумевается распространение красноглиняной керамики) произошел в результате местного технического прогресса, который совпал с появлением здесь новых этнических элементов [6]. Однако в данном случае мы присоединяемся к мнению Ю. М. Гагошидзе [7], который утверждает, что появление в это время единичных экземпляров красноглиняных сосудов, подражающих формам и орнаментации местной керамики, нельзя считать результатом технического прогресса.

---

[3] *М. М. Иващенко.* Кувшинные погребения Грузии, стр. 123. Рукопись хранится в архиве Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР.

[4] *О. Д. Лордкипанидзе.* Ремесленное производство и торговля в Мцхета в I—III вв. н. э. Канд. дис. Тбилиси, 1957. Библиотека Тбилисского гос. ун-та, F 29881, стр. 32; *Ю. М. Гагошидзе.* Раннеантичные памятники материальной культуры Грузии (историко-археологическое исследование). Канд. дис. (на груз. яз.). Тбилиси, 1965, Библиотека Тбилисского гос. ун-та, F 37873, стр. 102; *В. А. Толордава.* Материалы к истории Картлийского царства в III—I вв. до н. э. (кувшинные погребения в Восточной Грузии). Канд. дис. (на груз. яз.). Тбилиси, 1968. Библиотека Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили, Д-338, стр. 16—19.

[5] *Р. М. Рамишвили.* Камарахевский могильник (на груз. яз.). МАК, II, 1959, стр. 39.

[6] *Р. М. Абрамишвили, Д. Л. Мусхелишвили, Г. Цкитишвили.* Отчет о раскопках на Ховлегора. Тезисы докладов на VII сессии, посвященной полевым археологическим работам. Тбилиси, 1959.

[7] *Ю. М. Гагошидзе.* Ук. соч., стр. 98—100.

В Восточной Грузии красноглиняная посуда не изготовлялась не потому, что это было недоступно местным гончарам, а потому, что вкусам населения отвечали традиционные черно-серые сосуды. Как известно, в эпоху бронзы даже сосудам светлого обжига часто придавали с помощью задымления черный цвет и даже лощили. Красноглиняная керамика появилась в Восточной Грузии еще в эпоху средней бронзы, однако широкого применения здесь не нашла. В кург. 2 урочища Садуга, например, были обнаружены сосуды, орнамент на которых нанесен путем различного режима обжига, в результате чего на одном и том же сосуде варьируют светлые и темные тона. В конце концов нельзя исключить и того, что в раннеантичное время в Восточной Грузии стала изготовляться посуда, подражавшая чужеродным красноглиняным образцам.

Появление в Восточной Грузии красноглиняной керамики Ю. М. Гагошидзе также объясняет урартским и ахеменидским влиянием, но в отличие от Д. Л. Мусхелишвили оба эти явления связывает с передвижением людских масс [8].

Таким образом, на основании изучения керамики Шида Картли получено два основных вывода: во-первых, местные керамические изделия этого времени генетически связаны с керамикой эпохи поздней бронзы и железа и, во-вторых, в этот период прослеживается влияние урартской и ахеменидской культур, о чем свидетельствует появление красноглиняной керамики.

Примерно то же можно сказать и о крайних восточных районах Восточной Грузии. В этом отношении наиболее интересный материал дает квемокедская металлургическая мастерская. Большая часть обнаруженных здесь глиняных сосудов продолжает местные традиции. Эта керамика изготовлена в основном из глины с примесью мелкозернистого песка и отличается серым и каштановым цветом. Изредка поверхность закопчена, а формы в большинстве случаев подражают старым. Орнаментация этих сосудов также связана с древними традициями. Часто по краю венчика сосуда проходит желобок, а на плечиках — косые короткие насечки. Корпус сосудов часто покрыт разными концентрическими линиями; его нижняя часть иногда украшена сеткой взаимопересекающихся вертикальных и горизонтальных линий, порой лощеных, а некоторые края донышек сосудов орнаментированы косыми насечками [9].

Все это генетически связывает данные материалы с памятниками Восточной Грузии эпохи бронзы и железа и подчеркивает непрерывность развития материальной культуры. Однако среди материалов Квемо Кеди и красноглиняная посуда, количественно не уступающая описанной выше.

В связи с тем что для Восточной Грузии эпохи поздней бронзы и железа до VII в. до н. э. включительно особенно характерна керамика черного и серого обжига, резкое изменение в технике изготовления керамики Квемо Кеди, проявившееся в количественном росте красноглиняной посуды, следует объяснить каким-то внешним влиянием. В красноглиняной керамике, обнаруженной в Квемо Кеди, органически слиты местные и чужеродные элементы. Например, края донышек сосудов украшены косыми насечками, нижняя часть корпуса покрыта резным шахматным орнаментом. В тесте красноглиняных сосудов заметна примесь песка, характерная для местной керамики, хотя в это же время появляются и новые формы сосудов: широкодонные с широким корпусом сосуды типа лутериев, со сливным желобком; кувшины с трехлепестковым венчиком; квеври, украшенные рельефными поясками, и др. Распростра-

---

[8] *Ю. М. Гагошидзе.* Ук. соч., стр. 101, 102; *его же.* Раннеантичные памятники с Ксанского ущелья (на груз. яз.). Тбилиси, 1964, стр. 62, 68.

[9] *К. Н. Пицхелаури.* Основные проблемы истории племен Восточной Грузии в XV—VII вв. до н. э. (на груз. яз., резюме на русск. и англ. яз.). Тбилиси, 1973, табл. XVII—XIX.

няются и новые виды орнамента, например налепные мелкие шишечки, крестообразно расположенные на ушках сосудов. На этой же посуде, впервые в Восточной Грузии, появляются различные клейма, которые, очевидно, представляли собой знаки ремесленников.

Один из красноглиняных сосудов, обнаруженных в Квемо Кеди, дает возможность установить примерную дату памятника и наряду с этим источник происхождения этого типа керамики. Мы имеем в виду пиалу, изготовленную из чистой глины и покрытую красным ангобом с радиально расположенными выпуклыми валиками [10]. Аналогичные пиалы встречаются в большом количестве в ахеменидском мире и весьма убедительно датируются VI—V вв. до н. э.[11] Точно такой же сосуд хранится в Сигнахском краеведческом музее, однако место его находки неизвестно.

Разумеется, приведенных фактов еще недостаточно для получения окончательных выводов, однако появление в этой части Восточной Грузии в VI—V вв. до н. э. красноглиняной керамики следует объяснить, вероятнее всего, ахеменидским влиянием.

Из материалов Восточной Грузии последующего периода мы выделяем определенную группу, генетически тесно связанную с предыдущими культурами.

Материалы эллинистической эпохи в Восточной Грузии, в частности керамика, пока еще недостаточно изучены. На территории Кахетии до последнего времени вообще не были обнаружены памятники второй половины I тысячелетия до н. э. Материалы рубежа первых тысячелетий в восточных районах этого края довольно многочисленны и известны в литературе под именем ялойлутепинской культуры. В настоящее время предпринимаются попытки объявить эту культуру местной и дать ей иное наименование, что, на наш взгляд, совершенно неверно. Все эти материалы привнесены на территорию Восточной Грузии, и поэтому нельзя давать ей название, в котором заключается мысль о ее местном содержании. В пользу этого можно привести ряд соображений.

1. Прежде всего следует учесть границы распространения ялойлутепинской культуры, памятники которой характерны для большей части современного Азербайджана и сравнительно компактно встречаются лишь в крайне восточных районах нижнего течения Иори и Алазани [12]. На территории среднего течения этих рек количество памятников значительно меньше, а в восточной части Шида Картли встречаются лишь отдельные элементы данной культуры [13].

Таким образом, на основании изучения территории распространения ялойлутепинской культуры можно говорить о ее восточном происхождении.

2. Ялойлутепинская культура, по нашему мнению, генетически не связана с местной. В частности, в Иоро-Алазанском бассейне до настоящего времени не известно ни одного памятника, который датировался

---

[10] Там же, табл. XX.

[11] *Ю. М. Гагошидзе.* Раннеантичные памятники с Ксанского ущелья, стр. 71, 72—74 и цитированная там же литература.

[12] *Т. Пассек, Б. Латынин.* К вопросу о керамике Ялойлу-Тапа. ИООИА, IV. Баку, 1927; *Д. Шарифов.* Раскопки в Ялойлу-Тапа. Материалы Азербайджанского государственного музея, вып. 1. Баку, 1927; *А. А. Иессен.* Культура Ялойлу-Тапа в Закавказье. Сборник аспирантов ГАИМК, т. I. Л., 1929; *Г. К. Ниорадзе.* Раскопки на Алазанской долине (на груз. яз.). Тбилиси, 1940.

[13] В некоторых специальных исследованиях (*Г. К. Ниорадзе.* Ук. соч.; *Р. М. Рамишвили.* Ук. соч.) и опирающихся на них обобщающих работах (Археология Грузии. Тбилиси, 1957, стр. 272) границы ялойлутепинской культуры перенесены далеко на запад и включают в себя восточные районы Шида Картли. В действительности же в верхнем течении Алазани встречаются единичные изделия, характерные для этой культуры (сосуды с носиком-цедилкой, тарелки на высокой ножке и др.), а на указанной территории Шида Картли не встречаются вообще. Мы считаем неприемлемым передвижение границ этой культуры так далеко на запад на основании находок в Шида Картли таких сосудов, которые лишь подражают ялойлутепинским.

бы временем более ранним, чем I в. до н. э., и имел какие-нибудь признаки керамики ялойлутепинской культуры. Сосуды с трехлепестковым венчиком появляются здесь лишь на рубеже первых тысячелетий вместе с другими материалами этой культуры и продолжают свое существование в последующие века, по-видимому, под влиянием ее традиций. Памятники собственно ялойлутепинской культуры распространены на территории Восточной Грузии лишь в I в. до н. э. и в I в. н. э. Ни раньше, ни позже подобные материалы здесь не встречаются. Красноглиняная же посуда с трехлепестковым венчиком, распространенная в Шида и Квемо Картли, с середины I тысячелетия до н. э. появляется, как известно, под влиянием южных культур и не имеет ничего общего с ялойлутепинской культурой [14].

В связи с этим мы не можем согласиться с мнением некоторых исследователей о том, что ялойлутепинская культура якобы была связана с местной древней культурой [15], и в частности представляла собой последний этап существовавшей в Восточной Грузии культуры V—I вв. до н. э. Не прав, на наш взгляд, Р. М. Рамишвили, утверждающий, что в Восточной Грузии существуют сравнительно ранние слои ялойлутепинской культуры [16]. Прототипы ялойлутепинской культуры, как указывал Г. К. Ниорадзе, следует искать в материалах Северного Ирана, а не в недрах местных культур. Поэтому нельзя давать ей местные наименования, такие, как, например, «культура Алазанской долины» или «эретская» [17], тем более что на этой территории действительно существовала местная материальная культура, которой больше подходят эти наименования.

3. Местная материальная культура, которая существовала на территории Восточной Грузии как в эллинистическую эпоху, так и в первые века нашей эры, абсолютно отлична от ялойлутепинской и, судя по керамическим материалам, генетически связана с культурой предшествующего времени — эпохи поздней бронзы и железа. Местная керамика подразделяется на две большие группы, одна из которых характерна для территории Иоро-Алазанского бассейна, другая — для Шида Картли.

Характерная для Иоро-Алазанского бассейна посуда изготовлена из хорошо отмученной глины, обычно хорошо обожжена и отличается красноватым, желтоватым или зеленоватым цветом. Встречаются узкогорлые сосуды с широким туловом, широким плоским днищем. Венчик в большинстве случаев круглый. В поздних экземплярах (первые века нашей эры) встречаются сосуды с трехлепестковым венчиком. Большая часть сосудов расписана, корпус покрыт параллельными концентрическими линиями, нанесенными белым ангобом. Вокруг плечиков или по нижней части горлышка расположены короткие косые насечки. В нескольких случаях донышки украшены резной спиралью (с. Шрома, бывш. Вачнадзиани). Форма и роспись эллинистических сосудов утончены и симметричны, тогда как сосуды первых веков нашей эры изготовлены и расписаны довольно небрежно (рис. 1, 2).

Итак, несмотря на то что формы и черепок глиняных изделий этого времени значительно изменяются, орнамент почти полностью повторяет характерные черты орнаментации глиняной посуды Иоро-Алазанского бассейна эпохи поздней бронзы и железа. Лишь прием нанесения орнамента несколько иной, в частности если в ранний период концентрические линии были резными, то теперь их наносят краской, хотя на поверхности

---

[14] *Д. Л. Мусхелишвили.* Археологические материалы с раскопок поселения Ховлегора, стр. 8; *Ю. М. Гагошидзе.* Раннеантичные памятники Ксанского ущелья, стр. 67, 68; *его же.* Ук. канд. дис., стр. 100—103.

[15] *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 5.

[16] *Р. М. Рамишвили.* Камарахевский могильник, стр. 39.

[17] *Г. К. Ниорадзе.* Ук. соч., стр. 94; *С. Н. Джанашиа.* Труды, т. II. Тбилиси, 1952, стр. 101; *Р. М. Рамишвили.* Камарахевский могильник, стр. 39—41.

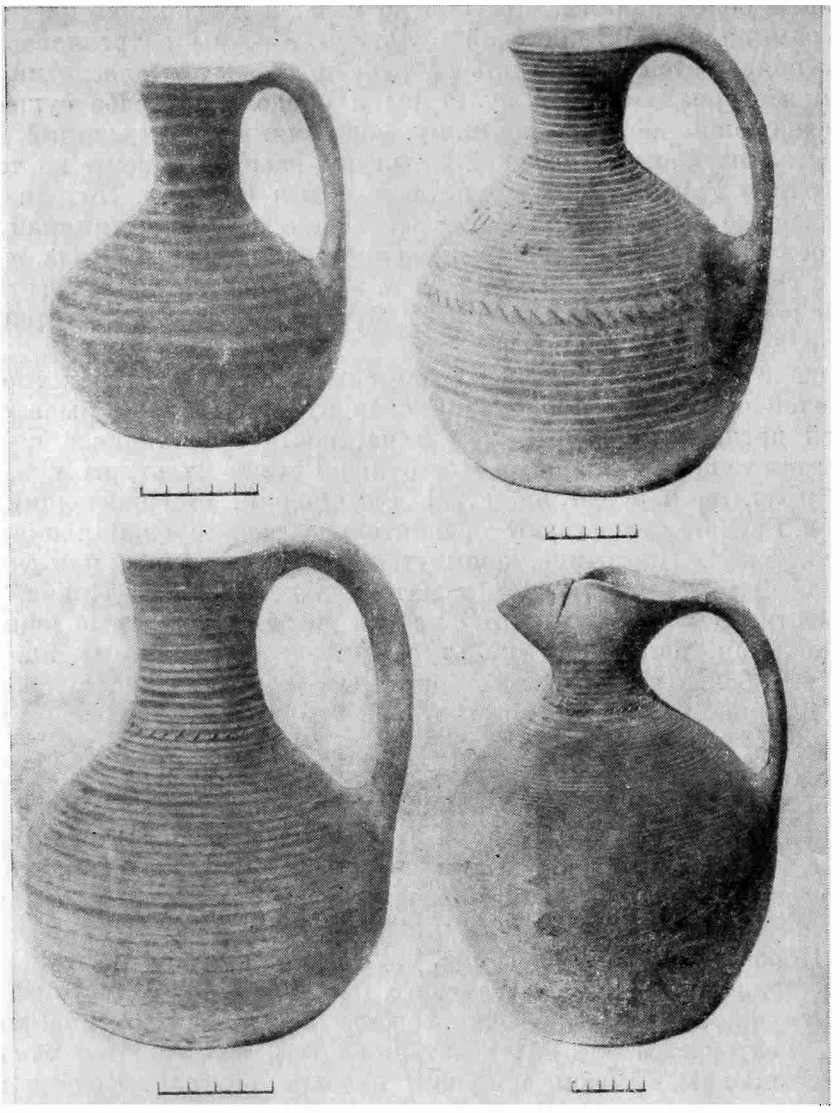


Рис. 1. Характерные формы и орнаментация сосудов из погребений Кахетии эллинистического времени

последних также хорошо прослеживаются концентрические линии, являющиеся следами вращения гончарного круга. Неизменной остается техника нанесения и характер орнамента на плечиках и краях донышек сосудов.

Таким образом, сходство орнаментации глиняных сосудов позволяет предполагать на территории Иоро-Алазанского бассейна непрерывное развитие материальной культуры не только с эпохи поздней бронзы и железа до рубежа первых тысячелетий, но, как увидим ниже, до III—IV вв. н. э. Совершенно очевидно, что приведенная аргументация еще недостаточна для окончательного решения поставленной проблемы. Тем не менее некоторые основания для подобных выводов у нас все же есть.

Установление даты и ареала распространения указанной керамики связано еще с одним важным вопросом: какая археологическая культура Иоро-Алазанского бассейна может быть принята за культуру эров и должна быть названа именем этой этнической группы?

Упомянутые керамические изделия обнаружены пока что в нескольких пунктах, тем не менее большая их часть, судя по местам находок

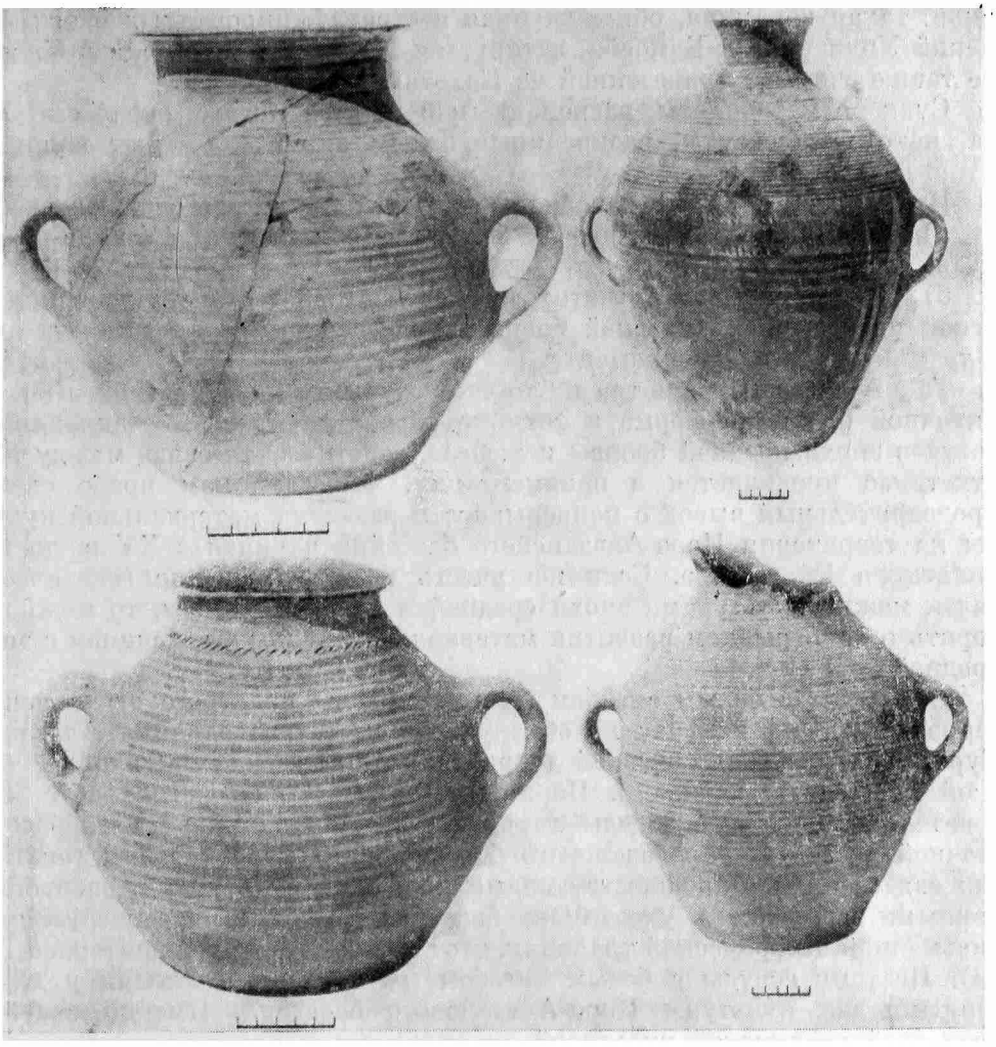


Рис. 2. Подпись та же

и количеству, концентрируется в Иоро-Алазанском бассейне — Когото хеви, с. Карагаджи, с. Шрома (бывш. Вачнадзиани), с. Новая Ульяновка, Цинандали, Шираки, «Садуги гора», с. Сакобо (Лагодехский район), Миларская степь, Дидубе и др. Аналогичные сосуды обнаружены и в Шида Картли. Здесь они встречаются вместе с местной расписанной красной краской керамикой. Рассматриваемые сосуды с белым ангобом количественно уступают местным, однако они хорошо датируются, и на них следует остановиться подробнее.

Этот тип керамики обнаружен Ю. М. Гагошидзе в Самадло (здесь она засвидетельствована лишь в раннеантичных и эллинистических слоях). По мнению Ю. М. Гагошидзе, такая посуда поступала сюда из какого-то производственного центра Кахетии [18]. По наблюдению Д. А. Хахутаиш-

[18] Интересно, что указанная керамика встречается на территории Шида Картли лишь в эллинистическую эпоху, хотя в Кахетии она до первых веков остается наиболее характерным элементом местной материальной культуры (Вачнадзиани — Шалуаант ахоэби, Когото), существует параллельно с материалами так называемой ялойлутепинской культуры (Когото) и продолжает бытовать после исчезновения последней.

Таким образом, следует предполагать, что экспорт эретской керамики в Шида Картли осуществлялся в эллинистическую эпоху, когда у эров была развита самостоятельная торговля. С другой стороны, в Кахетии в это время появляется харак-

вили, такая керамика, обнаруженная в стратифицированных слоях поселений Уплисцихе и Бамбеби, датируется III—II вв. до н. э.[19], в Урбниси ее также считают привезенной из Кахетии [20].

Судя по материалам, раскопанным в ущелье Когото, около сел. Хирса, некоторые сосуды, расписанные белым ангобом, бытуют вплоть до IV в. н. э.[21]

Итак, рассмотренные материалы позволяют отметить следующее.

а) Керамика с белым ангобом бытует, по-видимому, с IV в. до н. э. до IV в. н. э.

б) Схема орнаментации этих сосудов повторяет схему украшения местной посуды эпохи поздней бронзы и железа, различия заметны лишь в технике нанесения орнамента.

Таким образом, несмотря на то что сосуды эллинистической и позднеантичной эпохи по форме и технике обработки черепка отличаются от сосудов эпохи поздней бронзы и железа, генетическая связь между ними отчетливо проявляется в орнаментации, что дает нам право сделать предварительный вывод о непрерывности развития материальной культуры на территории Иоро-Алазанского бассейна начиная с XV в. до н. э. вплоть до IV в. н. э. Если же учесть и существование генетической связи между культурами эпохи средней и поздней бронзы, то можно говорить о непрерывном развитии материальной культуры, начиная с эпохи средней бронзы [22].

в) Сосуды с белым ангобом распространены на строго ограниченной территории. Они ни разу не обнаружены восточнее слияния Алазани с Курой (т. е. на классической территории так называемой ялойлутепинской культуры), южнее р. Иори и севернее Кавказского хребта. Следовательно, подобные сосуды характерны лишь для центральной и восточной частей Иоро-Алазанского бассейна, культура которых генетически связывается с предшествующими местными культурами, распространенными в пределах указанного бассейна (согласно древнегрузинской письменной исторической традиции, этот район считался территорией Эрети). Поэтому сосуды с белым ангобом мы считаем местными и характерными для культуры Иоро-Алазанского бассейна. Именно с ней, а не с ялойлутепинской культурой, по-видимому, следует связывать племя эров.

Древние традиции гончарного ремесла, очевидно, сохраняются и в Шида Картли. На основании изучения керамики Ховлегора Д. Л. Мусхелишвили, бесспорно, доказал ее постепенное развитие, начиная с эпохи поздней бронзы до IV в. до н. э. Об этом же свидетельствуют и материалы, обнаруженные Д. А. Хахутаишвили на поселении Бамбеби. По его мнению, «материалы эллинистической эпохи, обнаруженные в Уплисцихе, как будто продолжают те основные традиции центральноиберийских керамических изделий, которые так прекрасно представлены в материалах IV в. до н. э. на поселении Ховлегора» [23]. Если в эллинистическую эпоху керамику Иоро-Алазанского бассейна характеризует роспись белым ангобом, то шидо-картлийская керамика этого времени расписана красной краской, а орнамент носит общий для всей территории характер (радиальные или параллельные полосы с заключенными между ними точками или

---

терная для Шида Картли керамика с красной росписью. После того же, как на территории Эрети начинает господствовать так называемая ялойлутепинская культура, в Картли уже наблюдаются признаки ее влияния, а элементы чисто эретской культуры исчезают.

[19] *Д. А. Хахутаишвили.* Уплисцихе (на груз. яз.), т. II. Тбилиси, 1970, стр. 28, 29.

[20] *Ю. М. Гагошидзе.* Разрисованный сосуд, найденный в Самадло (на груз. яз.). «Дзеглис мегобари», № 23. Тбилиси, 1970, стр. 46.

[21] *М. И. Синауридзе.* Позднеантичные и раннефеодальные погребения из Когото. ВГМГ, XXVII-В, 1967, стр. 115—122.

[22] *К. Н. Пицхелаури.* Ук. соч., стр. 123—147.

[23] *Д. А. Хахутаишвили.* Ук. соч., стр. 42.

волнистой линией). Существенно, что лощеные радиальные линии характерны для керамики Шида Картли со второй половины II тысячелетия до н. э.

На непрерывное развитие материальной культуры Шида Картли указывает и существование, начиная с эпохи поздней бронзы вплоть до эллинистической эпохи, однотипных керамических ховлийских печей. В течение всего этого времени они не претерпевают конструктивных изменений и распространены по всей территории Шида Картли.

Таким образом, керамика Шида Картли и Кахетии в первые века до нашей эры (иногда и в первые века нашей эры) явно продолжает древние традиции, что дает основание предполагать непрерывное развитие материальной культуры на всей этой территории, начиная с эпохи бронзы, и поставить вопрос о соотнесении отдельных локальных вариантов материальных культур с этническими группами.

*K. N. Pitzhélaouri*

## LES MONUMENTS DE LA SECONDE MOITIE DU IER MILLENAIRE EN KAHETIE


### Résumé

Une céramique à glaçure noire ou grise ast tout à fait caractéristique pour la Géorgie orientale, à la fin de l'Age du Bronze et à l'Age du Fer, jusqu'au VIIe s. av. n. è. A partir de la fin du VIIe s., et surtout au VIe s. av. n. è., apparaît dans cette région une céramique en argile rouge, dont la provenance étrangère doit être rattachée à l'influence de pays méridionaux. D. L. Moushélichvili distingue deux étapes de pénétration à Chida Kartli de ces nouveaux courants culturels: l'étape d'Ourartou (VIe s. av. n. è.) et l'étape achéménide (Ve s. av. n. è.).

Il en est presque de même pour la Kahétie. La plupart des vases recueillis à cet endroit continuent à refléter les traditions locales. Cependant, parmi eux il s'en trouve en argile rouge, et leur nombre ne le cède pas à celui des premiers, qui allient organiquement les éléments locaux et étrangers.

L'apparition en Kahétie, aux VIe et Ve siècles av. n. è., d'une céramique en argile rouge doit être expliquée, malgré l'insuffisance à l'heure actuelle de pièces connues, par une influence extérieure, en particulier par celle de la culture achéménide.

La culture hellénistique en Géorgie orientale est insuffisamment étudiée, mais les pièces datant d'avant et d'après notre ère sont assez nombreuses en Kahétie, et appartiennent à la culture dite de Yaloïloutépé. Actuellement on cherche à présenter cette culture comme étant locale, et à lui donner une dénomination correspondante. D'après l'auteur de cet article, cela est tout à fait erroné, étant donné que cette culture ne se relie pas génétiquement à la culture matérielle précédente, mais a été introduite à cet endroit. En faveur de ce dernier point de vue plaide le fait que pour la Géorgie orientale, et en particulier la Kahétie, aussi bien à l'époque hellénistique qu'aux premiers siècles de n. è., est caractéristique une autre culture matérielle, laquelle, à en juger par sa céramique, se rattache génétiquement à la culture précédente de l'Age du Bronze et de l'Age du Fer.

В. А. КОРЕНЯКО, А. В. НАЙДЕНКО

# ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В КУРГАНАХ НА р. ТОМУЗЛОВКЕ

## (Ставропольский край)

Ставропольские степи изучены археологами слабо, поэтому очень важно накопление и систематизация материалов по древней истории этого края. В предлагаемой работе публикуются материалы погребений раннего железного века из курганов, раскопанных по берегам Томузловки — левого притока Кумы. В 1972 г. экспедиция Ставропольского краеведческого музея исследовала восемь курганов у с. Китаевка Новоселицкого района на левом берегу Томузловки, а в 1974 г. у с. Новоселицкое отрядом Ставропольской экспедиции ИА АН СССР были раскопаны три кургана.

Все насыпи были сооружены в эпоху бронзы и погребения раннего железного века являются впускными, но способ устройства части погребений в курганах у Китаевки не совсем обычен.

Как показали стратиграфические наблюдения, для сооружения погребений 4, 5, 6 в кург. 5 (высота до 5 *м*) была снята почти вся юго-восточная пола первоначальной насыпи до уровня древнего горизонта. На образовавшейся площадке были совершены погребения, а затем насыпь была досыпана, стала выше и несколько вытянулась в восточном направлении. Все три погребения были совершены, как можно предполагать, одновременно. Главное место среди них занимало погребение 6, устроенное в яме, имевшей форму прямоугольника с закругленными углами 3,5×3,0 *м*, вытянутой длинной осью с севера на юг и углубленной на материк на 0,8 *м*. Погребения 4 и 5 были совершены в слое погребенной почвы, и их конструкция не прослеживалась. Во многом аналогичен характер захоронений 5,6 и 7 в кург 7 (высота 3,6 *м*). Для погребений 5 и 7 в юго-восточной поле на глубине 0,6 *м* от вершины была устроена горизонтальная площадка. Рядом с ней, восточнее и ниже на 0,55—0,95 *м*, имелась покатая площадка для погр. 6. Поскольку могилы находились в насыпи, то зафиксировано было лишь наличие площадок.

Предположительно обе группы погребений можно рассматривать как группы одновременных и взаимосвязанных могил; внутри каждой группы можно выделить главное и завершимые захоронения. В их размещении, обряде и распределении инвентаря отразилась, на наш взгляд, определенная, но точно нам не известная форма социальной организации степного населения. Специфика заключалась в устройстве захоронения «главного» и завершимых покойников не в одной погребальной камере, а в разных могильных сооружениях. Аналогии предположительно восстанавливаемой картине имеются в Предкавказье [1], на территории расселения

[1] *В. П. Марковин.* Скифские курганы у селения Гойты (Чечено-Ингушетия). СА, 1965, 2, стр. 166—169, 171, 172; ср.: *В. Б. Виноградов.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, стр. 49—51; *А. М. Ждановский, В. А. Тарабанов.* Раскопки могильника в ауле Ленинохабль. АО — 1975, М., 1976,

савроматов и сарматов [2], в меньшей степени в памятниках скифских степей [3].

Характер сооружения остальных публикуемых погребений обычен. В кургане 6 (высота 1,95 *м*) у Китаевки погр. 1 находилось в насыпи на глубине 1,5 *м* от вершины, а погр. 2 — на древней поверхности под скелетом лошади из погр. 1. Говорить о взаимосвязи этих комплексов трудно, однако они могут относиться примерно к одному времени. Погребение 5 в кург. 1 у Новоселицкого (рис. 1, *1*) находилось на уровне древнего горизонта в центральной части кургана (глубина 1,80 *м* от вершины). Удалось проследить лишь контуры западной части могильной ямы, узкой и округлой в плане. Погребение 1 в кург. 2 у Новоселицкого также было впущено на уровень погребенной почвы и частично разрушено более поздними погребениями. В северной части этой могилы находилась ступенька высотой 0,2 *м*, на которой располагался инвентарь (рис. 2, *1*).

Остальные данные о погребальной обрядности, наличии и размещении инвентаря приводятся в таблице.

Остановимся на анализе наиболее выразительных вещей.

Северокавказские железные удила с крестовидными псалиями (погр. 4 кург. 5 у Китаевки) датируются в целом III—II вв. до н. э.[4]

Наконечники стрел (погр. 6, кург. 5 у Китаевки, погр. 1 кург. 2 у Новоселицкого) (рис. 3, *2*; 4, *3*; 2, *7*) в массе однотипны: железные, втульчатые, трехлопастные, длиной до 3,7 *см*. Они более характерны для северокавказских памятников меото-сарматского времени, чем для прохоровской культуры [5]. Исключение составляет железный втульчатый двухлопастной наконечник стрелы, насаженный на железный стерженек (погр. 6 кург. 5 у Китаевки) (рис. 3, *3*).

Большинство аналогий железному топору с трапециевидным клином и небольшим прямоугольным в плане и сечении обухом (погр. 6 кург. 5 у Китаевки) (рис. 2, *2*) зафиксировано на Кавказе, который считается местом их происхождения [6].

Копья, аналогичные китаевскому (погр. 6, кург. 5), по своим пропорциям (общая длина 48,5, длина втулки 18,9, ширина пера до 4 *см*) (рис. 5, *1*) в степных памятниках сарматского времени не известны и связываются с Закавказьем и Северным Кавказом [7].

---

стр. 121 (погр. 31 и 74, I—III вв. н. э.). Благодарим А. М. Ждановского, любезно информировавшего нас о групповых погребениях Ленинохабльского могильника.

[2] *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры. М., 1963, стр. 19—24, табл. II, *8—10*; *К. Ф. Смирнов.* Савроматы. М., 1964, стр. 206—208, 213, 214; *К. Ф. Смирнов, С. А. Попов.* Работы Оренбургской экспедиции. АО — 1973, М., 1974, стр. 175, 176; *К. Ф. Смирнов.* Сарматы на Илеке. М., 1975, стр. 92—105, 115—142, 154, 155, 173, 174; *М. К. Кадырбаев, Ж. Курманкулов, В. В. Родионов, И. Н. Степнова.* Работы в Актюбинской области. АО — 1974, М., 1975, стр. 490. Благодарим М. К. Кадырбаева, любезно ознакомившего одного из нас с материалами раскопок курганных групп Сыптас (курган 1), Бесоба (курган 12), Кумис-сай (курган 1) и кургана Жалгыз-оба.

[3] *Б. Н. Мозолевский.* Курган Толстая Могила близ г. Орджоникидзе на Украине. СА, 1972, 3, стр. 271, рис. 1; см. также: *А. И. Мелюкова.* Войско и военное искусство скифов. КСИИМК, 34, 1950, стр. 30—39; *А. М. Хазанов.* Социальная история скифов. М., 1975, стр. 56—67, 78, 79, 134—136, 153, 154, 278, 279.

[4] *К. Ф. Смирнов.* Северский курган. М., 1953, стр. 38—40.

[5] *М. Г. Мошкова.* Ук. соч., стр. 31.

[6] *Е. И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1963, стр. 277—279, рис. 45; *А. И. Мелюкова.* Вооружение скифов. М., 1964, стр. 65—68; *Б. В. Техов.* Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971, стр. 215, 216, рис. 78, *4—6*; *В. Б. Виноградов.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ, рис. 31, *5—7*; *Ю. Н. Воронов.* Вооружение древнеабхазских племен в VI—I вв. до н. э. Сб. «Скифский мир». Киев, 1975, стр. 221, 222, рис. 4, *6, 7*.

[7] *К. Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов. М., 1961, стр. 72, 73; *А. И. Мелюкова.* Вооружение скифов, табл. 12, 14; *И. И. Гущина.* Находки скифского времени из Прикубанья. СА, 1970, 1, стр. 242, рис. 1, *4, 5* (IV—III вв. до н. э.); *А. М. Хазанов.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971, стр. 48, 49, 159, 162, табл. XXIV, *3*; XXVII, *6, 8—10*.

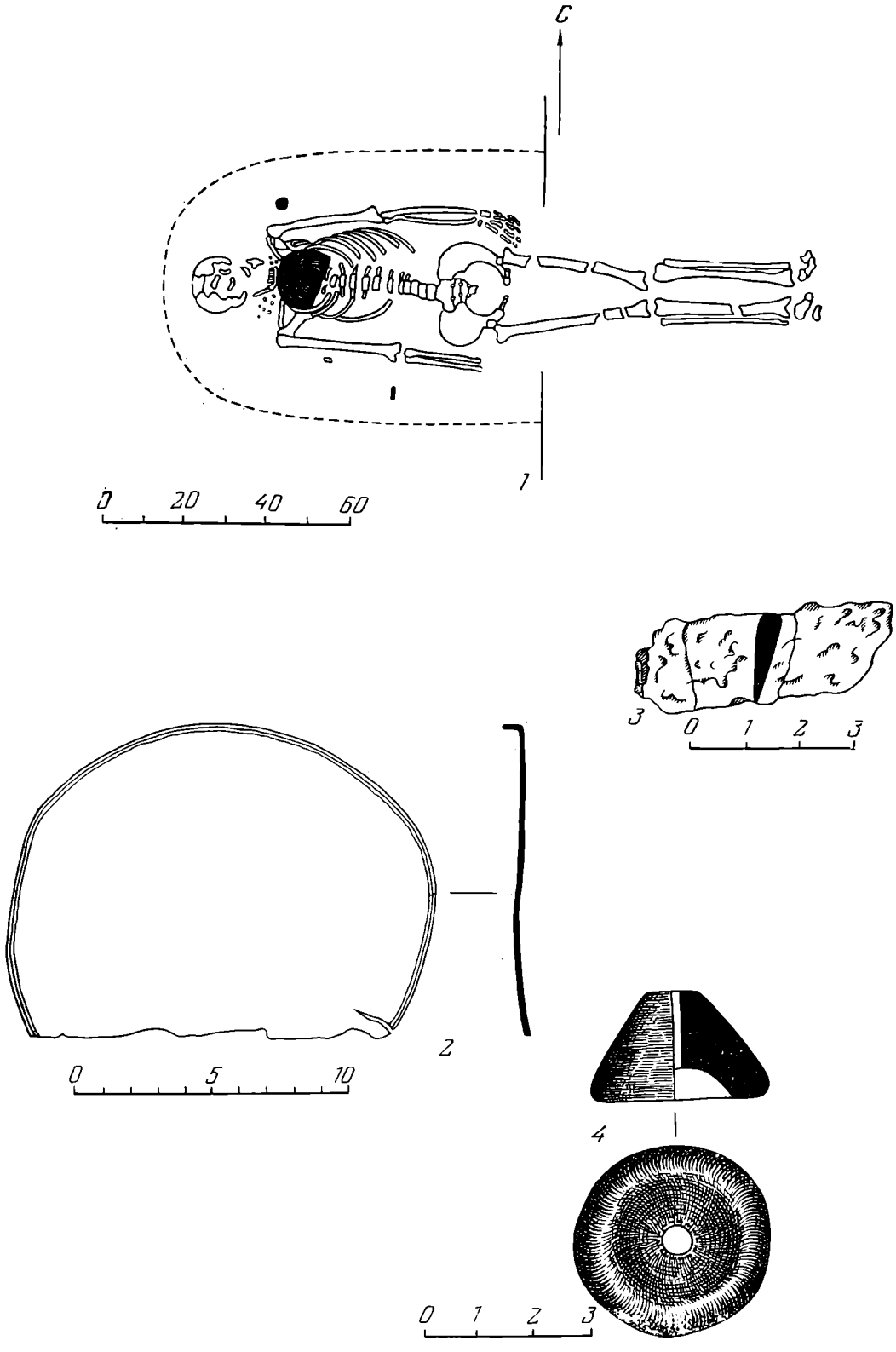



Рис. 1. Новоселицкое, кург. 1, погр. 5

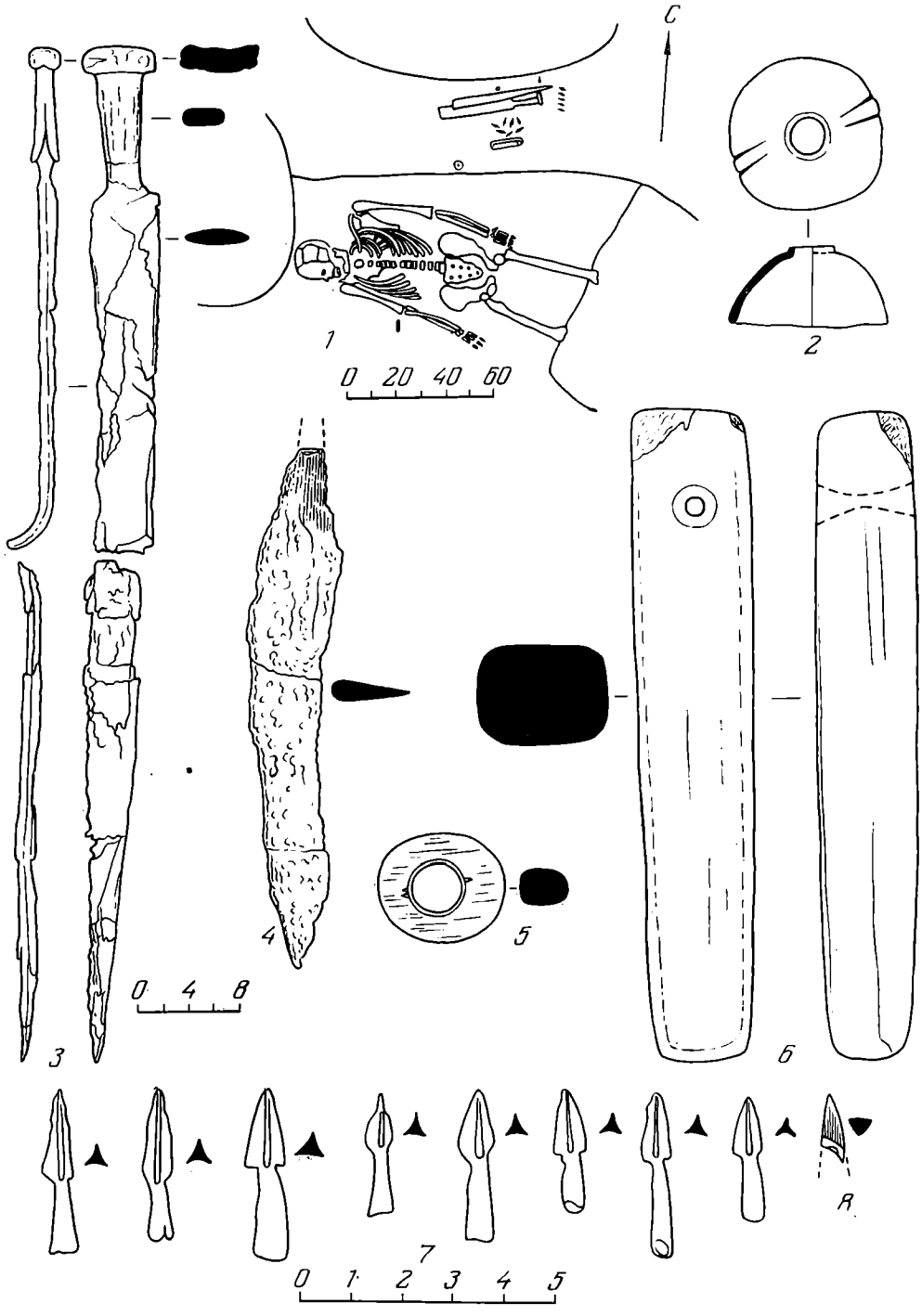



Рис. 2. Новоселицкое, кург. 2, погр. 1

Прототип довольно длинного (81 *см*) меча без перекрестия и с брусковидным навершием (Новоселицкое, кург. 2, погр. 1) (рис. 2, *3*) можно найти на савроматской территории[8], однако большинство подобных ему экземпляров сосредоточено на Северном Кавказе (в том числе на Ставрополье), где они датируются в основном IV—III вв. до н. э.[9]

[8] *К. Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов..., стр. 12, рис. 1, *6*.

[9] *Н. В. Анфимов.* Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951, стр. 166, рис. 4, *5*; *К. Ф. Смирнов.* Меотский могильник у ст. Пашковской. МИА, 64, 1958, стр. 304, 305; *Т. М. Минаева.* Железный меч из коллекции Ставропольского

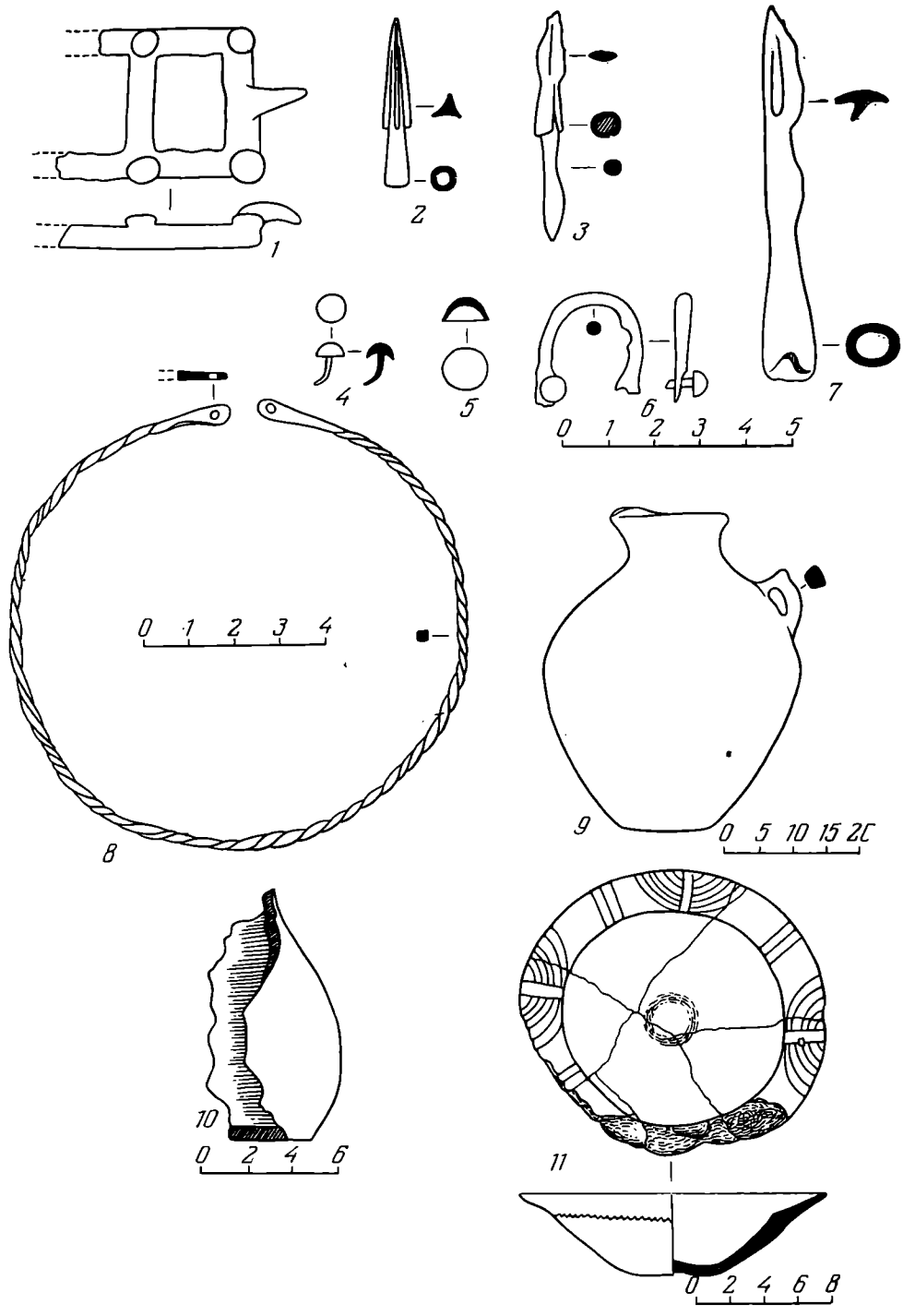



Рис. 3. Китаевка, кург. 5, погр. 6

Таким образом, набор оружия из томузловских курганов тяготеет в основном к Кавказу. Более того, можно сказать, что он типичен для северокавказских племен IV—II вв. до н. э.

музея. СА, 1958, 1, стр. 230, 231. В экспозиции и фондах Ставропольского краеведческого музея хранится еще несколько аналогичных мечей: *В. Б. Виноградов.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, стр. 15, 16, 183, рис. 3; *его же.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., стр. 104, 105, 119, рис. 3, *3*; 32, *2*; 66, *3* (В. Б. Виноградов предлагает датировать этот тип мечей IV—II вв. до н. э.); *И. И. Гущина.* Ук. соч., стр. 242, рис. 1, *1, 3*; *Ю. Н. Воронов.* Ук. соч., стр. 222—224, рис. 5, *15, 16, 18—20.*

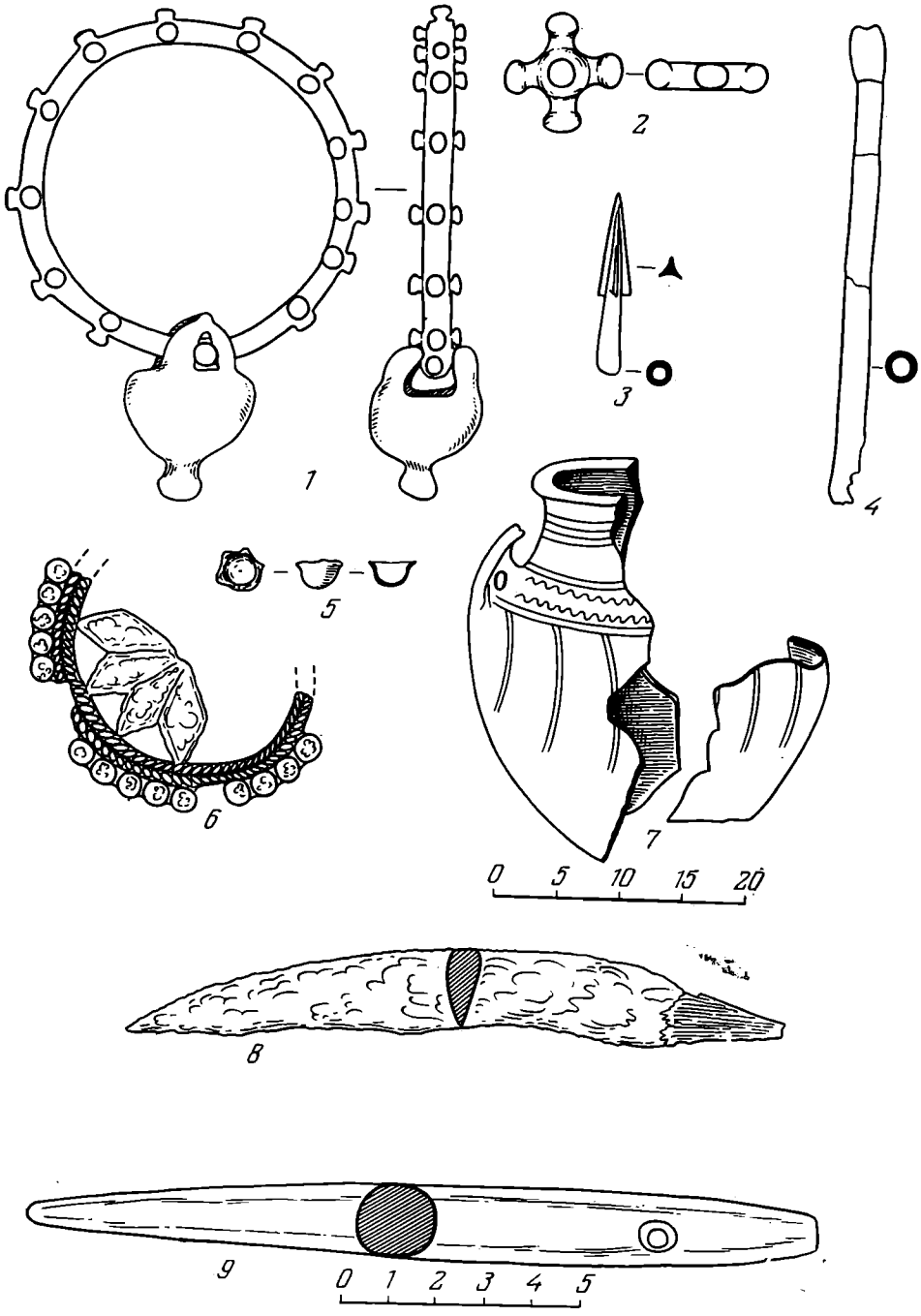



Рис. 4. Китаевка, кург. 6, погр. 2

Интерес представляют бронзовые вещи, найденные в погребениях. В погребении 6 кург. 5 у Китаевки была обнаружена бронзовая пряжка, представляющая собой прямоугольную рамку с перекладиной, боковым неподвижным язычком и шишечками на углах и в местах соединения перекладины и рамки (рис. 3, *1*). Найденная в районе пятна тлена вместе с бронзовыми дужками, заклепками и бляшками, она, возможно, имела какое-то отношение к конскому снаряжению. Бронзовые пряжки с неподвижным язычком и выступами-пуговками хорошо известны в сарматских памятниках конца IV—I в. до н. э.[10] Китаевскую пряжку по при-

[10] *М. Г. Мошкова.* Раннесарматские бронзовые пряжки. МИА, 78, 1960, стр. 293.

**Данные о погребениях в курганах у сел Китаевки и Новоселицкого (Ставропольский край)**

| № п/п | Курган, погребение | Пол, возраст | Положение скелета человека | Ориентировка | Подстилки, пигменты и пр. | Скелеты лошадей | Кости животных (пища) | Инвентарь | Примечание |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 1 | Китаевка, кург. 5, погр. 4 | Мужчина, взрослый | Скорченное, на правом боку, положение рук не установлено | СВ | Зеленый тлен под костяком лошади | 1 скелет, 5–6 лет, перед костяком человека, на правом боку, головой на юг | – | Среди челюстных костей лошади мелкие обломки железных кольчатых удил и крестовидного псалия очень плохой сохранности | Череп лошади отделен от туловища в области шейных позвонков |
| 2 | То же, погр. 5 | Женщина, взрослая | На спине, вытянуто, руки вдоль туловища | В | – | – | – | — | – |
| 3 | То же, погр. 6 | Мужчина, средних лет | На спине, ноги согнуты ромбом в коленях, руки вытянуты вдоль туловища, правая кисть на тазе | Ю | Под скелетом и вокруг него на 0,20 *м* пятно зеленоватого тлена с кусочками мела и древесного угля; у правой кисти три гальки со следами пребывания в огне | – | – | У правой руки тарелочка (рис. 3, *11*); в ней железные наконечник дротика (?) (рис. 3, *7*) и наконечник стрелы (рис. 3. *3*); рядом с ней обломки невосстановленного маленького черноглощеного сосуда; на левом запястье золотой браслет (рис. 3, *8*), в ногах на 0,5 *м* выше погребенного остатки массивного железного полого предмета (диаметр 20–22, высота 13 *см*), не восстановленного (возможно, котел); под ним слой темно-коричневого тлена 0,5×0,4 *м*, С–Ю толщиной | Слой тлена с бронзовыми пряжками, дужками, заклепками и бляшками, возможно, остатки чепрака |

Продолжение

| № п/п | Курган, погребение | Пол, возраст | Положение скелета человека | Ориентировка | Подстилки, пигменты и пр. | Скелеты лошадей | Кости животных (пища) | Инвентарь | Примечание |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | | | | | | | до 5 *см*; по периметру его четыре бронзовые дужки (рис. 3, *6*) с заклепками, 15 отдельных заклепок (рис. 3, *4*) и 10 бляшек (рис. 3, *5*); здесь же бронзовая пряжка (рис.3, *1*); под слоем тлена 28 целых и 12 фрагментов железных наконечников стрел (рис. 3, *2*); слева от черепа и левой руки наконечник копья (рис. 5, *1*); западнее левого колена топор (рис. 5, *2*); выше погребенного на 0,5 *м* и восточнее на 0,7 *м* на боку горлом к покойнику кувшин (рис. 3, *9*); под ним фрагменты грушевидного сосуда (рис. 3, *10*) | |
| 4 | Китаевка, кург. 6, погр. 1 | Мужчина, взрослый | На спине, вытянуто, руки вдоль туловища | С | Среди костей и под ними кусочки мела | Восточнее скелета человека костяк лошади 6–7 лет на левом боку, с подогнутыми ногами, головой на юг | – | На месте пояса шесть бронзовых бляшек (рис. 7, *1*) | – |

Продолжение

| № п/п | Курган, погребение | Пол, возраст | Положение скелета человека | Ориентировка | Подстилки, пигменты и пр. | Скелеты лошадей | Кости животных (пища) | Инвентарь | Примечание |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 5 | То же, погр. 2 | Мужчина, взрослый | На спине, вытянуто, руки вдоль туловища | ЗСЗ | Под костяком и вокруг него зеленоватый тлен | – | У правой стопы несколько костей коровы, в том числе два коренных зуба со следами пребывания в огне | На костях коровы железный нож (рис. 4, *8*); у правого плеча фрагменты сосуда (рис. 4, *7*); у левого плеча фрагменты бронзового украшения (рис. 4, *6*); здесь же семь бронзовых бляшек (рис. 4, *5*); у левого бедра не менее 60 наконечников стрел (рис. 4, *3*); ближе к колену оселок (рис. 4, *9*), фрагменты железной бесщитковой круглорамчатой пряжки, четыре бусины (рис. 7, *2–4*); бронзовая подвеска (рис. 4, *2*); бронзовое кольцо с подвеской (рис. 4, *1*), внутри подвески бусина (рис. 7, *5*); у правой ноги фрагменты бронзовой трубки (рис. 4, *4*); у левой голени остатки железного предмета вроде крюка | – |
| 6 | Китаевка, кург. 7, погр. 5 | Мужчина, взрослый | На спине, вытянуто, руки вдоль туловища | ЮВ | – | За головой покойника скелет лошади на левом боку, с подогнутыми ногами и вытянутой шеей, головой на ЮВ | – | Перед мордой лошади – сосуд (рис. 8) | – |

Продолжение

| № п/п | Курган, погребение | Пол, возраст | Положение скелета человека | Ориентировка | Подстилки, пигменты и пр. | Скелеты лошадей | Кости животных (пища) | Инвентарь | Примечание |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 7 | То же, погр. 6 | Взрослый | На спине, вытянуто, руки вдоль туловища, череп отсутствует | ССВ | – | Туша лошади была разрублена вдоль вместе с черепом, ее половины лежали по обе стороны от покойника, с подогнутыми к нему ногами, в том же направлении | – | – | – |
| 8 | То же, погр. 7 | Два скелета людей молодого возраста (18–25 лет) | Оба скелета на спине, вытянуто, у северного левая рука вдоль туловища (?), правая чуть согнута, ее кисть на бедре (?); у южного и правая и левая руки вдоль туловища (см. примечание) | ЗСЗ оба | В биконическом сосуде (рис. 6, *3*) семь обломков песчаника со следами пребывания в огне | – | – | Между скелетами серолощеный сосуд (рис. 6, *4*); у шейных позвонков и на груди обоих скелетов бусы (рис. 7, *6–12*); в ногах северного погребенного биконический сосуд (рис. 6, *3*); на его груди человеческий коренной дуб с окрашенными красной краской корнями; правее черепа у правой ноги его два кольца (диаметр 2,2 *см*) из медной проволоки; левее черепа южного погребенного зеркало (рис. 6, *1*) и пряслице (рис. 6, *2*), у правого колена железный нож (рис. 6, *5*) | Кости правой руки южного скелета и левой руки северного ниже локтевых суставов отсутствуют |

Окончание

| № п/п | Курган, погребение | Пол, возраст | Положение скелета человека | Ориентировка | Подстилки, пигменты и пр. | Скелеты лошадей | Кости животных (пища) | Инвентарь | Примечания |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 9 | Новоселицкое, кург. 1, погр. 5 | Подросток, девочка | На спине, вытянуто, руки вдоль туловища | З | Под костями черные и бурые пятна тлена | – | – | У шейных позвонков и под ними бусы (рис. 7, *13–15*); у правого плеча известняковая (?) пронизка (рис. 7, *16*); на костях верхней части груди зеркало (рис. 1, *2*); у левого плеча пряслице (рис. 1, *4*); южнее локтевого сустава правой руки фрагмент ножа (рис. 1, *3*) | – |
| 10 | Новоселицкое, кург. 2, погр. 1 | Мужчина, взрослый | На спине, вытянуто (?), череп на правом виске (лицом на Ю) | З | – | — | – | У локтя правой руки и в грабительском раскопе фрагменты ножа (рис. 2, *4*); на ступеньке параллельно покойнику обломки меча (рис. 2, *3*); рядом костяное кольцо (рис. 2, *5*), обломок костяного втульчатого трехгранного наконечника стрелы (рис. 2, *8*); здесь и у рукояти не менее 109 накопечников стрел (рис. 2, *7*); южнее оселок (рис. 2, *6*); у края ступеньки бронзовая ворворка (рис. 2, *2*) | Меч был сломан перед помещением в могилу |

знакам, указанным М. Г. Мошковой [11], следует отнести к изделиям кавказского происхождения. На Кавказе в памятниках раннего железного века обнаружены разнообразные пряжки этой конструкции, в том числе и формы, не известные в сарматских степях [12]. Имеются здесь и похожие пряжки с прямоугольной рамкой [13], в то время как на исконно сарматских территориях ведущими формами были пряжки с восьмеркообразными и кольцевыми рамками, а пряжки с прямоугольными рамками представляют собой довольно отдаленные аналогии публикуемой [14].

Зеркало из погр. 7 в кург. 7 у Китаевки (рис. 6,*1*) можно отнести к IV типу по А. М. Хазанову (прохоровское и сусловское время) [15] или к 3 типу II отдела по М. Г. Мошковой (III—II вв. до н. э.) [16], а зеркало из погр. 5 в кург. 1 у Новоселицкого (рис. 1, *2*) — к VIII типу (прохоровско-сусловское время) [17] или к 1 типу II отдела (III—II вв. до н. э.) [18] соответствующих классификаций.

В погр. 2 кург. 6 у Китаевки были обнаружены остатки бронзового ажурного украшения, представлявшего собой многолепестковую розетку, заключенную в двойной круг («веревочка»), по периметру которого идут круглые бляшки. Диаметр украшения 5,4 *см* (рис. 4, *6*) [19]. Похожие вещи происходят из памятников прохоровской культуры [20], но основное количество изделий, близких по стилю исполнения [21], в том числе очень сходных сосредоточено

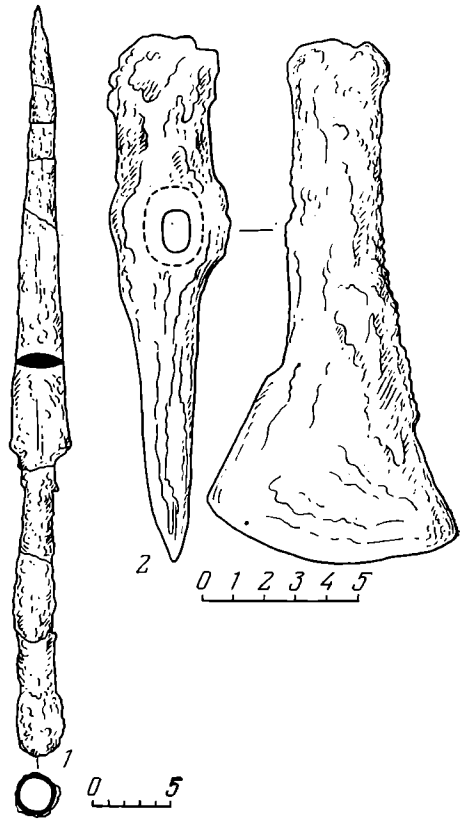



Рис. 5. Китаевка, кург. 5, погр. 6

[11] Там же, стр. 298, 299.

[12] *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки в Триалети. I. Опыт периодизации памятников. Тбилиси, 1941, стр. 28, рис. 30, *8*; *Е. П. Алексеева.* Позднекобанская культура Центрального Кавказа. Уч. зап. ЛГУ, 85, 1949, серия истор. наук, 13, 1949, табл. IX, *68*; *ее же.* Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии. Труды КЧНИИИЯЛ, V, серия историческая. Ставрополь, 1966, стр. 134, 135, рис. 1, *1*; стр. 169; *В. Б. Виноградов.* Сарматы..., стр. 60; *Б. В. Техов.* Ук. соч., стр. 266, 268, рис. 103, *2*; *М. П. Абрамова.* Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры. Сб. «Археологические исследования на Юге Восточной Европы». М., 1974, стр. 118, рис. III, *12*; стр. 119, рис. IV, *4, 5*; стр. 121, рис. VI, *21*; стр. 122, рис. VII, *3*; стр. 123, рис. VIII, *20*.

[13] *П. С. Уварова.* Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, табл. XXIII, *5*; LXXVII, *5*; *В. Б. Виноградов.* Сарматы..., стр. 60.

[14] *М. Г. Мошкова.* Раннесарматские бронзовые пряжки..., стр. 293, 300—305, рис. 2, *1—3, 6*.

[15] *А. М. Хазанов.* Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, 4, стр. 58, 59, 62, 64.

[16] *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры..., табл. 28, *10—12, 15*.

[17] *А. М. Хазанов.* Генезис..., стр. 58, 59, 64.

[18] *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры..., табл. 27, *12—14*.

[19] По мнению Е. Н. Черных, любезно давшего консультацию по технике изготовления украшения, публикуемая вещь отлита по утраченной восковой модели.

[20] *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры..., табл. 20, *21, 22*.

[21] *Е. П. Алексеева.* Позднекобанская культура.., стр. 191, табл. IX, *16* (III в. до н. э.); *Е. И. Крупнов.* Ук. соч., стр. 470, табл. XLVIII, *8*; *Б. В. Техов.* Об ажурных поясных пряжках из Юго-Осетии. СА, 1969, 4, стр. 58, рис. 4, *3*; *В. Б. Виноградов.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., стр. 277, 278, рис. 52, *6*, *10*; 58, *3*, *5*; 60, *1*; 66, *5*, *6*; *О. М. Давудов.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачка-

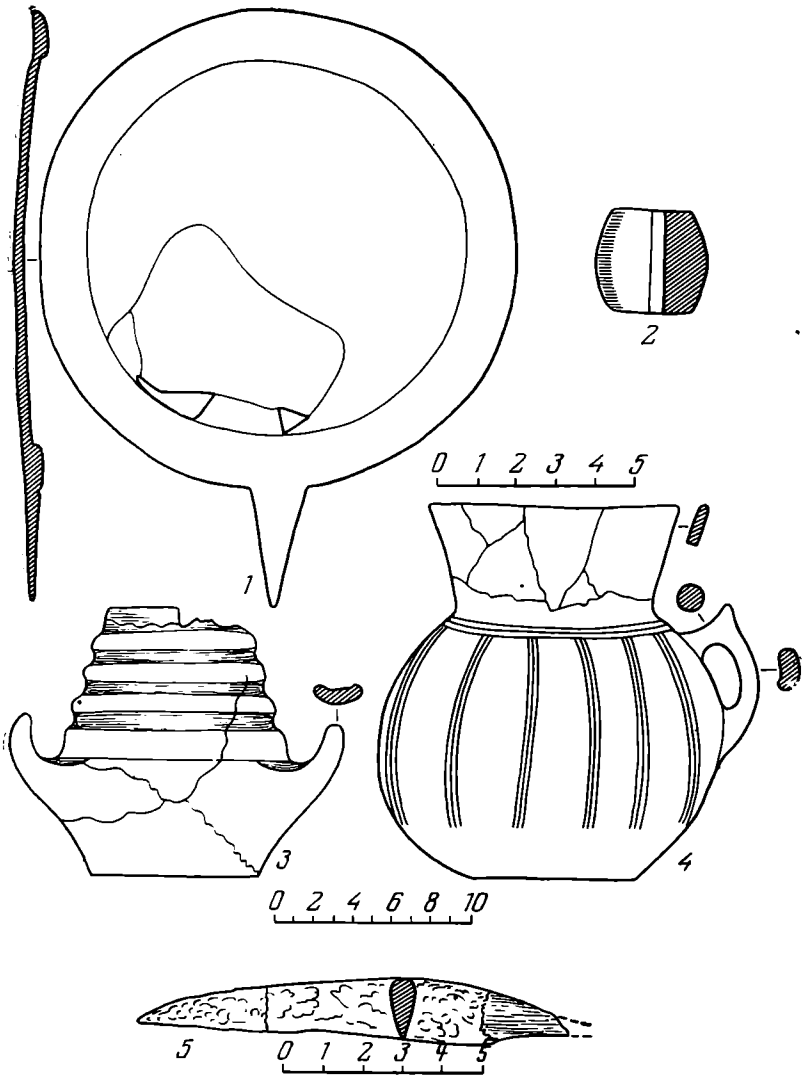



Рис. 6. Китаевка, кург. 7, погр. 7

на Северном Кавказе, главным образом в памятниках позднекобанского времени[22].

В том же захоронении было найдено бронзовое литое кольцо диаметром 7,2 *см*, украшенное в 13 местах тройными шишечками. На двух шишечках к кольцу была присоединена литая бронзовая подвеска в форме скифо-сарматского котла со сферическим туловом, поддоном и двумя вертикальными ручками (рис. 4, *1*). Бронзовые кольца, украшенные шишечками, найдены в значительном количестве на территории Восточной Европы в памятниках IV в. до н. э.— III в. н. э.[23] По мнению Ю. В. Кухаренко, Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы. СА, 1959, 1, стр. 36, 37, рис. 2, *17, 18, 22—24*; *В. Г. Петренко.* Культура племен правобережного среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э. МИА, 96, 1961, стр. 72, 73, рис. 5, *3*, сноска 144; *Н. А. Богданова, И. И. Гущина.* Раскопки могильни-

ла, 1974, стр. 74, 75; табл. XII, *13, 14*; XVII, *17*; XIX, *54, 57, 63, 90*; *Е. Г. Пчелина.* Погребальные комплексы из Сохта, Урсдзуар и Рук Юго-Осетии. Изв. ЮОНИИ АН ГССР. XV. Цхинвали, 1968, стр. 136, 137, табл. II, *2*; *М. П. Абрамова.* Ук. соч., стр. 7, 117, рис. II, *1*.

[22] *В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев.* Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии. СА, 1964, 1, стр. 160, 161, рис. 3, *6*; ср. *В. Б. Виноградов.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., стр. 277.

[23] *Ю. В. Кухаренко.*

ренко, эти находки были следствием импорта с территории латенской культуры [24]. В Закавказье и на Северном Кавказе изделий такого вида найдено немного [25]. При этом можно отметить, что, судя по находкам в Хртаноцком и Куланурхвском могильниках, здесь они появляются раньше, чем латенские образцы в Восточной Европе. Кроме того, определенная часть их играла роль подвесок («медальонов», по А. А. Мартиросяну) [26], а не ручных и ножных браслетов или перстней, как это можно предположить для Европы [27].

Аналогий котловидной подвеске в сарматских степях и на Кавказе немного [28].

Набор бус (рис. 7) из погр. 2 в кург. 6 и из погр. 7 в кург. 7 у Китаевки укладывается в рамки II — первой половины I в. до н. э.; из погр. 5 в кург. 1 у Новоселицкого — в пределы III—II вв. до н. э.[29]

Представляет интерес найденная в погребениях керамика. Тарелочка из погр. 6 кург. 5 у Китаевки (высота 4,5, диаметр по краю 18,4, диаметр дна 4 *см*) орнаментирована по тулову ниже края прочерченной горизонтальной ломаной бороздкой, бортик орнаментирован прочерченными линиями, образующими четыре группы концентрических полуокружностей, рассекаемых параллельными прямыми линиями. Такими же бороздками эти группы отделяются друг от друга. Поверхность желто-серая лощеная, тесто в изломе плотное, темно-серое, с большим количеством мелкого песка. Возможно, тарелочка была изготовлена на круге (рис. 3, *11*). Некоторые аналогии ей можно найти в погребениях прохоровской культуры [30], большое количество похожих изделий найдено и на Северном Кавказе [31].

---

ков первых веков нашей эры в Юго-Западном Крыму в 1960—1961 гг. СА, 1964, 1, стр. 326—328, рис. 2, *5, 6*; *И. И. Гущина.* Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников). Сб. «Археологические исследования на Юге Восточной Европы». М., 1974, стр. 42, 129, 135, 136, 138, 139, 142, 143, рис. III, *13*; IX, *1*; X, *8, 9*; XII, *41, 42*; XIII, *26, 40*; XVI, *10, 13*; XVII, *7*.

[24] *Ю. В. Кухаренко.* Ук. соч., стр. 41.

[25] *А. А. Мартиросян.* Раскопки в Головино. Ереван, 1954, стр. 24, табл. V, *28*; стр. 28, табл. VIII, *6*. Дата Хртаноцкого могильника — VII—VI вв. до н. э.; *М. М. Трапш.* Труды, I. Сухуми, 1970, стр. 105, 106, 147, табл. III, *9*. Дата Куланурхвского могильника — VIII — первая половина VI в. до н. э.; *В. Б. Виноградов, С. Л. Дударев, Х. М. Мамаев, В. А. Петренко.* Археологические разведки в Чечено-Ингушетии. АО — 1973, М., 1974, стр. 102, 103; *они же.* Отчет об археологических разведках, раскопках и охранных работах в Чечено-Ингушетии в 1973 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4979, стр. 45, 47, рис. 47, *8* (III—II вв. до н. э.).

[26] *А. А. Мартиросян.* Ук. соч., стр. 24. В фондах Ставропольского краеведческого музея (инв. № 15427) хранятся материалы из разрушенного погребения раннего железного века у хут. Кочубей Левокумского района, в том числе аналогичное бронзовое кольцо, лежавшее, по сведениям находчиков, на грудных костях скелета.

[27] См. сноску 21, а также: *R. Pittioni.* La Tène in Niederösterreich. Wien, 1930, S. 88—90, 108, 109, 133, Abb. 12, *2, 3*, Taf. VI, *3, 10—12*; *M. Jahn.* Die Kelten in Schlesien. Leipzig, 1931, S. 20, Abb. 13, *5*, Taf. XI, *3*; *K. Bittel.* Die Kelten in Württemberg. Berlin und Leipzig, 1934, S. 79, Taf. 19, *14*; *J. Filip.* Keltové ve střední Evropě. Praha, 1956, S. 137—144, 174—176, tab. XXV, *14, 15*; XXVIII, *3*; LXXXII, *10*; XCVII, *8*; CIV, *11, 12, 14, 15, 18*; CXXVII, *31—34*. Ср.: *М. И. Вязьмитина.* Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. ВССА, стр. 239, табл. VI, *2*, стр. 240.

[28] *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры..., стр. 46, табл. 32, *32*; *В. Б. Виноградов, С. Л. Дударев, Х. М. Мамаев, В. А. Петренко.* Ук. соч., стр. 102; *их же.* Ук. отчет, стр. 45, рис. 46, *2* (IV—III вв. до н. э.). Аналогичная подвеска, происходившая из разрушенного могильника IV—I вв. до н. э. у хут. Херсонского в Буденновском р-не Ставропольского края, была передана местными жителями сотрудникам Ставропольской экспедиции ИА АН СССР летом 1975 г.

[29] Приносим благодарность Е. М. Алексеевой за любезную консультацию по датировке бус.

[30] *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры..., стр. 14, рис. 9, *3*; табл. 11, *8—10* (III—II вв. п. э.).

[31] *К. Ф. Смирнов.* Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА. 23, 1951, стр. 268—270, рис. 22, *5—7*; 23; *А. П. Рунич.* Сарматские катакомбы на берегу р. Юцы. СА, 1961, 1, стр. 268, 269, рис. 2, *10* (датировка автора — I—II вв. н. э.); *В. Б. Виноградов.* Сарматы..., стр. 41 (IV — па-

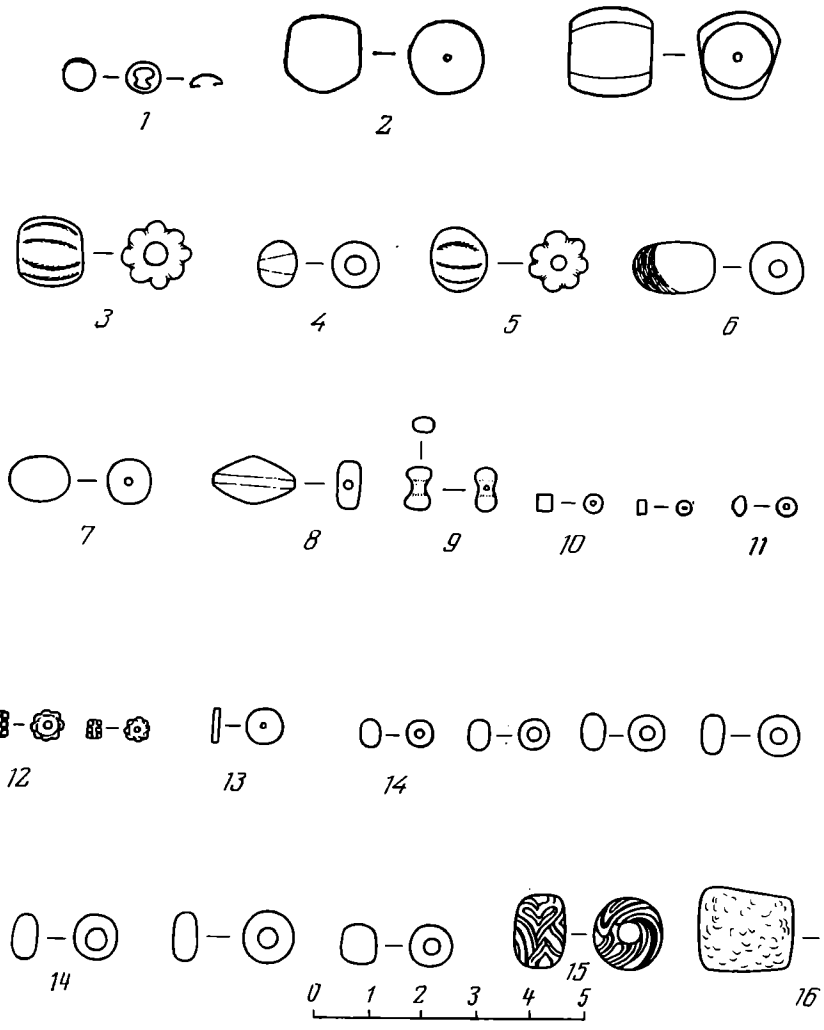



Рис. 7. Бусы и другие мелкие украшения: *1* – Китаевка, кург. 6, погр. 1; *2–5* – Китаевка, кург. 6, погр. 2; *6–12* – Китаевка, кург. 7, погр. 7; *13–16* – Новоселицкое, кург. 1, погр. 5. *1* – бронза (6 шт.), *2* – гагат (2 шт.), *3* – глухое белое стекло (1 шт.), *4* – прозрачное бесцветное стекло (1 шт.), *5* – прозрачное светло-зеленое стекло (1 шт.), *6* – оникс (1 шт.), *7* – сердолик (1 шт.), *8* – прозрачное желтовато-зеленое стекло (1 шт.), *9* – гагат (3 шт.), *10* – прозрачное темное-синее стекло (15 шт.), *11* – прозрачное желтое стекло с внутренней позолотой (1 шт.), *12* – прозрачное стекло с внешней позолотой (12 шт.), *13* – гагат (206 шт.), *14* – прозрачное бесцветное стекло с внутренней позолотой (7 шт.), *15* – глухое стекло с черно-бело-красно-желтым орнаментом (1 шт.), *16* – известняк или мел (?) (1 шт.)

Не совсем обычен большой серолощеный кувшин из той же могилы. Он имеет яйцевидное, несколько асимметричное тулово, плоское дно, слив и петлеобразную ручку с выступом, прямоугольную в сечении. Высота кувшина 39,2 *см* (со сливом 42,4 *см*), диаметр тулова до 31,5, диаметр дна 14,6, диаметр устья 14,5 *см*. Поверхность желто-серая в верхней части и темно-серая до черной — в нижней. Тесто в изломе темно-серое с желтым оттенком, плотное (рис. 3, *9*).

---

чало I в. до н. э.); *В. Б. Виноградов, В. А. Петренко.* Отчет о полевых работах 1-го отряда археологической экспедиции ЧИНИИИЯЛ летом 1970 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4535, стр. 8, 10, 12, 13, 16, 18, рис. 13, *16, 17;* 15, *5;* 16, *1;* 18, *13, 15* (авторы отчета датируют погребения данной группы Ханкальского могильника II — началом I в. до н. э.).

Между погребенными в могиле 7 кург. 7 у Китаевки стоял серолощеный сосуд с плоским дном, шаровидным туловом и высоким расширяющимся кверху горлом. Боковая ручка петлевидная, с выступом, в сечении плоская ниже выступа и круглая выше его. Сосуд орнаментирован прочерченными линиями: три горизонтальных параллельных ниже горла, от которых спускаются в 12 местах по три вертикальных параллельных линии (рис. 6, *4*). Тесто в изломе желтовато-серое, рыхлое, с примесью песка. Высота сосуда 19, наибольший диаметр тулова 17,4, высота горла 5,5 диаметр дна 8,4 диаметр устья 12,4 *см*. Несмотря на распространенность подобного орнамента в сарматскую эпоху, близких аналогий сосуду, прежде всего на Северном Кавказе, немного [32].

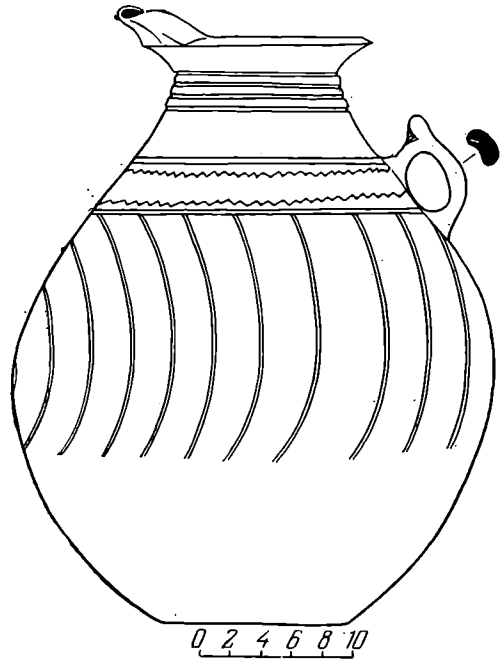


Рис. 8. Китаевка, кург. 7, погр. 5

В погребении 5 того же кургана был найден большой серолощеный кувшин (рис. 8) с яйцевидным туловом, плоским дном, резко отогнутым венчиком и аккуратно оформленным сливом. Ручка петлевидная, плоская, с выступом. Кувшин, видимо, был изготовлен на круге. Горло под венчиком украшают четыре параллельные горизонтальные каннелюры. Ниже, на уровне ручки, прочерчены горизонтальные параллельные бороздки — две ломаных между двумя парами прямых. От них по тулову в 22 местах спускаются по две прочерченные несколько вкось параллельные линии. Высота сосуда со сливом 40,5, высота слива 2,9, наибольший диаметр тулова 30,5, диаметр дна 12,0, диаметр устья 14,3 *см*. Поверхность темно-серая со светлыми пятнами. Тесто в изломе плотное, светло-серое с желтым оттенком, с примесью частиц мела или извести. Аналогии сосуду немногочисленны [33]. Видимо, очень близок ему был сосуд из погр. 2 кург. 6 (рис. 4, 7). Его размеры и детали формы (прежде всего наличие слива) полностью не установлены. Наибольший диаметр тулова 30, диаметр дна 11 *см*.

Особого внимания заслуживает ритуальный сосуд из погр. 7 в кург. 7 у Китаевки, поставленный в ногах северного погребенного (рис. 6, *3*). Сосуд имел плоское дно, биконическое тулово и две ручки-выступа. Верхняя часть сосуда украшена тремя глубокими горизонтальными каннелюрами. Поверхность желтовато-серая с темно-серыми и охристо-желтыми

---

[32] *Е. П. Алексеева.* Памятники..., стр. 148, 149, рис. 7, *1*; стр. 173 (автор считает похожий сосуд самым поздним предметом из Коба-Башинского склепа); *Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт.* Курганы у станицы Мекенской. Сб. «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963, стр. 22, 23, рис. 8, *2* (датировка IV—II вв. до н. э.); *А. Л. Нечитайло.* Отчет о раскопках курганов у с. Нижняя Татарка Ставропольского края в 1967 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3854, стр. 10—12, рис. 13, *2* (судя по инвентарю, погр. 5 кург. 2 является наиболее ранним из погребений сарматского времени, раскопанных у с. Нижняя Татарка).

[33] *И. В. Синицын.* Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, 60, 1959, стр. 150, 151, рис. 51, *2*; стр. 202 (погребение датируется среднесарматским периодом); *М. П. Абрамова.* Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972, стр. 51, рис. 3, *70* (I в. до н. э.); *В. Б. Виноградов, В. А. Петренко.* Ук. отчет, стр. 16—18, рис. 18, *11* (погребения данной группы Ханкальского могильника датируются авторами II в. до н. э.— началом I в. н. э.).

пятнами, довольно грубо заглажена и местами подлощена. Тесто в изломе темно-серое, рыхлое, с примесью шамота и мела. Высота сосуда 13,9, диаметр дна 8,4, диаметр устья 6,6, диаметр тулова 11,5, наибольшая ширина (с ручками) 16,8 *см*. В сосуде было найдено семь небольших необработанных обломков желтого песчаника с темными пятнами, которые можно принять за следы пребывания камней в огне. На исконно сарматской территории близкие по форме сосуды немногочисленны, однако примечательно, что некоторые из них имели сходную ритуальную функцию [34]. Нам кажется, что при выяснении генезиса ритуальных сосудов специализированных форм на Северном Кавказе необходимо привлекать и некоторые аналогии в собственно сарматских землях. Тем не менее основное количество похожих сосудов, часто содержавших обожженные камешки, найдено в памятниках меото-сарматского времени Центрального и Восточного Предкавказья [35].

Сам обряд положения камешков, часто обоженных, в могилу, зафиксированный также в погр. 6 кург. 5 у Китаевки, может быть сопоставлен с обычаем класть в могилы каменные или глиняные «молоточки» у прохоровских племен в конце IV—II в. до н. э.[36], возможно восходящим к аналогичному савроматскому ритуалу [37]. Гораздо более близким является сходство с известным погребальным обычаем, широко распространенным на Северном Кавказе с начала железного века [38], при этом его объяснение можно найти в кавказских этнографических наблюдениях [39]. Последнее относится и к находке человеческого коренного зуба с окрашенными в красный цвет корнями в погр.7 кург. 7 у Китаевки [40].

Завершив анализ наиболее выразительной части погребального инвентаря, можно предложить датировку публикуемых могил, учитывая всю сумму аналогий для каждого комплекса. Вероятно, погребения в курганах у с. Китаевка можно предположительно отнести ко времени около II в. до н. э., погр. 5 в кург. 1 у Новоселицкого — к III—II вв. до н. э. погр. 1 в кург. 2 у Новоселицкого — IV—III может быть, к IV — II вв. до н. э. Включение IV в. до н. э. в датировку новоселицкого по-

---

[34] *И. В. Синицын.* Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, 78, 1960, стр. 27, 28, рис. 8, *2*; *М. Г. Мошкова, Г. В. Кушаев.* Сарматские памятники Западного Казахстана. Сб. «Проблемы археологии Урала и Сибири». М., 1973, стр. 259, рис. 1, *6*; стр. 266 (III—II вв. до н. э., датировка основана на аналогиях из Приаралья и усуньских погребений); ср. *К. Ф. Смирнов.* Сарматы на Илеке, стр. 68—70, рис. 22, *4*; стр. 125, 126, рис. 47, *1*; стр. 171.

[35] *Е. П. Алексеева.* Памятники..., стр. 146, рис. 5, *2, 3*; стр. 147, 171, 172. Автор считает, что Коба-Башинский склеп содержит вещи III в. до н. э.— IV в. н. э., но предлагает датировать его рубежом III—IV вв. н. э. (стр. 175). Ср.: *ее же.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, стр. 67, 68; *В. Б. Виноградов, В. А. Петренко.* Ук. отчет, стр. 53, 54, рис. 54, *1* (авторы датируют материалы, собранные на поселении у с. Кулары, последними веками до нашей эры — I в. н. э.); *М. П. Абрамова.* Ук. соч., стр. 19, 20, рис. 4, *17, 35, 67*; рис. 12, *15, 39* (I в. до н. э.— I в. н. э.). Два аналогичных сосуда происходят из упоминавшегося могильника у хут. Херсонка на Ставрополье.

[36] *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры..., стр. 46, табл. 32, *15, 41—48*.

[37] *К. Ф. Смирнов.* Савроматы..., стр. 255.

[38] *Н. В. Анфимов.* Меото-сарматский могильник..., стр. 159, 168, 170, 188, 202; *его же.* Протомеотский могильник с. Николаевского. В кн. «Сборник материалов по археологии Адыгеи», II. Майкоп, 1961, стр. 115; *К. Ф. Смирнов.* Меотский могильник у станицы Пашковской, стр. 296—299; *Е. П. Алексеева.* Памятники..., стр. 180; *ее же.* Древняя и средневековая история Карачево-Черкесии..., стр. 51, 68, 75; *М. П. Абрамова.* Ук. соч., стр. 12.

[39] См., например, *С. А. Хасиев.* О некоторых древних чеченских оберегах (к вопросу о пережитках первобытных культов у вайнахов). АЭС. III, Грозный, 1969, стр. 184.

[40] *Е. И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа..., стр. 367, 368; *В. Б. Виноградов.* Место египетских амулетов в религиозно-магической символике кавказцев. АЭС, II. Грозный, 1968, стр. 44, 45.

гребения опирается на аналогии бронзовой ворворке и костяному портупейному кольцу [41].

Для полноты картины изложим здесь основные результаты изучения конских скелетов из погребений у Китаевки [42]. Судя по основным показателям, лошади, останки которых были здесь обнаружены, были чрезвычайно близки лошадям из курганов степной Скифии. Для них были характерны малый рост (высота в холке от 137,4 до 146,1 *см*, в среднем 141,7 *см*), тонкие или средние по толщине ноги (16,0; 14,3; 11,1 *см*), большая складчатость эмали коренных зубов. Последняя деталь могла проявиться в результате развития животных в местах с обильным и относительно влажным кормом. Если учесть тонконогость и средненогость лошадей, то такими местами и являются сухие открытые пространства Ставрополья с травянистыми поймами многочисленных степных рек.

Исследование антропологических материалов не проводилось.

Полученный при раскопках курганов по р. Томузловке материал отличается прежде всего сложностью, и эта сложность, видимо, отражает особенности этноисторической ситуации на Северном Кавказе в скифо-сарматское время. Так, в обряде погребений, который в целом может быть назван сарматским, имеются и черты, встречающиеся в данное время преимущественно на Северном Кавказе (гальки и камешки в ритуальном сосуде специальной формы, может быть, положение костяка в погр. 4 кург. 5 у Китаевки). То же можно сказать и об инвентаре. В публикуемых комплексах, по нашему мнению, сочетаются, во-первых, элементы собственно сарматского, в том числе савроматского и прохоровского, происхождения (продолжающие бытовать здесь, скажем, у сираков, после завершения прохоровского этапа); во-вторых, элементы, безусловно, тяготеющие к культуре северокавказских аборигенов, причем удельный вес их значителен; в-третьих, элементы, ставшие на каком-то историческом этапе общими для населения как степей, так и собственно Предкавказья. Исследованные захоронения были, видимо, оставлены сарматами, подвергшимися довольно сильному влиянию кавказской аборигенной культуры.

Подобные, пока немногочисленные материалы по мере их накопления позволят, на наш взгляд, рассмотреть проблему контактов степного населения и кавказских племен не только в привычном плане влияния и проникновения степного населения в Предкавказье, но и в плане противоположного воздействия. Вопрос об определенной общности развития в степях и предгорьях Кавказа в скифо-сарматское время должен быть глубоко исследован, и для этого, как показывают новые материалы [43], необходимо расширить археологическое изучение северокавказских степей.

---

[41] *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры, табл. 21, *5*; стр. 10, рис. 3, *3*; *М. Г. Мошкова, Г. В. Кушаев.* Ук. соч., стр. 262, рис. 3, *9*; стр. 264.

[42] Исследование проводил канд. биол. наук С. К. Даль (г. Ставрополь), которому мы приносим благодарность за любезное разрешение опубликовать результаты. Подробнее см.: *С. К. Даль.* Отчет об обработке костного материала из археологических раскопок, проведенных Ставропольским краеведческим музеем имени Г. К. Праве в 1972 г. Приложение к отчету: *А. В. Найденко.* О раскопках курганов у с. Китаевки Ставропольского края. Архив ИА АН СССР, р-1, д. № 4886, стр. 45—57.

[43] *В. Г. Петренко, А. В. Найденко, Л. В. Куйбышев, А. В. Чернецов, Ю. Ю. Моргунов, Г. Н. Пронин.* Раскопки кургана у с. Александровское. АО — 1973, М., 1974, стр. 123—124; *В. Г. Петренко.* Ставропольская экспедиция. АО — 1974, М., 1975, стр. 125; *ее же.* Памятники раннескифской культуры на Ставрополье. В кн. «Археология Северного Кавказа». VI Крупновские чтения в Краснодаре (тезисы докладов). М., 1976, стр. 46, 47; *А. В. Гадло, А. В. Найденко, В. Н. Гусаров, О. А. Кудло.* Работы в Ставропольском крае. АО — 1973, М., 1974, стр. 103, 104; *А. В. Найденко.* Раскопки на Грушевском городище под Ставрополем. Тезисы докладов IV Крупновских чтений по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974, стр. 34—36; ср. *В. Б. Виноградов.* К изучению взаимоотношений между аборигенами Центрального Кавказа и ираноязычными степняками в раннем железном веке. Там же, стр. 7—9.

*V. A. Koréniako, A. V. Naïdenko*

# LES INHUMATIONS DU DEBUT DE L'AGE DU FER DES KOURGANES DE LA TOMOUZLOVKA

(Region de Stavropol)


## Résumé

On publie dans cet article des sépultures du début de l'Age du Fer, mises au jour dans les kourganes situés sur les bords de la rivière Tomouzlovka, près des villages de Kitaevka et de Novosélitzkoié (région de Stavropol, partie centrale du Caucase septentrional). On date ces inhumations du IVe au IIe s. av. n. è. Leur mobilier est formé par des céramiques, parmi lesquelles se trouve un vase rituel contenant des petites pierres calcinées, ainsi que par des armes de fer (une pointe de lance, une épée, une hache, des pointes de flèches), différents ornements (un bracelet d'or, des pendeloques et des plaques en bronze, des perles de verre et de pierre). Ces tombes ont été vraisemblablement laissées par des Sarmates, fortement influencés par la culture caucasienne aborigène. Le rite et le mobilier des sépultures ont une importance incontestable pour résoudre certains problèmes concernant l'histoire à l'époque sarmate des steppes situées au pied du Caucase, et avant tout pour reconstituer les rapports existant entre les populations du Caucase et celle de la steppe.

М. М. КРЫМИНА

# ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМЫ ИЗ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Коллекция литейных форм, публикуемых в настоящей работе, составлена в результате работ Поволжской археологической экспедиции в золотоордынских городах Нижнего Поволжья. Большая часть ее хранится на кафедре археологии МГУ[1], дополнительно привлечены доступные нам материалы из Государственного Эрмитажа, а также известные по публикациям. Из материалов четырех золотоордынских городищ — Селитренное (Сарай-Бату), Царевское (Сарай-Берке), Водянское (Бельджамен?) и Увек — в настоящую публикацию вошло 18 экземпляров каменных литейных форм, как целых, так и фрагментов, и две глиняные. Они представляют собой почти полный свод литейных форм Золотой Орды; неучтенными остались отдельные экземпляры из фондов местных музеев (Волгоградского, Саратовского и Астраханского) и Государственного Эрмитажа. Несколько экземпляров форм уже опубликовано в статьях Г. А. Федорова-Давыдова, посвященных раскопкам в золотоордынских городах [2]. Формы из Государственного Эрмитажа опубликованы Б. Д. Грековым и Ю. А. Якубовским [3]. Однако они помещены в комплексе со всем материалом, без описания и разбора технологических особенностей.

При изготовлении отливок золотоордынские мастера использовали как открытые формы, так и двусторонние различных конструкций. Наиболее просты по конструкции односторонние литейные формы, технологический процесс получения отливок в которых несложен. Характерной особенностью этих форм является отсутствие литниковых каналов. Металл наливался прямо в горизонтально лежащую форму, и оборотная сторона изделий получалась неровной и ноздреватой [4].

1. Литейная форма [5] найдена в 1964 г. на территории Царевского городища (Р—I, 3/25) [6]. Она представляет собой массивную плитку прямоугольных очертаний, конец обломан (60×45×7 *мм*). На широкой плоскости вырезано глубокое ложе со слегка скошенными вертикальными стенками для отливки прямоугольной пластины размерами 45×35 *мм*. Форма изготовлена из темно-серого сланца.

Литые пластины-заготовки часто встречаются среди золотоордынских материалов [7]. Интересно отметить, что подобные формы зафиксированы

---

[1] Автор приносит благодарность Н. В. Рындиной за помощь, оказанную при исследовании этой коллекции.

[2] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг. СА, 1964, 1; *его же.* Новый Сарай по раскопкам 1963—1964 гг. СА, 1966, 2.

[3] *Б. Д. Греков, Ю. А. Якубовский.* Золотая Орда и ее падение. М.— Л., 1950.

[4] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло Древней Руси, М., 1948, стр. 147.

[5] Хранится в Волгоградском краеведческом музее. Опубликована в статье Г. А. Федорова-Давыдова. (*Г. А. Федоров-Давыдов.* Новый Сарай..., стр. 246, рис. 10, *1*).

[6] Шифр коллекционной описи: Р — раскоп, в числителе — штык, в знаменателе — квадрат; п/м — подъемный материал.

[7] *Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский.* Ук. соч., рис. 3.

среди инструментов чеканщиков аула Кубачи, предназначены они также для литья пластин-заготовок [8].

2. Литейная форма также найдена в 1964 г. на территории Царевского городища (Р-1, яма № 5) [9]. Представляет собой прямоугольную плитку (40×30×5 *мм*). В центре на широкой плоскости помещено ложе, образованное двумя концентрическими окружностями, в сечении — полукруг (диаметр ложа 20 *мм*). Длинные стороны прямоугольника соединяет желобок, расположенный около края плитки. Форма изготовлена из белого мелкозернистого известняка. Поскольку на литейной плитке отсутствуют следы скрепления со второй створкой, а также литниковые каналы, форма может быть отнесена к типу открытых.

В этом случае в ней отливалась нашивка круглой формы, одна сторона которой была выпуклой, а другая, прикрепляемая к ткани или ремню,— плоской. Назначение желобка остается неясным. Однако одна сторона литейной плитки обломана, и там могли располагаться отверстия для скрепления или литник, т. е. мы можем допустить, что плитка является створкой двухсторонней формы. В этом случае она служила для отливки кольца диаметром 20 *мм* и стержня круглого сечения.

Разъемные каменные формы использовались довольно часто, этот тип форм преобладает в нашем материале.

В двухсторонних формах отливали, как правило, выпуклые вещи. Чтобы обе половинки изделия точно совпали (если вещь орнаментирована, то это особенно важно) и последующая доработка вещи, связанная с удалением литейных заусенцев, была меньше, большое значение приобретает точная подгонка обеих створок формы. Достигалось это при помощи скрепления створок штифтами. Литейные формы, скрепляемые штифтами, имеют по краям круглые отверстия: сквозные, выходящие на торцевые грани бруска, или просто углубления. Это приспособление значительно улучшало качество отливок.

3. Литейная форма найдена в 1972 г. на территории Селитренного городища (п/м, № 259) (рис. 1, *1; 2, 1*). Представляет собой прямоугольную плитку (44×30 *мм*), оборотная поверхность сколота, толщина колеблется от 5 до 9 *мм*. На плоской широкой стороне плитки сохранилось два медальона для отливки украшений. Медальоны, по форме близкой к овальной, слегка заостренной на концах, заполнены резным геометрическим орнаментом, выполненным четко, изящно и без погрешностей, что говорит об уверенной руке опытного мастера. В четырех углах плитки симметрично расположены четыре сквозных отверстия от штифтов. Поскольку на имеющейся створке формы литниковый канал отсутствует, то естественно предполагать, что он располагался на утраченной половинке. Форма изготовлена из темно-серого сланца.

4. Литейная форма найдена на территории Селитренного городища в качестве подъемного материала. В настоящее время хранится в Астраханском краеведческом музее. Представляет собой брусок неправильных очертаний, близких к прямоугольным. На широкой грани бруска сохранилось гнездо для отливки монетовидной привески-медальона. В центральной части украшения помещен орнамент в виде пересекающихся овалов, так называемый «узел счастья» — типичный монгольский узор. От узкой грани бруска формы к ложу для отливки привески прорезан полукруглый литниковый канал. По углам бруска формы имеются отверстия для соединительных штифтов. Материал формы — белый известняк.

Интересно отметить, что створка формы для отливки совершенно аналогичной привески была найдена в Старой Рязани [10].

---

[8] *Н. Бакланов.* Златокузнецы Дагестана. М., 1948, стр. 147.

[9] Хранится в Волгоградском краеведческом музее, опубликована (см. *Г. А. Федоров-Давыдов.* Новый Сарай..., рис. 10, *2*).

[10] *А. Я. Монгайт.* Старая Рязань. МИА, 49, М., 1955, стр. 137, рис. 100, 2.

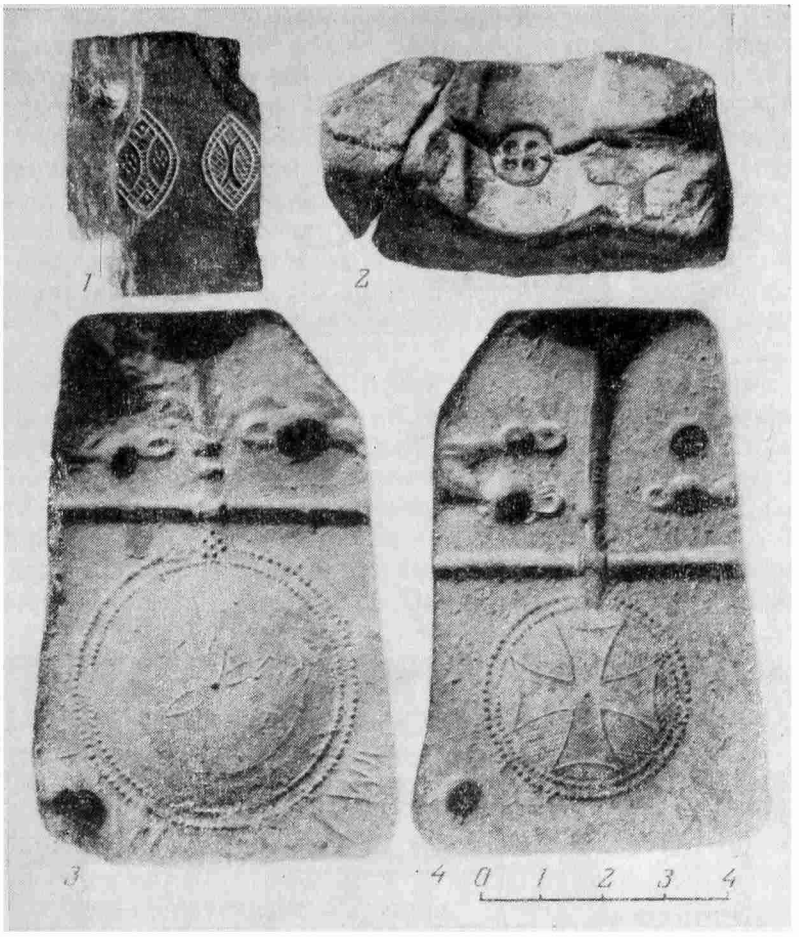



Рис. 1. *1* – литейная форма 3; *2* – литейная форма 6; *3*, *4* – литейная форма 5. (Фото)

5. Особенно хорошо и тщательно выполнена литейная форма, найденная в 1974 г. на территории Водянского городища в качестве подъемного материала (№1) (рис. 1, *3*, *4*; 2 *3*, *4*). Представляет собой массивную трапециевидную плитку, длина сторон 87, 33, 83, 55 *мм*; толщина 22 *мм*. Обе плоскости плитки использовались как створки литейных форм для отливки нескольких изделий.

На одной трапециевидной плоскости (рис. 1, *4*; 2, *3*) в центре нижней части вырезано ложе для отливки круглого медальона (диаметр 34 *мм*). В медальон вписана фигура мальтийского креста с точкой-ямкой посредине. Край медальона украшен двумя поясками точечных вдавлений. Свободное пространство медальона между лопастями креста покрыто орнаментом в виде косой плетенки.

Литник, отходящий от медальона вверх к узкому основанию трапеции, имеет вид постепенно расширяющегося полукруглого канала и выходит на боковую грань бруска формы, где для входа металла имеется геометрически правильное углубление в виде половины ромба. Медальон отливался вместе с петелькой для подвешивания, об этом свидетельствует каналец полукруглой формы, расположенный перпендикулярно литнику. Этот канал служил для вставки стержня, который препятствовал проникновению металла в ушко; чтобы металл мог обтечь стержень и проникнуть в форму, литник в месте пересечения с канальцем заглублен на 1,5 *мм*. Совершенно такой же медальон найден на территории Полоцкой земли [11].

[11] *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля. М., 1966, стр. 162, рис. 37, *17*.

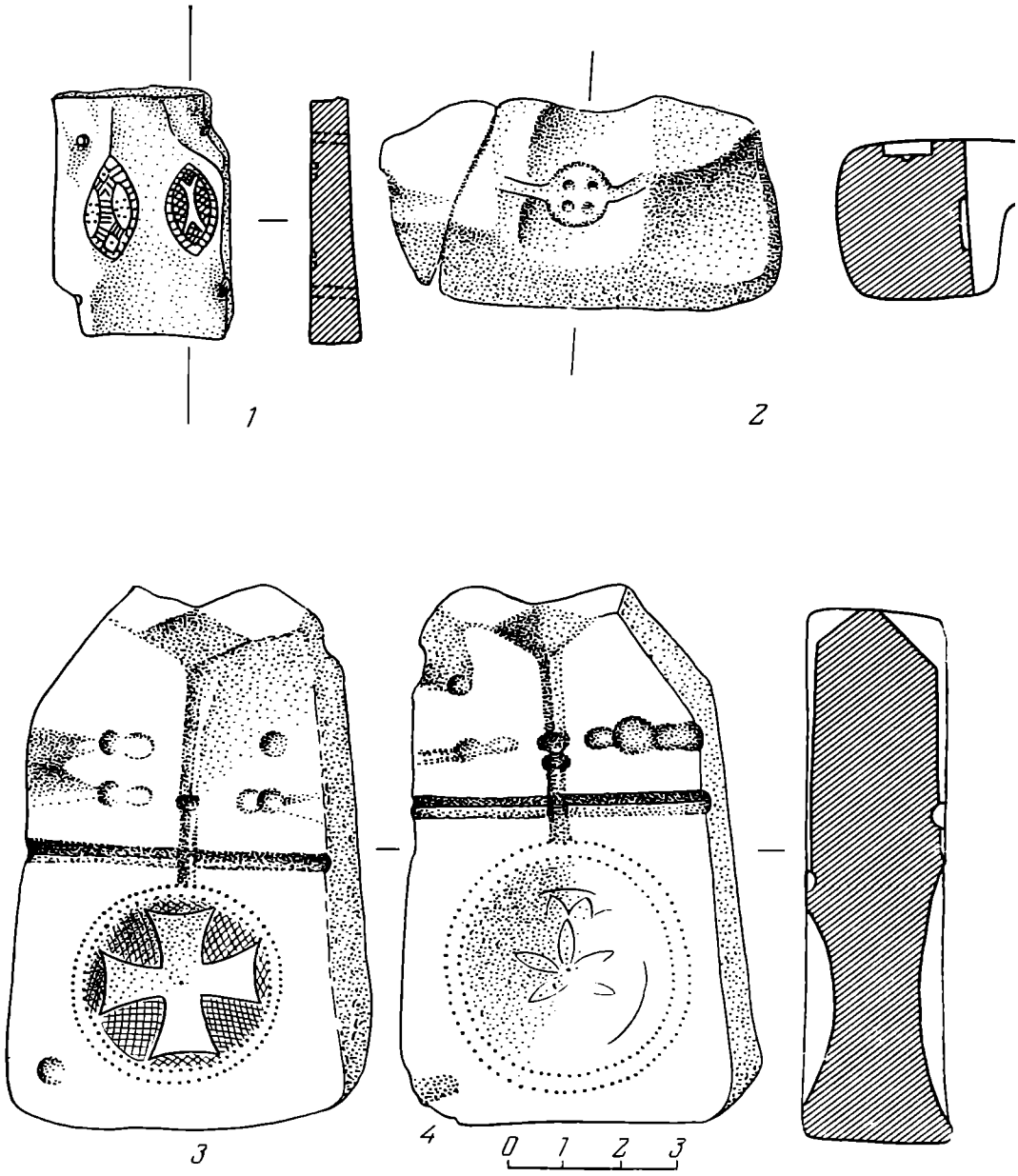



Рис. 2. *1* – литейная форма 3; *2* – литейная форма 6; *3*, *4* – литейная форма 5 (прорисп)

В правом верхнем углу трапециевидной плоскостп бруска формы и левом нижнем располагаются два круглых углубления для соединительных штифтов. В верхней части этой плоскости формы по обе стороны от литникового канала медальона располагаются несколько гнезд для литья мелких украшений: справа одно гнездо, слева два. Гнезда аналогичны друг другу и состоят из круглой бусины и проволочной петельки, вырастающей непосредственно пз нее. От противоположного конца бусины отходит короткий литниковый рукавчик, выходящий на боковую грань бруска формы.

Оборотная трапециевидная плоскость формы также сохранила несколько литейных гнезд (рис. 1, *3*; 2, *4*). В центре нижней части трапеции располагается ложе для отливки круглого медальона, весьма сходного с описанным выше: его литник и канал для стержня имеют аналогичное устройство. Отличие состоит в том, что медальон имеет больший

диаметр (45 *мм*) и другой орнамент, который в своей центральной части очень сильно стерт, однако может быть восстановлен по отдельным линиям. В центре медальона помещена шестилепестковая розетка, вписанная в окружность (диаметр 20 *мм*). Интересно, что розетка вписана в круг при помощи циркуля — точки от центровок циркуля хорошо заметны в бинокулярный микроскоп. Далее следует плохо различимая многолепестковая розетка, также вписанная в окружность (диаметр 30 *мм*). Треугольное пространство между окружностью и лепестками этой розетки было покрыто орнаментом из плетенки. Затем идет пояс свободного пространства (ширина 2 *мм*) и, наконец, широкий пояс косой плетенки (диаметр 40 *мм*). Край медальона украшен двумя поясками точечных вдавлений.

В верхнем и нижнем углах левой стороны этой плоскости формы имеются два круглых отверстия, выходящие на боковую грань формы, предназначенные для соединительных штифтов. По правую и левую сторону от литника медальона расположено по одному гнезду для литья украшений в виде бусины с петелькой, они аналогичны гнездам на противоположной трапециевидной плоскости формы.

Край этой плоскости формы, образованный широким основанием трапеции, покрыт резными насечками. Возможно, это знаки мастера-литейщика.

Угол верхнего основания трапеции скошен. В этом месте на торцевой грани бруска формы помещена тамга в виде незаконченной стрелочки с трехперым хвостом, она направлена сверху вниз. Длина тамги 17 *мм*.

На боковой грани формы, образованной широкими основаниями трапеций, имеется еще одна тамга, близкая по виду предыдущей. Она направлена справа налево, выполнена более глубокими линиями. Длина тамги 40 *мм*. Формы изготовлены из светло-серого известняка.

Хорошо знакомо было ювелирам улуса Джучи и литье в разъемные каменные формы со вставным стержнем.

6. Литейная форма, найденная в 1971 г. на территории Водянского городища (Р-II, яма № 3, № 9), предназначена для отливки перстня (рис. 1, *2*; 2, *2*). Представляет собой брусок неправильных, близких к прямоугольным очертаний (длина 65, ширина сторон 30 и 20, толщина 30 *мм*).

На одной из узких граней бруска сохранилось ложе полукруглой формы (диаметр 22 *мм*), в центре ложа вырезан круг (диаметр 10 *мм*) с четырьмя углубленными точками, от которого отходят в противоположные стороны канальца. Это, собственно, и есть литейное гнездо для отливки перстня-печатки с дужками. К нему с правой торцевой грани подведен был литник. Вторая половина дужки перстня помещалась на утраченной створке. Утраченная створка должна иметь аналогичное устройство, т. е. дужка перстня вырезана в глубоком ложе полукруглой формы.

При совмещении створок в сквозной цилиндрический вырез, образованный полукруглыми углублениями обеих створок, вставлялся круглый стержень. Он препятствовал проникновению металла, который, подаваясь через боковой литник, заполнял лишь не занятое стержнем гнездо перстня.

На широкой грани бруска имеющейся у нас створки сохранились три врезных углубления в виде кружков. Они представляют собой попытку мастера наметить еще несколько гнезд для отливки круглых предметов. Материал формы — белый мелоподобный известняк [12].

7. Литейная форма найдена в 1974 г. на территории Водянского городища (Р-II, 2/295 № 2, № 3), состоит из двух фрагментов, которые

[12] Аналогичная форма имеется в экспозиции Волгоградского краеведческого музея.

представляют собой брусок неправильных очертаний с двумя прямыми углами (рис. 3, *1, 2*; 4, *1, 2*). Размеры бруска 98, 59, 17, 23, 40, 30, 33, 66, толщина 27 *мм*.

На одной широкой плоскости бруска помещен глубокий желоб в форме полукруга (сохранившаяся длина 74, диаметр 20 *мм*).

На дне желоба вырезано два овальных медальона, в которых отливались щитки перстней-печаток, и три углубленных канала, которые служили для отливки дужек таких же перстней-печаток или половинок простых колец. С боковой узкой грани бруска формы к каждому литейному гнезду подведен литник, причем литниковые рукава собраны по три и при выходе на боковую грань образуют одно входное отверстие, через которое поступал металл.

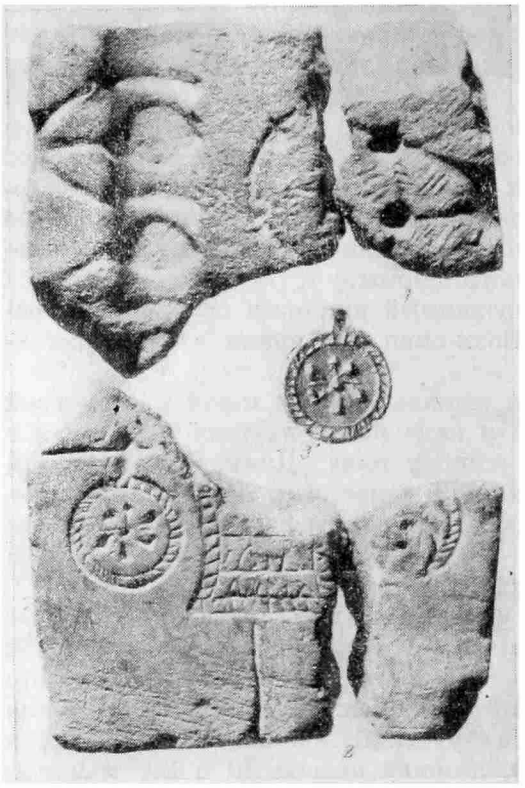


Рис. 3. *1, 2* – литейная форма 7; *3* – экспериментальная отливка, полученная в форме 7 (фото)

Принцип литья в этой форме совершенно аналогичен принципу предыдущей формы (рис. 5, *1*); однако здесь процесс усовершенствован: отливался не один, а сразу шесть перстней (возможно, и больше, так как форма далее продолжалась) [13].

Рядом с желобом для отливки перстней помещено еще одно ложе, предназначенное для литья подвески в виде кольца (диаметр 36 *мм*) с двумя круглыми бусинами. К каждой бусине подведен короткий и мелкий литниковый рукавчик, которые при выходе на боковую грань формы образуют одно отверстие для вливания металла. Таким образом, металл поступал через одно отверстие, но для быстрейшего заполнения литейного гнезда доставлялся к изделию по двум каналам.

На противоположной, широкой грани бруска формы также сохранилось несколько изображений (рис. 3, *2*; 4, *1*). Слева вырезана круглая бляшка (диаметр 28 *мм*), которая украшена шестилепестковой розеткой. В центре розетки и по краям лепестков имеются ямки-углубления, по краю бляшки идет орнаментальный пояс из косых насечек. К бляшке подведен литниковый канал в виде мелкого полукруглого желобка, перпендикулярно которому располагается прорезанная в камне черта — ложе для стержня, при помощи которого отливалась петелька. В месте пересечения литниковый желобок заглублен.

Рядом с изображением бляшки располагается угол еще одного украшения, вероятно медальона. Фрагмент украшен орнаментом из косых насечек и треугольников. К медальону ведет узкая канавка — литниковый рукав. Около самого края формы сохранился маленький фрагмент укра-

[13] Створка литейной формы для отливки нескольких перстней при помощи одного стержня найдена на территории золотоордынского городища Маджары, в Предкавказье (*Е. И. Крупнов*. Первые итоги изучения восточного Предкавказья. СА, 1957, 2, стр. 168, рис. 8, *3*).

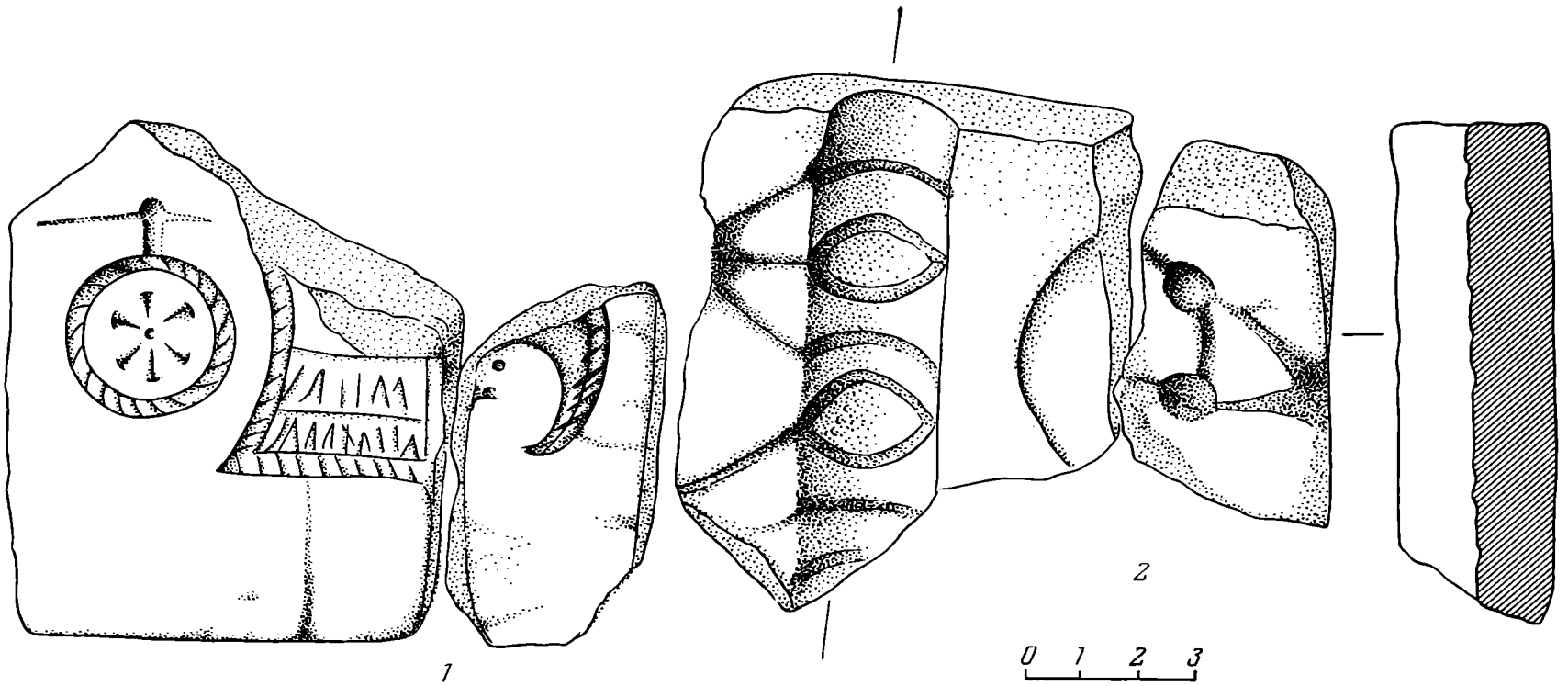



Рис. 4. Прорись литейной формы 7

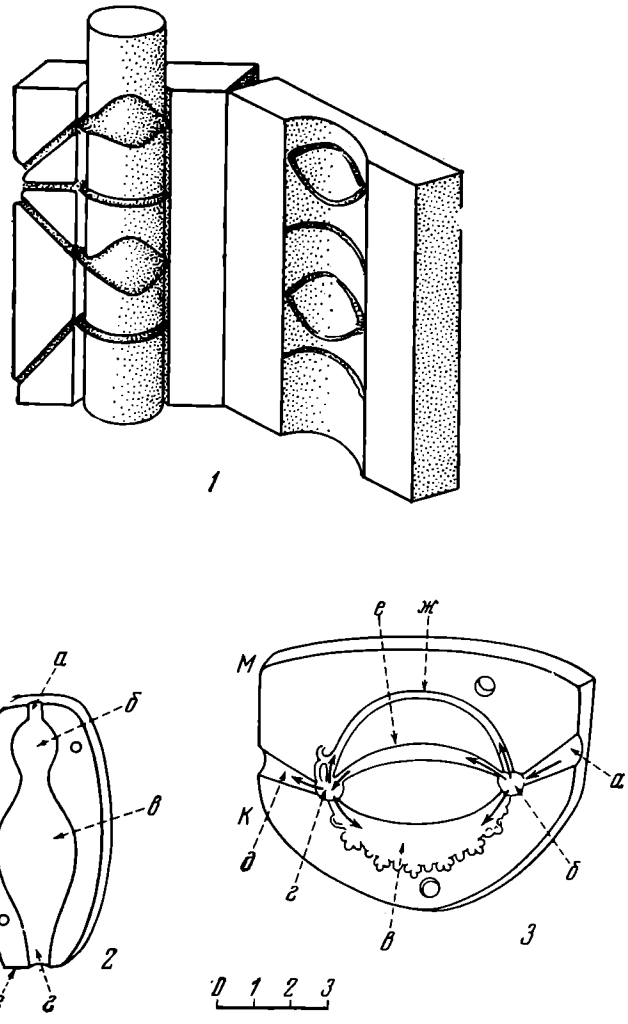



Рис. 5. Схемы техники литья в древних формах:
*1* — получение отливки в форме 7; *2* — заливка формы 10: *а* — литник, через который поступал металл; *б* — сфера бусины; *в* — корпус украшения; *г* — литник, через который выплескивался металл; *е* — плоская грань литейной плитки; *3* — схема заливки формы 12: *а* — основной литник, через который поступал металл; *б* — сфера бусины; *в* — корпус украшения; *г* — сфера бусины; *д* — литник, через который выплескивался металл; *е* — допонительный литниковый рукав; *ж* — дуга височного кольца; *МК* — торцевая грань литейной плитки

шения в виде изогнутого треугольника. Поверхность треугольника украшена углубленными точками и косыми насечками. Изображения на этой плоскости литейного бруска низкорельефные, почти плоскостные, местами лишь процарапаны — в целом создается впечатление, что это лишь попытка мастера сделать литейные гнезда. Материал формы — белый мелкозернистый известняк.

Среди материалов золотоордынских городищ имеется еще два экземпляра форм, предполагавших использование вставных стержней.

8. Литейная форма найдена в 1969 г. на территории Селитренного городища (Р-VI, 4/12, № 296) (рис. 6, *1*; 7, *1*), представляет собой прямоугольный брусок (52×42×28 *мм*). На одной широкой плоскости бруска вырезано ложе в форме усеченного конуса. Диаметр основания конуса 25 *мм*, наружный диаметр конуса, выходящий на плоскость бруска

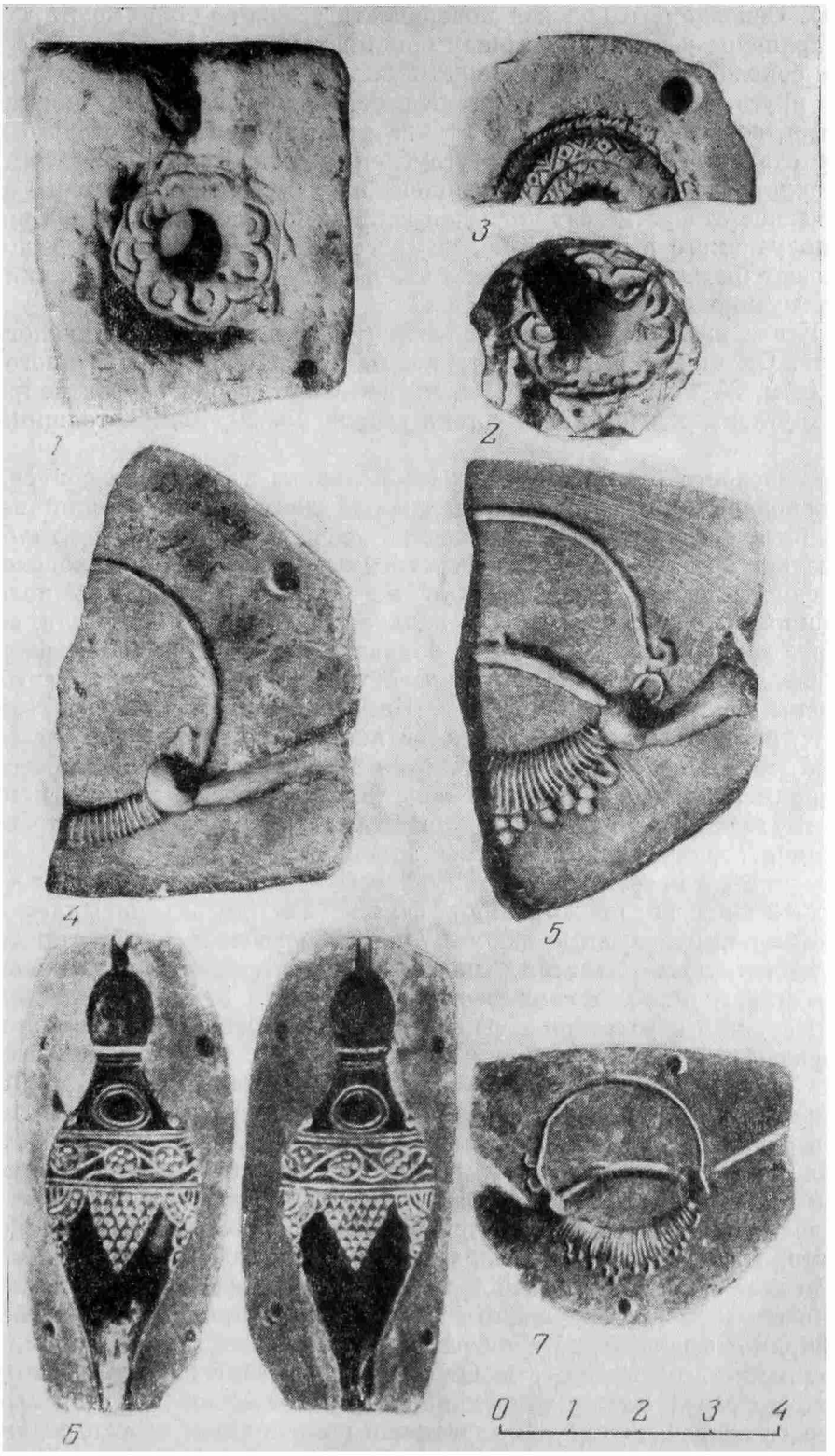



Рис. 6. *1* – литейная форма 8; *2* – экспериментальная отливка, полученная в литейной форме 8; *3* – литейная форма 9; *4*, *5* – литейная форма 11; *6* – литейная форма 10; *7* – литейная форма 12 (фото)

формы, 32 *мм*, глубина 6 *мм*. В центре конуса помещено круглое сквозное отверстие, выходящее на противоположную грань формы (диаметр 10 *мм*). Основание и боковая поверхность усеченно-конического углубления украшены резным рельефным орнаментом.

На боковой поверхности ряд выпуклых, равнобедренных треугольников с круглой ямкой в центре. На основании вырезаны полукруглые лепестки, создающие орнамент в виде розетки, центром которого оказывается отверстие. К рабочему углублению подведен литник, имеющий вид полукруглого выреза, выходящего на узкую боковую грань формы.

Сквозное отверстие служило для вставки круглого стержня. Вид изделия, получаемого в этой форме, не совсем ясен. В качестве предположения может быть высказана мысль, что форма служила для отливки свинцовых грузиков грибовидной формы [14].

9. У нас имеется еще один фрагмент формы для литья аналогичных изделий. Он найден в 1969 г. также на территории Селитренного городища (п/м, № 175) (рис. 6, *3*) и представляет собой брусок неправильных округленных очертаний. Длина сторон 45, 20, 32, 23, толщина 15—18 *мм*.

На плоскости бруска сохранилась половина усеченного конуса. Диаметр основания конуса 22 *мм*, наружный диаметр, выходящий на плоскость бруска формы, 30 *мм*. В центре усеченно-конического углубления помещалось круглое сквозное отверстие, выходящее на противоположную грань формы (диаметр 10 *мм*), от него также сохранилась половина. Внутренняя поверхность этого канала, предназначенного для вставки стержня, покрыта вертикальными параллельными линиями — канеллюрами. Основание и боковая поверхность усеченно-конического углубления украшены рельефным орнаментом. На основании два пояска геометрического орнамента: один в виде косой плетенки, второй в виде ряда ромбиков с ямкой посредине. На боковой поверхности располагаются три ряда орнаментальных поясков: в виде зигзагов, косых насечек и пучков лучей. На краю формы имеется округлый паз, в котором укреплялся штифт для соединения со смежной створкой. Материал формы — белый мелкозернистый известняк.

Особый интерес представляют формы для литья «навыплеск», так называемые имитационные формы. Они использовались для отливки полых тонкостенных изделий, подражавших предметам, украшенным зернью, филигранью, тиснением.

10. Большим искусством поражает форма, найденная в середине прошлого века А. В. Терещенко при раскопках Царевского городища (ГЭ, витрина «Сарай-Берке») [15] (рис. 6, *6*). Она представляет собой две створки от трехсоставной литейной формы. Створки имеют вид прямоугольных брусков с округлыми узкими гранями. По углам створок располагаются круглые пазы для соединительных штифтов. Форма предназначена для отливки полого украшения типа подвески. Она состояла из круглой бусины, отделенной от основного сердцевидного тулова тремя рельефными поясками. На сферической поверхности тулова подвески глубоким рельефом исполнен орнаментальный пояс в виде ленты повторяющихся пятилепестковых розеток, окруженных круглыми картушами. Нижний край пояса обрамлен зернью, которая располагается затейливым узором, напоминающим виноградную кисть. От узкой грани бруска формы к бусине прорезан короткий литниковый канал. С противоположной стороны формы имеется второй литник, образованный постепенным переходом сердцевидного тулова подвески в широкий канал округлой формы. Материал формы — черный сланец.

---

[14] Категория вещей, распространенная на территории золотоордынских городов Нижнего Поволжья, функциональное назначение которой не выяснено.

[15] Опубликована (*Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский.* Ук. соч., рис. 7).

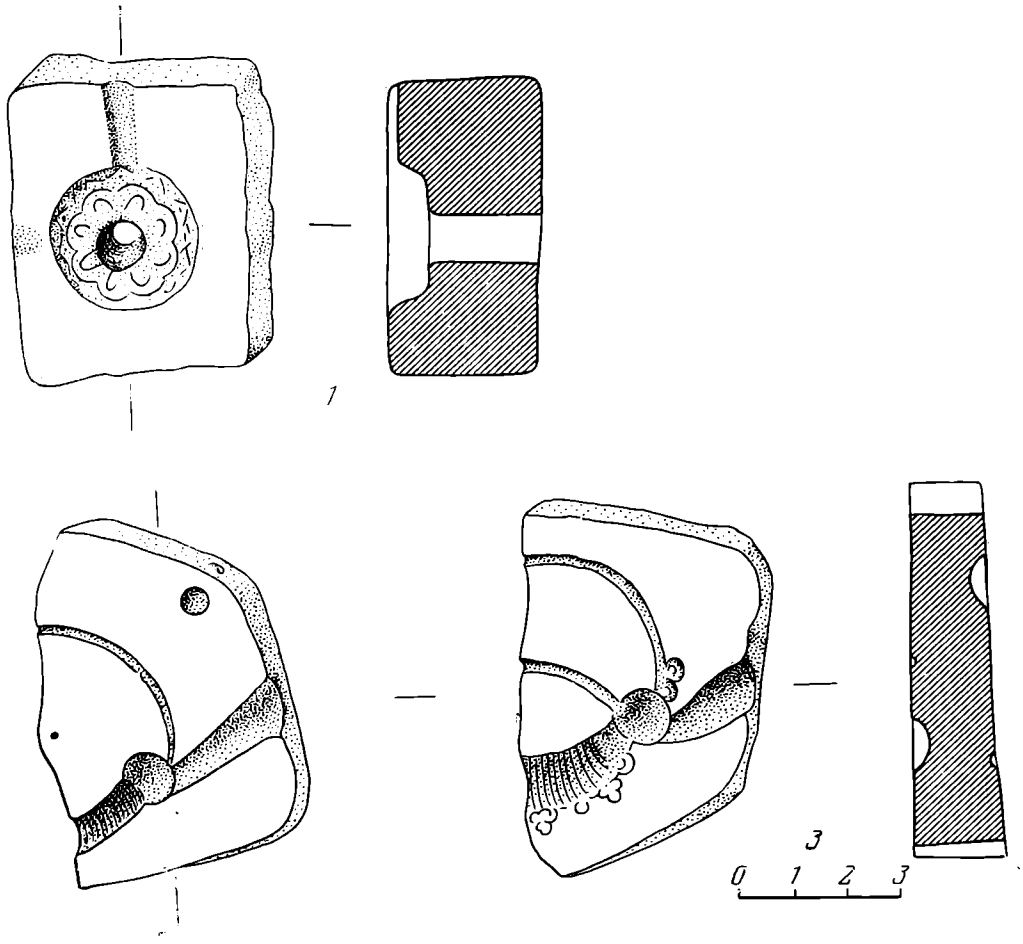



**Рис. 7.** *1* **– литейная форма 8;** *2, 3* **– литейная форма 11 (прориси)**

Среди всех литейных форм наибольшего внимания заслуживают две имитационные формы, предназначенные для отливки украшения, напоминающего по внешнему виду височные кольца славянских древностей (в дальнейшем для простоты изложения мы будем называть его височным кольцом).

11. Одна из форм была найдена в 1967 г. на территории Селитренного городища (Р-V, шт. 1—2, № 1231; рис. 6, *4, 5*; 7, *2, 3*), представляет собой половину литейной створки в виде бруска неправильных округлых очертаний. Длина сторон 77, 45, 40, 46, толщина 14—16 *мм*. На одной плоскости формы сохранилась половина ложа для отливки височного кольца (рис. 6, *5*; 7, *3*). Оно состоит из выпуклого, овального в сечении валика, украшенного ребристой насечкой, имитирующей сканную проволоку, и круглой бусины, непосредственно из которой вырастает проволочная петелька, служившая для соединения с верхней, дуговидно изогнутой частью кольца. Снизу валик обрамлен зернью. Зернь распределена таким образом по краю валика, что создается композиция из чередующихся треугольников (три капельки зерни) и кружочков (одна капелька). От боковой грани бруска к бусине подведен литник, имеющий вид полукруглого, постепенно суживающегося канала. От противоположного конца бусины отходит узкий литниковый рукав, который изгибается подобно дуге височного кольца. Поверхность этой стороны литейной формы имеет характерные риски — следы работы на абразивном камне.

На другой плоскости литейного бруска также сохранилась половина ложа для отливки украшения (рис. 6, *4*; 7, *2*). Оно состоит из валика,

украшенного ребристой насечкой, и бусины, от которой непосредственно отходит дужка височного кольца. От боковой грани бруска формы к бусине прорезан литник в виде широкого полукруглого канала. На краю формы имеется круглое отверстие, выходящее на торцевую грань формы, предназначенное для соединительного штифта.

Весьма вероятно, что височное кольцо, вырезанное на этой стороне формы, представляет незаконченную попытку мастера изготовить изделие, аналогичное помещенному на лицевой стороне формы, так как отличие состоит лишь в отсутствии второго литникового канала и украшения зернью. Материал формы — черный сланец.

12. Другая литейная форма была найдена в середине прошлого века при раскопках А. В. Терещенко на территории Царевского городища (ГЭ, витрина Сарай-Берке) [16] (рис. 6, 7).

Очертания бруска литейной формы совершенно сходны с предыдущей, только в данном случае имеем целый брусок. На плоскости формы вырезано украшение, аналогичное височному кольцу, помещенному на лицевой стороне предыдущей формы. Оно состоит из ребристого валика, обрамленного зернью, с круглыми бусинами по краям и дуги с петелькой. Литниковая система — из двух каналов, подведенных с боковых граней бруска к бусинам, и дополнительного литникового рукава, соединяющего две бусины. На верхнем и нижнем краях бруска формы имеются круглые пазы для соединительных штифтов. Форма изготовлена из черного сланца.

Поиски готовой продукции, получаемой в этих двух формах, не дали результатов. В золотоордынских материалах подобные украшения не встречаются, в других материалах точной аналогии также не обнаружено. Можем указать лишь близкую форму из русских памятников [17].

Помимо описанных выше форм имеется еще целый ряд фрагментов каменных литейных форм, которые приводим здесь для полноты описания.

13. Обломок литейной формы найден на территории Водянского городища в 1972 г. (Р-II, яма № 38, № 112) в виде бруска неправильных очертаний. Сохранился только литник в виде полукруглого, постепенно расширяющегося канала. Материал формы — белый известняк.

14. Небольшой обломок литейной формы найден в 1962 г. на территории Царевского городища (п/м).

На бруске неправильных очертаний полукруглый край украшения, обрамленный пояском косых насечек. Форма изготовлена из серого сланца.

15. Фрагмент литейной формы в виде кусочка плитки найден в 1970 г. на территории Царевского городища. На плоскости сохранилась часть круга, украшенного по краю бордюром из треугольников, в поле круга — изгибающаяся лоза. Возможно, что целая форма предназначалась для отливки бронзового зеркала, так как подобный орнамент встречается на золотоордынских зеркалах. Материал формы — серый сланец.

16. Обломок литейной формы найден в 1973 г. на территории Водянского городища (Р-II, траншея 1, № 184) в виде бруска неправильных очертаний. На плоскости камня сохранился угол какого-то украшения, разделенного на прямоугольники врезными линиями. На оборотной стороне имеется полость для отливки перстня со щитком. Материал формы — белый известняк.

17. Фрагмент литейной формы найден на территории Царевского городища в 1961 г. (п/м) в виде прямоугольного бруска (35×45×7 *мм*) [18].

---

[16] Опубликована (*Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский.* Ук. соч., рис. 8).

[17] *В. П. Левашова.* Височные кольца. Сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». М., 1967, стр. 20, рис. 4, *5*.

[18] Хранится в Волгоградском краеведческом музее, опубликован (*Г. А. Федоров-Давыдов.* Раскопки..., стр. 266, рис. 14, *5*).

На широкой плоскости сохранилось три литейных гнезда конической формы с шариками на концах, украшенные насечками, завитками и зернью. Форма, вероятно, служила для отливки трех изделий, концы которых сохранились на нашем бруске.

18. Маленький обломок литейной плитки найден в 1970 г. на территории Селитренного городища (Р-II, яма № 21). На плоскости сохранилась часть округлого канальца, видимо, предназначенного для стерженька. Материал формы — черный сланец.

Все каменные литейные формы по технологическим особенностям литья условно могут быть разделены на четыре основных типа. К односторонним, или открытым, формам бесспорно относится форма 1. Также к этому типу могут быть отнесены: форма 2 в сохранившемся виде и одна из плоскостей формы 7 — с низким рельефом изображений.

К типу двухсторонних литейных форм, скрепляемых при помощи штифтов, относятся формы 3—5. Они не имеют других технологических особенностей. К формам, литье в которых осуществлялось при помощи вставного стержня, принадлежат формы 6, 8, 9 и одна из плоскостей формы 7 (на которой отливались перстни). Литье «навыплеск» осуществлялось в формах 10—12. Формы для литья со вставным стержнем и для литья «навыплеск» также двухсторонние и скреплялись при помощи штифтов.

Известно было золотоордынским ювелирам и литье в глиняные формы. В нашем материале формы из обожженной глины представлены двумя экземплярами.

19. Одна из форм найдена на городище Увек и приобретена в начале века Саратовским музеем [19]. Форма представляет собой массивную трапециевидную плитку. Длина сторон 50, 130, 100, 130, толщина 20 *мм*. На широкой плоскости сохранилось ложе для отливки медальона в виде разрезанного пополам овала, обращенного округлой стороной к короткому основанию трапеции, а прямой — к длинному. Округлый край медальона имеет петельку, которая отливалась совместно с корпусом украшения. Вся поверхность медальона занята сложным изображением изогнутого дракона [20]. По краю медальон украшен двумя рельефными поясками.

Сложность изображения, выполненного тонким и четким глубоким рельефом, вызывает предположение, что форма получена не оттиском готового изделия, а непосредственным нанесением рисунка тонким резцом по мокрой глине, а затем подвергнута обжигу. Однако возможен и оттиск, а затем дополнительная проработка рисунка резцом.

Литниковый канал отсутствует — металл наливался в горизонтально лежащую форму.

20. Другая литейная форма найдена в 1963 г. на территории небольшого золотоордынского городища Красный Яр, расположенного недалеко от Сарая-Бату (п/м) [21]. Представляет собой массивную плитку. Плоскость, на которой располагается литейное гнездо, имеет форму трапеции (длина сторон 58, 114, 109, 114 *мм*). Оборотная сторона плитки имеет тщательно заглаженную сферическую поверхность. Толщина формы около 20 *мм*. На трапециевидной плоскости помещается глубокое литейное ложе (глубина 12 *мм*), предназначенное для отливки толстой пластины.

---

[19] Опубликована (*А. А. Спицын.* Новые приобретения Саратовского музея. ИАК, 1914, 53, стр. 103, рис. 33).

[20] «У дракона туловище тонкое, опушенное снизу шерстью, голова с гребнем, нижняя челюсть круто изогнута вверх, верхняя — в виде клюва, длинные лапы с четырьмя когтями, на шее и лапах пучки в виде метелок или хвостов. В общем изображение очень затейливое и трудно прослеживаемое. В углах осложняется растительными узорами... Монгольское происхождение этого сюжета несомненно» (*А. А. Спицын.* Ук. соч., стр. 103).

[21] Хранится в Государственном музее искусств народов Востока, опубликована (*Г. А. Федоров-Давыдов.* Новый Сарай..., стр. 246, рис. 10, *5*).

Пластина также имела вид трапеции с фигурным верхом, оформленным в виде арки. По краю пластины идут два рельефных пояса. В центре вырезана сердцевидная фигура, переходящая в раздвоенную линию. В области арки помещена Х-образная фигура. Литник отсутствует, однако металл не мог заливаться в горизонтально лежащую форму, так как со стороны широкого основания трапеции литейное гнездо ничем не ограничено. По всей видимости, во время заливки форма занимала вертикальное положение (форма ставилась при этом на единственную плоскую грань — торец, образованный узким основанием трапеции). Таким образом, широкое основание литейного ложа служило одновременно и литником. В силу указанных обстоятельств форма не могла быть односторонней, а имела гладкую крышку или вторую створку, с которой скреплялась при помощи веревок или жгутов. Изучение под бинокулярным микроскопом показало, что форма изготовлена путем оттиска готового изделия в мокрой глине с последующей доработкой резцом рельефных поясов и орнамента.

С целью уточнения назначения некоторых литейных форм в лабораторных условиях был осуществлен процесс литья в древних формах. Так, на основании визуального исследования формы 7 не ясно, является ли плоскость с низким рельефом завершенной формой или это предварительная наметка мастера. Необычная конструкция форм 8 и 9 навела нас на мысль о возможности их применения для отливки свинцовых грузиков. Это предположение необходимо было проверить экспериментальным путем.

На одной из плоскостей формы 7, как уже говорилось выше, помещено три низкорельефных изображения. Из них только одно сохранилось полностью — гнездо для отливки медальона-бляшки. Его мы и использовали при экспериментальной отливке. Отсутствующая створка или крышка была заменена гладкой керамической плиткой. Для надежного соединения плитки с древней формой обе они плотно закреплялись на горизонтальной подставке в пластилине. Форма располагалась вертикально, литником вверх. Материалом для изготовления медальона послужил легкоплавкий сплав Вуда [22]. Металл заливался через отверстие литника в холодную форму. Заливка велась плавной непрерывной струей металла в течение 10 сек. Затем металл выдерживался в форме в течение 1 мин., после чего керамическая крышка отнималась. Готовое изделие — тонкий медальон — легко вынималось из формы (рис. 3, *3*). Петелька медальона, полученная посредством вставки тонкого деревянного стерженька в каналец, перпендикулярный литнику, получилась очень тонкая и при извлечении медальона из формы обломилась. Форма после отливки совершенно не пострадала, и литейное гнездо при наблюдении в бинокулярный микроскоп по-прежнему не несло никаких следов соприкосновения с металлом. Таким образом, стало совершенно очевидно, что оборотная сторона формы 7, на которой резьба очень мелка, является полноценной створкой формы для изготовления трех изделий.

Для выяснения характера отливаемых изделий в формах 8 и 9 была использована хорошо сохранившаяся форма 8. В качестве материала также был взят сплав Вуда, близкий по своим качествам к свинцу. Второй створкой служила плитка из толстого стекла, плотно скрепленная с древней формой на горизонтальной подставке так, что боковая поверхность формы, на которую выходил литник, оказалась вверху. В округлое сквозное отверстие формы вставлялся цилиндрический стержень чуть меньшего диаметра, так чтобы образовался зазор 1,5—2 *мм*. Таким образом, стержень занял перпендикулярное положение относительно литчика. Процесс заполнения формы металлом можно было хорошо наблю-

[22] Сплав Вуда состоит из олова, свинца, висмута и кадмия, температура плавления — 70°.

дать через прозрачную вторую створку формы. Металл, вливаясь через литниковый канал, начинал заполнять усеченно-коническую выемку формы; дойдя до середины полости, там, где расположено отверстие, металл под давлением собственной тяжести начинал затекать между вставным стержнем и стенками сквозного отверстия формы. Лишь заполнив этот зазор, металл стал подниматься выше и занял все усеченно-коническое углубление.

Благодаря затеканию металла в зазор между стержнем и стенками отверстия на изделии получился трубчатый выступ. Готовое изделие в виде свинцового грузика легко было извлечено из формы после остывания металла и самой формы, которое продолжалось в течение 5—7 мин. (рис. 6, *2*).

Весьма вероятно, что вставной стержень был неотъемлемой конструктивной деталью второй створки — в виде цилиндрического выступа, который при совмещении створок входил в сквозное отверстие имеющейся у нас створки, образуя соответствующий зазор. Такое устройство утраченной створки обеспечило бы фиксацию стержная на все время заливки в одном положении, что давало возможность получить на изделии равномерную толщину стенок трубчатого выступа. Таким образом, наше предположение, что формы 8 и 9 служили для отливки свинцовых грузиков, полностью подтвердилось.

Изучение литейных форм Золотой Орды дает возможность реконструировать некоторые технологические особенности литейного производства.

Золотоордынские мастера в качестве материала для изготовления литейных форм использовали белый мелкозернистый известняк и серый или черный сланец. Эти породы камня по своим физическим свойствам наиболее точно отвечают требованиям, предъявляемым к литейным формам. Они достаточно жестки, чтобы обеспечить хорошую отливку, так как, чем жестче форма, тем плотнее и качественнее отливка [23]. В то же время эти породы хорошо поддаются обработке, опытный мастер легко может получить четкие контуры, создавая самые затейливые узоры. Важное значение имеет пористость породы. При использовании известняка и сланца нет необходимости в устройстве газоотводных каналов.

Не меньшее значение для получения качественных отливок имеет конструкция литейной формы, в частности устройство литниковой системы и место подвода металла. Верхний подвод металла через литник повышал давление металла, увеличивалась скорость заливки, в результате чего металл заполнял все мелкие детали формы. В основном во всех золотоордынских формах предусматривалось именно такое положение при заливке.

Особенно важно устройство литниковой системы при литье «навыплеск», в так называемые имитационные формы. Конструкция литниковой системы должна была обеспечить быстрое удаление металла из формы при одновременном заполнении всех деталей литейного гнезда для получения тонкой пустотелой отливки. Чем выше температура плавления сплава, тем быстрее он застывает, тем более кратковременной должна быть его выдержка в форме [24].

В каждом случае резчик формы хорошо понимал технологические задачи, с которыми придется столкнуться литейщику при литье «навыплеск». Об этом свидетельствует абсолютно правильное с технической точки зрения расположение литников на формах 10—12. Часто детали будущего изделия несли и технологическую нагрузку.

---

[23] *А. М. Петриченко.* Книга о литье. Киев, 1972, стр. 212.

[24] *Н. В. Рындина.* Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. МИА, 117, 1963, стр. 260.

В форме 10 (рис. 5, *2*) металл поступал через короткий литник (*а*), а выплескивался с противоположной стороны, через литник, в который постепенно переходит корпус украшения (*г*). Форма находилась при заливке в вертикальном положении, опираясь на узкую сторону прямоугольника (*е*). Это единственно возможное вертикальное положение, так как противоположная узкая грань прямоугольника округлой формы. Такое течение процесса заливки технологически оправданно, так как, попадая через короткий литничок (*а*) в сферу бусины (*б*), металл, не успевая остыть, скапливался в ней, а отсюда под давлением поступал в корпус украшения (*в*), где он быстро обтекал стенки литейного гнезда, испещренного затейливым узором. Постепенный переход корпуса в литник (*г*) затруднял выплеск металла раньше времени, пока металл не обтек все части формы. В то же время небольшая длина литника (*г*) позволяла не задерживаться избыточному металлу в форме, который должен быть удален до остывания и затвердения. Таким образом, бусина украшения служила резервуаром, в котором металл скапливался, в результате чего повышались давление и скорость.

Необычайно интересна литниковая система форм 11 и 12 (рис. 5, *3*). Форма при заливке находилась в вертикальном положении, литниковым отверстием вверх. Форма при этом ставилась на торцевую грань (МК). Металл вводился в полость формы через основной литник (*а*), прорезанный от боковой грани к бусине (*б*). Литник располагается наклонно, на одной прямой с корпусом украшения (*в*). В результате этого металл, поступая в литник, получал основное свое направление — к корпусу изделия. (Возможно, что наклонное расположение литника имеет дополнительное технологическое значение, например для лучшего выхода газов [25].)

В то же время в сфере бусины (*б*) металл скапливался (рис. 5, *3*), а отсюда под давлением, которое было довольно высоким вследствие большого диаметра входного литникового рукава, металл растекался сразу по трем направлениям: вверх — к дуге височного кольца (*ж*), вниз — к его ребристому корпусу (*в*), в центр — по дополнительному литниковому рукаву (*е*) он мгновенно доставлялся на противоположную сторону изделия к такой же бусине (*г*). Здесь происходил аналогичный процесс разветвления металла на три струи. Избыточный металл выплескивался через второй литник (*д*), который примыкал к этой бусине и выходил на другую боковую грань бруска формы. Литниковый канал, выводящий металл из формы (*д*), также располагался наклонно. Наклон литника устроен продуманно, он позволял выплескиваться металлу из корпуса украшения и бусины, которые должны быть полыми, и не затрагивал цельнолитой дужки. Бусина (*г*) в данном случае служила не только распределителем металла, но и резервуаром, помещенным на пути течения основного потока металла, который тормозил слишком быстрый его исход из корпуса височного кольца.

Расплавленный металл доходил по вспомогательному каналу (*е*) до противоположного края височного кольца быстрее, чем заполнял его рабочие полости, благодаря тому что форма дополнительного канала (*е*) (гладкие стенки, небольшая изогнутость, круглое сечение, достаточная глубина) обеспечивала более свободный и быстрый ток металла, чем узкая и сильно изогнутая дужка (*ж*) височного кольца и его корпус (*в*), где создавались дополнительные препятствия ребристой поверхностью и углублениями зерни (рис. 5, *3*). В итоге создавалось как бы одновременное двухстороннее заполнение формы — и со стороны основного литника (*а*), и со стороны вспомогательного (*е*). Такая конструктивная особенность литниковой системы позволяла мастеру сократить время выдержки металла в форме. Она значительно улучшала качество отливае-

[25] *H. H. Coghlan.* A Note on Prehistoric Casting Mould. BHMG, 2, 1968, p. 73.

мого изделия, так как мгновенная доставка по дополнительному литниковому рукаву расплавленной массы металла к противоположному концу изделия почти полностью исключала возможность брака.

До сих пор применение литья «навыплеск» считалось монополией древнерусских ремесленников. Оно было изобретено в конце XII в.[26], использовалось во многих русских землях, вплоть до «глухой» земли вятичей[27], знаменовало собой высокую степень развития ремесленного производства и было почти повсеместно утрачено (за исключением Новгорода) в связи с монгольским нашествием[28]. Опираясь на это, можно связывать применение имитационных форм в золотоордынских городах с тем, что среди ремесленников улуса Джучи находились русские мастера, которые могли принести хорошо знакомую им технику, а также сами формы[29].

Однако во всех известных нам древнерусских имитационных формах прорезано два литника[30]. Можно предполагать, что технология применения имитационных форм с дополнительным литниковым каналом возникла непосредственно в золотоордынских городах в результате соприкосновения древнерусской ювелирной школы с техникой ювелиров других народов.

Изучение социально-экономических особенностей ремесла Золотой Орды — вопрос будущего. Однако в области обработки цветного металла применение техники литья со вставным стержнем и литья в имитационные формы является показателем высокого уровня развития и массовости производства. Техника изготовления украшений в имитационных формах путем простого литья воспроизводила такие сложнейшие и требующие много времени приемы, как филигрань, зернь и тиснение. Золотоордынские мастера старались добиться качественных отливок путем усовершенствования имитационных форм (11, 12). Применение литья со вставным стержнем давало возможность избежать таких трудоемких операций, как литье в плоскую каменную форму с последующим изгибанием и спайкой (формы 6, 7). За счет экономии материала и времени мастер стремился значительно увеличить количество изделий. Особенно характерны формы 5 и 7. Обе плоскости форм имеют по нескольку литейных гнезд, причем используется почти все свободное пространство, заполненное, где мало места, гнездами для литья мелких украшений (форма 5).

Показательна форма 7. Здесь, чтобы избежать тщательной дозировки металла для заливки каждого литейного гнезда, мастер, отливая на одном вставном стержне около десятка перстней, свел по три литника к одному входному отверстию, тем самым в три раза ускорив заливку всей формы. Такая массовость и поточность производства может быть связана только с работой на рынок.

В начале 30-х годов А. Ю. Якубовский, анализируя различные отрасли золотоордынской культуры, высказал предположение, что обработка металла в Сарае-Берке сложилась исключительно на базе кавказского опыта[31]. Изучение литейных форм улуса Джучи опровергает этот тезис. Оно отражает синкретизм, так свойственный всей золотоордын-

---

[26] *Б. А. Рыбаков.* Ук. соч., стр. 271.

[27] *Т. Н. Никольская.* Кузнецы железу, меди и серебру от вятич. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 124—126.

[28] *Н. В. Рындина.* Ук. соч., стр. 261.

[29] Примером может служить имитационная форма для отливки звездчатого колта, найденная в Увеке, которая «не отличается от киевских ни по технике резьбы, ни по внешнему виду» (*Г. Ф. Карзухина.* Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. СА, XIV, 1950, стр. 233).

[30] *Н. В. Рындина.* Ук. соч., стр. 261.

[31] *А. Ю. Якубовский.* К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке. ИГАИМК, VIII, 2—3. Л., 1931, стр. 27.

ской культуре [32]. Золотоордынские литейщики использовали в своей работе традиции металлообработки различных ремесленных центров.

С уверенностью можно говорить о большой доле русских ремесленников в этой области производства.

*M. M. Krymina*

## MOULES DE FONDEUR PROVENANT DES VILLES DE LA HORDE D'OR SITUEES SUR LE COURS INFERIEUR DE LA VOLGA


### Résumé

On étudie dans cet article une collection de moules de fondeur (18 de pierre et 2 d'argile) trouvés dans les villes de la Horde d'Or du cours inférieur de la Volga: Sélitrennoié (Saraï-Batou), Tsarev (Saraï-Berké), Vodianskoié (Beldjamen?) et Ouvek. D'après leurs particularités technologiques, on distingue quatre types de moules: ouvert; à deux valves, jointes à l'aide de goupilles; pour un coulage à l'aide d'une tige introduite; pour la fonte spéciale de bagues ou d'anneaux. Pour établir la destination de certains moules, on a procédé en laboratoire à une expérience de fonte dans ces anciens moules. En se basant sur ces études, on a pu reconstituer quelques particularités technologiques de l'industrie de la fonte des métaux.


---

[32] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 210.

# *Заметки*

А. П. ЖУРАВЛЕВ

## К ИЗУЧЕНИЮ ЭНЕОЛИТА КАРЕЛИИ

Археологическими исследованиями 30—70-х годов в Карелии открыта и раскопана группа энеолитических поселений с чистыми комплексами ромбически-ямочной керамики [1]. Почти все памятники расположены в районе месторождений самородной меди или поблизости от них (рис. 1). В инвентаре памятников встречаются изделия из сланца, кварца, металлические поделки, кусочки меди. На стоянке Пегрема I раскопана мастерская по обработке меди [2].

Химико-технологические обследования медных образцов со стоянок Пегрема I, VII, Вигайнаволок I, произведенные в лабораториях Института геологии Карельского филиала АН СССР, Петрозаводского университета, ЛОИА, показали их идентичность с местной самородной медью. С помощью металлографического анализа установлена технология изготовления поделок — холодная ковка [3].

Эти данные позволили автору говорить о зарождении в Карелии в районе Заонежья в энеолите центра обработки меди [4]. Указанный район представляет интерес в геологическом отношении, поскольку здесь сосредоточены основные типы медных месторождений в Карелии.

По своему характеру все месторождения в Заонежье относятся к четырем типам: жильные, контактные, приуроченные к зоне контакта шунгитовых сланцев с диабазами, вкрапленные в виде отдельных рудных зерен в диабазах и месторождения самородной меди [5].

---

[1] *Б. Ф. Земляков.* Работы на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг. Т. I. ГАИМК, 109, 1935, стр. 11—122; *Н. Н. Гурина.* Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, 20, 1951, стр. 77—142; *ее же.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. М.— Л., 1961, стр. 278—290; *Г. А. Панкрушев, А. П. Журавлев.* Стоянка Вигайнаволок I. Сб. «Новые памятники древней истории Карелии». М.— Л., 1966, стр. 152—177; *А. П. Журавлев.* Исследование энеолита Карелии. АО — 1973, М., 1974, стр. 10, 11; *его же.* Клад заготовок сланцевых орудий на стоянке Пегрема I. СА, 1973, 1, стр. 247; *его же.* Об орнаменте одного сосуда со стоянки Пегрема II. СА, 1976, 3, стр. 305; *его же.* Изучение орнамента ямочно-гребенчатой керамики методом круговых разверток. Уч. зап. Тартуского ун-та, вып. 382. Тарту, 1976, стр. 45—57; *его же.* Металлурги древней Пегремы. «Природа», 1976, 12.

[2] *А. П. Журавлев.* Древнейшая мастерская по металлообработке меди в Карелии. СА, 1974, 3, стр. 243.

[3] *А. П. Журавлев, Э. Л. Врублевская, А. А. Лийва, В. И. Горлов, Э. С. Васильева.* Древнейшая металлообработка меди в Карелии (по данным археологии и естественных наук). Сб. «Вопросы истории Европейского Севера», вып. 2. Петрозаводск, 1976, стр. 188—203.

[4] *А. П. Журавлев.* О древнейшем центре металлообработки меди в Карелии. КСИА АН СССР, 142, 1975, стр. 32—39.

[5] *В. М. Тимофеев.* Месторождения медных руд Заонежья. Л., 1934.

Жильные месторождения являются наиболее распространенными, они разбросаны по всему району, причем вмещающей породой является диабаз. По минералогическому составу своего тела жилы бывают кварцевые, кальцитовые и кварцево-кальцитовые. При добыче кварца для орудий труда энеолитические горняки должны были встретиться с медью.

Второй тип — месторождения приконтактовой зоны. Они приурочены к зоне соприкосновения диабаза со сланцем, постоянно в сланце, реже в диабазе.

Третий тип месторождений — вкрапленные, представляют местное обогащение рудой в диабазе, проявляющееся в результате концентрации сульфида меди в некоторых участках породы. Имея довольно ограниченное распространение, они, судя по всему, едва ли могли использоваться в энеолите.

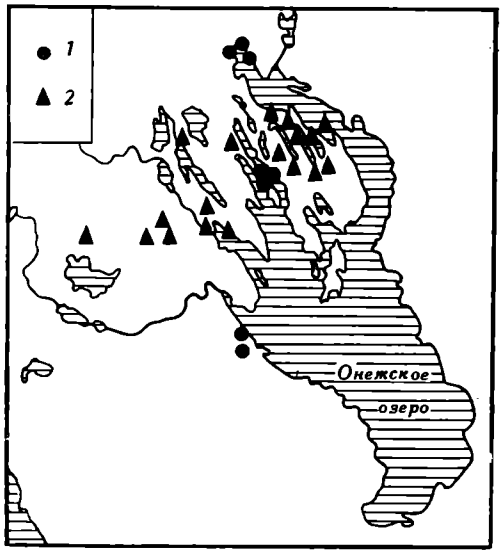



Рис. 1. *1* – Месторождения самородной меди в Заонежье; *2* – энеолитические поселения с чистыми комплексами ромбически-ямочной керамики

Четвертый тип месторождений — самородная медь, встреченная более чем в 30 пунктах[6]. Самородная медь находится здесь в районе развития сланцев и кварца, т. е. основного каменного сырья, использовавшегося в энеолите для изготовления орудий. Поэтому есть достаточные основания предполагать, что именно здесь, раньше чем в других районах Карелии, появляется обработка меди.

Заонежье, особенно его центральная часть,— одна из наиболее рудоносных областей Севера[7].

Летом 1974 г. автором были проведены археологические обследования некоторых медных рудников в указанном районе[8], а именно — месторождения Гижезерское, Ковшезерское, Успенское, Городок, Медные ямы на Валгомозере у дер. Тимоховка, обследована штольня в Уницкой губе Онежского озера (рис. 2, 3). Основными целями разведки были осмотр и раскопки отвалов, сбор образцов окисленных минералов и самородной меди, а также поиски следов древних выработок.

В ходе разведки выяснено, что месторождения у Гижезера, Ковшезера, в Успенском бору, в Уницкой губе Онежского озера исчерпаны поздними разработками, следов древних выработок (если таковые были) не сохранилось. В Успенском бору штольня в руднике залита водой, а две шахты завалены поздними отвалами. В штольне Уницкого рудника в зоне контакта габбро-диабаза и сланца обнаружены следы медной зелени. Вблизи этого месторождения расположены энеолитические поселения Пегрема I, III, VII.

Особый интерес представляет медное месторождение у дер. Тимоховка «Белые камни», где кварцево-кальцитовые жилы, содержащие медь, лежат близко от поверхности. Нами были обследованы отвалы, несколько шахт, обнаружены две штольни (последние залиты водой). В отвалах, покрытых толстым слоем дерна, найдены изделия из кварца: две ноже-

---

[6] *В. И. Горлов.* Находки самородной меди в Карелии. Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972, стр. 66.

[7] *В. М. Тимофеев.* Ук. соч.

[8] *А. П. Журавлев.* Археологические обследования медных рудников Заонежья. АО — 1974, М., 1975, стр. 14.

Рис. 2. Обследование штольни в Гижезерском руднике

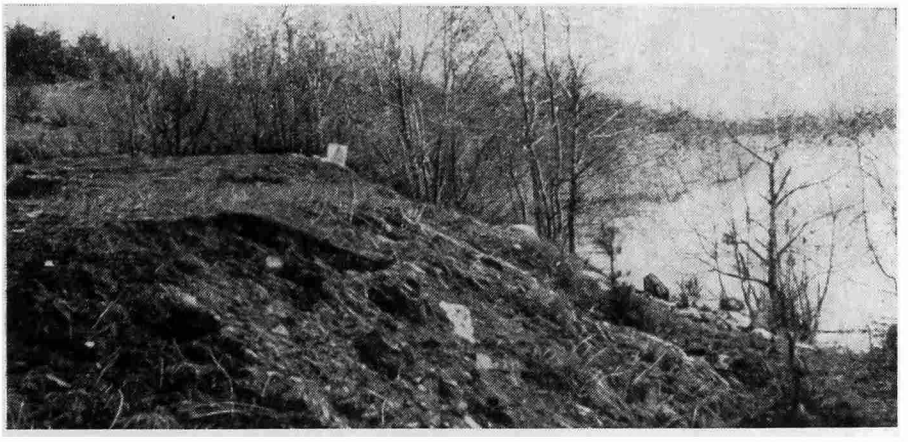


Рис. 3. Вид на рудник у дер. Тимоховка на Валгомозере

видных пластины, скребок, семь кайл, нуклеус, обломок топора, множество осколков кварца; встречены кусочки меди и обилие медной зелени на кварцевых осколках.

Кайлы — 7 экз., из них 3 целых, 4 обломка (рис. 4, *1*, *2*, *5*, *7*). Они представляют собой крупные, массивные, грубо оббитые орудия удлиненной формы, длиной 13—14,5 *см*, толщиной 6—10 *см*. Рабочие края обработаны сколами, лезвия сохранили следы сбитости. Некоторые из них использовались, очевидно, в качестве клиньев. Обломок топора (рис. 4, *8*), 6,5 *см* длиной, 6 *см* шириной и 2,5 *см* толщиной, имеет лезвие, обработанное сколами с двух сторон.

Двухплощадочный нуклеус в виде усеченной пирамиды (рис. 4, *9*). Высота 6 *см*, диаметр верхней площадки 5 *см*, нижней — 8 *см*.

Две ножевидных пластинки. Одна имеет длину 6 *см*, ширину 3 *см*, с мелкой ретушью одной грани (рис. 4, *4*), другая длиной 5,6 *см* и шириной 3,5 *см*, с ретушированным под резец краем (рис. 4, *3*). Скребок (рис. 4, *6*) на массивной пластине длиной 6 *см*, шириной 3, 5 *см*, толщиной 2 *см*. Рабочий край обработан грубыми сколами, лезвие подправлено мелкой ретушью.

Эти находки дают основание считать, что наиболее древние разработки рудника велись, очевидно, еще в энеолитическое время (а воз-

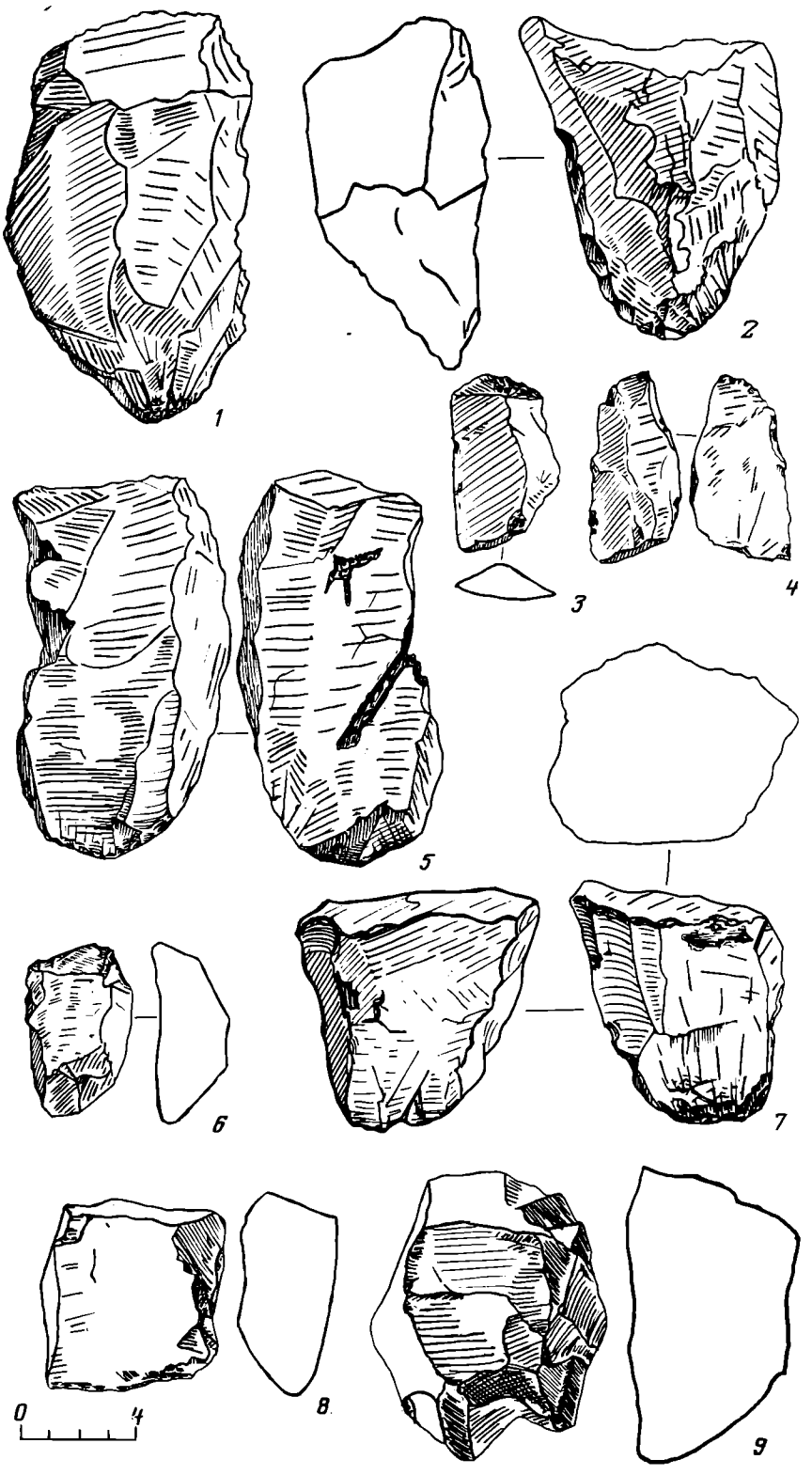



Рис. 4. Кварцевые орудия из рудника у дер. Тимоховка: *1, 2, 5, 7* – кайлы; *3, 4* – ножевидные пластинки; *6* – скребок; *8* – обломок топора; *9* – нуклеус

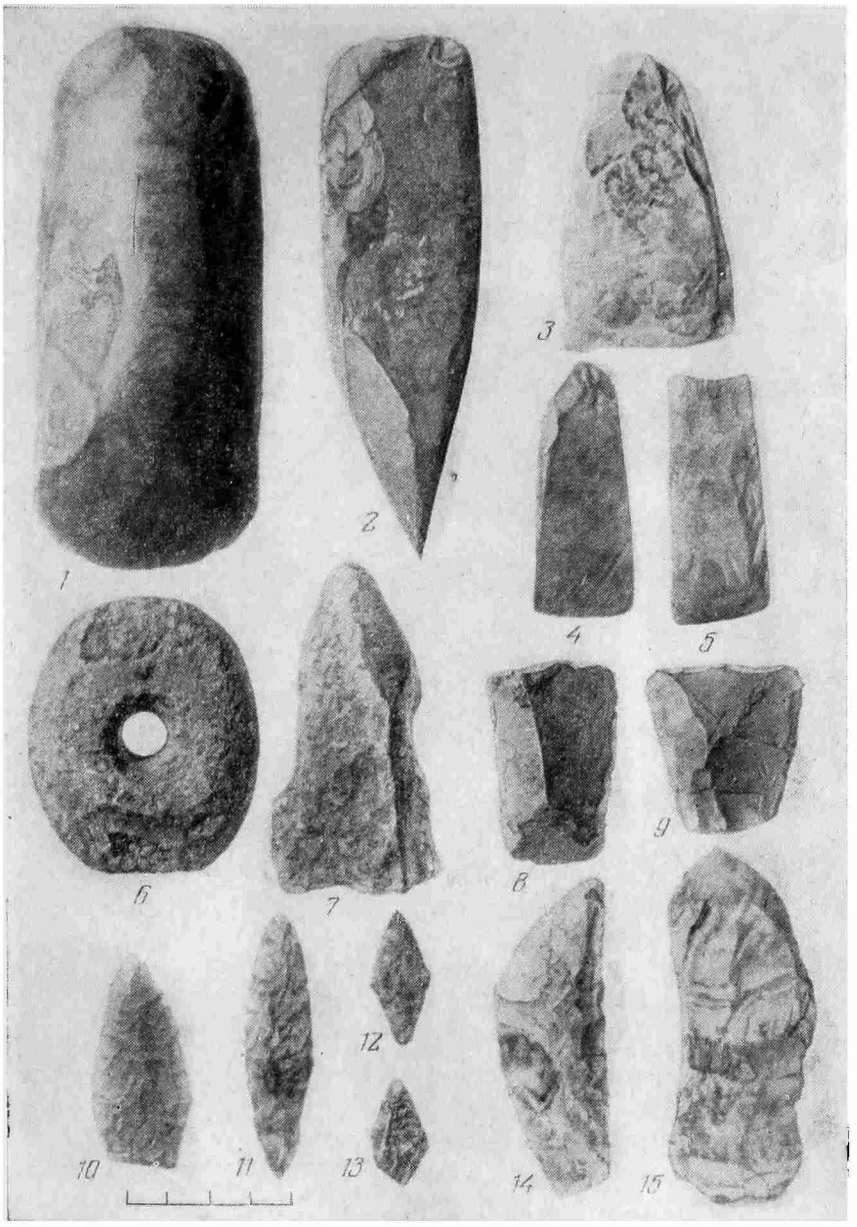


Рис. 5. Каменные орудия со стоянки Вигайнаволок I: *1* – топор; *2* – клевец; *3* – тесло; *4*, *5* – стамески; *6* – рыболовное грузило; *7* – сверло; *8*, *9* – скребки; *10–13* – наконечники стрел; *14*, *15* – ножи (*1–5*, *8*, *9* – сланец; *6*, *7* – песчаник; *10–15* – кремень)

можно, и раньше) с целью добычи высококачественного кварца для изготовления орудий труда. Позднее, в связи с открытием самородной меди и ее добычей в руднике, кварц стали использовать для изготовления горняцких инструментов.

Новые материалы, полученные в процессе обследования медных рудников в Заонежье, подтверждают вывод о местной обработке меди в Карелии. На самом раннем этапе встречаются лишь обломки пластинок, рыболовные крючки, ножи, колечко, кусочки самородной меди и кусок кованой меди. Памятники, где зафиксирована ранняя стадия металлообработки, датируются радиокарбоном III тысячелетием до н. э.[9]

[9] Определение возраста памятников по радиокарбону произведено сотрудниками лаборатории радиоуглеродного датирования АН ЭССР г. Тарту — А. Лийва, Т. Ринне, С. Суурман.

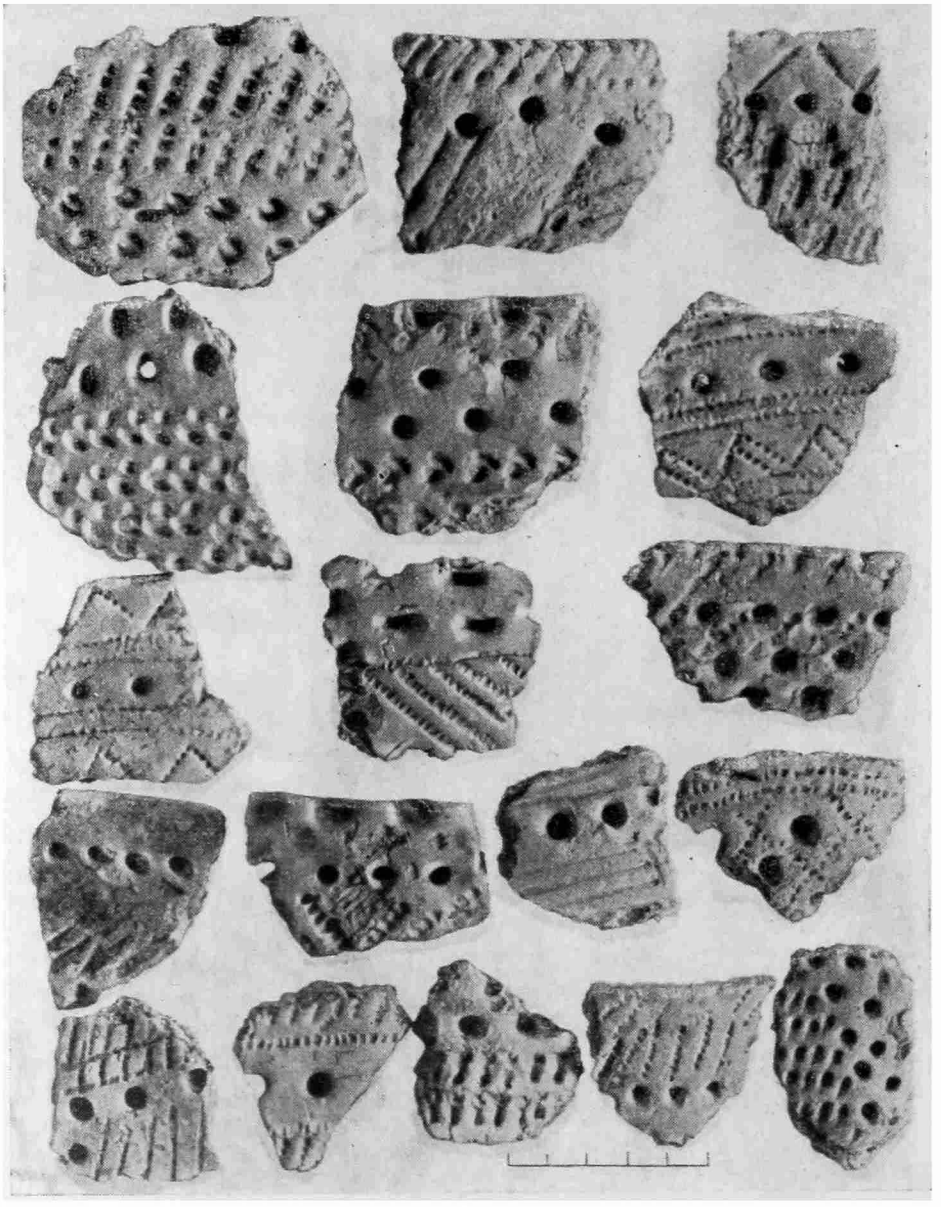


Рис. 6. Керамика энеолитического поселения Вигайнаволок I

На территории Карелии в настоящее время открыто и исследовано свыше 90 энеолитических поселений, содержащих ромбически-ямочную керамику. Анализ вещевого материала поселений позволяет выделить две группы памятников, относящихся к разным хронологическим этапам: более раннему — вигайнаволокскому и позднему — пегремскому.

К раннему этапу энеолита относятся поселения Вигайнаволок I [10], Войнаволок 9 [11], Оровнаволок [12], Илекса I [13] и др. Каменный инвентарь этих памятников в общем близок неолитическому. Наблюдается лишь некоторое обеднение форм и количественное уменьшение орудий охоты,

[10] *Г. А. Панкрушев, А. П. Журавлев.* Стоянка Вигайнаволок I.
[11] *Н. Н. Гурина.* Поселения эпохи неолита...
[12] Там же.
[13] *А. П. Журавлев.* Новые археологические памятники на берегах озера Водл· озера и реки Водлы. Сб. «Научная конференция по итогам работ за 1965 год (секция исторических наук)». Петрозаводск, 1966, стр. 133—135; *его же.* Работы Карельского музея. АО — 1975, М., 1976, стр. 14, 15.

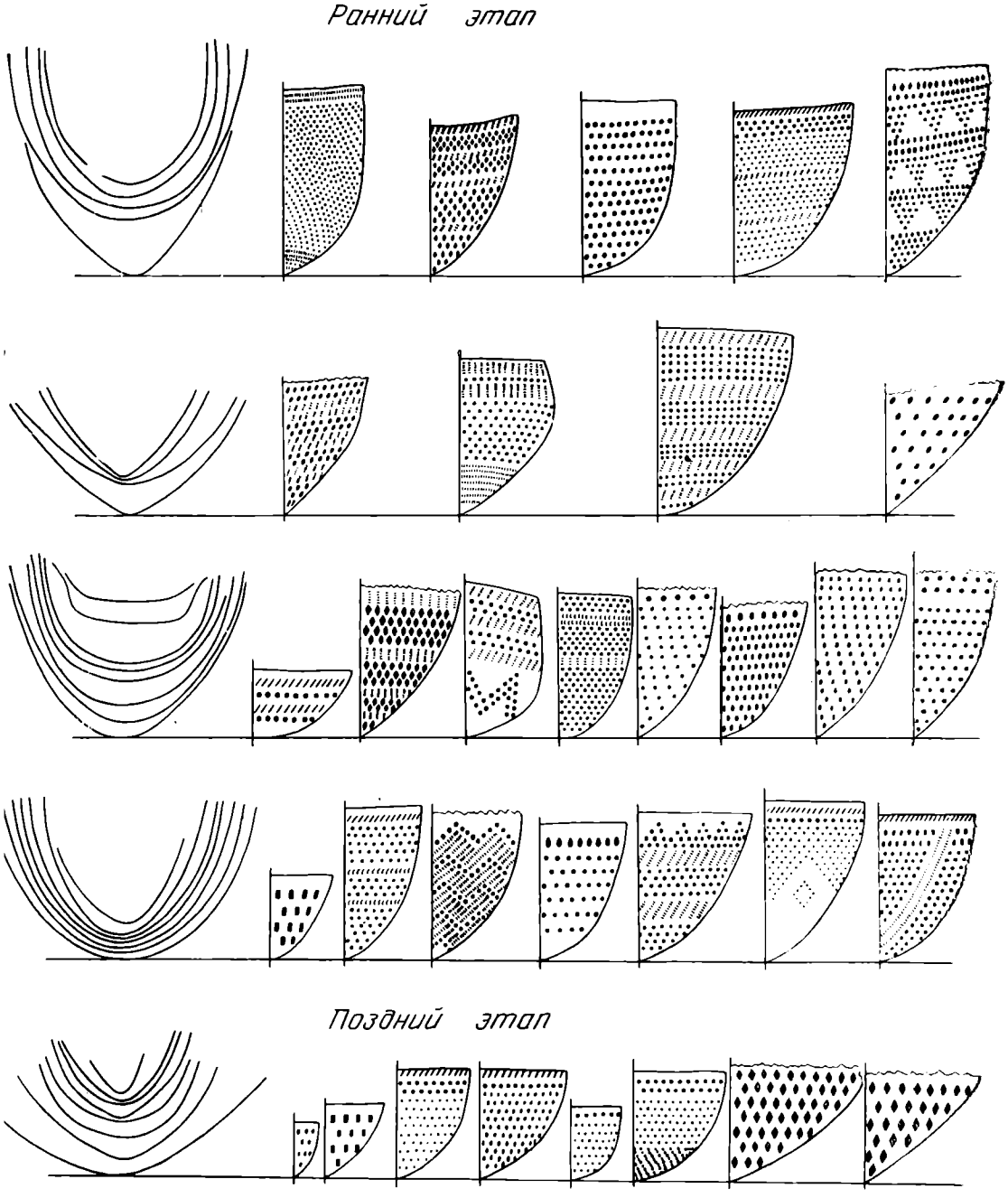



Рис. 7. Формы сосудов и орнамент энеолитической керамики Карелии

реже встречаются кремневые изделия, преимущественно случайной формы, появляются сверленые топоры и небольшие точильные камни с пришлифовкой одной грани (рис. 5), изделия из самородной меди и кусочки ее.

Некоторые изменения прослеживаются и в керамическом производстве. Появляются новые способы изготовления глиняной посуды, увеличивается ее ассортимент, появляются горшки с плоскими днищами, с волнистыми венчиками и выступами на них, а также с ямками, нанесенными на внутренние стенки сосудов, и т. д. Нередко наблюдается ремонт глиняной посуды с помощью глиняных заплат и клея[14]. Происходят неко-

[14] *А. П. Журавлев.* Скульптурки и некоторые другие глиняные изделия из энеолитического поселения Вигайнаволок I. Сб. «Археологические исследования в Карелии». М.— Л., 1972, стр. 91—95.

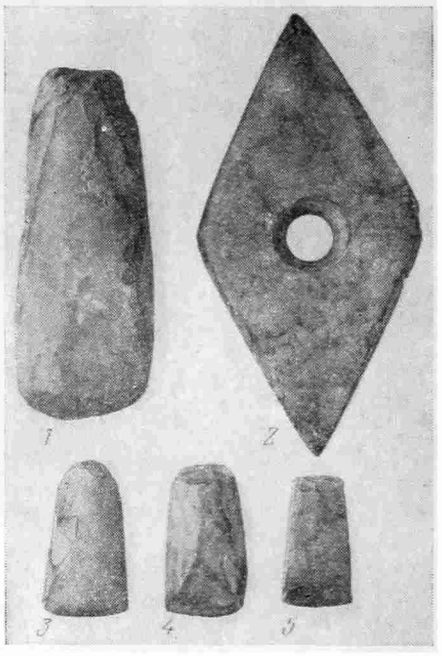


Рис. 8. Сланцевые орудия энеолитического поселения Пегрема I: *1* – топор, *2* – клевец, *3–5* – стамески

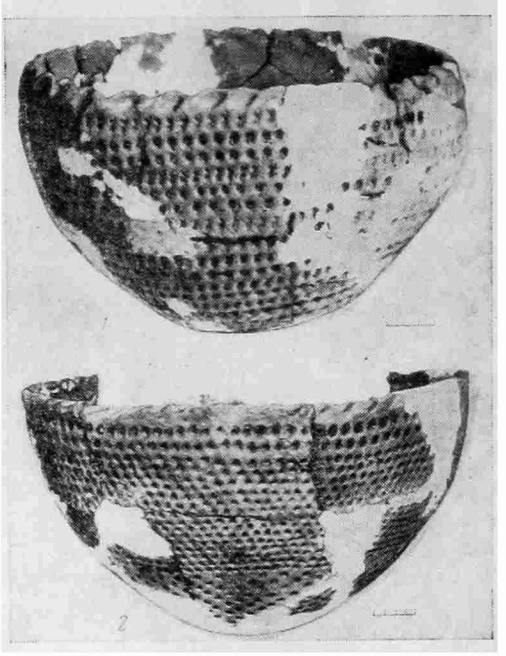


Рис. 9. Сосуды со стоянки Пегрема I

торые изменения и в орнаменте, хотя в целом он остается неолитическим (рис. 5—7).

Жилища этого времени имеют четырхугольную или подчетырехугольную форму, большие размеры со слегка углубленными основаниями и очагами в центре или у выхода. Очаги изобилуют находками.

К позднему — пегремскому — этапу энеолита относятся стоянки Пегрема I [15], Пегрема III [16], Пегрема VII, Деревянное I [17], Сандермоха I [18]. В хронологическом отношении они непосредственно следуют за ранним — вигайнаволокским этапом и характеризуются появлением новых форм материальной культуры, дальнейшим развитием производительных сил и возникновением специализации горняков-металлургов (Пегрема I).

На этом этапе наряду с изготовлением каменных орудий происходит дальнейшее развитие металлообработки. Помимо холодной ковки появляется плавка самородной меди. Выплавка меди из руды была еще, очевидно, неизвестна населению в этот период. Претерпевает дальнейшие изменения каменный инвентарь: сокращается ассортимент орудий, деградируют их формы (рис. 8). Для керамики характерна небрежность в изготовлении теста и орнаментации, однообразие украшений (рис. 9).

Учитывая близость форм орудий и керамики неолитической и энеолитической эпох, можно прийти к заключению о местных корнях энеолита. Прослеживается и некоторое влияние извне, особенно на позднем этапе.

---

[15] *А. П. Журавлев.* Раскопки в Карелии. АО — 1971, М., 1972, стр. 15, 16.

[16] *А. П. Журавлев.* Исследование энеолита в Карелии. АО — 1973, М., 1974, стр. 10, 11.

[17] *Н. Н. Гурина.* Древняя история..., стр. 278—290.

[18] *Ю. В. Титов.* Раскопки в Калевальском, Медвежьегорском и Пряжинском районах КАССР. АО — 1967. М., 1968, стр. 5, 6.

Г. В. ДЛУЖНЕВСКАЯ

# НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗЕМНЫХ СООРУЖЕНИЙ КУРГАНОВ САЯНСКОГО КАНЬОНА р. ЕНИСЕЙ

## (могильник Хадынных II)

Вопрос датировки кургана не может быть в полной мере решен без учета не только погребального обряда и инвентаря, но также особенностей наземного сооружения кургана. В тех нередких случаях, когда погребения полностью ограблены и не содержат какого-либо инвентаря, тип наземного сооружения становится самым важным, если не единственным источником для датировки.

Два кургана, исследованные первым отрядом Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР, на могильнике Хадынных II не дали инвентаря, за исключением фрагмента венчика керамического сосуда и бронзовой обоймы. Однако наземные конструкции — цилиндрические каменные выкладки с ложным сводом — позволяют в какой-то мере определить круг памятников, к которому они относятся [1].

Могильник Хадынных II расположен в долине правобережного притока Енисея речки Хадынных (37 *км* ниже устья р. Хемчик). Могильник составляют два ряда курганов, вытянутые с запада на восток. В южном ряду — 7 насыпей, в северном — 4. Наземные сооружения однотипные — округлой в плане формы, сильно расползшиеся и поросшие кустами караганника. Нами раскопаны курганы в северной цепочке.

**Курган 1.** Каменное сооружение округлой в плане формы из массивных блоков. В центре — неглубокая западина. После разборки развала первоначальной конструкции выявлено каменное наземное сооружение округлой в плане формы (9,0×9,20 *м*), стенка которого, сложенная из хорошо подогнанных друг к другу плит в 8—10 слоев, сохранилась на высоту 0,8 *м* с южной и юго-западной сторон. Северо-восточная и восточная части стенки разрушены в результате сползания кургана по склону. Промежутки между уложенными плашмя плитами заложены мелкими, специально подогнанными плитками. Наклонная площадка выровнена опорными камнями, на которые укладывались плиты нижнего слоя стенки. Внутренняя площадь объекта была заложена разномасштабными обломками горных пород. На некоторых участках удалось проследить послойность заполнения внутренней площади. С внутренней стороны вдоль стенки были уложены в два-три ряда массивные блоки. Края плит, обращенные к центру кургана, рваные, с внешней стороны гладкие. В центре — деревянный настил, от которого сохранились фрагменты четырех плах, уложенных по длине с северо-северо-востока на юго-юго-запад, и одной поперечной с юго-восточной стороны в 0,4—0,6 *м* от конца длинных плах. Вероятно, длинные плахи лежали не на грунте, а опирались на две или более короткие поперечные плахи, но сохранность дерева такова, что утверждать этого нельзя. На настиле — парное погребение по обряду трупоположения. Остатки двух костяков были найдены на разных уровнях между камнями сооружения и в засыпке погребения. Погребение потревожено в древности, ориентировку и положение погребенных установить не удалось. В северо-западной части наземного сооружения найдена бронзовая коническая обойма.

**Курган 2** (рис. 1). Находился западнее кург. 1, на самом склоне долины, спускающемся к р. Енисей. До разборки было видно скопление обломков горных пород, поросшее кустами караганника, перекрытое сверху тремя массивными блоками, скатившимися с горы, возвышающейся над могильником (рис. 1, *1*). В результате разборки выявлено наземное

[1] Первичную информацию об этих памятниках см.: *Г. В. Длужневская.* Исследования в Саянском каньоне Енисея. АО — 1973, М., 1974, с. 199, 200.

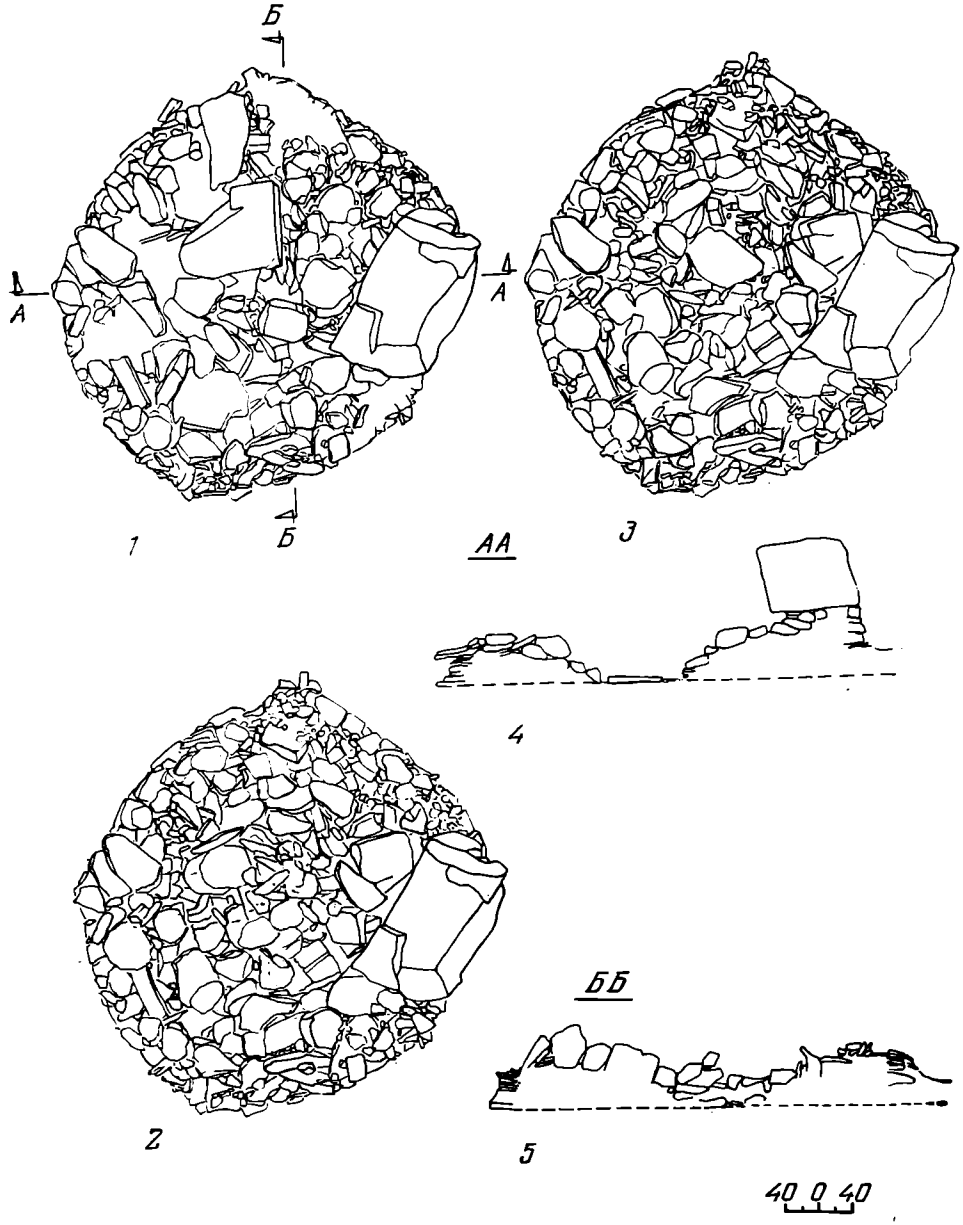



**Рис. 1. Планы и разрезы наземного сооружения кург. 2 на могильнике Хадынных II:** *1* **– план до начала разборки;** *2* **– план после расчистки и частичной разборки;** *3* **– план после разборки рухнувшего ложного свода;** *4* **– разрез по оси** *АА* **после разборки ложного свода;** *5* **– разрез по оси** *ББ* **до начала разборки**

сооружение округлой в плане формы (5,40×5,20 *м*), стенка которого из 4—8 слоев уложенных плашмя хорошо подогнанных плит сохранилась на высоту 0,5 *м*. Мелкие плиты уложены на более массивные каменные блоки. Эти последние в свою очередь лежат на крупных рваных камнях, служивших материалом для выравнивания наклонной площадки. Внутренняя площадь заложена обломками горных пород разного размера, частично задернована. В центре — небольшая западина (рис. 1, *5*).

После расчистки и частичной разборки верхнего слоя сооружения выяснилось, что внутри, по периметру стенки, уложены массивные каменные блоки, вероятно служившие опорами для купольного перекрытия погребения. Перекрытие представляло собой, по всей видимости, ложный

свод, рухнувший в центр сооружения. Между опорными камнями и стенкой пространство заполнено мелкими плитками и камнями. Наилучшая сохранность сооружения — с южной стороны, так как вся северная и восточная части стенки разрушены. После разборки запавшего внутрь ложного свода (рис. 1, *2*) на уровне древней поверхности обнаружены две плиты, ориентированные по длинной оси с запада на восток. Древняя поверхность под ними выровнена плитками. Погребение, по всей вероятности, было совершено на этих плитах, одна из которых отчетливо видна в разрезе по оси *АА*. Эти плиты выполняли роль, аналогичную деревянному настилу в кург. 1 (рис. 1, *3*, *4*). Курган ограблен в древности, до разложения трупа, который был выброшен. На стенке сооружения найден фрагмент венчика керамического сосуда.

Процесс возведения наземных сооружений раскопанных курганов можно реконструировать следующим образом: первоначально на специально подсыпанном, выровненном участке долины выкладывался круг из массивных блоков, служивших опорой ложного свода, внутри которого совершалось погребение человека, в одном случае на деревянном настиле, в другом — на каменных плитах. Затем выкладывалась каменная многослойная стенка. Промежутки между стенкой и опорными блоками заполнялись мелким камнем. Над конструкцией возводился ложный свод из плит, нижний слой которых опирался на блоки-опоры, а каждый последующий, сдвигаясь к центру, придавливал предыдущий. Образовавшаяся камера оставалась незаполненной и перекрывалась сверху массивной плитой (при ограблении кург. 2 эта плита была смещена и находилась на стенке). Со временем, скорее всего при ограблении, ложный свод, потеряв устойчивость, рухнул в центр кургана, образовав западину. Таким образом, курган приобрел «блюдцеобразную» форму.

Хадынныхские наземные сооружения можно было бы сопоставлять с каменными курганами с цистами [2], но о перекрытиях цист каменными ложными сводами данных нет. В савроматских курганах с погребениями по обряду трупоположения на древнем горизонте с остатками деревянных конструкций исследователи предполагают или легкое деревянное перекрытие [3], или деревянную конструкцию в виде рамы, сруба или шатра, имитирующую наземное жилище [4].

Курганом со сводом не ложным, а образованным в данном случае перекрытиями срубов и специально настланной бревенчатой стенкой-откосом, является несравненно более массивное и сложное сооружение — курган Аржан, который раскопали М. П. Грязнов и М. Х. Маннай-оол в Турано-Уюкской котловине, в долине р. Уюк [5]. Очевидно, в первоначальном виде курган представлял собой обширную круглую каменную платформу, плоскую, с отвесными стенами высотой до 3—4, диаметром 110 *м*. Со временем рухнувшие своды срубов потянули за собой каменную обкладку и курган приобрел блюдцеобразную форму поверхности [6].

Специальной системы опор для поддержки свода хадынныхских курганов не было, так как масштабы этих сооружений гораздо меньше, но тем не менее в том и другом случае погребения совершены на уровне древней поверхности, без могильных ям, что характерно для погребений под ложными сводами на памятниках переходного (VIII—VII вв. до н. э.) и раннескифского времени (VII—VI вв. до н. э.) [7]. Таким

[2] *М. Х. Маннай-оол.* Тува в скифское время. М., 1970, стр. 14, 15, рис. 1, *в*.

[3] *М. Г. Мошкова.* Работы Казахстанского отряда Южноуральской экспедиции в 1964 г. КСИИМК, 107, 1966, стр. 44, 45.

[4] *К. Ф. Смирнов.* Савроматы. М., 1964, стр. 82.

[5] *М. П. Грязнов, М. Х. Маннай-оол.* Курган Аржан по раскопкам 1973—1974 гг. Уч. зап. ТНИИЯЛИ, XVII. Кызыл, 1975, стр. 193.

[6] *М. П. Грязнов, М. Х, Маннай-оол.* Курган Аржан — могила «царя» раннескифского времени. Уч. зап. ТНИИЯЛИ, XVI. Кызыл, 1973, стр. 192, 193.

[7] *Л. Р. Кызласов.* Археологические данные и происхождение сакской культуры. Тезисы докладов конференции «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана». Л., 1975, стр. 15.

образом, по наземным сооружениям, по способу захоронения без могильных ям, на древнем горизонте раскопанные нами курганы могут быть поставлены в ряд скифских или даже раннескифских памятников.

Перекрытия из больших каменных плит в виде ложных сводов известны и на могильнике Аймырлыг (долина р. Чаа-Холь, группа «каменных склепов»), где ложные своды возведены над углубленными погребальными камерами. Сопровождающий инвентарь однотипен с характерным для срубов и каменных ящиков [8]. Подобная конструкция известна еще на одном могильнике Центральной Тувы — Аргалыкты I, кург. 17. Автор раскопок датирует этот склеп переходным этапом от скифского к гунно-сарматскому времени [9].

Традиция возводить ложные каменные своды, как нам кажется, связана именно с курганом Аржан, с традициями населения Турано-Уюкской котловины, тем более что истоки речки Хадынных находятся в том же районе, что и р. Уюк, и, несомненно, хадынныхцы не проделывали длительный путь вверх по Енисею и далее через перевал в Уюкскую котловину, а были связаны более короткими путями по кочевым тропам вдоль речки Хадынных и р. Уюк. Возможно, среди принесших дань уюкскому «царю» были и создатели курганов на могильнике Хадынных II.

[8] *А. М. Мандельштам.* Раскопки на могильнике Аймырлыг. АО — 1974. М., 1975, стр. 219, 220.

[9] *Ю. И. Трифонов.* Дальнейшие исследования могильников Аргалыкты I и Кара-Тал IV. АО — 1968. М., 1969, стр. 193.

М. МАМБЕТУЛЛАЕВ

## РЕЛЬЕФНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ВСАДНИКА НА КЕРАМИЧЕСКОЙ ФЛЯГЕ ИЗ ХУМБУЗ-ТЕПЕ

Во время археологических разведок, проводившихся в 1973 г. сектором археологии Института истории, языка и литературы имени Н. Давкараева Каракалпакского филиала АН УзССР на территории Хорезмской области, в местности Карапаш было открыто античное поселение Хумбуз-Тепе, предварительно датируемое IV в. до н. э.— II в. н. э. [1]

Памятник находится в северо-восточной части Ташсакинского плато, в 17 *км* к востоку от г. Хазараспа, на интенсивно размываемом берегу Амударьи. Поселение Хумбуз-Тепе в настоящее время занимает небольшую территорию (4,6 *га*), причем его бóльшая часть разрушена и смыта водами Амударьи. Ее русло ежегодно передвигается влево, к юго-западу, постепенно разрушая левый берег реки, на котором расположен памятник. Со стороны реки отчетливо прослеживается культурный слой толщиной более 1,5 *м*. Он насыщен фрагментами керамики, костями, скоплениями отходов керамического производства и остатками выгребных ям. Наблюдаемое в срезах культурного слоя чередование остатков построек с остатками гончарных отвалов свидетельствуют о том, что здесь на протяжении длительного времени развивалось гончарное производство. Территория поселения сплошь покрыта россыпями керамики и керамических шлаков.

При повторном обследовании поселения весной 1974 г. найден фрагмент стенки фляги с рельефным изображением фигуры всадника в пластинчатом доспехе (рис. 1, см. вкл. к стр. 128). Глиняное тесто, из которого изготовлена фляга, хорошего обжига с примесями отощителя. Наружная и частично внутренняя поверхности покрыты темно-красным ангобом. Длина фрагмента 12, ширина 9, толщина стенок 0,8—1,2 *см*.

[1] *М. Мамбетуллаев, Н. Юсупов.* Археологические работы в Хорезмской области. АО — 1973. М., 1974, стр. 483.

Изображение оттиснуто в форме и сохранилось частично. Конь с всадником обращен влево. От всадника сохранилось изображение нижней части туловища и частично ноги, от коня — брюхо, круп и задние ноги (без копыт) Хвост поднят и подвязан. Фигура всадника представлена в пластинчатом доспехе, доходящем до колен. Ноги ниже колен покрыты длинными поперечными пластинками. Можно полагать, что такими же пластинками были защищены и руки от предплечья до кистей, что должно было обеспечивать всаднику бóльшую подвижность.

Корпус коня защищен двумя панцирными попонами. Панцирь под всадником состоит из четырех-пяти рядов пластин, а панцирь, закрывающий круп коня,— из трех рядов, но более крупных размеров. От попоны отходят подхвостные ремни. Панцирь покрывает только бока и круп коня, не спускаясь к ногам. Вероятно, броней покрывалась также грудь коня. Лошадь в пластинчатом панцире такой формы более подвижна, чем в панцире, покрывающем ее с головы до ног, известном нам по изображениям из Дура-Европос [2].

О применении массагетами панцирей для защиты лошадей сообщает Геродот. Он отмечает, что и коням они надевают медные панцири, как нагрудники [3].

Конь изображен стройным, с длинным мощным корпусом. Тонкие стройные ноги его превосходно моделированы. Вероятно этот конь той же породы, что и изображенные на оттисках каменных печатей и на рельефе фляги IV—III вв. до н. э., найденных в Кой-Крылган-Кале [4], Джанбас-Кале [5] и Беркут-Кале [6]. В древности кони, могущие нести тяжеловооруженного всадника и конский доспех, высоко ценились и могли принадлежать местной знати [7], основному ядру катафрактариев.

На левом боку всадника изображено копье. Очевидно, всадник в походном положении мог держать копье левой рукой. Возможно, что оно прикреплялось к седлу ремнем. На ассирийских рельефах IX—VIII вв. до н. э. конные и пешие воины также держат копье с левой стороны [8]. Изображение всадника с копьем на левом боку встречается на древнехорезмийских монетах.

Среди оружия ближнего боя легковооруженной и тяжелой конницы в степях Евразии основное место занимают длинные копья. Античные авторы сообщают, что в VI в. до н. э. копье имело широкое распространение у массагетов, которых так и называли копьеносцами [9]. Не затрагивая вопроса о времени появления копья у хорезмийцев (что требует особого изучения), отметим, что в IV—III вв. до н. э. копье служило одним из основных видов наступательного оружия хорезмийской конницы. Об этом свидетельствуют рельефы на хорезмийских печатях и флягах IV—III вв. до н. э., найденные на Кой-Крылган-Кале [10] и Джанбас-Кале [11].

Позади всадника на уровне пояса сохранилось рельефное изображение какого-то предмета, поверхность которого сильно стерта. Поэтому назначение его определить трудно.

---

[2] *А. М. Хазанов.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971, стр. 164, табл. 29, *4*.

[3] *Геродот.* История в девяти книгах (перевод и примечания Г. А. Стратановского). Л., 1972, стр. 79.

[4] *С. П. Толстов.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. ТХАЭЭ, II, 1958, стр. 176, рис. 72, *2*.

[5] *С. П. Толстов.* Древний Хорезм. М., 1948, табл. 82, *1*.

[6] Там же, табл. 83, *1*.

[7] *В. И. Цалкин.* Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М., 1966, стр. 138.

[8] *R. D. Barnett.* Assyrische Palastreliefs. Prag (без года) Taf. 100, 120, 131.

[9] *Б. А. Литвинский и И. В. Пьянков.* Военное дело у народов Средней Азии в VI—IV вв. до н. э. ВДИ, 1966, 3, стр. 40.

[10] *С. П. Толстов.* Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., стр. 176, рис. 72, *2*.

[11] *С. П. Толстов.* Древний Хорезм, табл. 82, *1*; 83, *1*.

Парадные фляги, найденные на памятниках Хорезма и украшенные различными рельефными изображениями, датируются исследователями IV—III вв. до н. э.[12] Близкие по форме и по стилю изображения известны на обломках фляги с Кой-Крылган-Калы (IV—III вв. до н. э.)[13] Однако, на ней легковооруженный всадник с копьем наперевес изображен скачущим вправо. Анализируемый фрагмент принадлежит к типу парадных фляг и датируется этим же временем.

Пластинчатый оборонительный доспех был известен уже в IX—VIII вв. до н. э. в Ассирии[14]. Судя по иконографическим материалам, уже в IV в. здесь проводились и первые опыты введения конского защитного доспеха (на некоторых изображениях вся верхняя часть, грудь и частично шея лошади защищены кожаным покрытием), однако дальнейшего развития конский доспех не получил[15].

В VI в. до н. э. у скифов появляется тяжеловооруженная конница. Е. В. Черненко связывает появление панциря у скифов с их походами в Переднюю Азию, когда они ознакомились с панцирями урартов, ассирийцев и мидийцев[16]. В изображении конского нагрудного панциря на золотой пластинке из скифского Гермесова кургана (IV в. до н. э.). М. В. Горелик склонен видеть непосредственного предшественника катафрактариев[17].

Остатки железного комбинированного панциря найдены при раскопках круглого погребального здания на Чирик-Рабате (IV—III в. до н. э.). Он представлял собой сочетание чешуйчатого и пластинчатого доспехов[18].

Археологических данных о существовании катафрактариев в Бактрии и Парфии ранее I в. до н. э.— I в. н. э. не известно[19]. Катафрактарии, представленные на граффити из Дура-Европос, датируются II—III вв. н. э.[20] Появление катафрактариев у сарматов относится к I в. до н. э.— I в. н. э.[21] Они были защищены чешуйчатыми панцирями из костяных или железных пластинок. Такой же чешуйчатой броней покрывались и их кони[22]. Конский доспех у сарматских катафрактариев получил меньшее распространение, чем в Иране. Объясняется это специфическими условиями кочевой жизни, требовавшей большей подвижности и маневренности даже от тяжеловооруженной конницы[23].

Изображения воинов-катафрактариев на фресках боспорских склепов датируются I в. н. э.[24] По мнению исследователей, эти доспехи проникли на Боспор от сарматов[25].

[12] *М. Г. Воробьева.* Керамика Хорезма античного периода. ТХАЭЭ, IV, 1959, стр. 105.

[13] *М. Г. Воробьева.* Памятники искусства. Терракоты, рельефы и алебастровые статуэтки. Сб. Кой-Крылган-Кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э. ТХАЭЭ, V, 1967, стр. 203, рис. 75. *6.*

[14] *R. D. Barnett.* Assyrische Palastreliefs, Prag (без года). Taf. 118—122, 131, 147, S. 149, 158—162, 169, 172.

[15] *Б. А. Литвинский.* Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, стр. 130.

[16] *Е. В. Черненко.* Скифский доспех. Киев, 1968, стр. 143.

[17] *М. В. Горелик.* Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику скифского изобразительного искусства — золотой пластинке из Гермесова кургана. СА, 1971, 3, стр. 245.

[18] *С. П. Толстов.* По древним дельтам..., стр. 148, рис. 82, *а, б.*

[19] *Г. А. Пугаченкова.* О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства. ВДИ, 1966, 2, стр. 42, 43.

[20] *А. М. Хазанов.* Ук. соч., стр. 86.

[21] *А. М. Хазанов.* Характерные черты сарматского военного искусства. СА, 1970, 2, стр. 58.

[22] *М. И. Ростовцев.* Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918, стр. 129.

[23] *А. М. Хазанов.* Характерные черты..., стр. 87.

[24] *М. И. Ростовцев.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914; стр. 334; *Ю. М. Десятчиков.* Катафрактарий на надгробии Афения. СА, 1972, 4, стр. 71, рис. 2.

[25] *М. И. Ростовцев.* Античная декоративная живопись..., стр. 334; *А. М. Хазанов.* Очерки военного дела сарматов, стр. 86; *Ю. М. Десятчиков.* Ук. соч., стр. 71.

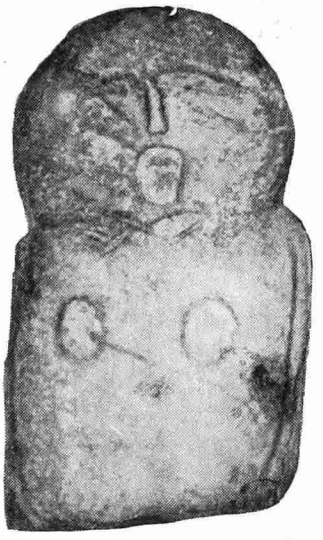
[26] *С. П. Толстов.* Древний Хорезм, стр. 219.

Таким образом, хорезмийский всадник на защищенном коне, представленный на анализируемом рельефе, является, по видимому, самым ранним из известных нам подобных изображений. Однако из-за незначительного количества данных пока воздержимся от установления места появления подобных конских доспехов. Тем не менее анализируемое изображение на фляге и фрагменты железного пластинчатого доспеха из Чирик-Рабата позволяют предположить, что Хорезм был одним из мест, где зародился конский доспех [26].

С. И. ТАТАРИНОВ

## НОВОЕ КАМЕННОЕ ИЗВАЯНИЕ ИЗ ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

В 1969 г. в Артемовский городской музей краеведения была доставлена не известная исследователям каменная статуя (рисунок). Она происходит из с. Звановка Артемовского р-на Донецкой обл., где изваяние много лет лежало во дворе школы. По словам старожилов, статуя была выкопана в поле на правом берегу р. Бахмут в пределах современного села. Осмотр указанного места находки не дает оснований для привязки находки к какому-нибудь археологическому объекту.



Статуя изготовлена из очень прочного мелкозернистого красного песчаника. Месторождения такого песчаника известны в бассейне р. Бахмут. Высота изваяния 78, ширина туловища 38 *см*. Голова слабо выделена, лицо плоско-вогнутое. Нос и брови даны в низком рельефе, круглыми углублениями диаметром 2 *см* обозначены глаза, рот обрамлен висячими усами, переходящими в клиновидную бородку. На шее следы орнамента в виде двойной зигзагообразной линии. По бокам туловища вертикальными линиями показаны руки. На груди хорошо прослеживаются выпуклые овалы, несколько вытянутые по вертикальной оси, размером 7,5×5,5 *см*, которые можно трактовать как женские груди. Тыльная сторона и торец статуи не обработаны, покрыты коркой известкования и пятнами выветривания. Обработаны только лицевая сторона и боковые грани.

Статуя из с. Звановки имеет некоторое сходство со скифскими изваяниями из Собиоара (Румыния) и Херсона [1]. Два новых изваяния, подобных описываемому, найдены Т. А. Шаповаловым и хранятся в музее Донецкого университета. Представляется возможным предположительно отнести публикуемую статую к скифскому времени.

Обобщенный характер изображения, по-видимому, исключает в рассматриваемом изваянии наличие индивидуальных черт. Сочетание признаков обоих полов можно рассматривать как отражение своеобразного представления о предке-прародителе.

Публикуемое изваяние расширяет представления об искусстве и религиозных воззрениях древнего населения на территории Донецкой области [2].

---

[1] *П. Н. Шульц.* Скифские изваяния Причерноморья. Сб. «Античное общество». М., 1967, рис. 3, 4.

[2] Помимо публикуемого изваяния и двух найденных Т. А. Шаповаловым, известно еще одно: *А. К. Тахтай.* Скіфська статуя з с. Ольховчік Донецької області. Археологія. 1964, XVII, стор. 205, 206.

И. П. САВОВСКИЙ

# РАННЕСАРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В ЗАПОРОЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В июле 1975 г. Белозерским отрядом Запорожской экспедиции Института археологии АН УССР, руководимой В. В. Отрощенко, исследовалась курганная группа в урочище Близнецы, расположенном в 5,5 *км* к юго-востоку от с. Большая Белозерка Запорожской обл., на землях совхоза «Правда». Местоположение курганной группы представляет собой чуть возвышенное плато Левобережья Днепра.

В кургане 1 скифского времени (IV в. до н. э.), высотой 3,5 и диаметром 44 *м*, обнаружено сарматское погребение впущенное в восточ

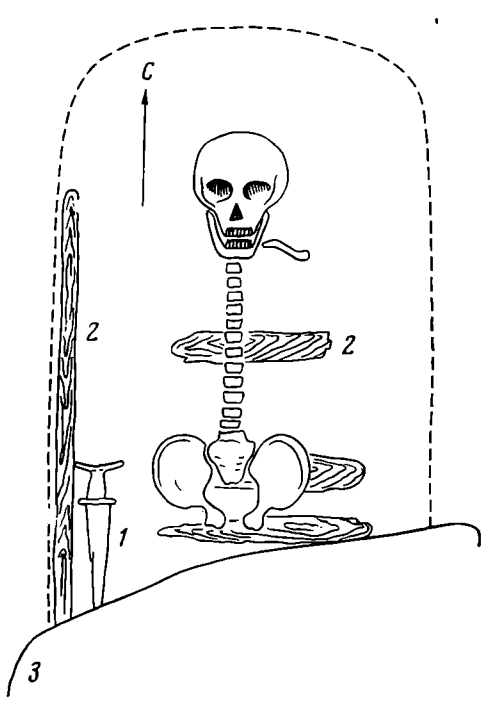



Рис.1. План погребения: *1* – кинжал, *2* – дерево, *3* – граница позднего перекопа

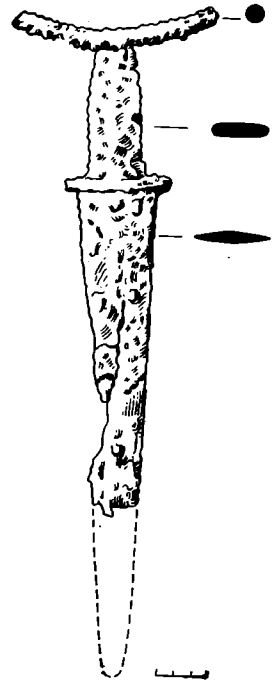


Рис. 2. Кинжал из погребения

ную полу кургана на глубину 3,25 *м* от вершины кургана (1,75 *м* от поверхности кургана).

Контуры ямы не прослежены. Кости ног скелета разрушены поздним перекопом. Кости рук и ребра также не сохранились. Из костей скелета сохранились череп, левая ключица, позвоночник и таз. Покойник лежал вытянуто на спине, головой на север. У правого бедра, навершием на уровне таза, лежал железный кинжал.

Под покойником прослеживались остатки деревянного решетчатого гробовища, состоявших из нескольких поперечных досок и боковой плахи, расположенной вдоль костяка с правой стороны, в 20 *см* от таза (рис. 1).

Особый интерес представляет кинжал с серповидным навершием длиной 12 *см*. Навершие круглое в сечении, диаметр 0,7 *см*. Овальная в сечении уплощенная ручка с прямым перекрестием имеет толщину 0,6 и ширину у перекрестия 3,6 *см*; ширина ручки возле навершия 2,6 *см*. Клинок ромбической в сечении формы, имеет у перекрестия ширину 4,8 и толщину 0,5 *см*. Кинжал поврежден при перекопе — отломан кончик клинка. Длина сохранившейся части кинжала 30,5 *см*, реконструируемая длина — около 40 *см* (рис. 2).

Кинжалы с прямым перекрестием и серповидным навершием характерны для прохоровской культуры Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, где этот тип окончательно сформировался и стал ведущим на рубеже IV—III вв. до н. э.[1] Этот тип известен и в погребениях Увакского могильника Оренбургской обл., датируемых III—II вв. до н. э.[2]

Обряд захоронения в деревянном гробу также связывает погребение с прохоровской культурой, где в IV—III вв. до н. э. появляется, а в III—II вв. до н. э. распространяется и становится характерным обряд захоронения в деревянных гробах[3]. В отличие от прохоровских погребений, в которых преобладает южная ориентировка[4], рассматриваемое погребение ориентировано на север, видимо, под влиянием местных (скифских) особенностей погребального обряда. Не исключена также возможность проникновения сюда такого обряда с отдельными группами носителей прохоровской культуры Левобережья Нижнего Дона, где известны захоронения с северной ориентировкой[5].

О том, что носители прохоровской культуры проникали на Нижнее Поднепровье вплоть до Правобережья, свидетельствуют материалы исследований Кутянского могильника Днепропетровской обл., где в погребении раннего железного века обнаружен лепной орнаментированный сосуд с грушевидным туловом прохоровского типа[6].

Три находки прохоровских сосудов известны и на Левобережье Нижнего Днепра (Верх. Серогозы, Ушкалка, Днепрострой)[7]. Однако погребение с кинжалом прохоровского типа здесь встречено впервые и поэтому представляет большой интерес.

По типу кинжала и обряду трупоположения в гробу его следует предположительно отнести к III в. до н. э. Так или иначе данное погребение носителя прохоровской культуры является одним из ранних и служит еще одним подтверждением выводов К. Ф. Смирнова о проникновении сарматов до Левобережья Днепра и начала завоевания ими Скифии в III в. до н. э.

---

[1] *М. Г. Мошкова.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974, стр. 14, рис. 2, *62*; *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры. САИ, Д1-10, М., 1963, стр. 33–35, табл. 18, *25–27*, табл. 19, *10–14*.

[2] *К. Ф. Смирнов.* Сарматы на Илеке. М., 1975, стр. 60, 61, рис. 18, *1*.

[3] *К. Ф. Смирнов.* Ук. соч., стр. 124, рис. 44; *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры, табл. 2, *2—4*, табл. 4, *5—8; ее же.* Происхождение..., стр. 11.

[4] *К. Ф. Смирнов.* Савроматы. М., 1964, стр. 91; *М. Г. Мошкова.* Происхождение..., стр. 17.

[5] *А. Д. Столяр.* Раскопки курганов у хут. Попова. МИА 62, 1958, стр. 353—359.

[6] *Д. Т. Березовець.* Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут. АП, IX, 1960, стор. 82, рис. 38.

[7] *К. Ф. Смирнов.* О начале проникновения сарматов в Скифию. Сб. «Проблемы скифской археологии». М., 1971, стр. 195.

О. Н. МЕЛЬНИКОВСКАЯ

## НАХОДКА ГРЕЧЕСКОГО ВЕРЕТЕНА В ПАМЯТНИКАХ ЮХНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В памятниках юхновской культуры предметы античного импорта встречаются не часто. В основном это обломки амфор, а также фрагменты чернолаковых сосудов. Распространены некоторые виды пастовых и стеклянных бус. На заключительных этапах юхновской культуры — в зарубинецкое время — встречаются фрагменты краснолаковых сосудов. Почти все импортные античные вещи сосредоточены в Посеймье — области, более тесно, чем Подесенье, связанной со скифским югом, посредничавшем в торговле с северопричерноморскими античными центрами.

В поречье Десны античных вещей значительно меньше. Они ограничиваются здесь единичными фрагментами амфор и редкими находками бус, главным образом в южных областях распространения памятников юхновской культуры — на Черниговщине. В Брянское Подесенье, насколько можно судить при слабой исследованности памятников, античные изделия в скифскую эпоху почти не проникали. Тем больший интерес представляет находка под г. Трубчевском рогового изделия, которое мы интерпретируем как греческое веретено. Это одна из самых северных античных находок раннего железного века на Десне.

Два обломка веретена (или обломки двух веретен, что представляется менее вероятным) найдены В. П. Левенком при обследовании городища юхновской культуры у с. Средние Городцы Трубчевского района. Площадка городища занята современным кладбищем. Один из обломков найден в 1936 г. в юго-восточной части городища в слое при зачистке стенок свежевырытой могильной ямы (рис. 1, *2*). Другая находка сделана в 1941 г. при зачистке культурного слоя на месте древней хозяйственной ямы. Более точных сведений о месте находок нет, возможно, они были сделаны неподалеку одна от другой. В. П. Левенок издал эти находки, не останавливаясь специально на их интерпретации, отметив только, что «встречены точеные фигурные костяные палочки вроде жезлов или колонок» [1].

Обе вещи выточены на токарном станке. По-видимому, это обстоятельство возбудило у В. П. Левенка сомнения в ранней дате изделий, так как он не включил их в вышедшую позже из печати статью с таблицей юхновских вещей [2]. Одна из находок представляет собой постепенно сужающийся цельновыточенный роговой стержень 18 *см* длиной, круглый в сечении на обоих концах, обломанных в древности (рис. 1, *1*). Широкий конец оформлен в виде цилиндра, переходящего уступом в более узкий стержень, служивший для соединения двух составных частей. Противоположный конец также имеет цилиндрическую форму. Вся остальная поверхность изделия сложно профилирована. Вторая вещь также роговая. Она имеет в длину 12,5 *см*. Она еще более сложно профилирована (рис. 1, *2*). Основная часть изделия представляет собой постепенно сужающийся костяной стержень, покрытый резьбой в виде частой косой витой спирали. Один конец заканчивается острием, отделенным от витой части стержня, судя по рисунку В. П. Левенка, обоймочкой-насадкой. С другой стороны стержень также переходит в прямоугольное расширение с двумя орнаментальными округлыми ямками, а последнее — в боченковидное расширение, отделенное диском от следующей фигурки, имевшей, по-видимому, округлое завершение и напоминавшей пешку.

Среди античных веретен имеются убедительные аналогии этим находкам. Прежде всего следует упомянуть веретено из Ольвии, найденное при раскопках некрополя Б. В. Фармаковским в 1901 г.[3] Лаконичность описания отчасти восполняется опубликованием фотографии, на которой отчетливо видны детали, близкие по своей форме описанным нами. Это сложнопрофилированное костяное изделие, представляющее собой длинный стержень, состоящий из пяти отдельных частей, соединявшихся концами в одно целое [4]. На нижней половине веретена насажен круглый

[1] *В. П. Левенок.* Городища юхновской культуры. КСИА АН УССР, 7, 1957, стр. 50, 51, рис. 1, *14, 15.*

[2] *В. П. Левенок.* Юхновская культура (ее происхождение и развитие). СА, 1963, 3, стр. 81, рис. 1.

[3] *Б. В. Фармаковский.* Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. ИАК, 8, 1903, стр. 66, рис. 72.

[4] Н. И. Сокольский отмечает, что при работе на древнем токарном станке длина точеных изделий не могла быть очень большой. Она лимитировалась соотношением диаметра изделия и его длины. По-видимому, этим объясняется многочастность длинных веретен. См. *Н. И. Сокольский.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971, стр. 192.

костяной щиток, а верхний конец оформлен в виде пешки. Общая длина веретена 48 *см*. Близки описанным нами костяные детали античных сложных составных веретен из скифских курганов, в частности из камеры IV Александропольского кургана, курганов у сел Рыжановки и Рахмановки. Мы видим здесь те же шаровидные и боченковидные расширения, разделенные дисковидными пластинами, те же детали в форме пешки, те же цилиндрические насадки [5]. Совершенно очевидно, что веретено

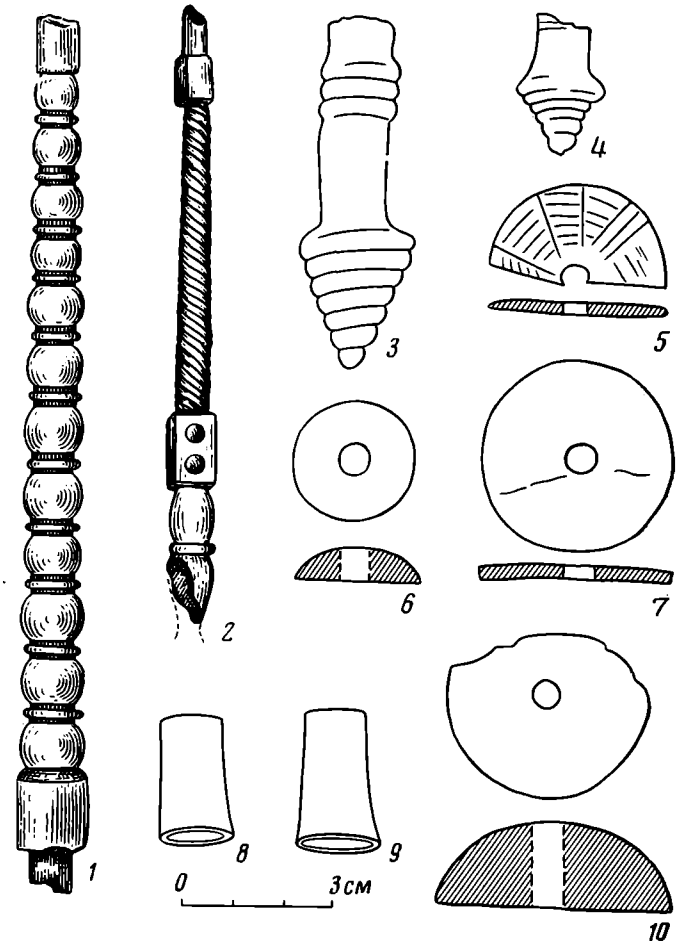



Рис. 1. Веретена и их части с городищ юхновской культуры.

*1, 2* – части сложного составного костяного веретена с городища у с. Средние Городцы; *3, 4* – навершия веретен с городища у с. Жадино; *5, 7* – насадные щитки с городищ у деревень Моисеево и Свинухово; *6, 10* – костяные пряслица с городищ у деревень Кудлаевка и Кузина Гора; *8, 9* – костяные обоймы от веретен с городища у дер. Свинухово

с городища Средние Городцы также состояло из нескольких частей. Этим оно отличается от обычных одночастных античных веретен. Очевидно, что оно должно было иметь также насадный щиток. Не исключено, что при исследовании городища на месте находок могут быть обнаружены недостающие части этой уникальной для лесной зоны вещи.

Представляет интерес вопрос о дате веретена из Средних Городцов. Приведенная выше аналогичная находка из Ольвии была найдена

[5] *Э. В. Яковенко.* «Скіпетр цариці» з Куль-Оби. Археологія, 11, 1973, стор. 42, рис. 3, *1, 3, 5, 6*.

Б. В. Фармаковским в хорошо датированном комплексе позднеэллинистического времени. Греческие веретена в скифских комплексах относятся к V—III вв. до н. э. Веретена из Керчи (IV в. до н. э.) [6] и из Николаевского могильника [7] аналогичны одному из рассматриваемых (рис. 1, *1*).

Материалы городища Средние Городцы, накопленные при многократных обследованиях этого памятника, относятся преимущественно к раннему этапу юхновской культуры, о чем свидетельствуют, в частности, ранние формы и особенности орнаментации посуды. В то же время среди последней встречены фрагменты сосудов, орнаментированных гирляндами из отдельных вдавлений, что характерно только для средних этапов — с конца V, но в основном IV—III вв. до н. э. Об этой же дате говорит и найденная В. П. Левенком стеклянная бусина в виде трех соединенных между собой шариков. Такие бусы датируются по скифским комплексам IV в. до н. э. Более поздние материалы, относящиеся к зарубинецкой эпохе, довольно часто встречающиеся на юхновских городищах Брянской области, на данном городище пока не отмечены.

Находка античного веретена в далеких от юга областях лесной зоны подтверждает предположение Н. И. Сокольского об употреблении этой категории вещей далеко за пределами Северного Причерноморья [8] и является одним из важных свидетельств торговых и культурных связей племенного объединения меланхленов со скифским государством, а через его посредство с греческими городами. Эта находка дополняет собой весьма скудные пока данные о технике прядения в юхновской культуре — одном из домашних ремесел, занимавших важное место в жизни населения.

Данные по античным и скифским веретенам, собранные Н. И. Сокольским и Э. В. Яковенко, показывают, что обычные массовые веретена представляли собой деревянную, костяную или металлическую палочку 20—25 *см* длиной [9]. Такие же веретена в виде простых стержней употреблялись и племенами скифской лесостепи. По нашему мнению, некоторые материалы позволяют атрибутировать отдельные местные изделия в юхновской культуре также как веретена или их детали. При раскопках встречаются длинные костяные стержни неопределенного назначения. Мы предлагаем интерпретировать как нижние концы веретен два роговых изделия, найденных нами при исследовании городища у дер. Жадино Курской области. Выполнены они в технике ручной резьбы. Оба имеют конические завершения, орнаментированные врезанными концентрическими поясками, и такие же пояски на круглых в сечении стержнях, низ которых обломан (рис. 1, *3*, *4*). Маловероятно, чтобы эти изделия могли служить другим целям, например были ручками от ножей, так как последние в юхновской культуре обычно плоские пластинчатые. Навершия с Жадинского городища находят ближайшие аналогии в деревянных веретенах, представленных в этнографическом материале Северной Украины и Центральной России [10].

Как принадлежность веретен следует рассматривать и некоторые другие изделия, встречающиеся в юхновской культуре, например сегментовидные пряслица с отверстием посредине, выполненные из эпифизов костей животных. Они найдены на городищах в деревнях Кудлаевка Черниговской, Кузина Гора Курской, Сатинка Тульской областей (рис. 1, *6*, *10*). В простых скифских и некоторых античных веретенах подобные

---

[6] *Н. И. Сокольский.* Ук. соч., стр. 192; *В. Д. Блаватский.* Отчет о раскопках Пантикапея. Сб. «Пантикапей». МИА, 103, 1962, стр. 63, рис. 46.

[7] *А. И. Мелюкова.* Поселение и могильник у с. Николаевка. М., 1975, рис. 53, *10*.

[8] *Н. И. Сокольский.* Ук. соч., стр. 220.

[9] Там же, стр. 219, 220; *Э. В. Яковенко.* Ук. соч., стор. 40, 41, рис. 2, *3*, *6*.

[10] Коллекция Музея антропологии и этнографии АН СССР. Отдел Украины. Близкое по форме веретено приобретено автором в г. Юрьеве-Польском.

по форме изделия завершают низ веретена [11]. Дважды встречены костяные диски, использовавшиеся, судя по южным аналогиям, в роли пряслиц и вместе с тем регулировавшие и ограничивавшие наматывание на веретено пряжи [12]. Одно из подобных изделий найдено при раскопках Т. Н. Никольской на Свинуховском городище в Калужской области [13] (рис. 1, 7), второе — при раскопках А. Е. Алиховой на Моисеевском городище в Курской области [14]. Узор, прочерченный на одной из поверхностей костяного кружочка, очевидно, изображает паутину. Возможно, он символизировал связь вещи с процессом прядения нити (рис. 1, *5*). Среди изделий из кости на юхновских памятниках встречаются также короткие костяные трубочки — обоймы (найдены на городищах Кузина Гора Курской области и на городищах Лужки, Дешовка, Свинухово, Николо-Ленивец на Верхней Оке и т. д.). Несмотря на примитивность формы этих изделий, полное тождество их с деталями составных костяных или комбинированных с деревом веретен [15] позволяет предполагать, по крайней мере в некоторых случаях, то же назначение (рис. 1, *8, 9*).

Более или менее сходные находки представлены и в смежных с юхновской культурных областях: на милоградских [16], днепро-двинских [17], дьяковских [18] городищах и в лесостепных памятниках скифской эпохи [19]. что можно рассматривать как свидетельство широкого распространения близких по устройству форм веретен.

---

[11] *Э. В. Яковенко.* Ук. соч., стор. 40, рис. 2, *3*; костяное веретено из Ольвии, представленное в экспозиции Одесского гос. археологического музея.

[12] *Э. В. Яковенко.* Ук. соч., стор. 40—42, рис. 2, *1, 2*; 3, *7*.

[13] *Т. Н. Никольская.* Городище у деревни Свинухово. КСИА АН СССР, XLIX, 1953, стр. 91, рис. 23, *5*.

[14] *А. Е. Алихова.* Древние городища Курского Посеймья. МИА, 113, 1962, стр. 124, рис. 20.

[15] *Э. В. Яковенко.* Ук. соч., стор. 40, рис. 2, *7, 9, 11*; *А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская, Е. В. Черненко, Б. Н. Мозалевский.* Скифские курганы Никопольщины. Сб. «Скифские древности». Киев, 1973, стр. 154, 155, рис. 37, *5*.

[16] *О. Н. Мельниковская.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967, стр. 83, рис. 36, *29*, стр. 119.

[17] *Е. А. Шмидт.* Городище у деревни Новые Батеки. Сб. «Древние городища Смоленщины». М.— Л., 1963, стр. 161, рис. 10, *8, 9, 10, 14*.

[18] *К. А. Смирнов.* Дьяковская культура. Сб. «Дьяковская культура». М., 1974, табл. I, *7*; VI, *45—47*.

[19] *Б. А. Шрамко.* Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелоно-будинская проблема. СА, 1975, 1, стр. 70, рис. 4, *21, 22*.

**М. Ф. ГУРИН**

## ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНИХ ЖЕЛЕЗНЫХ ИЗДЕЛИЙ НА МИКРОЗОНДЕ

При исследовании древнего металла все шире применяются методы естественно-технических наук. Большие возможности открывает использование современного уникального прибора — микрозонда. Прибор этот предназначен для рентгеновского спектрального анализа микрообъектов на полированной поверхности твердого образца и позволяет определять содержание почти всех химических элементов периодической таблицы Менделеева.

Полученные на микрозонде данные о химическом составе металла, о характере распределения в нем примесных элементов могут оказать большую помощь в расшифровке микроструктур и соответственно реконструкции технологии изготовления изучаемого предмета.

Известно, например, что в истории освоения человеком железа важное место занимает применение «пакетного» металла (намеренная сварка

железных и стальных пластин) для изготовления наиболее ответственных орудий труда. К такой технологии нередко прибегали скифские кузнецы в VI—IV вв. до н. э.[1] Она выявлена при исследовании сарматских мечей и кинжалов V в. до н. э.— I в. н. э.[2] Этот технологический прием не утратил своего значения в течение двух тысячелетий и широко применялся в средние века [3].

Но наряду с истинным «пакетом» встречаются многослойные изделия (до 10 слоев) из более или менее однородного металла. Некоторые ученые (Р. Плейнер [4], Э. Носэк [5]) считают, что в этом случае речь может идти об использовании металлического лома. Другие (Е. Пясковский [6]) утверждают, что подобная структура получается при длительной проковке, вытяжке, неоднократном складывании и сварке исходной крицы. Для решения этого вопроса на конкретном материале мы решили использовать рентгеновский микроанализатор MS-46 французской фирмы «Камека», имеющийся в Научно-исследовательском институте порошковой металлургии Белорусского политехнического института [7]. Было изучено пять предметов, датируемых II—IV вв. н. э. из селища Тайманово Быховского р-на Могилевской обл. БССР (раскопки Л. Д. Поболя): четыре изделия (три топора и нож) — многослойные и один нож (для сравнения), сваренный из железной и стальной пластин.

Приготовленные шлифы помещались в вакуумную камеру микрозонда и с помощью микроподач перемещались так, чтобы луч прибора проходил поперек слоев изделия. Фиксировалось прохождение сварочных швов, неметаллических включений и других микрообъектов с целью определения в них химических элементов-индикаторов.

Если многослойность изделия связана с использованием кусков металлического лома, соединенных путем сварки, то в «пакет» могли попасть пластины из металла разных рудных месторождений, а также из металла, полученного при различных режимах крично-рудного процесса, что должно было сказаться на гамме микропримесей и их количестве в каждом слое. При прохождении луча прибора поперек слоев разница в содержании исследуемого элемента будет обнаружена. Анализ проводился на магний, титан, марганец, кобальт, никель, медь, вольфрам.

Полученные номограммы показывают, что многослойные предметы имеют во всех слоях одинаковое содержание вышеуказанных элементов; в двухслойном ноже магний есть только в одном слое. Одновременно установлено, что большинство примесей распределено в металле неравномерно. При восстановлении железа из руды в сыродутной печи химические элементы переходят в металл и шлак в разных пропорциях. Особенно четко это видно на примере марганца и кобальта. Содержание марганца в металле колеблется от 0,01 до 0,125%, а в шлаке от 0,1 до 2,5 и даже до 5%. Кобальта же в металле 0,01 — 0,04%, а в шлаке — лишь следы. Такие элементы, как медь, никель, титан, вольфрам, содер-

---

[1] *Б. А. Шрамко, Л. Д. Фомин, Л. О. Солнцев.* Техніка виготовлення скіфської наступальної зброї із заліза й сталі. Археологія, 23, 1970, стр. 58.

[2] *Б. А. Шрамко, Л. А. Солнцев, Р. Б. Степанская, Л. Д. Фомин.* К вопросу о технике изготовления сарматских мечей и кинжалов. СА, 1974, 1, стр. 183, 187.

[3] *R. Pleiner.* Středoveké sidliště s kovárnami u Mutějovic. PA, roč. LX, 1969, č. 2, s. 562; *J. Piaskowski, A. Żaki.* Wczesnośredniowieczne narzędzie stalowo-żelazne z grodziska Wietrzno — Bóbrka, pow. Krosno, MA, t. 1, 1959, s. 340.

[4] *R. Pleiner.* Zur Schmiedtechnik des grossmährischen Reiches. AAC, Bd 12, 1971, Fasc. 1—2, S. 125.

[5] *E. Nosek.* Badania metalograficzne żużla i przedmiotów żelaznych z wykopu № 3 na Skarpie w Krakowie. MA, t. 10, 1969, s. 189.

[6] *J. Piaskowski.* Kryteria określania technologii wyrobów z żelaza dymarskiego. AP, t. 17, z. 1, s. 34.

[7] Автор выражает искреннюю благодарность директору института профессору О. В. Роману за разрешение пользоваться приборами и оборудованием, Л. Д. Поболю — за предоставленные для исследований материалы.

жатся в исследованных предметах в количестве сотых и тысячных долей процента. Меди в двухслойном ноже имеется 0,16%.

Проведенные на микрозонде исследования склоняют к мысли, что многослойные железные изделия получались в результате своеобразной обработки криц: многократных операций по вытяжке, затем складыванию и сварке. Этот технологический прием помогал значительно повысить плотность и качество кричного металла, выходившего из домницы с большим количеством раковин, пор и шлаковых включений. Кузнечная горячая ковка металла до тонкой пластины способствовала (благодаря внутренней сварке) ликвидации раковин, уменьшению пористости, частичному избавлению от шлаковых включений, а в результате повышала его качество. Однако из тонкой пластины нельзя сделать любую вещь. Для изготовления более массивных орудий труда необходимо было сварить несколько небольших криц. Вероятно, поэтому все найденные на селище Тайманово топоры — многослойные.

При производстве двухслойных изделий возможно было использование металла различного происхождения.

К. А. СМИРНОВ

## НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОЧИТАНИИ ТОПОРА ДРЕВНИМИ СЛАВЯНАМИ

Известно, что у славянских народов с топорами связан целый ряд верований и обрядов, которые обычно сопоставляются с культом Перуна [1]. В связи с этим значительный интерес представляет находка двух топоров на городище у дер. Хлепень Сычевского р-на Смоленской обл. Городище расположено на левом берегу р. Вазузы, на мысу, образованном оврагом и долиной реки, к северу от деревни. Основной слой на городище относится к древнерусской феодальной усадьбе, возникновение которой относится к XI в., а гибель — к XIII в.

Один топор был найден в основании вала. В процессе раскопок было установлено, что вал на городище был сооружен следующим образом. На поверхности земли были уложены дрова (бревна и сучья) и зажжены. Когда они хорошо разгорелись, но еще не прогорели, на них стали бросать глину. Об этом можно судить по тому, что костер не прогорел до конца, а обугленные бревна сохранились в длину на 1 *м* и более. Можно думать, что разведение огня было вызвано не только техническими, но и культовыми соображениями. Попадая в огонь, глина спекалась, что повышало прочность сооружения.

При исследовании вала в слое угля был найден стальной топор (рис. 1). Трудно предположить, что это орудие труда, несомненно представлявшее ценность, попало в огонь случайно. Топор мог быть положен в костер в процессе укладки дров или был брошен в огонь, когда костер уже горел. Другие случаи нахождения топора в подобных условиях автору неизвестны. Однако известно, что в древности топор играл большую роль в обрядах, в частности в обрядах, связанных с огнем. В. П. Даркевич, анализируя этнографические материалы, отмечает, что «в некоторых обрядах отчетливо выступает «огненная» природа топора» [2].

Топор был сильно поврежден, однако особенности его формы прослеживаются достаточно хорошо. Его общая длина 18,6, ширина лезвия

[1] *В. П. Даркевич.* Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве. СА, 1961, 4, стр. 91.

[2] *В. П. Даркевич.* Ук. соч., стр. 98.

9,5, ширина втулки 4 *см*. По классификации А. Н. Кирпичникова, топор должен быть отнесен к типу VI рабочих топоров [3].

По мнению А. Н. Кирпичникова, топоры этого типа появляются в X и существуют до XIII в., однако наибольшее их количество приходится на XI—XII вв. [4]

Для рассматриваемого топора наиболее вероятной датой представляется середина или конец XI в., поскольку в культурном слое поселения, перекрывающем основание вала, были найдены предметы XI—XII вв.

Второй топор, каменный (рис. 2), был найден в разрушенной постройке, в слое пожара, который на основании трехлопастной черешковой

Рис. 1. Стальной топор, найденный в основании вала

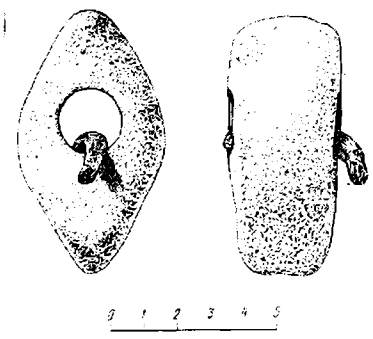


Рис. 2. Каменный топор с железным клином, найденный в сгоревшей постройке

стрелы и других находок следует датировать XIII в. Такие наконечники стрел обычно связываются с монголами. Топор относится к типу ромбических обоюдоострых молоточковидных. Такие топоры доживают до конца фатьяновской культуры [5]. Интересно отметить, что в момент находки в проухе находился железный стержень. По-видимому, топор был насажен на топорище и заклинен железным стержнем.

С каменными топорами и молотами связаны многочисленные верования. Например, литовские крестьяне клали каменные топоры и молоты у порогов изб для того, чтобы защититься от молнии. Южные славяне с той же целью хранили орудия под крышей дома. У многих народов топору, в частности каменному, приписывается способность увеличивать плодородие полей и повышать приплод скота, поэтому топор часто помещался на дверях хлева. Широко известны также верования, согласно которым топор, желательно каменный, применялся в народной медицине. Ему приписывались особые целебные свойства [6].

Находка двух топоров на городище у дер. Хлепень отражает некоторые языческие верования и обряды, бытовавшие у населения бассейна реки Вазузы в XI—XIII вв.

---

[3] *А. Н. Кирпичников.* Древнерусское оружие, 2. САИ, Е1-36, М., 1966, табл. XVI, рис. 7 и 8.

[4] Там же, стр. 44, табл. 12.

[5] *Д. А. Крайнов.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972, стр. 49.

[6] *В. П. Даркевич.* Ук. соч., стр. 97, 98.

# *Критика и библиография*

**А. М. Хазанов. Социальная история скифов.** «Наука», М., 1975

Скифская проблема во всей ее сложности и многообразии издавна является одной из важнейших в древней истории нашей страны. Массовые раскопки предскифских и скифских памятников в Причерноморских степях, увенчавшиеся, в частности, выдающимися открытиями в Поднепровье, Запорожье, Херсонщине и в Крыму, явились новым импульсом в исследовании важнейших проблем скифской истории и вызвали огромный интерес к скифам не только у нас в стране, но и далеко за ее пределами. Новые научные и научно-популярные книги и сборники, посвященные различным аспектам скифской проблемы (М. И. Артамонов, Б. Н. Граков, В. А. Ильинская, Г. Т. Ковпаненко, А. М. Лесков, А. И. Мелюкова, Н. А. Онайко, В. Г. Петренко, А. М. Хазанов, Е. В. Черненко, Э. В. Яковенко, сборники «Проблемы скифо-сарматской археологии». М., 1971; «Скифские древности». Киев, 1973; «Скифский мир». Киев, 1975), получили широкую известность. Однако, несмотря на приток нового археологического материала, решение ряда важнейших проблем скифской истории по-прежнему вызывает острые дискуссии. Вопросы происхождения скифов и скифской культуры, этногеографии Скифии, социальной истории скифов по-прежнему вызывают ожесточенные споры среди археологов и историков, этнографов и языковедов.

В последние годы внимание специалистов привлекла серия статей А. М. Хазанова[1], в которых автор поднимает ряд вопросов социально-экономической истории скифского общества. Итогом его многолетних изысканий явилась вышедшая в конце 1975 г. монография «Социальная история скифов». В этой работе автор проявил себя как великолепный знаток и интересный, оригинальный интерпретатор письменных источников, широко эрудированный историк, этнограф и археолог. Столь многогранная подготовка позволила автору предложить интересную и в основном, на мой взгляд, убедительную трактовку основных вопросов социальной истории не только скифского общества, но и древних кочевых обществ евразийских степей в целом. Я не владею в достаточной мере всем разнообразнейшим материалом, которым оперирует автор, а потому остановлюсь лишь на некоторых аспектах исследования А. М. Хазанова, представляющих первостепенную важность и интерес, в частности для археологов, изучающих предскифский и скифский периоды юга Восточной Европы и сопредельных территорий.

В небольшой по объему (стр. 15—35), но очень емкой по содержанию I главе монографии А. М. Хазанов рассматривает письменные источники и литературу, посвященные социальной организации кочевников евразийских степей, и в первую очередь скифов. Следуя лучшим образцам своих предшественников (М. И. Ростовцев, Б. Н. Граков), автор рецензируемой книги обращает особое внимание на выяснение источников каждого из античных писателей, учитывает характер древнего

[1] *А. М. Хазанов.* «Военная демократия» и эпоха классообразования. ВИ, 1968, 12; *его же.* З соціальної історії Скифії. УІЖ, 1970, 9; *его же.* О характере рабовладения у скифов. ВДИ, 1972, 1; *его же.* Обычай побратимства у скифов. СА, 1972, 3; *его же.* Скифское жречество. СЭ. 1973, 6; *его же.* Скифское общество в трудах Ж. Дюмезиля. ВДИ, 1974, 3; *его же.* Легенда о происхождении скифов (Геродот, IV 5—7). Сб. «Скифский мир». Киев, 1975.

произведения, время и события, при которых жил и творил тот или иной автор, наконец, его философские и исторические взгляды. При рассмотрении вопросов историографии справедливо отмечен большой вклад, внесенный в изучение социальной организации скифского общества археологами М. И. Артамоновым и Б. Н. Граковым, историком Ю. В. Готье, иранистом Ж. Дюмезилем. А. М. Хазанов обращает внимание читателей на объективно сложившуюся ситуацию, когда вопросами социальной истории скифского общества «занимались археологи, специалисты по истории античного мира и иранисты, но только не этнографы-кочевниковеды» (стр. 32). И хотя, как подчеркивает исследователь, основные проблемы кочевниковедения также являются дискуссионными, свое дальнейшее исследование он строит прежде всего на сопоставлении скифского общества с другими обществами древних кочевников, а также с кочевниками средневековья и нового времени. Следует подчеркнуть, что А. М. Хазанов не ограничивается только таким сопоставлением, а в процессе своего исследования широко пользуется археологическими и письменными источниками. Подобный комплексный подход, особенно широкое использование данных этнографии, с одной стороны, является превосходным примером для любого археологического исследования, а с другой — именно такой подход предопределил успех рецензируемой монографии в целом и дал возможность автору предложить, в частности, убедительное решение ряда важнейших вопросов истории Скифии, рассмотрению которых посвящены II — V главы рецензируемого труда.

Одним из серьезных успехов А. М. Хазанова является анализ скифских этногонических легенд. Говоря о Таргитае, автор находит ему как прародителю и герою-богатырю интересные параллели в иранском эпосе (стр. 41) и тем самым убедительно подтверждает мысль Б. Н. Гракова о древности образа Таргитая, уходящего в глубины бронзового века Приднепровья. Думается, что автор книги напрасно сомневается (стр. 42) в автохтонном происхождении Таргитая, ссылаясь на Диодора, который в отличие от Геродота локализует Ехидну не в Приднепровье, а в Предкавказье. Ведь Диодор (I, 43, 3), описывая раннюю скифскую историю, указывает: «**Впоследствии** (подчеркнуто нами.— *А. Л.*), по скифским преданиям, появилась у них рожденная землей дева, у которой верхняя часть тела до пояса была женской, а нижняя — змеиная». Далее из Диодора мы узнаем, что от Зевса эта змееногая дочь земли родила сына по имени Скиф. Но ведь этому сообщению предпослан рассказ о предшествующей истории скифов. Вот что пишет Диодор: «Теперь перейдем к скифам... Сначала они жили в очень незначительном количестве у реки Аракса и были презираемы за свое бесславие. Но еще в древности под управлением одного воинственного и отличавшегося стратегическими способностями царя они приобрели себе страну в горах до Кавказа, а в низменностях побережья Океана и Меотийского озера и прочие области до реки Танаиса» (II, 43, 2). Именно на этой территории, в Предкавказье, появилась Ехидна, будущая мать Скифа. Вот почему данные Геродота и Диодора представляются мне несопоставимыми при решении вопроса о происхождении скифов. В обеих версиях Геродота речь идет о прародителе (в первой версии о Таргитае, во второй — Геракле и его жене Ехидне), тогда как у Диодора сообщению о Ехидне, родившей Скифа, предпослан рассказ об уже существующих скифах, прошедших два этапа своего развития: 1) презираемые за свое бесславие; 2) возвысившиеся, приобретшие территорию Предкавказья. Таким образом, Ехидна Диодора в отличие от дочери Борисфена — матери Таргитая (первая версия Геродота) и от Ехидны — матери Скифа (вторая версия Геродота), от которого произошли «скифские цари» (т. е. скифы царские) не может рассматриваться как родоначальница скифского народа в целом.

Очень убедительно трактует А. М. Хазанов вслед за Э. Бенвенистом и Ж. Дюмезилем и предания о священных дарах (стр. 42—47), рассматривая их как символы социального членения скифского общества на три сословия. Древность этого предания, по А. М. Хазанову, уходит в эпоху бронзы, «ко времени иранской или даже индоиранской общности» (стр. 46). При этом А. М. Хазанов обращает внимание, что дары упали на Причерноморскую землю, что, по-моему, должно учитываться при решении вопроса о происхождении скифов.

Автохтонность и древность опирающихся на иранский эпос преданий о происхождении Таргитая и о священных дарах, убедительно выявленные А. М. Хазановым,

находят надежное подтверждение в новых археологических материалах. Я имею в виду открытие в Приднепровских степях раннесрубного культурного пласта середины II тысячелетия до н. э.[2] Известно, что многие лингвисты считают срубные племена носителями североиранского этноса (В. И. Абаев, Б. В. Горнунг и др.). Так, В. И. Абаев пришел к выводу, что на юге России иранский элемент появляется не позднее второй половины II тысячелетия до н. э.[3] Массовое открытие раннесрубных памятников на юге Украины позволяет уточнить эту дату в пределах XV — XIV вв. до н. э. В этом свете иначе воспринимается и сообщение Геродота (IV, 7) о том, что от «царя Таргитая до похода Дария прошло круглым счетом не более тысячи лет ». Легенда о Таргитае как прародителе не только собственно скифов, но и иранцев вообще находит соответствие в археологическом материале и, таким образом, подкрепляет мнение тех исследователей, которые связывают происхождение скифов с носителями срубной культуры, господствовавшими в каспийско-черноморских степях (в том числе и в Предкавказье) с середины II тысячелетия до н. э. и до конца бронзового века.

Глава III посвящена различным вопросам семейно-брачных отношений. Мне она представляется образцом комплексного исследования. Для разработки сложных вопросов, касающихся семьи и брака у скифов и других кочевых народов, А. М. Хазанов широко использует данные этнографии, оригинально и глубоко трактует письменные источники, умело оперирует археологическим материалом. Подобный комплексный подход позволил автору в IV главе убедительно показать многоступенчатость социальной организации кочевых скифов. Весьма интересной и перспективной представляется догадка автора о том, что геродотовы номы создаются на племенной основе, а архэ представляет собой племенные группировки или объединения, которые и составляли басилеи (стр. 119—122). Обращаясь к вопросу об «этносе» геродотовой Скифии, А. М. Хазанов, хотя и вскользь, касается одного из самых спорных вопросов скифской истории: речь идет о том, где локализовать скифов-земледельцев и скифов-пахарей — в степи или лесостепи. И хотя окончательное решение этого вопроса — дело будущего, автор склоняется к мнению тех исследователей, кто считает, что земледельческие племена или племенные объединения жили в лесостепи. Приведенные А. М. Хазановым в поддержку этого мнения доводы мне не показались убедительными. Первый из них сводится к констатации того факта, что в степной полосе пока не найдены поселения времени Геродота. Здесь прежде всего следует разделить скифов-пахарей и скифов-земледельцев, ибо Геродот отводит им разные территории. Что касается скифов-пахарей, то, судя по Геродоту, они жили в Побужье, вероятнее всего, где-то в районе современных Вознесенска — Первомайска (именно там их размещает Б. Н. Граков, чья карта, как мне кажется, наиболее соответствует данным Геродота), однако эта территория остается и сейчас практически неисследованной. Что касается скифов-земледельцев, то, опять-таки вслед за Б. Н. Граковым, я считаю, что они жили по обоим берегам Нижнего Днепра. В этой связи следует прежде всего вспомнить работы П. О. Бурачкова в низовьях Днепра, где он собрал многочисленные архаические наконечники стрел и обломки скифской керамики. Как известно, эти находки И. В. Яценко датировала VII — V вв. до н. э. и, отметив наличие бракованных экземпляров раннескифских наконечников стрел, справедливо, на мой взгляд, связала эти находки с земледельческим населением, занимавшимся и бронзолитейным делом[4]. Укажу также поселение у с. Станислав на правом берегу Днепра, близ Херсона, откуда происходит коллекция скифской керамики VI — V вв. до н. э.[5], аналогичная Широкой балке. Кроме того, отдельные находки архаической скифской керамики неоднократно встречались на обоих берегах Днепра на территории Херсонской и Запорожской областей[6]. Наконец, стоит отме-

---

[2] *А. М. Лесков.* Раскопки курганов на юге Херсонщины и некоторые вопросы истории племен бронзового века Северного Причерноморья. Сб. «Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР». Киев, 1967, стр. 15 сл.

[3] *В. И. Абаев.* О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы. МИА, 177, 1971, стр. 10.

[4] *И. В. Яценко.* Скифия VII—V вв. до н. э. М., 1959, стр. 34.

[5] Материалы хранятся в фондах Херсонского краеведческого музея.

[6] Материалы хранятся в фондах Института археологии АН УССР.

тить и недавно открытое архаическое поселение в Голопристанском районе, на территории Геродотовой Гилеи[7]. «Немного»,— скажет читатель и будет прав, ибо в отличие от Побужья (между Вознесенском и Первомайском) Нижнее Поднепровье изучено несравнимо лучше. Но здесь вполне уместно будет напомнить, что среди специалистов нет расхождения по вопросу о локализации алазонов (на всех картах их помещают между Николаевым и Вознесенском); точно так же все согласны, что они были земледельцами [вспомним Геродота (IV, 17): «...Эти последние (речь идет об алазонах.— *А. Л.*)... сеют и употребляют в пищу хлеб, а также лук, чеснок, чечевицу и просо»].

Однако поселения их также неизвестны. Случайно ли это? По-моему, нет. Во введении к рецензируемой книге А. М. Хазанов выделяет пять основных типов кочевания (стр. 10, 11): первые три типа связаны с постоянным кочеванием всего населения (видимо, таков был образ жизни скифов-кочевников) а последние два типа характеризуются сочетанием кочевого образа жизни с оседлым, когда кочевники возвращаются на зиму к постоянным жилищам (четвертый тип) или часть населения живет оседло (пятый тип). В обоих случаях, особенно в последнем, роль земледелия достаточно велика. Именно таким представлял себе хозяйство геродотовых скифов-пахарей и скифов-земледельцев Б. Н. Граков. Он писал: «Земледелие, по-видимому, не мешало населению кочевать между севом и покосом, а молотьба могла тянуться всю оседлую зиму. Недаром же эллины-скифы назывались еще каллипидами (т. е. «потомками прекрасноконных»), пахари сеяли хлеб не столько для себя, сколько для продажи грекам, а «алазоны» значит «бродяги»»[8]. Кроме того, говоря о скифах-земледельцах, напомню, что мне уже приходилось отмечать различия в погребальном обряде скифов IV в. до н. э., оставивших свои курганы в открытой степи, и непосредственно на берегах Днепра, в частности в геродотовой Гилее. Курганы в открытой степи, которые я связываю с кочевниками, отличаются в среднем большей высотой насыпей, глубиной и сложностью подземных сооружений, бóльшим количеством оружия и конского убора, античной керамики, драгоценностей, и вместе с тем в этих курганах значительно реже встречается простая лепная керамика[9]. Думаю, что эти материалы дают серьезные основания для выделения побережья Нижнего Днепра в качестве территории, где жили скифы-земледельцы. И то, что речь идет о памятниках IV в. до н. э., а не времени Геродота, не должно смущать. Ведь А. М. Хазанов смог очень убедительно показать, что древние общества кочевников Евразии, в том числе и скифов, характеризуются поразительной живучестью родо-племенной организации, совпадающей с военной (стр. 128—130).

Недостаточно обоснованными мне представляются и два других довода А. М. Хазанова: 1) что степи Северного Причерноморья вплоть до XIX в. никогда не давали стабильных экспортных излишков хлеба и 2) что крымским татарам, которые не позднее XV в. стали практиковать земледелие как подсобный вид хозяйства, хлеба постоянно не хватало (стр. 117). Здесь, по-моему, автор не учитывает разницу между степями Северного Причерноморья в целом и плодородными долинами на Нижнем Буге и Днепре в частности, где по моим представлениям, жили скифы-пахари и скифы-земледельцы (вспомним замечание Геродота (IV, 53): «...вдоль него (Днепра) тянется превосходная пахотная земля или растет очень высокая трава там, где почва не засевается...»).

Не выдерживают сравнения также территории земледельческих племен Скифии с безводными степями Крыма, немногим отличающимися по климату и водному режиму от полупустыни.

---

[7] *А. С. Островерхов.* Ягорлыцкое поселение ремесленников. Новейшие открытия советских археологов (Тезисы докладов конференции, ч. II, Киев, 1975, стр. 18, 19). Проведенные здесь, среди Алешковских песков, сбор подъемного материала, а также незначительная шурфовка не дают оснований для далеко идущих выводов. Однако наличие среди разновременного (от эпохи бронзы до раннего средневековья) материала раннескифских наконечников стрел, бронзовых украшений, лепной керамики представляет бесспорный интерес.

[8] *Б. Н. Граков.* Скифы. М., 1971, стр. 39.

[9] *А. М. Лесков.* Некоторые вопросы древней истории племен юга Украины в свете новых данных. Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. М., 1972, стр. 41, 42.

Сложнейшим вопросам скифской истории посвящена глава V, где автор рассматривает социальную стратификацию и различные формы эксплуатации в Скифии. Здесь прежде всего следует выделить разделы, посвященные рассмотрению вопросов о месте рабства и других форм эксплуатации в скифском обществе. Опираясь на многочисленные данные этнографии и письменных источников, характеризующих различные стороны жизни кочевых обществ древности и средневековья, А. М. Хазанов убедительно показал, что в этих обществах труд рабов никогда не был и не мог быть основой производства. Этот вывод в полной мере относится и к скифам, о чем свидетельствуют письменные источники и данные археологии. Думаю, что теперь, после выхода в свет монографии А. М. Хазанова, нет больше оснований рассматривать скифское общество как общество, где ведущая роль в производстве принадлежит рабовладению.

Характеризуя далее категории зависимого населения Скифии, А. М. Хазанов четко показывает и надежно обосновывает разницу между рабством и различными видами данничества. Вывод этот принципиально важен, ибо известно, что в многолетней дискуссии по поводу общественного строя скифов многие исследователи без достаточных оснований сближали, если не отождествляли, различные виды данничества с рабством. Несостоятельность подобных суждений великолепно вскрыл А. М. Хазанов, обосновавший свои выводы глубоким анализом генезиса различных форм эксплуатации, имевших место в скифском обществе. Не менее убедительно выглядит и характеристика других категорий зависимого населения Скифии, а также рядового свободного населения и верхушки (жречество, аристократия, царский род) общества.

Глубокий и всесторонний анализ семейно-брачных отношений, выявление многоступенчатой социальной организации и сложности социальной стратификации с учетом разных форм эксплуатации в Скифии позволили А. М. Хазанову посвятить заключительную главу своей монографии вопросам скифской государственности. Здесь автор со свойственной ему глубиной рассматривает различные вопросы этой проблемы, в том числе два, пожалуй, наиболее сложных а потому самых дискуссионных — о времени появления скифов в Причерноморье и о времени возникновения и характере государства у скифов.

Как известно, вопрос о времени появления скифов в степях Северного Причерноморья давно и широко дискутируется в науке. Если, по мнению А. И. Тереножкина [10], скифы появились в Причерноморье не ранее середины VII в. до н. э., то С. А. Жебелев [11] считал, что скифы приходят в Причерноморье в VIII в. до н. э. Много внимания этому вопросу уделил Б. Н. Граков. В ряде своих работ он доказывал, что скифы жили в Причерноморье в IX — VIII вв. до н. э.[12] Окончательное решение этого вопроса, имеющего важнейшее значение не только для собственно скифской проблемы, но и для изучения истории киммерийцев, неразрывно связано с трактовкой имеющегося археологического материала и письменных источников.

Мне уже приходилось отмечать [13] значение наблюдения А. М. Хазанова, подметившего в результате сопоставления двух независимых версий Аристея — Гекатея — Геродота и Диодора одну и ту же последовательность событий, связанных с появлением скифов в Причерноморье: сначала скифы переходят Аракс (Волга или Амударья?), затем захватывают Причерноморье, а потом отправляются в азиатские походы. Такая последовательность событий позволила А. М. Хазанову не только показать несостоятельность мнения М. И. Артамонова, считавшего, что под Араксом Геродота следует понимать закавказскую реку, сохранившую свое название до наших дней, а также И. М. Дьяконова, предположившего, что скифы попадают в Закавказье из Азии еще до появления в Северном Причерноморье, но и, опираясь на ассирийских хронографов, знающих скифов в 70-х годах VII в., установить, что в Причерноморье скифы появляются раньше этой даты. Последний вывод имеет важней-

---

[10] *А. И. Тереножкин.* Скифская культура. МИА, 177, 1971, стр. 20, 21.

[11] *С. А. Жебелев.* Скифский рассказ Геродота. Сб. «Северное Причерноморье». М — Л., 1953, стр. 338.

[12] *Б. Н. Граков.* Скифы, стр. 18.

[13] *А. М. Лесков.* Предскифский период на юге Украины. Автореф. докт. дис. М., 1975, стр. 44.

шее значение для решения проблемы происхождения скифов. Действительно, древнейшие собственно скифские комплексы со сложившейся знаменитой скифской триадой все специалисты уверенно датируют не ранее последней трети VII в. до н. э., а между тем из письменных источников следует, что скифы в Причерноморье попадают не менее чем за 50 лет до появления комплексов типа Темир-горы, Константиновки под Мелитополем, Цукур-Лимана и т. д. Из сказанного неопровержимо следует: 1) явное несоответствие письменным источникам, как античным, так и ассирийским, делает неприемлемой старую гипотезу М. И. Ростовцева, возрожденную недавно А. И. Тереножкиным, о привнесении скифской культуры в Причерноморье из глубин Азии в VII в. до н. э. в сформировавшемся, готовом уже виде; 2) какие-то памятники причерноморских степей конца VIII— первой половины VII в. до н. э. принадлежат древнейшим скифам.

Какие же? Обращаясь к археологическим памятникам степей Причерноморья VIII — первой половины VII в. до н. э., А. М. Хазанов склоняется к мысли А. А. Иессена о том, что памятники типа Новочеркасского клада (в эту группу в качестве более поздних А. А. Иессен относил и памятники типа Черногоровки — Камышевахи) оставлены и киммерийцами и скифами. Если рассматривать черногоровско-камышевахские памятники и новочеркасские как единую этнокультурную группу, то это мнение разделяю и я. Однако еще в 1971 г. я предложил членение указанных памятников, связав первые с киммерийцами времени ассирийских хроник, а вторые — с древнейшими скифами периода начала переднеазиатских походов, т. е. речь шла не только о культурном разделении, но и о временно́м, ибо известно, что скифские походы в Азию начинаются как минимум на 50 лет позднее киммерийских [14]. Более детально эта идея, разработанная мною на материалах Причерноморья, нашла отражение в печати в 1974 г.[15] Я напоминаю об этом потому, что в отличие от А. М. Хазанова (стр. 213) считаю, что появление скифов в Причерноморье археологически можно проследить. При этом я исхожу прежде всего из проведенного А. М. Хазановым изучения письменных источников, которые в свою очередь подтверждаются археологическими материалами.

Так, судя по сообщениям Диодора, древнейшие скифские памятники следует искать прежде всего в Предкавказье и на Нижнем Дону, откуда скифы вторгаются в Причерноморье. Именно в Предкавказье и на Нижнем Дону выделяется значительная группа памятников, характеризующая культуру конных воинов-степняков, вошедшая в науку как памятники новочеркасского типа. По данным Н. В. Анфимова [16] и опирающегося на его материалы А. И. Тереножкина [17], комплексам новочеркасского типа предшествуют в Предкавказье памятники оседлого населения (протомеотская, кобанская культуры), в которых встречаются детали конского убора, свойственные для черногоровско-камышевахских комплексов Причерноморья. Между тем этнокультурное единство и прямая хронологическая последовательность позднесрубных белозерских памятников и сменивших их на той же самой территории (Причерноморские степи) черногоровско-камышевахских сегодня ни у кого сомнения не вызывают. Таким образом, появляется возможность автохтонные памятники конца бронзового и самого начала железного веков степей Причерноморья уверенно связывать с киммерийцами [18]. Однако, по данным письменных источников, древнейшие скифы захватывают Причерноморские степи до 70-х годов VII в. до н. э., когда их фиксируют в Азии ассирийские хроники. Именно в самом конце VIII — начале VII в. до н. э. в Причерноморье появляются богатые погребения конных воинов с великолепными наборами оружия и конской узды новочеркасского типа. И хотя

---

[14] *А. М. Лесков.* Погребения конных воинов VIII—VII вв. до н. э. в степях Причерноморья. Тезисы докладов и сообщений. Третья всесоюзная конференция историков оружия. Л., 1971.

[15] *A. M. Leskov.* Die Skythischen Kurgane. Zeitschrift fur Archäologie und Urgeschichte («Antike Welt»), 5Jg. 1974, S. 49.

[16] *Н. В. Анфимов.* Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья. МИА, 177, 1971, стр. 170.

[17] *А. И. Тереножкин.* Черногоровская и Новочеркасская ступени киммерийской культуры. Новейшие открытия советских археологов (Тезисы докладов конференции). Ч. II. Киев, 1975, стр. 3, 4.

[18] *А. М. Лесков.* Предскифский период на юге Украины, стр. 33.

эти погребения пока единичны, но они явно отличаются от черногоровско-камышевахских. Это касается не только типов конского убора и оружия (недооценивать эти отличия также не приходится, ибо А. А. Иессен и В. А. Ильинская очень убедительно показали вклад культуры новочеркасского типа в формирование собственно скифских конского убора и оружия), но и, что самое главное, погребального обряда. Все погребения новочеркасского типа совершены в вытянутом положении, головой на запад, т. е. по собственно скифскому погребальному обряду.

Если при этом учесть, что в Причерноморских степях больше неизвестно никаких других памятников интересующего нас времени, то, думаю, у нас достаточно данных связывать новочеркасские комплексы не только в Предкавказье, но и в Причерноморье с древнейшими скифами перед их походами в Азию. Кстати, сравнивая материалы черногоровско-камышевахских (киммерийских) и новочеркасских (по-моему, древнескифских) комплексов, нельзя не заметить, что последние отличаются от первых обилием железного оружия. Считаю, что это, а не только лучшая организация скифов в сравнении с киммерийцами, как полагает А. М. Хазанов (стр. 215), позволило скифам захватить Причерноморье.

В целом же реконструкция начального периода скифской истории, неразрывно связанного с поздними киммерийцами, предложенная А. М. Хазановым, мне представляется вполне убедительной. Однако еще на одном моменте необходимо остановиться.

Известно, что в отличие от белозерских (киммерийских) племен позднесрубные племена Поволжья, продвинувшиеся затем в Предкавказье вплоть до Маныча (в этом движении я вижу археологическое подтверждение первой части рассказа Диодора о скифах) [19], не имеют лощеной керамики. Этот факт не позволяет мне присоединиться к предположению А. М. Хазанова о том, что остатки побежденных киммерийцев были включены в скифское объединение на территории Предкавказья (стр. 216). Если бы это было так, то этот процесс нашел бы отражение прежде всего в наиболее массовом материале, тем более что в белозерских и кобяковских комплексах лощеная посуда составляет до 20—25% всей керамики. Видимо, бегство киммерийцев, обитавших в Прикубанье, за Дон, где они оставили памятники кобяковского типа, было массовым, а о судьбе оставшихся можно догадываться, опираясь на сообщение Плиния о том, что вторгнувшиеся на Нижней Дон и Северный Кавказ скифские племена «истребили поголовно всех танаитов и инапеев» (Plin. NH, VI 22).

Основную часть заключительной главы А. М. Хазанов посвящает проблеме скифской государственности. И если характеристика скифского общества с конца V в. до н. э. по первые века нашей эры и его места среди других государственных образований кочевников степей Евразии мне представляется вполне убедительной, то мнение автора о возникновении у скифов государства еще в VII в. до н. э. я принять не могу. А. М. Хазанов считает, что и Первое (в Передней Азии) и Второе (возникшее в конце VII — начале VI в. до н. э. после возврата скифов из азиатских походов) скифские царства «являлись раннеклассовыми государственными образованиями, основанными преимущественно на завоевании и даннической эксплуатации кочевниками оседло-земледельческого населения» (стр. 259). Характеризуя Первое скифское царство, А. М. Хазанов подчеркивает следующие межэтнические формы зависимости: 1) подчинение местного, прежде всего земледельческого населения; 2) военная эксплуатация в виде набегов и грабежей; 3) взимание регулярной дани с других государств; 4) взимание дани под видом подарков; 5) возможное получение платы за союз и военную помощь (стр. 224). Из этого перечня легко определить, зная историю скифов в Передней Азии, что главной и наиболее устойчивой формой межэтнической зависимости являлась эксплуатация земледельческого населения, жившего на территории современного Азербайджана.

Стабильность остальных форм эксплуатации находилась в прямой зависимости от военных успехов, а они, как известно, далеко не всегда сопутствовали скифам в Азии. В этой связи возникает вопрос: можно ли определять скифское царство в Восточном Закавказье как государственное образование главным образом на основании многолетнего господства скифов над местными земледельческими племенами,

[19] *А. М. Лесков.* Предскифский период на юге Украины, стр. 37.

тем более что и характер этой зависимости остается недостаточно ясным? Впрочем, мизерность источников, характеризующих скифов в Передней Азии, требует от исследователя большой осторожности при попытках реконструкции первых страниц скифской истории. Ведь в нашем распоряжении имеются лишь скупые строки передне- и малоазиатских хроник, освещающие только отдельные моменты военно-политической истории скифов и не дающие возможности понять и оценить характер экономики скифского царства в Восточном Закавказье. Вот почему я должен ограничиться лишь напоминанием, что начиная с 70-х годов VII в. и как минимум вплоть до конца VI в. до н. э. (имеется в виду война с Дарием) во главе скифов стояло несколько царей, т. е. в это время у скифов еще не было единовластия — важного признака государства. Прав, по-моему, Б. Н. Граков, считавший, что история войны с Дарием и история свержения Скила (V в. до н. э.) показывают, что власть царя ограничивалась не только Советом царей, но и воинским собранием [20].

Возвращаясь к Первому скифскому царству, нельзя не вспомнить версию Геродота о свержении скифского господства в Передней Азии (I, 106). Достаточно было перебить скифскую верхушку на пиршестве у Киаксара, и скифское царство распалось — ведь в итоге этой акции, как пишет Геродот, мидяне не только спасли свое царство, но и «овладели теми землями, которыми владели и прежде», т. е. кровавый пир у Киаксара продемонстрировал удивительную для государства непрочность скифского царства. Правда, А. М. Хазанов предполагает, что после пира Киаксар предпринял какие-то военные акции против скифов (стр. 223), однако если бы это было так, то вряд ли такой факт не нашел бы отражения у Геродота.

Считая, что скифское царство в Восточном Закавказье продолжает существовать и после пира у Киаксара, А. М. Хазанов подкрепляет свое мнение ссылкой на пророка Иеремию, который упоминает царство Ашкенез в 594/593 гг. до н. э. Но если правы те исследователи, которые придерживаются хронологии Геродота и относят господство скифов в Азии к 625/624—585 гг. до н. э. (М. И. Артамонов, Б. Н. Граков, Б. Б. Пиотровский и др.), то тогда сообщение Иеремии во многом теряет свое значение для решения вопроса о судьбе скифского царства в Закавказье, ибо оно может относиться еще ко времени до кровавого пира у Киаксара. Это предположение кажется вполне вероятным еще и потому, что мидийско-лидийская война из-за скифов (590—585 гг. до н. э.), учитывая причины ее возникновения, должна была произойти вскоре после пира у Киаксара.

Если обратиться теперь ко Второму скифскому царству, то его появление А. М. Хазанов относит ко времени после подавления восстания рабов вернувшимися из Азии скифами и датирует VI — V вв. до н. э. Экономической базой этого государства также остается эксплуатация кочевниками земледельцев, живших в лесостепи. Однако переоценивать, видимо, действительно имевшую место зависимость земледельцев лесостепи от кочевых скифов-степняков не приходится. Прежде всего неясен характер этой зависимости, не известно, сколь велика она была и как вообще определить критерий, позволяющий определенные даннические отношения считать достаточными для создания государственного образования. Однако А. М. Хазанов предполагает, что Второе скифское царство было основано не только на даннической зависимости, но даже на **завоевании** (подчеркнуто мною.— *А. Л.*) оседлоземледельческого населения (стр. 259). Однако если бы племена (андрофаги, невры, агафирсы, меланхлены) лесостепи действительно были покорены (о локализации скифов-пахарей и скифов-земледельцев я говорил выше), то скифы в период войны с Дарием не должны были бы вести с ними переговоры с просьбой о помощи и уж тем более не могли получить отказа — в рамках одного государственного образования это, по-моему, было невозможно. Однако известно, что в составе скифского войска была пехота,— мне кажется, что она состояла из скифов-пахарей, скифов-земледельцев, а также, видимо, из гелонов — добровольных союзников скифов в войне с Дарием. Говоря о взаимоотношениях кочевых степных и оседлых, лесостепных племен, необходимо учитывать, что характер этих взаимоотношений резко изменяется в конце V — IV вв. до н. э. В это время прекращает свое существование большинство городищ лесостепи, а погребения собственно кочевых скифов фиксируются вплоть до

[20] *Б. Н. Граков.* Ук. соч., стр. 37.

северных границ лесостепи; происходит нивелировка культуры степных и лесостепных племен, нашедшая, пожалуй, наиболее яркое отражение в единстве керамического комплекса; наряду с ростом богатства в степных курганах заметно беднеют курганы лесостепи. Я напоминаю об этих широко известных фактах только для того, чтобы еще раз подчеркнуть разницу между отношениями, имевшими место между кочевыми скифами степей и земледельцами лесостепи в VI — V и в конце V — IV в. до н. э.

Кроме сказанного при определении времени возникновения государства у скифов необходимо учитывать и целый ряд других явлений. Так, А. М. Хазанов вслед за М. И. Артамоновым справедливо указывает, что в конце VII — V в. до н. э. греки ведут торговлю в основном с земледельцами лесостепи, а кочевники активно в нее не вмешиваются. Не свидетельствует ли этот факт о том, что скифское общество до конца V в. было еще недостаточно развито экономически, а значит, и политически. Ведь только в конце V — IV в. до н. э. скифская знать берет торговлю под свой контроль. Думаю, что этот факт наряду с тем, что именно в конце V в. до н. э. начинается массовый переход кочевников к оседлости, имеет важнейшее значение для определения времени появления скифского государства. Справедливость требует отметить, что А. М. Хазанов учитывает все только что отмеченные явления. Однако он связывает их не с возникновением скифского государства, а с моментом его кульминации. И хотя А. М. Хазанов отмечает, что «вхождение в состав одних государственных образований с земледельцами всегда оказывало ускоряющее воздействие на развитие кочевников» (стр. 258), сам он, на мой взгляд, недоучитывает это положение, ибо итоги влияния земледельцев на кочевников реально, зримо проявляются именно во время Атея, первого известного науке единого правителя всей Скифии. Вот почему я остаюсь сторонником надежно обоснованного Б. Н. Граковым и поддержанного рядом других исследователей мнения о том, что скифское государство возникает в IV в. до н. э.

Отмеченные расхождения объективно отражают дискуссионность основных проблем кочевниковедения, в частности проблемы периодизации кочевых обществ, в том числе скифского. А. М. Хазанов своей монографией и рядом других крупных работ внес серьезный вклад в решение указанной проблемы. То, что за основу периодизации взят явно недостаточно учитывавшийся в исследованиях археологов, иранистов и историков античности бесспорный факт «тесной и детерминированной связи, всегда существовавшей между кочевыми и оседлоземледельческими обществами», представляется мне важным достижением автора.

Как видно из сказанного, я не разделяю мнения автора о появлении государственного образования у скифов еще в догеродотову эпоху. Однако необходимо признать, что эта точка зрения, существующая со времен М. И. Ростовцева, нашла в лице А. М. Хазанова наиболее яркого и глубокого интерпретатора. Соответствующие разделы монографии написаны очень смело, на широком историческом фоне, с использованием максимума известного сегодня материала. Впрочем, эта оценка относится ко всей книге в целом. Монография А. М. Хазанова — это первый в мировой науке труд, посвященный социальной истории скифов, сыгравших выдающуюся роль в мировой истории. Не случайно книга А. М. Хазанова вызвала огромный интерес и многочисленные дискуссии среди специалистов самых разных областей исторической науки. Дискуссионность, полемичность книги, великолепный язык пробуждают у читателя-специалиста тот неподдельный интерес, который ведет к новым поискам и открытиям. Вот почему не будет преувеличением считать, что выход в свет монографии А. М. Хазанова является не только крупным успехом автора, но и серьезным достижением советской исторической науки в целом.

*А. М. Лесков*

**A. Wąsowicz. Olbia et son territoire. L'aménagement de l'espace.** (Centre de recherches d'histoire ancienne, vol. 13. Annales littéraires de l'université de Besançon, 168). Paris, 1975, 170 стр., 131 рис. и 2 карты.

Проблемы греческой колонизации, взаимодействий греков с местным населением колонизуемых областей и многие другие аспекты, связанные с этими вопросами, привлекают все более пристальное внимание исследователей в разных странах. Достаточно сказать, что, например, в Италии ежегодно созываются «Встречи» по изучению Великой Греции (Convegno di Studi sulla Magna Grecia) и регулярно публикуются материалы этих обсуждений [1]. Совершенно очевидно, и это не раз подчеркивалось и в трудах по западной колонизации, что правильное понимание этих процессов невозможно без учета и осмысления материалов восточной греческой колонизации, в частности понтийской. Поэтому выход в свет труда польской исследовательницы А. Вонсович, посвященного изучению древнейшего центра черноморской греческой колонизации — микрорайону Днепровско-Бугского лимана, вызывает большой интерес.

Книга А. Вонсович «Ольвия и ее территория», изданная Центром исторических исследований Безансонского университета, имеет подзаголовок «Освоение пространства». Она посвящена исследованию истории развития всей территории Ольвийского полиса. С такой точки зрения история Ольвии не исследовалась, и рецензируемая книга, безусловно, является новаторской. Опубликование этой книги во Франции где совсем недавно вышел в свет другой труд об Ольвии на французском языке — книга Э. Белена де Баллю «Ольвия. Древний город на берегу Черного моря» [2] — показывает тот большой интерес, который на западе вызывают советские исследования, приведшие за последние десятилетия к важнейшим открытиям, значение которых выходит далеко за пределы локальных рамок. А. Вонсович хорошо ориентирована в советской литературе об Ольвии и ее окружении. Автор дважды принимала участие в раскопках Ольвии в составе Советско-Польской экспедиции под руководством проф. К. Маевского и позднее неоднократно посещала Ольвийский заповедник, где она непосредственно знакомилась с результатами новых раскопок.

Рецензируемая книга состоит из введения, шести глав и заключения, а также приложений. Во введении (стр. 5—22) автор обосновывает задачи своего исследования, его методику и построение книги, подробно останавливается на связи своей работы с предшествующими трудами по ольвийской тематике и разбирает источники, лежащие в основе ее исследования. Она подчеркивает, что главное значение отводится ею археологическим источникам, литературные же и эпиграфические играют второстепенную роль. Вместе с тем автор отмечает различное качество археологических источников для города и хоры.

А. Вонсович разъясняет (стр. 5), что под греческой колонией она понимает полис, включающий как городской центр, так и весь окружающий его географический и исторический микрорайон — хору, и обращает особое внимание на взаимодействие обеих этих частей. Она справедливо замечает, что для лучшего понимания многих аспектов происхождения полисов — колоний, освоения территорий, взаимоотношений греков с местными обществами необходимо приступить к аналитическому исследованию конкретных микрорайонов греческой колонизации. Ольвия, многолетние археологические раскопки которой обогатили науку блестящими открытиями, дает для этого прекрасный материал. Автор подчеркивает те трудности, которые перед ней стояли, прежде всего то обстоятельство, что в литературе отсутствуют образцы подобных работ, а это, естественно, во многих случаях привело к гипотетичности и дискуссионности многих сторон исследования.

В книге А. Вонсович первостепенное значение имеет периодизация истории ольвийского полиса — от этой периодизации зависит композиция всей книги. Хотя во введении (стр. 9) автор отмечает, что ее периодизация лишь ненамного отличает-

---

[1] См.: Atti del ... Convegno di Studi sulla Magna Grecia. Napoli-Taranto, 1961 ...

[2] *E. Belin de Ballu.* Olbia. Cité antique du littoral de la Mer Noire. Leiden, 1972. Рец.: *И. Б. Брашинский, П. О. Карышковский.*— ВДИ, 1974, 4, стр. 134—142; *J. G. F. Hind* — JHS, 94, 1974, p. 251, 252.

ся от последней периодизации Л. М. Славина, который выделял в историческом развитии Ольвии пять этапов [3], различия между ними существенны. А. Вонсович выделяет шесть этапов в развитии ольвийского полиса, основанных, по ее утверждению, как на изучении этапов развития самого города, так и хоры, хорошо прослеживаемых археологически. Важное значение в выработке новой периодизации имели выделенные А. Н. Карасевым и Е. И. Леви хронологические этапы развития теменоса и агоры Ольвии [4] — сердца города и полиса в целом. Предлагаемая А. Вонсович периодизация такова: 1) начало греческой колонизации Днепровско-Бугского лимана (VII — первая половина VI в. до н. э.); 2) возникновение ольвийского полиса (вторая половина VI в. до н. э.); 3) первый период процветания ольвийского полиса (V — первая половина IV в. до н. э.); 4) второй период процветания полиса Ольвии (конец IV — первая половина II в. до н. э.); 5) кризис ольвийского полиса (вторая половина II — I в. до н. э.); 6) Ольвия в римскую эпоху (I — IV вв. н. э.).

Принятая А. Вонсович периодизация в целом соответствует нынешнему уровню наших знаний и задач научного исследования Ольвии. Однако едва ли ее можно считать совершенной, а тем более окончательной. В частности, конечный период развития Ольвии, объединяемый А. Вонсович в единый этап («Ольвия в римскую эпоху»), правильнее, как представляется, расчленять на два периода, как это предлагал Л. М. Славин: период подъема (конец I — середина III в.) и период упадка (середина III — конец IV в.). Кроме того, исследования ольвийской хоры последних лет все болеее определенно указывают на важные исторические сдвиги, происшедшие во второй четверти III в. до н. э., когда многие поселения, во всяком случае на правом берегу Бугского лимана, гибнут в результате какой-то катастрофы, которая, вероятно, должна быть связана с крупными передвижениями и экспансией скифских или сарматских племен, и хора Ольвии почти на два столетия приходит почти в полное запустение [5]. Эти важные факты, изучение которых находится сейчас еще лишь на начальной стадии, требуют осмысления и, несомненно, должны будут в дальнейшем учитываться при периодизации истории ольвийского полиса.

Каждому из выделенных А. Вонсович периодов истории развития ольвийского полиса посвящена глава исследования.

В первой главе (стр. 23—39) на широком историко-географическом фоне рассматривается историческая ситуация в степной и лесостепной Украине предскифского и начала скифского периодов, а также начало греческой колонизации на Днепровско-Бугском лимане. Первый параграф этой главы («Географическая ситуация микрорайона», стр. 23—29) дает яркое представление об экологических факторах района, а также сведения о тех изменениях, которые произошли здесь в природной среде за последние полтора-два тысячелетия. Второй, предельно краткий параграф (стр. 29—30) — «Население Украины в VIII — первой половине VII в.» — столь схематичен, что по существу оказывается бесполезным, тем более что в начале следующего, основного раздела главы («Начало греческой колонизации на Днепровско-Бугском лимане») все эти сведения повторяются. В этом разделе автор уделяет основное внимание первой греческой колонии на северном берегу Черного моря — поселению на о. Березань. Вскоре на берегах лиманов (Бугского, Днепровского, Березанского) возникает ряд мелких поселений, к числу которых А. Вонсович относит и поселение на месте будущей Ольвии. Действительно, то, что мы сейчас знаем об Ольвии начала — первой половины VI в. до н. э., не дает оснований видеть в ней крупный городской центр. Однако, как представляется, нельзя это поселение ставить в один ряд с прочими соседними мелкими поселениями. Есть основания пола-

---

[3] *Л. М. Славин.* Периодизация исторического развития Ольвии. Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху». М., 1959, стр. 90—106.

[4] *А. Н. Карасев.* Монументальные памятники ольвийского теменоса Сб. «Ольвия. Теменос и агора». М.— Л., 1964; *Е. И. Леви.* Итоги раскопок ольвийского теменоса и агоры.— Там же; *ее же.* Материалы ольвийского теменоса.— Там же; *ее же.* Раскопки ольвийской агоры и теменоса. Сб. «Античное общество». М., 1967, стр. 162.

[5] *В. В. Рубан.* Античная усадьба на побережье Бугского лимана. АО—1973, М., 1974, стр. 335, *его же.* Разведка на правобережье Бугского лимана. АО—1974, М., 1975, стр. 347; *его же.* Исследования античных памятников на правом берегу Бугского лимана в 1973—1974 гг. Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции), ч. II. Киев, 1975, стр. 88.

гать, что поселение на месте будущей Ольвии с самого начала рассматривалось колонистами как ядро будущего города. Развитие Ольвии по сравнению с прочими поселениями микрорайона с самого начала протекало в особом направлении. Достаточно сказать, что уже во второй половине VI в. существует ольвийский теменос, занимающий значительную площадь[6]. Поэтому едва ли можно признать справедливым настойчивое акцентирование А. Вонсович тезиса, что на первых порах своего развития Ольвия ничем не отличалась от всех прочих поселений микрорайона и была основана как рядовое поселение хоры. К рассматриваемому разделу примыкает следующий параграф — «Первый этап освоения микрорайона» (стр. 35—39). Автор считает возможным рассматривать Березанское поселение как полис, не приводя, однако, должной аргументации в пользу этой гипотезы. Но безусловно правильной представляется характеристика Березани как сложного экономического организма — аграрно-ремесленно-торгового центра.

Вопросы греческой колонизации Причерноморья, в частности исследуемого А. Вонсович микрорайона, чрезвычайно сложны и до сих пор вызывают противоречивые суждения. Одним из важнейших и наиболее спорных вопросов этой проблемы является вопрос о взаимодействии и соотношении греческого и местного (скифского) элементов в процессе греческой колонизации и на первых этапах освоения колонистами территорий, прилегающих к колониям. Отсутствие однозначных решений этих проблем сказалось в определенной мере и на концепции А. Вонсович, не избежавшей некоторых противоречий в попытке примирения крайних взглядов.

А. Вонсович считает, что освоение занимающего ее внимание микрорайона протекало со второй половины VII в. до н. э. по уже выработанным греками традициям и моделям, в пользу чего она приводит ряд аргументов. Освоение территории микрорайона она считает целиком греческой инициативой. Экспансия по берегам лиманов протекала систематически и мирным путем. Но вместе с тем автор не исключает возможности участия в освоении микрорайона уже на этой первоначальной стадии и местного кочевого населения, которое под греческим влиянием переходило к оседлости. Это предположение, которое представляется мне весьма плодотворным, как будто находится в противоречии с принимаемой А. Вонсович, правда с некоторыми модификациями, точкой зрения В. В. Лапина, согласно которой степь ко времени прихода греков была безлюдной, а предлагаемое для снятия этого противоречия решение — внезапное оседание на землю номадов — по меньшей мере весьма спорно. Трудно представить, чтобы кочевые скифы, при той демографической ситуации в степи, когда кочевники в лучшем случае могли лишь случайно и спорадически сталкиваться с греками, в столь короткий срок (исчисляющийся годами или несколькими десятилетиями) были в состоянии столь глубоко воспринять греческое влияние, чтобы отказаться от привычного образа жизни и добровольно превратиться в зависимых от колонистов оседлых земледельцев, скотоводов и рыболовов. Очевидно, демографическая ситуация в причерноморской степи была более сложной, чем полагает автор, равно как и история взаимосвязей греков с аборигенами была более сложной и противоречивой, чем ее можно представить себе на основании имеющихся сегодня источников; последнюю точку здесь ставить еще преждевременно.

А. Вонсович считает возможным принять гипотезу Б. Браво, согласно которой колония на Березани была полисом, но вместе с тем полагает, что на этой ранней стадии колонизации хоры в юридическом и политическом смысле еще не было. Подобное же положение, как считает автор, было, по-видимому, и в западных колониях. Но в таком случае полисный характер Березани вызывает сомнения, ведь А. Вонсович считает ее аграрной в своей основе. Нет ли здесь некоторого противоречия?

Вторая глава (стр. 41—65) посвящена возникновению ольвийского полиса (вторая половина VI в. до н. э.). Во вводных разделах здесь приведены подробные данные о географической ситуации и топографии Ольвии с учетом тех изменений, которые произошли за истекшие века, а также об освоении городской территории. Автор базируется на новейших материалах археологических исследований. А. Вонсович отмечает, что границы города второй половины VI в., прежде всего западная, пока

[6] *Е. И. Леви.* Материалы ольвийского теменоса, стр. 131.

неясны. За последние годы раскопками Ю. И. Козуб за Заячьей балкой — естественной западной границей Ольвии в то время, когда она была окружена крепостными стенами, открыты многочисленные строительные остатки VI — V вв. до н. э., дающие основание предполагать вхождение этого района в состав городской территории.

Далее (стр. 46 сл.) автор приводит подробное описание теменоса и агоры Ольвии архаического периода, жилых и производственных кварталов и некрополя. Наиболее интересны рассуждения А. Вонсович об ольвийской агоре (стр. 48, 49). Она отмечает, что функции ее в ранний период неясны. В большинстве греческих городов агора в это время еще не выполняла экономических функций, а была центром религиозной, административной и политической жизни. В Ольвии религиозные функции агоры не засвидетельствованы — рядом с ней с самого начала существовал специальный священный участок, теменос. Поэтому, по мнению автора, функции ольвийской агоры были, вероятно, только политическими и административными. Автор отмечает одну существенную отличительную черту ольвийской агоры: в противоположность обычному для архаического и классического периодов иррегулярному развитию агоры в собственно греческих центрах, агора Ольвии развивалась по заранее выработанному плану. Этот факт служит основным аргументом в пользу гипотезы, что Ольвия во второй половине VI в. до н. э. была уже сформировавшимся полисом или непосредственно подошла к этой стадии.

В следующем разделе (стр. 55—59) специально разбирается процесс освоения микрорайона, которое, как и развитие Ольвии, протекало в рассматриваемое время очень интенсивно. Автор останавливается на не вполне ясном вопросе о пределах ольвийской территориальной экспансии на запад. Если к востоку от Днепровско-Бугского лимана не открыто поселений, которые могли бы быть связаны с греческой экспансией в микрорайоне, то совершенно иная ситуация наблюдается на западе. Здесь на обширной территории вплоть до Днестровского лимана на берегах лиманов (Березанского, Тилигульского, Куяльницкого, Хаджибейского) зафиксированы поселения, сходные по облику с поселениями ближайшей округи Ольвии. У А. Вонсович не вызывает сомнений, что освоение берегов Днестровского лимана было делом Тиры. Однако вопрос этот далеко не так бесспорен и ясен, как это ей представляется. Во-первых, мы по существу еще ничего не знаем об архаической Тире, во-вторых, поселения лево- и правобережья Днестровского лимана обнаруживают большие отличия, и если последние, вероятно, действительно тяготеют к Тире, то левобережные скорее были связаны с Никонием или, возможно, через его посредство с Истрией. Что касается поселений на других указанных лиманах, то, по мнению А. Вонсович, Тилигульский лиман (15—20 *км* от Березанского), вероятно, находился в орбите непосредственного влияния Ольвии. Что же касается Куяльницкого и Хаджибейского лиманов, находящихся примерно на одинаковом расстоянии как от Ольвии, так и от Тиры, то они, по ее мнению, могли быть под влиянием как того, так и другого центра или же находящегося между ними третьего крупного греческого центра, который пока неизвестен. Отметим, что такой центр — Никоний (Роксоланское городище) — в настоящее время известен, но это вряд ли существенно меняет картину. С моей точки зрения, поселения, группирующиеся вокруг современной Одессы, безусловно, входили в орбиту экономической экспансии и влияния Ольвии, а не Тиры, о чем свидетельствуют, в частности, находки там ольвийских медных монет и полное отсутствие монет Тиры. Вероятно, эти поселения на дальних западных рубежах Ольвии были весьма тесно (возможно, и политически) связаны с ольвийским полисом и составляли объект его эксплуатации. Может быть, этот район условно можно назвать ольвийской «перееи», аналогичной фасосской перее.

Итоговый раздел рассматриваемой главы посвящен обоснованию формирования ольвийского полиса (стр. 59—65). А. Вонсович подчеркивает, что во второй половине VI в. до н. э. весь изучаемый ею микрорайон является экономически и культурно однородным. Березань остается крупнейшим поселением микрорайона. Автор сочувственно относится к гипотезе Б. Браво, что это поселение носило официальное название Тюора (Thyora) и именно ему принадлежит выпуск известных монет-дельфинчиков (на некоторых из них имеются легенды ΘΥ и ΑΡΙΧΟ) и полагает, что если эта гипотеза подтвердится, то очень вероятно, что Березань в это время была самостоятельным полисом. Следует, однако, подчеркнуть крайнюю шаткость гипоте-

зы Б. Браво, о которой пока можно судить главным образом по изложению А. Вонсович (упоминаемая ею работа этого автора «О политическом «статусе» и названиях греческого поселения на острове Березань» пока не опубликована). Насколько можно судить по этому изложению, а также другой, недавно опубликованной работе Б. Браво [7], основанием для указанной гипотезы служит толкование ее автором спорного слова ΘΥΩΡΑ, содержащегося в письме на свинцовой пластинке, обнаруженном недавно на Березани [8]. Б. Браво истолковал слово ΘΥΩΡΑ как топоним, что кажется более приемлемым, чем толкования Ю. Г. Виноградова («жертвенные обряды») [9] и В. П. Яйленко («столы») [10]. Однако, по мнению Н. В. Шебалина, также уверенно считавшего это слово топонимом, контекст и грамматика письма решительно исключают предлагаемую Б. Браво его связь с Березанью, а заставляют считать его названием одного из рядовых поселений ольвийской хоры, подобного другому — Арбинаты, также упомянутому в письме. Еще более шатка попытка Б. Браво связать с топонимом Тюора буквы ΩΥ на некоторых «дельфинчиках» и, таким образом, приписать их выпуск Березани. Доказательств в пользу их березанского происхождения нет, напротив, время их выпуска и обращения на ольвийском рынке (VI — IV вв.) противоречит такому предположению. В настоящее время сохраняет полную силу общепринятое мнение о принадлежности «дельфинчиков» Ольвии. Предположению о полисном характере Березани противоречит и упоминание в березанском письме «полиса», который противопоставляется Тюоре и подразумевает, несомненно Ольвию [11]. Таким образом, гипотеза Браво — Вонсович представляется необоснованной. Ей противоречат и дальнейшие рассуждения самого автора.

Последний вопрос, рассматриваемый автором в этой главе,— вопрос о причинах, почему первоначальная колония была греками основана на Березани, а затем центр колонизации переместился в Ольвию. А. Вонсович склонна объяснять это географическими факторами: при внедрении в незнакомую страну первоначально главным для поселенцев было обеспечение безопасности (Березань — остров). При дальнейшем развитии маленький остров не мог оставаться главным центром иммиграции. Ольвия же находилась в центре микрорайона и была удобна для развития в полис. Такой путь развития колонизации не уникален — А. Вонсович ссылается на аналогии на Западе (Кирена, Сицилия, Иберия), а также на Херсонес Таврический, где, по широко распространенному мнению, первоначальная колония была основана на Маячном полуострове («Старый», или Страбонов, Херсонес), а затем центр переместился к Карантинной бухте («Новый» Херсонес). Однако недавние исследования А. Н. Щеглова [12] убедительно показали, что поселение на Маячном полуострове было основано не ранее второй четверти IV в. до н. э., т. е. позднее города у Карантинной бухты, который с самого начала развивался как центр полиса. Страбонов Херсонес был одним из населенных пунктов херсонесского государства.

Длительный период процветания Ольвии в классическую и эллинистическую эпохи А. Вонсович разделяет на два этапа, границей которых является кратковременный период политических и социальных потрясений, связанных с македонской экспансией и осадой города Зопирионом, и посвящает ему третью и четвертую главы своего исследования. Первая из них — «Первый период процветания полиса Ольвии» (стр. 67—85) охватывает V и первую половину IV в. до н. э., вторая — «Второй период расцвета ольвийского полиса» (стр. 87—108) — конец IV — первую половину II в. до н. э. Такое расчленение эпохи процветания Ольвии вполне оправдано.

---

[7] *B. Bravo.* Une lettre sur plomb de Berezan': colonisation et modes de contacts dans le Pont. «Dialogues d'histoire ancienne», I. Paris, 1974, p. 109—180.

[8] *Ю. Г. Виноградов.* Древнейшее греческое письмо с острова Березань. ВДИ, 1971, 4, стр. 74—99.

[9] Там же, стр. 94.

[10] *В. П. Яйленко.* К датировке и чтению березанского письма Ахиллодора. ВДИ, 1974, 1, стр. 150; *его же.* Вопросы интерпретации березанского письма Ахиллодора. ВДИ, 1975, 3, стр. 135.

[11] *Ю. Г. Виноградов.* Ук. соч., стр. 96; *В. П. Яйленко.* К датировке..., стр. 148.

[12] *А. Н. Щеглов.* «Старый» Херсонес Страбона. «150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тезисы докладов юбилейной конференции». Киев, 1975, стр. 135 сл.

Каждая из указанных глав построена по единому плану — вслед за общими вопросами рассматриваются развитие города, некрополя, хоры и дается характеристика Ольвии как полиса определенной исторической эпохи.

А. Вонсович отмечает, что уже в V — IV вв. до н. э. городская территория приближается к максимуму, которого окончательно достигает уже в эллинистическую эпоху. Автор специально останавливается (стр. 68) на вопросе, представляющем большой интерес: как интерпретировать жилые и хозяйственные комплексы, открытые к западу от Заячьей балки. Проводившая здесь раскопки Ю. И. Козуб, судя по предварительным публикациям, первоначально была склонна видеть в открытой группе памятников городской район, входивший в состав ранней Ольвии [13]. Позднее же она стала рассматривать этот район в качестве предместья Ольвии или поселка, находившегося за границами города [14]. А. Вонсович тоже допускает в этом вопросе два решения, считая, однако, более вероятным вхождение района в состав городской территории. С моей точки зрения, эта альтернатива снимается, если рассматривать отношение указанного района к городу в историческом развитии. Хронологические рамки его существования определяются Ю. И. Козуб VI — началом IV в. до н. э. В связи с этим решающее значение приобретает вопрос о времени возведения западного пояса оборонительных сооружений Ольвии, который пока не может еще считаться окончательно решенным.

Думается, что предположение о вхождении района за Заячьей балкой в состав городской территории предпочтительно, но не исключается и возможность толкования его как предградья. Мне представляется, что это противоречие снимается, если допустить, что этот район возник первоначально, еще задолго до возведения крепостных стен вдоль Заячьей балки, как район, органически входивший в пределы города, и являлся, возможно, одним из районов наиболее древнего освоения территории Ольвии. Значительно позднее, когда были возведены оборонительные сооружения вдоль Заячьей балки, этот район оказался за пределами городской территории и превратился в предместье. В качестве такового он, однако, оказался нежизнеспособным и очень скоро, уже в первой половине IV в., прекратил свое существование. Аналогичное положение можно проследить и в Истрии. Здесь в архаическое время также существовал район (западный), находящийся за пределами позднейших крепостных стен города [15].

А. Вонсович приводит подробное описание ольвийских теменоса и агоры в классическую и эллинистическую эпохи а также городских кварталов. Она подчеркивает что ольвийская агора классического периода представляет, большой интерес для истории градостроительства: она показывает, что различные новые модели рождались в колониях порой раньше, чем в городах греческой метрополии. Во-вторых, автор полагает, что планомерное и коллективное сооружение ольвийской агоры могло быть реализовано только гражданским коллективом полиса классического типа. Наконец, А. Вонсович отмечает множественность функций ольвийской агоры и их изменение по сравнению с архаическим периодом, в частности появление функции торгового центра и вместе с тем прекращение религиозных функций, которые теперь целиком сосредотачиваются в теменосе. Что касается последнего, то, как представляется, автор ошибается и противоречит себе: как показали археологические исследования, религиозная жизнь Ольвии была с самого начала сосредоточена именно в теменосе, который в архаическое время занимал даже несколько бо́льшую площадь, чем в последующем, и был, вероятно, лишь менее четко отделен от агоры. Данных о том, что религиозно-культовая жизнь Ольвии когда-либо осуществлялась и на территории агоры, нет. Впрочем, и сама А. Вонсович выше (стр. 49) отмечает, что религиозные функции ольвийской агоры в архаическое время не засвидетельствованы и это является ее отличительной чертой.

Говоря о жилых кварталах Ольвии, А. Вонсович отмечает их систематическую, в определенной мере геометрическую планировку, но подчеркивает, что они не

[13] *Ю. И. Козуб.* Раскопки территории некрополя Ольвии в 1965—1966 гг. АИУ — 1965—1966. Киев, 1967, стр. 126.

[14] *Ю. И. Козуб.* Раскопки ольвийского некрополя. АО—1972. М., 1973, стр. 290; *ее же.* Раскопки предместья и некрополя Ольвии. АО—1974, М., 1975, стр. 295.

[15] *S. Dimitriu.* Cartierul de locuinte din zona de vest a cetatii in epoca arhaica. Histria, II. Bucuresti, 1966, p. 21ff.

представляют собой системы регулярных кварталов, как в городах Сицилии и Южной Италии или в Херсонесе, и поэтому нельзя говорить о гипподамовой системе в планировке Ольвии, где и в более позднее время дома и городские кварталы имели различную конфигурацию и ориентацию. Это заключение, к которому пришел еще С. Д. Крыжицкий на основании всестороннего и тщательного исследования строительных остатков Ольвии [16], имеет принципиальное значение, поскольку до последнего времени господствовала [17] точка зрения Б. В. Фармаковского [18] о наличии в Ольвии еще в VI в. до н. э. регулярной прямоугольной планировки.

Говоря о развитии ольвийского некрополя (стр. 78—81), А. Вонсович подчеркивает важность сети древних дорог, в соответствии с которыми его территория распространялась, и указывает на сходные явления в Истрии, а также Южной Италии и Сицилии.

Переходя к характеристике развития хоры Ольвии (стр. 81—83), автор подчеркивает важность наличия коммуникаций, связывавших Ольвию с поселениями хоры. Устанавливая экономическое, культурное и политическое единство всего микрорайона, А. Вонсович приходит к не вызывающему возражений выводу, что он составлял территорию организованного государства — ольвийского полиса. Характеристике его посвящен последний раздел рассматриваемой главы (стр. 83—85).

Главными условиями, повлиявшими на быстрое развитие ольвийского полиса, автор считает удачное географическое положение Ольвии и мирные отношения с местным населением. Что касается социальных и этнических проблем Ольвии классической эпохи, то, как справедливо указывает автор, они пока неясны. Многое свидетельствует о росте населения государства, возможно, в связи с прибытием новых колонистов-греков и с участием кочевников-варваров в освоении хоры по греческой модели. А. Вонсович отказывается от попыток интерпретации упоминаемых Геродотом (IV, 17, 18, 78) каллипидов, борисфенитов и ольвиополитов, отмечая лишь дискуссионность проблемы, но все же присоединяется к точке зрения В. В. Латышева и Т. Н. Книпович, что ольвиополиты, несомненно, свободные граждане греческого происхождения и именно они были инициаторами развития полиса.

Оригинальна весьма спорная идея А. Вонсович о «геометрической» модели развития ольвийского полиса (стр. 84). Центр полиса — агора и теменос — гармонично вписаны в треугольную площадь города. Треугольник города повторен (увеличен) некрополем, а эти два треугольника окружены треугольником ближайшей хоры. Весь ансамбль, в центре которого всегда были агора и теменос, с геометрической точки зрения можно, как полагает автор, рассматривать как треугольник, основанием которого служит Днепровско-Бугский лиман, а сторонами — линии от Варваровки до мыса Станислав и от Варваровки на Березань.

С моей точки зрения, о «геометризме» в развитии ольвийского полиса можно было бы говорить, если бы он был результатом сознательной и преднамеренной деятельности коллектива людей. В случае же с Ольвией, как отмечает и сама А. Вонсович, треугольная форма и самого города и некрополя определялась их естественными границами — Бугским лиманом и балками. Это же относится и к треугольной форме хоры. Едва ли имеются хоть малейшие основания для предположения, что греческие колонисты, выбирая место для будущего полиса и осваивая затем его территорию, руководствовались при этом геометрической формой площадей.

Четвертая глава книги (стр. 87—103) посвящена периоду наивысшего территориального развития города, расцвета урбанизма, экономики и культуры, социального и политического развития Ольвии, развития хоры и все более заметной эллинизации степных племен региона. Приводя подробное описание развития города по археологическим данным, А. Вонсович отмечает особенно важное значение открытия ольвийского гимнасия. Исследования гимнасия (А. Н. Карасев, Е. И. Леви) показывают, что на периферии греческого мира он появляется раньше периода позднего эллинизма, как это было принято считать до сих пор.

---

[16] *С. Д. Крыжицкий.* Жилые ансамбли древней Ольвии. Киев, 1971, стр. 98.

[17] *Л. М. Славин.* Ольвия как город в VI—I вв. до н. э. СА, XXVIII, 1958, стр. 280; *В. Д. Блаватский.* Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961, стр. 90.

[18] *Б. В. Фармаковський.* Розкопування Ольвії р. 1926. Одеса, 1929, стор. 40.

Выделяя специфические черты развития ольвийской агоры в рассматриваемый период, автор вновь подчеркивает, что развитие ее шло по собственному пути, не следуя конкретным средиземноморским образцам, но в целом соответствуя развитию греческих площадей. А. Вонсович высказывает предположение, что в Ольвии существовали две агоры: одна чисто торгового назначения в нижнем городе и другая, верхняя — центр всей общественной жизни полиса.

Интенсивное развитие хоры в эпоху эллинизма автор считает результатом новой волны греческой колонизации района. Отмечая упадок и прекращение существования Березанского поселения, А. Вонсович выдвигает гипотезу о возможном изменении морских путей, которые стали обходить остров, что делало ненужным существование здесь гавани и поселения. Мне эта гипотеза представляется малоубедительной: в любом случае корабль, входивший в Днепровско-Бугский лиман, не мог миновать Березани. Может быть, скорее здесь можно предполагать рост собственно ольвийского порта, в результате чего березанский постепенно терял свое значение и, наконец, необходимость в нем полностью отпала.

Краткий раздел посвящен влиянию Ольвии на территории степи и лесостепи (стр. 105, 106). Здесь речь идет главным образом о торговых связях Ольвии со скифскими племенами (по материалам Н. А. Онайко). Автор отмечает сокращение греко-скифского торгового обмена во II в. до н. э. и связывает его с кризисом Ольвии. Мне представляется, что начало сокращения греческого импорта в Скифии следует относить к несколько более раннему времени, и это наряду с рядом фактов истории Ольвии ставит вопрос о правомерности принимаемой А. Вонсович верхней даты периода процветания Ольвии (середина II в. до н. э.). Не следует ли из этого периода II в. исключать целиком? Ведь и декрет в честь Протогена, привлекаемый автором для иллюстрации кризиса Ольвии уже в следующей главе, посвященной второй половине II и I в. до н. э., датируется не этим временем, а еще концом III или началом II в. до н. э.[19]

Пятая глава — «Кризис ольвийского полиса» — очень невелика по объему (стр.109—117), что обусловлено прежде всего состоянием источников. Характерно в этом отношении, что развитию города и хоры уделено здесь менее одной страницы текста в параграфе, озаглавленном «Следы развития города и хоры». Основное внимание автор уделяет поселениям Нижнего Приднепровья (стр. 110—116), полагая, что именно они дают ключ к пониманию истории Ольвии периода упадка. Эти поселения — единственные на территории региона в рассматриваемый период и поэтому их историко-культурная интерпретация вызывает большой интерес не только сама по себе, но и весьма важна для правильного понимания истории всего региона. Как известно, по этому вопросу существуют самые различные точки зрения[20]. А. Вонсович полагает, что все еще нет достаточных данных для категорических суждений об этнической принадлежности населения этих поселений и главными проблемами в настоящее время являются выяснение происхождения этого населения и обстоятельств, вызвавших новое освоение территории между Херсоном и Каменкой. Она подчеркивает, что условием жизни указанных поселений было существование Ольвии, о чем свидетельствует ряд убедительных аргументов. Это приводит автора к историко-культурной интерпретации нижнеднепровских поселений, связанной с ее пониманием исторических судеб Ольвии в рассматриваемое время, о которых говорится в заключительном разделе главы.

А. Вонсович отмечает, что в эллинистическую эпоху греческая экспансия получает дальнейшее развитие, в том числе и в Ольвии. Это время характеризуется упадком Ольвии и ее хоры но одновременно подъемом поселений на Днепре. Сказанное приводит ее к предположению об участии в этом подъеме беглецов из Ольвии, что объяснило бы, по ее мнению, каким образом Ольвия могла так быстро возродить-

[19] *Т. Н. Книпович.* К вопросу о датировке ольвийского декрета в честь Протогена. ВДИ, 1966, 2, стр. 142; *П. П. Каришковський.* До питання про дату ольвійського декрету на честь Протогена. Археологія, XXI, Київ, 1968, стор. 95.

[20] Различные точки зрения и подробную библиографию см.: *Н. Н. Погребова.* Позднескифские городища на Нижнем Днепре. МИА, 64, 1958, стр. 105. См. также: *М. И. Вязмитина.* Культура населения Нижнего Днепра после распада единой Скифии. СА, 1969, 4, стр. 62; *ее же.* Пізньоскіфські городища нижнього Дніпра, «Археологія Української РСР», II. Київ, 1971, стор. 240—244.

ся в первые века нашей эры после глубочайшего кризиса. Автор по существу возрождает на новой основе точку зрения В. И. Гошкевича, которая не была никак аргументирована ее автором. А. Вонсович полагает, что часть демографического и экономического потенциала Ольвии пережила кризис на берегах Днепра и составила базу для быстрого возрождения полиса в римскую эпоху. Приведенная гипотеза представляет большой интерес, но, как отмечает и сам автор, она остается лишь рабочей гипотезой, пока ничем не подкрепленной.

Последняя глава книги, очень краткая, как и предыдущая (стр. 119—127), посвящена длительному периоду истории Ольвии в римскую эпоху (I — IV вв. н. э.). Уже говорилось, что правомерность объединения этого периода в один этап вызывает сомнения, поскольку на его протяжении Ольвия переживала и новый расцвет, и глубокий упадок. Территория города значительно сокращается. Изменяется этнический состав населения хоры: происходит сарматизация, наблюдаются фракийские влияния. Складывается синкретическая цивилизация со скифскими и сарматскими, греческими и греко-римскими компонентами. Автор отмечает, что аналогичная ситуация характерна и для Запада (разумеется, с иными варварскими компонентами).

Большой интерес представляет заключение книги (стр. 129—138), в котором в сжатой форме формулируются итоги исследования. В первом разделе («Последовательные фазы пространственного развития микрорайона Днепровско-Бугского лимана») характеризуются те шесть периодов истории микрорайона, которым посвящены основные главы книги, и выделяются характерные аспекты этого развития. Далее суммированы выводы по генезису и развитию города, хоры и полиса в целом и, наконец, выводы о характере колонизации. Этот последний раздел книги очень важен для понимания общей концепции автора, и в нем особенно выпукло выступают все ее достоинства и слабости. Остановлюсь подробнее лишь на одной, основной проблеме, выдвигаемой здесь автором. А. Вонсович выдвигает гипотезу (стр. 137), что путь развития ольвийского полиса представляет собой одну из моделей пространственного развития греческих полисов, которая выражается в отсутствии строгого геометризма. Другая модель представлена в Метапонте и Херсонесе Таврическом и названа автором «гипподамовым типом». Для первой (ольвийской), с ее точки зрения, характерно, что хора состоит из поселений-деревень и в ней отсутствуют усадьбы, клеры и т. д., характерные, напротив, для второй модели. Однако новые археологические исследования как на территории хоры Ольвии, так и Херсонеса показывают, что в действительности ни здесь, ни там модели, выделяемые А. Вонсович, в чистом виде не существовали. На территории ольвийской хоры недавно открыта усадьба, аналогичная херсонесским [21], а на хоре Херсонеса известны поселения «деревенского» типа, подобные ольвийским [22]. Таким образом, проблема моделирования разных типов развития колониальных полисов еще далека от окончательного разрешения.

К основному тексту книги приложен каталог известных по публикациям поселений и могильников микрорайона Днепровского и Бугского лиманов, включающий 72 названия, с указанием их местоположения, датировки и библиографии. Книга богато иллюстрирована картами, планами, схемами и т. д., главным образом перепечатанными из советских изданий. В некоторых случаях автор дает и собственные иллюстрации в виде кроки, качество и точность исполнения которых, к сожалению, оставляют желать лучшего.

Исследование А. Вонсович, как видим, во многом дискуссионно, но именно в этом, на мой взгляд, одно из главных его достоинств. Оно толкает к новым углубленным размышлениям и исследованиям. Мысли и концепции, содержащиеся в нем, свежи и оригинальны, а дискуссионность многих проблем не затушевывается автором. Можно с полным основанием заключить, что книга А. Вонсович займет свое место среди исследований не только истории Ольвии, но и античной истории Северо-Западного Причерноморья в целом. Она, несомненно, встретит большой интерес у специалистов и даст толчок к новым исследованиям.

*И. Б. Брашинский*

[21] *В. В. Рубан.* Античная усадьба на берегу Бугского лимана, стр. 335.

[22] *А. Н. Щеглов.* Поселения Северо-Западного Крыма в античную эпоху. КСИА АН СССР, 124, 1970, стр. 19; *О. Я. Савеля.* Раскопки и разведки в окрестностях Севастополя. АО—1973, М., 1974, стр. 337.

**И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак, Я. А. Шер. Анализ археологических источников** (возможности формализованного подхода). «Наука». М., 1975, 174 стр., 32 рис. и 2 табл.

**1. Направление и замысел.** Эта книга представляет большой интерес и касается актуальных проблем археологической науки, живо интересующих всех археологов Авторы выступают как представители одного направления, единомышленники; в книге не указано, какую главу кто написал. Кроме них в этом направлении плодотворно работают В. Ф. Генинг, Г. А. Федоров-Давыдов, В. Б. Ковалевская, Д. В. Деопик и др. Однако было бы неверно всех, кто применяет математику в археологии, причислять к этому направлению. Отличительной чертой направления являются надежды, возлагаемые им на *формализованную индукцию* и на элементы *редукционизма* — для обеспечения объективности исследования материальной культуры. Того, что вообще такие надежды реалистичны, никто из археологов, по крайней мере открыто, не отрицает. Однако от применения методов формализации в собственной работе многие воздерживаются — одни по неумению, другие из боязни утерять гуманитарные цели исследования. Противники направления подозревают, что надежды его сторонников сильно преувеличены и поэтому вредны для археологии.

Сами авторы книги сознают эту опасность и описывают ее в следующих словах: «Когда археолог впервые открывает для себя формализованный уровень исследования и связанную с ним возможность применения математических методов, он испытывает чувство удивления и восторга. Переступив границу и не зная еще, как далеко простирается открытая им область, он склонен считать, что противоположной границы не существует. Авторам настоящей работы это знакомо на личном опыте... В утешение можно сказать, что переоценка формализованных методов свойственна не только археологам... Хочется думать..., что перенесение этой болезни не является обязательным условием освоения формализованных методов» (стр. 115). В качестве противоядия авторы стремятся «четко отделить формализуемые звенья исследования от тех, которые не могут быть формализованы» (стр. 115); кроме того, они намечают ситуации, в которых формализованное исследование не имеет преимущества по отношению к интуитивному (стр. 116, 117).

Достаточно ли этого для преодоления указанной опасности, с точки зрения рецензента, не причисляющего себя к этому направлению,— это особый вопрос. Но во всяком случае ясно, что общепризнанная реалистичность самих надежд на формализацию в сочетании с установкой авторов на осторожность должна была обусловить создание полезной и интересной книги. Книга именно такова.

Она написана как учебник — просто, конкретно, систематично, лаконичным ясным языком. Непривычные для большинства археологов идеи разъясняются на примерах, для наглядности даны схемы и рисунки. В то же время это не просто набор практических рецептов: предложения авторов всегда сопровождаются аргументацией, и читателю предоставляется возможность продумать, что для него приемлемо, что — нет. В четырех главах (I — Структура археологического исследования; II — Классификация; III — Датировка; IV — Историческая интерпретация) содержится немало очень нужных археологам разъяснений и дефиниций, широко применимых приемов и ценных предостережений. Некоторые приемы разработаны применительно к археологии самими авторами. Особенно новаторский характер носит предложенная ими модификация *теории графов* (стр. 55—70). Она отличается остроумной адаптацией к нашему материалу, широкой археологической приложимостью и простотой. Очень интересны приемы формализации *стилистического сравнения* (стр. 68—71). Хороши разбросанные по всей книге аргументы в защиту формализации, критика ходячих предубеждений (стр. 3—7, 12—18, 42—43, 117—120).

Естественно, что в новаторском предприятии неизбежны некоторые просчеты и упущения. Неизбежны и разногласия по отдельным вопросам с теми, кто иначе оценивает условия, место и задачи формализации в археологии. Есть смысл выверить и обсудить книгу в этом плане, чтобы помочь читателю сформировать собственные оценки и облегчить ему пользование книгой.

Слово *«анализ»* в названии книги, судя по контексту, не означает просто «разложение на элементы», а понимается более широко — как *«детальное и строгое исследование»*. По идее, авторы, видимо, не намерены избегать задач синтеза, оценки

элементов с позиции целого. Подзаголовок уточняет, что авторы не задавались целью предложить полный курс методов кабинетной обработки и осмысления археологического материала. Их интересуют только те этапы, на которых формализация возможна.

**2. Процедура.** Чтобы выделить эти этапы, нужно сначала установить, какова вообще нормативная последовательность этапов или, как сейчас принято говорить, *«процедура исследования»*. В первой главе авторы так формулируют свой ответ на этот вопрос: «Схема всякого археологического исследования представляется в следующем виде» (стр. 10). Далее они излагают последовательность операций: 1) сбор материала и первичное описание, 2) классификация, 3) поиски аналогий и уточнение классификации, 4) датировка и картографирование, 5) историческая интерпретация. «Такая структура,— заключают авторы,— присуща сейчас всем хорошим исследованиям, выполнение которых принято характеризовать как фундаментальное. Нет никаких оснований думать, что в будущем эта структура нарушится, что будет предложен какой-то принципиально новый путь исследования» (стр. 12).

С этими утверждениями трудно согласиться. Авторы не рассматривают дискуссию по этому вопросу в мировой археологической литературе, не предпринимают теоретического разбора проблемы и не дают обоснования своей схемы. Они попросту обобщают обычную деятельность ряда (не всех) исследователей-практиков. В результате у них получилась схема не «всякого» археологического исследования, а лишь исследования конкретно-эмпирического, притом полного и обобщающего. Исследования теоретические, полемические, частноуточняющие, подготовительные и т. п. остаются в стороне. Но и при этих ограничениях отстаиваемая авторами индуктивная схема, отнюдь не новая для археологии [1], не является единственно возможной. Известны и принципиально иные пути: проблемно-установочная схема У. Тейлора, начинающая исследование с определения проблемы (а не со сбора материала по принципу «что бог пошлет»)[2], и дедуктивная схема Л. Бинфорда, ставящая в начало пути обзаведение гипотезой и подчиняющая весь дальнейший ход исследования проверке этой гипотезы [3].

Выбранная авторами разновидность процедуры не хуже других, нет оснований также полагать, что она может оказаться вообще неправомерной: у каждой свои функции и свое поле приложения. Более того, у авторов был резон сосредоточить внимание именно на этой разновидности: исследования, к которым она более всего приспособлена, количественно преобладают.

Однако описание индуктивной процедуры, поданное в книге, нельзя признать ни полным, ни четким, ни нормативным.

Между описанием и классификацией выпал важный этап: *критика источников* — внешняя (оценка подлинности и т. п.) и внутренняя (оценка познавательных возможностей). Соответственно в библиографическом списке в конце книги читатель не найдет посвященных этой проблематике немецких работ Г. Ю. Эггерса.[4].

«Поиски аналогий» — не подходящий термин для обозначения особого этапа процедуры. Судя по контексту, под «аналогией» имеется в виду не способ умозаключения, а выявление *формальных сходств*. Однако вся классификация построена на установлении сходств и различий, да и в дальнейшем исследовании сравнительные операции играют важную роль. Очевидно, подразумевается, что объектам, обнаруженным в обрабатываемой коллекции, подбираются схожие («аналогии») в других, ранее изученных материалах, в «привлеченных» источниках и т. п. Но такие выборочные подладки вряд ли способны «уточнить классификацию». Улучшение классификации производится общим и систематическим расширением ее базы, включением возникающей классификационной схемы в более широкую. А если таковой еще нет,

---

[1] *S. Müller.* Nordische Altertumskunde. Bd. II. Strassburg, 1898, S. 298—299.

[2] *W. W. Taylor.* A study of archaeology. Menasha, 1948, p. 152—202, pl. 4.

[3] *L. R. Binford.* Archaeological Perspectives. In: S. R. Binford and. L. R. Binford (eds.). New perspectives in archaeology. Chicago, 1968, p. 19, 20.

[4] *H. J. Eggers.* Das Problem der ethnischen Deutung in der Frühgeschichte. In: Kirchner (Hrsg.) Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft. Heidelberg, 1950, S. 49—59; *idem.* Einführung in die Vorgeschichte. München, 1959.

то это означает просто смену предмета исследования. Таким образом, вводить особый этап «Поиски аналогий и уточнение классификаций» не имеет смысла.

«Датировка» и «картографирование» — разноплановые понятия и поэтому неточно обозначают этап *пространственно-временного упорядочения*. «Датировка» — это одна из целей такого упорядочения (она не охватывает, скажем, «периодизацию»), а «картографирование» — средство, применяемое не только для пространственного упорядочения, но и для установления хронологии, сочетаемости и т. п.

Итак, средние этапы процедуры отведены упорядочению материала. «Классификация» выступает как упорядочение сразу по форме, веществу и т. п., следующий этап — как упорядочение в территориальном и хронологическом отношении, а выявление *«сочетаемости», «совстречаемости»* дискретных объектов рассматривается подробно, однако, не выделено в особый этап. Между тем это важнейшие системные связи в нашем материале, характеризующие контекст и обусловливающие возможность функциональной интерпретации. В числе операций системного синтеза археологического материала это специфическая и важная группа.

Не вполне удачна, на мой взгляд, и характеристика завершающего этапа — *«исторической интерпретации»*. Во-первых, почему интерпретация рассматривается как перевод археологической информации только на язык истории, да еще истории сугубо нарративной («переход... к языку истории, чтобы описать общество..., восстановить его историю» — стр. 12)? Наряду с «исторической интерпретацией» вполне возможна и нужна *интерпретация культурологическая и социологическая*. Во-вторых, «историческую интерпретацию» нельзя, как это имплицитно делают авторы, приравнивать к «исторической реконструкции». А чтобы избежать такого приравнивания, нужно оговорить неполноту и односторонность археологических источников, необходимость синтеза их с источниками иного рода, необходимость интеграции разных наук о прошлом. Нужно также определить место (в процедуре) и способы такого подключения. В-третьих, очень неясно изложены (стр. 11, 110—102) соотношения уровней интерпретации — «простейшей», (лучше бы сказать «первичной») или «малой» и «сложной», «большой», «высшей» («вторичной»). Авторы отмечают, что интерпретация вторгается и в предшествующие этапы, пронизывает всю цепь операций. «Малая» начинается еще на этапе «описания». Но ведь «малая» во многом зависит от «большой»: смысл отдельных фактов определен системой фактов (стр. 103—105, 110). А как же тогда быть с логической последовательностью выводов, с исключением «порочного круга рассуждений», с нормативностью процедуры? Между тем формализация требует логической ясности, последовательности, чистоты и нормативности.

Налицо явное внутреннее противоречие. Как его избежать? И авторы находят выход: они ограничивают свои формализационные задачи средними этапа процедуры, «очищают» только эту часть исследовательского процесса, отказываясь контролировать начало и конец. Конечно, это ослабляет итоговый эффект, не позволяет довести каждый результат до полной эксплицитности и абсолютной объективности. Но все же часть процесса удается перевести на уровень автоматизма, а промежуточные результаты сделать более надежными. Большой участок исследовательского процесса становится прозрачным, и тем самым облегчается проверка и оценка сложностей и вкладов интуиции в начале и в конце участка.

А все же в чем причина противоречия? Авторы, как мне кажется, упустили два обстоятельства.

Во-первых, *логическая* последовательность этапов археологического исследования (процедура) не вполне совпадает с *психологической* или *эвристической* последовательностью уровней и с *прагматической* последовательностью проведения работ — по времени и месту: полевая археология — камерально-лабораторная обработка — кабинетное исследование. Даже «большая» интерпретация необходимо (в виде гипотез) включается в проблемную ситуацию которая психологически всегда оказывается началом исследования (да и логически стоит в начале одной из процедурных схем). По времени и «большая» и «малая» интерпретации начинаются даже не с описания коллекций, а еще в поле — во время разведок и раскопок. Упустив из виду два из трех аспектов периодизации исследования, авторы невольно совместили все три аспекта в один.

Во-вторых, здесь сказалась принципиальная слабость самой идеи, руководствуясь которой авторы решают, что и как формализовать. Это идея нормативно предопределенного перехода от эмпирически наблюдаемой и фиксируемой археологической информации, тщательно раздробленной на элементы, к исторически и культурно значимым общностям и отношениям. Идея, что и говорить, заманчивая, многих увлекшая, но еще никем не осуществленная. И не случайно.

3. **Критика оснований.** Почему авторы остановились на индуктивной процедуре в своих поисках возможностей формализации? Дело в том, что индуктивная процедура соответствует потребностям эмпиризма, преобладающего в советской археологии в течение последних десятилетий [5], и связана с убеждением, что «факты сами за себя говорят», нужно, де, лишь детально рассортировать их и непредвзято обобщить. А в формализации многие индуктивисты увидели средство, позволяющее обеспечить строгость сортировки и непредвзятость обобщения. Со своей стороны формализация требует разделения процесса исследования на простейшие операции и соответственно расчленения исследуемого материала на мельчайшие элементы. а индуктивная процедура как раз и предполагает такое раздробление как исходную базу исследования (с последующим постепенным и последовательным обобщением). Взаимосвязь формализации и индуктивной процедуры принесла успехи некоторым отраслям естествознания, на которое обычно и ориентируются археологические формализаторы.

Первыми в археологии эту установку четко сформулировали американцы А. Л. Кребер, А. Кригер и О. Сполдинг [6], а наиболее развернуто разработал в своей «Аналитической археологии» Д. Кларк [7]. По их представлениям, археологическое исследование коллекции начинается с максимального дробления объектов на элементарные объективно регистрируемые характеристики — *«свойства»*, распределение и сочетание которых в материале можно измерить. Далее приступают к операции статистического обобщения, усреднения. Корреляцией выявляются повторяющиеся, устойчивые сочетания — *«типы»*. В свою очередь тесно взаимосвязанные «типы» организуются в *«археологические культуры»*, а изменения последних интерпретируются на языке исторических событий. Задачу формализации Кларк видел в том, чтобы устранить субъективизм и предвзятость из этого кристаллизующего процесса — построить из логических операций некую *«аналитическую машину»*, способную единообразно, рационально и подконтрольно перерабатывать крошево эмпирических наблюдений в историко-культурные реконструкции. Таков же в общих чертах и ход исследования по изложению в рецензируемой книге, но с опорой больше на комбинаторику, чем на статистику. Между тем сама принципиальная возможность получения желаемых результатов от подобной «аналитической машины» поставлена под сомнение и подверглась критике не только в свете философской проверки [8], но и под углом зрения специфики археологии.

Еще У. Тейлор ввел различение между *«эмпирическими типами»*, возникающими на выходе такой «аналитической машины», и искомыми *«культурными типами»*, отражающими «мысленные шаблоны» и социальные нормы прошлого. Он выдвинул положение о том, что «эмпирические типы» ipso facto не становятся «культурными типами», что для такого отождествления нужна специальная перестройка первых и введение дополнительной информации о культурных значениях со стороны [9]. Позже и среди элементарных характеристик стали различать непосредственно наблюдаемые

---

[5] *Л. С. Клейн.* К оценке эмпиризма в археологии. В кн.: Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977, вып. 1, стр. 13—22.

[6] *A. L. Kroeber.* Statistical classification. AmA, vol. 6, 1940, No. 1, p. 29—44; *A. D. Krieger.* The typological concept AmA, vol. 6, 1944, No. 1, p. 271—288; *A. C. Spaulding.* Statistical techniques for the discovery of artifact types. AmA, vol. 18, 1953, p. 305—313; *idem.* Statistical description and comparison of artifact assemblages. In: *R. F. Heizer and S. F. Cook (eds.).* The application of quantitative methods in archaeology. N. Y., 1960, p. 60—92.

[7] *D. L. Clarke.* Analytical archaeology. London, 1968.

[8] *Л. С. Клейн.* О сущности и границах аналитической археологии.— Сб. «Новейшие открытия советских археологов» (тезисы докладов). Ч. III. Киев, 1975, стр. 19—22.

[9] *W. W. Taylor.* Op. cit., p. 124—147.

*«свойства»* и культурно значимые смыслоразличительные *«признаки»* [10]. Осознаны и колоссальные различия между археологическими культурами по их исторически содержательной значимости: за одними стоят «этносы», «государства» и «религии», за другими — «стили», или только чисто «этнографические культуры» (т. е. как бы оживленные археологические культуры), не связанные даже с общностью языка и названия, а за третьими — и того нет, это всего лишь островки сохранности или изученности между лакунами, белыми пятнами [11].

Индуктивная процедура, начинающая со «свойств», необходимо ведет, по-видимому, лишь к «эмпирическим типам» и через них к содержательно неопределенным «археологическим культурам»; для перехода же к «культурным типам» надо было бы начинать не со «свойств», а с «признаков», а те сами выявляются лишь из сопоставления «культурных типов», последние же очерчиваются в ходе познания исторически и культурно осмысленных крупных археологических общностей — так сказать, «исторических культур» — в их развитии. Чтобы найти выход из этого противоречия, нужен теоретический разбор проблемы. А его в книге нет. Эмпирически инспирированный и стимулированный, подсказанный практикой и благими намерениями набор даже очень хороших методов без теоретического обоснования упирается в непреодолимые трудности и повисает в воздухе.

Стало быть, весь ход познавательного процесса должен приобрести противоположное направление, а верховенство индуктивной процедуры теряет главное оправдание. Продвижение мыслилось от «свойств» через «эмпирические типы» к «археологическим культурам», а требуется, вероятно, иное: от «исторических культур» через «культурные типы» к «признакам» и уж от них — к «свойствам».

| Индуктивная процедура | Системная процедура |
|---|---|
| археологическая культура | исторические культуры |
| ↑ | ↓ |
| эмпирические типы | культурные типы |
| ↑ | ↓ |
| свойства | ←—признаки |

На практике все удачные, «работающие» типологии выполнены именно так. Материал поступает к нам не аморфной массой, а в структурированном виде. По резким перепадам в стратиграфии, по заметным на реальных картах межам, по очевидным совпадениям ареалов типов мы ухватываем «исторические культуры» поначалу как некие образы — целостные, хотя и нечеткие, неполные, неглубокие. Постепенно мы составляем себе грубую схему структуры каждого такого образа: типичные для него контексты, типичное поведение определенных видов артефактов в этих контекстах (по сути это и есть «культурные типы»). По роли в этих отношениях можем оценивать «признаки», а уж отобрав их и подставив под них соответствующие «свойства», можем перейти к индуктивной процедуре для проверки и уточнения. Только при таком условии операции первого ряда наполнятся смыслом и станут полезным подспорьем.

В нашей теоретической и методической литературе немало разработок по «археологической культуре», гораздо меньше по «типу» и почти ничего — по «элементарной характеристике артефакта». Именно этому третьему понятию в книге уделено много места. По сути перед нами первая подробная и квалифицированная разработка этого понятия в археологической методике, чрезвычайно полезная для практиков и во многом бесспорная. Но не во всем.

Авторы знают много различий среди элементарных характеристик. Они говорят о характеристиках (называя все их «признаками») *качественных* и *количественных*, *дискретных* и *непрерывных*, *диагностических* и *совместимых*, *независимых* и *кор-*

[10] *J. Deetz.* Invitation to archaeology. Garden City. N. Y., 1967, p. 83—103; *В. С. Бочкарев.* К вопросу о системе основных археологических понятий.— Сб. «Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований». Л., 1975, стр. 34—42.

[11] *L. Kilian.* Zum Aussagewert von Fund- und Kulturprovinzen. «Swiatowit», XXIII, 1960, S. 41—85; *А. Л. Монгайт.* Археологические культуры и этнические общности.— «Народы Азии и Африки», 1967, 1, стр. 53—69.

*релированных, существенных* и *несущественных, случайных* и *закономерных* и т. д., но не отличают «свойств» от «признаков». «Дать строгое определение признака нельзя,— утверждают авторы,— ибо это исходное понятие. Его можно пояснить на примерах (можно, конечно, дать и строгое определение, только в терминах другой системы — *Л. К.*). В приближенном виде это любое свойство предмета или явления, которое выделено и записано каким-либо способом» (стр. 19). Но это не «признак», а «свойство». И большей частью в дальнейшем изложении (стр. 19—44) в книге идет речь именно о «свойствах». Когда речь заходит действительно о «признаках» (стр. 45—67), то их разновидности, как это обычно для многих работ, рассматриваются вперемежку с разновидностями свойств — «морфологические», «технологические», «функциональные», «иконографические», «стилистические», «генетические» (стр. 45, 62)... Между тем «*морфологические*», «*химические*», «*технологические*», «*локационные*» и т. п. характеристики — это один ряд («*свойства*»); «*функциональные*» (включая «*технические*», «*признаки статуса*» и т. п.), «*конструктивные*», «*художественные*» — другой ряд («*признаки*»). «*Генетические*» характеристики отношений и в этот ряд не становятся. Они сопоставимы с такими названиями, как «*контактные*», «*конвергентные*», «*случайные*» и т. п., и относятся к третьему ряду — к терминам, характеризующим не материал, а выводы о материале. Это термины метаязыка.

У авторов есть и мотивировка отождествления «эмпирических типов» с «культурными». Она дополняет мотивировку Сполдинга. Для того всякая устойчивая повторяемость говорит о закономерности, а всякая закономерность — о социокультурном значении [12]. Новая мотивировка выражена в более философской форме: «Исходя из положения, что все осознанное — дискретно, можно, наблюдая различие синхронных типов по дискретному признаку, сделать вывод, что это различие осознавалось и в древности» (стр. 113). У Сполдинга не доказана правомерность генерализации (ср. имплицитные «всякий»), у Каменецкого и его коллег ошибка чисто логическая — неверное обращение суждения. Если «все осознанное — дискретно», то это еще не значит, что «все дискретное — осознано»!

Правда, у авторов есть в запасе оговорка: в их концепции культурное осмысление выводов держится не только на этом отождествлении. С их точки зрения, культурным смыслом наполнят всю обработанную «аналитической машиной» информацию исходный отбор элементов и конечная интерпретация, а они пока формализации не поддаются. Но это значит, что формализуются только преобразования эмпирических наблюдений — их упорядочение, систематизация, выявление структур, а самое важное для целей нашей науки — превращение этой структурной информации в культурную информацию, а археологических материалов в исторические источники — остается неформализованным и неформализуемым.

Хорошо, конечно, что у авторов книги нет иллюзий А. Леруа-Гурана, Г. Ю. Эггерса, Р. Гахмана, верящих в возможность «чистого» (свободного от наложения современных культурных представлений) восприятия и понимания культур прошлого [13]. Впрочем, таких иллюзий нет и у Л. Бинфорда, Д. Кларка, К. А. Муберга и др. Они признают важность «археологического актуализма» — опоры на знание современных культур для верного восприятия и реконструкции культур прошлого [14].

Но неужто «археологическому актуализму» суждено оставаться без правил? А если такие правила установимы и устанавливаются, то неужели их нельзя формализовать?

---

[12] *A. C. Spaulding.* Statistical techniques..., p. 305. «Историческое значение, по этому взгляду, в основном выводится из типологического анализа: корректно установленный тип является результатом основательного обобщения обычного поведения создателей артефактов и просто не может не иметь исторического значения». Здесь имплицитно подразумевается: «всякий» тип, «всякое» обычное поведение.

[13] *Л. С. Клейн.* Рец. на кн.: R. Hachmann. Goten und Skandinavien. СА, 1974, 3, стр. 278—284; *его же.* Германцы в «Археологии мира», ВДИ, 1975, 1, стр. 197—203; *L. S. Klein.* Regressive Purifizierung und exemplarischte Betdachtung. EAZ, Jg. 15, 1974, No. 2, S. 223—254.

[14] *Л. С. Клейн.* Рец. на кн.: C. A. Moberg. Introduktion til arkeologi. СА, 1973, 4, стр. 294—300.

Быть может, если бы теоретическая разработка проблемы позволила авторам книги разграничить два уровня обработки информации — дескриптивно-структурный и культурный — и помогла им найти иные ходы познания, подойти с иных сторон к «культурным типам» и выйти за пределы индуктивной процедуры, то перед формализацией открылись бы новые, гораздо более широкие возможности.

Недостаток рецензируемого варианта формализации, однако, мне кажется, не только в этом.

**4. Формализация и научность.** Под «*формализацией*», как поясняет обширная цитата из «философского словаря» (стр. 3, 4), авторы рецензируемой книги понимают главным образом «выявление логической формы выводов и доказательств», составление знаковых систем и построение материальных (в частности, символических) конструкций, способных отобразить существенные и закономерные стороны и связи исследуемых объектов (включая процессы). Задачи формализации в археологии включают, по их мысли, три проблемы: 1) построить дескриптивные языки для точного унифицированного описания нашего материала; 2) изложить исследовательские операции археологов на языке логики и математики; 3) применить к обработке информации кибернетическую технику (стр. 4—7). В сознании авторов этим третьим звеном в большой мере определяется характер второго.

Формализация, по их представлениям, не только требует точных дефиниций, отношений и вычислений, допускающих алгоритмизацию и пригодных к передаче в машинную обработку, но и является е д и н с т в е н н ы м средством методически строгого, дисциплинированного, сознательного исследования. Строгость сводится к точности. Во всей книге (стр. 12—14, 17, 37, 71, 74, 115—116 и др.) проводится идея, что за границами формализованного познания остается только *интуиция* — внерассудочное постижение истины внезапным озарением без всяких правил (стр. 12—13, сн. 1).

Авторы не замечают, что при таком упрощенном распределении все предшествующее развитие археологии попадает в сферу внерассудочной творческой деятельности, равно как и современное состояние ряда гуманитарных наук. Им отказывается в дисциплинированности и обладании строгими методами, а результатам такого постижения — в научности. Но ведь сами формализаторы работают отнюдь не на пустом месте, а используют (и вполне правомерно) многие прочные результаты предшествующих поколений, их выводы и даже методы. Дело в том, что в науке не два, а много уровней строгости:

а) *совершенные формализмы* и построенные на их основе *алгоритмы*, работающие с точными данными;

б) так называемые «*полуформализованные*» *операции*, в которых формализация не достигает высшего уровня (алфавит неполон или несистематичен, правила конструирования и преобразования знаков не вполне определены и т. п.— таковы «номенклатурные списки» Ф. Борда);

в) системы *строгих правил, определяющих общий курс*, но не предписывающих детально каждый шаг (таковы, например, правила процедуры исследования или формулировки стратегических принципов);

г) *рекомендации рационального, упорядоченного оперирования* с неточными данными, расплывчатыми понятиями и неопределенными ситуациями — все еще на уровне р а с с у д о ч н о г о извлечения нужной максимально объективной информации (таков эволюционно-типологический метод О. Монтелиуса);

д) *интуитивные* выборы наиболее целесообразных решений, еще с о з н а т е л ь н ы е, но трудно объяснимые логически.

Но и это не все. Чтобы уяснить, что интуиция — это еще не противоположный полюс, не конец шкалы, стоит припомнить, что на конкретных решениях подчас сказываются факторы, еще слабее детерминированные и еще более далекие от гарантирования объективности:

е) *подсознательные* предпочтения (эмоциональные, социально-психологические) и т. п.;

ж) *случайные* воздействия — удачная находка, недобросовестность сотрудника, столкновение с искусной подделкой и т. п.

Спектр широк. Нельзя ограничивать рассудочные действия ученого полными формализмами (а), а все остальное сводить к интуиции (д). В итоге такого сведения, оставляя вне формализации две важные ступени исследования — начальную (выбор признаков и оценку их веса) и конечную (интерпретацию культурных систем и процессов),— авторы тем самым отдают эти ступени полностью во власть интуиции, чем ослабляют свои позиции в борьбе за всемерное повышение строгости исследования.

Авторы не очень точно обращаются с главным термином своей работы, обсуждая не только «методы и проблемы формализации» (что не вызывает возражений), но и «формализованный подход» (стр. 9, 12, 82) вместо «формализующего» или «формализационного», «формализованный уровень» (стр. 82) вместо «уровня формализации». Они путают (стр. 3, 82) «*формализованное*» (противостоит «неформализованному», «выполненному на естественном языке», «имплицитному») с «формальным» (противостоит «содержательному»). В результате они изымают из своего рассмотрения вопрос об «археологической культуре», так как, по их мнению, «все дискуссии об «археологической культуре» ведутся в основном на содержательном уровне, а в данной работе рассматриваются возможности формализованного подхода» (стр. 82). Это просто неверно. Полагаю, скажем, что наряду с работами других авторов мои статьи об определении археологической культуры как одного из фундаментальных понятий археологии [15] рассматривают его с формальной стороны (структура понятия, соотношения с другими классификационными понятиями и т. п.). К содержательному рассмотрению вели бы здесь конкретизация (скажем, переход к трипольской или донецкой катакомбной культурам) или интерпретация (скажем, проблема: археологическая культура и этнос).

Можно, правда, сказать, что эти вещи, формальные для исторического смысла, приобретут содержательный характер по отношению к возможным чистым логико-математическим выражениям (как абсолютным формализмам). Но, во-первых, это не устраняет их относительной формальности, а, во-вторых, схемы логических отношений в них налицо и они могут рассматриваться как низший уровень формализации и подступ к формализации высшего уровня. Изъятие подобных тем формального плана из обсуждения — как непричастных формализации — оставляет и им в удел интуицию и еще больше сужает сферу приложения строгих методов в археологии.

Получается парадокс: ратуя за крайнюю строгость методов, формализаторы непомерно расширяют область полного отсутствия строгости, область недоступную для строгости. Это потому, что они на деле придерживаются девиза: все или ничего. Непрактичность этого девиза очевидна.

5. **Анализ и синтез.** Методы пространственно-временной систематизации материала изложены в книге асимметрично: «датировке» уделена целая глава, а «картографированию» — полабзаца. Уж это без всякой мотивировки — просто таково сочетание собственных интересов и опыта авторов. Между тем картографические методы издавна разрабатываются в археологии и становятся более эксплицитными. Покойный А. Л. Монгайт посвятил им обобщающую статью [16] (ее тоже нет в библиографическом списке) и планировал вместе с А. С. Амальриком книжку. Наряду с этими традиционными методами сейчас в западной археологии интенсивно разрабатываются методы сугубо формализованного локационного анализа, заимствованные из «новой географии» [17]. Жаль, что такой главы в книге нет — это пробел в рассмотрении возможностей формализации.

Вот уже третий раз в данной рецензии приходится отмечать пробелы в изложении методов систематизации, синтеза по всем уровням процедуры сверху донизу. Синтез с другими видами источников на этапе интерпретации не предусмотрен; от синтеза территориально-хронологического налицо лишь половина; да и при рассмотрении морфологического упорядочения (этап классификации) разложение на элемен-

---

[15] *Л. С. Клейн.* Проблема определения археологической культуры. СА, 1970, 2, стр. 37—51; *L. S. Klejn.* Was ist eine archäologische Kultur? EAZ, 1971, N 4, S. 321—345 (см. табл. I).

[16] *А. Л. Монгайт.* Задачи и возможности археологической картографии. СА, 1962, 1, стр. 16—35.

[17] *D. L. Clarke* (ed.). Models in archaeology. London, 1972.

ты явно преобладает над установлением структур, «признаки» — над «типами» и «культурами». Во всей книге операции анализа заметно перевешивают, и название книги приобретает явно незапланированный авторами более узкий смысл.

Пожалуй, от первого опыта нехорошо требовать слишком многого — систематичности, верности пропорций, полноты. Будем благодарны авторам за то, что есть в книге. Но упомянуть о пробелах необходимо, чтобы частные перекосы не были приняты за конструктивную норму. Книга, безусловно, заслуживает второго издания — расширенного, стройнее развернутого и, вероятно, исправленного.

Нетрудно заметить, что главные из отмеченных недостатков или спорных моментов вытекают из отсутствия или слабости теоретических обоснований. Но это не столько вина авторов, сколько их беда, ибо зависит от общей неразработанности у нас теоретической археологии. Сказывается явное отставание этой отрасли от потребностей практики, от развития смежных наук и от задач критического разбора некоторых быстро развиваемых теоретических направлений зарубежной археологии. Хочется надеяться, что рецензируемая книга послужит не только подспорьем практикам и не только отправной станцией для развития методики, но и стимулом к разработке теоретической археологии.

*Л. С. Клейн*

# *Хроника*

## ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ «РАННИЕ КОЧЕВНИКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА»

**(Ленинград, 1975)**

С 19 по 21 ноября 1975 г. в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР было проведено Всесоюзное совещание «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана».

Совещание открыл заведующий сектором Средней Азии и Кавказа ЛО ИА АН СССР В. М. Массон, отметивший, что археология ранних кочевников в настоящее время представляет собой самостоятельную отрасль археологических знаний. Раскопанные за последние годы памятники раннего железного века степной зоны Средней Азии, Казахстана и Сибири позволяют по-новому осветить некоторые спорные проблемы абсолютной и относительной хронологии раннекочевнических комплексов, уточнить синхронизацию археологических культур этого периода. Исходя из этого, Научный совет по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана в качестве основной задачи совещания поставил обсуждение проблем хронологии ранних кочевников Средней Азии и Казахстана.

Заведующий ЛОИА АН СССР В. П. Шилов, отметив во вступительном слове большие достижения археологов, занимающихся изучением ранних кочевников Средней Азии и Казахстана, вместе с тем указал, что проблемы хронологии раннекочевнических культур еще недостаточно разработаны. Археологические культуры ранних кочевников степей Евразии характеризуются единством скифской триады: предметов вооружения, конского снаряжения и звериного стиля. Именно сходство этих элементов заставило участников совещания обратиться к вопросам хронологии во всей их широте. Только совместными усилиями археологов различных специализаций удастся создать твердую хронологическую колонку памятников кочевников степей Евразии. После этого, по мнению В. П. Шилова, необходимо составить археологические карты памятников VIII, VII, V и последующих веков до н. э., что позволит перейти к выделению ареалов расселения племен, упоминаемых письменными источниками.

Совещание началось с обсуждения вопросов хронологии памятников наиболее ранних кочевников. На примере кургана Аржан М. П. Грязнов (Ленинград) в докладе «Некоторые вопросы хронологии ранних кочевников в связи с материалами кургана Аржан» убедительно показал, что традиционные приемы датирования отдельных курганов путем поиска аналогий могут в некоторых случаях привести к ошибкам. М. П. Грязнов предлагает прежде всего определить место изучаемых памятников в системе археологической периодизации данного района по комплексу всех определяющих признаков (устройство погребального сооружения, погребальный обряд, вещи), после чего определяется дата по аналогиям с хорошо датированными типами вещей всего этапа или культуры в целом. Выделяя аржанский этап скифской культуры, М. П. Грязнов обращает внимание на уровень информативности археологических памятников, который необходимо учитывать при анализе царских захоронений (типа кургана Аржан). Аржан датируется М. П. Грязновым VIII—VII вв. до н. э. Эту датировку поддержали А. И. Ильинская (Киев), Ю. А. Заднепровский (Ленинград) и ряд других археологов.

Проблеме происхождения сакской культуры был посвящен доклад Л. Р. Кызласова (Москва) «Археологические данные о происхождении сакской культуры», в котором по-новому освещаются эти вопросы. Отрицая преемственность андроновской и сакской культур, Л. Р. Кызласов утверждает, что сакская культура восходит к дандыбай-бегазинским памятникам. Докладчик подверг критике гипотезу о происхождении тасмолинской культуры от дандыбай-бегазинской и о связях андроновской и тасмолинской культур. Л. Р. Кызласов связывает курганы Бесшатыра с оградами могильника Бегазы, основываясь на конструкциях деревянных камер с дромосами. Курган Аржан, также имеющий центральную погребальную камеру в виде двух

квадратных срубов, вставленных один в другой, по мнению Л. Р. Кызласова, «...восходит к тем же дандыбай-бегазинским оградам без дромосов». Эта генетическая связь по мнению докладчика, свидетельствует о том, что, люди, сооружавшие Аржан, пришли из центральноказахстанских степей. Эти положения вызвали дискуссию

М. П. Грязнов возразил против отрыва андроновской культуры от последующих. По его мнению, «дандыбай-бегазинские и тагискенские памятники — это почти копия андроновских, но иной редакции». М. П. Грязпов не согласился с тем, что культуры скифского типа в Казахстане и Средней Азии восходят к памятникам типа Бегазы-Дандыбай. С его точки зрения, экспансия с запада белозерско-ивановской культуры эпохи поздней бронзы (XI—X вв. до н. э.) хронологически разъединяет дандыбай-бегазинские памятники и культуры скифо-сибирского типа. М. П. Грязпов высказал сомнение в том, что люди, сооружавшие курган Аржан, пришли в Туву из центрально-казахстанских степей, отметив, что культуры скифо-сибирского типа возникали в разное время на разных территориях и на различной этнической основе. По мнению М. П. Грязнова, нельзя сравнивать конструкции могил дандыбай-бегазинских памятников с конструкциями могил культур скифо-сибирского типа, так как для памятников типа Бегазы-Дандыбай наземные камеры нехарактерны.

В ответном слове Л. Р. Кызласов согласился с тем, что непрерывное развитие культурного процесса в Казахстане было нарушено белозерско-ивановской экспансией с запада, но отстаивал свой тезис о происхождении культур скифо-сибирского типа в Казахстане, Средней Азии и Туве от памятников типа Бегазы-Дандыбай.

Ряд докладов был построен на материалах новых памятников, еще не введенных в научный оборот. Как показала работа совещания, их хронологическая интерпретация позволяет значительно продвинуть вперед разработку проблем синхронизации культур ранних кочевников Средней Азии и Казахстана.

Следует отметить доклад Ф. Х. Арслановой (Калинин) «Курганы с „усами" в Восточном Казахстане». Докладчик выявил специфические особенности погребального обряда кочевников V—III вв. до н. э., привел данные о существовании социального расслоения их общества.

Доклад Е. Д. Салтовской (Душанбе) «К вопросу о североферганских саках эпохи раннего железа» вызвал большой интерес среди специалистов. В результате исследования могильника Дашти-Ашт подтверждается предположение о возможном обитании сакских племен на правобережье Сырдарьи. Кроме того, раскопки курганов VIII—VII вв. до н. э. в Дашти-Ашт свидетельствуют в пользу гипотезы А. Н. Бернштама и С. С. Черникова о генетической связи сакского населения Средней Азии и Казахстана и племен поздней бронзы. Наличие в этом районе хронологической колонки от поздней бронзы до раннего средневековья, как считает Н. Г. Горбунова (Ленинград), ставит могильник Дашти-Ашт в ряд эталонных памятников скифского времени Средней Азии.

Доклад М. К. Кадырбаева (Алма-Ата) «Савроматские памятники Актюбинской области» заставляет по-новому осмыслить развитие савроматской культуры в Казахстане. Анализ этих материалов, особенно произведений искусства, позволяет говорить об уточнении границ распространения савроматской культуры. По словам В. П. Шилова «М. К. Кадырбаев наметил восточную границу локальной самаро-уральской группы».

Д. Г. Савинов (Ленинград) в докладе «К выделению ранних и поздних элементов в культуре пазырыкского времени» установил характерные особенности погребального обряда этого времени, которые представляют собой ряд территориальных вариантов, связанных, по его мнению, с этническими различиями. Им выявлены отдельные раннескифские и поздние (хуннские) элементы в культурах ранних кочевников, позволяющие установить относительную хронологию памятников в пределах V—III вв. до н. э. Докладчик приходит к выводу, что пазырыкская эпоха связана как с периодом поздней бронзы, так и с историей раннефеодальных государств Центральной и Средней Азии.

В нескольких докладах получили освещение проблемы изучения культур кочевников гунно-сарматского времени. К ним в первую очередь относится доклад А. М. Мандельштама «О некоторых восточных аспектах хронологии ранних кочевников Средней Азии и Казахстана». В нем дана развернутая характеристика наиболее дискуссионных проблем периодизации этого региона. Указав на фрагментарность письменных источников, докладчик подчеркнул ведущую роль археологических исследований, которые могут осветить, например, процесс передвижения юечжей на запад или появление сюнну во II—III вв. н. э. к северо-востоку от Сырдарьи и др. В докладе А. М. Мандельштама выдвинуто положение о необходимости выработки особой хронологии для раннекочевнических памятников восточной части Евразии.

В докладе В. М. Ягодина (Нукус) «Ранние кочевники Устюрта» даны подробная характеристика, классификация, хронология погребальных памятников и их инвентаря, позволяющие выявить культурные связи между Устюртом и Южным Уралом в раннесарматское время.

Г. А. Федоров-Давыдов (Москва) в докладе «Новые находки звериного стиля в Поволжье» познакомил участников совещания с материалами III—II вв. до н. э., имеющими сибирские аналогии.

Доклад Х. Ю. Юсупова (Ашхабад) «Исследования памятников ранних кочевников

Северо-Западной Туркмении» касался вопросов типологии и хронологии погребальных сооружений. Детальное исследование инвентаря и обряда захоронения позволило установить связи раннекочевнического населения Северо-Западной Туркмении с сарматами Поволжья и Южного Приуралья, с одной стороны, и оседлым населением Южного Туркменистана — с другой.

Доклад Л. М. Левиной (Москва) «Новые исследования памятников джетыасарской культуры в Восточном Приаралье» был посвящен определению характерных особенностей этой культуры, заключающихся в архаичности ее элементов, что резко контрастирует с монументальностью построек на поселениях. Своеобразие исторического развития этой культуры позволило выявить связи с культурами других территорий. Анализ материалов городища Томпак-асар и близлежащих могильников помог установить значительную древность (возможно, середина I тысячелетия до н. э.) джетыасарской культуры в данном регионе.

Б. Н. Нурмухамбетов (Алма-Ата) в докладе «Могильник Мардан» ознакомил участников конференции с немногочисленным, но разнообразным погребальным инвентарем I в. до н. э.— I в. н. э. из этого могильника.

Об исследованиях последних лет сообщил Г. А. Кушаев (Уральск) в докладе «Новые памятники ранних кочевников Западного Казахстана». Эти памятники I тысячелетия до н. э. позволяют проследить связи с памятниками волго-донской и самаро-уральской групп.

Доклад Н. А. Мажитова и А. Х. Пшеничнюка (Уфа) «Позднесарматские памятники юго-восточной Башкирии» посвящен разбору надмогильных конструкций и погребального инвентаря. Докладчику удалось выявить связи юго-востока Башкирии с Поволжьем, Казахстаном и Средней Азией.

Интересные данные содержались в докладе Н. Н. Негматова (Душанбе) «Куркатские склепы», для которых характерен своеобразный погребальный обряд и богатейшие наборы украшений. Склепы относятся, по его мнению, к III—VII вв. н. э. Б. И. Маршак (Ленинград), отметив сложность хронологического расчленения материалов куркатских склепов, предложил объединить усилия многих специалистов для решения этой проблемы.

А. В. Давыдова (Ленинград) в докладе «О классификации памятников хунну» отвергает общепринятую хронологическую основу классификации хуннских археологических памятников, согласно которой основной массив кочевого населения появился в Забайкалье позднее оседлого, что противоречит, по ее мнению, ходу исторического развития общества хунну. Считая культуру хунну единой, А. В. Давыдова считает необходимым учитывать при хронологическом членении археологических памятников форму хозяйства.

В докладе С. С. Миняева (Ленинград) «К хронологии сюннуских памятников Забайкалья» на основе анализа китайских письменных источников и сопоставления их с находками китайских монет «у-шу» и зеркал определены даты (не ранее 123 г. до н. э.) для ряда сюннуских могильников и городищ Забайкалья и Северной Монголии.

В дискуссии по докладам А. В. Давыдовой и С. С. Миняева Л. Р. Кызласов, нарисовав яркую историческую картину взаимоотношений Китая и хунну и указав на причины значительных передвижений последних, не увидел ничего странного в том, что в Забайкалье первыми появляются представители оседлого хуннского населения: военные гарнизоны и ремесленники. По мнению Л. Р. Кызласова, хунну важно было контролировать рудные источники. Поскольку в Монголии рудных источников нет, хунну обращают свой взор на север, где местные племена издавна добывали руду. Поэтому хуннские ремесленники (медеплавильщики, оружейники) и охраняющие их гарнизоны, т. е. оседлое население, появляются в Забайкалье ранее кочевого хуннского населения. Л. Р. Кызласов предостерег С. С. Миняева от датировки хуннских погребений по монетам «у-шу» ввиду их длительного бытования. А. В. Давыдова, признавая ценность доклада С. С. Миняева, также указала, что нельзя переносить дату погребений с монетами «у-шу» на весь могильник.

П. Б. Коновалов (Улан-Удэ) в докладе «Курган гуннской эпохи из могильника Ильмовая падь» основное внимание уделил погребальному обряду этого памятника, который свидетельствует об однородности хуннской культуры в Забайкалье.

Методические аспекты графической подачи археологического материала были рассмотрены в докладе С. С. Сорокина (Ленинград) «О построении таблиц хронологической классификации археологических памятников ранних кочевников Азии». Докладчик познакомил аудиторию с методами, позволяющими избежать превратного отражения материала в классификационных таблицах.

Чрезвычайно интересным был доклад В. А. Лившица (Ленинград) «Вновь открытая письменность Ирана и Средней Азии», в котором приводились данные о существовании неизвестной ранее письменности V в. до н. э.— VII—VIII вв. н. э. на этой территории. Она представлена надписями на вещах из сакского кургана Иссык и на фрагментах керамики кушанского времени (древний Мерв). По докладу выступил А. М. Беленицкий (Ленинград), отметив большое значение этого исследования, позволяющего вплотную подойти к проблеме сакской письменности.

Несколько докладов было посвящено искусству раннекочевнических обществ. На примере произведений искусства из кургана Иссык в докладе А. К. Акишева (Алма-Ата) «Семантика и функции искусства «звериного стиля» саков Семиречья»

дан глубокий анализ миропонимания саков, отразившегося в искусстве кочевников. По мнению А. К. Акишева, для раннекочевнического искусства характерна переработка переднеазиатских традиций «...в местном духе, в гармоничном сочетании с чисто «алтайскими» чертами «звериного стиля»».

В докладе «Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье (по материалам погребений, памятников изобразительного искусства и письменных источников)» А. М. Беленицкий отметил недостаточное и одностороннее изучение культовых и идеологических аспектов, связанных с символическим значением коня. Использование докладчиком огромного количества материала позволило ему раскрыть связь образа коня с такими важными аспектами, как: тотемистическая идеология, шаманизм, культ предков, хтонические представления, солярный культ и культ неба, водная стихия, символика царской власти, магия, героический эпос и социальный престиж.

Г. Н. Курочкин (Нукус) в докладе «К вопросу о переднеазиатском этапе развития скифского искусства» подчеркнул, что не следует отождествлять территорию появления раннекочевнического искусства и территорию его формирования. Равным образом неадекватны понятия «скифское искусство» и «скифский звериный стиль». Популярный у скифов сюжет змееногой богини, по мнению докладчика, проникает в Северное Причерноморье из Передней Азии. Отсюда же, как и М. И. Артамонов, Г. Н. Курочкин выводит и некоторые другие элементы скифской культуры. По мнению Г. Н. Курочкина, вещи, выполненные в скифском зверином стиле, известны в Иране (Се Гирдан) уже в VII в. до н. э. Гробница скифского типа и изображения скифов найдены в Хасанлу (Иран, VIII в. до н. э.).

А. И. Ильинская в выступлении по докладу Г. Н. Курочкина отметила смелость постановки вопроса и новизну решения проблемы. Докладчик, сказала она, привлек новые археологические материалы из Ирана. Набор вещей скифского стиля, о котором говорилось в докладе, найден именно там, где скифы локализуются по письменным источникам. Вместе с тем А. И. Ильинская считает, что выводы Г. Н. Курочкина несколько преждевременны, поскольку не решен вопрос, с какого времени мы можем говорить о начале скифского искусства. Пока наиболее вероятная дата – VIII–VII вв. до н. э. А. М. Беленицкий указал на большое сходство в изображении человека на сосуде из Хасанлу с изображениями людей в ассиро-вавилонском искусстве. Е. Е. Кузьмина (Москва) считает, что сюжет змееногой богини не является типично скифским, а восходит к более раннему времени индоиранской общности. Упоминание о змееногой богине есть еще в «Ригведе». Е. Е. Кузьмина не видит оснований считать скифом человека, изображенного на сосуде из Хасанлу. Гробница в Хасанлу также, по ее мнению, не похожа на скифскую.

В отношении доклада А. М. Беленицкого Е. Е. Кузьмина отметила, что культ коня возник первоначально в среде индоевропейских племен, и его распространение связано с движениями этих племен. Индийские и иранские письменные источники содержат подробные данные о ритуалах, связанных с культом коня. В среде финно-угорских и тюркских народов культ коня распространяется позднее под влиянием индоевропейских племен.

Два доклада были посвящены проблеме реконструкции общественных отношений раннекочевнических обществ по данным погребального обряда. Основное внимание в докладе О. В. Обельченко (Москва) «Некоторые черты общественного строя ранних кочевников долины Зеравшана по археологическим данным» уделено интерпретации женских погребений с богатым инвентарем, в состав которого входят вещи культового характера. В докладе затронут вопрос о коллективных погребениях в катакомбах Согда, датирующихся первой половиной I тысячелетия н. э. Докладчик приходит к выводу, что коллективные погребения свидетельствуют о сохранении сильных родовых связей в среде кочевнического населения, которое в этот период постепенно переходило к оседлому образу жизни.

Доклад А. И. Мартынова (Кемерово) «К вопросу о социальном строе у лесостепных племен тагарской культуры» посвящен анализу структуры общественной организации ранних кочевников Сибири. Используя данные раскопанных тагарских могильников в лесостепной зоне Сибири и привлекая материалы по поселениям, докладчик предположительно определяет количество семей, которое могло проживать на одном поселении тагарской культуры. Далее А. И. Мартынов, исходя из количества курганов, входящих в состав того или иного могильника, пытается определить территорию, занимаемую одним племенным союзом в Мариинско-Ачинском районе.

Общим недостатком обоих докладов является отсутствие четко разработанной методики социологической интерпретации погребальных комплексов, без которой все выводы как бы привлекательно они ни выглядели, остаются малоубедительными.

Следует надеяться, что совещание по проблемам хронологии ранних кочевников Средней Азии и Казахстана будет способствовать новым успехам раннекочевнической археологии и содействовать дальнейшей координации работ в этом важном и перспективном направлении археологической науки.

*В. А. Алёкшин, Н. А. Боковенко*

## МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОЛЛОКВИУМ ПО ПРОБЛЕМАМ АРХЕОЛОГИИ ИРАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

С 22 по 24 марта 1976 г. в Парпже происходил Международный коллоквиум по проблеме «Иранское плато и Средняя Азия с древнейших времен до исламского завоевания; их связи в свете археологических данных». Коллоквиум был организован Французским Национальным центром научных исследований под председательством вице-президента университета Сорбонны, проф. Ж. Дейе. Национальным центром были приглашены на коллоквиум ведущие специалисты по археологии Ирана из Франции, Италии, США и других стран. Советский Союз на коллоквиуме был представлен Г. А. Пугаченковой, В. В. Волковым, Е. Е. Кузьминой, В. И. Сарианиди, а также докладами А. М. Мандельштама и И. Н. Хлопина. Заседания происходили в Музее народных искусств и традиций.

На заседании 22 марта под председательством Р. Дайсона (США), после приветствия собравшихся проф. Ж. Дейе, выступил акад. Р. М. Гиршман (Франция). В своем докладе «Религия Ирана с VIII в. до н. э. до ислама» он подчеркнул сохранение религиозных традиций, и прежде всего культа огня, на протяжении многих веков; основываясь на своих раскопках в Бард-е Неханде и Маздждид-и Сулейман, Р. Гиршман продемонстрировал религиозный синкретизм в древнем Иране, когда рядом сосуществовали иранский алтарь огня и греко-македонские храмы Геракла и Афины, впоследствии превращенные в храмы Веретрагны, Анахиты и Митры.

Два следующих доклада были посвящены характеристике одного из ключевых памятников энеолита и бронзового века Ирана — исследуемого в последние годы поселения тепе Яхья.

Д. Поттс (Канада) остановился на роли этого поссления в экономике Ближнего Востока в конце IV тысячелетия до н. э. (в период Яхья IV С). Находки импортных сосудов, статуэток, табличек, печатей и их оттисков, по мнению докладчика, свидетельствуют о широких экономических связях населения тепе Яхья с другими областями (Эламом, Южной Туркменией и прежде всего — с Месопотамией эпохи Джемдет-Наср). Выступивший по докладу крупнейший специалист по древневосточной глиптике П. Амье подчеркнул, что многочисленные экземпляры печатей и их оттисков из тепе Яхья демонстрируют контакты главным образом с глиптикой Суз, что, возможно, указывает не только на экономические, но и идеологические и этнические связи обитателей тепе Яхья с Эламом в IV тысячелетии до н. э. Проблеме контактов тепе Яхья в III тысячелетии до н. э. был посвящен доклад руководившего археологическими раскопками этого памятника К. Ламберг-Карловского (США). Докладчик доказал, что тепе Яхья было важным экономическим центром, куда стекались обсидиан, бирюза, раковины из Персидского залива, печати из Месопотамии и Калибангана, керамика из Тали-Иблис, Шахри-Сохте, Кулли, Бампура, Анау, Бахрейна. Вместе с тем тепе Яхья был важным ремесленным центром, где сосредотачивались металлообработка, изготовление каменной скульптуры, распространявшейся отсюда вплоть до Ферганы. Новые находки в тепе Яхья важны не только для изучения палеоэкономики Ирана, но и для уточнения хронологии и синхронизации памятников сопредельных областей, в том числе Средней Азии.

Проблемам культурных связей Иранского плато в эпоху бронзы были посвящены и доклады на вечернем заседании, происходившем под председательством М. Този (Италия).

Г. Дейлс (США) — автор многочисленных исследований, посвященных харапской культуре Индии, сосредоточил свое внимание на вопросе о связях долины Инда с западом, в особенности со Средней Азией, начиная с периода Анау I. Докладчик подчеркнул, что контакты, проявляющиеся в сходстве мотивов орнамента расписной керамики, в типах печатей и коропластике, особенно интенсивны в период Намазга III. Что касается середины III тысячелетия до н. э., то в эту эпоху происходят резкие изменения, связи с Индостаном обрываются. В Индии складываются харапские городские центры, ведущие морскую торговлю по Аравийскому морю и Персидскому заливу, а сухопутный северный путь теряет свое значение. По мнению Г. Дейлса, дата этапов Намазга IV—V советскими археологами чрезмерно завышена и должна быть опущена в III тысячелетие до н. э., в соответствии с хронологией Гиссара III, с которым перекликаются материалы среднеазиатских памятников.

В дискуссии по докладу Г. Дейлса выступил В. И. Сарианиди, подчеркнувший, что хронология южнотуркменистанских памятников базируется на надежной стратиграфии многометровых культурных напластований и поэтому не может быть слишком сдвинута вниз, он отметил также, что связи с Индостаном сохраняются и в период Намазга V. Те же положения отстаивала в своем выступлении Е. Е. Кузьмина, отметившая, что синхронизация с Гиссаром III многократно подчеркивалась советскими исследователями, и новые материалы из Алтын-депе позволяют расширить количество аналогий, что же касается абсолютной даты, то советские исследователи, не имеющие в своих руках надежных месопотамских импортов, вынуждены ориентироваться на абсолютный возраст Гиссара, дата которого спорна: есть сторонники длинной и короткой хронологии. Е. Е. Кузьмина отметила далее, что новые находки как в Средней Азии, так и в Индостане подкрепляют правильность вывода об

очень тесных (может быть не только экономических, но и этнических) связях носителей культуры Намазга III и населения Северо-Западного Индостана (в частности Гомала), но подчеркнула, что контакты Средней Азии и Индостана сохраняются и в хараппскую эпоху, что документируется находками сходных типов топоров-тесел, булавок, зеркал, печатей, бус и других импортов, причем эти связи служат подтверждением хронологической схемы тех советских исследователей, которые придерживаются длинной хронологии Гиссара.

Проблемам археологии Индийского субконтинента и связям с западом был посвящен и доклад Ж. Жаррижа, сменившего Ж.-М. Казаля на посту руководителя Французской археологической миссии в Пакистане. Ж. Жарриж ознакомил присутствующих с новыми открытиями в долине Качи, где исследовано поселение Мергар конца IV—III тысячелетия до н. э., на котором открыты монументальная платформа, а в слое III — коропластика и расписная керамика, позволяющие выявить аналогии с комплексами Кветты, Гумла II, Шахри-Сохте I, Мундигак III и Намазга III. В той же долине исследовано поселение Пирак конца II — начала I тысячелетия до н. э., на котором найдена расписная керамика, сохраняющая позднекветтские традиции росписи, а в слоях железного века — серая керамика, аналогичная посуде бассейна Ганга.

Проблемам связей Ирана и Средней Азии был посвящен доклад Ж. Дейе (Франция). На исследуемом проф. Ж. Дейе поселении Тюренг-тепе в слое III С, относящемся ко времени около 2000 г. до н. э., открыта мощная платформа — основание грандиозного ступенчатого сооружения с лестницей, сходная с монументальными постройками Алтын-депе V и Мундигака V. Докладчик справедливо полагает, что прямое сопоставление их В. М. Массоном с месопотамскими зиккуратами неправомерно, хотя влияние Двуречья на монументальную архитектуру Иранского плато, Средней Азии и Афганистана несомненно, и осуществлялось оно вдоль по «лазуритовому пути».

Воздействием месопотамского искусства объясняет Ж. Дейе и возникновение в Иране торевтики, образцами которой служат относимые им к концу III тысячелетия до н. э. предметы из Астрабадского клада, клад Фуллол и вазы из грабительских раскопок в Афганистане.

Р. Дайсон (США) посвятил свой доклад результатам осуществляемых под его руководством раскопок поселения Хасанлу и в свете полученных новых данных пересмотрел проблему культурных связей на территории Ирана. Докладчик отметил, что гипотеза о миграции серой керамики с востока или с запада спорна. На западе Ирана открыто много новых памятников с серой керамикой; в Хасанлу в слое «железный век I» уже представлена монументальная архитектура с развитыми строительными традициями, предполагающими длительное развитие. Однако архитектура и керамика Хасанлу V довольно существенно отличаются от более древнего комплекса Гиссар III.

Проблемы бронзового века Ирана и Средней Азии обсуждались на утреннем заседании 23 марта, проходившем под председательством Л. Левина (Канада). М. Този (Италия) в своем докладе представил детальный анализ экономики исследуемого им поселения Шахри-Сохте, подчеркнув роль экологической среды и палеогеографических факторов и этнографических параллелей для решения проблем палеоэкономики и значение демографической интеграции в историческом процессе. М. Този охарактеризовал поселение Шахри-Сохте как важный ремесленный и торговый центр с широкими внешними связями, что документируется наличием импортов, выделением особых ремесленных кварталов; расцвет поселения падает на III период (III тысячелетие до н. э.) — время расцвета и других городских центров Ирана и Средней Азии.

Роли социально-экономических факторов в истории Туркменистана был посвящен и доклад Р. Бишони (Италия), в котором рассматривались причины кризиса урбанизации во II тысячелетии до н. э. Отметив, что для объяснения запустения многих поселений эпохи Намазга V и сокращения обжитой площади в эпоху Намазга VI выдвигались различные гипотезы: изменение географической среды, вторжение северных степных племен, сегментация племен и др., автор пришел к выводу о том, что решающую роль в запустении городов и появлении небольших деревень сыграли социально-экономические факторы. Выступившая по докладу Р. Бишони Е. Е. Кузьмина поддержала основную идею докладчика, подчеркнув: 1) падение культуры Намазга V в результате вторжения северных степных племен не находит веских подтверждений в археологических материалах; 2) выдвигавшаяся гипотеза о сегментации индоиранских племен и их миграции из Туркмении несостоятельна в свете данных индоевропеистики; 3) И. М. Дьяконовым было показано, что в Двуречье происходит процесс истощения полей и падения урожайности, что привело к экономическому кризису — аналогичная картина могла иметь место и в Туркмении; 4) важнейшими результатами исследований советских археологов последних лет является установление факта широкого распространения культуры Намазга V—VI на юге Узбекистана и Таджикистана вплоть до Памира, выявление мелких сельских усадеб, установление специализации ремесла, указывающие на разделение общества на земледельцев и ремесленников и свидетельствующие в целом о социально-экономических изменениях в Средней Азии в эту эпоху.

В. И. Сарианиди (СССР) ознакомил присутствующих с новыми результатами проводимых им исследований в Бактрии (Афганистан). Докладчик предположил, что бактрийская культура формировалась под воздействием пришедшего из Хорасана населения, поскольку в Ирано-Туркменской зоне выявлены прототипы бактрийских керамических форм и металлических изделий. Что касается металлических перегородчатых печатей, то область их распространения простиралась от Южной Туркмении и Восточного Ирана до Иранского Сеистана и Кандагара и включала Бактрию.

Вечернее заседание, проходившее под председательством Ж.-К. Гардена (Франция), было посвящено проблемам археологии железного века Ирана. Л. Левин (Канада) выдвинул в докладе тезис, что торговля была следствием военных действий на Ближнем Востоке в 900—700 гг. до н. э. Этот тезис он пытался обосновать изменением основного направления торговых связей в зависимости от изменений политической ситуации и усиления то Ассирии, то Урарту. Выступившие до докладу Р. Дайсон и другие ученые отметили спорность положений докладчика и необходимость широкого привлечения письменных источников для решения поставленных задач.

В. В. Волков (СССР) сообщил об интересных результатах руководимой им археологической экспедиции в Монголии, выявившей многочисленные памятники VII—III вв. до н. э., в том числе оленные камни, погребальные сооружения, произведения прикладного искусства, которые позволяют принципиально по-новому взглянуть на скифскую проблему и предположить, что скифский звериный стиль формировался под воздействием восточных областей Евразии, где, может быть, следует искать его истоки.

Е. Е. Кузьмина (СССР) посвятила свой доклад связям Бактрии и Ирана в VII—IV вв. до н. э., сосредоточив внимание на анализе вещей Амударьинского клада, время, и место изготовления которых остаются спорными. Привлечение для сопоставлений хорошо датированных печатей греко-персидского стиля позволило Е. Е. Кузьминой, во-первых, установить возраст большой группы предметов клада — 80—60 гг. V в.— первая половина IV в. до н. э., во-вторых, выявить стилистические особенности, позволяющие говорить о сложении в Бактрии самостоятельной художественной школы. Сопоставление изделий этой школы с искусством азиатских степей показало, что бактрийские мастера играли для саков ту же роль, что греки Северного Причерноморья для скифов, являясь поставщиками в степь изделий прикладного искусства.

Скифской проблеме был посвящен и доклад С. Клезиу (Франция) о распространении на Ближнем и Среднем Востоке так называемых скифских стрел. Докладчик суммировал большое количество новых находок, систематизировал их по типологической схеме, разработанной А. И. Мелюковой для стрел Причерноморья, выделил три этапа распространения евразийских степных стрел в Передней Азии: I — IX—VIII вв. до н. э., который он связывает с первым проникновением из степей конных всадников; II—VII—VI вв. до н. э.— связанный с приходом киммерийцев, скифов и мидийцев; III—IV—III вв. до н. э.— связанный с участием саков в ахеменидской армии.

Г. А. Пугаченкова (СССР) представила в своем докладе результаты многолетних работ руководимой ею Узбекистанской искусствоведческой экспедиции, продемонстрировав открытые на юге Узбекистана памятники от ахеменидского до эллинистического времени — великолепные образцы монументальной архитектуры, скульптуры, пластики, прикладного искусства. Ее доклад вызвал многочисленные отклики присутствующих (в частности, П. Бернара, Ж.-К. Гардена, Г. Азарпай).

Утреннее заседание 24 марта под председательством Е. Е. Кузьминой (СССР) было посвящено проблемам культуры Ирана и Средней Азии от ахеменидской до греко-бактрийской эпохи.

В докладе А. Каттена и Ж.-К. Гардена (Франция) было проведено сопоставление ведущих жанров (форм и типов) керамики в ахеменидскую эпоху в Средней Азии и в Иране. В результате обстоятельного анализа ведущим специалистом по керамике Ирана Ж.-К. Гарденом был сделан вывод, что несмотря на распространение некоторых общих типов, свидетельствующих о культурных связях, в преобладающих формах прослеживаются весьма существенные различия, указывающие на самостоятельное развитие керамики в двух зонах — в Средней Азии и Иране, сохранявших свою культурную автономию. Среди многочисленных участников дискуссии по докладу выступили Г. А. Пугаченкова и Е. Е. Кузьмина, отметившие, что предпринятый Ж.-К. Гарденом кропотливый анализ новейших керамических материалов Ирана подтвердил правильность вывода, уже давно сделанного советскими исследователями А. М. Беленицким, М. Г. Воробьевой и Е. Е. Кузьминой и подкрепленного новыми раскопками В. И. Сарианиди,— вывода о независимом от Ирана формировании керамического комплекса в Средней Азии в VII—VI вв. до н. э. на местной основе эпохи бронзы.

П. Жантей (Франция) сделал сообщение о двух способах проведения ирригационных работ, практиковавшихся в Средней Азии и Иране, и проследил развитие системы отводных каналов начиная с эпохи бронзы до эллинистического времени, сосредоточив основное внимание на каналах, изученных им в районе Ай-Ханума.

А.-П. Франкфорт (Франция) в своем докладе рассмотрел вопрос о сложении типа

мегарона в Средней Азии и Иране. Докладчик выделил несколько черт, специфичных для построек типа мегарона, и, проследив наличие или отсутствие их в архитектуре переднеазиатской, греческой и бактрийской, выделил четыре группы построек: 1) бактрийскую эллинистическую; 2) бактрийскую кушанскую; 3) иранскую и 4) микенскую и высказал предположение, что первая и вторая группы возникли независимо от греческих прототипов на местной основе.

На последнем заседании 24 марта под председательством К. Ламберг-Карловского (США) были заслушаны доклады, посвященные культуре Ирана и Средней Азии первой половины I тысячелетия н. э.

П. Бернар (Франция) — руководитель французской экспедиции в Афганистане, в течение ряда лет осуществляющий раскопки бактрийского центра античной эпохи Ай-Ханум, ознакомил присутствующих с блестящими новыми результатами, полученными на этом памятнике, позволяющими поднять широкий круг вопросов о связях культуры Бактрии как с античным миром, так и со Средней Азией и Ираном.

Г. Фуссман (Франция) остановился на проблеме «иранского возрождения» в Кушанской империи, отметив, что кушанские правители в своих надписях, статуях, монетах стремились представить себя реставраторами древнеиранских традиций и противниками эллинских идей. Однако анализ археологического материала показывает, что и в архитектуре, и в скульптуре, и в пластике кушанской эпохи сохранялись традиции греческого искусства, что особенно отчетливо проявляется и в декоре и в планировке храма в Сурх-Хотале.

П. Лериш (Франция) посвятил свой доклад проблеме войн в Иране и Средней Азии от времени основания Персидской империи до первых веков до нашей эры.

Г. Азарпай (США) провела сравнительный анализ сасанидских и согдийских художественных приемов, показав, что для настенной живописи Пенджикента характерна нарративная манера: изложение на следующих друг за другом росписях согдийских эпических и литературных сюжетов. Сасанидское же искусство сохранило ператический и прокламативный характер, служа целям консолидации империи, тогда как искусство Согда выражало идеи местной феодальной верхушки общества.

Р. Бушарла (Франция) описал в своем сообщении сасанидскую крепость, открытую на Тюренг-тепе. Это прямоугольное сооружение с полуэллиптическими башнями, воздвигнутое при Ездегерде II или Хосрове I.

Во время коллоквиума его участники имели возможность не только обсудить проблемы археологии Ирана и Средней Азии, но и ознакомиться с новыми археологическими находками. Представленные на коллоквиуме доклады решено опубликовать.

## «ЭЙРЕНЕ» — 1976. XIV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ АНТИЧНИКОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

18—23 мая 1976 г. в Ереване проходила XIV Международная конференция «Эйрене».

Комитет Эйрене, созданный в 1957 г. по инициативе чешских ученых, объединяет исследователей античности (историков, филологов, искусствоведов, археологов) всех социалистических стран Европы. Комитет издает ежегодник «Эйрене» и созывает регулярно конференции антиковедов, проводимые поочередно в социалистических странах. Ереванская конференция была второй в Советском Союзе, первая состоялась в 1964 г. в Ленинграде [1].

Открывая ереванскую конференцию, председатель оргкомитета академик Б. Б. Пиотровский отметил все более возрастающий интерес мировой общественности к конференции антиковедов социалистических стран, носящей имя Эйрене (Мир). На двух пленарных и 38 секционных заседаниях в пяти секциях было заслушано 237 докладов, сделанных учеными Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии, а также делегатами 35 городов Советского Союза [2].

Самым разнообразным аспектам взаимовлияния и взаимодействия культурно-исторических судеб античного и восточного миров было уделено внимание большей части докладов на секции «Античный мир и Восток». В секции «Новейшие археологические открытия» было заслушано 62 доклада. Очень интересный новый материал прозвучал в докладах искусствоведов, археологов и филологов, прочитанных на секциях «Изображение человека в античной литературе и искусстве» и «Новые методы и открытия в области классической лингвистики». Вопросы общего и частного порядка были подняты во время работы секции «Кризис рабовладельческого способа производства».

---

[1] См. сб. «Античное общество». М., 1967.

[2] «Тезисы докладов» опубликованы Изд-вом АН АрмССР. Ереван, 1976, 541 стр.

В настоящей хронике речь пойдет о работе двух первых секций и очень выборочно — третьей.

Доклады теоретического и обобщающего характера по теме каждой секции были заслушаны на пленарных заседаниях. Из них для археологов наибольший интерес представляют четыре доклада. Акад. Б. Н. Аракелян и член-кор. АН АрмССР Г. Х. Саркисян в докладе «Черты эллинизма в материальной и духовной культуре Армении» высказали мнение, что, как и в других странах Передней Азии, эти черты не просто знаменуют феномен влияния греческой цивилизации, но демонстрируют явление более сложного порядка — взаимодействие местных и эллинских культур на местной почве.

Доклад акад. К. Михаловского (Польша, читала М. Бернард) «Новейшие археологические открытия в Сирии и Египте» познакомил слушателей с последними работами польских археологов.

С большим интересом был заслушан доклад акад. В. Георгиева (Болгария) «Дешифровка текста диска из Феста». Как считает ученый, текст написан термилами — догреческим минойским населением Крита, говорившим на термильском (или ликийском) языке лувийского происхождения.

И. Т. Кругликова и Д. Б. Шелов в докладе «Новейшие исследования советских археологов в области античной культуры» дали с позиций общих проблем развития античного мира и его окружения анализ новейших археологических материалов, обнаруженных на памятниках античной культуры Северного Причерноморья. Греческая колонизация и социальная характеристика древних апойкий на периферии античной ойкумены, производство и торговля древних городов, хозяйственная структура поселений и социальная стратиграфия сельского населения античных государств, связи городских античных центров и хоры, взаимоотношения греческих и варварских миров и их взаимовлияние — вот далеко не полный перечень тех проблем, над которыми работают советские антиковеды. Частным и общим вопросам, входящим в круг именно этих проблем, было посвящено большинство докладов советских и зарубежных археологов.

Наиболее многоплановой тематически оказалась работа секции «Античный мир и Восток», где было заслушано 80 докладов. Догреческий и раннегреческий периоды в их взаимосвязи и сопоставлении с цивилизациями Востока и вопросы типологии раннеклассовых обществ были рассмотрены в докладах Ю. В. Андреева (Ленинград) «Греческий полис и города-государства Востока (к проблеме типологии раннеклассовых обществ)», М. М. Слонимского (Липецк) «К вопросу о критериях типологии древних обществ Востока и Запада», Г. А. Кошеленко «Греческий город на эллинистическом Востоке», Г. Х. Саркисяна «Довольствия» в городе поздней Вавилонии — аналог полисных раздач», Г. Герике (Халле) «Восток и античность в аспекте общественных формаций», П. Оливы (Прага) «Древний Восток и начало греческой цивилизации», Г. Е. Арешяна (Ереван) «Освоение железа в Эгеиде и на Ближнем Востоке — закономерности развития цивилизации, знания и мышления» и ряда других участников конференции.

С точки зрения Ю. В. Андреева, высказанной в докладе, известное типологическое сходство, существующее между греческими полисами и городами-государствами Переднего Востока, не дает основания для их полного отождествления. Поэтому докладчику представляется неправомерным расширительное употребление термина «полис» применительно к восточным городам-государствам. Полис — одна из локальных разновидностей широкой категории городов-государств. Выступавшие в прениях отметили, что выводы Ю. В. Андреева представляют значительный интерес, поскольку города-государства встречаются на широчайшей территории (Ближний Восток, Европа, Африка, Америка, Древняя Русь) и их типология в каждом конкретном случае нуждается в уточнении.

М. М. Слонимский в своем докладе настаивал на комплексном изучении совокупности признаков, отражающих специфику общества, таких, как своеобразие форм собственности и зависимости, общины, политического строя, культуры и т. д. Отдельно взятая, хотя и существенная черта того или иного древнего общества не может служить достаточным основанием для типологического сближения этого общества с другими. Например, «илотия», распространенная в ряде стран Востока, отнюдь не сближает Спарту и Фессалию с этими странами в один тип древнего общества, поскольку основные черты Спарты связаны с ее полисным устройством.

Доклад Г. А. Кошеленко был посвящен одной из важнейших проблем истории эллинизма — проблеме греческого города и его места в структуре эллинистического государства. Оспаривая господствующие в зарубежной литературе тенденции рассмотрения градостроительной политики Александра Македонского и Селевкидов с точки зрения осуществления политики «слияния народов» или политики сознательного распространения эллинской культуры, Г. А. Кошеленко видит основные побудительные причины создания греческих городов в экономических и военных соображениях. Докладчик полагает, что вновь основанные греческие города не имели полной собственности на землю; право верховной собственности принадлежало царю, греческие города обладали лишь правом владения и были обязаны за это военной службой своих граждан. Именно это обеспечивало надежную взаимосвязь греческого города и центрального правительства государства Селевкидов.

Ранним контактам великих цивилизаций были посвящены доклады Г. М. Бонгард-Левина (Москва) «Древняя Индия и античность» и Ю. И. Семенова (Москва) «Древняя Индия и античная Греция. Сходство и различие». Г. М. Бонгард-Левин уделил много внимания новым археологическим данным и открытию ранее неизвестных индуистских источников, которые позволяют более рельефно представить историю индоантичных связей, выявить степень влияния античной культуры и науки на Индию и в то же время наметить сферу индийского влияния на античный мир. Ю. И. Семенов в своем докладе подчеркнул, что, несмотря на всю близость исходных форм «вторичного» классового общества древней Индии («первичное» имеется в виду в эпоху бронзы) и древней Греции, дальнейшее их развитие пошло различными путями.

Целый ряд докладов, заслушанных на секции, был посвящен историографическим вопросам. Вот перечень лишь некоторых из них: Я. Харматта (Будапешт) «Геродот и древнеперсидская новелла», Г. И. Довгяло (Минск) «Данные хеттского текста Телепинуса и соответствующая им параллель у Геродота», Э. Л. Даниэлян (Ереван) «Парфянское государство по Птолемею», А. И. Немировский «Греческая историческая мысль и Восток», С. М. Кркяшарян (Ереван) «К интерпретации некоторых сведений древнегреческих авторов об Армении», Т. С. Каухчишвили (Тбилиси) «Некоторые вопросы истории Колхиды и Иберии по данным греческих источников», Н. В. Хазарадзе (Тбилиси) «Античная письменная традиция и вопрос о расселении мосхов (VI в. до н. э.— II в. н. э.)».

На заседаниях секции были подвергнуты анализу вопросы древней идеологии и мифологических представлений, историко-религиозные проблемы и проблемы взаимосвязи между религиями греко-римскими и восточными. Эта тематика прозвучала в докладах ученых Советского Союза (В. К. Чалоян, И. П. Вейнберг, А. И. Сидоров, Т. Д. Златковская, К. А. Ревяко, Н. И. Миницкий), Венгрии (К. Тотоши, Л. Какоши), Болгарии (М. Тачева-Хитова), Румынии (А. Штефан), ГДР (Ф. Винкельман, Э. Шмидт) и Чехословакии (И. Боржак).

Наиболее оживленную дискуссию вызвали доклады, связанные с одним из фундаментальных направлений в античной археологии: характер греческой колонизации Причерноморья, возникновение и развитие системы полис — хора, греко-варварские контакты и взаимодействия.

Характеру греческих колоний, основанных на побережье древней Колхиды, и их взаимоотношениям с местными общественными структурами был посвящен доклад И. Б. Брашинского (Ленинград) «Некоторые особенности взаимодействия греков с населением Восточного Причерноморья». Отметив, что, по современным теоретическим представлениям, выработанным на примере изучения колонизации Великой Греции, существовало два типа колоний: «города для заселения» и «торговые города», автор считает, что греческие колонии Восточного Причерноморья относились ко второму типу. Они изначально были задуманы как торгово-посреднические центры между греческой метрополией и восточнопонтийским миром, где существовала высокоорганизованная структура местного общества, и оставались таковыми и впоследствии. На археологических примерах в докладе была показана специфика греко-колхидской торговли, в частности раннее развитие товарно-денежных отношений.

Ю. Н. Воронов (Сухуми) в докладе «Античный мир и Северная Колхида» предложил иную модель развития античных центров Северной Колхиды (Гиенос, Диоскуриада и др.) в их взаимосвязи с развитием местного общества гениохов. Греческие поселения, по археологическим материалам, возникают здесь во второй половине VI в. до н. э. не в виде «кварталов» в туземных поселениях, а как самостоятельные поселки. Поскольку у гениохов еще господствовали первобытнообщинные отношения, греческие поселения могли развиваться беспрепятственно по пути полисной организации и очень скоро превратились в значительные торгово-ремесленные и сельскохозяйственные центры с той особенностью, что основную часть населения земледельческой территории этих городов составлял местный этнический элемент с заметными признаками эллинизации. Ю. Н. Воронов предложил также новую историческую периодизацию Северной Колхиды до конца античной эпохи.

В докладе А. Н. Щеглова (Ленинград) «Система „полис — хора" и контактные зоны в Причерноморье» рассматривались некоторые самые общие вопросы структуры греческих колоний и их взаимодействия с варварским миром на примере причерноморской греческой колонизации. По предложенной концепции, греческая колонизация — явление многообразное, но подчиняющееся общим закономерностям; колонии не создавались в неизвестных землях и были заранее спланированы, что предопределило с самого начала спонтанное возникновение взаимосвязанных систем «полис — хора» (город — аграрная зона), существование и направление развития которых характеризуется суммой внутренних и внешних взаимосвязей. Внедрение греков в припонтийские области привело к образованию контактной зоны между греческим и варварским миром, в которую входило все Причерноморье. Контактную зону можно рассматривать как динамичную мегасистему, состоящую из туземных общественных структур и структур «полис — хора». Взаимодействиями внутри мегасистемы обусловлено историческое развитие ее отдельных частей и структур. Образование новых общественных структур — явление, свойственное контактным зонам.

А. М. Хазанов (Москва) в докладе «Скифы и античная цивилизация» рассмотрел общие вопросы взаимоотношений скифов с античной цивилизацией как частное проявление теории контакта между разностадиальными, разнотипными и разнокультурными обществами. В последние годы эта теория усиленно разрабатывается в советской этнографии. В соответствии со спецификой исторического развития в северо-причерноморском регионе (степная зона) можно выделить три периода контакта: конец VII—V вв. до н. э., IV—III вв. до н. э., последние века до нашей эры — первые века нашей эры. Первый период характеризуется преимущественно мирными взаимоотношениями между кочевыми скифами и греческими полисами и ограниченными контактами. Второй период — время ухудшающихся политических отношений, интенсификации торговых контактов и усиления греческого культурно-исторического воздействия на кочевников-скифов. В третьем периоде при конфронтации между оседающими скифами и греками наблюдается растущая эллинизация скифского общества и культуры. Влияние античной цивилизации на развитие скифского общества сказалось в наибольшей мере в сфере экономики и отчасти технологии, меньше — в области культуры и идеологии, наиболее ограниченным, сложным и опосредованным оно было в социальной сфере.

Близкой тематике был посвящен доклад Ю. М. Десятчикова (Москва) «Некоторые аспекты социально-экономического строя Боспорского царства сарматского периода». На основе анализа социальной структуры Боспора сарматского периода автор приходит к выводу о близости ряда черт ее с социальным устройством древней Армении, Иберии, Албании и Парфянского царства. По мнению Ю. М. Десятчикова, эта близость была обусловлена непосредственным воздействием иранского мира на социальную структуру Боспора сарматского периода.

Множество вопросов взаимодействия и влияния культуры античного мира на местные древние общества было поднято в докладах, посвященных истории и археологии таких регионов, как Средняя Азия и Закавказье.

И. Т. Кругликова (Москва) в докладе о результатах советско-афганской экспедиции в Дильбержине «Греческие традиции в позднеантичной культуре Южной Бактрии» условно идентифицирует исследуемый ею комплекс с Евкратидеей. Она считает, что принципы греческой фортификации сказались на оборонительных сооружениях кушанского времени — периода наивысшего расцвета города. Античные культы и художественные особенности скульптурных и живописных изображений (равно как и архитектуры) говорят о влиянии греческого искусства. Корни скульптурного изображения Геракла и Анахит в образе Афины уходят, по мнению И. Т. Кругликовой, в греко-бактрийский период. Это же влияние прослеживается в коропластике и на массовом керамическом материале.

Б. Я. Ставиский (Москва) в своем выступлении «Средняя Азия и античность» выделил хронологические рамки античного влияния на эту обширную область. Первый период (V—IV вв. до н. э.) — период знакомства с искусством греков, о чем свидетельствуют предметы Амударьинского клада. Второй период — Средняя Азия в составе империи Александра Македонского, а затем Селевкидов, когда она является частью той исторической общности, которую принято называть эллинистической ойкуменой. Городская культура в этот период может быть охарактеризована как эллинистическая. В третий период (I—IV вв. н. э.) понятие античности для Средней Азии, как считает докладчик, уже не правомочно, так как в религии и культуре доминируют восточные элементы.

Сфера международных взаимоотношений Средней Азии с Алтаем, Ираном, Индией, Китаем и Средиземноморьем была раскрыта в сообщении Р. М. Рахмановой (Ташкент) «Дипломатия в Средней Азии античной эпохи», в котором говорилось о трех сторонах местной дипломатии: отправлении и приеме послов, преподнесении и обмене ценными дарами и заключении политических браков.

История стран Закавказья нашла отражение в ряде выступлений участников конференции. В докладе Г. А. Тирацяна (Ереван) «Армавир и античный мир» исследованный им памятник предстал как мощный очаг местной культуры. Анализ его материала показал, что связи Армении с античным миром возникли не позже рубежа IV—III вв. до н. э. и охватили не только западные провинции Армении, но и восточные. В сферу влияния античной культуры была вовлечена не только верхушка армянского общества, но и более широкие слои населения городского типа. Контакты с античным миром не исчерпывались торговыми связями, а охватывали ряд важных явлений культуры и искусства. Доказательством последнего является Гарнийский храм, о реставрации которого был сделан специальный доклад архитектором, автором проекта его восстановления А. А. Саинияном (Ереван) «Античный храм в крепости Гарни». Ф. И. Тер-Мартиросов (Ереван) в докладе «Некоторые историко-экономические вопросы эллинистической Армении по керамическому материалу» сообщил о возможности выделения двух основных этапов развития страны в эллинистическую эпоху. Результаты исследования нумизматических материалов были освещены в докладах Х. М. Мушегяна (Ереван) «О распространении эллинистических монет в Армении» и Г. В. Саркисяна (Ереван) «Монеты Августа в Армении».

А. И. Болтунова (Москва) выступила с докладом «Колхи и держава Ахеменидов», направленным против распространенного в литературе представления, будто колхам удалось отстоять свою политическую независимость от посягательства Ахе-

менидов и колхи не были подчинены персам. По мнению А. И. Болтуновой, колхи и их соседи до Кавказского хребта были приписаны к XIX податному округу и «дары» (сами по себе не служившие признаком менее зависимого положения народов), как и форос, вносились сатрапу — начальнику податного округа, к которому данный народ был приписан.

Римская политика на Востоке и римское влияние в районах к востоку от Средиземноморья были рассмотрены в докладах Н. Ю. Ломоури (Тбилиси) «К вопросу о характере римского влияния в Восточном Причерноморье», М. М. Расуловой (Баку) «Античное влияние в памятниках Кавказской Албании первых веков нашей эры», Г. А. Цветаевой (Москва) «Влияние римской культуры на Боспоре», С. Садецкого-Кардаша (Сегед) «Об одном эпизоде персидско-восточноримской войны» и Л. Хаваса (Дебрецен) «Место Востока и Запада в программе движения Катилины».

Несколько докладов было посвящено наследию античной культуры в странах Востока: С. С. Аревшатян (Ереван) «Античные традиции в древнеармянской философии», С. А. Варданян (Ереван) «Влияние античной медицины на армянских врачей раннего средневековья». Н. Н. Негматов (Душанбе) «Античное влияние в искусстве Уструшаны». Последний доклад дает представление о глубине распространения и масштабах влияния античного средиземноморского мира и стран Востока в области значительно более отдаленные, чем Парфия, Бактрия и Согд. Многочисленные памятники торевтики и ювелирного искусства Уструшаны, продемонстрированные Н. Н. Негматовым, несомненно, свидетельствуют о силе античного влияния на этот регион.

Столь же насыщенно и интересно протекала работа секции «Новейшие археологические открытия», где основная масса докладов была посвящена археологическим исследованиям Причерноморья, Закавказья и Подунавья.

А. С. Вонсович (Варшава) в докладе «Применение сравнительного метода при изучении археологических фактов» подробно остановилась на возможностях сравнительного метода исследования, иллюстрируя его использование примерами изучения греческой колонизации в Италии и Сицилии. Однако сравнительный метод, как считает докладчик, применяется еще недостаточно широко. Этому мешает, в частности, недостаточно полная исследованность и публикация материалов по отдельным регионам и центрам. Только после такой работы возможно построение общетеоретических моделей.

С большим интересом был выслушан зачитанный на конференции доклад В. Д. Блаватского (Москва) «О торговле Аполлонии Иллирийской в IV в. до н. э.», основанный на эпиграфическом материале и археологических раскопках автора. М. Дуфкова (Прага) выступила с докладом «Мотив сидящей богини с ребенком в греческой коропластике».

История и культура Боспорского царства получили широкое освещение в целом ряде докладов. Новый, интересный материал был представлен в докладе Н. А. Сидоровой «Архаическая керамика из раскопок Гермонассы». Автором была выделена небольшая группа родосско-ионийских фрагментов, которую с уверенностью можно отнести к первой половине VI в. до н. э. Таким образом, материал архаической расписной керамики полностью подтверждает выводы И. Б. Зеест, сделанные ею относительно истории города на основании изучения его стратиграфии. В докладе «Позднеантичная и раннесредневековая Гермонасса» А. К. Коровина (Москва) на основе изучения керамики Гермонассы пришла к заключению о превалировании византийского и херсонесского импорта в торговых связях города V—VI вв. н. э.

Разбирая многолетние находки расписной керамики из Пантикапея и Фанагории, Н. М. Лосева (Москва) в докладе «Аттическая краснофигурная керамика Пантикапея и Фанагории по данным современных раскопок» поделилась своими выводами об интенсивности ввоза художественных изделий с конца V — до конца IV в. до н. э. Об этнической принадлежности и происхождении боспорских антропоморфных надгробий сделала доклад Н. В. Молева (Керчь). Докладчик отнесла их к населению боспорских городов, этнически смешанному, но греческому в своей основе. Итогам исследования небольшого портового городка Порфмия был посвящен доклад Е. Г. Кастанаян (Ленинград). Город был основан во второй половине VI в. до н. э., а во второй половине III в. до н. э. перестраивается заново. Постройка этого нового укрепленного города, совпадающая по времени с другими фортификационными работами на территории Боспора свидетельствует о достаточной экономической мощи Боспорского царства в этот период. С. И. Финогенова (Москва) в своем небольшом сообщении «Резные камни из раскопок Фанагории и Тирамбы последних лет» охарактеризовала резные камни боспорского производства, найденные в последние годы. Наряду с этим исследовательницей выделен круг привозных гемм, среди которых преобладают италийские изделия. Н. Л. Грач (Ленинград) рассказала о нимфейском катакомбном некрополе I—III вв. н. э., дифференцировав по конструктивным признакам его гробницы. Докладчик выделила скульптуру в погребальных камерах как отличительную особенность, присущую только склепам Нимфея. Доклад Э. Я. Николаевой (Москва) «Раскопки Ильичевского городища» был интересен демонстрацией сложной оборонительной системы города и клада бронзовых и золотых монет императора Юстиниана, чеканенных в Константинополе. Они позволили определить дату гибели центральных сооружений на цитадели. О возобновлении рас-

копок в Феодосии и заложенном автором стратиграфическом раскопе доложил Б. Г. Петерс (Москва).

Доклад «Об отражении монументального искусства в боспорской торевтике» представила Н. А. Онайко (Москва). Подвергнув тщательному стилистическому анализу серьги с изображением Афины Партенос, найденные в Куль-Обском кургане, исследовательница отнесла их к произведениям аттических мастеров, работавших на Боспоре, или боспорских мастеров, воспитанных на традициях классического эллинистического искусства.

Италийскому импорту были посвящены доклады О. Я. Неверова (Ленинград) «К вопросу об италийском импорте в Северное Причерноморье», Н. В. Анфимова (Краснодар) «Импорт бронзовой металлической посуды в Прикубанье (II в. до н. э.— III в. н. э.)», Т. М. Арсеньевой (Москва) «Новые находки бронзовых изделий в Танаисе». Присутствовавший на конференции в качестве туриста К. Парласка (ФРГ) в своем небольшом выступлении подверг разбору известный бронзовый бюст из Эрмитажа, определяемый обычно как портрет боспорской царицы Динамии.

Ряд докладов был посвящен херсонесской тематике. Э. И. Соломоник (Симферополь) рассмотрела граффити античного Херсонеса в качестве исторического источника. На основе их исследования удалось установить, что наряду с синкретическим культом Девы с конца V в. до н. э. существовал самостоятельный культ Артемиды, а с несколько более позднего времени — Зевса, Афины, Диониса и Деметры. Таким образом, граффити воссоздают существование в Херсонесе всего пантеона верховных олимпийских божеств, а также называют имена Ифигении, Ники, Геракла, Ахилла и позволяют определить время расцвета каждого культа. Г. Д. Белов (Ленинград) в своем докладе «Северный район Херсонеса» обобщил результаты 45-летнего периода исследования этой части города. Среди особенно выдающихся открытий он отметил ранний некрополь V—IV вв. до н. э., прекрасную мозаику с фигурами двух купающихся женщин, стеклоделательные мастерские, а также рельефы на стенках монументальных мраморных саркофагов. В докладе «Керамические клейма из раскопок поселения „Маслины“ в Северо-Западном Крыму» В. А. Латышева (Харьков) пришла к заключению, что керамический материал, и в первую очередь амфорные клейма, подтверждают мнение о том, что этот район в III—II вв. до н. э. был подчинен Херсонесу. В докладе В. Н. Федорова (Ленинград) была сделана попытка четко разграничить традиционность композиционных решений и локальное своеобразие в архитектуре эллинистического Херсонеса. И. Р. Пичикян (Москва) в сообщении «Алтарь Девы в Херсонесе» показал, как путем составления трех мраморных блоков, ныне хранящихся в разных музеях, удалось реконструировать херсонесский алтарь, поставленный, как свидетельствует надпись на нем, басилевсом Пасиадом. Присоединяясь к мнению В. В. Латышева, основанному на надежных эпиграфических данных, докладчик датировал алтарь концом IV — началом III в. до н. э.

Одно из заседаний секции было посвящено Северо-Западному Причерноморью. Раскопки последних лет в Ольвии принесли интереснейшие открытия. В докладе «Древнейшие слои жилых кварталов Ольвии» С. Д. Крыжицкий (Киев) сообщил, что наиболее ранним и массовым типом жилища греческого населения Ольвии середины VI — начала V в. до н. э. были землянки и полуземлянки. Расположение их вокруг культового и общественно-административного центра города — темеиоса и агоры — не позволяет связывать их с негреческим населением. Землянки этого же времени открыты на Березани и поселениях ольвийской периферии. В дальнейшем они сменяются наземными многокамерными домами. Впервые проведены исследования ольвийского предместья (Ю. И. Козуб (Киев) «Предместье Ольвии»), занимавшего площадь около 15 *га* в непосредственной близости от городища. Возникает предместье к концу VI в. до н. э., и застройка его ничем не отличается от жилых кварталов архаической Ольвии. Ю. И. Козуб допускает единовременное возникновение ольвийского предместья и самого города на отдельных возвышенностях, и только в первой половине V в. до н. э. четко разделившихся на город и предместье. В первой половине IV в. до н. э. происходит постепенное угасание поселения.

Доклад В. В. Рубана (Николаев) «Открытие античных усадеб на территории ольвийской хоры» был посвящен характеристике новой категории сельскохозяйственных поселений — отдельных крупных усадеб, недавно выявленных автором на земледельческой территории Ольвии. Все обнаруженные усадьбы возникают в последней четверти IV в. до н. э. и прекращают свое существование во второй четверти III в. до н. э., очевидно, ближе к середине столетия. Открытие усадеб заставляет по-новому рассматривать организацию сельскохозяйственной территории Ольвии.

Новые очень ценные эпиграфические материалы середины V — начала IV в. до н. э., обнаруженные в Ольвии в 1970 и 1975 гг., позволили окончательно решить спорные вопросы, связанные с календарем Милета и его колоний (Ю. Г. Виноградов (Москва), А. С. Русяева (Киев) «Новые эпиграфические данные о милетском календаре»). Найденные документы представляют новые аргументы в поддержку гипотезы Ф. Билабеля об исконном начале милетского года с тавреона (а не с боэдромиона, как думал А. Рем). Анализ надписей и рисунков на костяных, тщательно отшлифованных пластинах (А. С. Русяева «Следы орфических культов Ольвии»), обнаруженных в слое V в. до н. э., помогает раскрытию многих деталей не только

культа Диониса, но и учения Орфиков в Ольвии. В основе этого учения лежал древнейший миф о гибели и возрождении Диониса-Загрея.

Авторы доклада «Античный и варварский мир нижнего Поднестровья в VI—III вв. до н. э.» Г. А. Дэнс-Райко и Н. М. Секерская (Одесса) на основании археологических исследований греческого города Никония, а также поселений на берегах Днестровского лимана и нижнего течения реки пришли к заключению, что этот район на протяжении второй половины I тысячелетия до н. э. был местом тесных взаимодействий между греками, скифами и гетто-фракийскими племенами. Здесь находился узел сложных этнических и социально-экономических контактов и противоречий. А. В. Гудкова (Одесса) выступила с докладом «Раскопки позднеримской Тиры», уделив основное внимание культурным слоям после готского разгрома. Окончательно жизнь города обрывается во второй половине IV в. н. э. К. К. Шилик (Ленинград) прочел доклад «Географические аспекты сообщения Геродота о горьком источнике на Гипанисе», Э. В. Яковенко (Чернигов) сделала доклад «Гравированные костяные пластины из „Гайманової могилы"».

Фракия и Западное Причерноморье были в центре внимания многих зарубежных исследователей: Т. Иванов (София) «Городская площадь во фракийских землях в эллинистическую и римскую эпохи», Б. Султов (Велико Тырново) «Античная керамика из некрополей в Бутово», Я. Младенова (София) «Мраморная инкрустация на римской вилле у Ивайловграда», В. Найденова (София) «Культ Митры в Нижней Мезии и Фракии», М. Чичикова (София) «Аттический импорт светильников во Фракию», А. Балканска (София) «К вопросу о греческих амфорных клеймах римской эпохи». Дунайским провинциям посвящены доклады: Б. Бётгера (Берлин) «Краснолаковая керамика из раскопок кастелла Ятрус», Ф. Фюлепа (Будапешт) «Результаты новых археологических исследований римского города Сопиана», Т. Гештели (Дебрецен) «Изображение Матери-Земли на алтаре из Сопиана», И. Тота (Будапешт) «Местная система митраистской персонификации в дунайских провинциях», А. Милчева «Фрако-киммерийские связи в I тыс. до н. э.»

С большим интересом были заслушаны доклады по Восточному Причерноморью, по колхидско-иберийской тематике, в разработке которой благодаря интенсивной археологической деятельности последних лет были достигнуты значительные успехи.

О новых археологических открытиях в Колхиде рассказали О. Д. Лордкипанидзе, Г. Ф. Дундуа, Г. А. Лордкипанидзе, Т. К. Микеладзе (Тбилиси), А. Ю. Кахидзе (Батуми), Г. К. Шамба (Сухуми). В своем обобщающем докладе «Археологические раскопки в Вани» О. Д. Лордкипанидзе суммировал результаты раскопок последних двух лет, проведенных на различных участках Ванского городища, где были открыты культовые деревянные сооружения V в. до н. э., ряд сооружений III—I вв. до н. э., в том числе сложный монументальный храмовый комплекс. Сообщение Г. Ф. Дундуа и Г. А. Лордкипанидзе «Античные монеты Ванского городища» дополнили материалы, представленные в предыдущем докладе, рассмотрением нумизматических данных, подтверждающих сравнительно большую степень развития товарно-денежных отношений в эллинистической Колхиде. Они указывают также на большее экономическое тяготение страны к областям Южного Причерноморья и внутренним районам Малой Азии, чем к внутренним районам Закавказья или городам Северного Причерноморья. А. Ю. Кахидзе доложил об археологических раскопках могильника в Пичвнари (около современного Кобулети), где были открыты античный и местный колхидский некрополи. Местный могильник (100 погребений), относящийся к концу VI—V вв. до н. э., дал ценнейший материал для изучения колхидской культуры раннего времени. Не меньший интерес представляет впервые обнаруженный в Грузии греческий некрополь (47 погребений) с первоклассными находками аттической расписной керамики, хиосскими, фасосскими и гераклейскими амфорами, золотыми серьгами, а также с разнообразной бронзовой и серебряной утварью. Т. К. Микеладзе в сообщении «О результатах археологических исследований поселения VI—V вв. до н. э. в окрестностях древнего Фасиса» охарактеризовал поселение Симагре как колхидский пригород древнего Фасиса. Г. К. Шамба, открыв аналогичное архаическое поселение в Эшери, в докладе «Эшерское городище и некоторые вопросы истории Диоскурии» отнес его к селькохозяйственным районам античного города, охватывавшим территорию между Гвандрой и Агудзерой общей протяженностью около 28 *км*. Среди найденного там материала следует отметить фрагментированную греческую надпись.

Новейшие открытия в Иберии были освещены в докладах Ю. М. Гагошидзе. Г. Г. Цкитишвили, Р. М. Рамишвили (Тбилиси). Ю. Г. Гагошидзе в своем выступлении «Храмовый комплекс Дедоплис Миндори II—I вв. до н. э.» сообщил о раскопках в Восточной Грузии храмового ансамбля, состоящего из двух пропилей и нескольких храмов, сгруппированных вокруг внутреннего двора, но возведенных по одному замыслу единовременно. Строительные приемы и архитектура храмов Дедоплис Миндори (Поле Царицы) ставят их в один ряд с культовыми и дворцовыми зданиями древнего и эллинистического Востока. Историко-этнографические реалии позволили Ю. М. Гогошидзе предположительно атрибутировать Главный храм женскому божеству типа авестийской Ардви-суры Анахиты. В докладе «Археологические раскопки в Цихиа-Гора» Г. Г. Цкитишвили представил интересный новый ма-

териал по раскопкам многослойного памятника в 40 *км* от Тбилиси. Основное внимание докладчика было уделено третьему стратиграфическому слою, датированному IV—III вв. до н. э. Р. М. Рамишвили в своем выступлении «Новейшие открытия памятников армазского типа в Арагвском ущелии» (сел. Арагвиспир Душетский район) сообщил об открытии помимо поселения 46 грунтовых погребений III—IV вв. н. э. со скорченными и вытянутыми костяками. В заключение докладчик высказал мнение, что культура армазисхеви, которой принадлежат новые находки из Арагвиспири, «по своему содержанию богата и оригинальна, так как является синтезом греко-римской, восточной (иранской) и грузинской культур, в которой превалируют элементы самобытной местной традиции».

Археологи Армении и Азербайджана выступили с рядом интересных докладов. Два из них были посвящены раскопкам в древней столице Армении Арташате. А. Г. Канецян (Ереван) в докладе «Некоторые вопросы архитектуры древнего Арташата» рассказал о строительных приемах и планировке крепостных сооружений и жилых кварталов города, расположенных на Хор-Вирабских холмах. В целом памятник датируется II в. до н. э.— серединой IV в. н. э. М. О. Зардарян (Ереван) в докладе «Амфоры из раскопок Арташата» отметил, что амфорный материал в основном относится к концу II в. до н. э.— началу II в. н. э. и представлен несколькими группами, в том числе родосскими и косскими.

Раскопками Двина последних лет (Г. Г. Кочарян (Ереван) «Культура Двина античного времени») обнаружены античные материалы, представленные здесь ранее крайне фрагментарно. Было установлено наличие античных слоев как в цитадели, так и на территории городища. В докладе С. А. Есаяна и А. А. Калантаряна (Ереван) «Античный могильник Ошакана» речь шла лишь об античных погребениях обширного могильника VIII в. до н. э.— первых веков нашей эры, расположенного к северо-западу от Еревана. И. А. Карапетян (Ереван) в докладе «Раннеармянские истоки керамики Армении эллинистического времени» остановился на вопросах выяснения связи между двумя основными этапами развития культуры Армении VI—IV вв. до н. э. и III—I вв. до н. э. Докладчик считает, что целый ряд особенностей изготовления и отделки сосудов эллинистического времени восходит к технологическим навыкам гончаров предшествующего периода. Ж. Д. Хачатрян выступил с докладом «Эллинистические традиции в захоронениях и погребальных обрядах древней Армении».

С большим интересом были встречены доклады Дж. А. Халилова (Баку) «Археологические раскопки городища Шемаха античного периода» и И. А. Бабаева (Баку) «Первые итоги археологического изучения античного городища Кабала» о малоизвестных открытиях в Азербайджанской ССР. Т. И. Голубкина (Баку) в докладе «Античные традиции и элементы в культуре кувшинных погребений Азербайджана» отметила, что материалы кувшинных погребений (II в. до н. э.— III в. н. э.) Албании позволяют проследить эти традиции во всех областях жизни населявших ее племен. М. М. Расулова (Баку) выступила с докладом «Античные влияния в памятниках Кавказской Албании первых веков нашей эры». Несколько докладов было посвящено археологическим открытиям на территории Средней Азии. О фортификационных сооружениях эллинистических городов на территории современной Туркменской ССР шла речь в докладе З. И. Усмановой (Ташкент) «Археологические раскопки в Мерве». Исследование городища Эрк-Кала показало, что оно служило цитаделью античного города Антиохии Маргианской, возникшего еще в позднеахеменидское время. А. Д. Бабаев (Душанбе) в докладе «Могильник Касвир — памятник кушанской культуры на западном Памире» пришел к заключению, что Памир со II в. до н. э. по II в. н. э. входил в состав Кушанской империи и несомненно являлся мощным бастионом против вторжений с Востока.

Несколько докладов в секции «Изображение человека в античной литературе и искусстве» было посвящено изделиям эллинского искусства по материалам археологических раскопок в Северном Причерноморье. С интересом был встречен доклад К. С. Горбуновой (Ленинград) «Художественные приемы аттических мастеров-рисовальщиков конца V — начала IV в. до н. э., применяемые ими для передачи духовного мира человека». В докладе показано, как в вазовой росписи IV в. до н. э. принцип раскрытия эмоционального настроя человека уступает место декоративным эффектам. А. П. Чубова (Ленинград) в докладе «Художественный образ в произведениях херсонесских мастеров» отметила высокий художественный уровень причерноморских живописцев эллинистического времени и своеобразие местного стиля в более позднее, римское время. Т. А. Гладкова (Керчь) в докладе «Образы боспоритов в надгробном рельефе первых веков нашей эры» сообщила, что в результате изучения античных надгробий удалось выделить группы памятников, вышедших из отдельных мастерских. Докладчик считает, что искусство Боспора как одна из ветвей периферийного античного искусства отличается своеобразием. Оно сложилось на основе прочной античной традиции при сильном влиянии сарматской культуры. В. И. Пругло (Ленинград) в докладе «Образ человека в синдской скульптуре» под социальным углом зрения рассмотрела результаты художественного переворота в мировоззрении определенной части синдского общества, уже вовлеченного в систему рабовладельческих отношений. С. М. Назирова (Баку) выступила с докладом «Изображение человека в искусстве Азербайджана античного периода».

Во время конференции участники ее побывали в Эребуни, урартском городе, полностью раскопанном и реконструированном на окраине Еревана, в античных столицах Арташате и Армавире, в раннесредневековой столице Двине, в крепости Гарни; увидели средневековые памятники Гегард, Эчмиадзин, Звартноц и храмы на оз. Севан. Организованные для участников конференции экскурсии предоставили возможность ознакомиться с уникальным книгохранилищем Матенадаран и мемориальным комплексом, воздвигнутом в память о жертвах геноцида.

В заключительном слове акад. Б. Б. Пиотровский отметил, что конференция прошла плодотворно, имели место оживленные прения, делегаты обогатили друг друга личными контактами. Б. Б. Пиотровский передал свои полномочия председателя оргкомитета акад. В. Георгиеву (Болгария). Было объявлено, что следующая XV конференция «Эйрене» будет проходить в 1978 г. в Болгарии. Я. Харматта (Будапешт) от лица международного оргкомитета «Эйрене» выразил благодарность организаторам конференции и лично Б. Б. Пиотровскому, Г. Х. Саркисяну, Д. Б. Шелову, Б. Н. Аракеляну, Г. А. Тирацяну за горячее гостеприимство и знакомство с чудесной страной Арменией и армянским народом.

*М. Г. Мошкова, И. Р. Пичикян*

## МИХАИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ КАРГЕР

26 августа 1976 г. скончался видный советский археолог и историк древнерусской культуры, доктор исторических наук, профессор кафедры истории искусства исторического факультета Ленинградского государственного университета, лауреат Государственной премии М. К. Каргер. Михаил Константинович принадлежит к тому поколению советских ученых, которое, овладев передовой марксистской идеологией, совершило качественные преобразования археологической науки и искусствоведения. Наследие ученого включает около 120 печатных работ.

М. К. Каргер родился 17 мая 1903 г. в Казани в семье учителя. После окончания в 1919 г. Самарской мужской гимназии поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Самарского университета. В 1922 г. Михаил Константинович перевелся на факультет общественных наук Петроградского университета, который и окончил в 1923 г. В 1929 г. М. К. Каргер стал доцентом ЛГУ. В 20—30-х годах наряду с преподаванием в университете он работает в Русском музее. В 1929 г. М. К. Каргер становится научным сотрудником Государственной академии истории материальной культуры.

Михаил Константинович Каргер пришел в ГАИМК как автор ряда работ в области древнерусской художественной культуры, сумевший подтвердить важность источниковедческого анализа и не поддавшийся модному в 20-годах вульгарному социологизму. Уже в ранних работах определился подход молодого ученого к памятникам древности как прежде всего историческим источникам. В 30—40-х годах Михаил Константинович главной темой своих исследований избрал проблему формирования древнерусской культуры в двух ее важнейших очагах — Киеве и Новгороде.

С 1928 по 1936 г. М. К. Каргером проведены значительные архитектурно-археологические исследования памятников новгородского зодчества XI—XVI вв. Отметим изучение выдающегося памятника новгородской архитектуры XII в.— Георгиевского собора в Юрьеве монастыре. В 1933 г. под руководством Михаила Константиновича начались реставрационные работы, в ходе которых удалось освободить фасады здания от поздних пристроек. В «новгородский период» складываются те особенности творческой манеры М. К. Каргера, которые станут характерными для его будущих исследований: умение работать с фактами, тщательно их собирать и интерпретировать. Точность в оценке и умелое использование разнообразных материалов в книгах и статьях М. К. Каргера обусловливают неслабеющий интерес исследователей к его трудам.

С 1938 г. Михаил Константинович становится во главе Киевской археологической экспедиции ЛОИИМК АН СССР, работавшей в содружестве с Институтом археологии АН УССР. Уже первые находки явились научной сенсацией. Впервые были полностью раскопаны и тщательно изучены руины древнейшей каменной постройки на Руси — Десятинной церкви.

Дальнейшую работу ученого прервала Отечественная война. В июле 1941 г. М. К. Каргер добровольцем уходит на фронт и сражается у стен осажденного Ленинграда, участвует в боевых операциях по прорыву блокады.

В конце 1943 г. М. К. Каргер по ходатайству Президиума АН СССР был отозван с фронта. Он включается в работу по спасению и консервации памятников, пострадавших от фашистов, и возвращается к планомерным проводившимся до 1952 г. раскопкам Киева. Этими исследованиями было установлено существование на территории «матери городов русских» не менее трех самостоятельных поселений VIII—X вв., изучен ряд древних построек. Тогда же в Киевской Софии удалось, в частно-

сти, изучить богатейший мозаичный ковер, в свое время покрывавший пол подкупольного квадрата здания. Важным результатом работ Киевской археологической экспедиции было обнаружение рядовых жилищ и мастерских киевских ремесленников. Лопата археолога раскрыла драматическую картину разгрома Киева татаро-монгольскими полчищами.

Итогом исследований Киевской археологической экспедиции явилась двухтомная монография «Древний Киев» (опубликована в 1958 и 1961 гг.), в которой были обобщены не только новые исследования, но и почти полуторавековое изучение этого города. Вся история Киева, начиная от древнейших времен и вплоть до разрушения города в годину татарского нашествия, предстала в новом освещении. Первый том этого труда был защищен М. К. Каргером в 1959 г. в качестве докторской диссертации. Изучение Киева повлекло за собой раскопки и других южнорусских городов (Вышгород, Заруб, Борисполь). В 1949 г. в Переяславле Южном М. К. Каргеру удалось обнаружить развалины городского собора Михаила, величественной постройки XI в.

В 1955 г. под руководством Михаила Константиновича начала свои работы Галицко-Волынская археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР и ЛГУ. Исследованиями в древнем Галиче и его окрестностях (1955—1959 гг.) были открыты остатки городских жилищ X—XII вв. и руины двух белокаменных храмов XII—XIII вв. Примечательны раскопанные М. К. Каргером остатки храма, который в плане представляет собой квадрифолий. Этот впервые обнаруженный тип здания связывает архитектуру Галицкой земли с зодчеством западных славян. Большой научный интерес представляют обнаруженные М. К. Каргером остатки керамической мастерской, изготовлявшей рельефные майоликовые плитки, предназначенные, по-видимому, для украшения дворца галицких князей. Исследование этих плиток выявило историко-культурные связи Руси с Польшей, Чехией, Францией и другими европейскими странами. Раскопками М. К. Каргера во Владимире-Волынском (1955—1956 гг.) были открыты и изучены остатки двух храмов XII—XIII вв., позволившие по-новому понять зодчество Волынской земли.

В 1955 г. М. К. Каргер приступил к изучению памятников древнего зодчества на территории Белоруссии. В Полоцке, Новогрудке, Турове и Витебске им исследованы руины древних храмов XII в.— новая древнерусская архитектурная школа.

В 1957—1964 гг. М. К. Каргеру удалось полностью раскопать остатки погибшего во время Батыева похода волынского города, отождествленного исследователем с древним Изяславлем.

В последние годы жизни М. К. Каргер вернулся к исследованию Новгорода. Внимание ученого привлекли памятники эпохи выдающегося государственного деятеля князя Мстислава Великого. На так называемом Рюриковом городище, являвшемся с начала XII в. княжеской резиденцией, под завалом разбитой в период Великой Отечественной войны постройки XIV в., удалось обнаружить нижние части храма Благовещения, заложенного в 1103 г. и открывшего собой новую эпоху новгородского зодчества. Вновь найденный памятник по своему плану и художественным особенностям представлял собой прототип упоминавшегося выше Георгиевского собора, расположенного на противоположном берегу Волхова.

Археологические экспедиции, возглавленные М. К. Каргером, впервые обнаружили и вернули отечественной культуре около 30 казалось, навсегда исчезнувших каменных построек первых веков русской истории. Открытия М. К. Каргера касаются однако, не только памятников древнерусского зодчества. Достаточно вспомнить: погребения киевских дружинников, первую ставшую известной ученым русскую художественную мастерскую XIII в.— землянку киевского ремесленника.

В 1952 г. за участие в создании «Истории культуры древней Руси» М. К. Каргеру присуждена Государственная премия, а в 1953 г. он был награжден орденом Ленина. В 1963 г. монография ученого о древнем Киеве отмечена первой премией Ленинградского университета.

Научно-исследовательскую работу М. К. Каргер сочетал с педагогической, партийной, лекторской и административной деятельностью. На его увлекательных по форме и глубоких по содержанию лекциях и докладах воспитано не одно поколение археологов и искусствоведов. Михаил Константинович был одним из организаторов факультета истории и теории искусства в Институте живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской Академии художеств, а в 1939 г. он был назначен заведующим кафедрой русского искусства и заместителем директора института по научной и учебной работе. С 1949 г. до недавнего времени М. К. Каргер руководил кафедрой истории искусства исторического факультета ЛГУ. С 1951 по 1974 г. Михаил Константинович возглавлял группу славяно-русской археологии ЛОИА АН СССР, а с 1964 по 1972 г. он являлся заведующим Ленинградским отделением Института археологии АН СССР. Много сил М. К. Каргер отдал делу реставрации и пропаганды памятников старины.

Труды М. К. Каргера и сегодня служат советской исторической науке. Они представляют собой пример научной долговечности, остаются образцом и необходимым пособием для новых поколений ученых и всех тех, кто интересуется древнерусской культурой.

*А. Н. Кирпичников*

# СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГ — Археология Грузии (под ред. А. М. Апакидзе). Тбилиси, 1959 (на груз. яз.)
АКК — Археологическая карта Казахстана
АО — Сб. «Археологические открытия»
АП — Археологічні пам'ятки УРСР, Київ
АПФГ — Археологические памятники феодальной Грузии. Тбилиси
АС — Археологический съезд
АСб. ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭБ — Археология и этнография Башкирии
АЭМГ — Археологические экспедиции Государственного музея Грузии (на груз. яз., резюме на русск. яз.).
АЭС — Археолого-этнографический сборник
БИАМ — Бахчисарайский историко-археологический музей
БМОИП — Бюллетень Московского общества испытателей природы
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВВ — Византийский временник
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВЯ — Вопросы языкознания
ГЭ ОИПК — Гос. Эрмитаж, Отдел истории первобытной культуры
ДАН АзССР — Доклады АН Азербайджанской ССР
ДМ — Дзеглис мегобари (Друзья памятников культуры). Тбилиси (на груз. яз., резюме на русск. яз.)
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА РАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. СПб
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАИЯЛИ — Известия Абхазского института языка, литературы и истории АН Груз. ССР. Сухуми
ИАК — Известия Императорской Археологической Комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИАЭ АН КазССР — Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
ИИЯИМК — Известия Института языка, истории и материальной культуры АН ГрузССР. Тбилиси
ИКОГО — Известия Крымского отделения Географического общества СССР. Симферополь
ИООИА — Известия Общества обследования и изучения Азербайджана
ИФЖ — Историко-филологический журнал
КД — Каракумские древности. Ашхабад
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИА АН УССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАР — Материалы по археологии России
Мацне — «Мацне» (Известия Академии наук ГрузССР) серия истории, археологии и этнографии. Тбилиси
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МКА — Материальная культура Азербайджана
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва, 1950
ОАК — Отчет Археологической Комиссии
ОИГ — Очерки истории Грузии. Тбилиси (на груз. яз.)
ПАИ — Полевые археологические исследования Института истории, археологии и этнографии АН ГрузССР
ПВЛ — Повесть временных лет, ч. I, П. М.— Л., 1950
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСА — Сб. «Проблемы скифской археологии»
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
Пр. КДІМ — ПрацІ КиІвського державного Історического музею. КиІв
ПЮЗГ — Памятники Юго-Западной Грузии. Батуми
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
САНГ — Сообщения Академии наук ГрузССР
СМАЭ — Сборник музея антропологии и этнографии АН СССР. Ленинград
СЭ — Советская этнография
ТАИЯЛИ — Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН ГрузССР

Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея. Москва
Тр. ГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград
Тр. ИИА АН УзССР — Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР. Ташкент
Тр. ИИАЭ ТаджССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Таджикской ССР. Ашхабад
Тр. ИИЕТ — Труды Института истории естествознания и техники
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
УІЖ — Український історичний журнал. Київ
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград
Изв. УзФАН — Известия Узбекского филиала Академии наук. Ташкент
Уч. зап. ТНИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл
ХСб — Херсонесский сборник
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей Российских. Москва
AA — Archaeologia Austriaca. Wien
AAC — Acta archaeologica Carpathica
AJA — American Journal of Archaeology
AP — Archeologia Polski. Wroc'aw-Warczawa-Kraków
AS — Anatolian Studies. London
BHMG — Bulletin of the Historical Metallurgy Group
EAZ — Ethnografisch-Archäologische Zeitschrift
EW — East and West
IEJ — Israel Exploration Journal. Jerusalem
JNES — Journal of Near Eastern Studies, Chicago
MA — Materialy archeologiczne. Kraków
PA — Památky Archeologické
PEQ — Palestine Exploration Quarterly, London

---

**Адрес редакции:**

**117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19**
**Телефон 126-94-45**

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 18/IV-1977 г. Т-10258 Подписано к печати 12/VII-1977 г. Тираж 3215 экз.
Зак. 2111 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 29,4+1 вкл. Бум. л. 10¹/₂ Уч.-изд. л. 32,6

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10